

президенты.ru

АЛЕКСАНДР МИНКИН

АЛЕКСАНДР МИНКИН президенты.ru

уче⁶ник истории

Выборы-экзамен
а мы прогуляем уроки истории

АЛЕКСАНДР
МИНКИН

АЛЕКСАНДР МИНКИН

президенты ru

Москва
Астрель

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М62

Оформление переплета *Андрей Будаев*

Минкин, А.В.

М62 Президенты RU / Александр Минкин. – М. : Астрель, 2012. – 633, [7] с.

ISBN 978-5-271-37350-3

За последний двадцать один год (1990–2011) рухнул Советский Союз, произошли две Чеченские войны; дефолт; теракты; в Москве танки били по парламенту; появились десятки миллиардеров... Журналист Александр Минкин, политический обозреватель «Московского Комсомольца», автор «Писем президенту», писал о событиях в тот момент, когда они происходили. А иногда и до.

Книга «ПРЕЗИДЕНТЫ RU» создавалась два десятилетия – и сейчас, снабженная современными авторскими комментариями, превратилась в настоящий учебник истории.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Подписано в печать 07.02.12. Формат 84х108/32.
Усл. печ. л. 33,6. Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 1037.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

ISBN 978-5-271-37350-3

© Минкин А.В.
© ООО «Издательство Астрель»

Предисловие

«Из этого кувшина царь Одиссей наливал Гомеру!» — говорит табличка в музее. И вы верите, что перед вами «настоящий исторический кувшин».

Но откройте глаза — перед вами всего лишь осколки. Черепки. Их выкопал археолог, сложил, слепил, замазал швы и дырки цементом... Черепки действительно исторические, а цемент и археолог — современные...

И все-таки это *настоящий* античный кувшин. Эта книга из настоящих черепков. Это настоящая история.

Солідные седовласые дяди пишут учебник истории спустя много лет после событий.

С расстояния в тысячи лет картина удивительно ясная: вот как глупо ошибся Александр Македонский! — напрасно он пошел на Индию. Вот как глупо ошибся Юлий Цезарь! — напрасно он верил Бруту.

Историк находится снаружи. Он смотрит с далекой планеты, куда событие дошло через тысячу лет. Историк легко быть умным — он знает, что было потом. Он видит не только событие, но и последствия.

У историка вдобавок есть время обдумать. Прикинуть так и этак: насморк ли Наполеона привел к Ватерлоо или обострение классовой борьбы.

Мальчишка пишет дневник. Вокруг кипит жизнь с ее страстями стравленными. Ничего понять нельзя — куда идти? что будет завтра?

Мальчишка находится внутри события и не знает, что будет потом, и нет времени обдумать. На тебя наставлен пистолет разбойника: кошелек или жизнь?! И у тебя секунда.

А вопрос негодяйский. Что тебе предложено? Оставить себе что-то одно? Отдать что-то одно? Давайте я оставлю себе кошелек, а вам, господин разбойник, отдам жизнь — так, что ли? Тебя убьют, а кошелек заберут в любом случае.

На тебя наставлен ледяной рыбий глаз лидера: голосуй или проиграешь. Ты «за» или «против»? И у тебя секунда.

Никто не заметил в 1996-м, как похож демократический агитплакат Ельцина «ГОЛОСУЙ ИЛИ ПРОИГРАЕШЬ!» на разбойничье «кошелек или жизнь».

Теперь, из исторического далека, мы видим, что никакого «или» не было. Миллионы проголосовали и — проиграли. Умерли.

Население сократилось (с 1996-го) на восемь миллионов. (Пишут «на два», но это за счет приезжих, а они не голосовали; мигрантов нельзя считать результатом *победы*, они результат *поражения*.)

Миллионы умирают, потому что неправильно выбрали. Потому что согласились выбирать (играть) по правилам разбойника. Он ведь даже не прикидывается добродетельным. Он открыто говорит: ограблю или убью (а потом, конечно, и ограблю).

Он говорит: выбери меньшее зло. И внушает, что Ельцин — меньшее зло, чем Зюганов. Что молодой Путин лучше, чем старый Путин. И так настойчиво объясняет преимущества молодого П. или старого Е., что суть ускользает, и человек *сознательно выбирает зло*.

А как только ты выбрал меньшее зло — оно становится главным, становится самым большим, становится президентом.

Вот оно — всенародно избранное зло; и на что вы жалуетесь? На плохие дороги? На плохую медицину?

Учебник истории излагает позицию авторов. Учебники истории США, написанные негром, белым и индейцем в 1930-х (когда политкорректности не знали, а суд Линча еще случался), различались бы как черное, белое и красное. Трудно было бы поверить, что это — про одну страну, одно время.

Читая собственные статьи, написанные за двадцать один год (за всю историю новой России), автор порой изумленно таращил глаза, как археолог, нашедший авторучку Гомера.

Оказывается, нас все эти годы учили выбирать, а мы не научились. Сперва, по наивности, для руководства демократической Россией выбрали секретаря обкома КПСС Ельцина, а потом он (с рейтингом 2%) взял да и остался на второй срок. А мы вроде бы проголосовали.

Потом он назначил нам подполковника КГБ Путина. А мы вроде бы проголосовали.

Потом Путин нам назначил своего завканцелярией Медведева. А мы вроде бы проголосовали.

Посмотрите на результат. Посмотрите на экран — там убийства, ворьё и ксюши. Посмотрите на улицу — ямы, город будто вчера бомбили. Посмотрите на себя — на вас всё китайское (или итальянское, если вы богаты). Посмотрите на вождей — вы им верите?

Даже если бы они и хотели расцвета России — они просто не умеют это делать. У них мозги не на это заточены, и руки не оттуда растут, и пальцы не туда загнуты.

Люди, прожившие жизнь под властью Сталина и дожившие до XX съезда, узнали, что он был плохой.

Ленин был хороший, а Сталин всё испортил. А вот если бы Ленин жил дольше... — с этой иллюзией выросло так называемое поколение XX съезда.

Но были и другие. Им не надо было ждать XX съезда, не нужен был «Архипелаг ГУЛАГ», чтобы понимать происходящее в ту самую минуту, когда *она* происходит.

Бунин, Набоков, Цветаева, Горький, Короленко... — они всё понимали тогда и написали тогда. И эти их книги («Окаянные дни», «Несвоевременные мысли»), их дневники и письма — вот настоящие учебники истории. Она там натуральная. В собственном соку.

...Кошелек или жизнь? Услышав такое предложение, надо не выбирать, а стрелять первым. Ведь он же сказал тебе, что он убийца, раз предложил выбирать «или жизнь».

Нет пистолета? Не умеешь стрелять? Ну хоть не выбирай, не голосуй «за» — не становись добровольным рабом. Внешнее рабство — ерунда по сравнению с внутренним. Лакейство души неизлечимо, и от него не уедешь, оно и в Австралии будет с тобой.

А выборы... — ну, раз мы не умеем выбирать, то и доверять нам нельзя. Вот они и рисуют сами свои результаты.

В декабре 2011-го вы узнаете, кого вы выбрали своими депутатами.

В марте 2012-го вам расскажут, кого вы выбрали своим президентом.

А книга рассказывает, как мы к этому пришли.

В книгу вошли некоторые тексты из сотен, написанных с 1990 по 2011 годы. Последние десять лет прошлого века, прошлого тысячелетия. И первые одиннадцать лет нового века и нового тысячелетия.

В сумме — 21 год, очко, счастливое число.

Но здесь не только о президентах. Для истории важны армия, спецслужбы, выборы, коррупция. И что думают люди.

Примечания и постскриптумы написаны автором при подготовке книги в печать.

1989

Июль 1989, "L'Hebdo" (Лозанна)

ГОРБАЧЕВ — ЗАГАДКА

Ленин	Сталин	Хрущев	Брежнев	Андропов	Черненко	Горбачев
1870	1879	1894	1906	1914	1911	1917 1931

Горбачев — загадка.

Он родился в 1931 году.

Это первый лидер, родившийся при советской власти, читай — при власти коммунистов.

Это первый лидер, целиком сформированный коммунистической идеологией.

Это первый лидер, решивший отдать власть народу.

Это первый лидер, разрушающий тоталитарную идеологию.

Родную идеологию.

Аппарат родил своего убийцу.

В этом — глубокая закономерность и потрясающий сюжет для историков. Демократию и гласность принесли не диссиденты: не Сахаров, не Солженицын... Демократию и гласность принес аппаратчик.

Сахаров и другие — писали, протестовали, подписывали. Их сажали, ссылали, высылали. И — ничего не менялось. И мир — при всем сочувствии к советским диссидентам — видел: система чудовищна, агрессивна, незыблема. Мир видел: диссиденты бессильны. Мир не ждал перемен от диссидентов. Мир тем более не ждал перемен от очередного генсека. Никто не ждал. Ни Запад, ни Восток, ни Политбюро ЦК КПСС.

Горбачев принес огромные перемены.

Знай Политбюро, что с ним сделает Горбачев, они никогда не назначили бы его генсеком.

До пятидесяти четырех лет Горбачев вел себя как преданный аппаратчик. Он сделал блестящую партийную карьеру — что абсолютно невозможно при малейшем проявлении свободомыслия.

Страшно подумать, какое же нужно было лицемерие, какой постоянный контроль над самим собой. И, думаю, — всегда один. Потому что в тех сферах откровенность — самоубийство. Сколько ж лет он был нелегалом!

Вряд ли во всем ЦК он один лицемерил. Скорее можно предполагать, что там только лицемеры и есть. Это нормально для политиков.

Но не знаю больше никого, кто решился бы, рискуя жизнью, ломать систему, обеспечивающую ему любые потребности.

Любые? Нет. Никакие привилегии, дачи, пайки, никакая власть, даже власть генсека, не давала советским вождям уважения порядочных людей.

Свободный мир боялся, презирал, смеялся, ненавидел. Но нё уважал.

Боялся танков и бомбы. Презирал некомпетентность и нищету. Смеялся над глупостью и маразмом. Ненавидел — ибо некомпетентные маразматики каждую секунду могли начать войну где угодно. И начинали. Будапешт и Прага, Куба и Никарагуа, Ангола и Афганистан...

Люди, покупающие масло в Европе, баранину — в Австралии, обувь — где только возможно, непрерывно внушали западному миру, что он неправильно живет. Плохо живет. Умирает.

Запад умирает, но продолжительность жизни на Западе растет. А у нас — сокращается. Запад живет плохо, но уровень жизни там — растет, а у нас — падает... Логика никогда не интересовала наших вождей, ибо отсутствие логики не влияло на наличие привилегий.

...Вначале я совсем не верил в Горбачева. Не верил, что он хочет изменить систему. Не верил, что он способен на это. Да он, вероятно, и не собирался менять политику. Во всяком случае, его беспокоила только экономика.

Летом 1986-го я скептически наблюдал по ТВ очередную «встречу с народом». Скептически — ибо все они похожи одна на другую.

ГОРБАЧЕВ. Вы — за перестройку?

НАРОД. Да, да, да!

ГОРБАЧЕВ. Но проблемы еще есть?

НАРОД. Колбасы нет! (мыла, жилья...)

И вдруг Горбачев сказал:

— Конечно, дело не идет. Ведь у нас восемнадцать миллионов аппаратчиков!..

Я чуть не упал со стула. Знал, что их много. Но услышать число из уст генсека, да еще в резко критическом контексте!..

18 000 000! Я представил себе 18 000 000 винтовок, направленных в одного человека. И стало страшно за Горбачева. Ведь аппарат — единственная реальная правящая сила. Бездушная, некомпетентная, опасная.

И вот нашелся человек, решивший начать войну с этой силой. Отнять у них привилегии. Отнять у шестидесяти миллионов (аппаратчики + члены семей)!

Это — ненависть справа.

А слева? И слева, увы, тоже. Ибо другой слой, который пострадал от Горбачева, — это диссиденты. Он *сделал* больше, чем они решались *говорить*. Он так сильно критикует систему, что люди, сделавшие критику СССР своей профессией, остались без работы. Достаточно сказать, что теперь «Голос Америки», «Свобода» и т.п. ежедневно читают нам по радио наши же статьи из «Огонька», «Московских новостей», других официальных газет и журналов.

А народ? Любовь народа не завоевана. Ибо страна не накормлена. Водка дорогая, сахар и мыло — по карточкам, инфляция, беспорядки...

Республики? Прибалтика считает, что Горбачев дал мало свободы. Средняя Азия — что слишком много.

Кто же доволен? Интеллигенция. Все те, кому возможность читать что хочешь и говорить что думаешь — дороже всего. Сколько нас — я не знаю. Но опора мы не очень прочная.

Запад, конечно, без ума от Горбачева. Это приятно и понятно. Он признал права человека, разоружает Европу, вывел войска из Афганистана. Он гениальный политик, обаятельный человек, а по контрасту с Брежневым — просто верх совершенства. Но любовь иностранцев, как и любовь интеллигенции, — слабое обеспечение в борьбе за власть.

Одному богу известно, как Горбачев при всем этом удерживает власть.

Он — гениальный режиссер. Он непредсказуем. Если бы он был последователен — он бы, вероятно, не удержался.

Но он, мне кажется, способен мгновенно отказаться от плана, если меняются обстоятельства. Он исходит только из ситуации, а не из теории. Поэтому «они» никогда не могут предугадать его очередной «ход». И — проигрывают.

На Красной площади сел крошечный самолетик. Никто не пострадал. Но *в тот же вечер* был снят министр обороны и еще несколько крупнейших военных.

На площади Ленина в Тбилиси танки шли на людей, армия саперными лопатками и боевыми газами убивала женщин. И вот уже три месяца «изучают», создают бесконечные комиссии. И никто из армейских не наказан.

Ельцина убрали из Политбюро за то, что он увольнял старых партийных чиновников городского масштаба.

Но Ельцину никогда и не снилось уволить сразу сто десять человек из ЦК — из высшего слоя. А Горбачеву это удалось. Может быть, потому, что все привыкли, что он убирает брежневцев по одному, по два.

Он рискнул убрать Лигачева* в сельское хозяйство. Он рискнул убрать сразу сто десять человек из ЦК. Но он не рискует убрать Щербицкого — первого секретаря ЦК Украины.

Он совершает серьезные ошибки: госприемка — рождение новых тысяч аппаратчиков; антиалкогольная кампания — рождение миллионов самогонщиков и талоны на сахар...

Он одерживает блестящие победы: разоружение, уход из Афганистана, политическая реформа...

Но нет последовательности. Усманходжаев — бывший первый секретарь Узбекистана — в тюрьме, а Алиев — бывший первый секретарь Азербайджана — произносит самовосхваляющие речи на Пленуме ЦК КПСС.

Горбачев все время высказывается против многопартийной системы, настаивает на «руководящей роли КПСС». Многим это не нравится. Но, согласитесь, какая разница, *что* он гово-

* Самый влиятельный тогда член Политбюро.

рит. Важно, *что* он делает. Никто не сделал столько, сколько Горбачев, для свободного обсуждения проблемы многопартийности. Никто так, как он, не потеснил КПСС с командных позиций.

В чем же его мотивы? Вот загадка.

И как было бы хорошо, если бы он мечтал войти в историю как величайший реформатор.

Разгадка придет нескоро. Если вообще придет. Возможно, мы что-то узнаем только после смерти героя. В этом случае предпочитаю ждать как можно дольше.

1990

26 июля 1990, «МК»

СОЛДАТЫ НЕУДАЧИ, СОЛДАТЫ НЕСВОБОДЫ*

А как первая война — так ничья вина.
А как вторая война — чья-нибудь вина.
А как третья война — так моя вина.
А моя вина — она всем видна.

Булат Окуджава

Первым, кажется, их показал Подниекс**. Мы увидели калеку. Ветерана. Инвалида. Мальчишку без ноги. Одного. Теперь нам показывают их помногу. Без ног, без рук. Невозможно смотреть без слез. Нам показывают и «цинки», и рыдающих матерей, и рыдающих вдов. И афганцы хмуро рассказывают в камеру, какая там была святая дружба, а здесь, на гражданке, всё не так, и много грязи, равнодушия, вранья...

И в газетах — афганцы, и по радио. Радиостанция «Юность» сделала передачу по песням афганцев. И воины Афганистана пели свои суровые, романтические, мужественные песни. И кто-то из них спел про гусарские доблести, про эполеты и кивера, и сказал, что чувствует себя наследником и продолжателем Дениса Давыдова — тот тоже сражался и сочинял песни и тоже участвовал в партизанской войне.

* Текст был написан в 1988-м. Напечатать его не удалось даже в хрестоматии «Огоньке». Летом 1990-го публикуемый здесь фрагмент вышел в «МК».

** Советский документалист-прибалт.

Тоже? Кто ж так свихнул нам мозги?

Денис Давыдов — в том-то и дело — не воевал с партизанами. И никогда вернувшегося с войны в Германии не называли немцем, вернувшегося с Шипки — болгаринном, с Азова — турком, из-под Казани — татаринном: никогда, ни в каком веке, ни в какой войне.

Почему к нашим ребятам приклеилось чужое имя — «афганец»? Не потому ли, что — чужая война? И всегда были у нас *солдаты* — даже в Великой Отечественной. А эти — не иначе как воины. Воины-интернационалисты. Вот как гордо. Даже теперь, когда уже решаемся называть эту войну трагической ошибкой*, продолжаем внушать афганцам, что ошиблись большие начальники, а им, нашим мальчишкам, нечего стыдиться. Но разве они стреляли только в душманов?

Мне они рассказывали другое. Рассказывали просто. Не гордясь собой. Но и не раскаинаясь. Пели мужественно: «В людей стреляет, как по мишеням, моя рука». Так что же, третья война — не моя вина?

Мы наших «афганцев» должны в кавычках писать. Потому что есть настоящие афганцы, без кавычек. Они тоже погибали там, в Афгане. И в сотни раз большим числом. И не только мужчины, но и старики, женщины, дети. И нам очень не хватает одного, пусть пятиминутного фильма о тех афганцах. И не про школу, где их учит шурави, и не про больницу, где их лечит шурави. А про их кровь и их смерть.

Планка подымается. Раскопаны ямы в Куропатах. Раскопают архивы НКВД. Рано или поздно нам всё придется сказать всем. А главное себе. Всё равно придется. Зачем же ждать, пока это сделает другой.

P.S. Слово «Катынь» было под запретом. На дворе еще стояла советская власть, а каждый номер «Московского комсомольца» нес в шапке имя хозяина: «Газета МГК и МК ВЛКСМ», причем «МК» означало Московский областной ко-

* Стоит уточнить: написано было *за год до* конца войны, за год до вывода 40-й армии, а опубликовать фрагмент удалось через год после вывода войск.

Горбачев

митет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, а МГК — всё то же самое, но городское.

За десять лет через Афган прогнали, можно сказать, всю армию. И не только. Через Афган прошло несколько призывов. Они принесли домой фронтовое братство, жестокость к чуркам и ненависть к своим властям, которые погнали их в чужую страну неизвестно зачем. Да и в народе, состоящем из пап и мам этих мальчиков, их бабушек и подруг, война была непопулярна. Газеты о ней молчали, телевизор молчал, но цинки-то шли во все города СССР. И на всех кладбищах появились ряды могил с именами двадцатилетних.

1991

Январь 1991, «Огонек»

БРОНЯ КРЕПКА

Кино-театр ордена Ленина Забайкальского военного округа

АЛЕША ПЕШКОВ. Маленьких всегда бьют?
БАБУШКА. Всегда.

М. Горький. Детство

В тот вечер в Доме кинематографистов нам показали документальный фильм «Дембель-91». У слова «документальный» оказался тяжелый криминальный смысл. В самый раз на несколько лет строгого режима.

«Дембель» снимали в двух местах нашей Родины. В парке культуры и в казарме. В столице нашей Родины, в ЦПКиО имени Горького. И в ордена Ленина Забайкальском военном округе.

В парке — праздник. Лихая морская пехота. Тельняшка в обтяжку, берет вертикально сидит на затылке (чудом? на заколках? — вечная загадка).

Немногие облапили подруг. Но в большинстве это мальчишник. Широкие груди, мощные бицепсы. Обученные, гордые, годные к строевой, гаранты победы. Все веселые, потные, все под газом. Их лучше не задевать, они только и ждут, чтоб на кого-нибудь обидеться. Из репродукторов льются бодрые песни.

Праздник снимали минут двадцать. Может, сорок.

Казарму снимали полтора года.

Будни — дело долгое.

За долгие месяцы личный состав привык к кинокамере. Перестал ее замечать. Перестал стесняться. И тогда камера увидела то, что некоторые маршалы считают вымыслом и клеветой, но от чего некоторые рядовые вешаются. Камера увидела «дедовщину»*.

— Упор лежа принять! Встать! Упор лежа принять! Встать! Упорлежапринять! Встать! Воздух! (Надо упасть ничком, головой влево — там, видимо, взорвалась атомная бомба, хотя всё это происходит в коридоре, где слева — сортир.) Встать! Вспышка справа! Встать! Упорлежапринять! Встать! Воздух!

Всё это делается стремительно, а продолжается бесконечно. Ночь. Все спят. «Дедушка» воспитывает салагу. Кому не спится в ночь глухую? Спит ли мама салаги? Наверное, нет. В Забайкалье — ночь. В Москве — вечер. Мама сидит перед телевизором, смотрит парламентские дебаты о правовом государстве, о необходимости защитить Советскую армию от желтой (теперь не говорят «антисоветской») прессы.

Кино. Первый год

Исполнение священного долга перед Родиной начинается не с частного — начинается с государственного унижения. Новобранцев стригут наголо. Может, так и надо. Бог его знает. Может, нет другого средства от вшей. Но зачем так грубо? Зачем такая тупая, рвущая волосы машинка? Ручная, допотопная. Нигде в мире таких не осталось. Мы бережем, в музей не сдаем. Все лучшее — детям. Ладно, машинка — дрянь, но зачем процедура эта идет с насмешкой, с издевкой, с тычком, с пинком, с матерком? Верно, чтоб стал мужчиной. Другого ответа искал — не нашел.

В кадре мелькнули провода. Одна плачущая мать, другая... Родина-мать зовет, а родная мать плачет. Плачут ли французские, шведские, немецкие матери, провожая сыновей в армию? Интересно бы знать.

* Тогда это слово писалось в кавычках.

Новобранцы летят в самолете. «Высота десять тысяч метров. Температура за бортом минус 50°С». Летят туда, где эта температура зимой спускается из стратосферы к людям.

Прилетели. При Николае I — Читинский острог. Теперь — ордена Ленина Забайк. воен. окр. С кем тут воевать? Соседей двое — выбор невелик*.

Но роте не до противника. Дизентерия то ли началась, то ли вот-вот начнется. Роте раздают газеты. Рота, спустив штаны, сидит орлом вдоль опушки. Каждый орел — над своей газетой. Названия упустил разглядеть, но вряд ли «Литературка»**. Звучит команда (здесь и далее мат опускаю):

— *Пока последний не пострёт — рота будет сидеть!*

У «последнего» глаза на лоб лезут от стараний. А как же? Ведь всю роту держит над газетами с дерьмом (вот уж впрямь желтая пресса, прости господи). А издевательства «последнему» гарантированы. Спасибо, если не побьют.

Здоровье — важно. Здоровье армии — очень важно. Анализы необходимы. Но почему на каждом шагу надо топтать мальчишек? Вероятно, многие впервые в жизни оправляются публично. Коллективно-ответственно. По знаменитой формуле: один за всех — все за одного!

Вам неприятно читать? Братья и сестры! Дорогие мои! Мы выдержали жизнь — ужели не выдержим кино?

Казарма — кривые окна. Сортир — кривая плитка. Серость. Убожество. Разруха. Солдаты и офицеры живут не замечая. В задачках по геометрии это называется «дано». Дано — и всё тут. А что «требуется доказать»?

Столовая во дворе. Столы, лавки, ложки, миски, колючая проволока... Стоп! Камера киношников уже привыкла к пейзажу ордена Ленина Забайкальскому: скользит по баракам, по колючке — не замечает. Камеру интересует «розлив» супа. Но мой взгляд напоролся на колючую проволоку, повис на ней.

* В расчете на читательское знание географии не написал «Монголия и Китай».

** Это лукавство. Названия газет на экране читались отчетливо: «Правда», «Красная Звезда», но редактор «Огонька» счел это избыточной наглостью. Поправил.

Зачем, Господи? Кого от кого отгородили колючкой в ордене Лен. и т.д.? Столовую от барака? Я не против, но хотелось бы понять смысл. Пытаюсь вспомнить план Освенцима, пейзажи «Архипелага» — нет, вроде бы там только по периметру.

...Надо ли так далеко летать — в Читинский острог. Недавно гулял со своей собакой и с чужой француженкой по дворам Преображенки. Вдруг француженка ахнула, закричала: “*La terreur! La terreur!*” («Ужас! Ужас!») Гляжу — газончик огорожен колючей проволокой. Люди идут, детки играют — никто не видит. И я не замечал. Да, говорю, плохо, ржавая, ребенок поцарапается — столбняк подцепит. А француженка меня не поняла. Ее не ржавчина ужаснула, оказывается*.

Теперь думаю — всё к лучшему. Вырастут детки на Преображенке — легче перенесут Забайкальский острог.

Хватит ужасов. Давайте посмеемся. В 1981 году я поехал выступать в Киров. Вечером во Дворце Политпросвещения просвещал кировскую элиту насчет театра абсурда**. Черт меня дернул. «Для примера, — говорю, — вообразите: иду сегодня впервые в жизни по вашему городу, на всех витринах огромными буквами МЯСО МАСЛО МОЛОКО СЫРЫ КОЛБАСЫ, а ведь все знают, что ничего этого нет — одно пшено, но идут вятичи спокойно, кирпичом по издевательским надписям не шарахают; чем не театр абсурда?» Просыпаюсь ужасно рано от телефонного звонка: «Ваши лекции отменяются, быстренько сдайте номер, внизу машина, у шофера билет на самолет». Выслали из Вятки в полчаса. А куда? В Москву, где эти надписи тогда соответствовали. Спасибо, не в психушку.

Казарма. Вечер. Москвич-салага наговаривает звуковое письмо маме в Москву. Слова говорит хорошие, голос добрый,

* Теперь живу в Куркино (окраина Москвы). Лес огораживает колючая проволока в несколько рядов, спиралями, с режущими пластинками-ножичками. Это еще один кусок Управления делами Президента. Проволока новенькая, совсем не ржавая.

** Был безработным. Командировки от Всесоюзного общества «Знание» малость подкармливали. 4 руб. 50 коп. за лекцию плюс 2 руб. 60 коп. суточных.

неторопливый. На трудности — парень крепкий — не жалуется. Жалуется немножко на тупость бамбуков, урюков. Тормозят урюки успехи роты. Мама посочувствует.

Поле. На поле танки. Хриплый монотонный радиоголос капитана:

— *Пятый, вперед!.. Пятый, вперед!.. Пятый, вперед!..* (Мат опускаю.) *Пятая машина, вперед!.. Пятый, вперед!!!*

Но танки наши не быстры. Все боевые машины стоят. Вот, слава богу, одна случайно поехала. Кажется, совсем не пятая.

Казарма. Капитан в ярости, в бешенстве:

— *Ты слышал мою команду?! Слышал?!*

Перепуганный парень — будущий механик-водитель — бес-толково тарашится, мотает головой: «Не-а».

— *Не-а, не-а! А ты эту ху-ню подключил?!!*

Спасибо, не ударил. Только со злобой дернул капитан солдата за какую-то тянущуюся от шлема штучку. Теперь парень запомнит, как она называется, и сам не забудет подключить, и другим про эту ху-ню объяснит.

Святая воинская присяга в Забайкалье. Чудовищные ошибки, немыслимые ударения, некоторые слова совершенно нельзя понять. Это не акцент. Это механически заученные звуки незнакомого языка. Это присягает урюк.

Слышишь и понимаешь: парень впервые в жизни говорит по-русски. (Опускаемые в этих заметках слова он, конечно, уже знает. Но ведь они не русские. Мат — это скорее международный код, передающий не столько информацию, сколько эмоцию.)

— *Кыланюз ны пыщыдыт...*

Это он клянется отдать жизнь за Отечество. Над ним можно поиздеваться. А можно — пожалеть.

Но стоит подумать не только об урюке, но и об армии.

Давайте спросим психологов: чувствует ли человек хоть какую-то ответственность — не говоря уж о священном долге — за клятву, произнесенную на чужом языке? Давайте спросим: не стал ли за месяцы унижений этот чужой язык — язык клятвы — языком врага? Давайте спросим урюков и бамбуков: как они называют нас на своем языке? (Я спрашивал — не сказали.)

Давайте подумаем: почему литовец, узбек, армянин должны на русском языке клясться отдать жизнь за Родину? Сколько стоит такая клятва? Думаете — ломаный грош? Нет — миллиарды.

Призыв провалился весной, провалился осенью и, если дело у нас обойдется без Пиночета, провалится и будущей весной. Кто тогда будет подключать ху-ню, чтоб услышать: «Пятый, вперед!»?

Христианин, поклявшийся на Библии (даже вынужденно — скажем, по требованию судьи), вероятно, ощущает долг. Но представьте: православного заставили клясться на Талмуде или Коране. Армия едина, и Бог един. Но захочет ли русский перекреститься на синагогу?

Русский — государственный. Русский — язык межнационального общения. Единая армия для защиты единого Союза и т.д. — всё верно. Но от кого?

Даже сумасшедший Хусейн кинулся на жирный Кувейт. Кто кинется на нас — нищих? На наши убогие заводы по производству брака, на нашу переотравленную землю? Шведский захватчик через литовскую брешь? Шведский солдат, чья казарма больше похожа на гостиницу ЦК КПСС, чем на нашу казарму?

Господин Коль?* Погонит в Германию? Захватит Чернобыль? Что вывезет? Всё, что годится, вывозим сами. И рабсилу не надо угонять — сама рвется, сама за билет платит и с готовностью переплачивает — только пусти.

Японцы? Захватят Дальний Восток? Разрушат церкви? (Сколько сами разрушили — никакие гитлеры не побьют рекорд.) Начнут насиловать? Ой, вряд ли. И зачем насиловать? Кто-нибудь видел, чтоб девушка сопротивлялась иностранцу?

От кого защищать должен урюк? Кто его бил, грабил, унижал?

А главный вопрос: *кого* защищать собирается наша армия? Солдатским матерям — и русским, и узбекским — не вижу угрозы.

* Тогдашний канцлер.

Начальников? Но в присяге не говорится, чтоб за... (На этом месте я усомнился, немедленно позвонил сыну — он «дембель-86»: ну-ка, говорю, произнеси присягу. Он начал и на первой же фразе сбился. — Не могу, забыл. — Вспомни! — Он пыхтел, пыхтел — никак. А ведь на родном присягал, не на чужом.) Так вот, в присяге не говорится, чтоб за начальников умирать (что мы, кстати, и делаем; и в мирное время больше, чем за войну). В присяге говорится: защищать Родину. Хорошо. Только давайте разберемся — кто ей враг.

Кино. Второй год

Казарма. Наш рядовой, которого стригли, которого гоняли, который маме на бамбуков жаловался, стал сержантом. Теперь сам гоняет.

— *Отбой!* (Стремительно разделись, кинулись в койки.) *Газы!* (Надели противогазы.) *Подъем!* (Вскочили, построились.) *Отбой!* (По койкам.) *Подъем! Отбой! Подъем! Отбой!..*

Все это делается стремительно, а продолжается бесконечно. В противогазах. Кто-то задыхается. Лица не видно. Рожа с хоботом. Нехай задыхается. Небось не помрет.

Устал гонять. Смиловался. Лежат мальчишки под одеялами. Слава богу, без противогазов. Укрылись — лиц не видно. Заснуть хотят или поплакать?

Сидит на табуретке умаявшийся «дедушка»-наставник, опечаленный их нерасторопностью, и грустно, с обидой, человечно, негромко:

— *Изверги. Пидарасы. Кто меня отнесет спать?*

В кадре «гоняют» минуту. В съемке — полчаса. В армии — два года. В СССР — всю жизнь.

Спокойной ночи.

А капитан (пятый, вперед!), гляди-ка: уже майор! Лицо ласковое — отец солдатам. Говорит о духовности, о священном долге, о незабываемом светлом дне присяги:

— *Вы будете ее помнить всю жизнь!*

Интересно, верят ли мальчишки, обязанные слушать и не возражать, — верят ли они в его искренность? Я бы поверил, если бы не ужасное косноязычие, с коим идейный майор вы-

талкивает изо рта заученные слова. Что ж это у него с русским языком? И ведь не урюк, кажется.

Казарма. Вечер. Наш дедушка опять маме звуковое письмо наговаривает. Рассказывает, как заботится о молодых, воспитывает их, как вчера ночью подняли по тревоге, раздали оружие, повели к самолету, но в последний момент, уже на трапе, его и еще кого-то оставили, а друзья полетели воевать, а он не полетел воевать в Карабах, а жаль — такой шанс отстрелять партию этих гадов... (По интонации ясно: речь не о политической партии, а просто о большом количестве людей — как, скажем, партия товара.)

Тишина в казарме. Мертвая тишина в Белом зале Дома кино. Такого искреннего текста здесь еще не слышали.

Потерпите, сейчас вернемся в Парк культуры. Только еще одно фото на экране — парень, повесившийся на седьмом месяце службы. Вторично мелькают начальные кадры. Мы видим: вот его провожают, вот стригут «под ноль». Теперь (зная!) кажется, что еще тогда, весной 1989-го, по слегка печальному лицу было видно — не выдержит. Ну да что говорить!..

Конец! ЦПКиО имени Горького. Веселые. В тельняшках, в беретах. Здоровые. Малость грубоватые, слегка поддатые. Музыка гремит. Тени удлиняются. Чем кончится праздник, когда солнце зайдет, а газу добавится? Подерутся между собой? Или кто-то из прохожих, сам того не зная, «обидит» и тем даст молодым мужикам вождеденный долгожданный повод...

Театр

Кино кончилось. Зажегся свет. Начался спектакль.

Чем театр отличается от кино? В театре артисты живые. Они приехали к нам в Дом кино, в город-герой Москву, — артисты ордена Ленина Заб. в. о. Только что мы видели на экране, как этих мальчишек мордовали. Видели, как они, став «дедушками», сами стали мордовать. Только что он грустил — «изверги, пидарасы, кто меня отнесет спать?». Только что огорчился в письме к маме, что упустил «шанс перестрелять партию этих гадов».

И вот он перед нами во плоти — скромный, аккуратный, взволнованный блондин. Он в форме. Он дембель-91, ему еще

служить полгода. Он делится секретами актерского мастерства. Пытается рассказать, что фильм «не совсем документальный». Мол, «играли» по просьбе режиссера. Особенно уличающе сержант упирает на слово «монтаж», думая, очевидно, что это слово — антоним документальности. Но монтаж — бог с ним. Мы-то понимаем, что снимают год, а смотришь час.

Вот насчет «играли» — интересно. Если так — эти ребята гениальные актеры. Но спокойно, еще не завтра Шварценеггер и Сталлоне потеряют работу. Спектакль в Доме кино выходит за рамки искусства, ситуация криминальная. В зале группа преступников. Какая? — вот вопрос.

Если кино документальное — значит, герои фильма многократно совершали воинские преступления. «Дедовщина» карается по Уголовному кодексу. Их ждет дисбат. И это накануне дембеля, накануне свободы!

Если сцены «дедовщины» разыграны — значит, это не документальный фильм, а фальшивка, клевета на Советскую армию. Значит, надо судить и карать съемочную группу.

На сцене микрофон, две группы. В зале публика.

Киношники. Не судите слишком строго этих ребят; мы выбрали для съемок лучшую, образцово-показательную воинскую часть; в фильм включили только самые безобидные эпизоды; слишком черное мы даже не снимали; дело не в сержанте, а в системе.

Военные. Фильм — фальшивка, в армии всё не так, «дедовщина» исчезла, приезжайте — увидите (в последнее — верю. Если приедем, мордобоя нам не покажут), всё изменилось (в это верится с трудом. С чего вдруг?).

Из орд. Лен. Заб. привезли на премьеру трех сержантов. Героев документального фильма? Артистов? С ними прибыл полковник — начальник политотдела дивизии. Полковник-режиссер наклонился к уху очередного парня, и тот покорно шел к микрофону, бесцветным голосом бубнил «не совсем документально», «монтаж», «играли». Один тезисы полковника на ладошке записал. Как школьник, подглядывал в шпаргалку. Не стоит придирааться, уличать во лжи — парни спасали не столько честь мундира орд. Лен. Заб., сколько свою свободу.

Давайте оставим их всех в покое — киношников-клеветников и парней в форме, которых не хочется называть садистами (а были в зале и матери солдат, погибших в армии, повесившихся, — их речи лучше не вспоминать). Оставим это. Лучше еще раз подумаем об армии.

Школа

До зевоты надоели статьи о «дедовщине», теледебаты, письма о «дедовщине»: безобразие! уродливое явление! прикажите закончить с «дедовщиной», маршал Язов!* издайте указ, товарищ президент!**

Сколько можно называть «дедовщину» уродством? — то есть отклонением от нормы. То, что происходит бесконечно и повсеместно, — норма. Урод — тот, кто вешается от нормы.

Покончившие с собой тоже полезны и необходимы. Они — пример для неподражания. Вот что будет с тобой, парень, если окажешься хлюпиком, станешь плакать и страдать.

Научись не страдать — не повесишься.

Не страдаешь — живешь.

Не страдаешь сам — не будет жалости к другому.

«Дедовщина» — уродливое явление? Отклонение? Армия — норма. И «дед» — норма. Отклонившиеся вешаются, уроды. Норма живет и побеждает.

Полковник-начполит тоже вышел к микрофону:

— Не готова современная молодежь к армии. Дорогие родители (смотрел он в этот момент своей речи на матерей, потерявших сыновей), дорогие родители, надо ребят получше готовить!

Разве? Разве не готовы? Если вешается в этом аду один из десяти тысяч — значит, наши мальчики готовы к нашей армии на 99,99%.

Ничего случайного в «дедовщине» нет. Она — в нынешней обстановке — *необходимейший* элемент армии. Внешнего врага нет. Внутреннего — всё больше. Бить своих надо не только уметь, но и мочь.

* Министр обороны СССР.

** Горбачев.

Новобранца унижают, оскорбляют, бьют. Или привыкаешь, или вешаешься. Большинство привыкает. Перестают плакать, перестают замечать. Отучаясь чувствовать оскорбление — а тренируют бесчувствие в яслях, в детсаду, в школе, а у многих и дома, — научаешься *спокойно* (нормально) оскорблять. Став «дедом», оскорбляешь и бьешь *спокойно*.

Сперва делают бесчувственным к собственному унижению, потом стимулируют унижать и бить. Потом человек готов для сапёрных лопаток*, для стрельбы разрывными по гражданскому населению — дайте только шанс.

Нашей власти нужна такая школа. Без «дедовщины», не отбив у человека человеческое, не заставишь выполнять бесчеловечные приказы.

Внутренний враг — не оккупант, не жег твою хату. Для выполнения некоторых приказов мало иметь в руках автомат или лопатку. Надо иметь еще и заряд ненависти. Где ее взять? Ее выдают новобранцу, его заряжают. А обратить ненависть в нужную сторону, в сторону «гадов» — пустяк.

Артема Боровика в американской армии шокировал плакат «Убей советского!» (или коммуниста — не помню). Без заряда ненависти нет солдата.

Иные страны набирали наемников, безжалостных к коренному населению. Отечество располагало казаками, ненавидящими москалей, и без угрызений совести полосовали всадники студентов и пролетариев на питерских мостовых.

Для того и везут парней далеко от дома. Потому и требуют республики, чтоб служили солдаты в родных местах**.

Майор молодец. Он заряжающий. Зарядил в учебке и отправил, а двух-трех пригрел — отец родной — и внушил: знай мою доброту.

* Тогда выражение «сапёрные лопатки» автоматически понималось как жестокий разгон митинга.

** Через год эти республики СССР стали независимыми государствами. Русские там мгновенно превратились из старшего брата в людей второго сорта, третьего сорта. Это стало личной катастрофой для многих миллионов.

И не удивлюсь, если пригретые полюбили его. Искалеченные души способны искренне лизать бьющую руку.

«Дедовщина» сохраняет боевой дух. Чем иначе его добыть? Косноязычными рассказами о врагах социализма? Вдохновляя пацанов идеями Ленина? После Афгана этот поезд ушел и не вернется.

Передовые умы — либералы, межрегионалы* — призывают к военной реформе. Мол, профессиональная армия нужна. И деньги подсчитали — кажись, наскребем.

Братья и сестры, зачем вам профессиональная армия? что будете с ней делать? какие задачи решать? Профессиональная армия — это мощная техника, авианосцы, ракеты, компьютеры. Против демонстрантов оно как-то слишком. В нестабильной, раздираемой конфликтами стране нам только мощной профессиональной армии не хватало! Может, мы только потому и живы, что наша армия — плоть от плоти нашего народа (советского). Такая же халтурщица и бракодел с раздутым до полной неподвижности генералитетом.

Да разве в деньгах и технике дело? Чтобы создать такую армию, о которой грезят наяву некоторые депутаты, не с сержантов надо начинать. И не с генералов. С яслей. С роддомов. С воспитательниц в яслях... Эх, да что говорить!

...На премьеру в Дом кино из орд. Лен. Забайкальского военного округа доставили и майора. Того самого «пятый, вперед!». Если и он «играл» — продать майора в Голливуд. Майор там самого Марлона Брандо затопчет.

Полковник-умница посылал к микрофону сержантов. А майор сидел стиснув зубы. Ни звука. Вот кто попал! Вот кто вляпался с этим кино по самое не могу.

Матери погибших готовы были растерзать мальчишек-сержантов. Что они сделали бы с майором — страшно подумать. Он и не лез вперед, хоронился за спинами. Даже мне — журналисту — побоялся отвечать.

- Грозят ли сержантам наказания? — спросил я полковника.
- Уверяю вас, никакие наказания их не ждут.

* Межрегиональная депутатская группа: Сахаров, Собчак, Попов, Ельцин, Афанасьев...

— Грозит ли что-либо майору?

— М-м-м... — Полковник избежал ответа.

Берегите майора, полковник. Теперь майор ученый, теперь он самый надежный майор в танковых войсках, и заряд его огромен. Он никогда не заговорит с прессой — разве что высунувшись по пояс из башни, через мегафон, направленный туда же, куда смотрит хобот орудия.

Мы стоим на площади. На нас смотрят глаза майора, глаза стволов и бельмо мегафона.

P.S. Написал в октябре 1990-го. Коротич не разрешил публикацию. Текст лежал, ждал случая. Когда Коротич уехал в Америку (в командировку), заметку поставили в номер. Он уже был в типографии, когда танки пошли на телецентр в Вильнюсе. Журнал с «Броней» вышел через три дня. Читатели были уверены, что написано «в связи с событиями». Тогда весь мир был шокирован: Горбачев — и танки?!

30 апреля 1991, «МК»

ХЛЕБОМ НЕ КОРМИ — ДАЙ СКАЗАТЬ

Фрагменты

Не слишком приятно наблюдать проельцинские манифестации. Мол, уйдет Горби, придет Борис и... Да ни уя не выйдет, как сказал бы Веничка Ерофеев.

Горби, уходя, не заберет с собой ни убогую армию, ни преступный КГБ, ни восемнадцать миллионов аппаратчиков. Все они останутся Ельцину. Нам. А это двадцать — двадцать пять миллионов реально сильных. В случае «победы» Ельцин станет заложником тех же сил, кто сегодня делает шута из президента.

Один привел в Москву вооруженные силы, другой толкнул сотни тысяч безоружных людей на автоматы. Обошлось. Ну а если б из толпы «демократов» один провокатор или идиот сданул бы очередью по войскам?

Горбачев и *Ельцин* создали в Москве 28 марта обстановку, когда в минуту могли быть перекрыты все кровавые рекорды перестройки. Все Карабахи-Баку-Вильнюсы-Тбилиси вспомнились бы как порезанный пальчик.

Я не вижу принципиальной разницы между секретарем обкома и гауляйтером. Задачи те же: подавление всякого сопротивления, репрессии и выколачивание плана. Гауляйтеру (почеловечески) даже простительнее. Как-никак он имеет дело с врагами, с недочеловеками. А секретарь — свой, русский, народ-и-партия-единый. И на вчерашнего гауляйтера возлагать демократические упования... Ох.

20 августа 1991 (второй день путча ГКЧП),
“L’Hebdo”

ШЕСТЬ ЛЕТ ТВОРЕНЬЯ

Эпоха Михаила Горбачева началась в апреле 85-го. Тогда никто не верил ему. Ни в России, ни на Западе. Согласно легенде, только Маргарет Тэтчер сказала: «С этим можно иметь дело».

Я был уверен, что она ошибается. Первые шаги Горбачева показали — *очередной аппаратчик*. Но мы, конечно, радовались.

Мы устали от живых мертвецов. От маразматиков, даже «здрасьте» говорящих по бумажке. Устали терпеть позор и насмешки Запада. Всё, что производили в стране, — это ракеты и анекдоты. Достоинством Горбачева была молодость.

Мы радовались, что не стал генсеком ни Романов (Ленинград), ни Гришин (Москва) — твердолобые сталинисты. Достоинством Горбачева было отсутствие черной биографии. Он не боролся против культа Сталина, но зато не был замешан в свержении Хрущева.

Итак: молодость + отсутствие тяжких преступлений — вот и все поводы для радости.

До воцарения Горбачев ведал сельским хозяйством. Состояние нашего с/х исключало возможность радужных надежд на деловые качества нового генсека.

Увы, первые шаги Горбачева подтвердили все опасения. Горбачев ввел госприемку. Вместо того чтобы уволить плохого рабочего, добавили еще одного контролера. Контроль контроля. В стране появились *десятки тысяч* новых чиновников-«контролеров в квадрате».

Неужели Горбачев не понимал, что этот процесс бесконечен?

Он объявил «ускорение» и «компьютеризацию»*. Всё это было до боли похоже на китайский «Большой скачок» с маленькими домнами возле каждой фанзы.

Он боролся с алкоголизмом. Запретил продавать водку везде, кроме специальных магазинов. Рабочий класс и крестьянство (и, увы, интеллигенция) выстроились по всей стране в трех-четырёх-пятичасовые очереди.

Пить не перестали. Горбачев вдвое поднял цены на водку. Весь народ начал гнать самогон (даже столичные кинорежиссеры). Исчез сахар.

Короче говоря, Горбачев продолжал безумное партийное руководство. СССР продолжал жить по Оруэллу («1984»). Идеология определяла экономику.

Только в 1987-м — когда Горбачев объявил гласность и демократизацию — наши сердца повернулись к нему.

Он выпустил Сахарова. Он вывел войска из Афганистана. Он договорился с США. (Было очень приятно видеть, как наш руководитель *политически* обыгрывает президента Америки, а раньше было наоборот.)

Но чем дальше шла гласность, тем ожесточеннее становилось сопротивление аппарата. Слишком много сил и интересов бушевало в стране. И все чаще Горбачев избирал тактику выжидания, уклонялся от решений.

Кровавая резня армян в Сумгаите *осталась безнаказанной*. Очень скоро взорвался «атомный реактор» Карабаха, и теперь между Арменией и Азербайджаном — война.

Убийство женщин саперными лопатками в Тбилиси *осталось безнаказанным*. Последовала резня в Баку, где армия стреляла разрывными по мирным жителям, — и *никто не был наказан*.

Армия и КГБ убедились: Горбачев не решается привлечь их к суду, какое бы преступление они ни совершили.

Горбачев отпустил на свободу Восточную Европу. Берлинская стена уничтожена. Успехи внешние — огромны. Тем сильнее нарастала ненависть внутри. Аппарат и торговая мафия со-

* Теперь Медведев — всё то же самое.

единили усилия по искусственному созданию дефицита товаров и продовольствия.

Осенью 1990-го на складах Москвы лежало сорок миллиардов сигарет, эшелоны сигарет тайно отправляли в Баку. А в Москве они совершенно исчезли из магазинов, что привело к «табачному бунту» у Моссовета.

Аппарат и мафия разжигали недовольство народа. Армия в бешенстве покидала уютные квартиры в Венгрии, Чехословакии, Польше, ГДР. А на Родине этих офицеров и их жен и детей ждали грязные холодные бараки и пустые магазины.

Антирусские настроения в республиках нарастали стремительно. Русские беженцы из Вильнюса и Баку, Ташкента и Кишинева появились в Москве, где для них не было ни еды, ни жилья, ни работы — *ничего*.

Из страны бегут все, кто может. И бегут не самые худшие. Математики и музыканты — нужны везде. Аппаратчики — нигде.

Реформы Горбачева аппарат наконец осознал как смертельную угрозу. И — пошел в атаку.

Выяснилось, что опереться Горбачеву не на кого. Рабочие озлоблены. Крестьяне испуганы и пассивны. Интеллигенция...

Увы, все эти годы, все шесть лет мы наблюдали, критиковали, давали советы, но мы *не сделали ничего*. Ничего, на что можно реально опереться.

Горбачев попытался опереться на правых. Сразу же начались танковые атаки в Прибалтике.

И мы проклинали Горбачева. И он остался один. Остался заложником аппарата, КГБ и армии.

Никому не нужный и всем мешающий президент.

И вот — путч!

Горбачева свергли те, кого он назначил. Его свергли не избранные народом, а собственные его ставленники.

И спасает нас (и Горбачева спасает, если только его уже не убили) то, что он назначал на высшие должности таких идиотов.

Алкоголик Янаев. Его дважды провалили на выборах в вице-президенты, а с третьего раза он «прошел» с помощью фальшивых бюллетеней. Патологический лжец Павлов, укравший у народа деньги под предлогом, что швейцарские банки хотят уничтожить нашу экономику. Крючков — хозяин пятимилли-

Горбачев

онной армии тайных агентов — первый из руководителей КГБ, который добился закона (!), разрешающего гэбистам врываться и обыскивать любую квартиру *без ордера прокурора*.

Что погубило путчистов? (А я уверен, что путч провалится.)

Народ не поверит им. Для них лучше б они были не известные никому майоры, чем слишком известные маршалы.

Путчисты видели, что народ не любит Горбачева. Это они рассчитали верно. Но поверить, что их самих ненавидят, они не могли. Видя ежедневно, ежеминутно улыбающихся и «влюбленных» холуев, они верили, что и народ влюблен в них и ждет порядка. А народ не хочет назад в сталинский концлагерь.

Чего же добился Горби внутри страны?

Разруха, бешеные цены, инфляция, катастрофическое падение уровня жизни.

Но — за шесть лет из народа-раба возник народ, который идет на танки.

Вольно или невольно, но это сделал Горбачев.

P.S. Какая романтика! Спустя двадцать лет совершенно ясно, что народ шел на танки только потому, что танки не стреляли. Исторический пример перед глазами: 1989, Китай, Пекин, танки, площадь Тяньаньмэнь была залита кровью (от трехсот до тысячи погибших). Запад покричал-покричал и потихонечку забыл. С Китаем все хотят дружить. Мясорубку не вспоминают.

А что касается «никому не известного майора», то теперь кажется, что я ошибся на одно звание и надо было написать «подполковник». Но в августе-91, вполне возможно, он еще был майором.

Дряхлые маршалы тогда проиграли. Через девять лет крепкие подполковники выиграли. Теперь всё всем известно, наскучило, заболтано, забыто. Полстраны вообще ничего об этом не знает и знать не хочет. И тексты эти интересны лишь потому, что написаны *тогда*.

29 августа 1991, "L'Hebdo"

ЦАРЬ БОРИС*

Исполнитель

Ельцин был взят в Москву «за простоту». Крепкий, грубый, не сомневающийся в коммунистической идеологии, он прекрасно проявил себя на уральском троне.

Первый секретарь Свердловского обкома КПСС — пост колоссальной важности. Урал — главная база ВПК. Танки, ракеты, ядерные бомбы — все там, на равном удалении от Англии и Японии.

В царской России наместник такого масштаба назывался генерал-губернатор. В гитлеровском рейхе — гауляйтер. Но точнее было бы сказать «фараон». Полная власть над телами и душами. Не ограниченная никакими законами. Давай план — и тебе простится любое преступление. Ни прокурор, ни Конституция не существуют, если тобой довольны в Политбюро.

Всякая власть развращает. Абсолютная власть развращает абсолютно.

Под властью Ельцина на Урале не только делали танки. Продолжались все прелести режима: преследование инакомыслящих, гонение религии... Именно Ельцин уничтожил Ипатьевский дом, где по приказу Ленина расстреляли царскую семью, в том числе мальчика-наследника. Детоубийство — скверная штука. Уничтожение дома-тюрьмы — попытка вычеркнуть событие не из истории — из фольклора.

* В те дни Ельцину аплодировал весь мир. (Западный — тем охотнее, что 19 августа признал законность ГКЧП.) Статья «Царь Борис» шла не в ногу. Это был первый в мире критический текст о Ельцине после путча.

(Те, чья память не выключается вечером вместе с телевизором, с улыбкой наблюдали потом, как Ельцин лезет в «дружбу» к Сахарову; как вчерашний воинствующий атеист пылко участвует во всех церковных церемониях.)

За эти качества капрала генеральный секретарь Горбачев взял Ельцина на второй пост страны — первым секретарем Москвы и Московской области. Двадцать миллионов жителей, столица России, СССР и социалистического лагеря.

Хулиган

Расчет был прост. Грубый провинциал будет решительно чистить Москву от брежневско-андроповско-черненко-вской мафии. И — всегда будет помнить, кому обязан переездом в столицу (этого со страстью добиваются все провинциальные аппаратчики).

Расчет оправдался. Ельцин начал громить коррумпированную московскую верхушку. Одновременно он играл привычную по Уралу роль отца народа. (Один раз проехал на автобусе. Жена — под охраной — сходила в магазин.)

Внезапно произошел скандал. Накануне очередного юбилея Революции Ельцин позволил себе критиковать Горбачева. Это была первая (в Политбюро) критика *слева*. «Перестройка буксует. Перемены медленные и не радикальны».

Сейчас это банальная фраза. Но тогда Горбачев взорвался. Ельцина с треском выставили из Политбюро.

Следует заметить, что объективно Горби был абсолютно прав. Слишком крутой поворот мог привести к путчу. А тогда, в 1987-м, никто не оказал бы сопротивления путчистам. Страх и рабство владели страной.

Ельцин пытался просить прощения. Каялся на пленуме, каялся на XIX партконференции, просил «политической реабилитации». Как провинившийся мальчишка, обещал вести себя хорошо. Обращался к Горбачеву «Вы, Михаил Сергеевич». Тот в ответ «тыкал».

Изгнание Ельцина — крупнейшая ошибка Горбачева. Ругать можно было сколько угодно. Ельцин остался бы послушным рабом (он и просился обратно в рабство). Изгнание создало со-

перника. Изгнание сделало Ельцина героем, привлекло внимание. Ореол «мученика за правду» сделал его кумиром народа. Народ соскучился по кумирам. До Ельцина советские люди вынуждены были любить Маргарет Тэтчер. Ибо среди своих вождей не видели ни одного, кого могли хотя бы уважать.

Последовали знаменитые эскапады. Поездка в США и пьяное выступление в Балтиморе. Мы видели это по ТВ и можем утверждать: Ельцин был несомненно пьян. Его речь, жесты, мимика — всё было типично для пьяного советского начальника.

Ельцин, вернувшись, лгал, что не пил. Утверждал, что «ТВ СССР по приказу ЦК КПСС *исказило* запись». На это председатель Гостелерадио честно признался: у нас нет таких технических возможностей.

Однажды вечером Ельцин упал в реку, а потом заявил, что это — покушение на его жизнь по приказу Горбачева. И любовь народа достигла апогея.

Потом авиакатастрофа в Испании, потом автоавария в Москве. И всякий раз, подогревая народную любовь, делались намеки на покушение.

Горбачев сходил с ума от успехов Ельцина. Но от злости делал только глупости, теряя в этой борьбе последнее уважение народа. Скандал вызвало обнаружение подслушивающей аппаратуры, установленной КГБ в комнате за стеной ельцинского кабинета.

А Ельцину везло. Все его промахи оборачивались в его пользу. И он поверил в свою богоизбранность. Его самомнение выросло тысячекратно. Его авторитарность теперь опиралась не на номенклатуру, чьи позиции слабели, а на миллионы избирателей, чье влияние постепенно росло. Он стал с наслаждением играть роль вождя России.

Перед выборами президента России я считал, что Ельцину для победы надо за день до голосования упасть в реку (желательно напротив Кремля). Но руководитель Москвы Попов, беседуя при мне с руководителем Ленинграда Собчаком, сказал, что победа у Ельцина и так в кармане и что проиграть он может, только если на Красной площади перед телекамерой изнасилует десятилетнюю девочку.

Для российской интеллигенции оба они — аппаратчики. Пусть Горби умеет притворяться интеллигентом, а Ельцин был и остался заводским хулиганом, но с точки зрения морали разницы меж ними нет.

Да, Ельцин блестяще вел себя во время путча. Но что ему оставалось? Смирно ждать ареста или «случайного» выстрела? Это не в его характере. Он волевой, отчаянный драчун. Драка — его стихия.

Да, Ельцин — избранник народа. Все просто с ума сошли от такой новости в русской истории. Но задумаемся: *из кого* выбрали Ельцина? Макашов, Рыжков, Жириновский... не конкуренты, а монстры.

И *кто* выбрал Ельцина? Народ? Мы, увы, знаем наш народ. Пьяницы, бездельники, воры. Шесть миллионов проголосовало за откровенного фашиста Жириновского. А перед тем грузинский народ посадил себе на шею Гамсахурдиа, который начал свою деятельность с запрета независимой прессы, политических арестов и преследования национальных меньшинств. Стоит ли радоваться такому народному выбору?

Народный выбор! Половина голосовала за Ельцина в пику Горбачеву. Другая половина — все равно за кого, лишь бы против коммунизма.

И с чего начал победитель путча? С того же, что путчисты: закрыл неудобные газеты.

Что продемонстрировал счастливый президент России Ельцин? Публичные пощечины спасенному Горбачеву. И парламент России приветствовал эту выходку аплодисментами.

Сказочные герои так себя не ведут. Сказочные герои великодушны.

А наша история завершила круг. Ленин выступал с броневи́ка. Ельцин — с танка.

Несчастливая наша страна всё время нуждается в героях.

АНТИКГБ

КГБ — наименее коррумпированная
из советских организаций.

Академик А.Д.Сахаров

На дне, в грязной ночлежке, среди пьяниц, воров, бывших актеров и бывших баронов, живет проститутка Настя. Ее жизнь — ужас, вокруг нее — ужас, но она истово верит, что была у ей с Раулем (с Гастоном?) святая любовь. Бить Настю — можно, грабить — можно, помыкать ею — можно. Но мечту трогать нельзя. Убьет.

Эта Настя — мы.

Лучшие, умнейшие люди, хлебнувшие лиха на своем веку, верят, оказывается, в Раулей и Гастонов. Вот и Сахаров, и «народ в массе» в один голос: наименее коррумпированная организация — КГБ.

Жестокая, коварная, даже преступная. Но — не коррумпированная.

Не прошли даром фильмы и спектакли о рыцарях революции. Чистые руки, холодная голова (или наоборот?). И как ни переосмысливали роль органов, а всегда выходило: шпионы — да, убийцы — да, ворюги — нет.

И вот «дело АНТа». Напомним: АНТ обещал продать на Запад отходы, а на полученную валюту завалить Родину едой и ширпотребом. В огромных количествах. На десятки, сотни миллионов долларов. И еще АНТ обещал: 99% прибыли — государству, 1% — себе.

Или очень бескорыстные, или речь о таких суммах, что и 1% — богатство.

Продать успели. И немало. А вот завалить СССР товарами «не успели». Грянул скандал с танками. В советском порту обнаружился эшелон танков, предназначенных к отправке неизвестно кому. Вот так «отходы».

АНТ утверждал, что заказал танки без вооружения (как мощные тягачи), а завод, мол, *забыл* демонтировать пушки. Собчак обвинял, Рыжков плакал...

А где суд? Идет ли следствие? Что происходит? Ведь дело ведет КГБ — всезнающая, всеильная организация.

Советский народ разделился на две части.

Одни считали, что АНТ — молодец, придумал, как накормить и одеть страну, а преступный КГБ — враг народа, свободы и перестройки — сорвал святое дело.

Другие были уверены, что АНТ — воровская шайка, продающая Родину, а доблестный КГБ — молодец, сорвал бандитские планы.

В обоих случаях получалось, что АНТ и КГБ — враги.

Желая — во время страшной раздробленности — хоть как-то служить объединению народов, я предлагаю третью точку зрения, которая, вероятно, могла бы ликвидировать антагонизм.

На днях в мои руки попали некоторые документы (точно не помню — кажется, в метро нашел). Чтобы окончательно понять, какие непримиримые враги АНТ и КГБ, почитайте список сотрудников АНТа. В документе перечислены Ф.И.О., должность, оклад, паспортные данные, адрес, телефон. Должности невзрачные: контролеры да диспетчеры. И читать было бы очень скучно, если бы не замечательная графа «предыдущее место работы, должность».

Ф.И.О.	Должность	Предыдущее место работы
Гладков В.В.	пом. нач.	КГБ СССР полковник 5-й службы
Балашов В.С.	контролер	МВД СССР следователь
Юдин А.Н.	контролер	МВД СССР ст. сержант
Романова Н.Н.	контролер	КГБ СССР капитан
Хрущев А.Н.	контролер	КГБ СССР генерал
Дмитриев В.А.	диспетчер	КГБ СССР полковник

Бражников В.Г.	диспетчер	КГБ СССР полковник
Ощепков Ю.А.	диспетчер	КГБ СССР полковник
Располин Ю.В.	диспетчер	КГБ СССР полковник
Лукашин Ю.Н.	диспетчер	МВД СССР
Миндубаев Э.Х.	диспетчер	Гл. упр. погранвойск КГБ полковник
Чопорняк В. Б.	диспетчер	КГБ СССР полковник
Михайлик С.Ф.	диспетчер	Гл. упр. погранвойск КГБ полковник
Остронин В.Н.	диспетчер	КГБ СССР прапорщик
Шейко К.П.	диспетчер	Гл. упр. погранвойск КГБ полковник
Чистяков А.И.	диспетчер	КГБ СССР полковник

Читаешь список диспетчеров — и овладевает мания преследования. Вот же, думаешь, какая невзрачная, невинная должность, а на самом деле...

С другой стороны — овладевает гордость. Ну где еще диспетчеры так хорошо образованы? У кого — Академия МВД, у кого — Военная академия, у многих — Высшая школа КГБ.

...КГБ хотел из всех сделать добровольных помощников. Ради порядка. Но давайте вообразим, что цель достигнута, что все граждане так или иначе «сотрудничают». Порядка не будет. Будет чудовищный хаос. Допустим, лейтенант КГБ ловит валютную проститутку. А она оказывается капитаном КГБ. И вместо ареста проститутки лейтенанта самого вызывают на ковер, где только что давала полковнику (отчет) красивая и злая капитан.

Видите, ребята, как забавно получается: когда вы проклинаете АНТ («продавший Россию») — вы проклинаете КГБ. Когда вы защищаете КГБ (от «желтой прессы») — вы защищаете мафию. Это было бы смешно, когда бы не было так глупо.

P.S. После этой публикации пришло мне два письма. Большое — от Ряшенцева (который из генерального директора АНТа превратился в президента «Российского дома» со штаб-квартирой в Будапеште). Поменьше — от генерала Карбаинова, начальника Центра общественных связей КГБ СССР.

Ряшенцев писал, что «ушел из КГБ в 1982-м под предлогом состояния здоровья», что АНТ погубили «КГБ и консервативные силы» и что «всюду видны отпечатки длинных пальцев во-

оруженной руки партии, которая на закате коммунизма хватала миллионы долларов столь же жадно, как при Сталине хватала миллионы людей».

По-моему, очень красиво написано. Но главное: это о КГБ говорит сотрудник КГБ.

Генерал Карбаинов писал не столь изысканно, но тоже ужасно честно: «Изложенное в “Столице” не соответствует действительности и является грубым вымыслом, направленным на дискредитацию органов госбезопасности и российских предпринимательских учреждений. Версию о внедрении КГБ в рыночные структуры невозможно подтвердить ни одним конкретным фактом».

...Публикуя статью «АНТиКГБ», я писал: «В мои руки попали некоторые документы (точно не помню — кажется, в метро нашел)». Это было, конечно, откровенное вранье. Я давал понять, что не собираюсь раскрывать человека, рискнувшего передать мне такие документы.

Теперь на прощание хочу сообщить имя того, кто «потерял» протоколы допросов по делу АНТа в том же вагоне метро, где я их «нашел».

Это был сотрудник МВД России Анатолий Свириденко. Он был возмущен тем, что дело АНТа спускают на тормозах.

17 апреля 1992-го его убили и скинули с поезда через двадцать минут после отправления со станции Калуга. Остались жена, трое детей — трех, шести, восьми лет. То есть вдова и трое сирот.

Длинные пальцы вооруженной руки?

1992

14 января 1992, «МК»

ВРЕМЕНЩИК И ЕГО КОМАНДЫ*

Сорокалетние кабинетные теоретики в тиши библиотек вырабатывали программы всеобщего счастья. Народ же по глупости и пассивности позволял испытывать эти теории на практике (т.е. на себе), пока не начиналдохнуть с голоду в безнадежных ледяных очередях за хлебом.

Гайдар и его команда — в том опасном возрасте полного интеллектуального расцвета, когда те, кто моложе, кажутся молодыми дураками, а те, кто старше, — старыми дураками. Велико искушение научить целую страну, целый народ правильно жить. По кабинетной теории.

Что действительно удалось Гайдару — это консолидировать общество. Консолидировать в стремительно нарастающем недовольстве действиями правительства.

Еда и жилье — два необходимых условия, чтобы выжить. С едой ясно. Откровенный расчет на западные поставки. В кредит, который неизвестно как будем выплачивать. Но тут понятно — неурожай, затяжка земельной реформы, нищие колхозы и совхозы, разоренное сельское хозяйство; разоренное не сегодня, не этой командой.

А жилье? Разве глина кончилась? Разве лес сгорел? Есть кирпичи, есть доски — почему же останавливается строительство?

* Заголовок содержал аллюзии. «Тимур и его команда» — знаменитая в СССР книжка Аркадия Гайдара о хорошем храбром мальчике, а тут Гайдар и его команды — как распоряжения мальчишки, который уверен, будто знает, как надо.

Вчера правители обещали всем квартиры к 2000 году.

Сегодня строители утверждают: ни-ког-да.

Очередники, вы умрете в очередях. Российские офицеры, бегущие с семьями в Москву из всех заграниц, вы можете рассчитывать лишь на квартиры тех, кто бежит за границу. Строительство жилья стремительно сокращается.

Танки путчистов раздавили троих. Цены и налоги Гайдара раздавили всех.

При налоговой политике Гайдара честных богатых не будет никогда. Только воры. Только торговцы наркотиками, только гангстеры, чьи доходы не облагаются налогами. Подпольное производство маек и пуговиц еще возможно. Но подпольного машиностроения не бывает. Спрятать нельзя, налог непосилен — стоп, машина*.

Гайдар наконец-то создал то, о чем мечтали: равные условия для государственного и частного секторов. Умирают оба.

Остановка строительства жилья — это почти убийство. Куда деваться? На вокзал? В могилу? У нас не тот климат, чтобы спать на скамейках, завернувшись в Конституцию с правом на жилище.

В ночь под Рождество меня напугала не дикая цена шампанского. Меня напугали рассказы людей, встречавшихся с Гайдаром и его командой.

На вопрос: «Чего вы хотите?» Гайдар и К^О ответили:

— Залатать дыру в бюджете!

— *А зачем?*

— Чтобы нормализовать финансовую систему!

— *А зачем?*

— Чтобы экономика стала правильная.

— *А зачем?*

— ...

На это у гайдаровцев нет ответа.

Сколько же можно заниматься нереальной жизнью реальных людей в реальной (ирреальной) стране. Всё уже было: электрификация, химизация, компьютеризация, коллективизация и госприемка. И уже экономика была экономной (отдельно от

* Промышленность была убита. И за двадцать лет не воскресла.

нефтяного, лесного, рудного, экологического преступного расточительства).

Самое страшное в Гайдаре — это смирение. Уже несколько раз он признавал: да, мол, знаю, что через три месяца нас не будет*. Но мы должны «это» сделать!

Такая жертвенность ужасает. Честный некоррупцированный присяжный повер... простите, честный некоррупцированный кандидат наук не жалеет себя для...

Но и это мы проходили. Себя не жалеет — нас тем более. Опять ради будущих поколений? Фурье рассчитал на пятьсот тысяч лет, Хрущев — на двадцать, Гайдар — на один квартал. Дал себе сроку три месяца. А далее — куда? Хотим знать. Застрелится? Или поедет преподавать в Гарвард? Или переквалифицируется в дворники? Уж на три месяца вперед должен себе спланировать тот, кто нам спланировал это «пике» (а похоже, что «штопор»). Может, он с искренним научным интересом исследует глубину пропасти. Надо же, еще летим!

Однажды меня поразил флейтист. Рассказывая, как ужасно сфальшивил гобой, он добавил: «Еще миг — и оркестр бы остановился». Я не поверил. Но оказывается, действительно можно сфальшивить так, что оркестр остановится, не соображая, как и что теперь играть.

Теперь мы видим, что можно выпустить такую бумажку, такую инструкцию, которая парализует всю промышленность, всю хозяйственную деятельность в стране. Останавливаются стройки, банки, заводы, не соображая, не имея возможности работать.

Из двадцати пяти железобетонных заводов к 1 января работали только шесть. Стройки замерли.

9 января в столовой огромного оборонного «ящика» «Вымпел» обедала лишь половина обычного числа рабочих. Плохо пролетариям.

Биржи заявили, что число сделок упало в десять раз. Плохо буржуям.

Однажды мы уже врезались в научный... простите, военный коммунизм. Последствия были те же: полный паралич.

* Он имел в виду не могилу, а всего лишь отставку.

Но есть отличие. Присяжный поверенный* воевал с белыми, условно говоря. Кандидат наук вступил в бой с безусловно красными. Это совсем другое дело. Всё, что мы за семьдесят три года приобрели, — это невероятное ожесточение и умение сопротивляться.

Этот текст прочли молодые советские журналисты, впали в ярость, закричали: «Невзоровщина!» Это такой демократический мат. Не хуже сталинского мата: «Троцкизм!» Смысл один: я — враг народа. Но это ругань, а где аргументы? Аргумент такой: вот сейчас соберут налоги, а через три месяца...

Да не соберут, поймите. Как с частного банка взять налог? Ревизора прислать? А его охранник не пустит. Просто не пустит. Пока жалобу в инстанции, пока разбор в арбитраже, пока кассации в суде — тут не три гайдаровских месяца, тут три года пройдет.

Уже была команда исчезнуть алкоголикам. Уже был знак качества. Всё было. И всё без толку. Не заставишь веревку и мыло с собой приносить.

Люди искренне считают, что это их страна, и не собираются бежать в Крым, а оттуда пароходами в Константинополь и Марсель. Тем более что и Крым теперь не наш, и в Марселе все места заняты.

Деваться некуда. Жить предстоит здесь. А когда некуда бежать, люди защищаются зверски.

На что, на кого опирается Гайдар и его команда? Их инструкции и команды равно губительны и для аппарата, и для пролетариата, и для среднего класса. Кого представляют реформаторы, кроме своих теорий?

Единственная опора Гайдара — это авторитет Ельцина, первого демократически избранного Президента России. Но заметьте, как перестали вдохновлять эти красивые слова. Ельцин тратит на Гайдара свой авторитет, свое время (а сколько его отпущено?).

Гайдар живет на чужом авторитете, живет в кредит. И (как Ирак за танки) команда за свои реформы не расплатится никогда.

* Ленин.

ПОХОРОННЫЙ МАРШ*

...таким образом...

*Из Распоряжения
первого секретаря
Свердловского обкома
КПСС Ельцина Б.Н.*

о сносе Ипатьевского дома

В Москве в тюрьме ждут суда путчисты: премьер-министр, вице-президент, министр обороны, министр ГБ... Они не знают, что решит суд. Им страшно.

Но есть человек, которому гораздо страшнее, хотя он на свободе.

В Москве (вчера в Кремле, а где сегодня?) этого суда ждет Горбачев. Он не знает, *что* станет известно во время процесса. Ему очень страшно.

Прежде Президент СССР обладал достаточной властью, чтобы контролировать информацию. Сегодня у него ни власти, ни СССР. Президент Горбачев — президент Ничего. Государство исчезло. Парламент пуст. Горбачев никого не может заставить молчать.

Западные корреспонденты пытались угадать день, когда Горби подаст в отставку. Несколько раз он говорил о своем намерении. Но не решился. Он опоздал. Он плохо рассчитал время. Ему дали отставку *до* его просьбы. Его «упразднили». Это позор. Увы, не первый. И, думаю, к огромному сожалению, не последний позор Горбачева — Человека Десятилетия.

* Заголовок выражает отношение автора к кончине Советского Союза.

Горбачева, конечно, не ждет судьба Чаушеску — румынского диктатора, расстрелянного в подвале вместе с женой. Горбачева, надеюсь, не ждет судьба Хонеккера, который прятался у русских от немцев в чилийском посольстве и просил отпустить «лечиться» к корейскому Великому Вождю*. Но с каждым днем всё больше шансов, что Горбачев из свидетеля превратится в обвиняемого.

Жутковато прозвучали слова Ельцина в Алма-Ате. Он гордо сказал, что пора кончать с традицией 1917 года: хоронить руководителей страны. Потом, спохватившись, добавил: и перезахоранивать. А далее пообещал не объявлять Горбачева преступником и даже дать пенсию.

Видно было, как в этот момент Борис Николаевич упивался своим гуманизмом и демократизмом. Но выглядело это всё пугающе.

Хоронить и перезахоранивать свойственно было и древним египтянам. Для фараонского общества это нормально.

Свердловский человек, старательно делая всё, чтобы уничтожить последнее местопребывание последнего русского царя, тогда не знал, какую роль готовит ему судьба и каким символом станет в его биографии снос Ипатьевского дома.

Когда человек говорит, что не собирается объявлять кого-то преступником — это значит лишь, что такая мысль присутствует и соблазняет. (Нового нет. Из рассказов Семичастного (шеф КГБ в 1964-м) мы знаем, что мысль устранить Хрущева очень соблазняла Брежнева. Обсуждалась даже возможность авиакатастрофы. Но в конце концов Брежнев поступил демократично и гуманно — дал Хрущеву пенсию и оставил дачу.)

Конечно, есть надежда, что уголовного скандала не произойдет. Но не потому, что Горбачев чист. А потому, что огромная всемогущая советская мафия слишком грязна. Партийно-правительственная мафия не допустит (не должна допустить) процесса над генсеком и президентом.

Он слишком много знает. Это внушает мафии тревогу за свое благополучие, а нам — тревогу за его жизнь.

Он власть утратил, но мафия власть не утратила. Все теперешние руководители республик — бывшие партийные боссы.

* Это не анекдот, так и было.

Вчера покорные и льстивые — сегодня агрессивно самостоятельные. Вчера непреклонные русификаторы — сегодня пламенные националисты.

Архитектор перестройки Яковлев — бывший идеолог КПСС. Любимец западных дипломатов Шеварднадзе — бывший партийный царь Грузии. Избранник наивных советских людей Ельцин — бывший коммунистический диктатор Урала. И это — лучшие. А кто остальные? Сейчас они меняют лозунги, названия должностей, имена партий... Еще вчера была Туркменская коммунистическая партия. На днях ее переименовали в Демократическую. Означает ли это, что туркменские коммунисты стали демократами?*

И все бывшие партийные боссы, ставшие сегодня президентами, министрами, депутатами, заинтересованы, чтобы Горбачев молчал.

Его предали и арестовали те, кого он сам назначил на высшие должности. Его спас тот, кого он сначала выгнал из Политбюро, из политики, а потом всячески преследовал. Но спаситель оказался не великодушен. Весь мир видел, с каким удовольствием Ельцин публично унижал Горбачева. И Горбачев не сопротивлялся. Стерпел.

Это было отнюдь не смешно. Прежде он унижал всех. И все терпели. Он всем (кроме Сахарова) говорил «ты». Ему все говорили «Вы».

Теперь унизили его.

Он пережил свою силу и свою славу. Долгие месяцы с 1989 года (а некоторые считают, что с 1985-го) он совершал политическое самоубийство. Свое медленное хакари.

Его история уже давно напоминала историю шекспировского короля Лира.

Зачем Лир разделил свое королевство на три «республики»? Зачем дал власть и свободу злым дочерям? И как неблагодарно отнеслись к отцу дорвавшиеся до власти дети (вчера покорные и льстивые)! Король Лир унижен, лишен гвардии, лишен крыши над головой... В разделенном на части королевстве (вчера

* Скоро эти демократы отлили из золота статую своего главного демократа и переименовали города и месяцы в его честь.

едином) начинается гражданская война. Бедный Лир! Бедный благородный король!

Все театры мира ставят спектакли о несчастном благородном короле. Все зрители сочувствуют трагической судьбе Лира.

Но теперь всё это произошло на наших глазах: раздел империи, потеря власти, предательство вчерашних друзей. Гибель страны, ужасный хаос, гражданская война происходят не в классической пьесе, а в реальной жизни. И начинаешь думать о короле Лире немного иначе.

Спросим себя, как управлял своей страной благородный Лир, если его дети и ближайшие соратники выросли подлыми, безжалостными подонками? Как управлял долгие годы благородный старик, если его окружают лжецы, лицемеры, убийцы? Как он благородно руководил, что довел свою страну до агрессивного и нищего состояния? И был ли шанс у честного человека сделать карьеру при таком дворе?

И начинаешь подозревать, что король Лир был не так благороден, как думалось прежде.

Зачем обманывать себя?

Мы знаем, что Горбачев скрывал истину о Чернобыле. Мы знаем, что он скрывал махинации с партийными деньгами.

Мы знаем, как часто он лгал, потакал убийцам и покрывал воров.

Неужели мы были так слепы и не видели ничего этого? Мы не хотели видеть. Мы понимали всё это, но мы понимали, что лучшего, чем Горбачев, — нет.

Десятилетиями в стране существовал фашистский бандитский режим. Страной правила банда — аморальная, жестокая, беспощадная. Как бы много эта банда ни убивала в Венгрии, Чехословакии, Афганистане, но дома она убивала во много раз больше. И ни у какого благородного человека не было ни одного шанса прийти к власти в такой стране.

Неужели Запад был так слеп, что не видел? Неужели Запад был так глуп, что не понимал?

Но — конец угрозе атомной войны! Конец Берлинской стены! Конец войны в Афганистане!

Когда человек делает соседям такие подарки, все его любят. Когда злой сосед вдруг улыбается и делает богатый подарок,

его не спрашивают: где ты взял деньги? Говорят: «Слава Богу!» — и стараются не думать!

В Париже на встрече Горбачева с Миттераном я своими глазами видел горбиманию. Я с трудом продирался через восторженную толпу, которая желала посмотреть, как Горби едет в Сорбонну на встречу с интеллектуалами. Было немножко страшно: что может сказать наш некультурный генсек профессорам Парижа? Какая философия, когда он не умеет даже грамотно говорить?

Опасения оправдались. Горбачев совсем не понимал, зачем ему эти интеллектуалы; он был в плохом настроении и говорил еще хуже, чем обычно: три десятка слов, бесконечно повторяющиеся в разных сочетаниях.

Не знаю, как это звучало в переводе, но французы были в восторге. А прежде — немцы. А еще раньше — американцы. И когда я говорил иностранцам, что Горбачев очень плохо владеет русским языком, — мне никто не верил, но сразу думали, что я — враг Горбачева.

Я не был его врагом.

Я ему не верил ни на грош в первые два года. Видел его цинизм, ложь... А потом... не могу сказать, что поверил, но стал надеяться на счастливый конец страшной советской истории. Убедился, что косноязычный Горби — гениальный политик. Я им хвастался перед иностранными знакомыми. По площадям бегала рабская толпа, подзуживаемая бывшими следователями, бывшими комсомольцами, и поносила Горбачева за то, в чем он не был виноват. Он стал смертельным врагом аппаратчиков и диссидентов. (Рой Медведев, потеряв работу диссидента, был вынужден пойти служить в ЦК КПСС. Но и этого места его лишила деятельность Горбачева.)

Народ гениально прозвал Горбачева — «Безалкогольная Бормотуха». Но его не слишком грамотная речь стремительно меняла карту мира. Я им гордился!..

Все мои надежды умерли 13 января 91-го — под танками в Вильнюсе.

Запад поморщился, но простил Горбачева.

Благодаря ему всех нас, советских, полюбили на Западе. Это было приятно.

Потом нас стало слишком много, и нас разлюбили. Мы стали мешать. И Запад, который так долго ругал железный занавес и Берлинскую стену, теперь срочно закрывает границы от бедных русских.

Теперь стал мешать Горбачев. И Запад разлюбит его стремительно. Разлюбит своего нобелевского лауреата, разлюбит Человека Гола, Человека Десятилетия.

Запад уже предал его 19 августа — это был плохой знак. Ни Буш, ни Миттеран в тот день не отказали в дружбе путчистам. Еще хуже, что ГКЧП лояльно приняли и Валенса, и Гавел. Им давно надоело, что мир считает, будто революции в их странах совершил и власть им дал Горбачев. Все «большие люди» досадовали, что Горби — первый. Чемпионов любит толпа, но не любят соперники.

Теперь Бейкер сначала встретился с Ельциным и только потом — с Горбачевым. Вот уже и Бейкер (в декабре) унизил Горбачева, как Ельцин (в августе). И Горби опять стерпел. Это конец.

Запад любил не Горби, а свой комфорт. И как только Горби перестал быть источником комфорта — его разлюбили.

Запад любил не русских, не советских, а приятную возможность, ничем не жертвуя, «бороться за права человека».

А дома... Сталина боялись. Над Хрущевым смеялись. Брежнев презирали. Горбачев вызывал у народа раздражение. И народ — в отличие от интеллигентов — не менял своего отношения к Горбачеву.

Прощание с Горбачевым — это не только прощание с иллюзиями. Для Запада — это еще и прощание с покоем. Теперь на территории бывшего СССР минимум четыре атомные кнопки. Что бы там ни обещали одиннадцать президентов, но они такие ужасно независимые — весь мир дрожь берет.

Это печальное Рождество. И поздравить я могу не себя и не тех западных журналистов, кто ставил на Шеварднадзе* (не понимая, что и одного грузина в XX веке оказалось много для России).

* Один замечательный швейцарский журналист уверял, что следующим президентом (СССР? РФ?) выберут Шеварднадзе.

Поздравить я могу только фабрику голубых касок. Миротворцев потребуется много*.

Начиная эти заметки, я хотел, чтобы они получились смешными. Да, судьба Горбачева трагична. Да, судьба страны трагична — убивают много, как всегда в последнем акте трагедии. Но чистых жанров более не существует, и фарс в нашей трагедии весьма ощутим.

Мне казалось, что эпоха кончилась дурацкой, но не слишком удачной шуткой. Алла Пугачева стала последней народной артисткой СССР точно в миг кончины империи. Что ж, и Пушкин предсмертное письмо зачем-то написал детской писательнице. Ирония судьбы.

Но реальность превзошла самую буйную фантазию. Диктор ЦТ сообщил, что Горбачев удостоен звания «Лучший Немец». Это не принесет ему популярности дома. Видите, насколько Запад ничего не понимает в нашей жизни. (Представьте реакцию афганцев, если бы мы наградили тов. Наджибуллу титулом «Лучший Русский».)

Слава богу — не Израиль придумал Михаилу Сергеевичу такой прощальный подарок. А то — страшно подумать, в каком звании покинул бы политическую сцену первый русский президент.

Будем надеяться, что титул «Лучший Еврей» достанется кому-то из правопреемников Горбачева. Ведь судьба справедлива и насмешлива. И не упускает случая отомстить.

* Сбылось.

ПО КУРГАНАМ ЗНАКОМЫМ ЗА ЛЮБИМЫМ НАРКОМОМ

«Всё куплю», — сказала злато;
«Всё возьму», — сказал булат.

Классика

Всю жизнь мы вооружались. Жили в кольце врагов. Ковали оружие.

Если завтра война,
Если враг нападёт,
Если темная сила нагрянет...

Нагрянула гуманитарная помощь. А черной силой оказались мы с вами. Сами для себя. Вся страна, всё население — враги народа.

Русские танкисты — враги литовского, бакинского и тбилисского народа. Бакинцы — враги армянского народа. Грузины (слава богу, не все) — враги осетин, молдаване — враги русских и гагаузов...

Нищета, национальные распри, территориальные конфликты, имперские комплексы...

Удручены все, озлоблены многие, агрессивность стремительно нарастает во всех слоях.

Но есть один «слой», который удручен и озлоблен чуть ли не больше всех. И этот слой — единственный, который вооружен. Это — Советская армия.

Десятилетиями весь советский народ четыре дня из пяти работал на армию. Танки, подлодки, ракеты, бомбардировщики. «Лишнюю» технику бесплатно в Африку, сами — впроголодь.

Народ работал. Армия, судя по календарю, праздновала. День танкиста, День ракетчика, День истребителя, День подлодок, эсминцев и авианосцев, День Советской армии. Всё больше праздников, всё больше маршалов и генералов, всё роскошнее их дачи, всё больше самоубийц, всё больше дезертиров.

Несколько раз за эти десятилетия армия пригодилась. Победы в Будапеште, Берлине, Праге — неоспоримы. Досадно, однако, что это победы над гражданским населением.

Войну в Афганистане Советская армия проиграла, точнее — проиграли политики. Войны в Анголе, в Ираке, в Сирии и на Суэце проиграли наши советники, наше оружие.

Но против безоружного обывателя сил более чем достаточно. Для ареста парламента довольно роты. Для ареста правительства достаточно взвода...

Армию хотят разделить, чтобы подчинить*.

Армии срезают бюджет — чтобы разоружить.

Армия воспринимает происходящее как попытку политиков уничтожить Великую армию. Армия уверена, что президенты СНГ объявили ей войну.

С огромной тревогой мир наблюдал недавнее офицерское собрание. Долго ли еще армия будет *говорить* с президентами? Когда она возьмется за оружие, когда предъявит свой профессиональный гусеничный аргумент — будет поздно.

Похоже, президенты СНГ переоценивают свою власть над ситуацией.

Президент Ельцин обратился к Всеармейскому офицерскому собранию по-человечески, по-свойски, по-простому. Кажется, это была не совсем верная интонация.

Президент России предложил армии понятные, нужные вещи: десять соток, тысячу долларов, разрешение на коммерческую деятельность. Кажется, армия ждала чего-то другого.

* В начале 1992-го армия всё еще была советской, единой, не хотела делиться на куски. А СССР уже не было. Рушилось всё, исчезла общая граница. У всех появились независимые соседи. Исчезло общее оружие, а заводы-то были не у всех...

Эти обещания не вызвали аплодисментов, паузу для которых президент дал. На лицах блуждали кривые улыбки, кое-кто в досаде качал головой. Померещилось, что кто-то покраснел.

Ельцин говорил как с наёмниками: сотки, доллары... Опасно. Армия — не райкомовско-обкомовская шестерка, так просто не купишь. А ежели купишь — то и цена такой армии «десять соток». Осядет, крыжовник посадит, позовешь воевать — спросит: а сколько дадите, если пойду?

Казалось, Ельцин действует по инерции. Оглушенный саратовскими и петербургскими криками про колбасу и сметану*, президент и во Дворец съездов принес те же утешения и обещания: сотка, рубль, килограмм. Однако тут собралась не уличная толпа. Звезды, лампасы, ордена.

То ли помощники плохо подготовили президента. То ли сказало отсутствие Ельцина на первой половине офицерского собрания. Он не слышал, как один за другим выступавшие говорили о Чести, о Родине, о Священном Долге.

Почти никто даже не упоминал о зарплате. Упоминалось униженное, отчаянное положение армии на окраинах бывшей империи. В Нахичевани местные власти отключили военному городку газ. Жены офицеров готовят на кострах. В Даугавпилсе лишают квартир, препятствуют вывозу личного имущества; именно там — по словам одного из выступавших — уже раздавался клич: «К оружию!». Где-то оскорбляют кличкой «оккупанты», где-то уже нападают...

Но не эти жалобы составляли суть выступлений.

Безусловное большинство с возмущением говорило о главном: о расчленении единой армии, о растаскивании по национальным квартирам, о новых присягах, несовместимых с офицерской честью.

Возможно, не все собравшиеся в Кремле офицеры такие уж беззаветные патриоты. В армии, как и во всем обществе, пьют, воруют, лгут. Но здесь, впервые собравшись в таком месте и в такой исторический момент, военные ощутили подъем ду-

* В январе началась гайдаровская реформа, цены взлетели, инфляция взорвалась.

ха, братство по оружию, историческую ответственность за судьбу великой армии и великой державы...

А тут президент сулит им десять соток.

А ГКЧП обещал пятнадцать.

Десять соток и раздел армии. Или пятнадцать соток и единство. Поневоле задумаешься.

И если действительно думать, а не махать шашкой, не кричать «в отставку!» — тогда надо попытаться холодно взглянуть со стороны. Заняться не патриотизмом, но анализом.

Возможно, обещание Ельцина разрешить армии заниматься коммерцией прозвучало если и не оскорбительно, то бестактно. Как?! Мы — о Родине, а нам — о торговле?!

Однако общеизвестно, что армия уже давно занялась коммерцией. Причем в самой непристойной, уголовной форме. Расквартированные в Германии части позорно, на глазах всего мира, торгуют всем. По дешевке спускают шинели, погоны, кокарды... Торгуют бензином и — предел позора — продают оружие. И кому? Потенциальному противнику. Как при таких обычаях поворачивается язык говорить о чести? Как при таких нравах отваживаются офицеры на высокопарные речи о святых традициях русской армии? Загадка. Широта души.

И разве только дойчмарка так легко берет верх над многолетними воспитательными трудами политорганов? В Афганистане (наглядно подтверждая пословицу «Кому война, а кому — мать родна») продавали оружие и боеприпасы врагу*. И не потенциальному. Солдаты возвращались в цинках. Прапорщики возвращались миллионерами.

А последние события на родимой земле? То в Армении, то в Азербайджане, то в Молдове, а на днях в Очамчири какие-то «группы лиц» нападают на воинские части, отбирают оружие, захватывают ракеты, БТРы, артиллерию... Таких «случаев» — десятки, если не сотни.

В сообщениях не хватает малости: сведений о потерях личного состава. Армия отдает оружие без боя?! Где ж это видано?

* Потом армия продавала оружие боевикам в Чечне. Против себя же.

Спят? Валяются пьяные? Или... Или тут — простите за цинизм — следовало бы говорить не о захвате, а о продаже?*

Если так, то президент Ельцин совершенно резонно предлагал армии материальный выкуп (сотки, доллары) за покорную сдачу идеалов и святых традиций.

Вопрос: может ли президент выполнить обещания? Нарезать по десять соток, допустим, миллиону офицеров можно. Но обещаны еще и квартиры.

Бездомных офицерских семей около трехсот тысяч. В России — более ста двадцати тысяч. Всем им президент гарантировал жилье в первой половине текущего года. М-да.

Хороший президент, откликнулся. Плохой Кравчук даже не приехал, ему это самочинное собрание, по его словам, «до лунного затмения» — то есть до лампочки, потухшей.

Кравчук хитрый. Сами украинцы называют его «старый лис». Хочет ли он свою армию? Или его оскорбительные то ропливые действия рассчитаны не на то, чтобы армию получить, а на то, чтоб армия — оскорбившись — ушла?

Чем кормить? На какие гривны и купоны строить квартиры? Где взять карбованцев на оружие? Если случится земельная реформа — фермер не позовет роту пьянствовать и буяннить под видом уборки картофеля. Свое — не колхозное, гробить не дадут. Хочет армия в Россию — нехай идет.

Сто двадцать тысяч квартир да всего за пять месяцев — это денег стоит. Откуда у Ельцина сто миллиардов на эту стройку?

Программа «Каждой семье — отдельную квартиру к 2000 году» бесславно канула в Лету. Цены взлетели, а на рельсы никто не лег**. В Петербурге — все слышали — вареной колбасе было приказано появиться в два дня***. Помогите, Господи. А если колбаса ослушается — штраф. Опять ослушается — в тюрьму. Надо выбирать что-то одно: или строить жилье офицерам, или строить тюрьмы для непослушной колбасы. На то и другое никаких стройбатов не хватит. И кто сядет на нары за срыв президентского обещания?

* Скоро Гайдар оставит оружие Чечне.

** Ельцин обещал.

*** Ельцин приказал.

К сожалению, остается лишь горько шутить, ибо ситуация беспросветна.

Если армия останется единой, члены СНГ, похоже, перестанут ее финансировать. Никакое независимое государство не согласится гробить свой бюджет колоссальными расходами на содержание армии, которая ему, независимому государству, не подчиняется. И — более того — может быть использована против этого государства. Разделить армию — значит подчинить ее.

Под юрисдикцию России? Армия мечтает об этом вслух. Может быть, и Ельцину этого хочется. Но — невозможно. Бюджет всего Союза трещал от непомерных расходов на армию. В нее, а не в братские компартии, ухнула без возврата большая часть нефте-золото-алмазо-долларов.

Мы обанкротились на военных расходах. Россия содержать Советскую армию не может.

Этого Ельцин не сказал. Он, напротив, обещал 60% военного бюджета в этом году направить на социальные нужды. Неудивительно. Советская власть привыкла кормить народ процентами, а вместо масла мазать на хлеб «отношение к 1913 году». Вкусно и питательно. А главное — дешево. Единственный минус: за семьдесят лет эта пища приелась до отвращения.

В справочнике «Народное хозяйство СССР за семьдесят лет» (1987) есть кофемолки и мясорубки, но нет ни майоров, ни генералов. Считать поэтому приходится на глазок.

Тем не менее прикинем. Еда подорожала в десять раз. На питание солдата отводилось около рубля. А теперь? Теперь это триста граммов хлеба.

В армии четыре миллиона. По десять рублей в день. За год выйдет больше четырнадцати миллиардов. Только на еду. А обмундирование, транспорт, бензин, оружие? Да и зарплату военнослужащим повысили почти вдвое (на 90%).

Президент обещал сократить расходы на оружие (чтоб 60% — на людей). Но тогда это будет безоружная армия*. Кому она нужна?

Если бы сейчас США напали на нас — для армии это был бы подарок. Вот! Мы же предупреждали!

* Так и вышло.

Армия мечтает о мощном враге — в нем оправдание поставок, бюджета, самого существования войск и ВПК. Но мы видим, что и со слабым не могут справиться. Деревенские парни отбирают оружие у расквартированных по соседству регулярных частей.

Дежурный аргумент генералов: Америка напала на Ирак — видите, значит, агрессия возможна. Что ж, не выберем себе на голову Саддама Хусейна — не погонит он нас возвращать Финляндию «как неотъемлемую часть» — не накличем и бурю в пустыне. Саддам убил иракцев больше, чем интервенты. И советская власть убила своих больше, чем все агрессоры. Наш горький опыт, кажется, должен нас научить бояться внутренних конфликтов больше, чем внешних*.

Гражданская война, увы, и доступней, и заманчивей, и дешевле. На заграничную бурю в пустыне денег нету. Для домашней войны не надо ни атомных подлодок, ни керосина для дальних бомбардировщиков. Парламенты СНГ не дадут рекрутов? Защитят своих парней от призыва? Что ж, подконвойно призывников не зятянешь. Но беда невелика. Не обольщайтесь, президенты и парламенты, — для решения внутренних проблем офицерских полков хватит за глаза. А главное — никакие коалиции в наши дела не полезут.

Всегда есть драчуны. Нет чтоб книжки читать или девчонок тискать — он подбивает: пошли соседнему двору рожу намылим. Ему хочется — пусть идет. Зачем же снабжать его танками и пр.? Такие ребята должны иметь возможность наняться хоть к Фиделю, хоть к китайскому императору. Пусть везут свою агрессивность подальше от нашей земли и присылают детишкам честно завоеванную гуманитарную помощь.

Армия в нынешнем виде опасна не врагу, она опасна для своего народа. Несколько миллионов вооруженных, раздраженных, оскорбленных людей. Всю жизнь скитались по приказу: нынче здесь — завтра там. И, увы, почти нигде не снискали ни любви, ни уважения — только страх. Для аборигенов военный городок — это не только рабочие места, дороги, инфраст-

* Через два года начали Чеченскую войну.

руктура. Военный городок — всегда источник пьяных драк и нежелательных беременностей.

«Офицерское собрание» — звучит как «благородное собрание». Но... Правду говорят, что армия — единственное, что осталось от Союза. А главная болезнь бывшего Союза — непрерывная ложь и очковтирательство.

Десятки раз маршал Язов (и сотни тысяч раз более мелкие чины) на вопросы о дедовщине, самоубийствах с поразительным апломбом отвечал:

— Армия — часть общества, и число самоубийц на тысячу военнослужащих совпадает с числом самоубийств на тысячу жителей*.

Может, и так. Но никто не возразил: мы спрашиваем о самоубийствах молодых парней. Среди них нет калек, нищих стариков, изнасилованных девушек, проворовавшихся директоров. Сравнивать, уважаемые генералы, надо не с «обществом», а с числом самоубийств среди двадцатилетних солдат США. Надо сравнивать с теми же, с кем сравниваешь число и технические характеристики танков и ракет.

Вот о чем не сказал президент России. Не рискнул, вероятно, помня о ненависти, которую армия испытывает к Хрущеву за «сокращение». А следовало бы сказать:

— Господа офицеры! Такая огромная армия для страны непосильна. И пусть это не покажется вам предательством — такая огромная армия стране не нужна. Мы бедны. Земля наша отравлена повсеместно, а некоторые, и немалые, территории стали зоной экологических катастроф. Ни одна страна Европы не хочет пускать к себе наших эмигрантов, даже когда они сами платят за билет и визу. Невозможно вообразить, что Швеция или Болгария потратят миллиарды долларов на завоевание наших пленных, которые им и даром не нужны. Увы, и двадцать лет спустя наше богатство не подтолкнет соседей к войне.

Предположим невероятное: что поляки, забыв о своих внутренних проблемах, превратятся в кровожадных агрессоров. Да, будет очень неприятно, если западная граница местами пе-

* Спустя пятнадцать лет это говорил путинский министр обороны Иванов. Спустя двадцать — Сердюков.

редвинется, и то, что полвека было Советским Союзом, опять станет Польшей. Но ведь и мы в 1939-м не спросили поляков.

Хуже того: захватив кусок Польши, мы отправили поляков на Колыму. Сейчас жителям «спорных» мест не грозит подобная участь. Режим в Польше (Венгрии, Чехословакии) не сталинский. Ни КГБ, ни колхозов, ни климата магаданского в Европе нет. Только председатель колхоза, председатель сельсовета и завклубом не хотят в Европу, ибо там не нужны.

Да, у нас есть опасные соседи на юге и юго-востоке. Надо реально посчитать соотношение сил и оставить разумно-достаточную оборону. И — всё.

Что поделаешь! Не вы первые, господа офицеры, оказались в таком положении. Здесь нет злой воли президента Горбачева, нет злой воли президентов СНГ. Это колесо Истории. И под него попадали и воины Римской империи, и солдаты Британской империи. Армии тех империй были не более виноваты, чем вы, а повелители были не глупее сегодняшних. И то, что происходит сейчас, — не предательство, но Судьба.

Здесь всего семьдесят лет назад уже была гражданская война. Десятки тысяч офицеров-аристократов (цвет русской армии!) погибли. Десятки тысяч офицеров-аристократов (цвет нации!) стали официантами и шоферами такси. В эмиграции. А здесь, на родине, с тех пор не было ни вежливых официантов, ни вежливых таксистов.

Оставьте мальчишеские замашки и обиды. Будьте взрослыми мужчинами. Ваша Родина-мать не может вас больше кормить. Теперь ваш сыновний долг — кормить ее.

...Ничего этого президент России не сказал.

21 мая 1992, «МК»

АТЛАНТИДА НЕ ВСПЛЫВЕТ

Россия, которую мы потеряли. Навсегда

I

Бог посетил — смиренное выражение
о постигшем кого-то бедствии.

В.Даль. Толковый словарь

Фильм Говорухина «Россия, которую мы потеряли» производит сильнейшее впечатление. Сердце щемит, горло перехватывает. Тяжесть, горечь и боль.

Фильм цельный. Монолитный. Не сюжетом (их много), не временной последовательностью летописи (забегает, возвращается, охватывая чуть ли не полтора века).

Фильм снят с одной точки. С одной мыслью. И мысль эта — трагическая. Беспросветная.

Говорухин снял пессимистическую трагедию. Он, судя по фильму, настоящий пессимист. Он не говорит позорных пошлостей. Точнее, он говорит о них как о деталях.

Нет будущего — вот главное.

В названии «Россия, которую мы потеряли» ощутимо присутствует «навсегда».

Сознавал ли Говорухин, но слова «потеря», «потеряли» — это из надгробного лексикона. Яма разверста, гроб опущен, честный сильный голос произносит скорбные прощальные слова о невозвратимой утрате.

И у чужака слезы навернутся — каково же родным?

Говорухин не историк? Конечно. Но и Пушкин не историк, а ради архива пугачевщины камер-юнкерский мундир терпел.

Условно (и безусловно) фильм делит нашу историю на «до революции» и «после революции».

До — почти всё прекрасно.

После — всё ужасно.

К сожалению, почти нечего возразить.

Говорухин не может точно назвать момент катастрофы. Момент «размазан» от февраля 1917-го до января 1918-го. От февральской революции (по учебникам — «буржуазной») к октябрьскому перевороту (по учебникам — «Великой Октябрьской социалистической революции»). И — смертная точка — январский разгром Учредительного собрания (по учебникам — «учредилки»).

Далее — лишь следствия. «Лишь!» Гражданская, террор, раскулачивание, лагеря, лагеря, лагеря. Уничтожение религии, интеллекта, духовного и физического здоровья. Строительство ГУЛАГа, ГЭС, ГРЭС, АЭС.

Только разоренные колокольни — жилище ворон — торчат из затопленной, заболоченной России.

Не раз голосом Говорухина звучит статистика. Царская Россия строила две тысячи шестьсот верст железных дорог в год. Коммунистическая — максимум тысячу пятьсот км*. Экспорт масла давал больше, чем экспорт золота. Потери СССР на финской — 10:1. На Великой Отечественной — 14:1. На войне уложили тридцать пять — сорок пять миллионов. В мирное время (трудно удерживаться от кавычек) — шестьдесят шесть миллионов.

А сколько не родилось!

Демограф-француз в 1913-м считал, что к 1950-му в России будет триста пятьдесят миллионов жителей. На деле — двести.

Каин, где брат твой Авель?

Властители, где сто пятьдесят миллионов моих братьев?

Вы их съели. Без кавычек, буквально сожрали. Из кожи наделали себе наряды, костями замостили площади для октябрьских парадов.

* Демократическая — еще раз в десять меньше.

И не кивайте на Гитлера. Единственное, что Говорухин упустил, — это ужасный факт, что именно наша власть сделала всё, дабы спровоцировать нападение Гитлера. А потом — не по-кутузовски (отступая, сохраняя армию), нет, по-советски — кидая под немецкие танки миллионы безоружных, раздетых, плохо обученных...

Фильм трагичен. Он — не классическая трагедия с ее катарсисом (Бог знает, что сие такое, но считается — как бы просветление духа: пускай ты умер, но капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец...).

Нет, фильм — трагедия XX века. Без катарсических просветов. Какой просвет в ледяном тумане Колымы? Какой просвет в дыму печей Освенцима? Поди разгляди.

Предтеча фильма — «Колымские рассказы» Шаламова. Беспросветные. Не рассказы, нет. Рассказ (новелла) — нечто художественное. Воображение, метафоры, вдохновение. У Шаламова — отчеты. Никуда не зовут. Никакого бодрящего катарсиса не дают (и не обещают). А кого такие рассказы просветляют — тот сволочь.

Несколько раз фильм Говорухина прерывали аплодисменты. Надеюсь, в эти мгновения автор корчился от боли и стыда.

Когда Говорухин (в кадре, с документами в руках) выяснил состав кровей В.И.Ленина: калмык-немец-швед-еврей... Перед тем как назвать еврейский компонент Ульянова, Говорухин (на экране) предупредил: «Внимание, антисемиты!» Понимал, как жадно некоторыми будет схвачено (схавано) именно это. И точно: весть, что Ленин на четверть — еврей, вызвала аплодисменты.

Чему обрадовались? Или прежде не знали?

Захлопало (в разных концах зала) всего лишь двое. И я поразился — мало! Два подонка на двухтысячный зал (а набилось, думаю, тысячи две с половиной) — это ничтожно мало.

И все же эти двое — мои соотечественники.

— Братья-подонки, — хочу сказать я им, — найдите у Сталина, у Мао, у Пол Пота еврейскую кровь, и тогда наконец ничто не поколеблет вашу чистую веру во всемирную жидовскую вину. Каин-то был еврей. А Авель — русский.

Но случилось и хуже. Человек сто захопала, увидев жуткие кадры умерших с голоду детей. И это было необъяснимо. Чем

восхитились? Смелостью Говорухина? Тут-то, я думаю, и скорчился он от стыда.

Ведь Говорухин — человек честный. Даже когда в российском купечестве видит сплошь ангелов да безупречных рыцарей.

Горького (за «Мать») Говорухин записал в очернители русских рабочих. А Островского (с тупыми, жестокими, лживыми толстосумами) куда записать? В очернители русского купечества? А Гоголя с Собакевичем, Плюшкиным — куда?

Но не жульничал, не подтасовывал Говорухин. Он — Однодум. Однолюб. Он так видит. У него так болит.

Спорить? Устраивать диспуты? Глупо, пошло и нет никакой охоты.

Прошлый фильм Говорухина «Так жить нельзя» вышел одновременно со сборником радостных демократов-публицистов «Иного не дано». Название сборника как бы само пристегивалось к названию фильма, из чего комичным образом получалось нечто совершенно гробовое, убивающее демсборник наповал: «Так жить нельзя, а иного не дано».

Есть смертельные ситуации.

В одной из них лягушка, упав в сметану, не сдалась, а барахталась, покуда не сбила масло. И вылезла! Оптимистка!

Врет паскудная лягушачья мораль. Обобщает-обещает-подтасовывает.

Оглянитесь. Разве ж в сметану мы упали? В жидком дерьме, в топком болоте: чем больше барахтаешься — тем глубже засасывает.

Есть иное мужество. Не лягушачье. Человеческое. Когда корабль тонет, а кругом не жюльверновский аквариум, но ледяные летейские воды, и шлюпок нет... Тогда капитан командует надеть чистые рубахи.

Умереть с достоинством — это очень неплохой выбор.

Могут ли Говорухина радовать аплодисменты? Будущего нет, а суета отвратна. Говорухин — смертник.

Это — по фильму, а по жизни? Думаю, от премии не откажется, и шампанского (водки?) выпьет, и в Париж прошвырнется.

Но это — его частная жизнь. И это нисколько не умаляет его труд, его картину.

...Перед началом Говорухин сказал краткую речь. Мол, не для интеллектуалов работал — им и так все известно, и делать выводы они умеют сами. Снимал режиссер картину для народа. Это, мол, лекция по истории. Хотя и пристрастная, но лекция. Чтобы просветить.

В финале, в бесконечном эпизоде Говорухин показал объект своих просветительских усилий. Народ. Тысячеголовая давка за пивом. Трехлитровые банки, двадцатилитровые канистры из-под бензина, сорокалитровые жбаны с-под молока. Кто — дерётся, кто — блюёт, а молодая пара с тупыми рожами, с бессмысленными зенками, отоварившись, бредёт от нас к горизонту. Видать, за билетами на «Россию, которую мы потеряли».

И вспомнился замечательный фильм Сергея Образцова «Кому он нужен, этот Васька?». Как дворовой собачке дядя Федя ножки отрубил. А коту Ваське глазки выколол. А ловцы стальной петлей Жучку удушили. А дети плакали.

По тем временам на «Ваську» надо было больше храбрости, чем теперь на «Россию». Ибо — о том же. О смертельно больном обществе. Но сделано было не в 1992-м демократическом, а в 1970-м тоталитарном (столетие Ленина).

Плакали дети в кадре. Плакали люди у телевизоров. Писали статьи. Однако...

Тот дядя, что собачке на глазах у детей ножки рубил, если и смотрел это кино, то, конечно, не плакал, а ухмылялся.

А кто плакал — тот и до образцовского фильма ножек не рубил, глазок не выкалывал.

...Подвез меня к Дому кино редакционный шофер с приятелем. Одному двадцать девять, другому тридцать лет. Еле-еле достал я им билеты. И после фильма подумал: вот, поговорим, узнаем мнение народа.

Матерное предстояло обсуждение.

Про Ленина, мать его! Про большевиков, мать их! Про коммунистический рай, мать его! куда провалилась (не вознеслась же!) Россия, которую мы потеряли.

Что прикидываться? Другая лексика не облегчит душу от беспросветной тяжести говорухинского фильма, весом в шестую часть суши, размером в тысячу утопших Атлантис. Тяжелая. Не всплывет.

Вышел, нашел машину. А они уже там. Сидят, курят.

— Ну, что скажете?

— О чем?

— Как о чем?! О фильме!

— А мы не досмотрели, ушли.

— ...Давно?

— Давно. Минут десять-пятнадцать поглядели. Скучно. Не люблю я документальное кино, я художественное люблю, а документальное — ну его на...

— А вы? — спрашиваю другого.

— А я есть захотел.

— Что ж, — говорю, — поехали. Хули стоим?

И поехали. А хули стоять?

II

Эх, пить будем, гулять будем,
а смерть придет — помирать будем!

Мудрость

Вы прочли текст, написанный ночью после просмотра. Фильм оглушил, как стакан спирта залпом (рядовой факт из собственной молодости, а не из «Судьбы человека»). В пять утра — в койку.

Проспался, стал вспоминать вчерашнее.

Говорухин показывает немецкую хронику 1941 года. Непереносимые кадры массовой сдачи в плен советских солдат. Довольный немец делает нашим добродушный приглашающий жест: мол, иди, рус, всё карашо. И голос Говорухина за кадром: русская армия всегда побеждала, до чего ж ее довели!

Всегда побеждали? А поражения от татар? От ливонцев, ляхов, шведов? А Наполеон в Москве? А Цусима?

Наша историчка (в 401-й московской школе) всегда говорила: «Русские в этой битве одержали поражение». Сказать «русские потерпели» у нее язык не поворачивался.

Говорухин говорит о несчастных юнкерах. Победители-большевики не только их расстреляли, но и половые члены отрезали.

Новгородцам было легче. Резал их, пытал и кастрировал не пришелец, не иноверец, не люмпен. Резал их православный царь, который храмы не взрывал, а строил и молился. Много строил и горячо молился.

Вспомнились титры с «особенной благодарностью Солженицыну». Но и Курбский (Солженицын XVI века) писал всё из той же заграницы всё те же советы: как жить не по лжи, как обустроить Россию.

Тогда, в XVI веке (и раньше, и несколько позже), не длинный еврейский шнобель, а косые монгольские глаза вызывали типичную реакцию. Из тех времен и поговорка про «незваного гостя».

Пушкинский «Борис Годунов» начинается гениально. Русский боярин заполняет анкету Годунова: «Вчерашний раб, татарин, зять Малюты, зять палача и сам в душе палач...» Точно по-говорухински: люмпен, еврей, чекист.

Упомянутая (при разоблачении, что Ленин частично еврей) попытка предупреждения «Внимание, антисемиты» на трезвую голову внушает сомнения. Во-первых, для антисемитов (да и ни для кого) это не новость. Во-вторых, Говорухин прекрасно знает, что и предупреждать, и переубеждать антисемитов бесполезно. Кажется, отчасти это попытка самооправдания: мол, не сочтите автора юдофобом, мол, беспристрастно излагаю всё как есть.

Говоря о жутких жестокостях начальника Петроградского ЧК Моисея Соломоновича Урицкого (полное имя-отчество — метод проверенный, надежный), Говорухин показывает фото типичной еврейской физиономии и с мрачной ненавистью добавляет: «Какое милое лицо!».

У Кашпировского это называется «давать установку». Но Говорухин честно не помнит, что сотням миллионов еще вчера (а многим и сегодня) лицо «Николашки» казалось идиотским, а божественный лик Товарища Сталина — самым милым-добрым-и-родным. Скажи тогда кому-нибудь, что недоумок — интеллигент с шестью языками, а Корифей Всех Наук — семинарист-недоучка... И не исключаю, что лет тридцать назад жуткие каменные идола казались Говорухину памятниками самому человечному человеку, доброму дедушке, который пытался нас

спасти — предупреждал о плохом характере Сталина, а теперь, оказывается, царскую семью приказал уничтожить. Неслыханное злодейство.

А декабристы? Их куда девать? В их программе помимо радостей свободы, было записано истребление царской фамилии. За что и повесили пятерых. Марксу было семь лет. До рождения Володи* — полвека. Давайте изучать национальный состав бунтовщиков-аристократов. Поскольку люмпенов среди них искать не приходится.

Головы царей слетали не только в России и не только в 1918-м. Людовик Французский, Карл Английский, римские императоры... А кто царевича Димитрия пришил? Кто императора Павла кокнул? Два российских самодержца (один — Рюрикович, другой — Романов) сами своих сыночков (законных наследников престола) убили. Одного — в приступе ярости, другого — деловито, с пытками.

И у Достоевского сценарий «Бесов» не с чужих слов. И Распутин был до Кашпировского.

Незачем говорить о неслыханном злодействе. Говорить, вероятно, следует о впервые удавшейся попытке довести дело до конца.

Говорухин перечисляет убийства, зверства, кощунства, читает бесконечные списки погибших.

«Билову отсекли голову. С Елагина, человека тучного, содрали кожу. Жenu его изрубили. Дочь... в наложницы. Оклады с икон были ободраны, на престольное одеяние изорвано. Церковь осквернена была даже калом лошадиным и человеческим. Казни происходили каждый день. Овраги около Берды были завалены трупами расстрелянных, удушенных, четвертованных страдальцев. Шайки разбойников устремлялись во все стороны, пьянствуя по селениям, грабя казну и достояние дворян. Они бросились грабить дома и купеческие лавки, вбегали в церкви и монастыри, обдирали иконостасы; резали всех. Двадцать пять церквей и три монастыря сторели. Гостиный двор и остальные дома, церкви и монастыри были разграблены. Найдено до трехсот убитых и раненых, около пятисот про-

* Ульянова.

пало без вести. В числе убитых находился директор гимназии Каниц, несколько учителей и учеников и полковник Родионов. Многочисленная московская чернь, пьянствуя и шатаясь по улицам, с явным нетерпением ожидала Пугачева».

Простите за длинную цитату. Не имея говорухинского сценария, взял «Историю Пугачева» Пушкина и увлекся.

Что касается кровной точки зрения на злодейское убийство царской фамилии, то следует сказать: калмыко-шведо-еврей приказал расстрелять немцев. Хотя ежели царевич Алексей (немец на 255/256) за 1/256 считается русским, то Ленин за четверть, конечно, еврей. Но оба крещены в православии. Оба — русские дворяне: и калмык, и немец.

Показывают Россию, которую мы потеряли, — как потерянный рай. Где шпицрутены? Где взятки, цензура, перлюстрация, доносы? Где то, от чего сбежал в Италию Гоголь, задыхался Пушкин, рвавшийся «хоть в Китай»? Где Карамзин, определивший всю историю России одним словом: «воруют»?

Или Говорухин тоскует не по России вообще, а по России 1913 года? (Школьная привычка все миллионы тракторов, телевизоров, танков всегда давать «в сравнении с 1913-м».)

Несколько раз Говорухин повторяет: «В 1913-м Россия находилась в высшей точке расцвета». Однако непонятно, к чему было, не закончив реформы, ввязываться в войну с Германией?

Обязательства? Стоит ли серьезно говорить о дипломатических обязательствах. Достопочтенные Черчилль и Рузвельт показали нам потом, как надо умело оттягивать открытие Второго фронта. Подло? Это внеполитическая категория.

Может, и подло, но миллионы англичан и американцев остались живы благодаря подлости своих правительств. А наши солдаты гибли за благородство Иосифа Виссарионовича. И после войны он с благородной гордостью сказал: «Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не пропала даром, что она дала свои результаты».

«Приятно и радостно!» А не пошли бы вы на... с таким благородством.

Зачем Россия полезла в войну 1914-го? А если уж полезла, то что делала три года победоносная (по Говорухину) русская армия? Как, за три полных года, чудо-богатыри, да в союзе

с Францией, Англией, Италией, Японией, США (а всего — более двадцати государств) не одолели Германию с Австро-Венгрией и примкнувшую к ним Болгарию? И как это: вместе с Россией за три года не одолели, а потом, без России, — за год управились?

Темна вода.

Несколько беспокоит, что главный исторический консультант фильма Сергей Станкевич* является одним из главных консультантов президента Ельцина. Во-первых, вероятно, именно поэтому, говоря о сносе Ипатьевского дома (где расстреляли Романовых), говоря о властях, уничтожающих следы преступления, Говорухин, любящий называть всех (порой и по имени-отчеству), Ельцина — тогдашнего первого секретаря Свердловского обкома, который и подписал приказ о сносе, — не назвал. Второе и главное — пристрастный, мягко говоря, подход, может, и годится для кино. Для политика — нет.

Убийства священников, юнкеров, отрезанные члены... А Ош, Карабах... кто кому отрезает члены, груди, выкалывает глаза? Люмпены? Марксисты?

Ладно, Пугачев — люмпен. А Грозный — кто? Зачем террор ввел? Марксист? Нет. А нос крючком — поскольку из арийцев, Рюрикович, швед (хотя и меньше, чем Ленин).

Всякая попытка остановиться по дороге в прошлое и сказать: «Вот начало конца» — несостоятельна.

С лица земли и прежде исчезали города, империи, народы, даже языки, даже континенты, цивилизации. И, отлиставая назад, мы неизбежно приходим к самому знаменитому убийству.

Каин Авеля убил. Брат — брата!

Люмпен? Нет. Зажиточный крестьянин, пахарь. Марксист? Нет. Верил в Бога. Искренне и глубоко. Еврей — да, но и Авель не гой, не православный, а брат родной.

Подлец? Садист? Нет.

Вспомните, за что убил?

Жертву Каина не принял Бог. Бог отверг Каина. За какую вину? За что? А ни за что. За просто так. По капризу.

* Он тогда, может, еще и сам не знал, что станет взяточником.

А лишившись Бога, чего ему было жалеть? Кого?

...Потому-то и не стоит устраивать следствие. Формула ответа уже существует: всё — от Бога. А не угодно — тогда так: судьба.

Про Атлантиду не знаю. Успели ли они найти причину? Но из нашего прекрасного далека совершенно ясно: никакое нацменьшинство, никакая партия не могли пустить ко дну материк.

Хотите — судьба. Хотите — Божья воля.

Мы наблюдаем (и с нами происходит) исторический процесс. Но, находясь не вне, а внутри его, мы пытаемся объяснить происходящее пошлыми ничтожными понятиями: партия, мафия...

А почему? А потому что умирать не хочется. Определить болезнь, найти врача, найти лекарство (доллары, МВФ — смех, ей-богу) — значит выздороветь. И гоним мысль о том, что вызывают неизлечимые болезни. И тогда вся суматоха и все инъекции-инвестиции — лишь продление судорог.

Может, маемся оттого, что между небом и землей? Размножаться предпочитаем как звери. А умирать хотели бы по-человечески: духовно, индивидуально, красиво, со свечами, речами, под Шопена, под Альбиони... а то и вообще не умирать.

И тот, кто сверху глядит на нашу суету, кто уже не раз стирал с лица земли государства, народы, языки, — думает: не хотите умирать — что ж...

Миллионы крыс вдруг бегут и бросаются в море и тонут в ледяной соленой воде. Останови любую, спроси: куда бежишь? Она радостно ответит: на презентацию! А другая? Норку приватизировать! А третья? В Париж. Куда ж еще?!

Ежели кому родство с мелкими животными кажется унижительным, тем в утешение: киты (тоже стаями) выбрасываются на берег. Чтоб сдохнуть? Или с некоей неизвестной им целью? Или с некими иллюзиями на будущую счастливую жизнь на суше?..

Что делать? А ничего.

Жить, как следует порядочному человеку.

Антигоне под страхом неминуемой смертной казни запретили предавать земле тело родного брата — государственного преступника. Она нашла для себя (для себя, не для общества)

гениальную формулу. ДЕЛАЙ ЧТО ДОЛЖЕН. И ПУСТЬ БУДЕТ ЧТО БУДЕТ.

Русский поэт Иосиф Бродский советует, столкнувшись с тягостной, отвратительной, неразрешимой ситуацией, — «взять тоном выше».

Подняться над бытом можно без особого труда, если ты не ребенок и не капризен как ребенок. Подняться над собою дано немногим. Подняться над Богом — никому.

Но есть путь, открытый для всех. Это — «взять тоном ниже».

Удачный экземпляр девичьей попки вызывает более пылкое восхищение, чем все полотна Рафаэля. С этим наверняка согласился бы и сам Рафаэль.

Бросим жалеть о проданной Аляске. Бог с ней! Снявши голову, по волосам не плачут.

Давайте продадим Крым. Американцам или хоть туркам.

Сразу станет легче. Исчезнет повод для войны с Украиной. А мы на эти деньги сможем еще немножко попить-погулять.

...Во вторник в передаче «Без ретуши» (прямой эфир) одна журналистка спросила Говорухина:

— Все так ужасно! Во что же верить?

Я успел подумать, что единственно возможный ответ: «Верить надо в Бога», и вдруг услышал:

— Верить надо в демократическую идею!

Вот спасибо. А в коммунистическую уже не надо?

P.S. Увы, я напророчил. Через три года Говорухин голосовал за коммунистов. Забыл, видать, свое кино. А потом Госдума ратифицировала передачу Крыма Украине.

P.P.S. В Сочи, на Кинотавре-93, Говорухин наткнулся на меня, опознал и сказал барственно и брезгливо: «Я прочел вашу мерзость». Вот те раз! А я-то думал, что серьезный анализ ему понравится. Теперь он — член «Единой России». Разумно.

3 ноября 1992, «МК»

ПОЧЕМ НЫНЧЕ ПРАВДА-МАТКА

Братья и сестры! К вам обращаюсь я, друзья мои!

Коррупция нагло захватывает прессу. Случаи продажных публикаций участились настолько, что превратились в систему.

Сегодня утром мне домой трижды звонили по одному и тому же делу. Звонили трое: милая девушка, пожилой член бывшего Союза писателей СССР и народный депутат. Текст один и тот же:

— Саша, тут приехали замечательные люди. Они хотят опубликовать честную, объективную информацию. Готовы на всё.

— Сколько это «всё»?

— Сколько скажете.

Звонили, уверен, не мне одному.

Не подвергаю сомнению «честность и объективность», но и слушать не хочу. Мне не нравится метод.

Честные люди предлагают любые деньги, чтобы «опубликовать правду». Ясно, что эти люди всё напечатанное считают неправдой. Ибо — по их логике — если за публикацию правды надо много платить, то сколь ж получено за публикацию лжи? Страшно подумать.

Основания есть. Недавно шестьдесят журналистов летали в Чечню. Самолет прислал Дудаев, жилье и питание обеспечил Дудаев, развлечения (охота, баня) обеспечил Дудаев. Чтобы журналисты написали правду*.

* Такие самолеты летали в Чечню регулярно. Кроме пьянки-гулянки, Дудаев обязательно два-три часа выступал перед очередной группой журналистов, рассказывал, какую замечательную счастливую жизнь строит чеченский народ. Автора туда звали очень настойчиво, а он всякий раз: «Извините, некогда».

Ельцин

У любого порядочного человека, которого возили и поили, невольно появляются нравственные обязательства. Нравственно невозможно ответить обидой на гостеприимство.

На прессу (да и на всех) можно действовать пряником, а можно кнутом.

Мы знаем, как Сталин устроил писателям поездку на Беломорканал. И знаем, какую правду они написали о Соловках, о Беломорканале, о ГУЛАГе. Все, в том числе неподкупный Буревестник.

А сколько буревестников летали в Канны с Таги-заде...*

Советская пресса стремительно теряет свое единственное завоевание — доверие читателей.

Ни один разумный человек не верил советской прессе до 1987 года. Идеологическая и политическая цензура, партийный диктат, ложь статистики были очевидны всякому и исключали доверие.

Доверие мы завоевали быстро. Отсюда взлет тиражей. Отсюда реальная сила четвертой власти. Отсюда страх трех первых властей и всех, кому гласность мешает.

Мы не можем остановить войну**. Мы не можем остановить разграбление страны. Не можем и не должны ловить, арестовывать, судить. Но мы можем и должны делать всё, чтобы чиновники боялись грабить, а органы боялись закрывать на это глаза.

Сегодняшнее падение тиражей — следствие не только дороговизны, но и того, что мы теряем доверие.

Безраздельный диктат власти сменился беспредельным диктатом денег. Наивно думать, что это не заметно со стороны.

Когда за правду убивали, у журналистов еще были какие-то оправдания. Когда правдой торгуют — оправданий нет.

* Оптовый торговец цветами загреб на тюльпанах и мимозе столько, что самолетами возил кинокритиков в Канны на фестиваль. Теперь некоторых возит Боско Чиледжи.

** Тогда — в Осетии.

13 ноября 1992, «МК»

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА. 1945–1992*

ГАМЛЕТ. Чье это войско? Куда поход?

ОФИЦЕР. Нам хочется забрать клочок земли,

Который только и богат названьем...

Туда уж стянут сильный гарнизон.

Шекспир

Больше островов — больше патриотизма+

Статья, которую вы сейчас читаете, имеет ошибочный заголовок. Сейчас, в ноябре, мы уже знаем, что русско-японская война не кончилась в 1992-м.

Но в августе, когда я писал эту статью, шансы на мирный договор были. И большие.

Планировалась грандиозная дипломатическая победа. Ельцин, хитро улыбаясь, говорил о двенадцати (четырнадцати?) вариантах**. Предвкушались объятия, ликование, приятные сюрпризы, ну и, конечно, кредиты, инвестиции...

Из тактических (и тщеславных) соображений статью хотелось опубликовать перед самым отъездом президента в Японию. Президент не раз говорил, что начинает утро с чтения «МК». Так вот, чтоб не успел забыть.

Улетал Ельцин в субботу. В среду не было места (статья большая). В четверг помешало что-то сверхсрочное. А в пятницу...

В пятницу стало известно, что визит сорван.

* Теперь дата была бы другая: 1945–2011.

** Через два года он так же важно говорил о семнадцати вариантах мирного решения чеченского вопроса.

Патриоты победили.

Президент отступил.

В тот момент многим показалось, что это самое большое поражение, которое нанесли правые с августа 1991-го*. Правые торжествовали.

Торжествовали американцы.

Японцы были оскорблены страшно. Высокопоставленный дипломат в ярости не сдержался:

— *Это последний раз, когда русские наср... мне в лицо!*

И нет сомнений, что Япония отыграется.

...Теперь эта статья состоит из старых и новых глав. Новые помечены крестиком (+).

Не смейте сравнивать!

В 1981-м я был безработным. Называл себя «свободным журналистом». Печатали меня только в журнале «Театр» (раз в полгода). Однажды увидел провинциальный спектакль, где персонаж-грузин носил фамилию Камикадзе. Для смеха.

Я написал, что мне не нравится такой юмор. И что, наверное, нам бы не понравилось, если бы японцы для смеха использовали наших молодоговардейцев**.

Зам. главного редактора ткнул пальцем во вредное место.

— Как понять?

— Видите ли, и камикадзе, и молодоговардейцы — смертники. И те, и другие отдают жизнь за Родину. Но у молодоговардейца еще были шансы выжить (побег, внезапное наступление Красной армии). А у летчика-каmiques шансов не было: горючее в один конец и самолет без шасси (не предназначенный к посадке). Так что подвиг камикадзе... как бы это сказать...

Я замялся, а зам. главного прошипел:

— Как вы смеете сравнивать?! Советских комсомольцев!! С японскими милитаристами!!

* Правыми тогда (к недоумению всего мира) мы называли коммунистов.

** Времен Великой Отечественной, а не этих, кремлевско-сурковских.

Он кричал шепотом. Не хотел, чтоб кто-нибудь услышал, в какой дискуссии он участвует.

Чьи острова?

ТВ, радио, газеты непрерывно говорят о Курилах. И все равно почти никто ничего не знает. Сто раз спрашивал у первых встречных: «Чьи острова?» — «Наши!» — «Давно?» — «Всегда!»

Мягко говоря, это не совсем так. «Всегда» острова были японскими. Началось это «всегда» в 1855 году. Прежде острова юридически были ничьи. Там жили аборигены (не японцы, не русские).

Впервые русско-японскую границу провел трактат от 7 февраля 1855 года. Уруп и далее к северу — Россия. Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомай* — Япония.

Граница двигалась. С 1875-го до 1945-го все Курилы были японскими. Южный Сахалин был то русским, то японским. Но те четыре острова были японскими всегда. С 1855 до 1945 года.

В 1945-м, в конце войны, советские войска без боя заняли Южные Курилы.

Война

С Японией мы поступили плохо. Она на нас не напала, а мы на нее — напали.

13 апреля 1941 года СССР и Япония подписали Пакт о нейтралитете, обязались *«поддерживать мирные и дружественные отношения, взаимно уважать территориальную целостность»*. Еще стороны обещали, что отказ от Пакта должен быть объявлен за год до окончания срока.

Япония сдержала слово. Не напала на нас ни осенью 1941-го, ни летом 1942-го, когда СССР выглядел обреченным на поражение, выглядел легкой добычей.

Мы повели себя иначе. В апреле 1945-го, за месяц до Победы, когда капитуляция Германии была неизбежна, мы разорвали Пакт. А 9 августа, на следующий день после второй атомной бомбы (Нагасаки), объявили Японии войну.

* Удивительно русские названия.

Пакт должен был оставаться в силе до апреля 1946-го. Но Япония была обречена, была легкой добычей, и Сталин не упустил момент. 2 сентября Япония капитулировала.

Все Курилы — впервые! — стали советскими. Подчеркиваю: советскими, а не русскими.

Макаки

Японцев не любили и боялись. Немец — глупый, француз — нахальный, англичанин — холодный. Японец — жестокий.

После Цусимы японцев возненавидели. Гигантская Россия проиграла войну с маленькой Японией. «Макаки» — другой клички для японцев не было. Вспомните замечательный фильм «ЧП» — наши моряки в плену у коварных, безжалостных азиатов.

Полюбили их недавно. Да и не их, а электронику — *Sony*, *Akai*, *Aiwa*. Увлечлись карате.

Сами японцы остались чужими. Буквы (иероглифы) понять нельзя. Что на уме — неизвестно. Глаза косые, улыбка деланая, кожа желтая, водка слабая, теплая, противная, да и называется «саке».

Конечно, японцы тоже люди, но...

Отдавать острова ужасно не хочется. Это как с деньгами, взятыми в долг. Берешь чужие и на время. Отдаешь свои и навсегда.

Золотые острова

Скоро полвека, как четыре острова — наши. Красивые, богатые. Там красная рыба, там золото. Там укрепления.

Сталин взял эту землю. И до сих пор ее охраняют врытые тяжелые танки «ИС» — «Иосиф Сталин». Еще не совсем проржавели.

Пока острова наши — нам принадлежат и проливы. Незамерзающие. Дающие выход в Тихий океан.

И свою двухсотмильную зону мы отсчитываем от островов. Это очень выгодно.

Если поглядеть на карту: сперва Россия, потом — на восток — Япония, потом — еще дальше — острова. Мы этими ос-

тромами Японию в клещи взяли. Можно сказать, Япония (Хоккайдо) в наших территориальных водах находится.

Они в нашей воде без конца рыбу ловят. А мы их ловим. Штрафуем. Рыболовецкие шхуны отбираем. Если быть по-настоящему принципиальными — надо и Хоккайдо отобрать. Он в нашей воде.

Сталин, кстати, собирался Хоккайдо захватить. Что помешало — неизвестно.

Заветам Троцкого верны

Вторая мировая война не кончилась. Мирного договора с Японией нет. Ситуация 1992-го похожа на ситуацию 1918-го.

Любимый вождь революционного пролетариата наркомвоенмор Лев Троцкий придумал тогда гениальную штуку: «Ни мира, ни войны». Немцы не оценили идею, зато оценили подарок. Пошли вперед. Ленин ужасно рассердился, но было поздно. Пришлось заключать Брестский мир. Совсем похабный.

Сила революционного ума была расценена немцами как военная слабость. Республика Советов расплатилась территорией.

Пока мы были сверхдержавой, мы могли позволить себе не признавать само существование курильского территориального вопроса. Ситуация меняется. И очень быстро.

Япония усиливается, Россия стремительно слабеет. Конца этому процессу не видно. И никакие патриотические крики депутатов не могут тут ничего изменить.

Неизбежно настанет день, когда Япония, вместо того чтобы приглашать на переговоры, предъявит нам ультиматум. Не согласимся — объявит блокаду (торговую). Волей-неволей придется заключить похабный мир. Очень похабный.

Скупой платит дважды

Отдавая острова «в принудительном порядке», мы потеряем не только территорию. Мы потеряем престиж.

И еще неизвестно, что дороже.

Горбачева бешено ругали, что отдал ГДР. И депутаты, и ветераны, и — особенно — генералы орали: «Продал! За пять миллиардов марок!»

Уважаемые! Конечно, жалко. Конечно, кровью досталось. Но ведь через год пришлось бы даром отдать. И получили бы мы не «спасибо» от Коля, не огромные субсидии* на строительство городков для офицеров. Получили бы ультиматум о немедленном выводе советских войск.

В этом случае пришлось бы говорить о катастрофе.

Не Горбачев продал, а не стало сил удерживать. Однако взрыв яростного патриотизма напугал тогдашнюю верхушку. Шеварднадзе (о Курилах) сказал: «Как я, грузин, могу отдать русскую землю?»

При чем тут «грузин»?! Он ведь был министром иностранных дел СССР! Он должен был выполнять свои обязанности в соответствии с гражданским долгом, а не с пятым пунктом анкеты. Но он прекрасно знал, что непопулярное, непатриотическое решение немедленно даст козырь расистам.

Теперь с этим столкнулся Ельцин. Пока боролся с Горбачевым, пока обещал (да как решительно!) реформы «без снижения уровня жизни» — был «наш», был «истинно русский». Но лишь только цены взлетели, лишь только началась разруха — он уже Ельцин. Уже всюду идут патриотические изыскания в анкетах его бабушек и прабабушек.

Могу предсказать: если случится, что патриоты придут к власти, то не пройдет и полгода, как Стерлигов и Анпилов окажутся евреями.

Лагерная любовь

Мы жили в замечательном мире. Нас ненавидели друзья. Никогда американский народ (английский, бразильский) не испытывал к нам и тысячной доли той ненависти, что братья по социалистическому лагерю.

Всё просто. Ни в Нью-Йорк, ни в Лондон мы не въезжали на танках. Венгрия, Польша, Чехословакия дышали ненавис-

* Разговорали.

тью. Нам казалось, что мы их любим. А они чувствовали, что их насилюют. И чувства свои проявляли как могли. Ни один хоккейный матч СССР—Канада не проходил с такой бешеной яростью, как матчи СССР—Чехословакия. Даже выражение появилось: заклятые друзья.

Но даже те, кто всегда это понимал, не задумывались о японских чувствах. Япония всегда (и сейчас) воспринимается как «одна из капстран». Никто не задумывается, что одна из стран «семерки»* (вторая по мощности!) относится к нам совершенно иначе, чем другие.

Японский счет

То, что у нас с Японией нет мирного договора, — в конце концов формальность. Ведь не воюем же. Торгуем, посольства работают, туристы ездят, балет гастролирует.

То, что у Японии есть к нам территориальные претензии, в конце концов не смертельно.

Жили в этой ситуации сорок семь лет и еще сколько-то проживем.

Тем более что и наши народные массы, и народные массы Японии глубоко равнодушны к этим проблемам.

Даже сейчас, когда политики раздули курильский ажиотаж, опросы показывают, что простых людей и у нас, и у них это мало трогает. Есть проблемы поважнее.

Увы, японский счет не измеряется квадратными километрами. Он измеряется могилами.

Мы не даем японцам забыть о войне. О капитуляции. О последовавших ужасах.

Политики давно заключили мир с Германией. Но еще много-много лет (и сегодня) мы не в силах забыть смертельной Великой Отечественной. А ведь нам легче — мы победители.

Японцы — побежденные. Это вообще не забывается.

Наше нападение на Японию в 1945-м можно назвать вероломным. Они ничем нас не провоцировали.

* После принятия России «Большая семерка» стала «восьмеркой».

Пепел и кости

Мы в Маньчжурии взяли в плен Квантунскую армию. Она сда-лась почти без сопротивления (капитуляция была предрешена и неизбежна).

Пленным объявили, что их отправят домой через Сибирь. Потому, мол, что китайские порты перегружены. И — отвезли в ГУЛАГ.

Из шестисот тысяч пленных погибло шестьдесят тысяч. Выживших отпустили в 1956-м. Первыми отпускали тех, кто записался в коммунисты. Прониклись идеями на лесоповале.

После японской капитуляции с четырех островов депортировали семнадцать тысяч жителей. На Хоккайдо жили шесть миллионов японцев. Может, это и остановило Сталина — вагонов могло не хватить.

Немцы (даже не причинявшие нам зла) всегда понимали, за что их наказывали после войны. Они ощущали национальную вину перед Россией. Они знали, *за что* плен, оккупация, репарации.

Японцы не знают национальной вины перед нами. И не могут смириться с продолжающимся наказанием. Не признают за нами права наказывать.

Главный тигр

Япония была унижена, уничтожена, растоптана. Ее — единственную в истории человечества — подвергли атомной бомбардировке. Потом американские солдаты трахали японских девушек, а наша вохра гоняла по тайге японских парней.

Япония поднялась не с нуля, а из пропасти. И всего за тридцать-сорок лет. Всё сделано теми, кто живет сейчас. У них есть право быть гордыми. Они вернули своей родине богатство, престиж, силу. Вернули всё, кроме островов.

Гордый человек не хочет чужого. Но и смириться с несправедливостью ему трудно.

Японцы ловят рыбу в наших водах. Не потому что они такие жулики, а потому, что не признают наших прав на эту акваторию.

Еще живы три тысячи человек из семнадцати тысяч депортированных с островов. На островах остались могилы их родителей, близких. Да и у других японцев на Южных Курилах родные могилы. В Японии чтут мертвых. Но Япония не позволяла никому ездить на острова «к отеческим гробам».

Потому что для этого японец должен был просить советскую визу. Визу к себе домой? Это унижительно.

Сегодня Япония — вторая в мире и первая в Азии. Все «тигры» — Тайвань, Корея... — хотят дружить с главным тигром.

Все желавшие дружить с Прагой должны были дружить с Москвой, нравиться Москве. Точно так же все, кто желает дружбы с «тигрятами», должен не ссориться с Японией. Конечно, Сеул не так привязан к Токио, как Прага к Москве (была). Но рассердить Японию в том регионе никто не решится. Слишком серьезно.

Не хочешь мира — готовься к войне

К сожалению, природа не терпит пустоты. Место, не занятое нами, занимают другие. На Тихом океане четыре главных: Япония, Китай, США и Россия. Ухудшение русско-японских отношений автоматически улучшает японо-китайские и японо-американские связи.

Мы давно, добровольно и последовательно ухудшаем свое положение. Ради чего?

Как увязать эти реальности с депутатским патриотизмом? Не знаю. Вероятно, их патриотизм существует в другом измерении.

Жизнь не стоит на месте. Не заключая мир с Японией, мы накаляем обстановку. Говоря о *стратегическом* значении островов, мы говорим ни о чем ином, как об их *военном* значении. Военные острова в 30 км от Японии? Не с ней ли собираемся воевать? Тогда надо срочно довооружать Курилы*.

* Спустя девятнадцать лет, в 2011-м, на острова впервые прилетел президент России, за ним вице-премьер Иванов: решено довооружить.

Чем ответят японцы? Восточными любезностями? Вряд ли.

Помните, как мы вооружали Остров свободы? Понаставили ракет в 200 км от Америки. Очень стратегическое место.

И ответ был очень жесткий. Пришлось убраться.

Не заключать мир — значит не выполнять международные договоренности, — значит вынуждать Японию на жесткий ответ.

А дальше? Гонка вооружений с Японией?

Последняя надежда

Все судят по себе. В нормальных странах смена правительства почти всегда означает смену курса. Японцы именно так воспринимали смену наших генсеков. Вспыхивали надежды, активизировались дипломаты.

Действительно, у каждого нового генсека была прекрасная возможность сказать: «Дорогие товарищи! Мы исправляем ошибку прошлого...»

Никто не сказал. А с течением времени ошибка становится всё менее чужой, всё более собственной.

Сегодня проблема островов — ошибка бывших властителей (от Сталина до Горбачева). И для Ельцина начинающиеся переговоры — это последняя возможность говорить о чужих ошибках. Если переговоры будут сорваны или кончатся ничем, чужая ошибка станет нашей, сегодняшней. Станет ошибкой Ельцина.

Курильская карта

Чего добьется Ельцин, удержав (на время) четыре спорных острова? Только одного: патриотическая оппозиция вынуждена будет использовать другие козыри в игре с президентом.

Их, слава богу, достаточно: инфляция, безработица, развал производства... Разница в том, что ни одна из этих проблем не имеет столь простого решения, как курильская. «Не отдадим ни пяди!» — вот как просто быть патриотом. А за эти «пяди» придется заплатить ухудшением отношений с «семеркой». Но платить будут не патриоты, а опять-таки президент. Что ж, он,

надеюсь, помнит, как удобно быть в оппозиции. Он точно так же играл против Горбачева.

Что касается «ни пяди!» и тому подобных лозунгов, то они есть и в Японии. И там политики разыгрывают те же сцены, а патриоты клянут нерешительное правительство за мягкость. В Японии спорные острова — тоже козырь в политической игре. И не дай бог, если твердость наших патриотов приведет к власти твердых японских патриотов. Что они предпримут, чтобы выполнить предвыборные обещания и вернуть пресловутые пяди, которые в Японии стоят дороже, чем в России?*

Спинномозговая гибкость+

Есть гибкость ума. Есть гибкость спины.

Счастливики сочетают. Умеют сочетать.

После шока — сорван визит! на высшем уровне! — думали: Боже мой, что будет?

А ничего. Ни одного инфаркта. Никто не застрелился. Даже в отставку никто не ушел.

Браво!

Чуть ли не в тот же день появились статьи, объясняющие, как хорошо и мудро, что Ельцин не поехал. Что, мол, было бы ужасно плохо, если бы поехал, а проблему островов не решил.

Простите, а разве планировался бесцельный, безрезультатный декоративный визит? А дюжина вариантов? Они что, все были пустышками?

Ведь никто и не собирался отдать все четыре. Насколько можно судить, предполагали на определенных условиях отдать два (обещанных еще в 1956-м), подписать мирный договор, а потом начать долгую, хитрую, жесткую торговлю о двух других. Торговлю с неопределенным сроком и с неопределенным исходом.

Но — мир! Но — другой уровень отношений с Японией!..

А мир с Японией — это сразу и другой уровень, другой баланс сил в отношениях с США.

* Арифметика. Россия в шестьдесят раз больше Японии. Каждая пядь, каждая сотка для японцев в шестьдесят раз ценнее.

Согласитесь, одно дело разговор с Россией, которая в контрах с Японией, другое — когда в дружбе.

Так ли бы взлетел доллар на Московской бирже?

Так ли бы рухнул рубль?

Мы еще раз продемонстрировали свою особость, которую умом не понять. То есть — непредсказуемость, ненадежность.

За три дня до встречи с императором сорвать визит — неслыханно. Но, сорвав, устроив мировой скандал, — надеяться на инвестиции солидных фирм, на долгосрочные кредиты?.. Всё это так ясно, как простая гамма.

И однако те же люди, которые твердили о необходимости визита, и те же газеты, что ратовали за визит («МН», «НГ» и пр.), — одобрили срыв. Нашли его мудрым, достойным и т.д. Мол, теперь-то Россию начнут ужасно уважать. За стойкость. Не стыдись, так и пишут. Мол, проявлено истинно государственное мышление. Да.

Не могу забыть, как на XIX партконференции демократы хором бились за абсолютную неприемлемость совмещения постов*. Но Горбачев настоял вопреки всему. И на следующий же день те же демократы писали, как это мудро, демократично и единственно верно.

А трехлетняя осанна мудрой антиалкогольной политике? Кто ее пел?

И так у нас всегда. Сегодня шок и ужас. А завтра очередная книжка «Иного не дано».

Сколько волка ни корми+

Не отдали острова. Ура!

Сколько на этом потеряли и как себя уронили — о том уже сказано. А вот *что президент приобрел?*

Поднялся ли его рейтинг в России?

Снискал ли он дружбу депутатов-патриотов?

Полюбили ли его славянские фронты и национальные соборы?

* Требовали разделить должности президента СССР и генерального секретаря ЦК КПСС. Не добились.

Прекратилась ли его вражда с Верховным советом?

Что говорить! Пока дипломатичные демократы сочиняли изобретательные доводы о государственной державной мудрости, проявившейся в форме срыва переговоров... (А по-честному, когда за три дня до начала — это не мудрость, а то ли внезапный испуг, то ли вещий сон, то ли веление свыше.) Пока пировали американцы, для которых только объединенная Европа еще хуже, чем наша дружба с Японией... Пока отменялись полеты, банкеты... Пока плелись домой японские дети, уже почти выучившие «добро позяровать»...

...Наши бойцы уже нашли другие обвинения для «преступной политики Ельцина». Что и следовало ожидать.

С японцами мир был так близок, так возможен. И променять его на несбыточный, невозможный мир с оппозицией? Ведь ей не Курильские острова нужны, а московский Кремль.

И даже Руцкой на днях рубанул в сердцах: «В четыре камня на Тихом океане вцепились, а Крым!..»

Я далек от мысли, что сейчас начнут ржавые «ИС» из шикотанского бурьяна выковыривать, чтоб передислоцировать на Сиваш. Но фраза вице-президента ясно показывает, как невысоко ценит боевой генерал-патриот «четыре камня» — пустую карту, грубо передернутую во внутривнутриполитической игре.

Русская ширь, японская теснота

Для нас — маленькие островки на краю света. Для Японии (островного государства) — великая ценность. У России — 17 075 000 квадратных километров. У Японии — 370 000. А по населению мы почти равны (сто пятьдесят миллионов и сто двадцать миллионов). Поэтому у них плотность населения в пятьдесят раз выше*.

Это не к тому, что надо уступать свою квартиру тем, кто живет в тесноте. Это к тому, что японцам эти острова во всех смыслах дороже, чем нам.

Но главное не в этом.

* Теперь нас сто сорок миллионов, а японцев сто тридцать.

Да, есть исторический, стратегический, геополитический, экономический аспекты проклятого территориального русско-японского вопроса. Это серьезные, очень реальные, прагматические аспекты. Подходя с этих позиций, надо торговаться, хитрить, тянуть, блефовать — делать всё, чтобы извлечь максимальную выгоду для России. Чтобы если и отдать, так за максимальную цену.

Есть моральные аспекты вопроса. Мы — захватчики. И по совести лучше бы отдать не торгуясь. Ведь чужое впрок не идет. И гниет там красная рыба, потому что она под ногами, а рыбакам выгоднее далекие походы за сайрой.

Но главное и не в этом. И политика, и мораль — хоть и несовместимые, но человеческие, то есть бранные вещи. И странно, что никто ни слова не говорит (и, значит, не думает) о другом.

Побойтесь Бога

Если бы генерал Стерлигов* пригласил меня на Православный Собор, а депутаты — на парламентские слушания, а президент — на заседание Совета Безопасности (ни того, ни другого, ни третьего, конечно, не случится) — я предложил бы подумать об Аляске.

Глупый и непатриотичный царь продал Аляску американцам. А там золото нашли! А не продал бы — и золото, и Аляска были бы наши! Эх!

Но не продай царь Аляску, как бы ее использовал Сталин? Вцепился бы, послал бы эков золото мыть. Врыл бы танки «ИС». А в 1949-м — атомная война.

В 1962-м из-за чужой Кубы, Фиделя и сахарного тростника чуть не взорвали планету. А за родную Аляску, да с золотом, да с эскимосскими братьями наших камчадалов — ужели не начали бы священную ядерную войну?

Или можно подумать, что американцы терпели бы такого соседа.

* Генерал КГБ СССР, на которого после августа-91 снизошла благодать. Вероятно, и на Путина тогда же. Как им удастся любить Феликса Дзержинского и целовать распятие?

Правильно говорят, что История не знает слова «если». Потому что «если» — это человеческое слово. «Если» — это колебаться, советоваться...

Тот, кто действительно делает Историю, никогда не советуется. Ему не с кем.

Каким узким мышлением, какой слепотой надо обладать, чтобы даже такое глобальное историческое событие, как продажа огромной Аляски, приписывать воле царя и министров — смертных человечков.

Кто возносит и низвергает народы? Кто создает и разрушает империи? Корсиканские капралы? Симбирские присяжные поверенные?

Будь турецкие султаны менее кичливы, не считай они себя наместниками Аллаха, они продали бы Крым России, вместо того чтобы так долго и напрасно воевать за него. Продали бы до войны. Не могла Россия терпеть турецкий плацдарм у себя на брюхе. Вопрос был предreshен, а упрямство и непонимание наказуемы.

Если тысячелетний территориальный рост России есть историческая справедливость (или Божий промысел), почему сокращение кажется несправедливым и обидным?

Рождаться — справедливо, а умирать — нет? Это ребячество. Империи Александра и Цезаря остались только в учебниках. И только психопаты-греки и психопаты-итальянцы могут хныкать над картами империй, исчезнувших тысячи лет назад.

Или римский сенат был глупее наших депутатов? Кончилось время Римской империи — и ее не стало.

Россия росла не в вакууме. Ее рост сокращал Польшу, Турцию, Швецию... И никакие соображения польских, турецких, шведских патриотов ничего не могли изменить.

Вся история — доказательство бытия Божия. И когда народы не хотели понять Его, Он находил способы вразумить, принудить и согнуть самых жестоковейных.

Он заставил Египет отпустить евреев из рабства. Он на две тысячи лет лишил евреев государства. С точки зрения еврея-дурака, первое было очень справедливо, а второе — чудовищно несправедливо. Но с дураками скучно. И Библию писали не дураки.

Ельцин

Кто знает, почему так стремительно слабеет Россия? Гайдар виноват? Но почему он стал премьером? Ельцин? Но почему именно Ельцин стал президентом?

Случайно? Не смешите людей. Государства не погибают случайно.

Германия, которая сейчас балует нас посылками, пришла к возрождению через крах, безоговорочную капитуляцию, ограбление, унижение. Ее граждан судил не карманный суд и не по гитлеровской конституции. Их судил международный трибунал. И миллионам немцев (отнюдь не гитлеровцам) казалось — это конец.

А это было начало.

Самый последний вопрос

Всего семьдесят пять лет назад российские патриоты призывали Отчизну пойти в бой за Босфор и Дарданеллы. Не пошли. И как-то прожили без этих замечательных проливов.

Когда сегодня державники кричат свое коронное *«ни пяди не отдадим!»*, — я жду, что они произнесут неизбежное (вытекающее из первого лозунга) *«до последней капли крови!»*. И тогда надо спросить их:

— Чьей?

1993

1 сентября 1993, «МК»

БОГ ДАСТ ВОЙНУ*

В России хаос. От него все беды.

Главные составляющие великого хаоса — сепаратизм и безвластие.

Сепарация (разделение) идет с пугающей скоростью. Легкомысленно отпустили Чечню, смирились (надолго ли?) с потерей Крыма. Какие примеры для подражания!

Казань отпала. Лучше не вспоминать, по какому случаю воздвигнут храм Василия Блаженного. Татария подписывает с Россией договор. Это надо осмыслить. Это трудно принять. Часть не подписывает договор с целым. Человек не подписывает договоров со своей печенью.

Якутия, Мордовия. Вот и Тува туда же. Забыла, видно, как настойчиво просилась в СССР. (В 1940-м Сталин Туве отказал. В 1944-м согласился ввиду дефицита пушечного мяса.)

Слишком долго мы строили коммунизм. Из-за этого не дожили до наших дней русские (царские) специалисты по национальной политике. А как было бы хорошо вытащить из тюрьмы или лагеря царского чиновника-мидовца. Он рассказал бы Ельцину, что не Шахрая и т.п. надо посылать на Кавказ. Надо ласкать местных. Надо любить Дудаева, жаловать его титулами, орденами. И это лихо будет вести себя тихо.

Присоединив Грузию, грузинских князей приняли в лейб-гвардию, осыпали титулами, чинами, орденами. Народами правили свои. Своего не обманут. А пришлешь наместника —

* Через год и три месяца началась Чеченская война.

оскорбленный местный хан найдет способ саботировать любую деятельность.

За национальными сепаратистами рванули территориальные. Уральская республика. Приморская... лиха беда начало.

Горько икаются Ельцину его агитпоездки (в борьбе с Горбачевым, в борьбе с Союзом). Все помнят щедрость Бориса Николаевича:

— Берите столько суверенитета, сколько можете унести.

Взяли. Несут. Страна идет вразнос.

А чем удержишь? Зачем нефтяному Татарстану, алмазной Якутии, железо-медно-самоцветному Уралу кормить чиновную Москву?

Толку от Москвы никакого. А налоги дерет.

Есть ли силы удержать разбегающиеся регионы? Силы нет. Не пошлешь же Красную армию воевать Казань. Чтоб на тридцать три фронта воевать — никакой армии не хватит. Да и армия распадается...

Силы нет, а другими методами не владеют.

Безвластие! Какие уж тут методы.

Вчера воевали две ветви власти (два сучка) — президент с парламентом. Третья власть — Конституционный суд — шныряла что ни день от одного к другому.

Сегодня — пример заразителен — воюют все со всеми. Раскол среди депутатов. Раскол в окружении президента. Раскол в правительстве.

Хаос. Для большинства — смертельный. Для немногих — выгодный. Невероятное воровство. Беспрецедентное по масштабам и торопливости. А главное — по безнаказанности.

Но взгляните: этот фантастический грабёж никого особенно не возмущает. Телевизионные обличения не вызывают ярость масс, газетные истерики не поднимают волну народного гнева.

Вороватый народ воспринимает воровство владык как должное. Слесарь ворует железку, доярка — молоко. Вожди, вышедшие из народа, воруют что могут, воруют в меру власти — так уж заведено.

Плохо не то, что воруют. Плохо, что воруют на экспорт.

Слесарь несет железку домой, доярка ворованное молоко спаивает детям — добро остается в стране.

Воры не мешали ни Петру Великому (супервор Меншиков), ни Екатерине Великой (Потемкин, Орловы...). Обогащаясь, эти воры не мыслили бежать из России. Они здесь строили дворцы, сюда ввозили картины, статуи, бриллианты.

Остановить воровство в России невозможно. Это ясно. Нечему остановить. Честная милиция? Ее пока нету. Но даже если и была бы. Может ли честный продавец остановить воровство в магазине, где воруют все вплоть до директора?

Остановить воровство в стране, где воруют министры, генералы, депутаты, могла бы лишь структура, превосходящая силой всех воров вместе взятых. Таковой нет и взять негде.

Скорей бы разворовали Россию! (Когда воровать станет нечего, поневоле начнем работать.)

Хаос выгоден бандитам и крикунам. Но, наворовав много, мафиози преобразуется в бизнесмена (дельца). Он быстро понимает: пора стать приличным. Это и выгодно, и приятно. Он хочет послать ребенка в Гарвард, шурина — в парламент.

Это замечательный процесс. Дети бандитов, вернувшись из Сорбонны и Гарварда, будут очень приличными дельцами, прекрасными гражданами. Они-то и задавят шпану. Они просто-напросто купят порядок.

США создали авантюристы. Сытую, скучную Австралию — каторжники. Главное: не воровать на экспорт. А наши...

Семьи уже переправлены. Деньги переброшены. По ТВ государственный деятель делает оскорбленное лицо, но почему-то кажется, что чемоданы его уже упакованы.

Но еще более, чем ворами, хаос выгоден сепаратистам. Титул президента всегда приятнее, чем пост губернатора. Сепаратизм — единственный шанс для секретаря райкома стать королем Нижних Мхов и Трех Мостов.

И не только в России. Взгляните на Кравчука. Кто знал о существовании секретаря по идеологии Украинской компартии? Но теперь Украина — независимое государство. И, несмотря на промышленный и финансовый крах, Кравчук — фигура мирового масштаба. Ручкается с президентами и королями, поигры-

вает атомной бомбой, раз в полгода вводит новые деньги. Таковую власть, такой престиж, такую свиту может иметь лишь первое лицо страны. И никогда Кравчук не пойдет на воссоединение с Россией, ибо слишком сладок трон. То же и азиатские президенты. Будучи даже первыми секретарями своих ЦК, разве могли они мечтать о личных «боингах»? Орден Ленина, место в президиуме и тайный гарем — вот был предел мечтаний.

Не надо впадать в панику. У нас не конец света, а нормальный исторический процесс. Вспомните долгий путь сегодняшней Италии: от Римской империи через княжества, через инквизицию, через фашизм.

Кто сказал, что сегодня всё приобрело окончательную форму?

Чтоб мы не обольщались и не отчаивались, жизнь демонстрирует нам два процесса сразу: Африка — делится, Европа — объединяется. Делиться легче — ума не надо (как и для любой ссоры).

В чем же утешение?

А в том, что всё это уже было.

Была феодальная раздробленность.

И не на огромные республики, а на мелкие города. И междоусобицы кровавые были. И брат брату голову сносил.

И смуты были. Хаос и грабеж по смерти Годунова. Междоусобица, которое даже в энциклопедии именуется как Смутное время.

Кто же вылечил нас от междоусобиц? Татары. Или — как для приличия придумали в советских учебниках — татаро-монгольское нашествие.

Кто вылечил от Смуты? Польская интервенция. Взятие Москвы поляками.

Нас от всех болезней лечил внешний враг. Он же и единство нам обеспечивал.

Последней эту роль играла Америка. Помирились — и всё посыпалось.

Не могу придумать ничего, что сегодня объединило бы Россию — и людей, и регионы (всех людей и все регионы). Ничего, кроме внешнего врага.

Что объединит Лигачева с Яковлевым (и с Егором, и с Александром Николаевичем)? Только одно: Родина в опасности!

Революционный и постреволюционный хаос в России 1905—1910-х годов рухнул под патриотизмом 1914-го. Большевики были в отчаянии, в панике: перед лицом внешнего врага никто не хотел бунтовать. Немцы мгновенно примирили весь русский народ с бездарным царем. Подчеркиваю: весь — все сословия.

А разве одни мы такие?

Англия единодушно поддержала Железную Леди в войне с Аргентиной за никчемные Фолкленды. Америка как сумасшедшая ищет внешнего врага — Гренада, Иран, Ирак...

Война — прилив патриотизма — консолидация нации.

Боюсь, меня запишут в «партию войны». В точности как при Брежневе записывали в пацифисты.

Называть человека, пишущего об угрозе войны, поджигателем войны, — всё равно что физика, говорящего об опасности АЭС, называть диверсантом, планирующим подрыв АЭС. (Именно это говорили о Сахарове: «поджигатель войны».) Почему власти так ненавидят подобных «поджигателей»? Потому что мы лишаем их возможности всё валить потом на внезапное, вероломное и т.п.

Если внезапное — то есть никем не ожидаемое, — тогда понятны поражения и катастрофы. Но если вас русским языком предупреждали: «22 июня, ровно в 4 часа...», тогда кричать о внезапности немножко стыдно и лучше всего убить предупреждавшего. Чтоб не ходил, не вякал: мол, я же говорил...

На прессу шикают: «Тише! Молчите! Одно неосторожное слово в газетах или по ТВ — и кровь!»

Уважаемые читатели (зрители)! Приятно, что вы к штыку приравнили перо. И даже к установке «Град». Но стрелять люди начали раньше, чем писать, — вот какая штука. Газет не было, а люди воевали. Никто не может доказать, что с увеличением числа газет выросло число войн.

Но найти виноватого хочется не в царе, а в поэте. Так удобнее.

Войны не хочу. Но угроза войны нам сейчас поможет. И ничто другое.

И не междоусобная (кавказская), а большая, общая — с внешним врагом.

По русской привычке искать ответа в великой литературе обращаюсь к Пушкину (более великого нет).

Вспомните «Скупого рыцаря». Старый барон на приеме у молодого герцога. Все разделяет их: и возраст, и неприятие стариком нравов, царящих при дворе молодого, — разгул, пиры, турниры... И невозможность (внутренняя) подчиниться тому, кого ребенком качал на коленях.

Хоть и неприлично отказывать властителю, но вассал дипломатично отказывается сюзерену, ссылаясь, конечно, только на возраст:

БАРОН

Стар, государь, я нынче: при дворе
Что делать мне? Вы молоды: вам любви
Турниры, праздники. А я на них
Уж не гожусь.

Старый рыцарь признает лишь одно условие своего возвращения, как теперь сказали бы, к активной общественной жизни:

...Бог даст войну, так я
Готов, кряхтя, влезть снова на коня...

Обратите внимание, как выражается жадный ростовщик. И не забудьте: сочиняет Пушкин, точный в чувствах и мыслях, как математик в цифрах. Пушкин, которому язык подчинился, как позже, может быть, лишь Набокову.

Пушкину ничего не стоило вложить в уста старику такую (по смыслу) реплику: *Не дай Бог — война, тогда...*

«Не дай» — вот как он должен говорить. Ведь он *ростовщик*. Ему нужна стабильность, а не мятежи и грабежи.

Но он спокойно произносит зловещее «даст Бог».

Как ни странно, наши властители успешно готовят России внешнего врага.

Огромный мусульманский регион — вот он.

Бывшие братские (я бы сказал: младшебратские) республики: Узбекистан, Киргизия, Туркмения, Таджикистан, Казахстан, Азербайджан.

Рядом их кровные братья: изнасилованный нами Афганистан, оскорбленный и брошенный нами Ирак, Иран, Пакистан, Турция.

Еще ближе «суверенные автономии» — мусульмане Северного Кавказа.

Россия делает всё, чтоб оттолкнуть от себя бывшие республики Средней Азии. Всё, чтобы их сплотить.

Вместо единственно умной внешней политики — окружать себя друзьями и ссорить их между собой — мы сделали прямо противоположное.

Сперва в Беловежской Пуше создали славянский союз.

Узнав, что Россия, Украина и Белоруссия объединились и упразднили СССР, все в тот же вечер ждали известий о возникновении — в противовес — исламского союза.

Как удержался от этого обманутый и оскорбленный Назарбаев — Аллах ведает.

Через полтора года мы повторили акцию по созданию внешнего врага.

Опять Россия, Украина и Белоруссия создали экономический союз и опять «бортанули» Казахстан, опять обманули Назарбаева.

Всякий раз славяне вспоминают о Туркестане* как бы спохватившись. Будто о бедном родственнике: как?! разве тебе не налили?!

МИД Козырева полностью провалился в среднеазиатской политике. Все вредное, глупое, оскорбительное — всё было сделано, чтоб оттолкнуть Туркестан.

Опыт последних лет заставляет категорически отказывать нашим властям (всем ветвям) в стратегическом мышлении. Приходится считать, что все катастрофические ошибки совершены по простоте душевной. Просто так.

* Имя всей Средней Азии до 1930-х.

Просто так? Сто раз подряд маслом вниз — случайность?

Или это Бог — пути Его неисповедимы, — используя липкие руки и пустые головы наших владык, создает для России лекарство от Смуты?

У мусульман демографический взрыв.

У нас демографический коллапс.

У них презрение к смерти.

У нас рабское цепляние за жизнь.

У них энтузиазм и упоение обретенной свободой.

У нас уныние и растерянность от утраты империи, от утраты роли старшего брата.

У них миллионы русских заложников.

У нас многомиллионная диаспора сынов Аллаха. Которых — начнись война — тут же назовут пятой колонной. И они, законные граждане России, почувствуют на себе точно те же выразительные взгляды, что русские немцы в 1914-м, в 1941-м.

По воле Божьей у нас есть очень серьезный противник. И он заставит Россию объединиться.

Следует учесть одно странное совпадение. Такое совпадение, что, осознав его, придется либо восхищаться Божьим промыслом, либо ужасаться коварству темных сил.

В настоящий момент внешний враг только-только начал оформляться. Но *образ врага* уже готов. Ждет.

Образ врага сформировался до распада СССР.

В 1991 году американские эксперты опросили граждан многих стран: какая нация вызывает наибольшую антипатию? какая нация наиболее враждебна?

Результаты были опубликованы и ошеломили многих. У поляков на первом месте оказались немцы. У французов — арабы... У русских и украинцев ответы полностью совпали: первое место — азербайджанцы.

Следует, конечно, учесть, что «простой народ» склонен записывать в «азеры» всю Среднюю Азию и мусульманский Кавказ. В провинциальных русских городах мало кто отличит чеченца от ингуша, азербайджанца от узбека*.

* Отличить — буквально: увидеть чужое лицо.

Чрезвычайно характерно, что уже были случаи (и попали в печать): обнаружив, что в изнасиловании девочки-ребенка виновен кавказец, жители города, угрожая всеобщей забастовкой, требовали от властей убрать из города «всех черных».

Невозможно представить, чтоб в той же Костроме, поймав русского (украинца, белоруса) на совращении малолетней, жители потребовали бы убрать всех славян.

Что провинция, когда даже в Москве не так давно таксисты (проявив невиданную сплоченность), перестали возить кавказцев.

Поводом послужили несколько разбойных нападений на водителей. Но важно понять: ответственность за конкретные преступления народное сознание возложило не на бандитов, а на нацию.

Это бывает только в том случае, когда существует *образ врага*.

Во время Великой Отечественной и несколько после это, естественно, был немец. Фриц.

Потом первое место долго занимал жид, Абрам.

Когда человеческое имя превращается в грубое ругательство — значит, процесс зашел глубоко в подсознание. Там бессильны мораль и доводы разума. Там инстинкты. Там страх и ярость. Они рождают ненависть, а послушное сознание находит объяснение (они все рынки захватили, они все на иномарках и т.п.).

Жизнь не стоит на месте. Евреи убывали, а кавказцы и азиаты прибывали. Динамика национального состава Москвы обнажает проблему догола.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЖИТЕЛЕЙ МОСКВЫ

Жители (тыс. чел.)	1970	1989	Темпы роста (1970/1989)
Русские	6301,2	7963,0	1,26
Евреи	251,5	174,7	0,69
Украинцы	184,9	252,7	1,37
Татары	109,3	157,4	1,44
Белорусы	50,2	73,0	1,45
Армяне	25,6	44,0	1,72

Жители (тыс. чел.)	1970	1989	Темпы роста (1970/1989)
Мордва	16,9	30,9	1,83
Азербайджанцы	—	20,7	—
Грузины	9,6	19,6	2,04
Чуваши	8,3	18,4	2,22
Прочие	103,6	121	1,17

Это данные из эпохи мирной жизни СССР. Очевидно, в последние годы свободы динамика изменений стала еще выразительнее. Но данных нет. Паспортный режим — слава богу — в прошлом*. На вопрос «Сколько азербайджанцев живет в Москве?» посольство Азербайджана (мужским голосом по тел. 229-28-36) ответило: «Справок не даем!»

На рынках, в ресторанах, в палатках и около палаток — всюду *эти*.

Никого не интересует, что многие из «этих» — беженцы — оказались здесь, спасая свою жизнь. Никого не интересуют древняя культура этих народов, их искусство, их философия.

Их воспринимают как врага. Возмутительный приказ Хасбулатова выселить всех чеченцев из московских гостиниц — приказ откровенно расистский — был, возможно, продиктован желанием Хасбулатова перестать быть чеченцем. Стать более русским, чем русские. (Сталинская мечта.) А решимость любым способом держаться у власти объясняется еще и тем, что он понимает: на следующих выборах чеченец не пройдет в председатели парламента России.

Не надо доводить до войны.

Не надо разжигать рознь.

Надо всего лишь осознать ситуацию.

Ведь не исключено, что и война нам не поможет. Зловредный Гегель спрашивает: «Можно ли помочь демократическому народу с его своекорыстными гражданами — легкомысленными, надутыми, сварливыми, лишенными веры и здравого рассуждения, болтливими, суетными, хвастливыми?» И сам отвечает: «Такому народу ничем нельзя помочь: он гибнет от собственной глупости».

* А он вернулся.

Задумайтесь хоть раз над тем, что такое «война до победного конца».

Что вам важнее — эпитет или суть? Вообразите: война до победного капута.

Конец — это смерть. Какая? — мертвым неважно.

А у кого с теорией плохо, кому не даются умозрительные построения — тот пусть посмотрит на Югославию. Не глупее нас были и гораздо богаче жили. А вот режутся и никак не могут остановиться.

Бог дал войну.

НЕЛЮБИМЫЕ В ПРОЦЕНТАХ

ФРАНЦИЯ

Сев. африканцы	42
Баски	15
Евреи	14
Всего	71

ПОЛЬША

Немцы	45
Украинцы	41
Евреи	34
Всего	120

РОССИЯ

Азербайджанцы	47
Армяне	46
Грузины	46
Всего	139

УКРАИНА

Азербайджанцы	42
Армяне	39
Грузины	31
Всего	112

ГЕРМАНИЯ

Цыгане	60
Поляки	54
Турки	51
Всего	165

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Цыгане	91
Венгры	49
Словаки	23
Всего	163

Любопытна «сумма ненависти». Она кое-что говорит о готовности к взрыву. Данные 1991 года. С тех пор Чехословакия распалась, в Германии жгут турецкие дома, во Франции бушевали арабы, Югославии нет вообще, Россия кипит.

7 сентября 1993, «МК»

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ИНФОРМАТОР

Перед вами беседы генерального прокурора РФ Степанкова с Д.Якубовским*. Это — распечатка телефонных разговоров, которые они вели в 1992—1993 годах. Якубовский при этом находился, как явствует из контекста, то в Канаде, то на Ямайке, то еще где-нибудь.

Степанков во время всех цитируемых разговоров находился в Москве: в служебном кабинете генерального прокурора, дома, на даче.

Кто делал запись? Вопрос остается открытым.

Неизвестно также, кто делал распечатку. Работа эта нудная, утомительная. Распечатка рабски следует звукозаписи, фиксируя все «хе-хе-хе», «угу» и примитивный мат, занимающий много места, но не носящий, естественно, информативной нагрузки.

Впрочем, ругательства позволяет себе только Якубовский. Иногда его мат дает понять степень его растерянности, злобы, страха, а иногда — это нарочитая, не спровоцированная ситуацией похабщина. Порой складывается впечатление, что Якубовский похабничает, чтобы напоминать Степанкову об уровне их отношений, а иногда — чтобы демонстрировать этот уровень кому-то третьему.

Так или иначе, эту односторонность мата трудно истолковать как грубость одного и благовоспитанность другого. Благовоспитанный мог бы хотя бы раз одернуть. Скорее тут ощуща-

* Д.Якубовский — знаменитый тогда аферист «генерал Дима» — один из руководителей России (оборона, прокуратура, МВД), сел в тюрьму за воровство книг, теперь вроде бы адвокат.

ется чисто российское проявление: матерящийся начальник и поневоле вежливый подчиненный.

Аутентичность телефонных переговоров Степанкова и Якубовского не нуждается в доказательствах. Подлинность удостоверил сам генеральный прокурор России.

Когда Макаров* заявил, что располагает записью телефонного разговора, где Якубовский и Степанков планируют его убийство; когда в печати появились обширные фрагменты этих разговоров (тон и лексика которых компрометируют генерального прокурора) — Степанков не отрицал самого факта бесед.

Он утверждал, что, во-первых, никаких убийств не обсуждал, а во-вторых, что эти беседы есть «беседы с информатором» — т.е. исполнение служебного долга, каковое компрометировать его (Степанкова) не может.

Степанков не раз публично заявлял, что Якубовский (имеющий удостоверение, подписанное генеральным прокурором) — всего лишь *ценный информатор, знания которого полезны для прокурорской борьбы с организованной преступностью.*

Ответ безупречный. Действительно, приходится мириться с тем, что информаторами МВД бывают воры и скупщики краденого: информаторами КГБ (МБ) — проститутки обоего пола. Спецслужбы не могут отказаться от информации потому, что у ее носителя хронический триппер и ненормативная лексика. Таким образом, независимо от того, вор ли Якубовский, какова его сексуальная ориентация и т.д., прокуратура, безусловно, вправе использовать его как информатора.

Читаем документ. Смотрим: кто спрашивает? кто отвечает?

ЯКУБОВСКИЙ. Как дела?

СТЕПАНКОВ. Ну, новостей никаких нет, потому что с Шумейко** я не встретился. У них там проблемы в правительстве. Завтра с утра буду снова искать. На него тоже крупные наезды.

* Адвокат Андрей Макаров — тогда близкий соратник Гайдара по «Демвыбору России», обвинитель в суде над КПСС, теперь — член «Единой России», телеведущий.

** Вице-премьер России.

ЯКУБОВСКИЙ. На него самого?

СТЕПАНКОВ. Да, на него самого. Тут одна публикация готовится.

ЯКУБОВСКИЙ. Я знаю, мне говорили. В «Московском Комсомольце», что ли?*

СТЕПАНКОВ. Германские марки, трансферт. Я не видел еще эту публикацию и какая она там будет.

ЯКУБОВСКИЙ. Нет, а о чем? кто? куда? чего?

СТЕПАНКОВ. С какой-то фирмой в Швейцарии или Германии, тридцать или сорок миллионов марок или швейцарских франков. Я всех деталей не знаю, мне просто рассказывали, что публикация будет. Я эти газеты не читаю.

ЯКУБОВСКИЙ. Я тоже. Причем я знаешь почему их не читаю? Они такое большое количество нормальных людей уже говном измазали, что оказаться в их числе необидно.

СТЕПАНКОВ. А сам-то ты с ним не разговаривал? (с Шумейко. — *Ред.*)

ЯКУБОВСКИЙ. Валь, я с ним говорю каждый день.

СТЕПАНКОВ. Ты его подтолкни, чтобы он тоже сам-то меня инициативно... Я позвоню — его нет. Через помощников я ему ничего не передаю.

ЯКУБОВСКИЙ. Он сейчас на месте.

СТЕПАНКОВ. Ну пусть он инициативно тоже выйдет.

ЯКУБОВСКИЙ. Я ему звоню, он то ли на микрофон говорит и поэтому не хочет говорить по-нормальному, то ли еще что. «Разберемся, разберемся». А х-й ли разбираться? Вот «Московский Комсомолец» что-то там публикует. Ну х-й с ним. Если он что-то опубликует такое, что наносит ущерб его чести и достоинству, — пойдет в суд, и всё. Правильно?

СТЕПАНКОВ. Ну, если неправда, то правильно.

* Они говорят о моей статье «Афера», где рассказывалось, как некая наша фирма подписала — с благословения Шумейко — договор с лихтенштейнской фирмой о получении кредита в двадцать пять миллиардов немецких марок на *двадцать пять лет* без процентов. Понятия не имею, как стало известно, что я готовлю статью об этом грандиозном жульничестве.

ЯКУБОВСКИЙ. Он мне говорит: «Вот они пишут, что у меня счет в Швейцарии». Это имеет отношение к тому, что это наносит ущерб чести и достоинству?

СТЕПАНКОВ. Это у него, что ли?

ЯКУБОВСКИЙ. Ну да. Они, говорит, хотят написать... Я говорю: пусть пишут, замечательно! Тем более что (поверь мне) это не так... Ладно, напишут это, он пойдет в суд, выигрывает дело, да потом эту газету на х-й закроют, потому что не будет денег уплатить моральный ущерб всему правительству, правильно?

СТЕПАНКОВ. Ты с ним о чем договорился? Возвращаться когда собираешься?

ЯКУБОВСКИЙ. Валь, я не знаю. Он говорит, что разбирается Виктор Палыч (Баранников, министр безопасности России. — *Ред.*)

СТЕПАНКОВ. Аслаханов тоже куда-то пропал, я ему сегодня звонил, не было его на месте. Поэтому я говорю: давай ты. Есть у меня к нему вопросы. Есть необходимость дать ему совет.

ЯКУБОВСКИЙ. Валь, так запиши его домашний, позвони вечером на дачу.

СТЕПАНКОВ. Ну, давай запишу.

ЯКУБОВСКИЙ. Триста тридцать четыре — это дача — двенадцать двадцать четыре.

СТЕПАНКОВ. А, он у нас в Архангельском?

ЯКУБОВСКИЙ. Валь, ты свяжись с Дунаевым. (Зам. министра внутренних дел. — *Ред.*)

СТЕПАНКОВ. Ладно.

ЯКУБОВСКИЙ. Ты знаешь его домашний?

СТЕПАНКОВ. Нет.

ЯКУБОВСКИЙ. Три три четыре...

СТЕПАНКОВ. А, это тоже там же?

ЯКУБОВСКИЙ. Да. Пятнадцать ноль девять. Виктор Павлович может там уже точки над «и» поставить. Ну, написал какую-то х-йню этот, бл-дь, коротышка Примаков, так? (Шеф внешней разведки. — *Ред.*)

СТЕПАНКОВ. Там дыму без огня не бывает. Поэтому ты думай, если оттуда пишут...

ЯКУБОВСКИЙ. Да нет, ну какой дым без огня. Ну, бл-дь, ну он пишет х-йню полнейшую. Он пишет, что, во-первых, я канадский шпион, что само по себе уже смешно. Во-вторых, он пишет там всякую х-йню, что вот, бл-дь, смотрите, он попросил у Канады гражданство. Я говорю: товарищи! это же полная х-йня, бл-дь! Это просто по закону невозможно, даже если бы мы хотели это сделать. У меня есть право на жительство в Канаде, потому что у меня жена канадка. Всё. Идите вы на х-й все. «Вот он там где-то заявил, что он всех купил». Е... твою мать, ну было бы удивительно это не сфантазировать, правильно?

СТЕПАНКОВ. Ладно. Значит, давай, Дима, я с этими людьми переговорю, и мы с тобой к концу недели переговорим.

ЯКУБОВСКИЙ. Постарайся что-то отрегулировать.

СТЕПАНКОВ. Да, я найду, конечно, их. Выясню там.

ЯКУБОВСКИЙ. Надо закон восстановить, больше мы ни х-я не хотим.

Как видим из этого разговора, генеральный прокурор получил несколько поручений и узнал дачные телефоны двух очень высокопоставленных лиц. Полезная информация из Канады.

ЯКУБОВСКИЙ. Гражданин Степанков? Здорово! Ну чё, можно возвращаться?

СТЕПАНКОВ. Ну смотри. Я через неделю могу уйти в отпуск, где-то недели на две, на три максимум.

ЯКУБОВСКИЙ. Ты к маме?

СТЕПАНКОВ. Угу.

ЯКУБОВСКИЙ. Безопасность бы нам был смысл продумать, мне кажется, ты как считаешь?

СТЕПАНКОВ. Ну, это мы подумаем ближе к этому делу. Единственное — это контрмеры, которые будет предпринимать Макаров.

ЯКУБОВСКИЙ. Он против меня будет принимать контрмеры?

СТЕПАНКОВ. Нет, нет, не против тебя. Потому что у нас его увязывают напрямую с тобой. Он сейчас работает против

Руцкого. И все компры там на Руцкого, Хасбулатова, остальных... Его имя объединяется с тобой, вот имей в виду, что это будет для тебя раздражающий фактор.

ЯКУБОВСКИЙ. Во-первых, им надо объяснить, что это не так, а во-вторых...

СТЕПАНКОВ. У этого человека нет ни веса, ни авторитета ни в МБ, ни в МВД. К нам его на порог никто не пустит. Поэтому все, что он там будет возиться с чем-то, будет вызывать неприязнь и обозление. А это обозление на сегодня увязывается с тобой ввиду его визита туда. Меня уже тоже тут из разных источников спрашивали.

ЯКУБОВСКИЙ. А ты разным источникам отвечай следующее...

СТЕПАНКОВ. Ладно. Ты сейчас где? Улетел-то куда?

ЯКУБОВСКИЙ. Я на Ямайке.

СТЕПАНКОВ. Хо, ничё себе! Как там погода?

ЯКУБОВСКИЙ. Ой, бл-дь, Валя, тридцать шесть.

СТЕПАНКОВ. Там кто, мулаты, креолы?

ЯКУБОВСКИЙ. Нет, негры, я извиняюсь...

СТЕПАНКОВ. Негры, да? ...Черные, значит.

ЯКУБОВСКИЙ. Да, Валь, я чё хотел? Ты подработай; мне действительно надо возвращаться.

СТЕПАНКОВ. Ну я тебе эти сроки сказал. Так что ты меня в конце недели найди, перед моим отъездом.

ЯКУБОВСКИЙ. Ты виделся с Бэном (Президент России. — *Ред.*) последние две недели?

СТЕПАНКОВ. Нет.

ЯКУБОВСКИЙ. А так муссируют, что виделся.

СТЕПАНКОВ. И чё делал?

ЯКУБОВСКИЙ. И якобы находил общий язык с силовыми министрами в его арбитражном присутствии.

СТЕПАНКОВ. Нет, у меня с ними отдельные были встречи, а с ним этот вопрос у меня не обсуждался. Он уехал в отпуск, перед отпуском он был в Токио, потом он был еще где-то в Европе, по-моему.

Генеральный прокурор рассказал о вице-президенте, председателе парламента, про свои «отдельные встречи с силовика-

ми». Зато узнал погоду в тропиках и цвет кожи аборигенов. Полезные сведения с Ямайки.

СТЕПАНКОВ. Алло.

ЯКУБОВСКИЙ. Валь, привет.

СТЕПАНКОВ. Да, ну чё ты скажешь помимо того, что по телевидению сказал?

ЯКУБОВСКИЙ. Хе-хе-хе, подье-ываешь?

СТЕПАНКОВ. Ну, а чё ты там такое говоришь? Ко мне приходят, говорят: Якубовский собирается генерального шантажировать. Ты знаешь, какие комментарии давали к твоим выступлениям? Ты где сейчас, далеко?

ЯКУБОВСКИЙ. Я вчера летал в Галифакс, а там визит был советских кораблей. Бл-дь, — или я сентиментальным становлюсь, да? — это меня как-то морально подшатнуло вчера; хочу вернуться.

СТЕПАНКОВ. Ха-ха, чё-то быстро, только недавно отсюда.

ЯКУБОВСКИЙ. Валь, клянусь тебе, знаешь, вот, чисто морально-этически, вот бл-дь. Причем их принимали на ура, да, ну, наших вообще везде... И я чё-то так подумал, думаю: ептать, ну что же такое получается? Сам всегда боролся с коррупцией...

СТЕПАНКОВ. Нет, они сказали, что у них есть кассета, которую они хотят воспроизвести по телевидению. Вот я и спрашиваю тебя: ты им что — дал ту кассету, чтоб они ее прокрутили?! Они ж сказали: там знакомые голоса.

ЯКУБОВСКИЙ. Та кассета у них есть, но они не ее будут прокручивать по телевидению. Я им просто отрывок сам зачитываю. Я же не потерял рассудок, ты ж понимаешь, да?

СТЕПАНКОВ. Надеюсь.

ЯКУБОВСКИЙ. Да ладно тебе, Валь.

СТЕПАНКОВ. Доживем до пятницы — увидим. Кто и на сколько там чего потерял.

ЯКУБОВСКИЙ. Да нет, ты пойми, что вся эта политика, Валь, да? приходит и уходит, а отношения остаются.

СТЕПАНКОВ. Увидим, как они это всё сделают. Потому что, может быть, помимо твоего желанья, поставлена перед ними другая политическая задача. А тебя там могут использовать втемную.

ЯКУБОВСКИЙ. Ну, если будут использовать втемную, я на следующий день сделаю передачу с тем же Карауловым, где уже втемную меня никто не будет использовать, потому что я с ним в школе вместе учился.

СТЕПАНКОВ. Имей в виду: ради погони за сенсацией они могут передернуть и использовать тебя втемную. И потом тебе это выйдет боком. В общем, ты имей в виду, Дима, они могут, вся эта пресса продажная наша, именно так и сделать. Ты только не вздумай на меня ссылаться. Скажешь, что он чё-то там боится. Просто ты скажи: а что это такое вы там еще добавляли от себя?

ЯКУБОВСКИЙ. Я это узнаю, Валь, я постараюсь, но ты не обращай внимания на продажную прессу советскую так, как на нее не обращаю внимания я.

СТЕПАНКОВ. Нет, ты уж меня не успокаивай. Я с ними работаю не первый день и знаю, кто что из них стоит.

ЯКУБОВСКИЙ. Да нет, я там имя генерального упоминаю только в одном контексте. Что мы работали, вот, боролись коррупцией, я помогал, чем мог. Все, пи-дец, другого лейб-мотива нету.

В этой беседе борцов с коррупцией вопросы задает генеральный прокурор. Но, похоже, движет им не профессиональный долг, а страх.

Кто чей информатор?

21 сентября 1993, «МК»

ПРОДАЕТСЯ МИНИСТЕРСТВО БЕЗОПАСНОСТИ

**Липкие руки, пустое сердце,
глупая голова**

Два месяца существовали без министра безопасности. Два месяца КГБ был без головы. И ничего — Россия жива. Никакой катастрофы с нами не случилось.

О смене вождей и всякого начальства в России существует два мнения.

Первое — наивное. Надо назначить нового, потому что старый ворует. Второе — мудрое. Не надо назначать нового, потому что старый наворовался. Сыт. А новый — с голодухи — накинется, так начнет рвать, как старому и не снилось.

Увольнение Баранникова вызвало шок. Без бунта, без путча* убрать шефа КГБ?! Обидеть всевидящее око, всеслышащее ухо. Можно ли выгонять (оставляя живым) человека, который слишком много знает? Вдобавок с формулировкой «за неэтичное поведение», безусловно, оскорбляя уволенного и буквально толкая его на ответные разоблачительные ходы. Толкая в объятия непримиримой оппозиции.

Возможно, однако, что скандальное увольнение Баранникова — это тот (увы, редкий) случай, когда президент поступил стратегически верно.

Только так — *называя истинную причину* — надо увольнять. Иначе становишься заложником уволенного и собственной

* До путча оставалось всего двенадцать дней.

джи. (Взгляните, с каким скандалом увольняют премьеров и президентов в чужих краях. Однако на положении США, Японии и т.д. это не отражается.)

Оступившийся чиновник опасен. Он, конечно, не утратил руководящих свойств. Но с этого момента им управляет не закон, не президент, а тот, кто знает его тайну.

Чиновника, который повис на крючке, этот крючок тянет куда угодно.

Что же делать президенту? Закрывать глаза? Это значит покрывать, стать сообщником. Уволить «по состоянию здоровья»? Значит взвалить на себя лишнюю ложь, счет за которую рано или поздно будет предъявлен.

А главное — как работать, если постоянно сомневаешься: действует ли министр в интересах государственной безопасности или в интересах частной безопасности неведомого лица.

Мне очень не нравится нынешнее неопределенное название: «Министерство безопасности» — чьей? Хотелось бы — государственной. Но, похоже, искали министра личной безопасности.

КГБ опустился. За последние годы оттуда ушли десятки тысяч. В коммерцию, в банды, в швейцары валютных отелей, в частный сыск, в частную охрану. Ушли не худшие.

Но штат КГБ не сократился. Значит, с той же скоростью рекрутируются новобранцы. Кто же идет сегодня в контору с подмоченной репутацией, на маленькую государственную зарплату? Идеалисты (они всегда есть), придурки и потенциальные взяточники. Черт знает кто.

Где-то впереди — выборы. Но уже сегодня будущие кандидаты в вожди России должны твердо знать: их прошлое — если оно преступно — будет обнаружено.

...А здесь, в Лозанне, где я пишу эти строки, — тишь да гладь. Швейцарцы довольны, улыбаются: раньше НКВД приезжал сюда убивать, а теперь — покупать.

Заявление Баранниковой (опубликованное!), что она никогда не была в Швейцарии, здесь воспринимают как бессмысленную ложь.

Но ее можно понять. Шубы, золото и корсеты — это ведь не детское питание для младенцев голодающего Поволжья.

Швейцарцам нравится, когда иностранцы скупают их товары. Но швейцарцы правильные и добропорядочные. Их шокировало, что жена министра безопасности России прибыла в Цюрих почти инкогнито и получила подарков на сотни тысяч франков (более ста миллионов рублей).

Мы располагаем документами, имеющими отношение к генералу Баранникову Виктору Павловичу — недавнему руководителю Министерства безопасности (КГБ) России.

Публикацию этих документов следует предварить некоторыми замечаниями.

Первое. Как ни странно, не о генерале Баранникове, а о журналистике.

Недавно Щекочихин заявил, что отказывается принимать разоблачительные документы из рук должностных лиц и публиковать эти документы.

Сей каприз был с восторгом воспринят, подхвачен, опубликован в прессе, нашел подражателей.

Наивным людям заявление Щекочихина показалось ужасно благородным. Вот молодец! Не хочет копаться в грязи, не хочет участвовать в недостойном, непристойном фарсе.

С первого взгляда оно, может, и так. Но зачем горячиться? Щекочихин в определенном смысле отказался от своей профессии, от своих прав и обязанностей.

Закон о печати говорит о неотъемлемом праве журналиста *получать и распространять информацию*. Обязанность же состоит в распространении *точной* информации.

Нигде не сказано, что она должна быть чистой, грязной, розовой, голубой, приятной, неприятной.

Врач не имеет права выбирать: насморк лечить буду, а дизентерию нет — это противно, это воняет. Врач не имеет права отказать сифилитику: мол, не буду лечить развратника. Врач не имеет права отказать чумному или холерному, хотя опасность заразиться и умереть очень велика.

Журналист, уклоняющийся от грязной информации, — чистоплюй. Он боится пошлых бытовых обвинений. Нас часто обвиняют, что мы якобы пачкаем людей. Всегда отвечаю (о ком бы из власть имущих ни шла речь): да, это их грязное белье, но кто его обмарал? Не они ли сами?

Депутаты, советники, министры, все чиновники от начальника ЖЭКа до президента России: вы — на государственной службе, вы — наши слуги. Мы вам платим зарплату и требуем, чтобы вы нас не позорили и не обворовывали. А проворовался — пошел вон.

Отказ публиковать документы, характеризующие действующих политиков, суть или «не могу» (импотенция), или «не хочу» (страх). Стоит ли выдавать это за брезгливость и трубить об этом на весь свет?

Если документ из Цюриха — надо съездить в Цюрих и проверить. Только и всего. Счета из отеля, чеки из магазина не защищены банковской тайной*.

Второе. Стараюсь никогда не писать о пенсионерах, отставниках, заключенных и мертвых. Но Баранников стал обладателем секретной информации, способной оказать решающее влияние на судьбы многих высокопоставленных лиц.

Кроме того, КГБ (МБ) — столь темная и мифологизированная структура, что немножко света в это подвальное царство...

А вдобавок каков поп — таков и приход. Баранников был шефом КГБ полтора года. И система его не отторгала. Признала своим. Таким образом, по этой голове мы можем кое-что узнать о качестве всей рыбы.

Третье. Документы, публикуемые ниже, — совершенно достоверны. Это разговоры Якубовского с генералом Баранниковым (в то время, когда генерал командовал КГБ). И разговоры Якубовского с женой генерала Людмилой Баранниковой.

В отличие от бесед с генеральным прокурором, Якубовский в диалогах с генералом ни разу не употребил матерную брань. Изобилие мата в одном случае и отсутствие в другом показывают существенную разницу в отношении Якубовского к генеральному прокурору (с которым можно позволять себе любые вольности) и к шефу КГБ, с которым Якубовский говорит покорно, подчеркнуто «снизу».

* В 1997 году Щекочихин пришел к нам в «Новую газету» и не раз печатал сенсационные разговоры преступников. И правильно делал.

Женская консультация

4 июня. 8 часов 20 минут

Время московское

ЯКУБОВСКИЙ. Людмила Константиновна? Доброе утро, это Якубовский.

БАРАННИКОВА. Доброе утро, Дима.

ЯКУБОВСКИЙ. Я, к сожалению, вчера так и не дозвонился. Видимо, Виктор Павлович достаточно поздно появился, да?

БАРАННИКОВА. Да, неожиданно... Он уже выезжал, они были в посольстве.

ЯКУБОВСКИЙ. Работа же, она диктует свои режимы.

БАРАННИКОВА. Сказал, что выезжаю, и вдруг..

ЯКУБОВСКИЙ. Ясно. А он сейчас дома еще, Людмила Константиновна?

БАРАННИКОВА. Уехал уже. У них сейчас каждый день работы столько. Но я ему все сказала. *(Передала просьбу Якубовского. — А.М.)*

ЯКУБОВСКИЙ. И что он сказал?

БАРАННИКОВА. Он сказал: пока нет. Тут сейчас клубок страстей вокруг власти, вокруг конституции...*

ЯКУБОВСКИЙ. Вот, а что мне делать? Потому что меня официально вызывают в прокуратуру. Людмила Константиновна! Я просто действительно не знаю, что делать. Потому что если я не появлюсь, я ставлю себя вне закона. А появиться, не переговорив с ним, я тоже не могу. Вот я почему звоню-то.

БАРАННИКОВА. Мне кажется, кто-то провоцирует. Какая прокуратура?!

ЯКУБОВСКИЙ. Но официально, после того, как Руцкой в газете написал это... Вам, наверное, говорил Виктор Павлович.

БАРАННИКОВА. Да, я читала газету.

ЯКУБОВСКИЙ. А, даже читали! Официально же все заявления вице-президента образовали комиссию. И она проверяет. Я тайны не рассказываю, это по телевизору показывают...

БАРАННИКОВА. Да, я смотрела.

* В Кремле торопливо писали новую Конституцию.

ЯКУБОВСКИЙ. Они допрашивали Гайдара, Шумейко, Хижу... Достаточно большой круг людей. Работа у них такая, на-верное.

БАРАННИКОВА. Да, конечно. Тебе и волноваться даже нечего, и являться нечего. А чего тебе являться? Не думаю, что это необходимо. *(Она не хочет, чтобы Якубовский приехал в Россию, чтобы его допрашивали, и вообще лучше бы умер.)*

ЯКУБОВСКИЙ. Я тоже не думаю.

БАРАННИКОВА. Да, да, да. Ты там не волнуйся. Всё нормально, всё образуется.

ЯКУБОВСКИЙ. Чисто процессуально я боюсь, что если сейчас ко мне претензий никаких нету, да? То потом они скажут: простите, вы от нас скрываетесь.

БАРАННИКОВА. Ничего там быть не должно. Нет! Ну я обговорю, я скажу, конечно. Я всё передам, не волнуйся, Димуль.

ЯКУБОВСКИЙ. Просто, чтоб мне как-то знать, что делать.

БАРАННИКОВА. Да ничего тут особенного нет. Я тебе не консультант, я *(смех)* я только единственное знаю, что тут всё раздуто, и тебе волноваться не стоит.

ЯКУБОВСКИЙ. Нет, Людмила Константиновна, вы как раз консультант. Женщина (помните, как в этом фильме-то было: «Место встречи изменить нельзя?»), женщина — она сердцем чует.

БАРАННИКОВА. Вот, вот. Сердцем чую, что ничего страшного нет. Никакие тебе вызовы не нужны. Живи на здоровье там.

ЯКУБОВСКИЙ. Ясненько. Да они же мне их присылают. *(Вызовы на допрос.)*

БАРАННИКОВА. Ну что присылают? Это ничего не значит. Вот Горбачеву присылали на суд конституционный. Однако он не пошел. Всё образуется. В России всё образуется. У всех всё будет нормально.

ЯКУБОВСКИЙ. Я понял. А когда образуется, вы не знаете.

БАРАННИКОВА. Уже образовывается. Сейчас Конституцию примут, успокоятся вокруг нее. А закон — это основа.

ЯКУБОВСКИЙ. Ладненько, Людмила Константиновна, спасибо вам. Я тогда попробую еще раз перезвонить.

БАРАННИКОВА. Всего доброго, Димуль.

Мужская консультация

5 июня. 8 часов 27 минут

Время московское

ЯКУБОВСКИЙ. Виктор Палыч! Доброе утро, это я.

БАРАННИКОВ. Привет, Дима, привет.

ЯКУБОВСКИЙ. Виктор Павлович, я рассказывал Людмиле Константиновне, ситуация какая возникает. Хотел попросить как-то помочь в этой ситуации.

БАРАННИКОВ. Что там у тебя?

ЯКУБОВСКИЙ. Сначала МВД предложило возбудить уголовное дело за нелегальный переход государственной границы. Я послал большое объяснение на имя председателя комиссии с приложением паспорта, что паспорт действующий, виза выездная была. Устроило. Мне дали официальную бумагу, что ко мне вопросов нет. Я говорю: я боюсь приехать, дайте официальную бумагу в МВД, чтоб они обеспечили, чтоб меня не убили, и сами этого не сделали. Бумага попадает в МВД, и министр (*Ерин*) категорически дает приказ: вот он приедет, задержать его. Виктор Павлович, я клянусь, я не подойду близко ни к одной государственной службе. Я хочу просто, чтобы мне смогли вернуться.

БАРАННИКОВ. Я в первый раз слышу такую галиматью. «МВД», «арестовать», «Ерин». Да никто тебе ничего не... Приезжай, да и всё. Пошли они к чертовой матери. Я тут ничего не вижу.

ЯКУБОВСКИЙ. Вы думаете, Виктор Павлович?

БАРАННИКОВ. Ну я не знаю. Я должен переговорить с Ериным. Узнать, в чем дело, что такое, что за черт, ерунда, чушь какая-то несусветная.

ЯКУБОВСКИЙ. Я пытался с Владимиром Филиппычем (*Шумейко, первый вице-премьер РФ*) переговорить. Он говорит, это не в моей компетенции.

БАРАННИКОВ. Что? Переговорить с Ериным не в его компетенции? Ерунда. Ну ладно, я переговорю сегодня с Ериным: в чем дело, что такое?

ЯКУБОВСКИЙ. Комиссия написала документ в МВД. Он попал к министру. Документ такого содержания: в связи с тем,

что комиссия пригласила прибыть для объяснения товарища Якубовского, просим обеспечить, чтоб его не убили. Ерин снял трубку, позвонил Землянушину, не найдя Степанкова, сказал, что как только приедет, мы его арестуем. *(А откуда Якубовский знает, что министр Ерин говорил заместителю генерального прокурора?)*

БАРАННИКОВ. Тогда надо мне узнать. Я сейчас не готов...

ЯКУБОВСКИЙ. Виктор Павлович, там этим делом занимается Панкратов *(начальник ГУВД Москвы)*.

БАРАННИКОВ. Переговорю с ним. Что он говорит?

ЯКУБОВСКИЙ. Он мне говорит, что он был у министра. И министр ему сказал, отведя в сторону, что будут задерживать. *(А зачем начальник ГУВД Москвы рассказывает Якубовскому о планах министра? Да с такими подробностями — «отведя в сторону».)*

БАРАННИКОВ. Ладно, я поговорю с ним.

ЯКУБОВСКИЙ. Может быть, Панкратов просто доложит вам официально?

БАРАННИКОВ. Ладно, всё, я переговорю с ним. Теперь это... Ты вчера разговаривал с... по первому заму? *(Вероятно, они пытаются вытащить первого вице-преьера Шумейко из какой-то нехорошей истории.)*

ЯКУБОВСКИЙ. Да, я с ним переговорил, и он мне дал слово. Он сказал, что ты мне поздно сказал, потому что якобы они предъявили ему ультиматум до понедельника. Что он должен дать ответ. Но мы с ним договорились, что пока я не приеду, он ни словом, ни звуком больше не напомнит тому о его разговоре. *(Характерно, что эта «галиматья» Баранникову абсолютно понятна.)*

БАРАННИКОВ. Он просто глупость делает большую. Потому что у того информация есть по нему очень серьезная, и просто сделают так, что тот выпалит эту информацию не ему, а куда надо. И тогда конец ему настанет. *(И Якубовскому понятна эта галиматья.)*

Подмосковные вечера

6 июня

ЯКУБОВСКИЙ. Людмила Константиновна, здрасте, это Якубовский.

БАРАННИКОВА. Здравствуй, Дима.

ЯКУБОВСКИЙ. Извините, что так поздно, я звонил часа два, никто трубку не брал. Наверное, вы были на улице.

БАРАННИКОВА. Да, мы все гуляли на улице, детей уложили, гуляли.

ЯКУБОВСКИЙ. Счастливые.

БАРАННИКОВА. Ну уж тут природа, погода.

ЯКУБОВСКИЙ. Ясно. У вас погода хорошая сейчас?

БАРАННИКОВА. Отличная. «Подмосковные вечера» называется.

ЯКУБОВСКИЙ. Ясненько. Людмила Константиновна, а мы с Виктором Павловичем договаривались созвониться. Может быть, я не ко времени звоню?

БАРАННИКОВА. Он гуляет.

ЯКУБОВСКИЙ. Всё понял, я позвоню ровно через час. Спасибо большое, Людмила Константиновна.

«Подмосковные вечера», идилия, луна на горизонте. Для контраста необходимо процитировать хотя бы две реплики из телефонной беседы генерального прокурора Валентина Степанкова с Якубовским.

ЯКУБОВСКИЙ. А идея, Валь, проста. Лучше х-й в руке, чем пи-да на горизонте.

СТЕПАНКОВ. Ну, думай, думай, давай.

6 июня. 23 часа 52 минуты

Время московское

ЯКУБОВСКИЙ. Людмила Константиновна?

БАРАННИКОВА. Дима, вы?

ЯКУБОВСКИЙ. Я. Вы уж извините, что так поздно.

БАРАННИКОВА. Сейчас, сейчас... Детки!.. А папочка уже спит, говорят... Ой, спит он. Что передать, Дима?

ЯКУБОВСКИЙ. Людмила Константиновна, он мне сказал позвонить. Он должен мне сказать, как действовать дальше.

БАРАННИКОВА. А у вас такая договоренность была?

ЯКУБОВСКИЙ. Да, я с ним говорил позавчера или вчера... Тогда я перезвоню завтра, наверное. В какое время вы посоветуете?

БАРАННИКОВА. Дети, девочки, во сколько папа уезжает? (*Два часа назад они детей уложили и гуляли. А теперь почти полночь — дети не спят, а папочка спит.*) Он в восемь пятнадцать выезжает.

ЯКУБОВСКИЙ. Ага, в семь сорок я тогда позвоню.

БАРАННИКОВА. Хорошо, утречком. Ну, всего доброго.

Рваная обстановка

7 июня. В Москве 7 часов 40 минут

ЯКУБОВСКИЙ. Виктор Павлович! Это еще раз я.

БАРАННИКОВ. Да, я слушаю. Слышу я хорошо.

ЯКУБОВСКИЙ. Я звоню с надеждой: как вот?..

БАРАННИКОВ. С Ериным встречался. У них настрой плохой. Поэтому я не знаю. Сегодня такая каша здесь идет. Черт поймешь, что тут творится. Сейчас тут конституция, совещания идут. Раздрай идет.

ЯКУБОВСКИЙ. Виктор Павлович, а вы думаете, Ерин будет действовать против линии прокуратуры? Ведь они ведут проверку.

БАРАННИКОВ. Прокуратура — это до лампочки. Эта прокуратура-то, чё там. Какая прокуратура сейчас?

ЯКУБОВСКИЙ. Ага.

БАРАННИКОВ. Вот такое дело. Что рвешься-то сюда? Ситуация какая у тебя? Так уж горит у тебя?

ЯКУБОВСКИЙ. Если сейчас ясность не внести, прокуратура потом возбудит дело, и потом будем еще десять лет отмываться. (*Здесь очень интересно множественное число: «будем отмываться», а не «буду отмываться».*) И второй юридический фактор: не работать дальше я не могу, я девять месяцев не работаю. А поезд катится, угля уже нет. Я же могу работать только в России, я ж не могу работать в Америке, я им тут на черта не нужен... Виктор Павлович, может быть, вы с Панкратовым когда переговорите, как-то его поддержите.

БАРАННИКОВ. Что мне с ним разговаривать, когда я с Ериным разговаривал? Ерин как решит, так и будет. При чем тут Панкратов? Панкратов — это товарищ, который под низом ходит.

ЯКУБОВСКИЙ. Виктор Павлович. Ну помогите мне, вы же всё можете!

БАРАННИКОВ. Да нет, ну как помощи? Ну что значит помощи? Чем помощи? Я ж тебе говорю, какая картина-то... Вот картина какая складывается рваная... Ну что тебе, формулировать, что ли? Обстановка трудная, тяжелая обстановка. Раздрай такой, кошмар... А ты уж думай, ориентируйся. Тебе ж виднее. Если какие-то моменты есть, я передам. Найду, как тебе передать. *(Министр госбезопасности собирается узнать о планах министра внутренних дел и «найдет, как передать» аферисту.)*

ЯКУБОВСКИЙ. Виктор Павлович, спасибо вам большое.

БАРАННИКОВ. Ну добро, всех благ.

За год до телефона были магазины

Разговоры скучноватые. Если бы не должность Баранникова и не упоминание влиятельных лиц (Шумейко, Ерин) — вообще пустой треп.

Хотя что-то там есть: собеседники явно понимают друг друга с полуслова. Оба испытывают очевидные затруднения в беседе по телефону, обходятся намеками.

Министр Баранников вполне уверен, что его подслушивают!

Вопрос: кто в нашей стране может прослушивать разговоры министра безопасности?! С чьей санкции? Или — без санкций, нелегально?

Что касается диалогов с Людмилой Константиновной — вопрос иной. Как для генеральши Баранниковой Якубовский стал «Димулей»?

Это объясняют не столько мурлыкающие телефонные комплименты («Женщина — она сердцем чувствует»), сколько такая гадость, как счета. Противные бумажки (правильно Щекочихин не хочет к ним прикасаться) с названием отеля, магазинов, авиакомпаний, с перечислением, что куплено, сколько уплачено, кто платил, кому доставили.

Фирменные бланки магазинов, подписи продавцов — это не подделка, проверено. Или прикажете поверить, что по Банхофштрассе (Цюрих, Швейцария) бегал двойник генеральши Баранниковой в компании с двойником генеральши Дунаевой?

Ведь брали несусветно много, а таких покупательниц продавцы запоминают надолго.

Полет

17 июля 1992 года компания “*YYZ Travel Services*” извещает Якубовского (Онтарио, Канада), что им приобретен авиабилет швейцарской компании “*Swissair*” для Баранниковой и Дунаевой. 20 июля Москва—Цюрих, 24 июля Цюрих—Москва. Цена 3265 долларов 19 центов. Полетели.

Отель

В отеле “*Savoy*” (Цюрих, Швейцария) дамы получили номера. Жена министра безопасности РФ — № 504. Жена первого замминистра внутренних дел РФ — № 507. Обе въехали 20 июля 1992 года, обе съехали 24 июля 1992 года.

Цена каждого номера — 480 швейцарских франков в сутки (около 350 долларов). Плюс напитки, телефон, такси... Всего фирма “*Distal AG*” (принадлежит брату Д.Якубовского) заплатила отелю «Савой» за пребывание Баранниковой и Дунаевой 4516 франков 50 сантимов.

Забавная деталь. 24 июля кассовый компьютер отеля суммирует все услуги и печатает счета: за № 504 и 507 — 4323 франка.

Компьютер делает это утром, поскольку дамы улетают в 10:15. Но потом, уже после их отъезда, компьютер «Савоя» выдает дополнительные счета: за номер Дунаевой — 105.50 (шампанское, апельсиновый сок, минералка, пиво, виски, ликер); за номер Баранниковой — 88.00 (шампанское, минералка, ликер).

Это — посошок на дорожку. А попросту каждая выгрела мини-бар.

Галоп

Прилетели вечером 20 июля. Улетели утром 24-го. На магазины оставалось только три дня.

Компьютеризированная, бюрократическая Швейцария — плохая страна для нелегальных действий. Аккуратные швейцарцы фиксируют всё. Покупки, сделанные на барахолке в Лужниках, не оставляют следов. Покупки в магазинах Швейцарии превращаются в настоящие анкеты.

Вот чеки магазина "*Leder Locher*" (Цюрих, Банхофштрассе, 91) на сумму 24 300 франков. Все — за 21 июля. На чеках указано, куда и кому доставить: отель «Савой», № 507, фрау Дунаева; отель «Савой» № 504 фрау...

Чеки "*Leder Locher*" показывают даже, как продавщица учила русский язык. Сперва она написала: № 504, *Frau Bananni Kova*, а под конец уже почти правильно: *Frau Banannikova*.

Так что в самолете летела Баранникова, в отеле жила Баванникова, а в магазине покупала Бананни Кова.

Платила за все г-жа Биери из фирмы "*Distal AG*" — сестра жены брата Якубовского.

Потом были другие магазины.

«*Парфюмери Штеммлер*» (косметика и парфюмерия) — 7300 франков.

Магазин «*Мадам*» (Банхофштрассе, 63) — 28 с лишним тысяч франков. С указанием: «Фрау туристке, Москва, «Савой», № 504». И еще — 11 с лишним тысяч франков (одежда, золотые украшения; доставка в «Савой», № 507).

«*Пельц АГ*» (Банхофштрассе, 61. Видно, как дамы идут по Вокзальной улице, ничего не пропуская). Кожаные и норковые пальто. 79 250 франков.

Это — и многое другое — 21 июля.

Но самый трудный день — последний.

23 июля Банхофштрассе подмели подчистую.

Снова «*Пельц АГ*» — кожаные и меховые пальто.

«*Пеказет*» — одежда — 32 597 франков 25 сантимов.

«*Шанель*» — духи всякие — 17 230 франков.

«*Байер*» — часы «Ролекс» (золото, кварц) — 2 шт. — 19 840 франков.

«*Кохоптик*» — музыкальный центр "*Sony*" и кассеты — 2390 франков, фотоаппарат — 598 франков.

«*Майстер Зильбер*» — серебряные столовые приборы — 8337 франков.

«Жильбер Альберт» — ювелирные украшения — 21 500 франков.

«Ессо Автобан» — шоколад — 425.70 (примерно сто плиток).

«Джелмоли Гранд-Пассаж» — дамское белье. Доставка: «Савой», Анна — № 504, Людмила — № 507 (устали, перепутали).
Общая сумма — 5018 франков. Ночное белье, дневное белье. Одних корсетов 54 штуки. Если поровну — то по 27 корсетов на каждую генеральшу...

Еще много чеков и магазинов. Но нет сил переписывать.

Обратно летели тяжело. 21 место багажа. Доплата за перевес — более 2000 долларов.

Министерская честь

Трудно предположить, что Димуля влюбился в генеральшу (или в обеих) и пытался товарами завоевать ее сердце. Тогда зачем телефонные разговоры о конституции? Да и поговорить он рвется не с ней, а с Виктором Павловичем.

Если же двадцать один чемодан — это не дары любви, то давайте спросим: делают ли молодые хваткие бизнесмены что-либо бесплатно? Нет, наши мальчики — как стальные капканы: понапрасну рот не раскрывают.

Значит, за двадцать один чемодан Димуля получил плату. А поскольку версию о любви Людмилы мы отвергли — платил, выходит, Виктор Павлович. Спрашивается: чем?

Бедная женщина! Зачем ей столько?! Вместе с корсетами, часами, шубами она приобрела жуткую обязанность отвечать на противные вязкие звонки Димули. Обязанность увиливать, плохо спать, притворяться любезной (не дай бог, Дима обидится, протрепется, настучит).

Вместе с двадцать одним местом багажа она привезла страх. Всякий раз, надевая часы «от Димули», штаны «от Димули», вспоминать Димулю — незавидная доля.

Виктор Павлович, находясь на такой высоте...

Надеюсь, Якубовский действительно агент «Моссад» или ЦРУ. Тогда не так обидно. Тогда наш министр госбезопасности пал жертвой коварных спецслужб, матерых профессионалов, асов провокаций и вербовки.

Но если это *просто Дима...* Если министра безопасности России схомутал *просто авантюрист...*

Согласитесь, проиграть Каспарову не постыдно для любого шахматиста. Но проиграть Остапу Бендеру — каким же надо быть олухом, какой дешевкой.

И после этого — зная о себе всё; зная, что и президенту многое известно, — печатать в газетах письмо Ельцину, восклицая с трагическим пафосом: *«Обратиться к Вам меня побуждает моя человеческая совесть, гражданская позиция и честь российского офицера, отдавшего более тридцати лет служению Отечеству».*

Жаль милиционера Баранникова. Ужасен позор, мучителен страх перед судом. Баранников пишет, что его отставка — результат интриг ельцинского окружения. Очень может быть. Но что это меняет? Часы, шубы, килограммы шоколада, литры «Шанели» никуда не деваются, вне зависимости от порочности и преступности интриганов.

Надеемся, что читатели, включая чету Баранниковых, личный состав МБ, президента России и пр., поймут, зачем мы печатаем эту грязь.

В этой грязи тонул министр государственной безопасности. Тонул долго. И всё это время безопасность нашей страны была в кошмарной зависимости от того, *что* Баранников велит расследовать быстро и тщательно, *что* — отложить, *что* — вообще не трогать и забыть.

История с министром безопасности поучительна. КГБ — такое же гнилое ведомство, как и прочие. Рассказы о чекистах — рыцарях революции списаны в архив.

Когда патриоты из «Дня», ФНС и прочие им подобные мечтают опереться на КГБ в борьбе с продажным правительством — напрасно обольщаются.

В доказательство — фрагмент беседы Якубовского и Бирштейна (*президент «Сиабeko»*).

ЯКУБОВСКИЙ. Хорошо, Борь, помоги мне, я тебя прошу, только с двумя этими людьми.

БИРШТЕЙН. С кем?

ЯКУБОВСКИЙ. Ну я тебе говорю: Виктор Павлович (*шеф КГБ*) и Виктор Федорович (*Ерин, шеф МВД*).

Ельцин

БИРШТЕЙН. Я тебе еще раз говорю: я могу отвечать только за одного. Понимаешь? Отвечать за одного я могу. А второго я в глаза не видел.

ЯКУБОВСКИЙ. Борь, я считаю, если сегодня ты сможешь получить согласие от дяди Вити (*Баранников*), а ты говоришь, что ты в этом уверен на сто процентов...

БИРШТЕЙН. Да, это — сто процентов.

ЯКУБОВСКИЙ. То больше никто не нужен. Я буду считать, что я надежно защищен.

БИРШТЕЙН. Это не надежно. Сегодня этого недостаточно.

Лубянка ненадежна. Не знаешь, плакать или смеяться.

1994

11 января 1994, «МК»

ОПЯТЬ ДВОЙКА?

Есть ли у России Конституция? — вопрос I съезду II парламента

В полночь 12 декабря в Кремле на банкете в честь «Нового политического года» вице-премьер и начальник конституционной госприемки В. Шумейко торжественно объявил:

— Конституция принята! Поздравляем!

Моментально потеряли смысл яростные споры, хороша Конституция или плоха. Принято народом. Конец дебатам. Извольте исполнять.

Кому-то (Явлинскому) Конституция не нравится, кому-то (Жириновскому) — нравится очень, кто-то бормочет «лучше такая, чем никакой». Но все согласны, что Закон необходим, и готовы жить по закону. По новой Конституции.

Песен о ней еще не сложено (рифму трудно подобрать*), но белым стихом Конституцию уже воспели. Пресс-секретарь заявил, что она есть «доминирующая предпосылка стабильности». Поди пойми, но звучит великолепно. И еще: «А дальше — непростая работа по организационно-структурному обеспечению действия новой Конституции».

Итак, нет вопросов, исполнять или не исполнять Конституцию.

Но, увы, все чаще слышим куда более драматичный вопрос:

— Есть Она или нет Ее?

13 декабря Центризбирком сообщил: избирателей в России — 105 284 000; участвовали в голосовании 55 987 000, то есть 53%.

* Шутка.

14 декабря «Известия» опубликовали результаты: «за» Конституцию 29 337 000, т.е. 60% от числа голосовавших. Получается, что голосовавших было 48 895 000. Не сходится на 7 000 000.

18 декабря «Российская газета» пишет: «По данным Избиркома, в голосовании участвовало 58 000 000 человек, “за” Конституцию 32 900 000, т.е. 58,4%».

На самом деле 58,4% от 58 000 000 — это 33 872 000. Не сходится на миллион.

21 декабря «Комсомольская правда» сообщила: «за» Конституцию 32 937 630, т.е. 58,4% от числа голосовавших. Получается, что голосовавших было 56 400 051. Опять не сходится, на 1 600 000.

21 декабря «Российская газета» уточнила: в голосовании участвовало 58 187 755 человек...

Но как ни считай, если избирателей 105 миллионов, получается, что «за» Конституцию проголосовало менее трети (31%) избирателей.

А по закону Конституция считается принятой, если «за» больше половины избирателей: 50% плюс один голос.

В такой ситуации особенно приятно читать «Известия» (22 декабря): «Новая Российская Конституция начинает действовать. Центризбирком наконец официально объявил, что референдум по проекту Основного Закона состоялся и что этот проект одобрен необходимым большинством населения страны».

Никогда прежде мы не предполагали, что 31% можно называть «необходимым большинством».

Расхождений в «официальных сообщениях» о результатах голосования так много, что невольно возникает образ плохого ученика, который, вместо того чтобы решать задачу, подгоняет ее под нужный ответ.

А может быть, экзамен не сдан? Может быть, двойка уже получена, но признаваться совсем неохота?

В дни апрельского референдума в России было 107 310 374 избирателя. В дни декабрьских выборов нас оказалось 105 284 000.

Спрашивается в задаче: куда исчезли два миллиона двадцать шесть тысяч правоспособных граждан? Потерять за полгода

два миллиона человек не всем удастся даже на войне. Может быть, этот мор называется «подведение итогов всенародного одобрения»? Тогда чем меньше избирателей — тем больше процент одобрямса.

Срок хранения избирательных бюллетеней скоро истекает. Потом их сожгут*.

Двоечники любят сжигать дневники. Искренне веря, что с понедельника начнут новую жизнь. Начнут «непростую работу по организационно-структурному обеспечению действия новой Конституции».

* Сбылось. ЦИКа сожгла «по ошибке». Председатель ЦИКи Рябов в награду за ошибку стал послом.

13 января 1994, «МК»

БЛОКАДНАЯ КНИГА
Слово о полку Русланове.
Нравоучительная публикация
для ветвей власти

— Не пей, братец!
Козленочком станешь.
Русская народная сказка

Каких только документов не увидишь! Вчера в открытое окно редакционного кабинета порыв ветра швырнул растрепанную пачку бумаги. А кабинет аккурат наш с Алексеем Мериновым.

Стали разбирать — оказалось, счета из буфета Белого дома. Или из ресторана — бог его знает.

Там депутаты и их друзья питались. В кредит. А работники общепита все записывали, записывали. Кому, когда, что, сколько и почем.

Счета, залетевшие к нам в окно, почти одинаковые. Различие только в заголовках. Одни листы называются «Протокольное обслуживание», другие — «На совещание по распоряжению тов.».

На совещание по распоряжению тов. Баранникова**28 сентября**

Наименование	Кол-во	Цена	Сумма
Бульон с кур.	6	240-00	1440-00
Бут. с колб.	42	125-00	5250-00
Бут. с сыром	42	125-00	5250-00
Лаваш	3	50-00	150-00
Водка	10	1146-77	11467-70
Кофе б-р	1 б.	1625-00	1625-00
Чай	2 п.	136-00	272-00
Вода минер.	16	158-75	2540-00
Вода фрукт.	16	147-50	2360-00
Сосиски	0,6 кг	2886-00	1731-60
Сыр	0,4 кг	2456-70	982-68
Огурцы мар.	2 б.	607-00	1214-00
Шпроты	2 б.	498-75	997-50
Зел. гор.	2 б.	230-00	460-00

*Напряженные дни. Осада, блокада, переговоры...***На совещание по распоряжению тов. Баранникова****30 сентября**

Вода минер.	10	158-75	1587-50
Вода фрукт.	10	147-50	1475-00
Водка	10	1146-77	11467-70
Обед	3	460-00	1380-00
Бут. с колб.	15	125-00	1875-00
Бут. с сыром	15	125-00	1875-00
Сосиски	0,6 кг	2886-00	1731-60
Зел. гор.	2 б.	230-00	460-000
Сыр	0,3 кг	1800-00	540-00
Лаваш	3	50-00	150-00
Кофе б-р	1 б.	812-50	812-50
Сахар	1 кг	535-20	535-20

Скромно. Обед на троих, водки — 10. Единственная трудность — банка кофе и кило сахару. Как втроем одолеть?

1 октября

Вода минер.	10	158-75	1587-50
Вода фрукт.	10	147-50	1475-00
Чай	2 п.	136-00	272-00
Печенье	2 п.	175-00	350-00
Обед	4	460-00	1840-00
Колб. в/к	1,5 кг	3795-00	5692-50
Водка	2	1146-77	2293-54
Коньяк	2	1884-00	3768-00
Шампанс.	1	875-00	875-00
Водка	10	1146-77	11467-70

Протокольное обслуживание тов. Сыроватко

26 сентября

Колб. вар.	0,5 кг	2688-00	1334-00
Сыр	0,5 кг	2201-10	1100-55
Яйца	10	51-00	510-00
Хлеб	2	120-00	240-00
Кофе б-р	10	29-00	290-00
Молоко	2 б.	202-00	404-00
Водка 0,5	2 б.	1146-77	2293-54
Коньяк 0,5	1 б.	1261-00	1261-00
Вода пепси	2 б.	1268-00	2536-00
Обед	3	460-00	1380-00

Протокольное обслуживание тов. Воронина

30 сентября

Наименование	Кол-во	Цена	Сумма
Вода фрукт.	10	158-75	1587-50
Вода минер.	10	147-50	1475-00
Завтрак	2	360-00	720-00
Ужин	2	460-00	920-00
Водка 0,5	2 б.	1146-77	2293-54

Протокольное обслуживание тов. Дунаева*

25 сентября

Сосиски	0,5 кг	2886-00	1443-00
Обед	5	760-00	3800-00
Водка	10	1146-77	11467-70

* Замминистра внутренних дел.

27 сентября

Наименование	Кол-во	Цена	Сумма
Яйцо	3 шт.	51-00	153-00
Водка	10	1146-77	11467-00

1 октября

Колбаса в/к	0,3 кг	3795-00	1138-50
Пряник моск.	2	645-00	1290-00
Водка	10	1146-77	11467-70

Протокольное обслуживание тов. Ачалова***29 сентября**

Молоко	2	229-00	458-00
Огурцы мар.	2	607-00	1214-00
Водка	20	1146-77	22935-40

2 октября

Завтрак	3	360-00	1080-00
Обед	3	460-00	1380-00
Водка	13	1146-77	14908-01

3 октября

Завтрак	3	360-00	1080-00
Водка	3	1146-77	3440-31
Коньяк	1	1884-00	1884-00

Протокольное обслуживание тов. Руцкого**1 октября**

Завтрак	3	360-00	1080-00
Водка	5	1146-77	5733-85

2 октября

Завтрак	2	360-00	720-00
Водка	3	1146-77	3440-31

* Замминистра обороны.

Протокольное обслуживание

Первая приемная

1 октября, 2 октября, 3 октября

Печенье и чай — пачками, кофе и шпроты — банками, сосиски и сахар — килограммами, коньяк и водка — ящиками... И примечание: «Фрукты на сумму 27 795 руб. 61 коп. — в кабинете».

Питался там и тов. «Зоркин»* (вероятно, буфетчица пропустила мягкий знак). Единственный, кто получил «икру зернистую», — некий Барс. Может, еще кому доставалась, но ветер нам не занес тех листочков.

А 2 октября вдобавок «продукты отпущены по приемным: тт. Воронин, Агафонов, Исправников, Сыроватко, Абдулатипов, Пересадченко, Барс, Руцкой: кофе 8 банок, сахару 8 кг, воды 160 бутылок, шпроты — 40 банок, сайра — 40 банок, лосось — 40 банок...»

И все даром. И таких бумажек видимо-невидимо.

Буфетчица плачет:

— *С кого теперь получать?*

* И тогда и теперь председатель Конституционного суда.

26 марта 1994, «МК»

КУЛЬТУРКА

Обижается народ:
«Мало партия дает!»
Наша партия — не б...,
Чтобы каждому давать!

Частушка

Эта замечательная советская частушка вспомнилась в связи с обсуждением бюджета в Думе. Пора бы подновить фольклор — заменить «партию» на «Родину» или «нашу власть».

Странно и неприятно слышать возмущенные голоса интеллигенции: мол, как не стыдно?! — на войну — 23% бюджета, а на культуру — 0,3% (числа условные).

Эти стенания говорят, увы, лишь о небольшом интеллекте нашей интеллигенции (что еще хуже, чем слабый силач).

Ежели рассудить логически, то мы увидим совершенно обратную картину: *армия получила мало, а культура — незаслуженно много.*

Бюджет — он не с неба падает. Бюджет сочиняют люди. Из чего они исходят? Из абстракций? Из евангельских заповедей? Нет, исходят они из собственного опыта, собственного понимания, как обустроить Россию.

Что же говорит им их опыт? Или — поставим тот же вопрос иначе: насколько необходима культура?

Ответ простой: культура не нужна совсем.

Надо признать, что те люди, которые сегодня формируют бюджет, сделали карьеру — блестящую! фантастическую! — совершенно не нуждаясь в культуре.

Представьте: человек был подпаском, а стал министром (премьером, академиком, спикером, президентом...). Это замечательно! Может ли он считать, что его жизнь не удалась? Нет. Можем ли мы числить его неудачником? Нет и нет.

Нужна ли была ему культура на пути к вершине? Нет. Нужна была верность идеям чучхе, рабская преданность, сообразительность, лицемерие, умение выпить литр и переплыть Хуанхэ, умение говорить вверх «вы», а вниз «ты». Всякие знания и умения были нужны. Кроме культуры. Культура даже вредила.

Шибко умные, слишком грамотные неприятны, чужды, употребляют непонятные слова (что раздражает), никогда не становятся своими в доску и носят очки. И никогда не поднимаются выше замзавотделом, и служба их — сочинять праздничную речь, пока действительные хозяева жизни, не умеющие написать и диктанта, поддают пивком на каменку.

Не хочу сказать, что при слове «культура» наши правители хватаются за пистолет, но в сон их клонит мгновенно. (Поэтому звать их лучше не на концерт, где сидя слушают, а на вернисаж, где ходя глядят. На ходу уснуть труднее.)

Армия (вооруженные люди) — для правителей всё. Плясуны — ничто. Во всех странах. При всех режимах. Ведь артисты и художники — невооруженные люди. Даже очень обиженные, они никогда не представляют прямой угрозы властям. Армия же...

И большое спасибо, что в сей исторический момент, когда благодаря всем четверем ветвям власти (особенная благодарность гг. Жорькину и Зириновскому)*, когда благодаря всем нам приличия в России перестали соблюдаться абсолютно, — в сей тяжелый момент родное правительство соблюло (исключительно ради приличия и престижа) наличие в бюджете статьи «культура».

Значит, что есть!

Бабель в армии Будённого был в той же позиции. Перечтите (кто умеет) в «Конармии» главу «Начальник конзапаса» о том, как у мужика армия забрала доброго коня, а взамен оставила подышающую облезлую лошаденку. Лежашую.

* Это досадная ошибка, автор перепутал первые буквы.

« — Вон, товарищ начальник, — завопил мужик, хлопая себя по штанам, — вон чего ваш брат дает нашему брату!.. Хозяйствуй на ей... Где ей, сироте, подняться... Она, сирота, подохнет..»

— Обижаешь коня, кум, — с глубоким убеждением ответил Дьяков (начальник конского запаса. — *А.М.*).

И вот все мы увидели, как хлыст со стоном прильнул к кровотокающим бокам. Дрожа всем телом, кляча стояла на своих на четырех и не сводила с Дьякова собачьих, боязливых, влюбляющихся глаз.

— Значит, что конь, — сказал Дьяков мужику и добавил мягко: — А ты жалился, желанный друг...»

Значит, что культура. А вы жалитесь, друзья.

14 мая 1994, «МК»

НЫНЕШНЕЕ ПОКОЛЕНИЕ БУДЕТ ЖИТЬ ПРИ БАНДИТИЗМЕ

Поручиком?! Уж лучше палачом!

Шекспир. Отелло

В начале февраля 1994 года газеты сообщили:

«110 из 180 офицеров подразделения “Вымпел” Управления разведки Министерства безопасности, предназначенного для проведения боевых операций, в том числе за границей, подали в отставку. Причиной послужил указ Бориса Ельцина о передаче “Вымпела” под руководство МВД».

Скажите, пожалуйста, куда ушли эти сто десять, «предназначенные для боевых операций»? В парикмахеры? В дворники?

Государство выбрасывает людей на улицу. Мафия создает новые рабочие места. Идет массовая гангстеризация всей страны.

Офицер «Вымпела» — элитный кадр. Он стоит миллионы (может быть, даже в долларах). Куда он пойдет, став безработным? Где он найдет достойную зарплату? Где пригодится его твердая рука, холодное сердце, меткий глаз?

Учтите: он не только уволен, он страшно оскорблен.

Он прошел невероятно тяжелую школу. Его учили терпеть боль, голод, холод. Учили быть жестоким. Учили убивать. И отбирали в ученики не убудков, а умных, сильных, высокосознательных.

Парней превращали в боевые машины. Но у этих машин была идея: за Родину!

Мы так боялись и ненавидели КГБ, что не сознавали абсурдность своей ненависти ко всей «конторе». Ненавидеть следовало бы всего лишь Пятое управление — политическую полицию, идеологический сыск. Чем же виноваты разведчики, контрразведчики, охрана, связь и прочие необходимые структуры государственной безопасности?

Но и наша ненависть к Пятому управлению была, так сказать, наивна и не по адресу. Разве сами чекисты придумали, что за стихи надо сажать, за листовку — бросать в психушку, а за тысячу долларов — расстреливать? Нет, это им такие указания давала наша родная коммунистическая партия. Конечно, не доярки-ударницы, а мудрые старики из Политбюро ЦК КПСС — наша ум-честь-и-совесть.

Спецслужбы — инструмент режима. Не более того.

Компартию сохранили, фашистов разрешили, а КГБ уничтожили.

Вовремя.

А перед уничтожением мы навалили на них, сегодняшних, всю ненависть и всю ответственность за лагерные времена. Ненависть к «конторе», вырвавшись на свободу, создавала у гэбэшников впечатление, что их вот-вот вешать начнут. А ведь вешать молодого парня из органов за преступления Берии-Андропова-Крючкова — все равно что вешать оболваненного тотальной пропагандой комсомольца за дела Ленина-Сталина.

Общество на радостях демонстрировало органам ненависть и презрение. Упоенно. Мстя за долгую жизнь на коленях (что для многих хуже смерти).

Нас вырастил Сталин на верность народу!

На труд и на подвиги нас вдохновил!

Это — если кто забыл — гимн Советского Союза. Долго музыка играла*. Долго нас выращивали и вдохновляли. Из самых удачно выращенных получались «Альфа», «Вымпел» и прочий вдохновленный на подвиги спецназ.

* Мы и подумать не могли, что ее вернут.

Честь, присяга, защита Отечества — вот та вера, которая позволяла чекистам шантажировать, вербовать, шпионить и убивать, не чувствуя себя преступниками. В скафандре этой веры они ощущали себя рыцарями и героями. Щит и меч. Невидимый фронт. Подвиг разведчика.

Романтика (высокая романтика!) создавала им душевный комфорт. Не за зарплату же они рисковали жизнью.

И вдруг всех офицеров КГБ выводят за штат. Опять. Указ о расформировании МБ. Пятый раз за три года. Сидите, господа-товарищи чекисты, дома. Ждите. Может, мы вас обратно возьмем. Если аттестацию пройдете.

Честный офицер тянет лямку через силу, проклиная все на свете. Но — не уходит. Что-то держит его на нищенской зарплате. А за эту верность — пинком под зад: за штат. Ждать? Ну нет...

Кто помнит, из-за какой малости случились все ужасы и катастрофы в «Отелло»? Яго откровенно говорит об этом в самом начале. Яго ждал заслуженного повышения, мечтал стать лейтенантом, а чин получил Кассио — штатский красавчик.

ЯГО

...Я на глазах Отелло

Спасал Родос и Кипр и воевал
В языческих и христианских странах.
Но выбран он. Он мавра лейтенант,
А я поручиком их мавританства.

РОДРИГО

Поручиком? Уж лучше палачом!

ЯГО

Да, да. Он выдвигает лишь любимцев,
А надо повышать по старшинству!

РОДРИГО

Тогда б я бросил службу.

ЯГО

Успокойтесь.

На этой службе я служу себе.

Это очень многие наши офицеры, это все наши оборотни могут сказать: «На этой службе я служу себе».

По биографии — Яго настоящий спецназовец. «Спасал» Родос и Кипр, воевал с мусульманами и христианами. Но вот он оскорблен. Унижен. И он начинает мстить. Он — профессионал. Его преступность захлестывает пьесу. Убит Родриго, убит Кассио, а генерал Отелло, военный губернатор Кипра, под руководством поручика Яго сперва душит свою жену, а потом кончает жизнь самоубийством.

«А надо повышать по старшинству!»

В чем-то действительность даже превзошла наши ожидания. В Россию бегут сотни тысяч людей! У нас (у нас!) ищут безопасности, просят политического и экономического убежища. Мечтают о рублях. Во времена СССР такое и в счастливом сне не снилось. Да и сейчас надо сделать определенное усилие, чтоб осознать великий перелом и гордиться. Действительно, наша демократия — не то что туркменская. Мы ни одной улицы, ни одного города не переименовали в честь президента*; ни на монетах, ни на бумажках нет его лика; даже статуи Ельцина ни одной не отлили, даже бюста.

Широкая распродажа

Преступность подминает страну под себя. Все кричат, что с ней надо бороться. И одновременно выбрасывают на улицу тысячи профессионалов.

Упразднив МБ, сократили ряды борцов с преступностью. Но если где-то отнялось, то в ином месте прибавилось (Ломоносов). Где же прибавилось? Тысячи профессионалов ушли в коммерческие, полукриминальные и иные структуры,

* Через пятнадцать лет Кадыров переименовал в Грозном проспект Победы в проспект В.В.Путина.

которые кто-то гениально назвал «организованной спортивностью»*.

Профессионалы, о которых речь, — герои, лишь пока состоят на государственной службе. Но те же самые действия в рядах «организованной спортивности» — уже не геройство, а преступление.

И мы сами послали их туда. Мы сами невероятно укрепили ряды бандитов.

И только ли бандитов? Спецназовец, конечно, подумает: идти охранять банк или идти грабить банк. А куда идет разведчик? А куда идет контрразведчик? Ни один нормальный человек не поверил, будто наш супершпион Эймс попался на том, что швырялся деньгами. Это американцы заявили, что поймали Эймса на «нетрудовых доходах». Цель таких заявлений — скрыть истинную причину провала.

Разведчики в один голос уверенно говорят о предательстве. Эймса кто-то предал. Кто?

Легко вообразить человека, который сидит в московской квартире и думает:

— Вы меня за штат? Ладно, мне есть что продать.

Разогнав КГБ, пополнили ряды предателей.

И похоже, что рабочие места для выброшенных нами профессионалов создает не только мафия, но и разведки всего ми-

* Отари Квантришвили пытался даже зарегистрировать в Минюсте свою группировку под названием «Спортивная партия России». Он приехал в редакцию «МК». Жаловался: мол, отказывают в регистрации. Я говорю: они, конечно, сволочи, несправедливо отказывают; но если я напишу хоть слово в вашу поддержку — что обо мне подумают?

ОТАРИК. Давай завтра пойдем вместе в баню, я там все объясню...

На следующее утро звоню Гусеву: «Заболел. Ангина. В баню не могу пойти. Скажи этому, если он будет меня искать».

Вечером в седьмом часу звонит Гусев:

— Болеешь?

— Еще бы.

— Выздоровливай. Его только что застрелили, когда он из бани выходил. Снайпер.

ра. А поскольку в продажу поступили друзья-однополчане (чья боевая дружба сохранится, кто бы их ни купил), западные разведчики получают мощнейший рычаг управления нашим бандитизмом.

Первая мысль при известии об упразднении МБ была: «Им осталось только одно — сдавать нелегалов». Немедленно последовавший провал Эймса малость успокоил. Первым сдали агента, а не нелегала. Сдали все же чужого, а не своего*.

За сколько? Ущерб от деятельности Эймса США оценили в миллиарды долларов. И одного процента предателю хватит до конца дней. Только кто ж ему столько даст?.. Дадут мало. Что-бы сдал еще.

Новые провалы последуют скоро и неизбежно.

Что переживают сейчас наши агенты и нелегалы, наблюдая происходящее, понимая, к чему все идет? Понимая, что, может быть, они уже проданы?

К сожалению, исправить тут ничего нельзя. Даже если вообразить такое чудо, что государство решило бы вернуть всех уволенных, сделать это невозможно. Это вам не министр культуры, которого перебрасывают с бани на клуб и обратно. Уволенный профессионал, если он ушел в «спортивность», возвращению не подлежит. Ибо он притащит на Лубянку свои новые связи. Офицер КГБ станет агентом мафии в КГБ.

Излишне говорить, что, уйдя в «спортивность» или в чужие спецслужбы, офицер отнес туда (в виде интеллектуального вклада) не только свои умения, но и свои знания. Кто был у него на связи, кто был им завербован, все, на кого он имеет компромат, — с этого момента, неведомо для себя, уже находятся если не на службе у бандитов, то в сфере досягаемости и управляемости.

А кто идет на смену уволенным? Кто эти молодые романтики, которые вербуются на борьбу с преступностью? Об этом чуть позже.

* Потом и это сбылось. И не раз. И не два.

Моя милиция меня...

Очередной советник президента заявил: преступность будет побеждена, если милиции больше денег дать.

Мысль «свежая». Мол, дайте им компьютеры — тогда они бандитов вычислят. Дайте им «мерседесы» — тогда они бандитов догонят. Дайте рации, вертолеты, приборы ночного видения... А главное — зарплату, зарплату, зарплату! квартиры, квартиры, квартиры!

Все министры, депутаты, президентские советники и милицейские генералы в один голос: надо милиции больше денег дать, тогда...

Рецепт отличный.

Надо проститутке больше денег дать — она сразу станет честной девушкой.

Разве все, кто мало получают, — воры? Разве все, кто много получают, — честные?

Милиционерам внушают: пока мало получаете — вправе воровать, взяточничать, бандитствовать. Вот когда вам будут платить по ... рублей в месяц, станете честными.

Вообще мысль верная. Осталось выяснить — почему?

Если господа считают, что можно, ударив рублем, как волшебной палочкой, превратить взяточника в честного человека, давайте посчитаем, сколько это будет стоить.

О честности забудем сразу. Она не покупается. Будем оплачивать превращение взяточника в невзяточника.

Социопсихологи сходятся на том, что порог интереса находится на уровне «одной тысячной», то есть 0,1%. Иначе говоря, если ваш оклад — миллион, то тысяча рублей для вас — деньги незначительные. Как гривенник во времена сторублевых зарплат (для проезда на метро — годился; для того, чтобы дать взятку, — нет).

Чтобы гаишник пренебрег взяткой в пять тысяч, его зарплата должна быть не меньше пяти миллионов. Это не значит, что он не возьмет. Пять штук, может, возьмет, а может, побрезгует. Но десять тысяч возьмет.

Зарплата среднего милиционера — около трехсот тысяч в месяц. Обходя палатки, он, по мнению знающих людей, получает порядка пятисот тысяч в день.

Если взятки составляют полмиллиона в день, то (чтоб этой грязью пренебречь) надо получать зарплату полмиллиарда. В день? В месяц? Не имеет значения. Таких денег нет. И не будет.

Вынужден огорчить господ советников. В проститутки наши девочки не шли, потому что позорно, а не потому что невыгодно. Проститутка была презираема. Непрестижно.

Престиж! Он всегда дороже денег.

Все завмаги и продавщицы ходили в золоте. А мальчики и девочки подавали в Физтех, в МГУ — сто человек на место.

Да, продавщица была в тысячу раз богаче физика. Но продавщица воровала, обвешивала, обсчитывала. Ее презирали, а физика уважали.

В споре физиков и лириков выиграла палаточники и «челноки». С ума сойти, сколько молодых здоровых парней и девочек добровольно сидят в киосках или мешочничают по всей планете. (Прежде «челнок» именовался мешочником, но те больше с голоду действовали.)

Кино было о физиках — «Девять дней одного года», кино было о лириках — «Я шагаю по Москве». Кино было и о проститутках. Гениальный Феллини снял гениальную Джульетту Мазину в роли проститутки. Глядя «Ночи Кабирии», весь мир (включая СССР) заливался слезами. Но никто героине не завидовал. Фильм не клеймил проститутку Кабирию, фильм был полон любви и сочувствия, но зависть исключалась полностью. Вечно бедная, вечно обманутая, вечно битая, вечно ограбленная, чуть не убитая — вот какая, оказывается, пропаганда была в том гениальном фильме*.

Поздно спохватились

В ночь с 3 на 4 октября милиция сдала Москву. Город был беззащитен. ОМОН бросил оружие и исчез. (Ничто потом так не изумило, как награждение Ерина, министра внутренних дел.)

* А наши стали воспевать именно блядей, наглых бездельниц. Ксюша, ни разу ничего умного не сказавшая, пошлая и наглая, — кумир молодежи.

Слыша в ту ночь со всех сторон: «Сволочи! Почему они нас не защищают?!» — я подумал:

— А с какой стати?

С той поры эта мысль гвоздем сидит в голове. С той поры и пишу эту заметку.

Кого это «нас» милиция должна была защищать? Журналистов? Она нас ненавидит. Все последние годы (чуть только объявили «гласность») пресса и ТВ вытирали ноги о милицию. Презрительно-жаргонное (уголовное) имя «мент» узаконилось в печати.

Клеймили милицию в основном справедливо. Но тем естественнее была ненависть ментов к шелкоперам, бумагомаркам. Тем более что за журналистами милиция категорически не признавала морального права судить. Сами, мол, продажные твари, вторая древнейшая, и т.д., и т.п.

Где больше продажных — в журналистике или в МВД, — пока никто не подсчитал. Но дело не в этом. А в том, что никакой охоты защищать писак у ментов нет и быть не может.

Защищать простых граждан? А с какой стати?

Разве общество в целом относится к милиции с любовью? Нет. Презирают и побаиваются. Милиция избивает, милиция обворовывает пьяных, гаишники грабят в открытую. А что случись — милиционера не дозовешься.

Мы их презираем. А они должны нас защищать? Да с какой же стати?!

Мы в них плюем, а они должны за нас подставлять грудь под пули? Не будет этого никогда.

Ни за зарплату, ни за квартиру умирать никто не хочет и в бой никто не пойдет.

Большинство тех профессионалов, которым позволяет ум и опыт, из МВД бегут. Куда? Все туда же. Приличные — в коммерческие структуры, сволочь — в бандитские.

От этого процесса мафия умнеет, а МВД глупеет. Перетечка мозгов.

Но главное — наше будущее! — в том, *кто приходит*.

Вот и скажите: какой умный, смелый, сильный, гордый, уважающий себя парень пойдет в презираемую структуру?

Порядочный — пойдет куда хочет. Подонок — в рэкетире. А кто — в рядовые милиционеры?

Мы, и никто другой, создали эту милицию, эту армию, эту ЧК (МБ, ФСБ). Не сегодня все это началось. Но сегодня кончается. Количество перешло в качество. Бандиты продвинулись в депутаты, в окружение высших лиц.

Все пышнее становятся похороны авторитетов на Ваганькове. И я могу точно назвать момент окончательного пришествия Бандитской эры. В тот день вор в законе будет похоронен на Новодевичьем.

— Армия вне политики! Армия не будет сражаться с народом! — заявляет Грачев и срывает аплодисменты.

А что это значит?

Допустим, в Ростове начинается армянский погром. Условно говоря, русские убивают, условно говоря, армян. Язык один, гражданство одно. Форма носа разная. Будет ли армия подавлять погром?

Одна часть народа убивает другую часть народа, а третья часть народа (наиболее вооруженная) заявляет, что не будет сражаться с народом.

А если в Казани начнется русский погром? Если на территории, находящейся под властью президента Шаймиева, условно говоря, татары начнут резать, условно говоря, русских? Какую из этих частей армия сочтет народом?..

Не философствовать должна армия, а выполнять приказ. Не рассуждать, кто народ, кто нет.

Армия — это два миллиона вооруженных людей. Если они начнут разбираться — это уже не митинг. Это и есть гражданская война.

Бесконечно высокие договаривающиеся стороны бьются над проблемой прекращения огня.

Война в Азербайджане, Армении, Грузии... Карабах, Абхазия, Осетия...

Вводить войска ООН? Вводить русскую армию? Разъединить, уговорить... Чьи дети должны встать между стреляющими противниками?

А может, перестать продавать оружие?

Ежедневно по ТВ нам показывают кавказскую войну: автоматы, ракеты, пушки, танки, вертолеты, истребители. Все это ездит, летает и непрерывно стреляет.

Откуда патроны, Гиви? Откуда бензин, Армен? Почему брал вертолеты, Вагиф?

Вероятно, армейские специалисты, не отходя от телевизора, могли бы опознать типы, марки и места изготовления всего этого гигантского арсенала. Но и так ясно: все оружие — наше.

Сама по себе продажа оружия — вещь замечательная. И рабочие места, и деньги неплохие (если бы шли в российский бюджет, а не в генеральский карман). А может, это и мудро — продать побольше. Чтоб поменьше осталось дома в такое лихое время, когда мы воюем сами с собой, а внешний враг скушает.

И все же в такую сушь разводить костры вплотную к своей избушке...

Весь мир опасливо глядел на большую вздувшуюся «бомбажную» консервную банку с надписью «СССР в собственном соку».

Вскрыли ее торопливо и неосторожно. Ударил фонтан. Многих обрызгало. Теперь, когда американцы и европейцы плачут от наших гангстеров и болеют от наших проституток, я утешаю буржуев:

— Вы же годами добивались свободы выезда для советских людей. Вот она. Кушайте на здоровье.

Невозможно без смеха смотреть, как Запад кряхтит от нашей свободы, за которую так сражался (по радио).

Да, не мы одни такие дураки.

Кто ж знал, что свободой, о которой мы мечтали, воспользуется всякая сволочь.

А надо было знать.

Свобода для нас равнялась уничтожению власти Политбюро и КГБ. Свобода от режима, от соцлагеря, от цензуры, от идеологического бетонирования мозгов...

В основе это была (и есть) мечта о свободе от страха.

Оказалось, эта свобода — для трусливых.

Солженицын, Галич, Высоцкий, Сахаров, Григоренко, Жванецкий... Храбрые всегда свободны. «Дания» всегда тюрьма. Храбрые воевали с режимом тогда. Трусливые — теперь. Теперь можно.

Надо признать (хоть и досадно): трусы гораздо более приспособлены к жизни. Они смело делают дозволенное. А смело-му это делать противно. Он и проигрывает.

Профессионалы из МВД и КГБ уходили еще до расформирования и сокращений. Уходили поодиночке, когда осознавали бессмысленность своей работы.

Жаль. Те миллионы воров, хулиганов, убийц, насильников, которые сидят, — их же кто-то поймал. Их поймала «плохая» милиция.

Ежедневно «плохая» ловит воров и бандитов. Ежедневно милиция видит разницу в уровне жизни своей и ихней. Если сыщики проигрывают вора в деньгах, то должны выигрывать в престиже. Увы.

Сыщики, оперативники, рискуя жизнью, ловят бандитов. Затем с бессильной яростью наблюдают, как прокуратура и суд отпускают преступников на свободу.

Когда оглушительно кричат о борьбе с преступностью, мы понимаем: нас хотят оглушить, чтобы мы забыли о борьбе с коррупцией. Точнее, о борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти. Помнится, была такая кампания. Не прошло и года.

Кажется, даже начали ловить бандитов. Входят ли в эту категорию высокопоставленные раздатчики квот и лицензий?

Куда ни глянь (в США, в Италии, в Японии, а теперь и в Армении) — то и дело ловят проворовавшихся министров. И только России повезло — все министры честные. Вороватый народ заслужить такое правительство, конечно, не мог. Это нам Бог послал. За наше терпение.

Сыщик, ищи вора

Надо терпеть. Не унижаться. Не ждать защиты от тех, кого презираешь. И поменьше восхищаться ворами. Не писать им посмертные панегирики. Я другой такой страны не знаю, где

журналисты столь отважны, что защищают бандитов от милиции.

Защищать надо слабого. По мнению профессионалов, в милиции сейчас около 30% порядочных людей. Это немало. Но что получается? Бандиты — на 100% бандиты. А милиция — только на 30% милиция. Выходит: 30 против 170. Тяжело.

Провести бы массовый опрос детей: кто (и из каких семей) мечтает стать милиционером? (Те, что учатся в Сорбонне, конечно, не в счет.)

Из детей, что с утра до ночи торгуют, ловчат, моют гангстерские «мерседесы» и уже научились «отстегивать менту, чтоб не гонял», — какие из них милиционеры? Какие из них солдаты?.. Пока доллар — чемпион престижа, не будет толку от борьбы с преступностью.

Борьба с преступным сознанием общества — очевидная необходимость.

Или вернем престиж сыщику, или будем жить под властью воров.

27 мая 1994, «МК»

СОЛЖЕНИЦЫН ОПОЗДАЛ НА САМОЛЕТ

Пароход уплыл. Поезд ушел

«Солженицын опоздал.

В 1985-м он вернулся бы героем.

В 1988-м — пророком. Вся страна читала “ГУЛАГ”.

В 1990-м стал бы членом Президентского Совета.

Сегодня — если наконец приедет — несколько интервью и творческий вечер в киноцентре. Ведущий — Говорухин. Тема — “Как нам обустроить Россию, которую мы потеряли?”

Сегодня лучше перечитать “Один день Ивана Денисовича” 1961 года. И лучше не перечитывать “Как нам обустроить Россию” 1989-го. Там планируется братство славянских народов, а у нас со славянской Украиной война (пока холодная) — Крым, Черноморский флот, ядерное оружие...

Горбачева не было три дня*. Вернувшись 21 августа, он не понял, что вернулся в другую страну.

Солженицын не был 19 (девятнадцать!) лет. Много. Это брежневские годы не различались. А теперь каждый день — другая страна».

...Этот текст был напечатан в «МК» в марте 1993-го. Прошел еще год.

Сегодня Александр Исаевич Солженицын прилетел во Владивосток.

* Трехдневный плен в Крыму во время ГКЧП.

Выслали на Запад. Прибывает с востока. Символично до пошлости.

Двадцать лет не был на Родине. Как Одиссей. Вернувшись, он — как Одиссей — застанет разлад, разор, раздор, пирующих женихов.

Страна — другая. Мы — другие. Но и Солженицын — *другой*.

Тогда — автор «Ивана Денисовича», вчерашний зэк. Теперь — автор бесконечного «Колеса» (извините за тавтологию), вчерашний Нобелевский лауреат. Тогда — гонимый, теперь — благополучный.

Участь, предназначенная «Доктору Живаго», выпала на долю «Красного колеса». Продается всюду, почти никто не читает. Некогда.

Конец мая — плохое время для торжественных встреч. Все на дачах, на огородах. Вообще дел стало больше, жизнь ускори-лась. Получил — беги в банк, а раньше можно было в чулке ко-пить. (Все гадали вожди: сколько там у бабушек в чулке? Ока-залось, гадать не надо. Можно просто отменить чулок.)*

И обстановка плохая. Вон сколько партий**. Пока отсутст-вовал — был всехний. Приехал — придется определяться. При-своить Вас, Александр Исаевич, захотят все — и президент, и Руцкой, и «Выбор России», и Фронт национального спасе-ния. А уж объехать Председателя Всемирного Конгресса Слав-янских Православных и Христианских Народов Владимира Вольфовича — и думать нечего. Даже необходимо познако-миться с тем, за кого народ (оставленный Вами без присмотра) проголосовал.

Эх, если бы Вы вернулись раньше! Даже письмо порывался Вам писать:

Очень жалко нам, товарищ Солженицын,
Что не видно Вас на стройке наших дней!
Думаете, из Вермонта вам видней?

* Когда инфляция зашкаливает за сто процентов, чулок как место хранения исчезает сам.

** В 1994-м в России было полсотни партий.

Я знаю, Вас ценят и власть, и партии.
 Вам дали бы все: от любви до квартир.
 Сограждане сели б пред вами за парты:
 Учи! Верти!

А теперь? Интервью с Яковлевым? (двумя? тремя?)*, с Попцовым, с Киселевым, с «Моментом истины» (с проникновенными вопросами типа: «Скажите честно, Александр Исаевич, почему Вы не задушили Андропова?»), и наконец, воскресная пошлятина: «Та-ак, звоночек!»**. Возможно, какой-нибудь депутат-режиссер подерется за право быть любимым учеником... И встречи, встречи, встречи, на которых все будет, как описано в «12 стульях»: «Еврей ли Вы?», «Почему нет в продаже животного масла?»

Политэмигрантов нет. Были, но потеряли это право в тот день, когда кончился карательный режим. На родине им давно ничего не грозит. А что их держит «там» — их личное дело.

Уважение к Солженицыну огромно. Он, может быть, больше всех сделал, чтобы покончить с кошмаром, с ложью, с преступным режимом, и действовал тогда, когда за это могли убить. Но как жаль, что в августе 1991-го он предпочел писать о марте 1917-го, вместо того чтобы сесть в один самолет с Ростроповичем.

Только Солженицын, Сахаров и Ростропович удостоились высочайшего звания Совесть Нации. Сахаров умер. Ростропович залетает на мятежи. Солженицын отсутствует.

Чего же ждать от нации, чья совесть живет за границей?

Да, ребята, мы стали злы и непочтительны. И всех, кто последние годы советует нам из Парижа и Лондона, как себя вести, с кем водиться... Всех благодарим за сочувствие.

...Страна ждет великого гражданина. ТВ по всем программам показывает квартиру, дачу, сторожевую собачку...

* А.Яковлев — бывший член Политбюро, «архитектор перестройки», Е.Яковлев — бывший главред «Московских новостей»...

** Тогда стали возможны «звонки в студию», и ведущие (типа Диброва) буквально тряслись от такого счастья. Потом не знали, куда деваться от звоночков.

«Ваш шпиц — прелестный шпиц!»

Собираетесь проездом узнать страну?*

Надо было, как халиф Гарун аль-Рашид, переодеться русским (купцом, священником, а лучше — бомжом!). А главное — инкогнито!

Разве разрекламированный вояж будет тихим, частным, естественным знакомством с новой Россией?

К Вашему поезду прицепят вагоны журналистов. По крышам будут скакать фоторепортеры. На станциях — оркестры, хлеб-соль... И ежедневная надсада: или принять гостеприимство первого секретаря обкома (т.е. губернатора), или грубо поспорить. И в любом случае — не встреча с Родиной, а рандеву с номенклатурой.

И на всем пути через Сибирь — бумажные комбинаты: «Александр Исаевич, позвольте Вас издать!»

И вагон уже покрашен, подрессорен. И неизбежна ситуация хамской давки, потной толчеи:

— Александр Исаевич! Скажите...

И безумные телеграммы журналистов: «Срочно в номер! Купил огурец! Пил чай с двумя кусками сахару! Беседовал с машинистом паровоза!»

И давка эта — при его нетерпимости к фальши, да после долгого (хоть и относительного) затворничества, отвычки от толпы...

Отшельник, да. Но отшельничал не в скиту. Благости не жди.

Он — хороший. Мы — плохие.

Трудно будет.

P.S. Так и вышло. Ажиотаж быстро схлынул, телеканалам он оказался не нужен... В 1998-м отказался взять орден из рук Ельцина. В 2008-м взял из рук Путина. Печальный конец.

* Солженицын с гордостью объяснял, что специально решил прибыть на Родину с востока (Владивосток), чтобы потом поездом ехать в столицу, а по дороге выходить на полустанках — познавать страну и народ.

25 ноября 1994, «МК»

ПРОСТАЯ СИСТЕМА

Под прицельным огнем

Такая мазь затянет рану коркой,
Но скрытый гной вам выест все внутри.

Шекспир. Гамлет

В 1941-м Анатолий Папанов воевал в штрафном батальоне. Когда он в 1980-м рассказывал мне о войне, казалось, я всё понимаю. Папанов, вероятно, думал иначе.

Он сказал: «В нашем взводе после первого же боя из сорока пяти человек осталось четырнадцать».

Я кивал: понятно.

Спустя две недели после взрыва в «МК» я научился не вспоминать то, на что смотрел, ожидая «скорую», не в силах ничем помочь*.

* «То, на что смотрел» — это сгоревшее лицо Димы Холодова. Черная корка на щеках и на глазницах растрескалась, из трещин сочилась кровь. Он еле говорил, и я подумал — обойдется. А потом взглянул ниже — а там был развороченный взрывом живот, что-то шевелилось, лопались пузыри... Текст «Простая система» написан «на сорок дней». Даже спустя сорок дней не смог написать про кишки — такой был ужас. Да и родителей Димы надо было шадить. А писал он о воровстве в Западной группе войск, о продаже оружия — в том числе на Кавказ.

Первые дни — вспоминалось само... Картина внезапно возникла в мозгу, охватывал ужас. Теперь — заперто. Теперь — только по собственной воле.

Кавказские обстрелы забывались гораздо легче, несмотря на количество раненых и трупов.

Папанов тогда сказал: «Самое страшное — прицельный огонь. Мы, штрафники, считали себя в тылу, если пули немцев достигали нас на излете, застревали в шинели, не ранили».

Я спросил: а бомбежка? а пушки?

Папанов объяснил: «Бомбежка, артобстрел — не так страшно. Это — не по тебе, это — вообще. А прицельный огонь — это именно в тебя стреляют. Это — самое страшное».

Я кивал: понятно.

Дима Холодов попал под прицельный огонь. Теперь — понятно.

В 1988-м Егор Яковлев, главред «Московских новостей», ругал какую-то мою заметку, где говорилось, что «они презируют наше мнение». «Кто такие “они”?! — сердился Егор. — Зачем разделять?!»

Тогда у многих появилась надежда на взаимопонимание с властями. Иллюзорная. Несбыточная.

Всю прошлую жизнь мы прожили в СССР — в мире, четко разделенном на «мы» и «они». Не на «соц» и «кап», не по географии, не по национальности. Просто — «мы» и «они». И когда в разговоре с грузинским режиссером Робертом Стуруа или с таджикским актером Хашимом Гадоевым упоминались «они» — ничего никому не надо было объяснять.

Мы не знали, не хотели и не нуждались знать членов Политбюро. Снят? Назначен? Имя министра экономики? Да был ли такой?

Их не было. Их не было вообще. Их дурацкие лозунги про ум, честь и совесть, их дурацкие праздничные призывы крепить вечную дружбу, выполнять решения съезда... Помню, на Арбате меня поразил огромный призыв: *«Рабочие и колхозники! Упорным трудом ответим на отеческую заботу партии!»* Уж не говоря о том, что партии скорее пристало проявлять материнские, а не отеческие свойства, сама мысль, что на чью-то забо-

ту надо отвечать упорным (очевидно, тяжелым) трудом... Все это существовало параллельно. Мы рассказывали про них анекдоты. Они дергали нас на овощную базу.

«Они» были не только наверху. Существовали другие «они» — гигантский отряд. Другие «они» обвешивали, обсчитывали, хамили в ЖЭКе. Пьяные мясники, утыканые золотом продавщицы, ненавидящие нас за то, что мы позволяем себе смотреть на весы и пытаемся считать в уме.

И те, и другие «они» были хозяевами страны. Настоящими физическими хозяевами. И хозяев этих мы откровенно презирали и часто ненавидели. Совершенно одинаково ненависть перехватывала горло, когда министр закрывал спектакль и когда хамила продавщица.

Чувства эти были абсолютно взаимны. И у них (у министра и продавщицы) было одинаковое презрение к нам, одинаковая ненависть.

Но у нас был свой мир. Повесть Астафьева, фильм Иоселиани, спектакль Эфроса, песня Высоцкого, самиздат, где за много лет до всякой свободы мы прочли Солженицына, Бродского, Набокова.

Разделение шло именно по этой границе. Не по образованию, не по профессии. Встречались удивительно душевные таксисты, а один заводской работяга собрал такую коллекцию оперных пластинок, стал таким знатоком, что знаменитые теноры Ла Скалы посылали ему свои записи и ждали отзыва. И точно так же встречались учителя-садисты, кандидаты и доктора наук, поражающие низостью и скотством.

Власть была у них. Дух — у нас.

В сфере духа «они» не существовали. И вторгнуться к нам не могли. Потому что ни черта не понимали.

А мы ни черта не понимали в политике. И нам казалось: если каким-то чудом (всерьез никто в это не верил и дожить не рассчитывал), если чудом исчезнет удавка КГБ—КПСС, то настанет невообразимо прекрасная, изумительная жизнь. Та, о которой именно этими словами мечтал чеховский полковник Вершинин, относя, однако, исполнение мечты на «двести—триста» лет. Тоже, значит, не надеясь дожить.

И никто из нас не предполагал, что возможность для нас писать что угодно придет одновременно с возможностью для «них» воровать сколько угодно.

Опасения были. Смутные опасения, которые выражались то фильмом «Покаяние», то требованием суда над КПСС. Помните, в начале перестройки (а началась она не в 1985-м с антиалкоголизма, но в 1987-м с гласности) эти идеи не вызывали сомнений.

Так недавно, всего лишь семь лет назад, необходимость «денацификации» не вызывала сомнений. Перед глазами постоянно был пример Германии, где после краха гитлеровского режима ни один функционер НСДАП, ни один ээсовец не имел шанса получить государственный пост*.

Почему все вроде бы забыли такие простые, понятные вещи? Потому что «они» оказались умнее.

Нас обманули. Нас пригласили «туда», нас «туда» впустили. Дали гласность, дали стать депутатами СССР. Устроили так, что мы сочли эту власть своей.

И перестали отделять «мы» от «они».

Нам казалось, что мы отвоевываем все больше и больше. А мы погружались все глубже и глубже,

Мы разучились различать.

И вот жуткий мальчик, всю прошлую жизнь зарабатывавший научным коммунизмом (т.е. беспросветной ложью, т.е. наперсточник), стал вождем демократов**. И в соратниках у него теперь настоящие наперсточники.

Это результат.

Мы кинулись «туда», во власть, в политику, а там нужны совсем другие таланты.

Мы не убрали прежних хозяев жизни (не в лагерь, упаси боже, всего лишь от власти). Мы стали играть вместе с ними.

С профессионалами и на чужом поле.

Мы дали коммунистам провести суд над КПСС. Даже попытка сделать самому себе пересадку сердца была бы не столь абсурдна, не столь обречена.

* До выборов 2000 года оставалось чуть больше пяти лет.

** Гайдар.

Нам обещали создать класс собственников, а создали класс преступников.

И ничего другого они создать не могли, ибо лгали всю прошлую жизнь.

Прошлая жизнь была в меру жестока и в меру снисходительна. Она всех обязывала врать и всем разрешала воровать (тащить с завода, калымить, халтурить, приписывать).

В этом смысле было настоящее гражданское согласие. Эпоха террора всех запугала, кого не убила. Гнилая эпоха отравила всех, всех замазала. В результате двадцати лет брежневского насильственного разврата образовалось население, профессионально умеющее врать, увиливать и обходить законы.

И вот нам дали свободу. И захотелось правового государства. А какое может быть правовое государство, если нет законопослушного населения.

Убийство честного бедного журналиста и избрание жулика Мавроди в законодатели — вот реальность.

Исчезновение демократических движений и партий (от Демсоюза осталась только вождица, мечтающая умереть в тюрьме) точно совпадает с ростом фашистских рядов.

Читать «Новый мир» некогда, а «Правду Жириновского» не хочется.

Оставим иллюзии. Время решительных изменений упущено безвозвратно. Сегодня демократам не собрать и пятой доли тех, кто выходил на митинги в 1989-м, 1990-м.

Мы упустили свободу, потому что не завоевали ее сами, а получили «от них». Дарованную свободу можно отнимать, а правила ее менять по сто раз в год. Последний «решительный» шанс упущен был после победы в августе 1991-го.

Теперь остались незначительные «постепенные» шансы. Если будут выборы. И если за оставшееся до выборов время мы убедим тридцать миллионов в своей правоте...*

* Во что превратились эти «мы» к 1996-му; как некоторые «мы» убрали совесть в шкаф (до лучших времен)... Об этом дальше — в статье «Сумерки свободы». Теперь, когда речь заходит о выборах-96, эти бывшие «мы» говорят: «Да, мы все тогда стали агитировать за Ельцина». Не все. И за Путина потом не все.

А пока мы наблюдаем *телодвижения* власти. Еще недавно, когда там меняли министров, госсекретарей и даже премьеров, мы глубокомысленно рассуждали: пойдет ли это на пользу России? улучшит ли экономику?

Иллюзии кончились. Теперь эти телодвижения истолковываются по-бытовому просто: это их, властителей, борьба за собственное богатство, могущество, благополучие.

Мы утратили доверие к ним, ибо поняли их простую систему.

Это примерно так, как на смену системе Птолемея пришла система Джордано Бруно.

По Птолемею, планеты описывали в космосе чрезвычайно сложные петли, подчиняясь Божественной воле. По Бруно, планеты делают простые круги, подчиняясь просто закону тяготения.

Простота движений и отсутствие Высших Мотивов оказались столь обидны, что Бруно попал под прицельный огонь. Его сожгли.

14 декабря 1994, «МК»

БРОСОК НА ЮГ НАЧАЛСЯ

Первый шаг к теплым водам Индийского океана сделан. Число жертв уточняется

Война началась ранним воскресным утром. Это грамотно. Вероломно, но очень грамотно.

Переговоры были назначены на 12 декабря. Срок ультиматума о разоружении истекает 15 декабря. А войска начали операцию утром 11-го. Почему?

Полуофициальное объяснение звучало так: «Действия войск должны побудить Дудаева к переговорам». Возможно, гибель женщин и детей побудит чеченца к переговорам. А возможно — это побудит его к войне.

Чего добивались «силовики» — Грачев, Степашин, Ерин? Мира? Мир им не нужен. Мир им опасен. В мирное время общество имеет обыкновение (вредную привычку) требовать расследований.

На чеченской войне уже есть потери. Мы знаем, сколько пленных вывезли из Чечни храбрые депутаты. Мы знаем, что в Москву прилетело три «цинка». Но мы не знаем, сколько солдат и офицеров завербовала ФСК (КГБ, ФСБ) России в армии России.

Говорят, не меньше сотни. А вернулось (живых и мертвых) около тридцати. Сколько осталось там на подходах к Грозному, на улицах Грозного? Сгоревших в танках, убитых на улицах и тут же раздетых догола, разлетевшихся на куски?

Как узнать, сколько их было, если контракты подписывались в одном экземпляре и оставались в ФСК?

То, что мертвые нам не нужны, — доказано. Три «цинка», прилетевшие с депутатами, весь день возили по городу. Военные не хотели их брать даже в морг.

Расследование? Но во время войны не бывает расследований. Война — цензура, военная тайна. А после войны... После войны — иди, ковырайся в братских могилах.

«Где умный человек прячет лист? — В лесу. — А если он хочет спрятать мертвый лист? — Он сажает мертвый лес». Это — из рассказа Честертона о генерале, который убил офицера, а чтоб скрыть убийство — начал обреченную атаку, в которой погиб весь полк. Убитый исчез среди сотен трупов. Генерал, убивший офицера, стал бы преступником. Погубив полк, он стал национальным героем.

Пока в стране мир, рост чиновника — даже военного — определяется его коридорным талантом, умением нравиться, поддакивать, обещать. На войне нужны совсем другие таланты. На войне столичные шаркуны быстро линяют. Закатывается звезда собутыльников (Буденного, Ворошилова). Восходит жестокий Жуков.

Армия и ФСК провалили на Кавказе все «маленькие» дела. Теперь им поручено большое дело. Справятся ли, нет ли — неважно. Все равно маленькие грехи растворятся в большой беде.

По радио в воскресенье звучали удивительные оговорки. Первая же официальная сводка сообщала: *«Военнослужащие российской армии начали продвижение на территорию Чечни»*. Не «армия», не «группировка» — «военнослужащие»! Можно подумать, что отдельные солдатики пошли гулять.

Вторую, еще более удивительную оговорку допустил Грачев. *«Аушев*», — заявил наш министр обороны, — объявил войну президенту России!»* Эта фраза — густая смесь ума и откровенности. Грачев выдает желаемое за действительное: он так хочет войны (которая сделает его главным человеком России), что слышит то, чего нет.

Но еще более важно, что Грачев заявил, будто война объявлена *президенту страны*, а не стране. Грачев подтвердил то, что

* Президент Ингушетии.

мы знали и раньше: он — министр обороны президента, а не страны. Грачев не оговорился, а проговорился.

Третья замечательная оговорка (проговорка) принадлежит члену «Выбора России» Юшенкову, председателю Комитета ГД по обороне. На воскресном митинге Юшенков сообщил: «Президент не советуется с нами. Поэтому продолжать поддерживать эту гнусную политику мы долее не можем». Пока советовался — выходит, могли поддерживать.

Дело и слово

ТВ показывало, как по дорогам Чечни, Ингушетии, Дагестана движутся танки, БТРы, жуткие ракетные установки. А дикторы говорили, что это «вводятся части МВД». Это что — ехала милиция?

Весь воскресный день мы слышали о боях, бомбежках, видели горящие танки... Пришла информация о первых погибших, о том, что жители останавливают бронетанковые колонны*, о том, что избит и забит до смерти министр здравоохранения Ингушетии, пытавшийся своим «жигуленком» преградить танкам дорогу.

Кто и какую ставил задачу этим «частям МВД»? Неужели нельзя отшвырнуть «жигуленок» с дороги? Неужели нельзя отшвырнуть человека, не убивая его?

После всех этих кровавых новостей вечером в воскресенье прозвучало наконец обращение президента России (читайте внимательно):

«Введены подразделения войск Министерства внутренних дел и Министерства обороны РФ. Наша цель состоит в том, чтобы найти политическое решение проблем одного из субъектов Российской Федерации в Чеченской Республике, защитить ее граждан от вооруженного экстремизма. Как президент буду следить за соблюдением Конституции и закона, обязываю всех должностных лиц, ответственных за проведение мероприятия по восстановлению в Чеченской Республике конституционного порядка, не применять насилия против мир-

* Ложась под танки.

ного населения, взять его под свою защиту. Обращаюсь к гражданам России чеченской национальности: уверен, что вскоре вы сможете сами в мирных условиях решить судьбу своего народа. Рассчитываю на вашу мудрость. Воины России, знайте, что, выполняя свой долг, защищая целостность нашей страны и спокойствие ее граждан, вы находитесь под защитой Российского государства, его Конституции и законов...

Борис Ельцин».

Эти слова так катастрофически не совпадали с событиями, что казалось, будто заявление сочинил инопланетянин.

Что происходит? Усмирение Чечни или решение совсем иных проблем?

Если умирняем — почему так глупо, бездарно, неподготовленно? Сообщено, что десантники поймали Степашина — не знал пароль. Это — взаимодействие? Почему зимой? В горах и летом трудно. Почему мы ничего не знаем? Есть ли план?

Мы не просим раскрывать военную тайну, тем более что сегодня ее нет. Мы хотим знать, кто автор операции? Кто стратег? И сколько это будет стоить?

Федоров (бывш. министр финансов) и Гайдар (бывш. премьер-министр) не сговариваясь назвали сумму: «Несколько сот миллиардов сегодня, завтра — десятки триллионов». Что будет с бюджетом? с инфляцией? с экономикой?

Теперь надо выиграть чеченскую войну быстро и доказательно. Один взрыв в московском метро — и люди скажут: «Тот, кто приказал бомбить Грозный, поджег бикфордов шнур взрывчатки в метро*».

Высокопоставленные чиновники в Кремле подавлены. Их парализует страх. Они признаются (на ухо, в коридоре): «Мы не уверены, что, дав интервью, доедем до дома». Они уверены, что все их разговоры подслушиваются, что все доходит до «служб охраны». Справедливость этих опасений подтверждается тем, что телефоны спецсвязи внезапно ломаются именно у тех, кто позволяет себе не совсем лояльные речи.

* Сбылось и это.

Новый расклад

Чеченская война внезапно и резко изменила расклад кремлевских карт. На митингах против ввода войск в Чечню выступали Гайдар, Анпилов, Явлинский, Зюганов. Призыв был один, а митингов два.

Если бы их интересовала Россия, они бы объединились. Но они — подрались. Значит, за общим протестом нет общей цели. Цель у каждого своя.

Звучат призывы к импичменту. А дальше? Предположим, импичмент пройдет. Предположим, Ельцин подчинится (вместо того чтобы разогнать Думу). И кто же окажется во главе страны? Дума? Этот цирк, где народных избранников потешает пара коверных: хитроватый Гусман и дураковатый Марычев? Дума не способна управиться сама с собой — значит, нет надежды, что она способна управлять страной.

Услышав в воскресенье призыв ко всем, кто против войны в Чечне, прийти на площадь Пушкина — на митинг, я было схватился за пальто. И — раздумал.

Пойти митинговать против Ельцина, не зная, кто окажется самым ловким — кто оседлает волну общего возмущения, — показалось мне глупым.

Ловчее всех умеют использовать толпу демагоги. Подыгрывать им — упаси Бог.

Война переписывает акт о гражданском согласии. Гайдар вместе с Анпиловым — против Ельцина. Жириновский вместе с Козыревым — «за».

Вас не тошнит?

1995

10 января 1995, «МК»

ПИР ВО ВРЕМЯ ЧЕЧНИ **Уничтожили Грозный.** **Заложили Христа Спасителя**

Нас вырастил Сталин на верность народу...

Гимн

Показывая по ТВ, как закладывают Христа Спасителя, диктор несколько раз торжественно повторил: мол, все как в 1839 году! как тогда! Но тогда строительство начали после победы над Наполеоном. Теперь — после нескольких поражений от Дудаева. Тогда был мир. Сейчас — война.

Война с Наполеоном была за спасение Родины. Война с Дудаевым идет за спасение Грачева, Степашина, Коржакова...

Радиожурналист спросил Ковалева: «Вы постоянно говорите “лжецы и мерзавцы”. Можете ли назвать этих мерзавцев?» Ковалев ответил:

— Лобов, Сосковец, все три силовых министра*, но этими именами список не ограничивается.

Ковалев не раз выражал надежду, что в честь Рождества Христова будет объявлено перемирие. Хотя бы для того, чтобы похоронить убитых. Но в честь Рождества начался очередной штурм.

В Москве патриарх, Лужков и Черномырдин золотыми мастерками замуровали благолепную грамоту («Не нам, не нам, но имени Твоему!»). В Грозном выписывали похоронки.

Не Спасителя, а На крови.

* Грачев, Степашин, Ерин.

* * *

Мы армию нашу растили в сраженьях.

Гимн

Сводки из Грозного — как из Сталинграда. «Бои в районе Тракторного завода», «бои в районе вокзала», «в районе рынка». Сообщают о продвижении на сто метров, на двадцать метров.

Россия выучила план Грозного, названия улиц. В день Рождества войска «очищали» улицу Лермонтова.

Очистили? От кого?

Уголовники не воюют с танками. Уголовники вообще не воюют. У них другая натура, другой интерес. Они грабят, убивают безоружных, но не сражаются с армией.

Когда ТВ показывает панораму Грозного (город горит), когда показывают улицы (валяются трупы), когда третий день видишь сгоревшего танкиста, застрявшего в люке сгоревшего танка, — название картины само всплывает из школьных лет: «Фашист пролетел».

Никто не может понять, зачем они делают это? Зачем брать Грозный? Ну, возьмут — а что потом?

Почему они не хотели, все три года не хотели взять Дудаева? Могли убить, похитить, заманить в Москву, обещав переговоры с Ельциным, чего Джохар так добивался.

Да, да, обмануть: обещать, заманить, а потом арестовать. Врать нехорошо, но это лучше, чем тысячи трупов и сотни тысяч бездомных.

В Обращении к России Ельцин торжественно заявил:

«Как Президент России гарантирую: Грозный был и останется городом, где живут и чеченцы, и русские, и люди других национальностей. Никаких препятствий для возвращения жителей в столицу, другие населенные пункты Чечни не будет».

«Я, юный пионер Советского Союза, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь!..» Звучит очень мило и даже интернационально (что сегодня редкость). Но возвращаться некуда. Города нет*.

* Теперь город есть и, говорят, очень хорошо отстроен на наши деньги. Но русских там нет. В русском городе Грозном нет русских. Зато там появился проспект В.В.Путина. Вот это и есть результат пятнадцатилетней войны и нашей победы.

Ельцин не может понять Ковалева не потому, что глуп, но потому, что они существуют в разных измерениях. Ковалев перечисляет: шесть убитых в подвале, два труп на улице, старушка Анна Никитична... Для властей ничего этого, никаких старух не существует. Есть «потери, число которых уточняется».

Ельцин кушал котлеты (Эльдар Рязанов умиленно показывал этот процесс всему советскому народу, даже не думая, прилично ли это в Страстную субботу); после котлет лобызался с патриархом: Христос воскрес!

Колбасе приказывал быть дешевой (а колбаса не слушалась). Распоряжался отправить самолетом миллиарды рублей, а люди все равно без зарплаты. Оркестрами дирижировал. Ирландию проспал, оскорбив ни за что целую страну. А придурки подпевали: «Так их, Борис Николаевич! Ничего, утрется! Гениально, Борис Николаевич! Поставили Запад на место».

Нельзя не вспомнить, с какими интонациями, с каким лицом предлагал он (красный после бани) поволжским немцам поселиться на полигоне, где много лет испытывали всякое, в том числе химическое оружие. И ничего. Все утерлись. И мы, и немцы, и либер фройнд Гельмут*.

Теперь он предложил чеченцам, русским «и другим» свободно вернуться на еще дымящийся полигон, где вчера был город Грозный. Все закономерно. Наша вина.

Знает ли он, сколько стоит построить город на 500 тысяч человек? Ремонт одного дома (Белого) после предыдущего процесса обошелся в 500 миллионов долларов.

В октябре-93 армия не понесла потерь. Это добавило отваги. Это усугубило заблуждение, что государственную проблему можно решить дракой. Опасное заблуждение для того, кто не умеет ничего, кроме драки. Но горы — не Москва. Чеченцы — не парламентарии. И Дудаев, видать, — генерал не чета Руцкому.

За что погибли солдаты — девятнадцатилетние необстрелянные, необученные парни, которые даже не знали, куда их везут, — за что?

* Коль — канцлер.

Они погибли, защищая Грачева, Ерина, Коржакова, Степашина от увольнения. От выговора.

Мальчишек бросили в бой, чтобы *срочно* взять Грозный. Не к 1 мая, не к 7 ноября, а чтобы победой (пусть кровавой) покрыть бездарность, подлость, воровство и ложь. Надо убить Дудаева, чтобы похоронить тайну оружия. И надо убить прессу, чтоб не вякала.

Ельцин — не кровопийца. Но Брежнев был вообще тихоня. А Афган — начался. И Прага — была.

После Чечни-94 поведение Ельцина в Вильнюсе-91 выглядит иначе. Он решительно осудил танки в Вильнюсе, и мы думали, что это демократизм. А это было политиканство. Он просто использовал все, что мог. И трупы литовцев в том числе. Теперь его идеолог — Жириновский. Его рупор — Невзоров.

Никакой даже самый сильный боксер, никакой даже самый жестокий наводитель порядка ничего не сделают в этой ситуации.

Приказать построиться в шеренгу по пять — да, можно. Приказать всем выйти на работу к семи утра — можно. Но приказать сделать компьютер на уровне американских — нельзя. Приказать можно. Сделать нельзя.

Приказать американцам привезти в Москву мясо-масло-молоко — нельзя. И приказать вырасти своей пшенице — нельзя. Стрелять — можно. Это самое простое. И они будут стрелять во всех, кто мешает им властвовать — то есть «мешает сделать Родину счастливой»: в журналистов, во врачей-вредителей, в фермеров-кулаков... Они будут повторять то, что творили их учителя, потому что ничему другому их не учили.

Высшие чиновники страны (в том числе и президент) называли прессу продажной, дудаевской*. Типично, по-сталински, бездоказательно обвинив не конкретного человека, но всю вредную часть общества. Троцкисты ли, дудаевцы ли — какая разница, если доказывать не надо, если можно выносить групповые приговоры и немедленно приводить в исполнение. Кроме того, теперь можно грохнуть любого неугодно-

* В 2010-м это сделал Грызлов (посмотрите в *YouTub'e*).

го и затем «обнаружить чеченский след». Мол, чеченские хозяева его и убрали — за то, что не окупил расходов, мало хвалил Дудаева.

Но мы понимаем: прессу надо уничтожить за то, что она не дает людям забывать. Что бы ни говорил сегодня Грачев, но стоит открыть подшивку «Известий», как прочтешь:

«Я не очень интересуюсь тем, что там происходит. Вооруженные силы там не участвуют. Хотя я смотрю телевидение и слышу, там вроде пленных захватили... Я бы никогда не допустил, чтобы танки вошли в город. Это безграмотность дикая. А во-вторых, если бы воевала армия, то одним парашютно-десантным полком можно было бы в течение двух часов решить все».

На вопрос: откуда у Дудаева тяжелое вооружение? — Грачев ответил:

«Разве сейчас трудно найти оружие? Все покупается и продается». А как же оно проходит через территорию России? «Я не пограничник, — сказал Грачев, — это у Николаева нужно спросить» («Известия», 29.11.94).

По мнению Грачева, «разгром всего этого воинства (чеченского. — А.М.) серьезной проблемы для российской группировки не представляет. Правда, придется, видимо, отказаться от столь эффективных приемов, как массированная бомбежка с воздуха и артылеты. Все это может привести к гибели мирных граждан, чего войска в случае боевой операции будут всемерно избегать» («Известия», 7.12.94).

Дудаева нельзя поймать. Ведь ежели поймаешь — надо судить. А на суде будут *вопросы*.

Уже не состоялся суд над ГКЧП, уже отпустили тех, кто начал стрелять в Москве в октябре-93. И что, все это от человеколюбия? Скорее от страха перед вопросами в суде.

Дума разменяла амнистию на комиссию по расследованию событий 3–4 октября-93. Правда здесь не нужна никому. Ни тому, кто защищал свою власть танками, ни тому, кто рвался к ней, к власти, с гранатометами.

Непрерывно задаваемый прессой вопрос: *Откуда у Дудаева оружие?* — заставил наконец заговорить тех, кто до сих пор стыдливо молчал.

«Вести» показали интервью Гайдара, который заявил: «Основное оружие Дудаев взял в сентябре-октябре 1991-го. А я возглавлял правительство с июня 1992-го по декабрь 1992-го».

Гораздо больше, чем непричастность Гайдара к вооружению чеченской армии, меня восхитила его непричастность к реформе. Прежде нам казалось, что либерализация цен, уничтожившая все сбережения народа, была проведена Гайдаром в январе-92. Теперь оказывается, что он руководил правительством только с июня, только полгода. Ловко.

И справедливо. Ельцин сдал Гайдара в декабре-93. Гайдар свалил на Ельцина свою шоковую терапию.

Но, к сожалению, в тех же «Вестях» появился на экране маршал Шапошников: «Весной 1992-го Дудаев заявил, что будет создавать свою армию, и потребовал 50% оружия Советской армии, которое находится в Чечне. В мае министр обороны Грачев шифротелеграммой № 316/1/0308-Ш приказал командующему округом разделить оружие пополам с Дудаевым».

Какие интересные, какие опасные вести. Как неприятно после них читать в «Известиях» слова Грачева насчет того, что все покупается. И продается.

17 марта 1995, «МК»

ЧЕМ ТЫ ПОМОГ ФРОНТУ? Родина-мать зовет! А мертвые не слышат

ВОЕННЫЙ ЭТАП ЗАВЕРШАЕТСЯ

Заявление Президента России Б.Н.Ельцина

Обращаюсь к гражданам России, к мировому сообществу, ко всем, кто с беспокойством и сочувствием следил за развитием событий в Чеченской Республике. Довожу до сведения всех, что военный этап восстановления действия Конституции России в Чеченской Республике практически завершен... Пусть трагедия, пережитая Россией, россиянами и чеченским народом, послужит уроком для народов и политиков.

Борис Ельцин.

Москва, Кремль, 19 января 1995.

Прежде такое умели формулировать легче и веселее: «Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты!» (И.Сталин).

Финальная фраза президентского заявления, к сожалению, звучит открытой угрозой. Какой урок? Кому? Каким политикам? Каким народам? Тем, кто вздумает взять столько суверенитета, сколько может унести?

Останавливают такие угрозы или подталкивают?

Хватит ли войск, если еще два-три субъекта Федерации?..

Послушаются ли офицеры? Пойдут ли солдаты? И сколько еще потребуется триллионов и цинка?

Всё удручает в этом заявлении. И дата 19 января. (Потому что теперь, спустя два месяца, мы знаем — не завершилось.) И дикий набор слов «военный этап восстановления действия Конституции». И самое ужасное — обращение к тем, кто «следил». Не следит, а следил. Прошедшее время. Вот это, увы, точно. Свыклись. Потеряли интерес.

Нам повезло. Пятидесятилетие Великой Победы мы отметим куда горячее, чем предыдущие (тридцать, тридцать пять, сорок, сорок пять) юбилеи.

Ветеранов осталось мало, да и не любили они вспоминать войну. Вспоминали фронтовых друзей, боевых командиров, счастливые случаи... И никогда не вспоминали брошенные трупы однополчан. И даже пионеры, каждое лето шагающие по местам боевой славы, то ли не спотыкались об эти кости, то ли помалкивали. Только у Симонова читаем:

Мы мертвым глаза не закрыли.
 Придется нам вдовам сказать,
 Что мы не успели, забыли
 Последнюю почесть отдать.

Великая война исчезла, превратилась в Великую Победу. Тридцать пять миллионов погибших давно стали абстракцией. Во всяком случае, никто не вздрагивал от ужаса, услышав эту постепенно растущую цифру: от двадцати миллионов Хрущева до двадцати восьми — Горбачева (а при Сталине — семь, а нынче — тридцать пять).

Взятие Берлина превратилось в водружение флага над Рейхстагом. А то, что в Берлинской операции спешки ради положили сотни тысяч солдат, — забылось.

И уж вовсе забылось, что к 1945-му выгребали последних: брали уже и семнадцатилетних, и пятидесятилетних, и даже после тяжелых костных ранений (если без ампутации) — возвращали на фронт.

Теперь мы вспомнили, что такое война. Нам напомнили.

Кое-кто — своими глазами, а большинство — по телевизору увидели войну. Увидели сторевших танкистов, оторванные ноги и руки, гниющие трупы, уничтоженный город. По ТВ, ко-

нечно, впечатление малость слабее. Народ привык, что на экране все понарошку. И вот уже сто дней подряд смотрим русский сериал «Чеченская война».

Привыкли.

Первый этап кончился. Но не потому, что перестали стрелять. (Стрелять не перестали.) Первый этап кончился потому, что чеченская война ушла во вторую половину «Итогов»—«Вестей»—«Новостей».

Она перестала быть шоком. Стала бытом. Скоро съедет к прогнозу погоды. В Москве — солнце, в Аргуне — «Град».

Смотришь на спокойных людей, на премудрых депутатов, принимающих не закон о немедленном прекращении войны, а увольняющих Ковалева, — и говоришь сам себе: может, ты сошел с ума? Ну чего ты так застрял на этой войне? Но вспомнишь трупную вонь и куски солдатского мяса* — и понимаешь: это не ты застрял — это вся Россия застряла.

Сто дней. За это время Гитлер до Можайска дошел. На Москву в бинокль глядели фрицы. А кремлевский горец вооружал народное ополчение и — с одной винтовкой на троих — кидал под танки Гудериана.

Напрасно министры плохо в школе учились. Запомнили: главное — флажок воткнуть. А сколько солдат ради этого погибло — забыли. Забыли, что с винтовкой «за Родину!» оказывается сильнее, чем на танке «за фюрера и немецкий порядок!» (не путать с конституционным).

Но запомнили, что катастрофические поражения и огромные потери надо называть «неудачами начального периода» и объяснять неготовностью.

Да, граждане, Грачев позволил себе и это. Он (простая душа, его лицо все видели, умом не светится) так и заявил: мол, армия была не готова**.

Выходит, Дудаев совершил вероломное нападение. Тут опять по учебнику: или ФСК плохо разведала, или в Кремле

* Автор был там несколько раз. Попадал и под бомбежку, и под «Ураган», и восемнадцатилетних пленных выручал, и раненого капитана из плена вывез — нагледелся и нанюхался.

** После Беслана Путин сказал: «Мы оказались не готовы».

правдивые сообщения (по примеру Иосифа Виссарионовича) посылают на...

И Грачев, и вся официальная пропаганда (в честь пятидесятилетия Победы?) устроили нам повторение пройденного. (Чтобы мы извлекли наконец уроки?)

Как и тогда: сперва трещали «малой кровью, на чужой территории». Потом — «неготовность».

Как и тогда: не полагается говорить о мародерстве. Сам министр юстиции (!) заявил: нету мародерства, разве что берут еду в оставленных квартирах. А телерепортажи показывают (не подумавши), как солдаты в армейских палатках отдыхают под шелковыми ватными одеялами. Из дома взяли. Вот только из чьего?

После той войны тоже было не принято говорить о мародерах. Говорили о трофеях. Солдаты везли — сколько в «сидор» набьется, генералы — вагонами. Высоцкий пел неприличное:

Трофейная Япония,
Трофейная Германия!
Пришла страна Лимония —
Сплошная чемодания...

Лицемерные разговоры о мире не стоят ни гроша после откровенных заявлений Грачева и пр.: «Никаких переговоров с бандитами! Ультиматум! Пусть сложат оружие!»

Сложат они тебе, жди. Но Грачев не столь наивен, он и не ждет капитуляции. Повторяем в сотый раз: война в его интересах. Генералы нашли наконец занятие. Уже тысячами сыплются ордена, идут внеочередные звания. А денег! Кто ж считает деньги, когда война? Сколько надо — столько и будет.

Высшие лица проговариваются поминутно. Невольно выдают свои тайны. Секретарь Совета безопасности Лобов на днях произнес подряд две фразы: «Война скоро кончится» и «Надежд на мирное решение — мало».

Понятно. Если скоро, но не миром — значит, уничтожение. (Если враг не сдается — его уничтожают.) Значит, Совет безопасности решил уничтожить всех чеченцев.

Меня, конечно, поправят: «всех вооруженных чеченцев, то есть бандитов». Бандитов, безусловно, надо убить всех, не тратя времени на суд и следствие. Респектабельная газета «Сегодня» так и пишет: «Хороший бандит — это мертвый бандит», забывая, что это — перифраз расистского «хороший негр — мертвый негр». Есть, однако, досадная мелочь: статистика потерь.

Убив за три месяца тысячу бандитов (7 тысяч — это враки), заодно убили около 25 тысяч мирных жителей. Даже если всего один чеченец из 25 взялся за оружие, то и выйдет, что, убивая вооруженных, — убьем всех.

А скоро ли? Чеченцев около миллиона. Защищая свою землю, даже самый невоинственный народ ставит под ружье около 20% населения. Предстоит убить 200 тысяч. Если продолжать с той же скоростью (по тысяче за три месяца) — потребуется 600 месяцев, то есть 50 лет. Как ни странно, тот же срок называет Дудаев, хотя мне неизвестно, из каких расчетов он исходит.

Судьба полиция

Упорно и ежедневно нам говорят о создании «местной администрации», показывают «премьер-министра» Хаджиева, показывают милицию, создаваемую из «хороших чеченцев».

Видя этих милиционеров, невольно вспомнишь судьбу полицейских, старост и прочих бургомистров. Завоеватели и тогда создавали местную администрацию. Но впереди старосту ждала виселица и табличка «предатель Родины». За исключением тех случаев, когда такой бургомистр, работая на немцев, на деле выполнял задания подпольного обкома.

Те чеченцы, которые сотрудничают с нашей армией, воспринимаются нормальными чеченцами только как предатели. Они уже не чеченцы, не люди, их судьба предрешена, и они живы только пока их защищают наши танки.

Конечно, они согласно кивают головой, говорят в телекамеры правильные слова и проклинаят Дудаева. Но неужели мы такие дураки, что верим в этот театр?

Неужели уроки Великой Отечественной пропали? Неужели Бог опять желает наказать Россию, отнимая разум у правителей?

Мы напали на племя. Под бомбами, под «Градами» гибнут их женщины и дети. Уже погибли десятки тысяч. В такой момент все внутриплеменные распри прекращаются.

К генералу Масхадову (братъ интервью) и обратно я ехал в машине с шофером и проводником. Всю дорогу они орал друг на друга так, что я думал — дойдет до драки. Они ругались по-чеченски, но вставляли русские слова, и было ясно, что проводник перевозносит Дудаева, а шофер — ненавидит.

Несколько раз я настоятельно просил: давайте по-русски, мне интересно. Но несмотря на то что желание гостя — закон, мне холодно отвечали: «Да мы о своем говорим, тебе неинтересно».

Они говорили именно о своем. Плохой Дудаев или хороший — он свой. Не так уж любили Сталина советские люди, но драться с немцами это не мешало. Они сражались за Родину, мстили за сожженные дома, погибших братьев, отцов, матерей. Дай, победим фрицев, а там...

Стать сегодня российским милиционером — для чеченца значит не киоски рэкетиловать, а наняться ловить своих.

Местная администрация склонна честно выполнять карательные функции только по отношению к чужим.

Может быть, ошибаюсь, но мне кажется, что ожесточенность сегодняшнего чеченского сопротивления родом из 1944 года. Из депортации.

23 февраля 1944-го всех чеченцев — от новорожденных до престарелых — погнали на станции, погрузили в вагоны и увезли в Сибирь. Всех, кроме тех, кто не мог идти, а нести было некому. Таких собрали в сарай, обложили сеном и сожгли заживо. А из тех, кто был депортирован, погибло 60%.

Это — геноцид. Слово хорошо знакомое. Но сейчас — из-за чеченцев — я впервые задумался о его втором, неявном смысле. Геноцид — от греческого *genos* (род) и латинского *caedere* (убивать) — уничтожение рода, племени. По международным нормам геноцидом считается одномоментное убийство свыше тридцати двух человек по расовому признаку. Но о таких мело-

чах и речи нет. Всерьез о геноциде говорят, когда жертвы исчисляются тысячами, когда истребляют существенный процент нации.

Не остается ли геноцид в генах, в генетической (родовой) памяти? Не эта ли страшная закалка?..

В 1944-м чеченцы покорно шли в вагоны, не зная, что их ждет. В 1995-м родовая память о гибели 60% исключает для них покорную рабскую смерть.

Многие помнят депортацию. Все, кому больше пятидесяти пяти, — помнят. Все старейшины помнят. А все взрослые чеченцы (и ингуши, и балкарцы, и...) — все, кому меньше пятидесяти, — родились в ссылке. Все. И Дудаев, и Аушев... Родились и росли в землянках, сараях, бараках под рассказы родителей о том, как прекрасно жили в Чечне. Какие были лошади, дома, оружие, ковры... И, должно быть, вспоминая, как покорно они пошли в вагоны, чеченцы задыхались от ненависти и плакали от позора. И, получив такую прививку, выросли непокорными. Им нечего было терять, а это развивает храбрость. Сталин был уверен, что уничтожил их полностью. Эти народы были вычеркнуты даже из энциклопедических словарей.

В советских словарях 1950-х годов нет слов «чеченец», «ингуш», «балкарец»... Нет ни народов, ни стран. Нет Чечни, а древнее Урарту есть непременно.

Разумеется, среди чеченцев есть такие, кто «сознательно и честно» перешел на нашу сторону. Но если человек встает на сторону тех, кто разбомбил его город, убил его родню, — это моральный урод. Можно ли полагаться на такого человека?

Да и как отличить того, кто сотрудничает честно, от того, кто притворяется? Ведь, нанимая притворщика, мы сами внедряем в свои ряды шпиона. Подслушает планы, высмотрит склады и — донесет Дудаеву.

Положение хреновое. Все чеченцы знают русский язык. Ни один наводитель конституционного порядка на территории Чечни не знает по-чеченски ни слова. Кроме «Аллах акбар»!

Это значит: всё, что мы говорим, — они понимают. То, что они говорят, — мы не понимаем. Какой простор для партизан. Ведь «хороший чеченец» в милицейской форме может с невоз-

мутимым видом произнести одно словечко, и его задержанный собрат уже будет знать, что и как говорить.

Наличие местной администрации гарантирует Дудаеву точную и своевременную информацию о планах. А наши генералы, похоже, не читали даже «Васька Трубачева».

Судьба чеченца

Вернувшись в свой аул, он нашел свою саклю разрушенной: крыша была провалена, и дверь и столбы галерейки сожжены, и внутренность огажена. Сын же его, красивый, с блестящими глазами мальчик, был привезен мертвым к мечети. Он был проткнут штыком в спину.

Вой женщин слышался во всех домах и на площади, куда были привезены еще два тела. Малые дети ревели вместе с матерями. Ревела и голодная скотина, которой нечего было дать. Взрослые дети не играли, а испуганными глазами смотрели на старших.

Фонтан был загажен, очевидно нарочно, так что воды нельзя было брать из него. Так же была загажена и мечеть, и мулла с муталимами очищал ее.

Старики хозяева собрались на площади и, сидя на корточках, обсуждали свое положение. О ненависти к русским никто и не говорил. Чувство, которое испытывали все чеченцы от мала до велика, было сильнее ненависти. Это была не ненависть, а непризнание этих русских собак людьми и такое отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой жестокостью этих существ, что желание истребления их, как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, было таким же естественным чувством, как чувство самосохранения.

Перед жителями стоял выбор: оставаться на местах и восстановиться с страшными усилиями все с таким трудом заведенное и так легко и бессмысленно уничтоженное, ожидая всякую минуту повторения того же, или, противно религиозному закону и чувству отвращения и презрения к русским, покориться им...

Это написал не журналист-дудаевец, продавшийся за вонючие доллары (выражение Грачева). Это написал русский писа-

тель Лев Толстой. И ни одна скотина не посмела назвать его врагом России.

Сочувствие чеченцам? Да, нас так учили. Мы искренне сочувствовали дяде Тому — чернокожему рабу на плантации белого мистера (хотя негры-рабы, пожалуй, жили лучше наших колхозников). Нас учили: виноваты не немцы, а Гитлер (фашизм), виноваты не китайцы, а Мао (маоизм), не американский народ, а Пентагон и ЦРУ.

И это верно. Виновен всегда лидер и режим. В данном случае — Дудаев, а не чеченцы. Но чеченцы умирают, а Дудаев жив.

То же по отношению к нам. Только примитивные мелкие и озлобленные из числа венгров, поляков, чехов, литовцев и т.д. винули в своих бедах русский народ. Нормальные всегда отличали ненавистный советский режим, советские танки от русского народа. Нормальные понимали, что больше всего горя советский режим принес советскому народу. И арифметически (режим убил своих больше, на миллионы больше, чем чужих). И психологически (внешний враг — сплачивает, внутренний — разлагает).

Очередной льстивый придурок, обращаясь к президенту, пишет в газете: мол, не слушайте, Борис Николаевич, тех, кто советует вам почитать «Хаджи-Мурата». Придурок предполагает, что Толстой сочинил повесть о настоящем чеченском человеке, о неукротимом характере горца.

Нет. Хаджи-Мурат — предатель. Он убежал от Шамиля и перешел на сторону русских, чтобы решить свои личные, главным образом, властные проблемы. Он требует от русских денег и войск, но при этом русских ненавидит. Они для него лишь средство борьбы с Шамилем.

Сто дней слышим победные религии типа: «Федеральные войска уничтожили в этой операции тысячу боевиков Дудаева; с нашей стороны — потерь нет». Слышим официальные сообщения, что за три месяца боев уничтожено свыше 7 000 боевиков, наши потери — 1 200.

Чтобы от этих фантазий вернуться к реальности, надо или съездить в Чечню, или взять с полки томик великого реалиста

(если в Кремле нет библиотеки — можно Коржакова в Ленинку послать).

«Офицеры выпили водки, закусили и пили портер. Барабанщик откупоривал восьмую бутылку... В середине их разговора влево от дороги послышался бодрящий, красивый звук винтовочного, резко щелкнувшего выстрела, и пулька, весело посвистывая, пролетела где-то в туманном воздухе и щелкнулась в дерево.

— Эге! — крикнул веселым голосом Полторацкий, — ведь это в цепи! Ну, брат Костя, — обратился он к Фрезе, — твое счастье. Иди к роте. Мы сейчас такое устроим сражение, что престель! И представление сделаем.

...Сажан за сто виднелось несколько всадников. Один из них выстрелил по цепи. Несколько солдат из цепи ответили ему. Чеченцы отъехали назад, и стрельба прекратилась. Но когда Полторацкий подошел с ротой, он велел стрелять... Солдаты, радуясь развлечению, торопились заряжать и выпускали заряд за зарядом. Чеченцы, очевидно, почувствовали задор и, выскакивая вперед, один за другим выпустили несколько выстрелов по солдатам. Один из выстрелов ранил солдата. (Раненый в живот солдат через пару часов умер в мучениях. — А.М.) Смерть Авдеева в реляции, которая была послана в Тифлис, описывалась следующим образом: “23 ноября две роты Куринского полка выступили из крепости для рубки леса. В середине дня значительное скопище горцев внезапно атаковало рубщиков. Цепь начала отступать, и в это время вторая рота ударила в штыки и опрокинула горцев. В деле легко ранены два рядовых и убит один. Горцы же потеряли около ста человек убитыми и ранеными”».

Горцы, пишет Толстой, не потеряли ни одного. Но дело не в этом.

Не желая никого оскорбить, осмеливаюсь спросить самым вежливым и почтительным образом: считает ли кто-нибудь, что русские офицеры середины XIX века были более лживы, чем российские составители реляций конца XX? Или что те офицеры-аристократы больше пили на передовых позициях, чем нынешние? Или пострелять ради представления (к награде) тогда были более склонны, чем теперь? И ведь не выдуманно. Основано на офицерских дневниках.

Нет, не стоит посылать Коржакова в Ленинку за «Хаджи-Муратом». В этой повести, увы, есть кое-что похуже, чем ложь донесений о потерях, офицерское пьянство, загаженные (тогда не отваживались писать «засранные») фонтан и мечеть.

В «Хаджи-Мурате» есть Его Величество Император Николай I.

«Да, что было бы теперь с Россией, если бы не я», — опять подумал он.

— Ну, что еще? — сказал он.

— Фельдъегерь с Кавказа, — сказал Чернышев и стал докладывать то, что писал Воронцов о выходе Хаджи-Мурата.

— Вот как, — сказал Николай. — Хорошее начало.

— Очевидно, план, составленный вашим величеством, начинает приносить свои плоды, — сказал Чернышев.

Эта похвала его стратегическим способностям была особенно приятна Николаю, потому что, хотя он и гордился своими стратегическими способностями, в глубине души он сознавал, что их не было. И теперь он хотел слышать более подробные похвалы себе.

— Ты как же понимаешь? — спросил он.

— Понимаю так, что если бы давно следовали плану вашего величества — постепенно, хотя и медленно, подвигаться вперед, вырубая леса, истребляя запасы, то Кавказ давно бы уже был покорен...

— Правда, — сказал Николай.

Несмотря на то что план медленного движения в область неприятеля посредством вырубки лесов и истребления продовольствия был план Ермолова и Вельяминова, совершенно противоположный плану Николая, по которому нужно было разом завладеть резиденцией Шамиля и разорить это гнездо разбойников и по которому была предпринята в 1845 году Даргинская экспедиция, стоившая стольких людских жизней, — несмотря на это, Николай приписывал план медленного движения, последовательной вырубки лесов и истребления продовольствия тоже себе. Он гордился тем планом своей экспедиции 45-го года и планом медленного движения вперед, несмотря на то что эти два плана явно противоречили один другому. Постоянная, явная, противная очевидности

лесть окружающих его людей довела его до того, что он не видел уже своих противоречий, не сообразовал уже свои поступки и слова с действительностью, с логикой или даже с простым здравым смыслом, а вполне был уверен, что все его распоряжения, как бы они ни были бессмысленны, несправедливы и несогласны между собой, становились и осмысленны, и справедливы, и согласны между собой только потому, что он их делал»*.

Надо мной насмеваются за то, что я слишком много цитирую классиков. А мне кажется — мало.

Если умно, талантливо — отчего ж не цитировать. Конечно, сейчас модно опираться на бандитских авторитетов. Но и авторитет признанных гениев тоже чего-то стоит.

Властители! Вы столько наворовали — ни вам, ни детям вашим не истратить. Неужели не хватает? Почему бы вам не пожелать себе той малости, которой вам так не хватает, — народной любви? Ведь не видать вам таких похорон, как у Высоцкого.

Судьба войны

Недавно по ТВ показали высокое совещание в Министерстве обороны. Грачев докладывал итоги «первого» этапа. На стене за его спиной висела схема (надеюсь, не секретная) со стрелками и квадратами, а наверху большими буквами было написано: «ЗАМЫСЕЛ НА ДЕЙСТВИЯ В ГРОЗНОМ».

Вот этот «замысел на действия» — совершенное уродство русского языка — говорит о полной безграмотности тех, кто все это затеял. «Это хуже, чем преступление, — это ошибка» (Талейран).

Видя «замысел на», слыша, как Грачев лжет, что «наши потери в три-четыре раза меньше плановых», что осуществлена задача «взять город с наименьшим уроном зданием» (а больший урон вообще невозможен), — в который раз сомневаешься: притворяется он идиотом или не притворяется?

* Какие, к черту, уроки истории?! Какие политики, какие народы должны их извлечь из войны, которая идет на Кавказе уже почти семнадцать лет?!

Чеченская война, или, по-кремлевски, восстановление конституционного порядка, — это хуже, чем преступление. Это ошибка. Но это и возможность ошибку признать.

Сосковец, солидный и невозмутимый, побывав наконец в Грозном, с трудом выдал из себя убудочные слова, мол, «сложное впечатление» (хорошо не сказал «неоднозначное»). Генерал ФСК сказал: «Сталинград».

Сербы и хорваты, которые побывали в Грозном, говорят, что Сараево и сравнить нельзя (а там три года идет война). Так выглядела Хиросима, так выглядела Варшава в 1945-м.

Может быть, хватит? Может быть, президенту Ельцину надо сесть в самолет, прилететь в Грозный (пусть с двадцатитысячной охраной) и увидеть наконец самому? Увидеть своими глазами.

А увидев, сказать: «Меня обманывали. Приказываю прекратить огонь, отвести войска».

Эта война разоряет Россию, позорит Россию, убивает граждан России. Эта война нужна только преступным генералам и политикам-подонкам. Больше никому.

Еще и года нет, как Жириновский на глазах у всей Чечни и всего мира обнимался и целовался с Дудаевым, обещал поддержку. Чеченцы-дураки поверили бесноватому либералу настолько, что подарили пистолет.

В Чечне старинный неписанный закон: оружие дарят тому, кто никогда не выстрелит в спину. А Жириновский призывает «превратить Чечню в дымящуюся яму».

Это его любимый рецепт наведения конституционного порядка. В те самые дни, когда он принял огнестрельный подарок из рук генерала Дудаева, Жириновский заявил, «защищая» русских в Казахстане, Узбекистане и других регионах: «Мы ответим таким жестоким ударом, что эти народы забудут, что такое цивилизация. Там будет на вечные времена выжженная пустыня. Мы сделаем так, что там, где мы наведем порядок, некого будет спасать». Привет Назарбаеву.

Отличная защита. Вот только бы знать, куда предварительно (до образования дымящейся, очевидно, атомной ямы) переселить миллионы подзащитных. Или грохнуть своих, чтоб чужие боялись?

Все понимают: чтобы сейчас сказать «Стоп!», надо больше воли и мужества, чем для продолжения безумия. Но само не рассосется.

Была надежда, что долгожданный Конституционный суд, наконец-то укомплектовавшись, немедленно приступит к решению чеченской проблемы. Что военные действия там незаконны, то есть преступны, — ясно любому юристу. Но от новоприглашенного председателя Конституционного суда России в день его вступления в должность граждане слышали: «Конституционный суд — это очень важно! Это не пожарная команда, которая будет выезжать по каждому политическому делу». Повернулся же язык у человека. А ведь избран пожизненно и вроде бы не должен бояться за кресло*.

Рискните вы, Борис Николаевич. Неужели танки Грачева страшнее, чем танки ГКЧП? Подумайте о своих подданных, о солдатских матерях, о своем рейтинге, наконец. Он катастрофически низок и падает с каждым выстрелом, с каждым цинком. Вы закапываете себя в могилу с каждым гробом русского солдата. Пожалуйста, хватит. Семипроцентный рейтинг — это так ясно, что надо или войну прекратить, или запретить не только выборы, но и рейтинги.

А Чечня... Ну что вцепились? Отпустили Украину, потеряли Крым, Минск и Тифлис, Ригу и Ревель... Снявши голову, по волосам не плачут. Ведь и вы сами, Борис Николаевич, уже отделили Чечню. И не бомбами. Взгляните на свое заявление, где вы даете урок «россиянам и чеченскому народу». Вы исключили чеченцев из российского народа, и правильно. Ни один солдат, кого я застал в Чечне живым, не сказал, что воюет за Родину. Ни один. А мертвые молчат. И мы никогда не узнаем, за что они погибли.

* Недавно он умер. Все говорили о его абсолютной безупречности. Решение о «конституционности Чеченской войны» никто не вспомнил.

25 мая 1995, «МК»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АРИФМЕТИКА

Депутат + избиратель = любовь

Гайдар вторую неделю бьется в истерике. (Таких затяжных приступов не случилось и у Жириновского.)

Свое нервическое состояние Гайдар — так уж принято — выдает за принципиальную политическую линию. Многие верят, но с трудом. Потому что трудно верить лидеру, который что ни день меняет позицию (разумеется, всякий раз из принципа; из чего ж еще?).

С уст Гайдара поминутно слетают «стройные колонны», «нести свое знамя», «тяжелый удар в спину!», «историческая правда за нами!» и «предательство! предательство! и еще раз предательство!».

А началось всё — с «Итогов».

Что случилось в «Итогах»*

Десять дней назад в студии «Итогов» встретились Гайдар и Явлинский. Ничего хорошего из этого не вышло. Вышел скандал.

Явлинский пришел, чтобы обсудить стратегию парламентских и президентских выборов. И поддержку своим идеям он,

* Главная политико-аналитическая программа недели на канале НТВ. Прямой эфир. Ведущий — Киселев — туго соображающий, тягуче говорящий, сплошное «э-э-э», с трудом читающий по суфлеру, но важный, вальяжный, уверенный в своем величии.

естественно, хочет найти у всех людей (называют они себя демократами или нет).

Но у Гайдара и телеведущего Киселева были совсем иные планы. Им — каждому из своих соображений — хотелось немедленно создать блок из «Яблока» и «Выбора России».

Явлинский пришел с идеей. Они — с интригой.

С самого начала Явлинский сказал:

«Игра в блоки — это несерьезно. Если Черномырдин создал какой-то блок, это вовсе не значит, что все должны бежать и тут же создавать блоки. На самом деле стратегия должна быть построена совершенно иначе».

Этих абсолютно ясных слов ни Киселев, ни Гайдар не услышали. Им слишком хотелось другого...

Те, кто видел новую заставку «Итогов», где гигантский, достающий до облаков Киселев торжественно шагает по Красной площади, а навстречу ему попадают президенты, патриархи и римские папы, — те, кто это видел, понимают, что известный телеведущий несколько утратил чувство реальности.

Если человек дольше задает вопросы, чем выслушивает ответы, — он занят собой, а не собеседником и уж тем более не зрителями.

Отсюда и та удивительная откровенность, с которой Киселев через несколько дней рассказал в «Известиях» о своей задумке:

«Эту встречу в студии инициировал и организовал я. Надеюсь, вы догадываетесь, с кем из двух политиков труднее было договориться. (Кокетство — А.М.) Тем не менее это удалось. Предполагал, что два виднейших политика демократической ориентации сочтут естественным объединиться, предвидя мощную конкуренцию со стороны “Нашего дома — России” на предстоящих парламентских и президентских выборах. Признаюсь, что этот живой эфир — предмет моей журналистской гордости. Но не могу скрыть и моего глубокого разочарования в связи с тем, что идея объединения партий в предвыборной борьбе, в целом получившая принципиальную поддержку обоих лидеров в присутствии миллионов телезрителей, уже на этой неделе была, по существу, дезавуирована Григорием Явлинским».

Насчет журналистской гордости — может, и прав. Но с политической точки зрения это был позор.

Неизвестно, с чего Киселев взял, будто блок Черномырдина сделает «мощную конкуренцию»*. Не надо путать владение Газпромом с владением умами. Но это заблуждение Киселева еще не самое любопытное.

Оказывается, Киселев задумал прямо в живом эфире («Блок в студию!») осчастливить народы России торжественным союзом двух демократических лидеров. Он, оказывается, благословил их брак, а Явлинский, неблагодарный и коварный, не оценил, сбежал из-под венца.

Но Явлинский — не эстрадный певец, чтобы устраивать шоу-свадьбу перед телекамерами. И не самоубийца, чтобы повесить себе на шею блок.

Киселев досадует, что с Явлинским ему было труднее договориться. Это естественно. Люди, с которыми легко договориться, не любят людей, с которыми трудно.

Явлинский поступил по-свински. Он не захотел ради любви и уважения Киселева губить дело своей жизни. Не видать ему теперь добра от НТВ. В следующих «Итогах» (где расхлебывался возникший скандал) Киселев показал запись нашуемшей передачи. Но, как и следовало ожидать, слова Явлинского о том, что блоки не нужны и стратегия должна быть совершенно иной, — эти слова Киселев, конечно, отрезал.

Что случилось с Гайдаром

Это только кажется, что в студии «Итогов» встретились два примерно равных лидера. Один из них, увы, политический труп. А мертвый, как известно, хватает живого. А куда тащит? В могилу — больше некуда.

В прямом эфире ведущий пытался подписать брачный контракт. «Если вас, — говорил Киселев Явлинскому, — объединившиеся демократы выдвинут кандидатом в президенты, предложите ли вы Гайдару пост премьер-министра? — и, повернувшись

* Через полгода на выборах в Думу блок премьер-министра Черномырдина получил 10%.

к Гайдару, нежно спросил: — А вы согласитесь стать премьер-министром?»

Гайдар на редкость удачно смутился и пролепетал: «Ну, не здесь же, не сразу...» Прямо как настоящая скромная целомудренная невеста. Мол, не при людях же...

Но в том-то и дело, что Гайдар уже *был* премьер-министром, уже был замужем. И ничего хорошего из этого не вышло. И боюсь, больше он премьером не будет никогда*.

В мае семь тысяч читателей газеты ответили на вопрос: «Кого бы вы сейчас выбрали президентом России?». Ответ (в процентах) таков: Явлинский — 15, Лебедь — 10, Немцов — 8, Солженицын — 6, Гайдар — 5, Ельцин — 4, Жириновский и Ручкой — по 3, Зюганов, Лужков, Рыбкин и Черномырдин — по 2 и т.д.

Здесь Гайдар «всего лишь» втрое меньше Явлинского. Здесь видно, что Солженицын, Гайдар и Ельцин втроем имеют столько, сколько один Явлинский. Но если Солженицын, Гайдар и Ельцин создадут блок — получат ли они 15%?

Что такое политическая арифметика? Это самая простая, школьная арифметика. Давайте, как Буратино, решать примеры. Один огурец + один огурец = два огурца. Один кочан капусты + один козел = один козел. Одна библиотека + одна спичка = одно пепелище.

Предположим, за Гайдара — миллион избирателей и за Жириновского — миллион. Если Гайдар и Жириновский создадут блок, сколько они получат? Два миллиона? Как бы не так.

Узнав о таком блоке, гайдаровский миллион разделится на три неравные части. Примерно половина останется дома, другая — пойдет голосовать за Явлинского, Черномырдина, Федорова... И только десяток гайдаровских аппаратчиков (на зарплате) проголосуют «за».

А жириновцы? Думаю, даже у них такой союз вызовет отвращение.

В результате такого блока (брака) те, кто имел по миллиону на каждого, получают сто тысяч на двоих.

* Сбылось. И выборы он тогда проиграл, и в правительство его больше не брали.

Для гайдаровцев (как и для огромного большинства населения России) Жириновский есть величина отрицательная. Он — «минус единица». Если гайдаровский миллион умножить на эту «минус единицу» — получится *минус миллион*.

Чуть не целую пятилетку слышим стоны прогрессивной общественности: «Демократы! Объединитесь же наконец!»

Но, товарищи дорогие, давайте сперва объединим их на бу-мажке. Надо сперва отмерить, прежде чем отрезать.

Давайте составлять список демократов. Гдян*, Якунин**, Яковлев (А.Н.), Попов (Гавриил), Полторанин, Шахрай, Салье, Хасбулатов, Шумейко.

У некоторых — партии, у некоторых — миротворческие миссии, у одних — важные думские комитеты, а у других — и целые палаты. Почему бы Явлинскому с ними не сблизиться? Вот будет сила!

Для банкета — да. Но для выборов... Осуществись такой замечательный демократический блок, из десяти миллионов сторонников Явлинского не останется ни одного. Ни-ко-го. А в «МК» появится заметка «Явлинский притворился идиотом. Или не притворился»***.

Только вообразите избирательный список с вышеперечисленными демократами. Даже если его возглавит сам Господь Бог — не видать ему не то что победы, но даже и пятипроцентного барьера.

Вернитесь к коварной задаче: Солженицын (6) + Гайдар (5) + Ельцин (4). Соберет ли их блок 15%? Да никогда в жизни. Ни один сторонник Солженицына не пойдет голосовать за такой блок.

* Отставной прокурор, обещавший разоблачить членов Политбюро.

** Отставной священник, разоблачавший иерархов РПЦ. Отставные друзья Горбачева, Ельцина...

*** В начале Чеченской войны автор изобрел заголовок, который использовал несколько раз. «Грачев притворяется идиотом. А может, не притворяется». «Степашин...» Языковая конструкция позволяла два толкования: а) человек притворяется идиотом или на самом деле идиот; б) человек занимается притворством или не занимается им. Второе — гарантировало от судебного преследования.

Жаль, эту арифметику не преподают генералам. Не стал бы Лебедь умножать свои 10% ни на минус единицу Затулина, ни на ноль Скокова.

Гайдар никогда прежде не предлагал сделать Явлинского общим кандидатом в президенты. Гайдар, казалось, хотел сам стать им (на их партийном съезде Гайдара называли кандидатом в президенты от «Демократического Выбора России»). Но когда Явлинский заявил: предвыборный блок с «Выбором России» невозможен, — только тогда Гайдар стал уверять, что был «всегда готов»:

«Представители “Яблока” неоднократно обращались ко мне с неформальными консультациями о том, а можно ли будет добиться объединения демократических сил, если ценой за это объединение будет наше согласие выдвинуть Григория Алексеевича Явлинского объединенным кандидатом в президенты. Так как я хорошо знаю притчу о Соломоновом суде — двух женщинах и ребенке, — то в споре о том, кому дороже всего российская демократия, я всегда был готов встать в позицию женщины, которая говорит: “Он твой!” И был готов поддержать кандидатуру Григория Алексеевича Явлинского, если в результате мы получаем единство демократических сил, если в результате мы идем на выборы стройными колоннами, если в результате наши избиратели понимают наконец, что демократы готовы чем-то поступиться ради единства».

Готовность Гайдара стать в позицию любящей женщины радует. Мы тоже знаем притчу о мудром царе Соломоне. Когда две женщины спорили из-за одного ребенка и каждая уверяла, что она — настоящая мать, Соломон предложим им взять младенца за ручки-ножки — и тянуть, и разорвать пополам. Но младенец так орал, что одна женщина пожалела его и отпустила: «Бери, он твой!» И Соломон понял, что она и есть истинная мать.

Примеряя на себя эту притчу, Гайдар тем самым заявляет, что он — истинная мать российской демократии. Он *уступает* Явлинскому президентство! Уважаемый Егор Тимурович, уступить можно только то, чем владеешь. Только то, на что имеешь

право. А у вас нет ни единого шанса, и поэтому вы ничего не можете уступить.

Гайдар хочет, чтобы избиратели «поняли наконец», что демократы готовы чем-то поступиться ради единства. Выходит, есть дети-избиратели и есть мамы-демократы. Этой матери полезно бы знать, что избиратели уже все поняли.

Вот результаты опроса, проведенного недавно Фондом «Общественное мнение».

**Соотношение намеренных и ненамеренных
голосовать за «Демвыбор России»**

	За (%)	Против ДВР (%)
Пенсионеры	5	26
Рабочие	6	21
Колхозники	6	25
Безработные	7	17
Бюджетники	7	19
Директоры	7	36
Управленцы	8	30
Офицеры	8	33
Фермеры	11	28
Предприниматели	13	14
Население в целом	7	22

**Соотношение намеренных и ненамеренных
голосовать на президентских выборах за Е.Гайдара**

	За (%)	Против (%)
Пенсионеры	2	28
Рабочие	2	30
Колхозники	3	23
Безработные	3	34
Бюджетники	3	42
Директоры	4	40
Управленцы	5	23
Офицеры	5	25

Фермеры	7	26
Предприниматели	8	22
Население в целом	3	27

Четко видно, что все слои населения против «Демократического выбора России». Но вторая таблица ошеломляет. Если отношение к партии можно обозначить словом «неприязнь», то отношение к лидеру — это, мягко говоря, тяжелая неприязнь. Если бы вторая таблица показывала лишь увеличение категорических противников. Но она показывает и *уменьшение сторонников*.

Если за «ВР» — 7%, а за лидера — 3%, значит, лидер неприемлем для подавляющего большинства его собственной партии.

Вдумайтесь в этот лингвистический ужас: «Выбор России» — предмет неприязни России, а главный избранник — предмет ненависти. В названии партии заявлена любовь страны, а в реальности...

И она еще не ушла в отставку, эта мать демократии? И она еще цепляется за ребенка, рвет его на себя, несмотря на то что он орет благим матом (и не благим тоже)?

Что там Гайдар говорит о своей верности принципам и о предательстве Явлинского?

Предлагал ли Гайдар кому-нибудь блок в ноябре 1993-го? Нет. Он был уверен в полной победе, а мысленно (да, вероятно, и на бумаге) уже формировал не только депутатский, но и правительственный список.

Что изменилось с тех пор? В Явлинском — ничего. В положении Гайдара — все. Почему он так рвется в блок сейчас? Потому что предчувствует катастрофический провал*.

Что случилось с демократией

Гайдар заявил, что не пойдет на блок с Черномырдиным, с партией власти. А через два дня, узнав об отказе Явлинского, произнес с трибуны (под аплодисменты):

* Сбылось: «Выбор России» Россия не выбрала.

«Если союз с “Яблоком” невозможен, значит, мы должны объявить о создании нового избирательного объединения, нового избирательного блока. Мы, разумеется, готовы к любым политическим союзам. Мы без всякого сомнения можем сотрудничать с партией власти».

Эта готовность к любым союзам — чисто ленинская принципиальность, усвоенная Гайдаром в процессе службы в редакциях газеты «Правда» и журнала «Коммунист». Мы знаем, кто готов идти с «ВР» на следующие выборы: тот, кому в одиночку не светит результат, сколько-нибудь отличный от нуля*.

Гайдар даже не замечает, с кем он созвучен. Может, не слышал, как Зюганов сказал, что коммунисты «готовы к блоку со всеми».

В отчаянии от того, что не удалось вцепиться в «Яблоко», Гайдар отваживается на рискованную и малосимпатичную политическую эквилибристику. Выступая перед главными членами своей партии, Гайдар заявил:

«К моему огромному изумлению, когда наконец мы приняли это предложение (рассказ о блоке подается так, будто Явлинский долго уговаривал, а Гайдар «наконец принял». — А.М.), Григорий Алексеевич на протяжении следующих двух дней забрал его обратно и начал подробно объяснять, почему единство «Яблока» и «Демвыбора России» невозможно ни при каких условиях. Я не могу это оценить иначе как предательство! (*Аплодисменты.*)»

Можно обвинять Явлинского в чем угодно, но он никогда не клялся Гайдару в верности, и значит, о предательстве не может быть и речи.

Речь о предательстве может и должна идти при рассмотрении совсем иной политической пары. Когда Ельцин «сдал Гайдара» и взял Черномырдина — тогда многие говорили: «Предан!» Многие, но не Гайдар. Он мило улыбался: «Всё хорошо, у нас с Борисом Николаевичем по-прежнему контакт». И за это хорошее поведение получил в подарок институт, остался советником, а позже пошел, не гнушаясь, в замы к тому, кто презрительно называл его завлабом.

* Они потом слепят «Союз правых сил», потом «Правое дело»...

Только когда дело дошло до Чечни, Гайдар заявил, что переходит в оппозицию Ельцину. (И теперь уже Ельцин мог бы сказать о предательстве.)

Почему Гайдар восстал против войны в Чечне? Почему заявил о разрыве с Ельциным? Из принципа? Значит, все, что президент и правительство творили до Чечни, не противоречило принципам Гайдара?

Нет. Не принцип толкнул Гайдара в оппозицию, а отчаяние. Он понимал, что Чечня поставила вопрос ребром: или — с Ельциным, или — с избирателями. Электорат Гайдара мог терпеть многое, но не войну. Так что переход в оппозицию был для Гайдара *единственным* способом спасти голоса. Можно ли в этом случае говорить о свободном, принципиальном решении?*

От Гайдара ушел Козырев, Чубайс приостановил членство в «ВР», Денисенко (сообщают) ушла к коммунисту Тулееву. Ушла от стыда честнейшая Элла Памфилова. Ушел Бурбулис, Федоров, адвокат Макаров... Ушли все, кто вошел в «Выбор России» в расчете на министерские портфели. От Гайдара уходят «первые номера», но ни разу он не произнес слово «предательство». Из принципа, ясное дело.

Гайдар кинулся к Бойко, сделал его человеком номер два в своей партии. Нет сомнений, что это было сделано принципиально ради денег, ибо ничего другого у Бойко нет. И не спрашивал: откуда эти деньги? как сделаны? и каким образом перекачиваются в «Демократический выбор России»?

Говорили: Гайдар купил себе немножко «ОЛБИ». Нет, из двух людей покупателем является тот, у кого есть деньги. Другая сторона — это продавец. А товар — избиратели.

Он предал их еще до того, как сошелся с «ОЛБИ». В газете Гайдар сравнивал Жириновского с Гитлером, а в Кремле сел с ним за один стол и подписал Договор об общественном согласии. Весь мир обошло фото: Гайдар сидит между Жириновским и Зюгановым и подписывает согласие.

Теперь Жириновский требует превратить Чечню в дымящуюся яму (что уже исполнено). А Гайдар пугает: «*Абсолютно не-*

* В начале 1996-го перед президентскими выборами Гайдар забыл о клятве, забыл о войне и поддержал Ельцина.

избежным является триумф коммунистов и фашистов на следующих выборах».

Это ваша политика, Егор Тимурович, привела к столь быстрому росту коммунистических и фашистских рядов. Это ваши провалы, которые вы выдавали за временные трудности, заставили народ так быстро затосковать о Брежневе, Андропове и даже о Сталине.

Уверяют, будто русской душе свойственна тоска по сильной руке. Но это миф. Никто не тосковал по сильной руке ни при Иване Грозном, ни при Петре Великом, ни при Сталине. Когда у власти твердая рука, народ тоскует по мягкой.

Это во многом вина Гайдара, что Ельцин отшатнулся от демократов в объятия силовиков.

Ельцин очень долго терпел и не гнал Гайдара, когда всё уже было ясно. Бездарная и кровавая Чечня — это попытка Ельцина вернуть себе авторитет, растроченный на Гайдара.

Это трагедия Ельцина. Он поставил на Гайдара — и верил его обещаниям, и терял доверие народа, и каждые полгода повторял: еще немного — и стабилизация, а потом — подъем!

Один — секретарь обкома, другой — проповедник научного коммунизма. Вот пусть и разбираются, кто кого предал и когда.

Это политика Гайдара обанкротила президента. А теперь, когда у Ельцина 4%, а у Явлинского — 15%, Гайдар *принципиально* хочет блока с «Яблоком».

Гайдар продолжает губить демократию — и продолжает уверять, что он — истинная мать ее.

Коммунисты и фашисты, конечно, существуют. Но никакой триумф их не ждет. Гайдар пугает «абсолютной неизбежностью», чтобы напуганные демократы бросились голосовать за него как за спасителя от фашизма. Но противники фашизма, во-первых, не так робки, во-вторых, найдут себе кого-нибудь, кто не подписывал так недавно согласий с фашистами.

Избиратели — не солдаты, обязанные не думая исполнять команды «нале-во! напра-во! кру-гом!». Избиратели — не парт-аппаратчики, обязанные верить фюреру, что врагом является именно тот, на кого партия указала сегодня. Это уже было. Мы в 1930-х сражались за Испанию, уничтожали фашистов. Потом, в августе 1939-го, две недели тишины, а потом — фашис-

ты-друзья. На полный поворот кругом у пропагандистской машины Сталина ушло две недели.

Гайдар может идти куда хочет. Хоть к Черномырдину, хоть к Жириновскому. Пойдут ли за ним его избиратели? Пойдут ли *они* на блок с кем угодно ради принципа, который называется «5%»?

Избиратели — вот кто должен приводить в ужас Черномырдина. Премьер в «Итогах» заявил, что его блок возьмет большинство (51%?!), заявил, что уверен в победе и что не видит соперников.

Не соперников надо бояться Черномырдину, а людей. Люди — не главы администраций, не министры: их не заставишь. День выборов — единственный день за два года, когда власть несколько часов будет принадлежать народу. В этот день не министры будут решать судьбу страны.

Уже сейчас в партии «Наш дом — Россия» то ли триста, то ли целая тысяча министров, губернаторов, градоначальников. Ребята, сейчас, конечно, все хорошо, вот-вот начнется обустройство партийного списка, куда вы все, конечно, войдете, — *но пройдут в Думу только первые 20*. «Наш дом — Газпром» вряд ли соберет больше 10% голосов*.

Все другие партии, что левые, что правые, будут предлагать народу *программы*. Черномырдин будет *платить*. Он должен начать это приятное занятие не позже сентября, чтобы народ к декабрю насытился и полюбил правительство. Бог в помощь.

Очевиден страх Черномырдина и Ельцина перед грядущими выборами. Были бы уверены — не ставили б рогатки. Предложили изменение закона, выгодное для своих. Предлагают пятидесятипроцентную явку в надежде, что народ не придет и выборы с легким сердцем будут объявлены несостоявшимися.

Накануне выборов 1993 года правила меняли несколько раз, пытаясь создать условия для гарантированной победы своих. А в результате — позорное шоу «Празднование Нового Политического Года».

Черномырдин (ставший по указу свыше лидером политической партии), объясняя великую пользу президентского вето,

* Сбылось в точности.

Ельцин

заявил с апломбом: «Нам нужен мир!». Он сказал это так, будто война грозит от выборов. А война уже есть.

Президент, правительство и президентские блоки — за стабильность. Единственное стабильное, что у нас есть, — это чеченская война.

За кого вы стали голосовать, если бы президентские выборы состоялись сегодня? (I) (В процентах.)

Кого ни при каких обстоятельствах вы не хотели бы видеть Президентом России? (II)

Разница (III).

	(I)	(II)	(III)
Г.Явлинский	8	2	+6
В.Жириновский	6	39	-33
А.Руцкой	6	12	-6
Г.Зюганов	6	9	-3
Св.Федоров	6	0	+6
Б.Федоров	5	1	+1
А.Лебедь	4	2	+2
Б.Ельцин	3	35	-32
Е.Гайдар	3	16	-13
Ю.Лужков	2	1	+1
М.Горбачев	1	26	-25
С.Черномырдин	1	2	-1
В.Шумейко	1	2	-1
С.Шахрай	1	1	0
И.Рыбкин	1	1	0
О.Сосковец	0	1	-1
Ю.Скоков	0	0	0

Всё понятно?

26 декабря 1995, «МК»

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАННИБАЛИЗМ

**Премьер-министру России
Черномырдину В.С.**

Господин премьер-министр! Гражданам России непонятно, что происходит в нашей стране.

Мы знаем о том, что не платят зарплату, что задерживают пенсию. Но не знаем, почему.

Мы знаем, что продаются заводы, в том числе стратегические. Но не знаем, за сколько и почему.

Мы слышим ваши слова о стабилизации, но цены растут, а производство и уровень жизни падают.

Почему мы выпрашиваем у Международного валютного фонда (МВФ) шесть миллиардов долларов под 8% годовых, а сами в то же время даем Западу 11 миллиардов под 5–6%? Причем МВФ дает нам кредит частями и на крайне жестких условиях, а мы даем деньги без всяких условий.

Объяснитесь: 1) по вопросу крайне легкомысленного обращения вашего правительства с нашей валютой и 2) по вопросу тех колоссальных кредитов, которые МВФ дает вам и г-ну Чубайсу, а отдавать которые предстоит нам и нашим детям.

Все знают о грандиозных скандалах, связанных с приватизацией и какими-то аукционами. Какие-то банки приобретают какие-то предприятия, а другие банки кричат, что это незаконно, и требуют суда и справедливости (заметьте — это вещи разные).

Намеренно пишу «какие-то», ибо нашему народу, г-н премьер, совершенно все равно, какой банк что купил. Скандал

воспринимается как драка хищников за лакомый кусок. А поскольку простой человек никакого завода купить не может, то и плевать — пусть буржуи дерутся.

Вы и г-н Чубайс говорите, что деньги за эти заводы (за эту приватизацию) поступают в бюджет, а из бюджета платится зарплата, укрепляется медицина, наука, культура, детские ясли и т.д.

Вот это все нас касается: зарплаты и ясли всем нужны. И мы, наивные, рады: если уж государство не умеет производить, то пусть хоть продаст тем, кто умеет, а нам поскорее даст все то, что в бюджете обещано (всё, что так скудно, но в срок давали в СССР).

Г-н премьер! Вы — человек доверчивый и наивный (это и по лицу видно). Вас обманывают, а вы невольно обманываете народ. Должен вас огорчить: деньги в бюджет (в государственную казну) не поступают, и обещания ваши — липа.

В России, г-н премьер, *изобретен гениальный способ покупать задаром*. Сейчас я всех этому научу. И каждый бомж — если поторопится — успеет купить себе и завод, и нефтяную вышку.

Инструкция. Сначала создаете банк и называете его, к примеру, «МЕНАТЕП» или «ОНЭКСИМ» (комбинация букв никакого значения не имеет).

Потом устраиваете так, чтобы Министерство финансов открыло счет в вашем банке. И Минфин кладет к вам на текущий счет этак сто пятьдесят миллионов долларов. Если у вас с Минфином дружеские отношения (а иначе и счет бы не открыли), то Минфин кладет к вам валюту под процент вдвое ниже рыночного, и вы на этом неплохо зарабатываете, а друзья за вас радуются.

Потом вы читаете официальное сообщение. Цитирую: «Во исполнение Указа Президента РФ от 31.08.95 Госкомимущество России сообщает о проведении аукциона на право заключения договоров залога находящихся в федеральной собственности акций АО “Сибнефть” (Сибирская нефтяная компания). Аукцион состоится 28 декабря 1995 года».

Читаете — и, конечно, хочется купить, а свободных денег нету; все, что есть, — уже крутятся.

Тогда вы говорите Минфину: «Слушай, положи мне деньги на депозит, тебе они все равно не к спеху, а шахтеры еще потерпят, — недавно по ТВ сообщили, что у них голодовка только-только началась».

Хорошо, говорит Минфин, и возникает

«ДЕПОЗИТНОЕ СОГЛАШЕНИЕ

В целях эффективного использования временно свободных государственных валютных ресурсов Министерство финансов РФ и банк «МЕНАТЕП» заключили настоящее соглашение о нижеследующем:

1. Министерство зачисляет, а банк принимает в депозит денежные средства на следующих условиях:

- сумма депозита 50 000 000 (пятьдесят миллионов) долларов США;
- процентная ставка: трехмесячный ЛИБОР..

Подписи и печати».

Отметим три момента:

а) у государства есть свободные валютные ресурсы, что всем приятно;

б) государство их не гноит, а зачисляет «в целях эффективного использования», что всем еще приятнее;

в) пятьдесят миллионов долларов Минфин кладет в банк по ставке ЛИБОР, то есть под 6,5%, в то время как на рынке по таким депозитам платят от 15 до 25%, что особенно приятно (но уже не всем, а только банку).

Тут есть досадное противоречие между «б» и «в» — между красивыми словами об эффективном использовании и ставкой втрое ниже рыночной, но с точки зрения банка это безусловно эффективно. Однако все это мелочи. Гениальное — впереди.

Теперь, когда у вас в банке полно государственной валюты, вы легко совершаете чудо.

Ваш банк создает дочернюю фирму, скажем, «Нефтьслив», и переводит ей валюту (полученную от государства). Фирма «Нефтьслив» покупает вам «Сибирскую компанию», за что платит государству валюту (полученную от государства).

Государство (Минфин), получив за «Сибнефть» валюту (которую недавно дало вам), переводит ее на свой счет, который, не забудем, открыт в вашем банке.

Получив эту валюту, вы честно и в срок возвращаете государству депозит.

Что теперь у вас есть «Сибнефть» — сомнений нет. Но что государство на этом чего-нибудь заработало — сомнения есть.

Гениальная схема! Сначала в уме крутил (как новичок в шахматах: я — сюда, он — туда...). Потом сдался, стал предметы двигать. Правая рука была государство, левая — «Менатеп», сигареты — «Сибнефть», а зажигалка — валюта.

Сперва и «Сибнефть», и валюта были в правой (государственной) руке, а после всех перемещений «Сибнефть» ушла в левую руку, а в правую вернулась зажигалка, которая там и раньше была. Правда, здорово? Не оскудела еще земля русская.

(Кстати, г-н премьер-министр, становится понятно, почему Б.Федоров, вместо того чтобы выборы выигрывать, со всех экранов про аукционы кричал и даже готов был в партию Говорухина вступить, лишь бы совместно остановить чудеса.)

Говорят, что Вавилов (зам. министра финансов), открывая такие депозиты, нарушает инструкцию Панскова (министра финансов). Но схема так красива, что грех было бы не нарушить...*

Теперь, г-н премьер-министр, позвольте вас на минутку покинуть, чтобы обратиться к народу.

Братья и сестры! Сограждане! Напрасно вы не видите связи между забастовками учителей, врачей, шахтеров — и аукционными банкиров. Связь в том, что денег на всех не хватает, а правительству виднее, каким способом «эффективно использовать».

Еще весной Сосковец (зам. Черномырдина) сообщил, что на ремонт Чечни выделено шесть триллионов, и они будут туда вливаться не прямо, а через уполномоченный банк «Менатеп». Услышав столь откровенного Сосковца, многие опешили: надо же, искренний какой, как ребенок.

А недавно Сосковец сказал, что почему-то ничего не построено, а деньги пропали. А сегодня там опять война, ради которой даже выборы устроили. Война, которая должна

* Вавилов спасся от тюрьмы, став членом Совета Федерации. Сидел там неприкосновенный, пока не истек срок давности.

уничтожить небольшое построенное, чтобы скрыть (списать) украденное.

Солдаты и офицеры! Вы в Чечне отдали голоса Завгаеву, конечно, бесплатно. Вы отдали свои голоса — кто Жириновскому, кто Черномырдину — бесплатно. И жизни свои тоже отдаете даром.

На фоне боев в Чечне, на фоне подсчета голосов в Думе никому нет дела до каких-то аукционов. Мы слышим шум банковского скандала, но нас не касается.

Наше равнодушие как бы подзадоривает сильных мира сего на все большую откровенность. 16 декабря (накануне выборов) в «Коммерсанте» было опубликовано интервью вице-президента банка «Менатеп». Степень откровенности запредельная. Вот маленькие цитаты: «Государство в данном случае вело прогнозируемую для нас политику... я привык верить государству... Я не могу говорить о всех конкурентах (я не знаю, какой у них уровень отношений с правительством)... Работать сейчас с правительством можно. И достаточно комфортно... Государство сегодня может для любой структуры устроить любую жизнь. Более эффективно, чем любой вид криминалитета и даже прессы. Государство может на законных основаниях сколь угодно кого-то проверять, изымать налоги со штрафами, блокировать счета и другими способами парализовывать нашу деятельность (путает государство с чиновниками. — А.М.)... Для того чтобы что-то получать, что-то надо отдавать — это как бы закон жизни. Поэтому иногда приходится идти в первую очередь на какие-то моральные издержки... Государство выше права»*.

Что государство выше права, мы видим каждый день (хоть в той же Чечне, хоть в Конституционном суде). Но мы редко задумываемся, что те, кто с государством (читай: с правитель-

* Это откровенное интервью дал Невзлин. Теперь, через пятнадцать лет, оно читается иначе. Он и Ходорковский уже совсем отвыкли верить государству. Ходорковский, Лебедев и еще многие юкосовцы на собственной шкуре убедились и в возможности государства «устроить любую жизнь более эффективно, чем бандиты», и в том, что «государство выше права». Но тогда им это было «комфортно», а теперь нет. Оцените: «Приходится идти в первую очередь на моральные издержки». По-русски, сперва продаём совесть, а потом... А потом не жалуйтесь.

ством) в теплых, комфортных отношениях, — тоже выше права. Именно поэтому не раскрываются убийства, именно поэтому Россия смогла полтора года жить с генеральным прокурором, который был невообразимо ниже права.

Нас не касается. Убивают где-то кого-то — нас касается, если сын в армии. Выбирают кого-то куда-то — нас касается, если родственник. Продают нефтяную вышку — нас никак не касается. Какая разница, купит вышку «А» или «Б»; ты не купишь — купилок нету. Хаос указов, текст которых ясен только тем, кто в них заинтересован. Шаманские заклинания о стабилизации, под которые власть набрала-таки 10%*. Ничего не понимающее население, которое не в силах узнать, где крутится его зарплата... Экономика стабильна, как состояние генерала Романова, — без сознания.

Будь нищим! Нищий всегда имеет свои пятьдесят — сто тысяч** в день, на них можно жить, девушку водочкой угостить. А если купишь завод — у тебя десять тысяч рабочих: только на зарплату им надо десять миллиардов в месяц; а еще — за электричество, воду, сырье, бензин, запчасти — большие расходы, головная боль.

Никакому олуху (в трезвом виде) не придет в голову, что он может дирижировать симфоническим оркестром на том основании, что в молодости неплохо играл в «очко». А управлять заводом?

Почему нашим нуворишам легко удастся строить себе дворцы, покупать острова? Потому что для этого надо только деньги. Почему им не удастся наладить производство? Потому что надо уметь. Русские помещики недаром брали немца-управляющего, англичанина-директора. Русские помещики были неглупы — нанимали себе специалистов. Сегодняшние глупее — заводы стоят.

Предположим, вы украли велосипед. На нем и уедете, на худой конец — унесете. А если вы приватизировали «Ту-154» — там в кабине столько рычажков, ни ума, ни рук не хватит.

Беда не только в том, что правительство дешево продает дорогие заводы. Беда не только в том, что покупатель не вкла-

* Партия власти тогда называлась «Наш дом — Россия», а теперь «Единая она же».

** До деноминации и дефолта.

дывает обещанные деньги в собственность, доставшуюся по дешевке. Беда еще и в том, что владельцем оказывается тот, кто не может (не умеет) управлять. (Классический пример — «Микродин», который весьма удачно занимался торговлей, но, купив ЗИЛ, наладить производство на этом автогиганте не смог.)

Именно правительство (Черномырдин, Чубайс, Сосковец, Лобов, Грачев, вечный обитатель высших сфер Шумейко и др.) и собравший их президент устроили победу коммунистов.

Преступная приватизация и война в Чечне — их и по отдельности было бы достаточно. Все, о чем кричат газеты, делается с ведома и по приказу правителей, которые слишком долго обещают...

Летом 1992 года Ельцин обещал, что «с Нового года — подъем». Летом 1993-го — «с Нового года — подъем». Летом 1994-го... А теперь Черномырдин повторяет эту позорную фразу: «С 1996 года — подъем», — а 1996-й уже через неделю! Большинство из нас доживет и лично убедится во лжи или некомпетентности обещавшего, ибо обещать это может либо лжец, либо — как бы это помягче — не слишком умный.

Накануне выборов Зюганов непрерывно говорил о криминальной приватизации. Но разве поэтому мы должны молчать? Мы не позволим Зюганову узурпировать «борьбу за справедливость», как не позволили ни «Памяти», ни Руцкому, ни Жириновскому узурпировать патриотизм.

Это мы боремся за справедливость, а не Зюганов. Для него это лишь агитационный предлог.

Это мы патриоты, а не Жириновский, потому что мы боремся с бандитами, независимо, в оппозиции ли они или в правительстве.

«Промолчи — попадешь в палачи» (Галич). Мы не должны молчать о действиях Чубайса из глупого страха, что нас опять запишут в коммунистические рупоры. Нам не улыбается участь Гайдара, который молчит о проделках Чубайса, в результате чего только 3,9%* избирателей продолжают верить, что Гайдар — честный человек.

* Столько они набрали на выборах и в Думу не прошли.

Ельцин

Господин премьер-министр! 28 декабря состоится продажа «Сибирской нефтяной компании». Мы в затруднении — как сформулировать вопрос:

— если вы знаете методы этой торговли, как у вас хватает совести молчать?

— или: если знаете и молчите, то неужели потому, что боитесь убийц?

— или: если не знаете, то куда ж вы годитесь?

Но можно спросить и так: почему за последние два года столь изменилось лицо Чубайса? — был мальчик-фанатик, а теперь матерый, налившийся, с остекленевшими глазами, — почему он стал неуловимо похож на торговцев человеческим мясом, сфотографированных во времена голода 1920-х годов?

1996

23 января 1996, «МК»

ДЕТСКОЕ МЯСО

Премьер-министру России
Черномырдину В.С.

Дорогой Виктор Степанович! Я рискую обратиться к вам с письмом, хотя мы почти незнакомы. Постараюсь объяснить, почему. Вы — человек, проживший большую трудную жизнь. Вы — человек поколения, построившего и укрепившего нашу страну. Вы прошли через множество испытаний, но удивляете своей искренностью, чистотой, равнодушием к тому, что происходит вокруг. Поэтому сейчас мы — вся страна — как никогда нуждаемся в вашем опыте и жизненной мудрости. Именно поэтому я и пишу это письмо. И вы, Виктор Степанович, окажете мне большую услугу, если напишете ответ. Не стесняйтесь, расскажите...

...Хотя ваша мудрость, видимо, в том и состоит, что вы стесняетесь и молчите.

Зачем правительство дарит значительные суммы некоторым банкам?*

...Дорогой Виктор Степанович! Я очень хорошо понимаю ту мучительную нравственную проблему, которая встает перед высокопоставленными чиновниками вашего правительства,

* В газетной публикации были прямо названы частные банки и многомиллиардные суммы, которые им подарила власть. Цитировались решения правительства, письма с подписью первого замминистра финансов Вавилова... Дотошный читатель может взять подшивку «МК» в библиотеке.

когда они (оно) решают, что лучше: дать триллион какому-нибудь банку или выплатить пенсии?

Триллион рублей (двести тридцать миллионов долларов) — вещь хорошая. Сильная. Бог знает что можно устроить на триллион. А если раздать его пенсионерам — он же исчезнет!

Представляете? Десять миллионов пенсионеров получают по сто тысяч рублей — и триллиона как не бывало. Ведь пенсионерка (какая-нибудь Раиса Тимофеевна) просто-таки проест напрасно свои сто тысяч без всякого толку. А какая от этого польза Родине?

Кроме того, у пенсионерки Раисы Тимофеевны нет и мысли поделиться с кем-нибудь (с каким-нибудь министром) полученными деньгами. Она их сцапает и побежит проедать. А вот ежели кому-то дать целый триллион, этот кто-то обязательно ощутит потребность поделиться. Скажем, подарить кому-нибудь каких-нибудь 10%, что в данном теоретическом случае составит сто миллиардов рублей (двадцать три миллиона долларов).

Теперь, дорогой Виктор Степанович, разрешите вас ненадолго покинуть, чтобы обратиться к читателям.

Братья и сестры! Не обращайте внимания на названия банков. Некоторые банки здесь названы (для документальной убедительности), некоторые — нет. Но дело вовсе не в банках.

Когда мы садимся в трамвай, то делаем это не из патриотизма или милосердия, а просто чтобы куда-то доехать. Когда мы покупаем картошку, то делаем это не ради будущего России, а просто чтобы поесть. И очень глупо сердиться на людей за то, что они безыдейно ездят в трамвае или едят ради сытости, а не ради национальных интересов.

Банк — акула, которая пожирает все, что может: рыбу, людей, пустые бутылки. Акула так устроена, и сердиться на это глупо.

Единственная цель любого банка — деньги, получение прибыли для себя и своих клиентов. Мы не можем требовать от банка ни патриотизма, ни заботы о бедных, ни охраны государственных интересов. Но от правительства мы требуем именно этого. И требуем по праву. Правительство для этого нами и нанято.

Так что если банк урвал миллиард рупий или нефтяное месторождение — он выполнил свою акулюю задачу, ничего более. И законное наше недоумение (а порой и гнев) мы обращаем не к банку, который схапал, а к министрам, которые почему-то дают хапать и при этом остаются не только на свободе, но и у власти.

Теперь, уважаемые читатели, разрешите вернуться к дорогому Виктору Степановичу.

Дорогой Виктор Степанович! В январе 1993 года вы — новенький премьер-министр России — впервые выступали на Всемирном экономическом форуме в Давосе (Швейцария). Форум этот — главное ежегодное совещание финансовой элиты на планете Земля.

Там, в Давосе, в конце января собираются миллиардеры, министры, президенты, чтобы определить финансовую политику на предстоящий год. Там гуляют главы корпораций “Sony” и “Nestle”, там Назарбаев и Каримов ужинают с оптовыми покупателями дешевого сырья, там арабские шейхи шепчутся со швейцарскими банкирами, а в полумраке роскошного отеля на мягком диване вальяжный Собчак воркует с пожилым, но шустрым представителем Де Бирс*.

Вы, Виктор Степанович, в то время вызывали большие опасения у мировых воротил. Гайдар смещен; не повернет ли красный директор Черномырдин куда-то не туда? Вы их тогда слегка насмешили, сказав на пленарном заседании Форума: мол, дорогие миллиардеры, скорее вкладывайте денежки в экономику России, скорее давайте нам инвестиции, а то будет поздно — вас опередят**.

Вы, по присущей вам наивности, хотели их напугать и подстегнуть, а они только усмехались. В зале сидели все деньги Земли, а марсиане пока некредитоспособны. Кто ж опередит?

Вот тогда-то — уверяя почтенную публику, что вы столь же геройский борец с инфляцией, как и Гайдар, — вы с трибуны Всемирного форума сказали:

* Автор своими глазами видел, как они полтора часа мурлыкали. Об искусстве? О видах Петербурга? Брильянты — лучшие друзья Ксюши и Людмилы.

** И Путин, и Медведев говорят точно то же.

— Да мы по три-четыре месяца зарплату рабочим не платим, чтобы инфляцию удержать.

Зал не шелохнулся (может, не понял; может, синхронисты не смогли перевести этот ужас на английский, французский, немецкий, испанский). Я глядел во все стороны: есть ли наши телеоператоры? Покажут ли? Ведь тогда неплатежи еще были в новинку для граждан России, и никто даже вообразить не мог, что это — такая политика, а не ошибки, не просчеты молодого правительства.

Дорогой Виктор Степанович, поделюсь с вами случаем из жизни. В 1981 году, когда все мы жили в СССР под руководством дорогого Леонида Ильича Брежнева, я на два дня попросил приюта в пионерском лагере в Абхазии на берегу Черного моря (денег не было ни гроша). Пустили. Ел с пионерами. Утром — манная каша без масла, в обед — макароны, плавающие в теплой воде (суп), на ужин еще какая-то дрянь. И ладно — мяса нет, но и ни овощей, ни фруктов. В Абхазии! В конце июля!

А ближе к ночи, когда пионеров уложили спать, вожатые пригласили меня к столу: водка, вино, зелень, огурцы, помидоры... И вдруг двое тащат огромный таз вареного мяса, и всем весело. Поглядел, как они жрут и веселятся, и говорю: «А ведь это — детское мясо. Вы детей едите». Обиделись, выгнали. Хорошо, не побили.

Может, эти пионервожатые стали министрами?

Дорогой Виктор Степанович, пора коснуться, если позволите, таких тонких вещей, о которых с вами никто никогда не говорит (не решаются? не надеются, что поймете?). В частности, хочу затронуть столь нежную материю, как стилистические особенности моего к вам письма.

Когда вы читали первый абзац, где вы — «дорогой, удивляющий искренностью, чистотой, жизненной мудростью», — вы, должно быть, решили, что я издеваюсь.

Действительно, мне несвойственно подлизываться и льстить, да еще так беззастенчиво. Но на этот раз у меня перед глазами был великолепный и высокоавторитетный образец. Примером для подражания послужили вы, дорогой Виктор

Степанович. Я просто скопировал ваши слова, ваш стиль. Не узнали?

Распечатывая на днях многочисленную почту, я достал из очередного конверта письмо и прочел: «Дорогая Раиса Тимофеевна...» Подумал: ошибка. Посмотрел на конверт — все верно: Александру Минкину. Тогда я понял, что некая Раиса Тимофеевна переслала мне письмо, написанное ей. Теперь это чужое письмо, нарушая, увы, правила хорошего тона, предлагаю читателям.

«Дорогая РАИСА ТИМОФЕЕВНА!

Я рискую обратиться к Вам с письмом, хотя мы и незнакомы. Постараюсь объяснить почему. Вы — человек, проживший большую и трудную жизнь. Вы — человек поколения, построившего и укрепившего нашу страну. Вы прошли через множество испытаний, но удивляете своей искренностью, чистотой и равнодушием к тому, что происходит вокруг. Поэтому сейчас мы — вся страна — как никогда нуждаемся в Вашем опыте и жизненной мудрости.

Не стесняйтесь, расскажите даже о том, что иные считают мелочами быта*.

Вы, РАИСА ТИМОФЕЕВНА, свое государству отдали, а теперь власть Вам должна. И мы все отдадим сполна — за труд Ваш, за верность Родине. Я знаю, что пенсионерам сейчас живется трудно. Мы стараемся делать все возможное, чтобы облегчить Ваше положение. Я уверен, что ситуация начинает улучшаться. Нам уже удалось понемногу увеличивать пенсии — за нынешний год они вырастут почти в два раза. Мы решаем проблему своевременной их выплаты.

Дорогая РАИСА ТИМОФЕЕВНА! Вы, конечно, знаете, что 17 декабря состоятся Выборы в Государственную Думу.

Как мы будем жить дальше? Будут ли счастливы Ваши внуки и правнуки? Сегодня это зависит и от Вас тоже.

* На всю воровскую верхушку (и на консерваторов, и на либералов, и на кого попало) работает полтора циничных и жадных негодяя. Пишут ли они манифест либерала или послание держиморды, их выдает лексика, фразеология, уши торчат. Предложение «не стесняться» с подписью Гайдара и Мурашева вы обнаружите в тексте «Левые доходы правых».

Ельцин

Я призываю Вас поддержать Движение «НАШ ДОМ — РОССИЯ», отдав ему свой голос. Могу гарантировать — наше Движение сделает все возможное, чтобы помощь пришла в каждый дом, к каждому человеку.

Бывает так, что один-единственный голос решает очень многое. И голос этот может быть Вашим.

С уважением и благодарностью, Ваш

*Виктор Степанович Черномырдин,
Председатель Совета Движения
“НАШ ДОМ — РОССИЯ”,
Председатель Правительства
Российской Федерации».*

Не можете ли сообщить нам, дорогой Виктор Степанович, сколько стоит такое письмо? Не стесняйтесь, расскажите, даже если считаете это мелочью быта.

Раиса Тимофеевна никак не прокомментировала ваше письмо, дорогой Виктор Степанович. Скорее всего, ее просто тошнило. Но мы — люди закаленные и, сдерживая естественную физиологическую реакцию, отметим некоторые детали.

Надо создать компьютерную программу, ввести в нее адреса и имена-отчества пенсионеров (желательно живых), распечатать миллионы экземпляров на струйных принтерах (типографские машины не могут заменять имена-отчества), а потом на каждую такую лицемерную и лживую фальшивку шлепнуть голубую подпись. Голубую! Чтоб подслеповатая Раиса Тимофеевна сдуру решила, что вы и впрямь расписались лично для нее.

Дорогой Виктор Степанович! Рискну сказать, что сочинили это письмо отъявленные негодяи. Они пишут Раисе, которую никогда в глаза не видели («мы незнакомы»), что она «удивляется искренностью и чистотой». (А вдруг эта Раиса всю жизнь врала и сплетничала?)

Ваши холуи от вашего имени обещают, что всё отдадут сполна «за верность Родине», предполагая, что верность Родине — оплачивается.

10 июня 1996, «Новая газета»

ВЫБЕРИ ПРЕЗИДЕНТА ДЛЯ СЕБЯ

Мы, граждане России, — единственные хозяева нашей страны, единственная власть в ней.

В Конституции так и сказано: «Единственным источником власти в России является ее народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно... Высшим непосредственным выражением власти народа являются свободные выборы».

Всякие «ветви власти» (президент, Дума, правительство, суд) — появляются лишь в одиннадцатой статье Конституции, а в первых десяти: человек, народ, права, свободы...

Мы, граждане России, не хотим ни того, что было, ни того, что есть. Огромное большинство не хочет ни Зюганова, ни Ельцина. Однако нас обманом заставляют выбрать из этих двух.

Заметьте: ни один агитатор «за Ельцина» не решается назвать его хорошим. Агитаторы говорят: да, война в Чечне, да, экономический крах, да, невероятная коррупция... да, он плохой, но он — меньшее зло. Имеется в виду, что Ельцин — меньшее зло, чем Зюганов.

Но точно такая же аргументация и у коммунистов. Ни один серьезный «левый» не видит в Зюганове ничего хорошего. Да, умом не блещет, да, идеологически сомнителен, да, никакого опыта управления, да, придется рихтовать... но он — меньшее зло (меньшее, чем Ельцин).

Таким образом, ни у кого нет сомнений, что оба эти кандидата — зло. Спор идет лишь о том, кто — меньшее.

Что же это за свободные выборы, если неизбежно вынужден выбрать зло? У добра — внушают — нет шансов.

Чума

Демократов пугают рейтингами Зюганова: 22%, 27%! Простите, ну откуда в России тридцать миллионов коммунистов? Их и в СССР было всего восемнадцать миллионов (членов вместе с кандидатами в члены). Значит, в РСФСР — не больше десяти. И ни один разумный человек в эту ум-честь-и-совесть не верил. Аппаратчики верили в спецраспределители и дачи; работы, матерясь, платили взносы.

Верили бы — боролись бы. Но когда Ельцин упразднил компартию, ни одна ум-честь-и-совесть не вышла на площадь. Это сейчас они развоевались — почуяв возможность отыграть-ся за тогдашнюю трусость.

Откуда же 22% на выборах в Думу, которые так окрылили Зюганова и так напугали Кремль?

А это вовсе не коммунисты. Это — протестанты. Это те самые миллионы, которые в 1991-м голосовали за Ельцина против Горбачева, в 1993-м — за Жириновского против Гайдара, в 1995-м — за Зюганова против Ельцина.

Это не коммунисты, это — недовольные. И недовольны они так сильно, что готовы проголосовать хоть за черта, если у черта будут наибольшие шансы свалить действующую ненавистную власть.

Ни один человек не верит в Зюганова. Кто он? Чем прославился? Серая партийно-номенклатурная пешка без единой собственной мысли, сочинитель компиляторских брошюр. Да, сейчас эту муху раздувают в слона. Но разве мы забыли, как ум-честь-и-совесть раздула маразматика в деятеля планетарного масштаба, навесила на него пять звезд Героя, произвела в маршалы, в лауреаты Ленинской премии по литературе... Разве мы забыли, как ум-честь и т.п. единогласно выбрала генсеком (руководителем сверхдержавы!) полумертвого Черненко, почти растение.

В своем недовольстве нынешней властью люди абсолютно правы. Но как же безответственно надо относиться к Родине, чтобы в такой тяжелой ситуации опять навязывать ей в правители бывшего секретаря горкома. Опять бывшего!

Кто с ним? Брежневский журналист Анпилов, андроповский чекист Крючков, горбачевский спикер Лукьянов и горба-

чевский же министр культуры Губенко — неудачники. Какое же нас ждет будущее под их руководством?

Даже если вообразить, будто Зюганов умен и талантлив, — то и тут надеяться не на что. Его личность не имеет значения.

Нигде и никогда коммунисты не производили ничего, кроме нищеты, рабства и войн. Во что они превратили Россию — половина сидела, половина стояла в очереди. Да, сделали (украив чертежи) атомную бомбу, да, запускали ракеты, но разве людям от этого хорошо жилось?

Везде: в Румынии, в Корее, на Кубе, в Камбодже, в Албании — везде казарма, колючая проволока, нищета. Везде страх, голод и — под строгим присмотром тайной полиции — восторженное обожание любимого вождя.

Все страны, где к власти пришли коммунисты, проиграли в мировом соревновании. И страны проиграли, и люди. И всегда из этих стран бежали, даже из сытой ГДР бежали, лезли через стену, а Отчизна (Фатерлянд) стреляла своим детям в спину: «Я тебе не нравлюсь? Сдохни!»

Какой безответственностью, каким беспамятством, какой беспощадностью к собственным детям надо обладать, чтобы желать России второй раз (через щель избирательной урны) провалиться в выгребную яму истории.

Холера

Людей обольщают рейтингами Ельцина. Еще недавно были стабильные 7%, глядь — уже 20, 25, 31... Свежо предание, а верится с трудом.

Чем же так быстро смог он завоевать десятки миллионов сердец? Танцует с девушками, покупает матрешек и воблу, дарит десятки миллиардов то на конфетную фабрику, то на новую казарму... Но люди — не дети. Да и дети не очень-то верят сладким, умильным дядям, которые дарят конфету, и лезут целоваться, и требуют: «Ну-ка, скажи, как ты любишь дедушку?».

А у дедушки на совести чеченская война (восемьдесят тысяч убитых), и ежедневно летят домой цинковые ящики — «груз 200». Производство разорено. Наука разорена. Преступность

беспредельна. Коррупция фантастическая*. Смертность катастрофическая...

А кто виноват? Плохие министры? Зачем же дедушка взял их на работу? И почему не гонит в три шеи, не сажает в тюрьму?

Не знаю, каков сейчас реальный рейтинг Ельцина. Но нет сомнений, что большинство сегодняшних «сторонников» — это те, кто категорически против Зюганова, против коммунистов. Они понимают, что значит для России еще один коммунистический котлован, и готовы проголосовать хоть за черта, лишь бы у этого черта были шансы победить надвигающийся фашизм. (Коммунист Зюганов, заметьте, не поминает ни Маркса, ни Энгельса, ни пролетарский интернационализм, но, напротив, лелеет русскую соборность, играет на шовинизме и — по глупости или из расчета — в своих брошюрах текстуально совпадает с Гитлером.)

В своем категорическом неприятии вторичного коммунизма люди абсолютно правы.

Кремлевский режим неизлечимо болен. У него нет никакой политики, у него есть только предвыборная агитация.

Пять лет подряд падает производство, пять лет подряд падает рубль, сбережения уничтожены, Чубайс всю страну обманул ваучерами (не ошибся, а сознательно обманул). Кремлевский режим доказал, что не может спасти экономику. Он занят только спасением себя.

Помните, гордый собою Ельцин 15 февраля, объявляя себя кандидатом, восклицает в Свердловске: «Я нашел деньги! на выплату всех долгов! в марте!»

Знакомая сцена. «Все примут горячее участие!» — крикнул Фагот и скомандовал: «Прошу глядеть вверх!» Сверкнуло, бухнуло, и тотчас из-под купола варьете начали падать в зал белые бумажки. Червонцы!

Поднимались сотни рук, зрители глядели сквозь бумажки и видели самые верные и правильные водяные знаки. Запах также не оставлял никаких сомнений: это был ни с чем по прелес-

* Теперь понимаешь: это было детство коррупции, это были цветочки.

ти не сравнимый запах только что опечатанных денег... В театре стоял гул, у всех зрителей возбужденно блестели глаза»...

Но тут старый дурак Бенгальский стал кричать публике, что это гипноз, что маэстро Воланд «сейчас разоблачит», что бумажки исчезнут. «Публике речь Бенгальского не понравилась. Наступило полное молчание, которое было прервано клетчатым Фаготом. “Бумажки, граждане, настоящие! — объявил он громким, козлиным тенором. — Между прочим, этот, — тут Фагот указал на Бенгальского, — мне надоел. Суется все время, куда его не спрашивают, ложными замечаниями портит сеанс! Что бы нам такое с ним сделать?” — “Голову ему оторвать!” — сказал кто-то сурово...»

Вот не думал оказаться в роли дурака Бенгальского. Однако откуда-то сверху сурово и настойчиво слышна команда «оторвать ему голову». Понятное дело — порчу сеанс.

Но что же делать, если прав все-таки Бенгальский. Ведь гипнотизерские червонцы сделали из людей шутов и превратились в нарзанные этикетки.

Откуда же свалились эти десятки триллионов, которые Ельцин «нашел» на погашение всех долгов? В алхимию сейчас никто не верит.

Значит, опять или золото продали, или фальшивых бумажек напечатали, или в долг взяли.

Это не экономика, это даже не латание дыр (латка, по бедности, вещь неплохая). Это типичное поведение пропойцы, который или тащит из дому на продажу что попало, или стреляет «трешку до среды», потому что ему «сейчас нужно». Это — судороги. Кремлю «сейчас нужно» — вот он и дергается.

Чеченскую проблему Кремль тоже решить не может. Нет даже попытки выработать грамотную кавказскую политику. Есть судорожное желание замирить Чечню к выборам. Так же судорожно замиряли ее к пятидесятилетию Победы в мае 1995-го.

Всё к выборам: и выплаты, и подарки, и мирные планы. Но это не политика — это показуха. К визиту начальства в гарнизонах красят траву в зеленый цвет. Так и Кремль. Он красит траву к визиту граждан на избирательные участки.

А в это время чуть ли не ежедневно «неопознанные бомбардировщики» бомбят территорию России. Команду Верховного

главнокомандующего «мир!» армия понимает как «пли!». А мы удивляемся: что же это за Верховный? как же так?

А так. Режим болен. Он не отвечает за свои слова, за свои поступки. Он просит «трешку до среды», он красит траву, он симулирует борьбу с коррупцией, и одиозный министр обороны будет уволен не за то, что в его армии солдаты умирают с голоду, не за воровство, не за кавказскую катастрофу, а — к выборам.

И несмотря на все это, газеты и ТВ, гайдары и шумейки, лирики, сатирики и народные артисты настаивают: «Выбери Ельцина!»*

Какой же безответственностью, каким цинизмом надо обладать, чтобы в нашей тяжелой ситуации навязывать стране старого, тяжелобольного, часто совершенно неадекватного человека, который в последнее время оживает лишь по торжественным дням при виде молодух в кокошниках. Ведь это точная копия брежневского застоя, когда сама мысль о смене генсека — будь он хоть в параличе — казалась преступной.

Говорят: придут коммунисты — убьют. Возможно. Но и этот режим убьет. Он уже убивает. Не хочется повторять о жертвах в Чечне, о вымирании населения, о ежедневных уличных убий-

* 27 января 1996-го Гайдар заявил, что поддержка Ельцина исключена: «Дальше заниматься этим значило бы обманывать себя. Мы имеем дело не с Ельциным, а с неким набором людей, которые дергают, как марионетку, человека, которого называют Б.Н.Ельцин. Такого человека, как Б.Н.Ельцин, которого мы знали в 1991-м, не существует. Есть находящийся в тяжелом положении, не очень здоровый, манипулируемый человек, за которого принимают решения другие, причем он не понимает последствий того, что он делает».

15 мая 1996-го (всего через три с половиной месяца) съезд партии «Демвыбор России» принял решение об активной поддержке на президентских выборах Б.Н.Ельцина и обязал своих сторонников голосовать за него. С такой программой выступил Егор Гайдар. Эту позицию (этот кульбит) тогда резко осудили многие. Сергей Адамович Ковалев назвал это «поддержкой лжеца и убийцы». Юрий Николаевич Афанасьев — «олицетворением беспринципности». Всё забыто.

ствах, но повторять приходится. Кремлевский режим начал убивать, и после победы на выборах аппетит его только разгорится.

Когда пару лет назад Ельцин очередной раз объявил войну преступности (вспоминать об этом в демократической печати считается неприличным), он одобрительно высказался об узбекском опыте: «Вот расстреляли шесть банд — и наступил порядок». Какой порядок наступил в Узбекистане — мы знаем. Такой и нам наведут, точнее, постараются навести. Результаты этой деятельности мы видим каждый день.

«От пронизательных современников не укрылось, что терпящее стыд общество столь же активно формировало своего императора, сколь он лепил общество по своему образу и подобию», — пишет Лотман в своей книге о Пушкине и в доказательство цитирует письмо декабриста Поджио, обращенное к дворянскому обществу: «Вы приняли скромного бригадного командира в свои объятия, возвели его на престол и своим низкопоклонством, потворствуя закравшимся уже дурным наклонностям, дали им развиться, упрочиться и дали возможность сделать из него того созданного вами Николая, который так долго тяготел над Россией, над вами самими. Николай был, повторяю, вашим творением»*.

Надо ли в письме декабриста заменять Николая на Бориса, а бригадного командира — на секретаря обкома? Потерявшее стыд общество не хочет знать, не хочет помнить николаевских, сталинских, брежневских репрессий, ни царской, ни советской цензуры. Не хочет помнить, чтобы искренне агитировать сограждан за Ельцина.

Зюганов и Ельцин — сладкая парочка

27 апреля десятков центральных газет как по команде опубликовали пространное заявление крупнейших финансистов под призывным названием «Выйти из тупика». Бизнесмены пожелали, чтобы Ельцин и Зюганов помирились «во избежание гражданской войны».

* К Путину это относится в тысячу раз больше.

Намерение благое. Но мы хорошо знаем, куда благими намерениями вымощен путь. А посему — прежде чем наивно восклинуть «блаженны миротворцы!» — стоит разобраться: что именно написано в «Заявлении» и почему.

Желание победить коммунистов и при этом самим остаться у власти привело к стратегической ошибке: Кремль стал с ненавистью смотреть на всех, кто может отнять у него антикоммунистические голоса. Во враги Ельцина, таким образом, попали все, кто против Зюганова.

Всеми средствами (и с большим успехом) гражданам России стали внушать, что кандидатов только двое: Ельцин и Зюганов. Всеми средствами и изо всех сил от людей стали требовать, чтобы они «определились сегодня». И многие в это поверили.

«Выбери сегодня! И выбери из двух!» — кричали нам четыре месяца подряд, не понимая, что толкают страну к смуте.

И вот, когда страну привели к чреватому войной расколу, объединенные Чубайсом финансовые магнаты спохватились. Они всё делали, чтобы победить Зюганова, во избежание национализации. И вдруг обнаружили, что победа Ельцина не менее опасна, ибо побежденные вполне способны устроить кое-что похуже национализации.

Вот как начинается заявление магнатов:

«Общество расколото. Этот раскол катастрофически нарастает с каждым днем. И трещина, разделяющая нас на красных и белых, своих и чужих, проходит через сердце России».

А кем расколото? Не вами ли? Разве не вы решили, что «шансы есть только у Бена»? Разве не вы вместе с Чубайсом стали делать всё, чтобы всех, кого только можно, сплотить вокруг Бена? Не говорю о бесхребетных, раболепных шумейках (недавно на очередной агиттусовке он увлекся: «Не только мы, но и наши дети и внуки будут жить при Ельцине!»).

Сплачивая всё вокруг Ельцина — заставили сплотиться и ту сторону. Кто поверит, что Руцкой (победитель ГКЧП, летавший освобождать Горби и пленять Крючкова) идейно лег под Зюганова. Видя, как Ельцин идет ва-банк, все тулеевы, романовы, анпиловы спрятали свои амбиции и легли под Зюгано-

ва: главное — выиграть у Ельцина, сменить режим, а там разберемся.

У тех Доронина — у этих Волчек, у тех Махмуд Эсамбаев — у этих Джуна, там Губенко — тут Михалков... Сделав свой выбор, они хотят и себя, и нас убедить, что это по принципу, по совести. И значит, любой, кто не сделал так же, — враг. Ибо его неучастие раздражает: ишь! чистеньким хочет остаться. А ведь это естественное желание.

В заявлении магнатов говорится: «Накаленность предвыборной борьбы побуждает противоборствующих политиков к тому, чтобы одним ударом разрубить узел проблем. Силы, стоящие за спиной политиков, ждут своего часа. Они выйдут на следующий день после победы любой из сторон. Это произойдет с роковой неизбежностью вопреки воле отдельных личностей. Ибо после июньского голосования фактически от лица меньшинства, каким бы оно ни было — красным или белым, — будет получен мандат на реализацию правил жизни, категорически отвергаемых огромной частью общества».

Будь это заявлением какой-нибудь нейтральной организации — скажем, церкви или Союза музыкантов, — сенсации не случилось бы. Но это заявление сторонников Ельцина! От них мы привыкли слышать о темных силах, стоящих за Зюгановым (Анпилов, Стерлигов, Макашов и другие воинствующие экстремисты). Тут — впервые — сказано иное: «Силы, стоящие за спиной политиков, ждут своего часа. Они выйдут на следующий день после победы *любой* из сторон».

В переводе с языка экивоков — это прямое признание, что и за Ельциным стоят «силы, ждущие своего часа». Что и они готовы «выйти на следующий день», «чтобы одним ударом разрубить...»

Впервые сторонники Ельцина говорят, что его «правила жизни» «категорически отвергает огромная часть общества». Очень смело.

Не разбирая далее все пассажи «Заявления», спросим себя: что будет, если вдруг получится желанный «компромисс»? Что будет, если Зюганов — который сразу же в день публикации поспешно заявил, что готов встречаться с подписавшими заявление банкирами, — помирится с Ельциным? Чиновники будут

оченно довольны-с, это ясно. А люди? Что скажут избиратели Зюганова? Что скажут избиратели Ельцина, который всю свою агитацию построил на борьбе с коммунистами? Не обалдеют ли от такого «компромисса»? Не покажется ли им, что их предали?

Что скажут граждане России?

Ведь всем нам — и красным, и белым, — внушали: оба кандидата плохи. Но что, мол, поделаешь — придется выбирать меньшее зло. Гайдар, агитируя за Ельцина, называет его меньшим злом. Анпилов, идя под Зюганова, тоже выбирает «меньшее зло».

Одинокие голоса (вроде автора этих строк) напрасно призывают граждан бросить дурную привычку выбирать зло и — хотя бы ради разнообразия — впервые выбрать добро.

Нет. Решено. Будем выбирать меньшее зло. При этом, заметьте, никто не спорит с тем, что и Ельцин, и Зюганов — зло. Спорят только: кто — меньшее.

Но, оказывается, нельзя выбрать меньшее зло, ибо большее не уймется и не смирится с таким выбором.

И вот теперь нам, выходит, предложили объединить два зла. И за это объединенное зло, за этого тyani-толкая проголосовать — как в старое доброе время: за нерушимый блок коммунистов и беспартийных — с туркменским результатом 99,9%.

Заявление, подписанное финансистами, кончается гордыми словами: «Те, кто посягает на российскую государственность, ставя на идеологический реваншизм, на социальную конфронтацию, должны понимать, что отечественные предприниматели обладают необходимыми ресурсами и волей для воздействия и на слишком беспринципных, и на слишком бескомпромиссных политиков».

«Заявление» — со всеми грамматическими ошибками — опубликовано разом в «МК», «Известиях», «Сегодня», «Советской России», «Правде», «НГ» и, кажется, в «Дне» («Завтра»). Последний раз подобный газетный хор звучал в день похорон Черненко.

Непримиримая «Советская Россия» вдруг присмирела и сообщила, что на встрече с банкирами «патриотические из-

дания представляли Чикин (“Советская Россия”), Ильин (“Правда”), Проханов (“Завтра”), Ряшин (“Правда-5”), Харламов (“Сельская жизнь”)». И почтительно поведала: «*Редакторы внимательно выслушали банкиров... Редакторы с пониманием отнеслись... Редакторы патриотических газет согласились...*»

— Павлины, говоришь? — насмешливо спрашивает товарищ Сухов.

— С пониманием, говоришь? — спрашиваем мы патриотических редакторов. Как не понять. Помнится, еще в школе читали мы про банкира, его ресурсы и волю.

Что не подвластно мне? как некий демон
 Отселе править миром я могу;
 Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
 В великолепные мои сады
 Сбегутся нимфы резвою толпою;
 И музы дань свою мне принесут,
 И вольный гений мне поработится,
 И добродетель, и бессонный труд
 Смиренно будут ждать моей награды.
 Я свистну, и ко мне послушно, робко
 Вползет окровавленное злодейство.
 И руку будет мне лизать, и в очи
 Смотреть, в них знак моей читая воли.

Читаем мы эти знаки, как не читать! Во всех газетах читаем.

Согласитесь: никто и никогда не напишет портрет «нового русского» грубее, чем Пушкин: и чертоги возводятся, и резвые нимфы сбегаются, и киллеры вползают, и лижут руку, и в глазах читают, кого убить, — даже произносить не надо.

...Всякий компромисс, говорят нам, лучше, чем война.

И мы послушно киваем: мол, хоть и противно, но правда.

Нет, не правда. Есть опасные компромиссы.

После того как Лукашенко высказал почтение к гитлеровскому опыту, мы подписали с ним союз. Это компромисс. Нам кажется, будто этим союзом мы утерли нос НАТО, Англии, Франции...

Ельцин

В 1939 году Сталин подписал миролюбивый компромисс с Гитлером. Нам казалось, что этим союзом мы утерли нос буржуям Англии, Франции... Цену этого компромисса мы узнали в 1941-м.

P.S. Написал в конце апреля-96. Месяц лежала в «МК», неделю в «Общей газете»... Повлиять на исход выборов не обольщался, но важно было напечатать ДО, а не махать кулаками после драки. Текст взяли в «Новой газете», опубликовали за неделю до первого тура. С тех пор и до 2000-го печатался там.

17 июня 1996, «Новая газета»

СУМЕРКИ СВОБОДЫ

Как демократическая пресса потеряла лицо

Завтра (материал написан 15.06.96, накануне I тура. — *Ред.*) выборы президента России. Ничего изменить уже нельзя. Исход известен (да и прежде был известен) — президентом останется Ельцин.

А поскольку исход предрешен, эти заметки не есть агитация, или контрагитация, или — Боже упаси — обличение. Это ближе к дневнику, чем к публицистике.

Следует зафиксировать на бумаге «текущий момент», чтобы после — в ответ на восклицания: «Я же говорил!» — не слышать иронический вопрос: «Кому?».

Когда этот номер уйдет в типографию, все бюллетени уже будут в урнах, и бессонный Рябов (Центризберком) начнет, как удав, неотвратно и медленно заглатывать и переваривать народное волеизъявление (изображая объективность и честность — вопреки всему, что мы о нем знаем) и столь же медленно станет выдавливать из себя результаты...

Четкое ощущение, что исход предрешен, возникло в марте, в тот день, когда Ельцин огласил имена своих штабных: Черномырдин, Сосковец, Барсуков (ФСБ), Малашенко (НТВ)...

Премьер и вице-премьеры должны бы заниматься делами государства, а не выборами одного из кандидатов.

Если в штабе кандидата трудится шеф тайной полиции, то это значит: а) остальные кандидаты суть диссиденты, а то

и враги народа; б) все планы этих врагов известны, контролируются, открыты для подрывной работы.

Если в штаб Ельцина включают руководителя НТВ («Независимое ТВ»), а руководители ОРТ и РТР и без того являются прямыми назначенцами президента — то можно представить, какое тотальное промывание мозгов ждет нацию, дабы она «сделала правильный выбор».

На сей счет я написал маленькую заметку. А в конце предположил, что последним членом этого штаба станет, очевидно, начальник ЦИКи тов. Рябов, который должен будет правильно подсчитать результаты усилий остальных членов.

Заметку в известной газете не взяли по причине, как мне было сказано, «несоответствия линии редакции». А я и не знал, что опять — как в прежнее время — прочерчена верная линия и я ей опять не соответствую.

Через десять лет после начала гласности жизнь повернула обратно.

В 1987-м с каждым днем можно было все больше. В 1996-м — всё меньше.

Тогда, после полного удушья, даже маленький глоток свободы был счастьем. Сейчас, после полной свободы, даже маленький запрет ощущается как удавка.

Невольно вспоминаешь знаменитые чужие книги — «Окаянные дни» Бунина, «Несвоевременные мысли» Горького — и куда лучше понимаешь Цветаеву, Набокова... Если о ком из них и упоминал мой школьный учебник литературы, то с непременным осуждающим презрением: «Имярек не принял Октябрьскую революцию». Ну не принял. Что ж делать, ежели не все могут выпить рвотное, что делать, ежели не принимает душа?

Неотступно вертится в мозгу строчка Некрасова:

Бывали хуже времена, но не было подлей.

«Почему не пишешь? — спрашивает знакомый редактор. — Пиши что хочешь, только Ельцина не трогай». Понятно. Дыши чем хочешь, кроме воздуха.

Как писать о Чеченской войне, не трогая Ельцина? Как писать об экономике, состоящей теперь не из производства, а из президентских многомиллиардных подарков и многотриллионных обещаний? Как писать о выборах, не трогая главного кандидата? Как ругать Зюганова за Сталина, если нельзя ругать Ельцина за Ельцина?

Я ненавидел коммунистов. Не рядовых, конечно, не рабочего и колхозницу, а всех этих полумертвых членов ЦК и Политбюро, которые душили, убивали, развращали, лгали непрерывно и всех заставляли лгать. Но логику «линии» — если не хочешь коммунистов, голосуй за Ельцина, — душа не принимает.

С невероятной скоростью демократические СМИ потеряли лицо. Если бы взять июньские номера газет и на машине времени отвезти в январь-96 (всего на полгода назад), их родные редакции не поверили бы глазам, сказали бы: бред! такого не может быть никогда!

Увы, может.

За каких-нибудь три месяца мы догнали Северную Корею времен Ким Ир Сена. Даже в эпоху брежневского маразма журнал «Корея» вызывал оторопь и смех безумным восхвалением Великого Вождя. И вдруг оказалось, что мы *свободно* можем и сами. Вот она — «свобода как осознанная необходимость».

Я ничего специально не собирал для этой заметки. Что попадалось на глаза — то и откладывал.

29 мая, «МК», «ЛУЧШАЯ ОПЕРАЦИЯ ЧЕЧЕНСКОЙ ВОЙНЫ»: «Сама операция — визит президента в Чечню — была проведена просто безупречно. В традициях всех кавказских войн в Москве были оставлены заложники. А лучшего гаранта президентской безопасности в Чечне, чем Зелимхан Яндарбиев, участвующий в переговорах с Кремлем, придумать было просто невозможно».

Да какой же из Яндарбиева гарант безопасности Ельцина? Их вес несоизмерим. А кроме того, если бы Ельцина убили в Чечне, что мы смогли бы сделать с Яндарбиевым? Расстрелять? Убить одних чеченцев за теракт, совершенный другими? Большое утешение. И как можно восхищаться президентом России, который, как гангстер, берет заложников?

«Не может не восхитить молниеносность и неожиданность организации визита». Неожиданность? Да целый месяц только о том и говорили, нагнетая опасность устами силовых министров, чтобы ярче заблестала храбрость президента.

«Такого гениально исполненного хода Ельцин не совершал за все четыре года президентства»*. Это искренний восторг. Искренность такая давно описана Шварцем в «Драконе».

29 мая, «Известия»: «Ельцин в Чечне — событие, превзошедшее все мыслимые сроки и ожидания... Силуэт августовского танка с фигурой президента России на боевой броне вновь вдвинулся в столпотворение российской политики... Эта личная ельцинская победа видится сегодня как общая победа тех, кто в августе 1991 года связал с президентом России свои ожидания и надежды».

Совестно комментировать.

Полтора десятка главных редакторов публично назвали «поступком месяца» визит Ельцина в Чечню.

Братцы, а ведь он там не был. Зачем обсуждать храбрость визита, и др., и пр., когда Ельцин в Чечне не был? Уничтоженный Грозный не видел. Трупов не видел. Сирот не утешал.

Я готов поверить, что он летал в ту сторону, но ТВ показало его на лужайке в густой траве — там никогда не было войны. Говорят, он пятнадцать минут был в аэропорту Северный. Готов поверить. Но вообразите себе американца, который прилетел в Шереметьево-2, ущипнул буфетчицу, заглянул в *duty free* и улетел обратно и стал у себя в Штатах рассказывать, что он был в России, познал ее и что там все *o'key*.

Подлая война не кончилась ни к 9 мая 1995-го, ни 1 апреля 1996-го, ни 1 июня... Уже президент России сел за стол с дудаевцами (с «бандитами!»), уже отдан приказ выводить войска — поражение де-факто признано. Сто тысяч погибли ни за что. А трубят победу, восхваляют мудрость. Объявляют мир. Но минуют выборы — и война начнется снова**. Слишком выгодно.

30 мая, «Известия»: «Тот, кто вчитается в тексты президентских выступлений, вслушивается в самую ритмику его речей, обра-

* Будберг.

** Началась на следующий день после второго тура.

тит внимание на их энергичность, напор, уверенность... Словно у вошедшего в эпос песенного героя, у президента открылось “второе дыхание”. Атакующий Ельцин по каким-то мистическим причинам становится неуязвимым и непобедимым».

Я раз десять перечитал. Сама ритмика!.. эпос!.. песенный герой!.. мистические причины!.. непобедимый и неуязвимый!.. «Корея» о Ким Ир Сене? Нет, «Известия» — о Ельцине.

Здесь же Великая Третья Истерия борьбы с внутренним врагом. (Первая — 1937-й, вторая — 1949—1952-й, третья — сегодня.) Статьи о Зюганове не отличаются от статей об иудушке Троцком, о врачах-убийцах. Пишут «раздавите проклятую гадину», не замечая, что цитируют Вышинского. И карикатуры те же: жуткая ползучая тварь, дракон, выползший из подшивок «Правды» 1937-го в демократические газеты 1996-го.

Шапка на первой полосе «Известий» 21 мая: «Агитировать за Ельцина, оказывается, небезопасно». Взволнованный материал об агитаторах-героях: в уссурийском «Центре гражданских инициатив в поддержку Ельцина» обнаружили бомбу. «Прибыли саперы. Они обнаружили на чердаке трехэтажного кирпичного дома самодельное взрывное устройство и пульт управления, работающие от двух “пальчиковых” батареек с двумя регуляторами. Пульт находился, считают специалисты, в рабочем состоянии. Весь район был оцеплен милицией, жильцы близлежащих домов эвакуированы. Саперы после этого отсоединили источник питания от взрывчатого вещества и обезвредили устройство. Внутри него был обнаружен порошок, похожий на взрывчатку. Милиция и Федеральная служба безопасности проводят расследование террористического акта».

«Известия» добавляют: «Да, для того, чтобы в сегодняшней российской провинции агитировать за любого другого кандидата в президенты, кроме Геннадия Зюганова, нужно обладать недюжинным мужеством. Особенно нелегко приходится доверенным лицам Бориса Ельцина, которые, действуя, по сути, в одиночку, на свой страх и риск...»

Оказывается, чтобы агитировать за Ельцина, надо иметь недюжинное мужество. В одиночку!.. на свой страх и риск! Простите, это о ком? О доверенных лицах президента России или о подвигах советских разведчиков в гитлеровском тылу?

К счастью, в тот же вечер ТВ успокоило: «Представители штаба гражданской обороны г. Уссурийска опровергли сообщение, что в местной штаб-квартире поддержки Ельцина была обнаружена самодельная бомба. На самом деле в здании был найден прибор аварийного питания для надувного спасательного плота, взорваться который никак не мог».

Зачем оцепляли жильцов, что обезвредили саперы — теперь не узнаем. Прокол. Бывает. Спасибо, не сообщили о жертвах взрыва надувного плота.

...В Кремле принимают главных редакторов. Один из них — знаменитый, миллионнотиражный — с дрожью в голосе признается коллегам и своему президенту: «Если вечером по ТВ я слышу, что рейтинг Ельцина поднялся, ложусь спать счастливым! Если нет — не могу уснуть!»

В «Обыкновенном чуде» Шварца министр говорит королю: «Ваше величество! Я вам грубо, по-стариковски, должен сказать: Вы — гений!»

Обозреватель РТР Сванидзе говорит в интервью «Таймс»: «Я никоим образом не смущен тем, что мы делаем. Мы координируемся с аппаратом Ельцина и при съемках обязательно используем хорошие ракурсы, показывая президента. Мне бы хотелось показать его пьяным, но не сейчас. С честностью придется подождать».

Если перевод верен — это Шекспир. Только он мог изобразить девицу легкого поведения, которая пустилась во вся тяжкие и при этом говорит, что сперва надо заработать, а уж потом стать девственницей.

...Ельцин в Уфе. Малявки октябрятского возраста читают ему стихи (как читали Сталину, Брежневу, Рашидову). Но что произносят ангельские голоса? Рифмы, увы, не запомнил, но за смысл ручаюсь: если ты прибавишь бабушке пенсию, а папе — зарплату, мы убедим всех родственников голосовать за тебя, дедушка Боря!

Когда несмышленные дети по очереди читают вождю строчки рифмованного политприветствия, это само по себе позор. Это организация детской проституции. Но закладывать в детские души убеждение, что гражданский долг продается за прибавку жалования... И показывать это на всю страну, на весь мир...

Выбери за деньги. Не удивляйтесь потом, когда увидите, что вырастет из этих крошек.

1 мая Ельцин под дождем выступал на митинге, покупал мастрешек за полцены... На клочке бумаги я записал: «1 мая Ленин, несмотря на дождь, посетил Ельцинские горы». Эта дурацкая фраза возникла из мысли, что Воробьевы горы можно переименовать еще раз, и из припомнившейся умопомрачительной статьи все того же журнала «Корея» о том, как *«Великий Вождь товарищ Ким Ир Сен съездил на фронт, несмотря на дождь»*.

Читаю газеты, узнаю «Корею», но буквальных совпадений, конечно, не жду. И вдруг — подарок судьбы — газета «Сегодня»* 14 июня (последний агитдень): *«Борис Ельцин под кратким ливнем (без зонта) возложил венок к монументу героев»*.

Без зонта! Я почти уверен, что автор этого репортажа не читала про Ким Ир Сена, который «несмотря на дождь». Это не плагиат, это позиция совпала. Эти позиции — они ведь общие у всех народов.

Скажут, что в «Сегодня» — это ирония. Верю, верю. Это такое искусство, когда вождю приятно, а друзьям можно гордо и весело сказать: видали, какую фигу в кармане я показала отцу народов!

По безудержному размаху финал президентской кампании получился совершенно шекспировским. Страсти, взрывы, овладевшие политэкономией младенцы, эстрадные звезды, чьи концерты «совпадают» с разъездами Ельцина. И венец всему — вдова Дудаева, призывающая голосовать за Ельцина.

* Газета Гусинского. В его империю входили «НТВ», «Сегодня», «Итоги», «Эхо Москвы», «7 дней» (телегид). В империю Березовского — Первый канал, «Коммерсантъ», «Независимая». Практически все, кто сегодня на экране, на радио и в газетах, были солдатами этих империй: то воевали друг с другом (как Доренко с Киселевым), то сливались душою (ради выборов Ельцина в 1996-м, ради «Связь-инвеста» в 1997-м). А потом один поставил на Путина, другой — на Лужкова, и погубили страну. Вместе они могли сделать президентом кого угодно. Могли организовать выбор добра. Но каждый агитировал за «меньшее зло», а оно у них было разное.

Это наша жизнь опять цитирует Шекспира. Ричарду III требуется около пяти минут, чтобы соблазнить женщину, у которой он только что убил мужа и отца. Она даже замуж выходит за этого убийцу. Шекспир сцену знает, эффектами владеет. Публика в восторге.

Диктор ТВ-новостей торжественно сообщает: *«Президент появился на стадионе — и тучи рассеялись.»** Но, конечно, не все так откровенно подчиняют стихии неуязвимому и непобедимому вождю. Есть специалисты, умеющие действовать гораздо тоньше.

11 июня Бурлацкий (сочинявший речи еще Леониду Ильичу) печатает в «НГ» статью «И все-таки Ельцин» с подзаголовком «Мириться лучше со знакомым злом...».

«Мы увидели молодого Ельцина, который думает о нуждах десятков миллионов обездоленных гайдаровщиной людей». Так изящно Бурлацкий освобождает Ельцина от ответственности за «гайдаровщину», за войну...

Вот финал его статьи: «Итак, все-таки Ельцин? Да. Помните у Гамлета? Мириться лучше со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремиться. Но не только в этом дело. Ельцин в период избирательной кампании показал себя государственным человеком. Он болеет за Россию. Он еще не исчерпал себя».

Это все — на ту же тему: выбери меньшее зло. Аргументы чрезвычайно слабые. Болеет за Россию? Пусть болеет — это не профессия. Не исчерпал себя? Мы рады за Ельцина, но нам-то что от этого. Показал во время избирательной кампании — значит, занимался показухой.

Единственное удачное (ударное) место — это цитата. *«Мириться лучше со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремиться»*. Сию мудрость Бурлацкий в подзаголовок вынес и ею же финал увенчал.

Понятно желание подкрепить свою позицию высоким авторитетом Гамлета (читай: Шекспира).

Имея огромный жизненный опыт, имея невероятный опыт хитроумного цитирования, Бурлацкий рассчитывает, что его читатель не помнит пьесу.

* Это было произнесено с экрана, поверьте.

Гамлет, по сути, говорит прямо обратное. Гамлету бурлацкая позиция ненавистна. В знаменитом монологе «Быть или не быть» Гамлет не выбирает меньшее зло, а размышляет о том, что удерживает человека в мучительной позорной жизни.

Мириться лучше со знакомым злом,
Чем бегством к незнакомому стремиться!

Гамлет издевается над позицией обывателя и отвергает ее:

Так всех нас в трусов превращает мысль,
И вянет, как цветок, решимость наша
В бесплодь умственного тупика.

То, что для Бурлацкого мудрость, — для Гамлета трусость, умственное бесплодь.

«Вечерняя Москва» выходит под шапкой «МЫ ВСЕ — ЗА ЕЛЬЦИНА!». Читаю и думаю: ужели все? Откуда такое единогласие у журналистов, вахтеров, бухгалтеров?

«Московский комсомолец» выходит под шапкой «МЫ ИДЕМ ГОЛОСОВАТЬ ЗА ЕЛЬЦИНА!». Тут и думать нечего — меня не спросили. Меня просто записали в это «мы». А у читателей такое впечатление, что все слились в едином порыве.

Человек один. Если его газета внушает ему, что все умные, честные и порядочные люди — за Ельцина, то, выходит, у него, у читателя, ни ума, ни чести, если он — против. Трудно чувствовать себя отщепенцем. Против воли тянет присоединиться к большинству. И все же многие сопротивляются гипнозу, пишут в редакции гневные письма о продажности и предательстве.

Знаю, какие письма идут в «Известия», в «Вечерку», ибо сам получаю такие в «МК».

Нет, журналисты вовсе не так едины, как о том кричат шапки их газет. В «Комсомолке» провели тайное голосование среди сотрудников: 30% — за Явлинского, 10% — за Ельцина, 5% — за Зюганова. Но это никак не проявляется в публикуемых материалах — там за Ельцина 100%.

«Вот пусть победит Ельцин, а потом мы будем его критиковать!» — говорят руководители газет, повторяя мечту Сванидзе о девственности. Увы, никакого «потом» не будет.

Попытки сделать Ельцина Великим Вождем начались не вчера.

«Статусная роль Президента определяется глубинной этнической памятью народа... Президент для народа — это ВОЖДЬ, ЗАЩИТНИК И ГЕРОЙ... Подсознательное доверие к Президенту присутствует в людях и сейчас, определено архетипом русского человека... ЕГО язык, общение, стиль, голос... люди сами оставят ЕГО у власти — простив, поняв и признав».

Это — из газеты «Президент» (август, 1995). Главное в материале, занявшем всю первую полосу «Президента», — это написание местоимений Ельцина прописными буквами.

Даже в Библии в местоимениях Бога только первая буква пишется прописной («Ему», «Он», «Его»). Для чиновников Ельцин — выше Бога. Это их искренняя позиция, ибо Ельцин для них — и Создатель, и Владыка живота.

Чем оглушительнее хор — тем заметнее одинокий голос человека. Юлий Ким в «Общей газете» (№ 21, 1996) публикует заметку «Опять стало стыдно жить». Он пишет, что опять стало стыдно жить, как при Брежневе.

Клеймить фашистов очень легко. Говорить правду в лицо своим — страшно трудно.

Когда апостол Петр клялся Христу в любви и верности, тот сказал: прежде чем пропоет петух, ты трижды отречешься от меня. Так и вышло.

Когда на советскую землю с небес спустилась Свобода, самыми любимыми и верными ее учениками стали журналисты. Но жареный петух еще не клюнул, как случилось то самое отречение, которое называется предательством.

2 сентября 1996, «Новая газета»

КАРАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ЗАКОНЧЕНА

Ждите нас дома

Итак, мир подписан, статус отложен, войска уходят. Разрушено ... сел, ... городов. Убиты ... тысяч жителей. Погибли ... солдат и офицеров.

Цифры уточняются. Места захоронений неизвестны.

Безымянные могилы, непохороненные кости в смоленских и вяземских лесах в момент катастрофы 1941 года — это понятно.

Безымянные могилы 1995 года нечем объяснить. И нет смысла объяснять — мы не поймем.

И какая разница для нас, воровство это или глупость...

Но как мать убитого солдата смирится с тем, что ее мальчик погиб за чье-то воровство и глупость? Пусть уж она верит, что сынок погиб за Родину.

И безногий (безрукий, безглазый), вернувшись калекой из России в Россию, пусть верит (если сможет себя обмануть), что он — инвалид войны, а не инвалид карательной экспедиции.

В 1945-м калека бряцал орденами, зная, что он победил армию Гитлера, победил фашизм.

В 1996-м калека вернется, зная, что его победили чечены (чурки, чеши, духи), которых он и за людей не считал.

Сколько придется пить, чтобы, несмотря ни на что, считать себя героем? И что они, эти герои, будут творить дома?

Лебедь подписал мир. Но очень скоро мы это забудем. Скоро нам внушат совсем иную формулировку: Лебедь подписал капитуляцию.

Дудаевский режим не уничтожен, незаконные вооруженные бандформирования не разоружены, конституционный порядок не восстановлен. И «отложенный статус» — тщетная попытка сохранить лицо. Мы проиграли.

Из правящей чеченской верхушки убит только Дудаев. Остальные живы. Живы Масхадов, Имаев, Удугов, Яндарбиев, живы Шамиль Басаев и Салман Радуев. А тем временем погибли около ста тысяч человек. Значит: один на сто тысяч. Вот — точечность удара.

Вывод войск. Куда? Домой, конечно.

Сколько их, пропущенных через Чечню?

Пьяные, обозленные, униженные (проиграли войну чуркам), они вернуться с неутоленной ненавистью, страдая покалеченной душой, уверенные, что только злые силы помешали им победить. Именно таких немцев, сломленных поражением, Гитлер поднял с коленей и бросил на Европу.

(Все последние годы нас, журналистов, обвиняли, что мы «мараем армию». А мы отбивались: мол, мы ругаем министра, плохих генералов, саму же армию не трогаем — она хорошая. Напрасная лесть. Армия гнилая насквозь. А кто не верит — пусть бы поглядел, как из Грозного на БТРах вывозят шифоньеры.)

Сто пятьдесят миллионов проиграли одному миллиону. Авиация, артиллерия, ракеты проиграли автомату с гранатометом.

...Они вернуться, зная, что убивали гражданских, продавали оружие врагу, мародерствовали. Их легко сполчили и развратили.

Их научили убивать людей, говорящих по-русски.

Американцам было легко убивать вьетнамцев — макаки. Их пытаешь, а они лопочут и визжат не пойми чего.

И нашим было легко убивать афганцев — чурки.

Тот, кто издает непонятные звуки, — не человек, животное.

В Чечне убивали тех, кто молит о пощаде по-русски. По-русски кричит: «Мальчики, не надо!»

Армия не потерпела поражения.

Та часть Советской армии, которую представляли генерал Дудаев и полковник Масхадов, показала себя очень хорошо.

Эта часть Советской армии доказала, что в боях за Родину она, вооруженная всего лишь автоматами и гранатометами, может бить врага, обладающего танками, пушками, ракетами и полным господством в воздухе.

Но — в боях за Родину.

Другая часть Советской армии была принуждена изображать тяжеловооруженную полицию. Не вышло ничего хорошего. Не вышло хорошей полиции. Армия доказала, что она не может выполнять карательные операции.

Даже у Гитлера для карательных операций были зондеркоманды. Это — другая профессия.

Мы попытались превратить солдат в милиционеров, а сделали уголовниками. Война эта была преступна, и ответственность — конечно, в разной степени — лежит на каждом участнике.

Русским плохо жилось в Чечне в 1970–1980-е годы. Могли оскорбить, могли убить. Русские девушки вечером боялись выйти на улицу.

Ну вот, теперь чеченцы за это наказаны. Нет города Грозного, где они так обижали русских девушек. Да и девушек, и дедушек, и бабушек там тоже почти нет. Погибли. (Возможно, установив мир, создадут какую-нибудь комиссию, которая подсчитает число погибших жителей, поделит их по национальному признаку, и тогда мы узнаем, сколько русских погибло, пока русская армия полтора года целилась в Дудаева.)

Русская армия не победила, но поражение Чечне нанесла. Чечня разрушена. Будь она иностранным государством, мы бы сказали, что она уничтожена.

Чеченцы наказаны за плохое отношение к русским. А до этого чеченцы наказывали русских. А до этого их наказали русские, поголовно депортировав в ссылку. Половина — вымерла, половина — выжила.

Вот вопрос: кто выживает в лагерях? И во что превращается там человек? Знаем доподлинно: наша зона уродует. Попал по ошибке — вернулся вором, бандитом, подонком. В зоне нет места милосердию. Хороший умирает или становится плохим.

Засадив в лагерь всю нацию, советская власть (мы) подвергла ее перевоспитанию. Сделала уголовной по преимуществу.

(Когда Берия в честь смерти Сталина выпустил уголовников, люди во всех городах страны боялись выйти на улицу. И в Москве в 1953-м могли запросто зарезать за куртку, за «не дал закурить». Значит, дело не в нации, а в зоне.)

Но тот, кто отправляет в ссылку грудных детей, — тоже, безусловно, уголовник, независимо, отдает ли приказы или «все-го лишь» исполняет их.

И нечего удивляться, что русским стало плохо в Грозном, когда туда (домой!) вернулись из ссылки чеченцы.

Депортация 1944 года аукнулась в 1994-м.

Впереди опять пятьдесят лет мучительной расплаты за жестокость и глупость.

В предгорьях Кавказа еще пятьдесят лет женщины в черном будут показывать рукой на север со словами: «Это они убили твоего отца».

А в Новосибирске, Нижнем Новгороде, Саратове, Москве — всюду, куда из Чечни шел «груз 200», — забудут кремлевских негодяев и станут показывать на юг, и ненависть, от которой нет лекарств, снова и снова...

16 сентября 1996, «Новая газета»

МЕМОАРЫ ЕЛЬЦИНА

Все нормальные люди (не изверги) хотят, чтобы Ельцин хорошо перенес операцию. Но не все хотят, чтобы он был президентом.

Некоторые — независимо от того, состоят ли они где-либо на учете или уклонились от него, — хотят какого-нибудь Анпилова или Брынцалова. Таких некоторых мало, и мы их в расчет не берем.

Другие — которые почему-то считаются нормальными — хотят Черномырдина или Чубайса. Эти другие сейчас интенсивно разрабатывают сценарии, прикидывают, интригуют...

Вполне возможно, что после операции врачи предпишут Ельцину полный покой. И он окажется в почетной изоляции — в Барвихе ли, в Завидове или каких-нибудь Горках Ельцинских.

Ленин провел в Горках два года. Формально сохраняя власть, он ничего уже не мог и ничего не знал. Специально для него издавали в одном экземпляре «Правду»; и в этой действительно ленинской «Правде» — были тишь да гладь, молочные реки, кисельные берега.

Изредка, когда сознание и речь отчасти возвращались к вождю, он диктовал статьи, письма к съезду, инструкции товарищам по партии.

Но генеральный секретарь товарищ Сталин (а генеральный секретарь тогда был вовсе не руководитель страны, но всего лишь *руководитель аппарата*) — Сталин все эти ленинские записочки, посмеиваясь, прятал.

Через сорок лет мы читали и ужасались: оказывается, больной Ильич почти все понимал. Понимал, что Троцкий, Сталин, вся ленинская команда (тогда говорили «гвардия») никуда не годятся, что социализм построили не так и что надо немедленно реорганизовать Рабкрин.

Со Сталиным проще. Он сам себя изолировал и ничего крамольного не писал. А вот Хрущев... Его свергли, заперли в дачное место, но там он тайком надиктовал мемуары и переправил их за границу — то есть совершил то, за что сам же сажал.

И опять в мемуарах нашего очередного вождя: этот — дурак, этот — лакей, здесь перегнули, там ошиблись...

И ведь правда. Единственное, что история ставит Хрущеву в заслугу, — разоблачение культа личности, освобождение политзаключенных...

Если Ельцин надиктует *честные* мемуары, мы увидим их очень не скоро или не увидим никогда. Ибо они затронут таких людей и такие интересы...

Что он расскажет?

Получил великую власть.

А что великого совершил?

Великого хорошего — ничего. Великого плохого — немало.

Чеченская война. Мы разбили себе морду в кровь. Мир наконец заключен. Для политиков — это мир ленинского типа, «похабный», унижительный Брестский мир. Для людей — счастье. Но неизбежен вопрос прокуратуры: зачем убиты сто тысяч человек?

Провал реформ. Катастрофический спад производства, умирание науки и образования. Сотни тысяч самых здоровых мужчин ушли в охранники. Сотни тысяч (если не миллионы) самых здоровых и предприимчивых мужчин и женщин стали членами: вывозят валюту, инвестируют ее в китайские фабрики и привозят ширпотреб. А почему не наоборот?

Моральный крах. Люди в 1991-м верили в демократию, в справедливость, в поворот (пусть нелегкий) к счастливой жизни, в то, что нашлась дорога к Храму. Верили в конец лжи. Слово «покаяние» целый год было в моде.

Тогда казалось, в компартии остались трое: Лигачев, Полозков, Нина Андреева. Рейтинг КП был мизерным... И вот: за коммунистов голосуют двадцать пять миллионов — в полтора раза больше, чем было членов КПСС в СССР.

Это судьба. Нелепо возлагать всю ответственность за исторический процесс на одного человека. Но в глазах людей президент отвечает за все.

В 1991-м Ельцин один набрал больше, чем все остальные: Макашов, Рыжков, Бакатин, Жириновский. (Партия по неопытности наделала слишком много кандидатов, раздробила собственный электорат.)

В 1991-м Ельцин добыл не только великую власть. (Да и не добыл. Свалилась.) В его руках был энтузиазм десятков миллионов — исторический счастливый случай. А на что потратил?

Власть сохранена. Энтузиазм уничтожен.

Его дважды избрали президентом. И оба раза — вопреки. Первый раз — вопреки Горбачеву. После десятилетий рабства люди впервые получили возможность сказать власти (Горбачеву): «А вот хрен тебе!» И избрали Ельцина. Второй раз его избрали против Зюганова.

Не идея, а жажда власти гнала вверх. Стал президентом. Выше некуда. И он стоял на вершине, балансируя, теряя время и силы, не двигаясь вперед.

У Ельцина никогда не было никакой идеи, никакой программы. Поэтому всякий раз после победы он не знал, что делать.

Власть впадала в проstration, ударялась в загул и гуляла до тех пор, пока не наступала необходимость защищать себя.

Все прворонила эта власть, только себя сохранила.

В 1991-м пользовался идеями демократов. В 1994-м — идеями Жириновского. В 1996-м Зюганов плакал, что Ельцин у него «украл лозунги».

В 1990-м горячо поддержал прибалтийский сепаратизм. Осудил (как имперский отвратительный акт) танки, сделавшие два холостых выстрела в сторону вильнюсского телецентра. Вообще в 1990–1991-м был главным идеологом сепаратизма («бе-

рите суверенитета, сколько можете унести»). И сам в декабре-91 совершил самый масштабный акт сепаратизма в истории. (Отделение Штатов от Англии не идет в сравнение с отделением Украины от России.)

Беловежское уничтожение СССР было совершено — это всем ясно — не для великой цели, не для свободы России (она и так была независимой, другие зависели от нее). Совершилось освобождение республиканских секретарей от генерального секретаря. Каримовы, Ниязовы получили возможность покупать личные «боинги». Ельцин создал личную охрану то ли в двадцать тысяч, то ли в сорок тысяч человек.

Вчуже совестно вспоминать, как Ельцин был главным борцом с привилегиями. Но даже миллионнодолларовые сегодняшние привилегии — пустяк. Главное — другое. Он — не реформатор. Он всегда двигался под давлением обстоятельств, событий и — под давлением интересов ближних. И все зависело от того, кому он доверялся.

В каком-то смысле Ельцин — вечный заложник. Кем он повязан: Коржаковым или Чубайсом — нам-то что? Нас ведь не Коржаков надул ваучерами, и не Барсуков уничтожил сбережения.

Все сподвижники *обогатились*. Все получили корпорации, институты, фонды, центры, дачи. Только крестьян не дарил.

Из этих «ближних» возникает ужасный портрет власти.

Министр обороны, по словам президента, лучший, награжденный стограммовой золотой личной медалью Ельцина (из каких средств?) — был презираем военными и штатскими, прославился позорной кличкой «Мерседес», обещанием покорить Чечню за два часа и циничными словами о мальчиках, умиравших (по его бездарности) с улыбкой на устах.

Премьер Гайдар на прощание наскреб три процента голосов.

Слова «Чубайс» и «ваучер» стали почти ругательствами.

Политический советник президента Станкевич (лжец и взыточник) сбежал за границу.

Вице-премьер Полторанин до сих пор не объяснил, кому и за сколько ушло гигантское здание в Берлине.

Вице-премьер Лобов проходит по делу АУМ Синрикё.

Своего бывшего заместителя по Верховному Совету и своего вице-президента Ельцин обстрелял из танков.

Его вице-президент собирал на соратников компромат чемоданами.

Его генпрокурор стряпал дело против вице-президента. Один — вышел по амнистии, другой — сидит под следствием.

Ерин, Бурбулис, Барсуков, Баранников, Шумейко, Шахрай, Коржаков, Филатов, Ильюшенко, Грачев, Егоров, Рябов, Сосковец, Черномырдин, Хасбулатов, Руцкой — ведь это паноптикум. Ведь невозможно вспомнить ни одного светлого, умного, честного лица.

Точь-в-точь как плакаты с портретами членов Политбюро и кандидатов в члены. Как ни старались художники — на нас мертвыми глазами смотрели гладкие, холеные монстры.

Господи, чем мы занимались! Как долго эти ничтожества, их тупая, жадная, злая возня занимали наши газеты, экраны, умы. Но мы сами, вникая в эту «политику» (за чей счет ездил Полторанин в Японию? какую свиту возил Шумейко в Бразилию? сколько мебели привез Рыбкин из США? сколько водки и сигарет беспощинно провез в Россию Национальный фонд спорта?), — вникая в это, сами стали циничнее, злее. Пошлая мысль «чем я хуже?» тихо усыпляла совесть. Тиражи толстых журналов, уступая бумагу порнографическим «Красной шапочке» и «Мистеру X», упали в тысячу раз (знаменательный показатель). Интеллигенция, возмущаясь экспортом проституток, села за столики спонсоров, не заботясь о происхождении их денег.

Провалил суд над КПСС, поручив обвинение ничтожествам и шутам.

Провалил суд над ГКЧП. Разменял амнистию на прекращение расследования событий октября-93. Дважды — в 1993-м и в 1994-м — назначал и отменял свои выборы.

Позволил охраннику назначать и смещать генпрокуроров, министров, губернаторов.

Подписывал что попало именно потому, что никогда не имел действительно государственного мышления. Отсюда — не только воровство, но и бесконечные провалы в восточной,

в западной, в среднеазиатской, в прибалтийской, в кавказской политике.

При острой умственной недостаточности аппарата — подписывал по две с лишним тысячи указов в год, не имея возможности ни вникнуть, ни даже прочесть.

Людей шокировали его ужасные проговорки. Поволжским немцам предложил поселиться на полигоне, где испытывалось химическое оружие. В светлое Христово Воскресенье поздравил православных с Рождеством.

Но — не кровожаден. Своих врагов никогда не казнил. Напротив, амнистировал, отпускал. А сто тысяч убитых в Чечне для него — абстракция. Он ни разу не участвовал в солдатских похоронах.

И терпелив. Отчаянно ругаемый прессой, ни разу не покушался на свободу слова*. Матерно поносимый на митингах, не запретил их, не отнял политических свобод. А мог.

Секретарь обкома привык отчитываться вверх — перед ЦК КПСС и Политбюро ЦК КПСС.

Стал президентом. Стало не перед кем отчитываться. А вниз они не отчитываются никогда.

Контроль сверху исчез, вера в Божий суд отсутствовала, совесть была разрушена партийной карьерой, строящейся на неизбежной, непрерывной лжи. Став бесконтрольным — стал безответственным.

И друзья — где они? Обкомовский закал — дружить с ровней или с тем, кто выше. Выше уже не было никого (с Богом не выпьешь). Патриарх? Но патриарх рабу Божьему Борису чуть руку не целует. Билл и Гельмут? Они друзья должности, а не человека. Коржаков? Но охранник (как и любой подчиненный) не может быть другом; отношения снизу вверх — это не дружба, а совсем-совсем другое. Полезное, приятное, но другое.

Безусловно, боец.

В марте-91 послал в атаку демократический митинг на войска, введенные Горбачевым в Москву; чудом обошлось без

* Только закрыл несколько газет после ГКЧП и уволил Егора Яковлева, председателя Останкино (теперь «Первый») за показ осетино-ингушского конфликта.

стрельбы. В августе-91 восстал против ГКЧП; чудом обошлось почти без стрельбы.

Но в 91-м Ельцин был атакуемой стороной.

В октябре-93 и в декабре-94 он стал атакующим.

Да, Хасбулатов был плохой, но разве необходимо доводить дело до танков? Да, Дудаев был плохой, но разве необходимо было бомбить города?

Сколько людей убито в борьбе Ельцина с двумя чеченцами?

К сожалению, уголовные дела по 1991 и 1993 годам закрыты, а по Чеченской войне не возбуждены.

Секретарь обкома — профессия. Она включает обязательную ложь, привилегии, отношение к людям как к массе (то есть к материалу, мусору). Поминаю обкомовское прошлое не для укора, но для понимания, *что* сформировало личность.

В городах России сейчас, осенью 1996-го, вдоль магистралей видны плакаты «ПРОГРАММУ ПРЕЗИДЕНТА — В ДЕЙСТВИЕ». Когда Ельцин был моложе, на этих плакатах было написано «РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА — В ЖИЗНЬ»*.

Ленин открыто — в газетах! — приказывал расстрелять. Сталин предпочитал термин «ликвидировать». («Ликвидировать как класс» значило уничтожить с детьми и стариками; по-русски — вырезать.) Ельцин приказал «восстановить конституционный порядок».

Вожди уничтожают явление: поповщину, кулачество, дудаевщину. Люди при этом умирают бессчетно. С тем же успехом Гайдар и Чубайс боролись с инфляцией. Неочевидность последнего утверждения говорит о том, что неочевидное более опасно. Человек генетически научен бежать от огня, голода, но не имеет органа, чувствующего радиацию. Ее не чувствуешь, но она смертельна.

Сотни миллионов долларов были истрачены и несчетное количество лжи было употреблено, чтобы президентом России остался Ельцин.

* Еще через восемь лет повесили «ПЛАН ПУТИНА».

Понятно, что старый Ельцин никуда не годился: война, долги, носовые перегородки, вранье, некомпетентность и таинственные (но всему миру ясные) исчезновения.

Рекламировали поэтому «обновленного» Ельцина. Не понимали, видимо, что новый — это новый, а обновленный — это старый, отстрелированный.

Прошло три месяца правления нового президента. Четверть года! Что сделано? Розданы почетные грамоты, ордена «За заслуги перед Отечеством». А за какие?

Опять голодовки и забастовки. Опять гибель тысяч в Чечне. Специальным указом отменено предвыборных обещаний на тридцать триллионов. Введен и отменен указ о налогах. (Чубайс признал «ошибку» и исправил ее в «интересах простых вкладчиков». Насколько известно, Чубайса никогда не волновали интересы простых вкладчиков, другое дело — банки... Кроме того, для понимания истинной табели о рангах было полезно наблюдать, как начальник канцелярии Чубайс одернул вице-преьера России Лившица.)

...Перестали печатать рейтинги. Может, потому, что рейтинг Ельцина в сентябре — опять как в январе: 6%. Куда делись июньские 40%? Перестали надувать — вот рейтинг и спустил.

И президент у нас старый, и рейтинг у него старый.

Но те, кто навязывал Ельцина стране, теперь должны (обязаны) хвалить его. Хотя бы для того, чтобы маленечко оправдать свои июньские восторги.

За три месяца нашлось лишь три повода для похвал обновленному президенту.

1. Сформировал новое правительство.
2. Выстроил систему противовесов.
3. Сказал правду о своем здоровье.

Отнесемся к президенту как к спортсмену: будем судить только по лучшим результатам.

Сформировал новое правительство.

Сразу скажем: оно ужасно неновое. Тулеев, что ли, новый? Или Лившиц? Или Лобов? Это — не новые, а печально известные.

«ЦИНИЗМ — наглость, бесстыдство, грубое, откровенное пренебрежение нормами общественной морали, нравственности» (Энциклопедический словарь).

ЕльЦИНИЗМ — кремлевская форма цинизма. Цинизм власти безответственной, бесконтрольной и безнаказанной.

Наглость — это еще полбеды. Цинизм ничего не производит. Он холоден, бесплоден, замкнут на себя, мертв.

Цинизм стал в Кремле главным критерием отбора лиц, главным критерием их действий.

С некоторых пор там, наверху, желая похвалить человека, стали одобрительно говорить о нем: «Совсем гнилой!» Значит — беспринципен. Значит — с ним можно иметь дело, можно договариваться. Совсем гнилой никогда не будет поднимать шум, возмущаться, и «цена вопроса» останется в разумных пределах.

Создал систему противовесов.

О ней с гордостью говорят в Кремле. Ее одобрительно описывают в прессе. Видите, гений Ельцина не увядает; смотрите, как безукоризненно он снова выстроил систему противовесов: Чубайс уравнивает Черномырдина, Черномырдин — Лебеда, Лебедь — Лужкова... Стоп! Лебедь малость перевешивает. Добавим Совет обороны, где Лебедь окажется в подчинении у Батурина. Глядишь, дело пойдет не хуже прежнего, когда Сосковец уравнишивал Черномырдина, Коржаков — Филатова, Лужков — Чубайса.

Безумный мир. Вместо того чтобы создавать команду, создают систему противовесов. Говоря по-русски — противоборств. Она не рассчитана на пользу людям и стране. Она рассчитана так, что все свои силы чиновник тратит на укрепление себя и ослабление конкурента. Выходит, создать систему противовесов — значит посадить пауков в банку.

Крылов в самой мягкой форме описал эту систему противовесов так: «Лебедь рвется в облака, рак пятится назад, а щука тянет в воду». И результат: а воз и ныне там.

Где «там» — не сказано, поскольку написано для детей. Еще не сказано, что воз, стоя без движения, гниет на глазах.

Система противовесов — это полный стоп. Тот самый застой, из-за которого мы проиграли Западу. Ельцин — дитя Системы — генетически ее воспроизводит.

Именно система противовесов рождает дикие, глупые указы. Лившиц радостно сообщил, что мы все должны делиться. С кем? С государством? Но оно тратит деньги на войну. С аппаратом? Но они уже и так обстроены трехэтажными особняками, упакованы в «мерседесы», и ни одна собака не отдыхает на Валдае — всем подавай Данию, Испанию, Бермуды.

Делиться по-кремлевски — это продналог. Делятся люди по взаимному согласию. Дележка — вещь хорошая, добровольная. Но Лившиц нас не спрашивал. Он сказал: «Надо делиться» — так всегда говорят рэкетеры. Это их формула.

Противовесы обязательно должны передрасться. Потому что их много, а пирог один.

Полгода назад они объединились не вокруг общей идеи, не вокруг любимого лидера, а — против общей угрозы. Зюганов побежден, общая угроза исчезла. Победителей более ничто не связывает.

Они чужие. Это больше чем враги. Враги могут примириться, а чужой всегда останется чужим. У них нет общих взглядов, общего языка. И даже если они случайно произносят одинаковые слова («славное будущее России», «расцвет экономики») — смысл в них они вкладывают разный.

Система противовесов — система доноительства, интриг и шпионства. Вместо созидательной работы господа противовесы лоббируют интересы платежеспособных структур и копят компромат друг на друга.

Ельцин говорит правду.

Этот факт стал сенсацией. Потому что привыкли к постоянному вранью. Телекомментатор назвал признание Ельцина о предстоящей операции *«увертюрой новой эры кремлевской гласности»*.

Но если не впадать в эйфорию, если сохранять трезвость, если помнить, что там, наверху, правду не говорят никогда, — ельцинская правда окажется весьма сомнительной чистоты.

Вот что он сказал 5 сентября: *«Я хочу, чтобы у нас было общество правды. Не надо скрывать то, что скрывали раньше...»*

Скрывали раньше — это когда? Зачин столь торжественен, эпичен, что все поняли: речь идет о «проклятом прошлом» — о сталинщине, брежневщине. Но сочинители президентских

речей в коллективной редакции запутывают сами себя до невозможности. Если человек говорит, что он хочет, чтоб было, значит, этого нет. Если президент хочет, чтоб было общество правды, — значит, в наличии общество лжи.

«Не надо скрывать» — означает «не надо врать». «Скрывали раньше», то есть вралли раньше. Кто? Президент, мотаясь по стране перед первым туром, показывал в основном два фокуса: обещал деньги и хвастался здоровьем.

Еще он сказал: *«Мне делали диспансеризацию, и во время диспансеризации обнаружили болезнь сердца».*

«Во время диспансеризации обнаружили...» Когда? Накануне? Месяц назад? Год назад?

Настоящая правда выглядела бы так: «Я перед выборами постоянно врал, нахваливая свое отменное здоровье. Я заставлял врать всю команду и подкупленную прессу».

Уже после приступа, после обследования, зная о болезни и операции, он продолжал обманывать всех. 22 августа он в телеинтервью опроверг сведения о болезни, об операции в Швейцарии. «Ходят слухи в отношении моей поездки в Швейцарию. Спасибо средствам массовой информации за такое приглашение. Но я не смогу поехать, так как есть проблемы, которые нужно решать здесь». Выходило: здоровье в порядке, гулять некогда, неустанно забочусь о стране, не могу ее оставить в трудное время.

«Известия» недавно писали, что за три дня до второго тура, 30 июня в полдень, должна была состояться встреча Ельцина с Явлинским. В 15:00 Явлинскому сообщили, что встречи не будет. В Барвихе в это время была паника: президент плох! Планировалась телесъемка, но состояние президента было таково, что операторы не могли снять даже тридцатисекундную картинку.

На фоне мощного сердечно-сосудистого криза у Ельцина был микроинсульт с потерей сознания. Один из чиновников сказал, что страна была на грани хаоса.

Это — подчеркнем — *конец июня*. В Кремле паника, в народе недоумение: президент исчез в разгар борьбы перед вторым туром. А 2 августа, когда вся суматоха давно позади, помощник президента Георгий Сатаров дает интервью (мы выбрали

интервью Сатарова, дабы показать, что новые аппаратчики не уступают старым):

«— Президент хорошо себя сейчас чувствует?»

— Сейчас, конечно, не так, как в мае. Хуже, безусловно. Это видно, это ясно. Но он в прекрасной интеллектуальной и психологической форме. Я бы даже сказал, что я давно его не видел в такой замечательной интеллектуальной форме... Сейчас, после выборов, если у президента что-нибудь серьезное, он бы лежал в ЦКБ, а не в Барвихе. Сейчас он просто в отпуске.

— Он считает себя больным?

— Нет, это же совершенно очевидно! Это ведь не относится к сфере таких тяжелых заболеваний, как сердце или что-то еще такое же, из-за чего кладут в больницу... Но вот когда я говорю про его великолепную интеллектуальную форму, я действительно искренен. Когда мы после выборов к нему пришли всем штабом (он поздравлял нас, мы его поздравляли и так далее), и он делился своими размышлениями: вот, предыдущее президентство, ошибки, кампания, следующее президентство, как надо работать. И все эти его размышления вслух настолько совпадали с тем, о чем мы сами думали, что я был поражен. Нет, интеллектуальная форма у него мощная, конечно».

Сатаров искренне считает себя гигантом большого интеллекта. Если чьи-то размышления совпадают с его собственными, это должно нас поразить: надо же, некто достиг вершин Сатарова, какая мощная интеллектуальная форма!

Ослепленные должностью (помощник орла!), люди даже не замечают, сколь беден сатаровский язык, с каким трудом он изъясняется по-русски.

...Совсем неинтересно, кто и за сколько получил должность в правительстве, или квоту на вывоз, или льготу на ввоз. Не один украдет — так другой.

Но очень интересно: что чувствует «интеллектуал», давая такие интервью? Что он чувствует, когда президент, «говоря правду», разоблачает вранье? Ведь у «интеллектуала» семья, друзья; как он выкручивается перед ними? А перед собой?

2 августа Сатаров восторженно говорит об интеллектуальной мощи президента. А 9 августа на инаугурации президент с трудом читает по телесуфлеру тридцать слов клятвы; выучить не смог.

Кто этот мощный старик? Это гигант мысли! Отец русской демократии! Сатаров даже не замечает, что текстуально (и психологически!) совпадает с наглым профессиональным лжецом, сыном лейтенанта Шмидта. Главное — создать Союз меча и орала, то есть надуть.

Ужасно, но они там все такие. Другие, если и были, — ушли.

Там никто не может говорить правду. Она слишком отвратительна. А они хотят, чтобы мы их любили. Хотят по крайней мере самим себе нравиться, если уж неблагодарный, сволочной электорат не может оценить их ум и благородство.

И когда говорят, что Лебедь — новичок в политике, но быстро учится, я соглашаюсь. Да, он быстро учится. Беда — что учится он в публичном доме, где чем опытнее, тем хуже.

Тело страны в конвульсиях: в Чечне, в Приморье... Но нам говорят: смотрите, вот это развивается бурно, вот это расцвело. А что расцвело? Торговля детьми, торговля девушками, торговля спиртным, бандитизм, брынцаловщина, у людей с тремя классами трехэтажные особняки, во всем ближнем Подмоскowie подозрительные типы (в том числе генералы) сносят домишки и возводят послемешки* с бассейнами и гаражами.

Да, когда организм умирает от рака — плохо не всему организму. Опухоль находится в самом цветущем состоянии.

Опухоль безумна. Она растет стремительно, жадно, весело. Ей так хорошо, что она даже не думает, что убивает «остальное тело».

Но закопают их вместе.

Говоря о предстоящей операции, президент выглядел плохо, с трудом подбирая слова. Речь его звучала совсем иначе, нежели потом выглядела в газетах. «Рекомендации наших врачей: или (пауза) операция, или (долгая пауза) такое... (долгая пауза) пассивная работа». Ельцин пытался вспомнить слова «консервативное лечение», но не смог.

А ведь все (и он, и телевизионщики) хотели, чтобы максимально бодро, максимально уверенно. Значит, то, что мы виде-

* Автор изобрел термин для коррупционерских вилл: домишки — хибары до Горбачева, послемешки — дворцы после Горбачева.

ли, — это лучший дубль. Или — физическая невозможность делать дубли.

«Твердо держит власть» и «разумно управляет» — это не синонимы! Ким Ир Сен твердо держал (и держит после смерти), а народ Северной Кореи ест траву.

Даже признав необходимость операции, кремлевский цинизм не устыдился. На следующий день Чубайс заявил, что «Борис Ельцин в нормальном рабочем состоянии». А что тогда ненормальное?

«В блестящей форме», «крепкое рукопожатие» — это ведь очень типичный цинизм. Так бессовестные наследники подбадривают старика, которому удалось попасть в утку: «Ну, папа, ты у нас еще о-го-го!»

Вот это «о-го-го» и несется из Кремля непрестанно.

По сравнению с Иваном Грозным — гуманист. По сравнению со Сталиным — голубь мира. Чем ужаснее точка отсчета — тем прекраснее выглядишь.

И все же и Ельцин, и те, кто голосовал за Ельцина в 1991-м, не должны огорчаться и даже могут гордиться собой. Если бы не Ельцин, президентом России в июне-91 непременно стал бы бесноватый. (Доказательство — победа Жириновского в 1993-м.) Только вообразите себе его с ядерной кнопкой, и нынешняя жизнь покажется раем.

Станет пенсионером — станет человеком. Если победит известную слабость.

Станет пенсионером — мигом отвалятся друзья Билл и Гельмут, появится время, появятся мысли, появится раскаяние (настоящее).

Ведь даже маниакальный убийца Иван Грозный под конец каялся и все пытался составить полный синодик своих жертв, добавляя в затруднительных случаях (когда речь шла об уничтожении населения целых городов): «Имена же их ты, Господи, веши».

И — не исключая — позвонит, пригласит поработать над мемуарами. Не президентскими, человеческими.

Я, должно быть, приду, Борис Николаевич.

Если будем живы.

P.S. В газеты приходят миллионы писем. Нигде люди столько не пишут — пережиток советского времени. Но в СССР критическая публикация была частью согласованных действий: разнос в «Правде» предшествовал расстрелу (в сталинское время) и увольнению (в брежневское). С 1987-го стало иначе. Пресса нападала, власть огрызалась.

В ответ на эти «Мемуары» в редакцию пришло письмо известного врача-писателя. Оно и мой ответ были набраны, сверстаны и — сняты из номера главным редактором.

Материал публикуется впервые. Текст Крелина не сокращен, он именно так начинается — с отточия; орфография и пунктуация сохранены.

30 сентября 1996, «Новая газета». Не опубликовано

...Я не в счет. Во-первых, потому что я врач и у меня свой специфический подход к болезням, больным, к общению с ними. Во-вторых, я сам перенес подобную операцию, а потому смотрю, хоть, может, и в большей степени с разных ракурсов, чем большинство нынче пишущих, говорящих в связи с болезнью президента, но все же с иных позиций. И как врач и как переживший.

Естественно, что здоровье государственных деятелей, обсуждается принародно. Но существуют какие-то границы человечности, за которые переходить нельзя. За это не судят — за это осуждают. Все-таки, по-моему, этика, ну по крайней мере, со времен Аристотеля, категория, если не абсолютная, так для нашей антично-иудео-христианской цивилизации, объективная. И я не говорю о какой-то пресловутой «врачебной этике». Я не считаю, что для этики имеет право быть какое-либо прилагательное. Хотя порой мы и слышим, кроме врачебной, еще и про спортивную, научную, а в недавнем прошлом, и партийную этики. Мне-то кажется, что есть этика порядочных людей и отсутствие ее у мерзавцев. Если и не называть эту последнюю группу столь безотносительно, так, скажем, у тех, кого все же не следует гладить по головке.

И если обсуждение болезни президента вещь нормальная и необходимая, то все же, по-моему, не следует в эти дни добивать Человека. Перед Богом прежде всего не должность, а Человек! И не перед судом людским он сейчас, в эти дни должен предстать. Так и хочется крикнуть: «Ну угомонитесь же! Дайте хоть минуту покоя перед предстоящей акцией Человеку».

Нынешняя ситуация этого больного Человека экстремальна и, сдаётся мне, не подлежит сегодня ни ерничанью на уровне кукол, ни визгливому подведению итогов его деятельности.

В острой, лихо написанной статье Минкина «Мемуары Ельцина», вроде бы все правильно, помянуты все грехи его без пропуска — все учтено и ничто не забыто. И возразить-то трудно. Да и не надо. Но есть ли какая там новая мысль, новое открытие, новый взгляд, или иной, неожиданный поворот при взгляде на деятельность этого, нынче больного, человека? Для чего сегодня понадобилась эта статья? В порядке подготовки к операции? Подведение итогов?

Существуют национальные традиции, привычки. И что уж сейчас говорить о том хороши они или плохи. В спокойной мирной беседе это, безусловно, хороший предмет для раскачивания мозгов и разглаживания собственной совести. Если в других обществах нынче говорят больному откровенно, какая у него болезнь и что его ждет, у нас так не принято. Если рак — от больного диагноз скрывают. Еще недавно больному боялись говорить, что у него инфаркт сердца. На сегодняшний день это вошло в наш менталитет и мы, врачи, да и все, обязаны с этим считаться. Возможно, с изменением ситуации на нашей Земле будет меняться и отношение к болезням, смерти.

В период воинствующего, агрессивного атеизма — это и, вовсе, было естественным. Нынче, вера в Бога тоже пока еще у многих, даже истово крестящихся, вера не искренимая, кажущаяся и им самим. Вера — это дар, на которую, как и на любовь, не каждый способен. Истинно верующим, разумеется, и болезнь и смерть, может быть, более естественная мысль и тема раздумья без лживого отпихивания от себя Наступающего.

Так мне кажется. Возможно, я и не прав. «Об этом думают двояко». Нынче вошло в моду говорить «однозначно». Почему-то это приписывают, в основном, Жириновскому. Но если вни-

мательно послушать, как говорят многочисленные персонажи телеэкранов, то видно, что это нынче просто модное слово. Да не слово — понятие, ощущение, часть менталитета (тоже модное слово). Частое употребление «однозначно» — есть подсознательное противопоставление альтернативности, плюрализму, многозначности, слава Богу, приходящих в нашу жизнь. «Однозначность» — тяга к привычному «единственно верному Учению». Антидемократия — это и есть «однозначность», когда не учитывается мнение меньшинства.

Я и не считаю, что мое отношение к подобной подготовке общества и самого больного к предстоящей операции Человека на должности президента есть «единственно правильное», но милосердие к Человеку должно быть проявлено, сколь бы ни был к другим столь же не милосерден. Если это и так? Мне трудно судить — особенно перед операцией. Да и вообще: «Не суди да не судим будешь».

Я врач и я перенес такую же операцию. Я меньшинство, а потому все же и я «в счет».

Юлий КРЕЛИН

Думай головой

Юлий Крелин написал прозу и прислал в редакцию. Будь статья — был бы заголовок. Будь стихи — были бы рифмы. Будь письмо — в начале было бы «здравствуйте», а в конце — «с уважением» (вежливость этична).

Главный редактор «Новой газеты» распорядился прозу Крелина напечатать с комментарием Минкина. Видя мое недоумение (зачем это печатать? на что тут отвечать?), Муратов пояснил. Оказывается, интеллигенция возмущена моей заметкой «Мемуары Ельцина». Оказывается, главному редактору уже высказали свое порицание Юрий Карякин, Мариэтта Чудакова*, какие-то барды. А поскольку Крелин письменно изложил общее мнение, то и ответ ему будет ответом всем.

* Когда-то вошла в Правое дело (или в СПС?) к Коху и Чубайсу. Теперь возглавила список «интеллектуалов», просящих граждан России поддержать Медведева.

Будем отвечать. Хотя очень жаль, что Карякин и Чудакова не сочинили коллективного письма. Оно было бы чисто арифметически умнее, чем проза Крелина (ум — хорошо, а два — лучше).

Кажется, Крелин не понял, что я пишу не о болезни, а о власти. Я писал об этом и до выборов: «Какой же безответственностью, каким цинизмом надо обладать, чтобы в тяжелейшей ситуации навязывать стране старого, тяжелобольного, часто совершенно неадекватного человека». («Новая газета», 10.06.96.)

Не о болезни речь, а об управлении страной.

Где этика власти? Президент знал, что болен, и врал, и команда врала, и людей загоняли в ловушку, где не было выбора (не с Зюгановым же в светлое будущее).

Кремль взял людей в заложники. «Иди со мной, а то тебе хуже будет». И теперь у многих, у очень многих интеллигентов наблюдается «стокгольмский синдром» — синдром заложника, который психологически (от страха) встал на сторону захватчика: безопасность захватчика — моя безопасность.

Победили летом. Сейчас осень. На три месяца отложили решение проблем. Теперь еще на шесть недель, на десять недель, потом еще на месяц, на два месяца, чтобы «не беспокоить», чтобы поправлялся.

Кажется, Крелин не вполне понимал, *что* пишет: «И не перед судом людским он (Ельцин) сейчас, в эти дни должен предстать». Божий суд? Увы, это значит, что этичный Крелин хоронит, не оставляет шансов на благополучный исход. А я, неэтичный, в своей заметке выражал уверенность, что Ельцин поправится, выйдет на пенсию и даже, может быть, пригласит поработать над мемуарами. Предстать же он должен всего лишь перед врачами.

Стоит ли интеллигенту писать о президенте как о Человеке с большой буквы? Писать о «Человеке на должности президента» — опрометчивая риторика. Риторика увлекает, и в заботе о красоте слога не заметишь, как получится «Человек на должности людоеда».

Все для Человека, все для блага Человека... Чукча знает этого человека, чукча видел его по телевизору.

А дети, погибшие в Грозном, в Самашках, в десятках разбомбленных сел, — они с какой буквы? Писал ли Крелин в их

защиту? Кто готовил этих детей к спецоперациям по отрыванию ручек, ножек без консилиумов и анестезии?

Писатель и *хирург* Крелин должен был бы вообразить себе боль и ужас умирающих под бомбами. Люди гибли только ради чьей-то власти, а теперь этой власти слова не скажи. Нечетично.

В глазах Бога, которого так удачно поминает Крелин, раб Божий Борис — не больше, а меньше любого ребенка.

Карякин и Чудакова не только члены Президентского Совета, они еще и литературоведы. Должны бы помнить, что даже Мировая гармония не стоит слезинки ребенка. А уж конституционный порядок и подавно не стоит ножек, ручек, глазок.

Но с прагматической точки зрения можно понять и иное отношение. Дети погибают чужие (их иногда бестактно показывают по ТВ), а от президента зависит жизнь и зарплата.

Находишь я в переписке не с Крелиным, а с Достоевсковедом Карякиным, я, возможно, ограничился бы одной фразой: обсуждать здоровье правителя нельзя, а старушек лущить топором — можно?

Сколько месяцев пресса кричала: Верховный главнокомандующий, прекратите войну!

Юродивый Николка кричит царю Борису Годунову: «Нельзя молиться за царя Ирода!» — это ведь этика. У Пушкина она вам нравилась, правда?

Этика членов Президентского совета очень похожа на этику недавних членов КПСС: вступаю в партию, чтобы там было больше хороших людей. Есть другая этика: блажен муж, иже не идет на совет нечестивых и не сидит в собрании развратителей (первый псалом Давида). Эти этики трудно совмещать.

Президентская кампания Ельцина шла под лозунгом «ВЫБИРАЙ СЕРДЦЕМ!». Выбери сердцем — означает *не думай*. Теперь певцы и барды, конечно, должны досадовать на мои заметки. Они, не заботясь об этике, пели и плясали добывая себе большие деньги, а Борису Николаевичу — голоса. Сейчас тот, кто проголосовал за Ельцина, убежденный (упоенный) певцами, невольно может сердиться на этих певцов: я вас послушался, а что вышло?

Бог ничего не знает о целостности России. Если бы его заботила целостность государств, то уж, наверное, границы были бы неподвижны. Трудно предположить, что целостность России более свята и незыблема, чем целостность Римской империи, Британской, Австро-Венгерской.

Если Бог равнодушно взирал на присоединение Сибири, захват Польши, покорение Кавказа и Крыма, если допустил отвал Украины, Молдавии, Прибалтики, почему вдруг Он одобрит сохранение Чечни ценою ста тысяч жизней?

Брежнев и еще сорок лидеров так недавно подписали в Хельсинки незыблемость границ. И уже Чехословакия распалась на две страны, две Германии слились в одну, а в Югославии сам черт не разберется.

Опасно рассуждать об этике, не подумавши. Крелин пишет: «Все-таки, по-моему, этика, ну по крайней мере, со времен Аристотеля, категория, если не абсолютная, так для нашей антично-иудео-христианской цивилизации, объективная».

Этика — вообще не категория. Античная этика не знала «не убий», «не прелюбы сотвори». Античные граждане и даже их боги сотворяли прелюбы налево и направо, причем боги занимались этим и между собой, и с землянами. Гомосексуализм был этичен и даже эстетичен, и никто не ставил Зевсу в укор изнасилование мальчика Ганимеда. Иудейская этика одобряла многоженство. Гуманная, милосердная христианская этика одобряла сожжение людей заживо.

Уверенность, что моя заметка плохо повлияет на самочувствие Ельцина, — глубокое заблуждение прозаика. По недоразумению он представляет быт президента похожим на свой собственный. Крелину кажется, что Ельцин бегает в киоск за «Новой газетой», читает и огорчается.

Ельцин не читает газет и не смотрит телевизор. Ему в ЦКБ плохое не возят. Насколько известно, Ельцину готовят дайджест (вырезки). Таким образом, окружение Ельцина решает, *что* президент прочтет, *что* узнает в изложении и чего не узнает вовсе.

Если окружение положило на стол Ельцину мои «Мемуары» — это их поведение (этичное или нет).

Эй, вы, там, в Кремле и около, — мы пишем не для президента, а для людей. Иначе газеты выходили бы в одном экземпляре.

Власть доказала, что наши статьи ей — как мертвому припарки. Но люди должны знать, что они не одиноки в своем критическом отношении к сегодняшним властям. Заметка «Мемуары Ельцина» рассердила не президента, а тех, кто голосовал за него и других призывал.

Вы сердитесь — значит, я попал в цель. Вы не хотите в этом признаться и кричите, будто я делаю больно президенту. А больно-то вам.

«Но есть ли какая там новая мысль, новое открытие, новый взгляд, или иной, неожиданный поворот при взгляде на действительность этого, нынче больного, человека?» — вопрошает Крелин.

Отвечаю уважаемому прозаику вопросом на вопрос. Отчего это у вас в каждой фразе какие-то неточности? Почему вместо «давно больного» вы пишете «нынче больного»? Вам так удобнее? И зачем вам «какие там новые мысли»? Вполне достаточно старых, хорошо проверенных мыслей. Например:

«Коль скоро же он во дворец вступил, какие он там мистерии празднует? Всяким плотским удовольствиям предается, а для подданных всякие печали замышляет, никому не доверяя, ни одного друга не имея, всех во врагов превращая и за таковых принимая. Добрых — потому, что считает, что ненавидим ими, ибо, будучи добрыми, они презирают с ними не сходного. Дурных же — совершенно за то же самое, так как злые устремлены и против себя самих; боясь, чтобы в борьбе кто-нибудь, еще более дурной, чем он, не посягнул на власть. Поэтому он всегда “обрезает выдающихся из колосьев”, он всех делает бедняками и всех вынуждает страдать и горевать. “Чтобы кто-нибудь, роскошествуя, — говорит он, — не бездельничал, а бездельничая, не занимался пустяками, а занимаясь пустяками, не задумал бы переворота”. Законы он и изменяет, и переделывает либо из-за корыстолюбия души, либо из-за своеволия — в угоду вообще какой-либо страсти. Войско он ни содержать не умеет ради государства, ни составлять. Собравши вокруг себя стражу, телохранителей, их-то снабжает и кормит, лелея их всех во вред го-

сударству и всякую узду с них сняв, чтобы могли убивать, унижать, разорять».

Не подумайте плохого, это не о Ельцине и не о Коржакове. Это написано почти тысячу лет назад византийским теологом, специалистом по этике. И его, конечно, тоже кто-то спрашивал: ты зачем, гад, это написал?

Если люди не будут задумываться, их опять (и, может быть, очень скоро) заставят голосовать сердцем. Власть опять схватит наглец, потому что он видит в ней решение личных проблем и действует решительно и смело*.

Умно и честно пришлось бы умолять взять власть. Он понимал бы сложность, ответственность и отказывался бы, ужасаясь огромности и неподъемности тяжелейших российских проблем. Ведь это — ни жены, ни детей, ни себя самого, только день и ночь работа.

Интеллигенция существует. Это не диплом, не ученая степень, не пост министра. Это развитый вкус, умение мыслить независимо, умение отказываться от пошлых предложений, исповедовать принципы, заповеди и любить Родину, не рассказывая об этом с трибуны.

Интеллигенты такие умные. Они притекли к Горбачеву. А он к 1991 году оказался с Крючковым, Янаевым, Павловым...

Интеллигенты сплотились вокруг Ельцина, а он к 1994 году оказался с Коржаковым, Грачевым, Ильюшенко...

Исправили ли Ельцина интеллигентные члены Президентского совета? Нет. Скорее он развратил их. Гамлет Офелии правду говорил: скорее ваша красота стащит вашу порядочность в ад, чем ваша порядочность исправит красоту. Много-то ведь не надо, много им и не предлагают. Так, дача, машина, банкет, деньги на книгу. С точки зрения тех, кто ворочает миллиардами долларов, — это гроши.

Вот мы такие умные, тонкие, начитанные, а кумир вдруг оказывается в лапах дураков и бандитов.

По двести, по триста разом писателей и артистов окружали Горбачева — а он с Крючковым. Вся интеллигенция была

* Сбылось.

с Ельциным, а он — с Грачевым. Если мы такие умные, почему же так легко недостойные люди уводят, умыкают наших президентов? Не следовало бы нам, умникам, быть малость умнее?

Сейчас опять совершена (или почти совершена) та же ошибка. Лебедь не с нами, а с Коржаковым. Вместо того чтобы тянуть к себе — оттолкнули. И куда ему деваться? Вот он с Коржаковым, а мог быть со Стерлиговым, с Баркашовым, с нацистами, с другими бандитами. А что? Они тоже сыновья своей страны. И, кстати, выглядят приличнее Коржакова, на чьем лице написаны все его качества; и ошибка исключена — после тридцати каждый сам отвечает за свое лицо.

А может, это вообще несбыточно? И надо не ложиться под партийных гауляйтеров и генералов, а объединиться вокруг своего? Ведь не перевоспитаем же мы Коржакова, хоть все на свете Карякины и Чудаковы, Михалковы и Гердты...

Гердт по телевизору восхищался: «Президент — он как ребенок!» Зяма, я вас бесконечно уважаю, вы — талант, вы — сама доброта, но где вы видели таких детей? Зяма, вы уже говорили своим волшебным голосом, что «доброму дельфину Московский городской банк наиболее симпатичен», а вкладчики-то разорены. Вы говорили (правда, не столь убедительно) что-то агитационное за Гайдара и, должно быть, добавили ему голосов, но достались-то они Зюганову и Жириновскому.

Концерты «ВЫБИРАЙ СЕРДЦЕМ!», неуклюжий рок-н-ролл... Зачем мозг нации приплясывает и зовет выбирать сердцем? Надо выбирать своего. Надо выбирать умом. Разве не очевидно? Мы все время думаем, что используем их. А выходит всегда, что они — нас.

С кем сейчас будет Ростропович? Ведь он не сможет оказаться в стороне. С кем будут Михалков, Волчек, Баталов, Тихонов? Талант — хорошо. Но еще бы совесть и ответственность. Совесть должна оказаться сильнее гонорара и корысти. Совесть должна заставить человека признать ошибку (о, не публично, всего лишь перед самим собой) и не повторять ее. Не выбирать меньшее зло. Ведь потомки не поверят в искренность тех, кто в третий раз подряд и опять искренно выберет зло. Потомки заподозрят или в глупости, или в подлости. Потомки не церемонятся. Так ли мы снисходительны к сочинителям песен

Ельцин

о Сталине, фильмов о Брежнев? Верим ли в искренность этих лауреатов или, понимающе усмехаясь, проходим мимо их мертвых сочинений?

Напрасный труд искать честных среди членов Политбюро ЦК КПСС. Напрасно искать демократов в казарме. Они там не водятся. Не надо искать девственниц в публичном доме. Это неинтеллигентно.

P.S. Жительница Северной Осетии Зинаида Рамазоновна Болиева предложила свое собственное сердце для пересадки президенту Ельцину. Она, следовательно, готова умереть за него. И тем навсегда оставляет позади интеллигенцию, способную разве что на необременительное сочувствие.

17 октября 1996, «Общая газета»

МЫ ПОТЕРЯЛИ ГЕОЛОГИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Мы потеряли не только минувшие пять лет. Мы потеряли предстоящие четыре года. Кто учился в советской школе — помнит, что многое измерялось у нас в человеко-днях. Нас сто пятьдесят миллионов. Значит, мы потеряли *один миллиард триста пятьдесят миллионов человеко-лет*. Мы потеряли геологическую эпоху. И никто нас не ждет. И подтягивать, как двоечников, нас никто не будет.

1997

3 февраля 1997, «Новая газета»

ЦАРЬ ДОЛЖЕН СПАСТИ РОССИЮ ОТ ГЕНЕРАЛА*

Третий этап приватизации власти

Кремль задумал восстановить монархию.

«Бред! — машут руками умные люди, как бы отгоняя русского сорокаградусного черта. — Этого не может быть!»

Но практика показывает, что может быть все. Стоит некоей идее овладеть массами президентского окружения — и пожалуйста.

Скажи кому-нибудь 22 августа 1991-го — наутро после окончательной победы демократии, — что эта демократия (с лицом Ростроповича) будет бить из танков по Белому дому, и не по врагам (Янаеву, Павлову, Крючкову), а по ближайшим соратникам — Хасбулатову, Руцкому...

Скажи кому-нибудь в августе-91, что эта демократия — с лицом и т.д., рыдающая над могилой трех мальчиков**, — будет бомбить города и села, отправит на тот свет десятки тысяч своих мирных граждан и при этом не достигнет ни одной из поставленных целей...

Тогда, в 1991-м, это было невообразимо. Однако произошло. И в самых отвратительных формах. И — самое печальное — сегодня воспринимается спокойно, просто как часть истории.

* Всем было ясно: если Ельцин умрет или утратит власть, она достанется генералу Лебедю.

** И правда: во время ГКЧП погибли трое, почти случайно. Их провожали грандиозные гражданские панихиды-концерты, клятвы «Свобода! Права человека!»...

Во всей стране один Ельцин неустанно работает с документами. Остальные сочиняют ему документы. Кто-то сочинил, что 7 ноября отныне — День всеобщего примирения (это так же остроумно, как если бы во Франции Варфоломеевскую ночь переименовали в Ночь любви)*. Кто-то сочиняет про стабильность и процветание, кто-то — про тридцать восемь снайперов... Плохо, что сочиняемые документы не согласованы между собой. У власти нет никакой стратегии, никакого плана. Члены команды, думающие только о самосохранении, бегают к капитану каждый со своим планом спасения: лево руля! право руля! полный вперед! стоп машина! открыть кингстоны! от-дать концы!

На прошлой неделе Ястржембский, страшно уставший от безнадежных попыток примирить русскую действительность с кремлевским воображением, сообщил, что Ельцин велит гражданам «научиться жить по Конституции» и в ближайшие годы поправками не беспокоить.

В то же время Кремль решил реставрировать Романовых. Все обсуждают, насколько это выгодно Ельцину, невыгодно Зюганову, Лебедю. Никто не заметил, что планируется не «поправка», а полная отмена Конституции, свержение общественного строя.

Конституция гласит: «Россия есть демократическое государство с республиканской формой правления» (ст. 1) и «Носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ является ее народ» (ст. 3).

По Конституции власть принадлежит народу, и никакими указами ее нельзя передать царю. Разве что устроят референдум, уговорят граждан еще раз проголосовать сердцем за то, чтобы отнять власть у себя и передать иностранному подростку**.

Предлагая заменить республику монархией, а власть народа — властью царя, нам предлагают даже не государственный переворот, а самую настоящую революцию (или контрреволюцию). Это дело серьезное. Жаль, что авторы идеи, явно желая

* Перенесли на 4 ноября. И еще раз переименовали.

** Юного Георгия и его боевую крупную мамашу Леониду НТВ совало в каждый кадр.

сделать как лучше, проявляют, как всегда, преступное легкомыслие.

Месяц назад Киселев («Итоги», НТВ) вдруг предложил восстановить монархию. Мол, закон запрещает Ельцину в третий раз стать президентом, хороших преемников у него нет, выборы может выиграть Лебедь или Зюганов, а это ужасно, — так не вернуть ли Романовых на царство?

Киселев — человек опытный, случайно не скажет. Да он и не говорит, а читает отредактированный, выверенный текст.

Ясно: идея вытекла из Кремля. И другое ясно: Ельцин плох. Политически неуязвим, а физически плох. Иначе мысль о восстановлении монархии пришла бы Киселеву в 1999-м*. Но сейчас? Всего через полгода после выборов? Не значит ли это, что дни Ельцина сочтены и его окружение в страхе за свою судьбу придумало передать власть Романовым?

Форма неприличная. Киселев сыграл роль Шумейко. Должность последнего состояла в том, чтобы озвучивать нечто противозаконное, антиконституционное, дабы власть могла посмотреть на реакцию общества: проглотит ли?

Смысл еще хуже. По сути предложено ввести монархию одним полком за два часа. Это и есть преступное легкомыслие. Последствия известны. Два часа превращаются в два года, полкам и дивизиям теряется счет... а в результате только трупы и позор.

Возможно, что и к восстановлению монархии народ останется равнодушен. Но это не будет принятие, согласие. Это будет то самое «народ безмолвствует», за которым — неуважение.

Монархия рухнула в феврале 1917 года. (И не от большевиков!)

Никто ее не защищал. В глазах народа Николай был Кровавый (за расстрел демонстрации в 1905-м). В глазах высшего общества — тряпка под каблуком Алисы, немки.

Неудачи на фронте, разложение армии, воровство... И вся империя знала, что царя и царицу околдовал Распутин — грязный, дикий, жадный развратник, который звал императрицу

* В 1999-м они нашли Путина.

«мама», императора «папа» и, не умея правильно написать ни одного слова, увольнял и назначал министров.

Распутина убили не большевики, а князь Юсупов с товарищами. Отравили, застрелили, спустили под лед, но Распутин никак не умирал.

Семью Романовых расстреляли в 1918-м. Они умерли сразу. Надежды на восстановление монархии кончились с Гражданской войной в 1922-м. Да и воевали белые с красными не за царя, а за Россию.

Начиная с 1930-х годов о царе мечтали только сумасшедшие.

Взрослое население России целиком (100%) сформировано, обучено, воспитано советской властью. Ее постулаты были замечательно просты: Бога нет, царь — дурак.

(Сталинская пропаганда только для двух царей находила доброе слово: для Ивана Грозного и Петра I — самых кровавых и жестоких.)

Семьдесят четыре года издевались над религией и монархией, а теперь — вернуть!

Сперва пытались вернуть веру в Бога. Сам президент стал ходить в церковь, как только расстался с партбилетом. Строятся храмы (и очень дорогие)... Но мораль не вернулась, царствуют цинизм, презрение к закону, неуважение к людям.

И люди не уважают власть. Она все время лжет, пьет, не платит зарплату ученым и рабочим, а сама живет все роскошнее.

Для Кремля задача выглядит просто: вводим монархию, это автоматически отменяет выборы, избавляет от Лебеда...

Но примет ли народ? Будет ли подчиняться?

Рабовладение основано на страхе. Раба можно убить за что угодно и даже ни за что.

Монархия основана на вере в Бога, в то, что царь — помазанник Божий, или — как в современной Англии — на уважении к традициям. У нас вера в божественность власти давно умерла, традиция уничтожена. Бояться нам некого, а уважать не заставишь.

Демократия держится на уважении к людям и к законам. У нас этого нет ни сверху, ни снизу. Потому и шатается.

Русскому народу предлагают немецкого царя. Николай по крови был русский, кажется, на 1/128. С XVIII века Романовы становились немцами. Но они хотя бы родились и жили в России.

Кто по крови теперешние Романовы — не знаем. И это не важно. Но они никогда не жили в России. Они не знают ни нас, ни нашей жизни. На каком языке они будут с нами говорить, с каким акцентом?

Солженицын отсутствовал двадцать лет, вернулся и не нашел поддержки. Горбачев был в изоляции всего три дня (!), вернулся и не нашел поддержки.

А какие-то условные Романовы... И кто они? Что у них со здоровьем? С психикой? Честные ли? Великодушные ли? Какковы их отношения с алкоголем? Умны ли они, наконец? И что будет с их рассудком, когда из частных лиц они внезапно станут повелителями России?

Призванные не народом России, а Кремлем, они попадут в золотую клетку, в полное окружение. И даже если случайно прочтут что-то критическое (а главное — фактическое), то испугаются и спросят: «Неужели это правда?!»

Они спросят тех, кто всегда лжет, ибо других рядом не будет никогда; «другим» пропуск не выпишут.

— Неузели это пиявда?! — опечалится юный император.

— Нет, Ваше Величество, вранье это всё, злонамеренные враки.

— А вот эта журналиста Минкинъ... Зачем она писать, что не есть пиявда?

— Сволочь он, Ваше Величество, простите невольную резкость, продажный писака, наемник коммунистов.

— Какой узяс! Но мама говоришь, что еще десять лет назад в Париже, в «Русской мысли», эта писака крепко ругать коммунистов.

— Маскировался, Ваше Величество. На самом деле он заклятый враг демокра... ох, простите, монархии. К тому же он агент КГБ.

— Узяс! А вы уверены?

— Это Гайдар говорит, Ваше Величество.

— А ему можно верить?

— Гайдару, Ваше Величество, давно никто не верит, но он тем не менее все время говорит, и мы считаем это полезным.

...Кремль монархию пока не ввел — указа нет. Но уже заявлено, что президент намерен пригласить Романовых вернуться в Россию и обещает им «официальный статус». Что это такое — никто не знает. Очевидно, не только хорошая пенсия, охрана и прочее, но и некие права.

Монархическая идея возникла в Кремле закономерно. Употребляя во всех документах слово «демократия», они там, у себя, давно считают Ельцина царем. Он жалуется вотчины, таможенные льготы, подвергается опале, наивно признается, что ищет наследника, хотя выбирать будущего главу государства — совершенно не его дело.

И окружение восхищается Ельциным не как государственным деятелем, а как царем-батюшкой. Важны не мудрость, не полезная деятельность, а с какой ноги встал, как пожал руку... Ближний боярин Тарпищев с умилением рассказывает в интервью: «Он как ребенок малый. Не имеет никакого представления о том, что в жизни происходит. Все время вспоминает, что десять лет назад ему жена на карманные расходы давала несколько рублей в день. Вот с такими понятиями о деньгах до сих пор и живет». («Профиль», № 10, 1996.)

Тарпищев думает, что хвалит Ельцина, показывает чистоту и бескорыстие «папы». Понятен и восторг Тарпищева. С таким младенцем удобно. Он подписывает бумаги, не понимая, сколько миллионов долларов вычеркивает из дохода страны своей подписью. Конечно, это не демократический президент, способный управлять (нельзя управлять, не зная, что сколько стоит, «не имея никакого представления о том, что в жизни происходит»). Это сказочный персонаж, который хоть и не умен, зато может погубить любого умника, приказав: пойдешь туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что.

Формально речь идет о реставрации Романовых. Но по сути предлагается второе призвание варягов.

Тысячу лет назад в России был хаос. «Земля велика и обильна, но порядка в ней нет», — говорит летопись. Тогда на царство пригласили Рюрика (в некотором смысле немца).

Ситуация та же, что и тысячу лет назад: земля велика, обильна, но порядка нет. И опять зовут варягов.

Но тогда, тысячу лет назад, пригласили сильных и умных, а теперь — Романовых. Тогда — по способностям, теперь — по родственным связям с Николаем Кровавым. Тогда — за личные качества, сейчас — за подходящую фамилию.

Царя в России могли не любить, но уважали как помазанника Божия. Веры в Бога нет. Уважать чужака за то, что он помазанник Ельцина?

Романовым нет места ни в сознании людей, ни в ситуации. Никто из тех, кто имеет шанс взять власть, не захочет ее уступить. Да и с чего?

...Невероятная судьба у нашей страны. И ужасное чувство юмора.

Через тысячу лет опять зовем варягов. И тот самый коммунистический гауляйтер Урала, который двадцать лет назад уничтожил дом Ипатьева, чтобы стереть всякую память о царе, — теперь, став демократическим президентом...

17 февраля 1997, «Новая газета»

КНЯЖЕСКИЙ ОТВЕТ

Романовы не собираются на царство

Статья «Царь должен спасти Россию от генерала» вызвала гнев монархистов. В наш адрес прозвучали стандартные обвинения: наемники коммунистов, поехала крыша... Мы получили письмо от князя Николая Романова. Публикуем его полностью.

4 февраля 1997 г. Александру Минкину, Москва.

Многоуважаемый г-н корреспондент! Не зная вашего отчества, приходится мне невольно так к вам обратиться.

С начала года европейская и американская пресса начали интересоваться планами Кремля по реставрации монархии Романовых.

Большинство газет обратились ко мне как к старейшему в роде Романовых и главе семьи, спрашивая меня высказать мое мнение о каком-то «секретном указе», выдвигавшем как претендента на «российский престол» юношу, которого называют «Георгием Михайловичем» и «великим князем», который сын принца Франца Вильгельма Прусского и, значит, принадлежащего дому Гогенцоллернов, а не дому Романовых.

После множества выступлений мне пришлось предать гласности заявление, особенно для английской и американской печати. Перевод на русский я сейчас изготавливаю и, если вы это пожелаете, я вам пошлю.

Еженедельник *“L’Hebdo”* опубликовал вашу статью (шведский журнал перевел на французский и опубликовал «Царь должен спасти Россию от генерала». — *Ред.*).

Прочел ее с интересом и нашел количество (массу. — *Ред.*) интересных соображений о настроении теперешних россиян.

Тем не менее не могу не сделать две заметки по поводу двух ваших фраз.

1. Вы пишете, что у последнего царя была лишь 1/128 русской крови.

Что Николай II был и думал как чисто русский человек, несомненно. Можно добавить, что у всех представителей королевских домов Европы были лишь доли крови их самого известного предка.

Принц Уэльский имеет лишь 1/128 крови королевы Виктории, но кто осмелится его не считать англичанином? У Бурбонов менее 1/1024 крови Людовика XIV и т.д.

2. Вы себя спрашиваете, кто же нынешние Романовы?

Нас мало кто знает, это правда, но мы себя не выдвигаем как какой-то товар, напоказ, через небезынтересованных (небескорыстных. — *Ред.*) «бизнесменов». Не выдвигаем себя и никогда не выдвигали. Но мы, Романовы моего поколения, самые русские Романовы со времен Петра Великого.

Моя мать была графиня Шереметева, и таковым образом я и мой младший брат Димитрий наполовину русские. И даже на три четверти славяне, если помнить, что наша бабушка была черногорка. То же можно сказать и о других Романовых моего поколения. Большинство их на 50% русские, так как их матери были княжны Голицыны, Мещерские, Палей или графини Воронцовы и Голенищевы-Кутузовы. Их прадед был Александр III. Поищите и не найдете такой русскости у «Георгия Гогенцоллерна».

Себя мы не выдвигаем, но действуем по нашей возможности в пользу россиян через нами основанный «Фонд Романовых для России», которым управляет мой брат Димитрий.

Наше желание — быть полезными России, а не пользоваться Россией.

Хотя мы родились уже вне пределов России, мы всегда были русские и всегда таковыми останемся.

Шлю вам искренний привет.

К своему письму князь Николай приложил отчет «Фонда Романовых для России», в котором перечислены конкретные дела: каникулы шестисот восьмидесяти чернобыльских детей в Дании, подаренное медицинское оборудование, обучение врачей-онкологов...

...Меньше всего мы ожидали, что с нашей весьма резкой статьей согласится глава дома Романовых. Письмо написано безусловно умным, благородным и добрым человеком.

Жаль, что такие люди — независимо от того, Романовы они или нет, — не хотят управлять Россией.

4 августа 1997, «Новая газета»

Я ЛЮБЛЮ, КОГДА ТАРЕЛКИ ОЧЕНЬ БОЛЬШИЕ

**Вышла книга Бориса Немцова
«Провинциал»**

Ниже вы прочтете запись разговора первого вице-преьера правительства России Бориса Немцова с бизнесменом Сергеем Лисовским*. Немцов требует сто тысяч долларов «за книгу».

Для провинциала Немцова, должно быть, это неприятный сюрприз. Он еще не привык, что в Москве нельзя ни перезваниваться, ни переписываться.

Задетые лица, конечно, возмутятся. Их аргументы известны заранее: а) разговор подслушан незаконно; б) это вторжение в частную жизнь.

Задетые лица подключат дружественную прессу, представителей творческой интеллигенции; популярные артисты эстрады и кино с безгловым видом заговорят о грязной журналистике...

Уважаемые читатели, не позволяйте морочить себе голову, не позволяйте уводить вас от сути дела.

Законно ли подслушан разговор Немцова с Лисовским? Мы не знаем. Но ответ на этот вопрос должна дать прокуратура. И если санкции не было — пусть возбуждают уголовное дело, найдут и накажут тех, кто нелегально слушает чужие разговоры.

* Теперь один — оппозиционер, другой — член Совета Федерации.

Однако для нас это не слишком важно. Согласитесь: мытыми или немытыми руками убили старушку — дело десятое.

Бывший министр юстиции Ковалев тоже заявлял, что съемка в бане велась незаконно, что это вторжение в частную жизнь... Может быть. Но нас интересует не кто снимал, а кто купался. И главное: если министр купался, то за какую его услугу гангстеры подарили ему это дорогое удовольствие? (Собственной зарплаты министра не хватило бы и на десять минут.)

После публикации «ФАВОРИТЫ» («Новая газета», 8 июля 1996 года) Тарпищев и Федоров тоже шумели о незаконном вторжении в частную беседу. Но махинации с тоннами золота и президентскими указами — дело государственное (и уголовное), а никак не частное.

Этак любой заговорщик будет возмущаться: мол, планировали мы переворот у Васильича на кухне — кто же это, нарушая Конституцию, вторгся в наш частный разговор?

В данном случае нам все равно, легально или нелегально записали беседу. Если в ней содержатся факты, важные для общества, то общество должно быть благодарно тем, кто открывает ему глаза.

14 мая 1997 года, 10:55

НЕМЦОВ. Я прождал две недели, сейчас мне надо заполнить декларацию соответственно с указом президента. Я ее сейчас не заполню, потому что у меня нет денег на самом деле. Потом выяснится, что я эти деньги скрыл, будет скандал международный.

ЛИСОВСКИЙ. Подожди. Мы же можем тебе дать сейчас все документы. Там же идут банковские платежи, но не от меня это зависит. Я готов тебе все платежи предоставить.

НЕМЦОВ. Какие платежи?! Мне не нужны никакие платежи! Там будут живые деньги проверяться*.

ЛИСОВСКИЙ. Я понимаю. Эти деньги придут, но я ничего отменить не могу, все запущено, мы ждем на днях все эти выплаты. Мы можем дать справку с тех денег, которые придут, но

* Врет.

время прихода не от нас зависит. Деньги уже точно придут, я гарантирую стопроцентно.

НЕМЦОВ. Так со мной себя вести — это глупость вы делаете. Это с вашей стороны глупость.

ЛИСОВСКИЙ. Я делаю свою работу и делаю ее хорошо. Если бы мы были партнеры, то ты должен войти...

НЕМЦОВ (*перебивает*): А ты мог бы соизволить после того позвонить и сказать: «Боря, ты знаешь...»

ЛИСОВСКИЙ. Боря, а ты знаешь, как к тебе трудно дозвониться? Я тоже человек с определенной гордостью.

НЕМЦОВ. Да не надо! Ты ни разу не звонил. У меня списки есть, кто куда звонит.

ЛИСОВСКИЙ. Я тебе звонил всю неделю. Потом принял решение: если я тебе потребуюсь, ты позвонишь. Поэтому я все сделал, сделал классную работу, лучше меня никто не сделает. То, что задержали, — мы виноваты, но это не моя вина. Я был в полной уверенности, что все сделано, потому что все документы, все контракты подписаны.

НЕМЦОВ. Можно задать один вопрос? Когда будут деньги? Дату назовите.

ЛИСОВСКИЙ. Я тебе готов ответить через два часа.

НЕМЦОВ. Через два часа я буду в Газпроме.

ЛИСОВСКИЙ. В течение дня я готов перезвонить, когда ты будешь на месте. А то, что это будет, я тебе гарантирую, потому что все сделано с нашей стороны — все проводки, все документы, все контракты. Я даже остановить ничего не могу.

НЕМЦОВ. Дело даже не в этом. Если бы не царский этот указ о подписании декларации... Это скандальное дело. Потому что они будут расценивать это как простой обман.

ЛИСОВСКИЙ. Постой. Я гарантирую. Ты можешь внести это в декларацию.

НЕМЦОВ. Я не буду вносить, потому что там проверка начнется.

ЛИСОВСКИЙ. Деньги придут.

НЕМЦОВ. Короче, слушай меня. Этот вопрос стал чисто политическим. Мне неприятно, что он таким стал. Из-за того, что вы не соблюдаете условия договора. Почему вы не соблюдаете — я сейчас не обсуждаю. Вопрос это политический! Ме-

ня интересует дата конкретная и твоя расписка, что в такой-то день будут перечислены такие-то суммы, — твоя личная. Ты пишешь: «Я, Лисовский, обязуюсь, что к такому-то числу в соответствии с договором такая-то сумма Немцову будет перечислена на счет». И там есть еще Лариса Крылова, мой соавтор. Ей там двадцать пять тысяч. Там общий платеж сто тысяч, как ты знаешь, как договаривались. Правильно? (Речь идет о деньгах за книжку Немцова «Провинциал». — *Ред.*)

ЛИСОВСКИЙ. Да.

НЕМЦОВ. Иначе я не могу заполнять декларацию. Я — автор указа и не могу ее заполнить. Я сейчас прошу Бориса Николаевича, чтобы он попридержал указ из-за вас.

ЛИСОВСКИЙ. Когда должны прийти деньги, чтобы ничего не задерживать?

НЕМЦОВ. Указ выйдет по моей просьбе послезавтра. Хотя он его подписал вчера. Вы меня подставляете, бл... на ровном месте.

ЛИСОВСКИЙ. Борь, я согласен.

Разговор местами выглядит абсурдно.

Немцов требует денег, но не корысти ради, а токмо чтобы исполнить волю президента и правильно заполнить декларацию. Стремление к чистоте похвально. Жаль, ради этой личной чистоты он на три дня задерживает указ, давая всему жулью лишних трое суток для того, чтобы переписать добро на тещу, на племянника, на Каймановы острова.

Немцов дважды повторяет пугающую формулу: «Это политическое дело!» Значит, сам признает, что не частное. А почему политическое? Можно предположить, что он заботится не столько о чистоте декларации, сколько о чистоте своей кандидатуры к будущим президентским выборам. Или хочет придать вымогательству благопристойный вид?

Увы, мы не знаем, чем объяснить пронизывающие разговор гнев, панику и спешку.

Личные мотивы Немцова нас интересуют мало. Главное — первый вице-премьер из личных мотивов задерживает указ президента.

В отличие от большинства, встретившего аплодисментами приход Немцова в правительство, мы ни секунды не верили,

что он справится с коррупцией. Уж больно часто повторял он, что будет выжигать ее каленым железом.

Многие еще помнят апрельскую телепередачу из Кремля. Нам показали, как Ельцин сидит с Немцовым перед телекамерами и хвалит за честность его и себя: «У нас с вами одно крепко — взятки не брать... Я уже указ подписал. И мы в личном плане здесь такие, что никакие СМИ никогда нас не зацепят, потому что нет предмета для такого, так сказать, обсуждения в обществе. Ни он ни копейки не взял, ни я ни копейки не взял — вот в чем вопрос. Конечно, бедновато живем, но ничего — хватает».

Многие с усмешкой слушали жалобы президента на бедность: мол, видим мы, как вам хватает. Но вот министры заполнили декларации, и оказалось, что и правда, они голь перекатная. Ни денег у них, ни имущества.

Затеяли пересадку на отечественные машины — тоже ничего не вышло. Что теперь будем внедрять: отечественные штаны? Разве в этом дело?

Мы наблюдаем, как все чиновники, повинувшись президенту, неустанно борются с коррупцией, а работать им в результате совершенно некогда. У нас семьдесят лет непрерывно шла битва за урожай, увенчавшаяся ежегодной покупкой десятков миллионов тонн зерна, мяса, масла за границей. Так и сейчас: боремся с коррупцией дома, а арестованных «авторитетов» нам присылают из-за границы.

Книжка «Провинциал», гонорар за которую обсуждали Немцов с Лисовским, начинается с предупреждения: «Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке».

Рискуя подвергнуться судебному преследованию, я тем не менее выписал все, что показалось мне интересным в «Провинциале».

«ИДЕАЛ» — недостижимое совершенство.

ВЫБОРЫ — атрибут народовластия.

КАНАТОХОДЕЦ — смелый человек.

ЧЕРНОМЫРДИН — хороший человек, по-моему.

КИСЕЛЕВ (НТВ) — очень влиятельный человек. Его знания, образование, способность и манера излагать материал для России — уникальны.

ЕГОР ТИМУРОВИЧ ГАЙДАР — образованный, интеллигентный, порядочный человек.

ЛЕБЕДЬ — человек образованный, колоритный.

МЕЙДЖОР (премьер Англии) — публичный человек, достаточно изобретательный, несмотря на отсутствие высшего образования.

ЖИРИНОВСКИЙ — умный человек.

ЛУЖКОВ — жизнерадостный, умный, непьющий человек.

РОССЕЛЬ — очень незаурядный человек.

ТЭТЧЕР — очень жесткий человек.

КЛИНТОН — симпатичный человек.

ПУГАЧЕВА для меня — легендарный человек.

СУДЬЯ — хороший человек!

ПОЧТМЕЙСТЕР — мне кажется, тоже очень хороший человек.

КРАСИВО — когда грациозная женщина заходит в воду, в море, а еще лучше, если она в море вбегает.

Я говорю по-английски свободно. Общался с английской королевой на ее родном языке.

ПУБЛИКА — это народ.

ДЕНЬГИ не являются для меня самодовлеющей ценностью.

Я люблю, когда тарелки очень большие»*.

Перед тем как отправлять материал в печать, мы обратились к Борису Немцову, рассчитывая услышать его комментарий о сделке с Лисовским на сто тысяч долларов за книжку в сто пятнадцать страничек текста (без малого по тысяче долларов за страничку).

* В результате халатности наборщицы в цитаты из «Провинциала» вкралась досадная ошибка. Отзывы о судьбе и почтмейстере принадлежат не Борису Ефимовичу Немцову, а Ивану Александровичу Хлестакову, чиновнику из Петербурга. (Это примечание, опубликованное тогда в газете, было предназначено для невнимательных читателей, которые иначе не заметили бы, как в книжку Немцова вставились цитаты из «Ревизора».)

Немцов четко и обстоятельно объяснил, что его гонорар в семьдесят пять тысяч долларов (остальные двадцать пять тысяч получила редактор Крылова) — плата не за русское издание книги «Провинциал», а за право на ее издание во всем мире. И даже есть письмо агентства, предлагающего сто семьдесят тысяч марок за право издания «Провинциала» в Германии.

Гонорар сказочный. Письмо агента сочинить недолго. Но сколько же должно найтись немцев, желающих купить размышления Немцова, чтобы оправдались расходы издателей?

Впрочем, книга включает еще и три анекдота.

Книжку, за которую были выплачены сто тысяч долларов, Немцов не писал. Некая Лариса, держа магнитофон, задавала ему вопросы, он отвечал, потом эту анкету издали. Кому она нужна — не знаю.

Мы — на рынке. Большой гонорар — дело частное. Но когда издатель выплачивает несусветный гонорар, который невозможно окупить продажей книги, когда издатель действует себе в убыток — возникают вопросы.

Если кто-то дает взятку вице-премьеру — то это плохо, потому что, делая покупки, он не может объяснить, откуда деньги. А вот если человек получил гонорар за книгу — он заполняет налоговую декларацию с чистой совестью. И покупает яхту не прячась.

P.S. Еще один вице-премьер России — Альфред Кох (глава Госкомимущества) — написал книгу «Приватизация в России: экономика и политика». Не знаем, какова она в толщину, но швейцарская фирма “*Servina Trading S.A.*” заплатила Коху авансом сто тысяч долларов. Понятно, эта книга никому не нужна. Тем, у кого есть деньги на приватизацию в России, проще купить Коха, чем его книгу.

18 августа 1997, «Новая газета»

КОХ ПОКИНУЛ КРЕСЛО, ЧТОБЫ НЕ ОКАЗАТЬСЯ НА НАРАХ

Комментируя разговор Немцова с Лисовским (где первый требовал сто тысяч долларов немедленно), мы сочли необходимым показать, что такие гонорары обычны для наших вице-премьеров. Под руку подвернулась опубликованная в «Российской газете» декларация Коха. И возник постскриптум: мол, проще купить Коха, чем его книгу.

Это, конечно, слишком грубо и даже оскорбительно. Наутро, после выхода газеты, стал я думать, как защищаться, если Кох подаст в суд.

Позвонил в Швейцарию с вопросом, может ли русский чиновник получить в Швейцарии за книжку по экономике сто тысяч долларов? Ответ: «Крупные издательства утверждают, что такой гонорар невозможен. Из русских один Горбачев мог бы получить столько. Для всех остальных *десять тысяч — это предел*».

Попросил американских журналистов: «Узнайте: сколько получает за книжку нобелевский лауреат по экономике?» Ответ: «Обычный аванс за рукопись (неважно — по физике, экономике, ботанике) не превышает двух-трех тысяч долларов. Если книга имеет успех и тираж распродан, тогда автору выплачивается остальная сумма, которая (вместе с авансом) составляет восемь-десять тысяч долларов. Если же книга успеха не имеет — авансом дело и ограничивается».

Выходит, Кох получил аванс, которого бы хватило на пятьдесят нобелевских лауреатов. И я слегка успокоился за свой постскриптум.

А тем временем журналист Пьер Вэйя, заведомо экономики журнала *“L’Hebdo”*, по моей просьбе нашел фирму *“Servina Trading S.A.”* в Женеве на улице *Chateau de Bellerive, 10*.

Оказалось, что это вообще не издательство. «Сервина» — крошечная контора, в которой числятся когда два, а когда три сотрудника (в зависимости от количества заказов на поздравительные открытки).

Пьер ВЭЙЯ. Утверждают, что авторские права на издание книги известного российского министра Коха приобретены вами за сто тысяч долларов.

Франсин ПЕЛЛАТОН (*администратор, преодолев изумление*). Мы, конечно, заплатили за авторские права, но сумму называть нельзя, так как это затрагивает автора.

В беседе выяснилось, что фирма еще не имеет коховской рукописи и надеется получить ее в конце года, после чего будет искать издателей и заказывать перевод на английский.

Затем Пьер Вэйя поговорил с конторщиком.

Зигфрид ПАСКУАЛЬ (*делопроизводитель*). Мы решили издать книгу, так как нас очень просили об этом во время открытия швейцарского филиала русского банка «Онэксим».

Простодушный месье Паскуаль! Никто не тянул его за язык рассказывать о взаимосвязи таких вещей, как сумасшедший гонорар за ненаписанную книгу и открытие «Онэксим-банка». Ничего об этой связи не зная, Пьер Вэйя никогда бы не догадался об этом спросить.

И вдруг вечером 13 августа телевизор сказал: «Вице-премьер правительства России Альфред Кох подал в отставку, она принята Черномырдиным и подписана президентом».

Постоянное опасение, что Кох молчит не напрасно и что мои телефонные разговоры внимательно слушаются, превратилось в абсолютную уверенность.

А на экране наши вожди тепло прощались с коллегой. Их единодушные похвалы порождали один вопрос. Если Кох такой хороший, чего ж его так легко отпустили?

Мы помним, с каким трудом формировалось «новое» правительство, как долго искали и все никак не могли найти до-

стойных людей. И вдруг вице-премьер (по словам Чубайса, самый достойный), не проработав пяти месяцев, уходит.

А по всему видно: не уходит — бежит.

Сожалея о расставании с верным напарником, Чубайс сказал: «Не один год Алик, простите, Альфред Кох был на одном из самых тяжелых и самых неблагодарных постов. Но, положив руку на сердце, спасибо ему должны сказать вместе с нами сегодня еще тысячи и тысячи людей. Это тысячи пенсионеров России, военнослужащих, учителей, те, кто сумел реально получить задолженность по зарплате. Это было бы невозможно, если бы не Альфред Кох».

Итак, спасибо Коху должны сказать миллионы, получившие пенсию и зарплату. Чубайсу кажется, что учителя и врачи получили от Коха подарок. Нет, Анатолий Борисович, люди получили *свои* деньги. Те, которые вы так долго где-то крутили, а потом отдали с огромным опозданием и без всяких процентов.

17 ноября 1997, «Новая газета»

СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ УВОЛЬНЯЮТ ЗА ЗАНЯТИЕ ЛИТЕРАТУРОЙ! ПОЗОР!

В среду 12 ноября в прямом эфире «Эха Москвы» я рассказал о гонораре за книгу пяти чиновников. Это было первое в мире сообщение о «деле писателей». В стране начались шум и крик, каких не вызвало даже начало Чеченской войны. Ельцин уволил четверых, а Чубайс лишился поста министра финансов.

Вот хроника событий.

Май 1997 года. Чубайс, Кох, Бойко и Казаков подписывают с издательством «Сегодня-пресс» договор на написание книги о приватизации в России. Гонорар каждого — девяносто тысяч долларов. (В сентябре к группе авторов присоединился Мостовой — с таким же гонораром.)

Июнь 1997 года. Авторы получают аванс — по пятьдесят тысяч долларов на брата.

4 августа. В «Новой газете» появляется статья «Я люблю, когда тарелки очень большие» — о книжке Немцова, за которую он получил сто тысяч долларов. В постскрипуме говорится про книгу Коха*.

В ответ — полная тишина. Но 13 августа Коха внезапно увольняют.

18 августа. В «Новой газете» публикуется статья «Кох покинул кресло, чтобы не оказаться на нарах».

В ответ — полная тишина.

* Про книгу Чубайса и его соавторов я еще ничего не знал.

1 октября. Прокуратура по следам нашей публикации возбуждает уголовное дело в связи с гонораром Коха. Чубайс заявляет: «Я прекрасно знаю Коха десять лет. Я знаю, что Кох — честный человек... все сказанное о Кохе — это вранье, которое хорошо оплачено».

Чубайс негодовал, что пресса привязалась к Коху «из-за каких-то несчастных ста тысяч долларов» (так и сказал!), и уверял, что книга написана. Однако «Сервина» продолжала утверждать, что рукописи пока не видела.

28 октября. На борту самолета Москва—Лондон Чубайс дает интервью журналистам, которых взял с собой. Он *впервые* сообщает о книге, за которую четыре месяца назад соавторы уже получили по пятьдесят тысяч долларов. Он говорит:

«Важнейшая задача государственной политики — это защита частной собственности в России. *Кстати, добавлю, раз уж об этом зашел разговор.* Мы подготовили фундаментальную монографию, которая ответит на важнейшие вопросы развития частной собственности в России, ее создания, и для этого собрали коллектив, который, собственно, и занимался созданием частной собственности в нашей стране: Чубайс, Мостовой, Бойко, Казаков, Кох — люди, которые, собственно, и делали приватизацию. Замысел был таков, чтобы сделать это к пятилетию приватизации, к 1 октября, но, к сожалению, не успели вовремя. Это будет не сборник, а именно монография. Месяца через полтора-два мы закончим. 95% гонорара за это издание авторы внесут в специальный фонд защиты частной собственности в России».

Мы видим, что Чубайса о книге никто не спрашивал. Он сам «кстати добавил» о ней. Обещал пожертвовать 95%, но о полученных авансах ни слова.

В это время прокуратура ведет допросы Коха, проводит выемки документов и, возможно, уже знает о готовящейся монографии и ее цене: четыреста пятьдесят тысяч долларов. Не исключено, что рассказом о монографии на борту самолета Чубайс начал готовить себе и соавторам мягкую посадку на случай скандала.

12 ноября. Выступая в прямом эфире «Эха Москвы», я впервые рассказываю о размере гонорара за книгу пяти чиновни-

ков. Первая реакция Чубайса привычна: все сказанное — полное вранье.

13 ноября. Чубайс называет мое сообщение уже «залежалым информационным товаром». Он имеет в виду, что в октябре рассказал о готовящейся книге. Он притворяется, будто не понимает разницы между рассказом об идейном проекте и информацией о полученных деньгах.

14 ноября. Черномырдин заявляет: «*Эта история — полная неожиданность для меня, для президента*». Не такой, выходит, лежалый товар.

13 ноября. Чубайс весело говорит: «Все вранье».

14 ноября. Чубайс грустно говорит: «Гонорары высоки. Правда. Упрек этот справедлив, надо это признать».

Нет, речь не о том, высок гонорар или низок, а о том, что в честном книгоиздательстве такой гонорар НЕВОЗМОЖЕН. Он не окупится никогда.

13 ноября. Чубайс говорит: «*Книга готова. Ее видели десятки журналистов*».

Показать можно любую папку с завязками. 28 октября в самолете Чубайс говорил: «Месяца через полтора-два мы закончим». А кончил, выходит, через две недели.

14 ноября. По телевизору показывают Гайдара, перебирающего какие-то листочки и бормочущего: «Книга, конечно, неровная, но местами интересная».

Интересная кому? Если бы авторы рассказали *о будущем* — о том, что, когда, где и почему будет продано, то любой миллиардер заплатил бы миллионы долларов за то, чтобы эту «книгу» издали для него в одном экземпляре (или просто прошептали на ушко). Но «История ваучерной приватизации» с точки зрения бизнеса — повесть о прошлогоднем снеге, об афере, которая давно позади. Такая литература представляет интерес только для экономических факультетов.

Добавим: «фундаментальная монография» оказалась книжечкой в двести с чем-то страниц. Может быть, потому, что преждевременно кончили.

13 ноября. Чубайс заявляет: «95% денег будет возвращено авторами в Фонд защиты частной собственности, общественный совет которого возглавляет Гайдар. Договор о том, что ав-

торы возвратят 95% выплаченных денег, был подписан. Часть авторов, которые уже получили гонорар, вернули деньги».

В тот же день Гайдар сообщает журналистам, что деньги пойдут в фонд, который называется по-другому и который пока еще только создается. Господа явно не успели согласовать показания.

«Писатели» пытаются объяснить гигантские гонорары: мол, это не за русское издание, а за авторские права. Мол, по всему миру будут читать. Брежнева издавали и на зулусском, он, бедняга, верил, что первобытные аборигены читают его труды (сочиненные придворными). Но наши же не столь доверчивы, они же не маразматика.

P.S. В других странах за такие гонорары людей с работы выгоняют и под суд отдают. А у нас такие «писатели» генеральную прокуратуру по стойке «смирно» ставят и в суд на журналистов подают.

Двое таких писучих министров — Чубайс и Бойко — судились со мной. Проиграли.

11 мая 1998, «Новая газета»

ТОРЖЕСТВЕННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РФ ПЕРЕД РОССИЙСКИМ НАРОДОМ

Миллионы людей чувствуют жгучий стыд, глядя теленовости. На экране — Первое Лицо. Там, в Кремле, оно улыбается, произносит ртом слова и что-то показывает руками. А тут, в своих домах, люди не в силах смотреть, отводят глаза, восклицая: «Господи, что он говорит!»

Почему людям стыдно смотреть, а Лицу не стыдно делать?

Стыдно — это когда кто-нибудь видит.

Присев в лесу по нужде, человек не чувствует стыда. Но, услышав приближающиеся голоса, краснеет как рак и судорожно натягивает штаны.

Он испугался, что его увидят.

Погодите, но, пока он был без штанов, его видели тысячи глаз — муравьи, жуки... Нет, козьявки не в счет. Козьявки — это никто, даже если их миллионы.

Римские матроны, нежась в бане, могли делать и говорить совершенно непристойные вещи. Их не смущало, что при этом присутствуют дюжины рабов и рабынь. Рабы не в счет. Они — никто, сколько б их ни было.

— Черномырдину мы не доверяли, — говорит Первое Лицо. И начинает объяснять, как из-за этого недоверия ему приходилось все контролировать, а всякая государственная бумажка ползла, «оказывается (Лицо изумленно улыбается), по инстанциям два километра». «Теперь мы все это порубили, — Лицо показывает руками, как рубило, — теперь будет иначе».

Правильно было бы начать разбираться в этой каше. Если не доверял — почему шесть лет держал в премьерах? Если не доверяешь — как же поручаешь руководство выборами 2000 года?* Но об этом никто не думает. Люди слышат: «Черномырдину мы не доверяли», — и в изумлении поворачиваются друг к другу: «Как же так?! Вчера троекратно целовал, орден вешал...»

Людам стыдно. Им стыдно за Первое Лицо.

А на следующий день:

— Лужков, конечно, надеялся на орден, — Лицо улыбается, — но хватит с него и значка «Почетный строитель».

Не исключено, что кто-то злорадствует. Но нормальные люди в недоумении: как можно так унижать?

Можно.

Ибо униженные и оскорбленные, вместо того чтобы хлопнуть дверью (да так, чтоб с петель сорвалась), начинают благодарить: «Вы — наши отцы, мы — ваши дети...» И приятно улыбаются.

Должно быть, им кажется, что их никто не видит. Ведь нас там нет, мы дома — у телевизора.

Мы их видим, а они нас — нет.

И ладно государственные деятели — они считают, что «для пользы дела» надо все стерпеть. Они несвободны. Но вот знаменитая на всю планету балерина, получая орден, говорит, что «постоянно чувствует заботу» Первого Лица... Счастлив человек, обладающий специальным органом, который постоянно чувствует вождя.

Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе? Опять — Лучший Друг пограничников, Лучший Друг пионеров? Опять — «спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство»?

И тогда великий вождь заставлял высших руководителей партии и правительства кукарекать под столом, плясать гопака, поил до полного безобразия. Не помню, бросали ли помощников товарища Сталина в воду с прогулочного теплохода**, но дело ведь не в разновидностях позора.

* В утешение Ельцин поручил уволенному Черномырдину руководить президентскими выборами, тем самым лишив его на всякий случай возможности участвовать.

** По приказу (по капризу) Ельцина с борта в реку скинули Кости́кова. Ничего, умылся.

Во времена Иосифа Виссарионовича страна не видела этих унижений. Теперь всё видим сразу. Видим рабскую позу. Слышим льстивые слова: «Очень сильный ход, Борис Николаевич!» Слышим восторги по поводу крепости рукопожатия.

Телевизор чуть не каждый день показывает, как президент что-то якобы обсуждает с очередным министром. Кто же верит, что они в этот момент управляют страной или хотя бы решают некую государственную проблему?*

Пара в постели может заниматься любовью, зачатием, сексом. Но пара в постели перед видеокамерой делает порнографию. И все знают, для чего она делается. Для продажи. И чем гуще порно, тем глупее покупатель.

...То ли в брежневские, то ли в какие-то другие времена, разглядывая на экране плохо функционирующего владыку, я вдруг подумал: не возьмут даже сторожем. То есть окажись владыка внезапно на другой планете, где все так же, как у нас, и так же говорят по-русски, но его, владыку, никто не знает, — никто не взял бы его ни на какую работу. Ни слесарем, ни бухгалтером, ни тем более учителем (хоть бы и в младшие классы).

Напрасно нам их показывают.

Они нас не видят. Нас как бы нет. А мы их видим. Это нечестно.

Впрочем, присутствие людей-наблюдателей — необязательное условие стыда. Однажды Папа Римский очень сердился на Микеланджело. Папе не терпелось открыть новый собор, а скульптор все возился, отделявая зад последней статуи.

— Что ты копаешься?! Эту статую задвинут в нишу, и никто никогда не увидит ее зада! — кричало Первое Лицо.

— Бог увидит, — ответил подданный.

Чтобы было стыдно даже тогда, когда никто не видит, надо верить в Бога. Но, глядя на экран, приходится констатировать, что все они там, наверху, атеисты. Судьба души для них не в счет.

А если они равнодушны к собственной душе — с какой стати им заботиться о наших?

Выход один. В целях душевного здоровья нации надо запретить свободу печати. Запретить показ лица.

* И теперь это кино каждый день.

21 сентября 1998, «Новая газета»

ВСЕ НА ВЫБОРЫ! НО НЕ РАНЬШЕ 2012 ГОДА

**Вместо того чтобы жить своей жизнью,
мы тратим ее на выборы**

Назначение премьера* умиротворило депутатов, но жизнь людей не улучшилась.

Просто стало тише.

Телевизоры перестали кричать про неминуемую гражданскую войну, и те, кто воспринимает происходящее по газетам и ТВ, решили, будто кризис миновал.

Тяжелые времена приближались незаметно.

Крах дутой экономики был неизбежен. Но попытки сказать, что пирамида ГКО неминуемо рухнет и мы окажемся в том месте, куда совсем не хочется, — такие попытки или не воспринимались вообще, или воспринимались с крайним раздражением.

Странные (чтобы не сказать вредительские) действия правительства и паническое поведение граждан резко ухудшили положение в стране.

Только в Москве на улицу вылетели двести тысяч банковских служащих и сотрудников всяческих фирм. Выводов пока никто не делает, но они напрашиваются сами. Эти двести тысяч хорошо зарабатывали. Это благополучные семейные люди:

* После дефолта премьером стал Примаков.

жена, двое детей, теща... Значит, теряют работу двести тысяч, а жить хуже начинают миллион человек. И это не всё.

Именно хорошо зарабатывающие покупали хорошую одежду, хорошую еду, отдыхали за границей, платили врачам и учителям...

Постоянно говорят о десятке олигархов-миллиардеров, об их войнах, интригах, влиянии. И никто не сказал, сколько же сотен тысяч человек жили очень сытой, очень благополучной жизнью.

Большие деньги расплзались по всей стране. Открывались частные гимназии и шикарные рестораны. Да, для богатых. Но работу и зарплату, выходит, получали и учителя, и официанты. Если в меню есть мясо дикого кабана и пятнистого оленя, значит, деньги буржуев доходят и до охотников (или кто там поставляет экзотические продукты).

Разоряются богатые — закрываются магазины для богатых — плохо становится и продавщицам, и кассиршам, и сто-рожам, и их семьям.

Правительство (Гайдара ли, Черномырдина ли) так и не научилось создавать рабочие места. Все государственное, кроме аппарата, съезживалось и нищало. Создавали только частники. И именно по ним ударило сильнее всего, а значит, по всем, кому они платили.

Это же фантастическое устройство общества: правительство устраивает кризис, на улицу вылетают двести тысяч человек — и ни одного государственного чиновника.

Жизнь наша в ближайшие месяцы будет ухудшаться со всеми вытекающими отсюда последствиями. И в таких условиях мы собираемся проводить выборы?

Кого же мы выберем?

Кого вообще способно выбрать раздраженное, мечущееся, озлобленное население?

Во время войны обязательно выберут генерала. Во время беспорядков — диктатора. Но они — генералы и диктаторы — в принципе не способны налаживать нормальную жизнь.

Если сельское хозяйство в упадке, то нужен трактор, а не танк. Нужен агроном, а не генерал, который прикажет кукурузе расти в Заполярье. Нужен юрист, экономист...

Беды 20–30-х годов возникли еще и потому, что террористы типа Ленина–Сталина и красные командиры — герои Гражданской войны — приступили к руководству мирной жизнью.

Вот ее и не случилось. Нельзя же считать жизнь мирной только потому, что нет войны. Если ежедневно расстреливают академиков, священников, врачей, поэтов, рабочих и крестьян — то какая же это мирная жизнь? Это гражданская война, только без линии фронта, то есть повсеместная. И с безоружными, то есть не с врагами, а с жертвами. (Стоит задуматься: важно ли поставленному к стенке, кто его сейчас кокнет — родное НКВД или гитлеровское гестапо? Если тебя убивают враги, ты герой. А если свои — ты кто?)

Мы и в тихом 1996-м не сумели выбрать ничего хорошего. Выбрали «меньшее зло», выбрали сердцем. Это же очень странный способ. Ботинки выбираем умом, картошку — умом, врача — умом, а человека, от которого потом несколько лет будет зависеть вся жизнь, — сердцем.

...Имея по литературе слабую тройку, я из школьного Горького запомнил только историю Данко. Он куда-то вел людей и завел в болото. Люди рассердились на Данко, хотя пошли они за ним добровольно и сердиться должны были бы на себя. «Ты завел нас и утомил, и за это ты погибнешь!» — почему-то именно это место запомнилось дословно. «Что сделаю я для людей? — сильнее грома крикнул Данко». Ну, дальнейшего известно: он разорвал себе грудь, вытащил сердце (оно ярко светилось, то есть было явно искусственным) и повел всех дальше.

Не помню, чем у них там дело кончилось, но обратите внимание: с этого момента толпа шла за совершенно бессердечным человеком.

Только потому, что Германия была в тяжелом положении, немцы выбрали Гитлера.

Надо бы отложить президентские выборы. Заморозить лет на двенадцать. Полномочия Ельцина истекут в 2000 году или прекратятся раньше, а потом пусть кресло будет вакантным. До 2012 года. Мы останемся президентской республикой, но будем жить без президента. И — без депутатов.

Не решимся на отмену — все силы и деньги уйдут в ближайшие два года на выборы депутатов и президента. Все деньги и силы потрачены будут на интриги, лживые обещания, потемкинские деревни.

Пусть все покажут себя в деле. Дайте Лебедю спокойно поработать губернатором. Вытащит Красноярский край — в 2012 году проголосуем «за». Доконает? Все же один край, а не всю Россию.

Дайте наконец возможность судить по делам, а не по словам.

Если нынешние претенденты способны на строительство нормальной жизни, мы за двенадцать лет это увидим. А они наконец-то смогут отдавать все силы делу, а не поиску популярности к скорым выборам.

Нарушение Конституции? Ну и что? Во-первых, она ужасно шахрайская. Во-вторых, точно известно, что голосование за нее было фальсифицировано.

Все согласны, что она местами крайне неудачна. Дума давно хочет ее переписать. Вот и давайте. Но — не под себя.

Писать Конституцию должны те, кто не будет ни депутатом, ни президентом. Следует законодательно оговорить, что соавторы (Конституционное собрание) не имеют права баллотироваться на первых выборах. То есть их очередь, если уж им захочется, наступит лишь в 2014 году.

Такое «поражение в правах» коснется очень немногих. Конституционное собрание вовсе не должно состоять из пятисот хорошо оплачиваемых членов (творческих интеллигентов, передовиков, доярок, академиков). Довольно будет семи лучших юристов. Не модных, а лучших. Пусть консультируются с кем хотят, пусть предлагают проекты на гласное обсуждение. И времени у них будет не три месяца, а семь лет.

Недостатки Конституции (за которые уже уплачено и кризисами, и Чеченской войной) возникли не потому, что авторы были так уж глупы. Просто они заботились не о том. Заботились о благополучии начальника, а не страны. Писали «под Ельцина», а не для России. Отсутствие действующего президента избавит авторов Конституции от вредных посторонних соображений.

Отмена выборов:

1. Заставит претендентов работать на благо страны.
2. Сбережет как минимум миллиард долларов, который иначе уйдет на пляски и в коробки.
3. Сделает телеканалы и газеты источником информации, а не агитации и пропаганды.

Ведь сейчас, кроме выборов, они ни о чем не могут говорить. Если нет событий, обсуждают рейтинги, а то и просто создают псевдоновости. Ставят возле Думы видеокамеру и устраивают «прямые включения». Ведущая, заметно волнуясь, выходит на связь:

— Валерий?

— Да, Марина!

— Кто это сейчас отъехал от Государственной Думы? Валерий!

— Это отъехал помощник депутата Иванова. Марина...

— Если я вас правильно поняла, это был помощник депутата Иванова?

— Да, Марина. Вы меня поняли правильно, это был помощник депутата Иванова.

— Ну что ж, спасибо, Валерий. Будем ждать от вас дальнейших сообщений.

Новость, как видим, состоит в том, что в эту минуту возле Думы мерзнет корреспондент, поглядывая через Охотный Ряд туда, где возле гостиницы «Москва» мерзнут уличные девушки.

Это — якобы новости. Столь же напориста и пуста якобы аналитика.

С кем встречался Юмашев, к кому прислушивается Татьяна Борисовна, что внушил Черномырдину Березовский и куда он послал генерала Лебеда...

Все, что происходит в стране, преподносится как результат интриг и заговоров. Такое одноклеточное восприятие мира.

Взгляд не новый. Наполеон проиграл Ватерлоо из-за насморка. Империя Александра Македонского погибла потому, что у полубога случилась дизентерия. То есть залетает какая-то бактерия и поворачивает исторический процесс. Взгляд для бактерий очень лестный.

Да, очень часто ход вещей определяется, кажется, какой-то ерундой. И каждый волен: видеть ли бактерию руководителем

Ельцин

исторического процесса либо в поисках ответа взглянуть куда-то повыше.

Хоть фараон, хоть Распутин, хоть ефрейтор, хоть семинарист — рано или поздно повелевающая миром бацилла затевает что-то неподъемное. Ей кажется — очередное, а оно неподъемное.

Если не метаться с вытаращенными глазами, если дать стране успокоиться, то люди постепенно начнут видеть все так, как оно есть. Пусть лидеры проявят себя в работе, пусть лопнут мыльные пузыри (они же долго не держатся, вспомните Немцова). И зачем спешить: не успели зажить раны прошлых выборов, не расследовано воровство коробок, а нам подавай следующие.

Граждане, ну не умеем мы еще выбирать. Посмотрите, какого мы выбрали президента, каких депутатов, каких губернаторов. Прокуратуре за пятьдесят лет не перепахать.

...Странно получается. Поносим президента и депутатов на чем свет стоит, а жить без них ни минуты не хотим*.

P.S. Вот только сейчас мы бы готовились к выборам первого «послеЕльцина».

* И сейчас опять — иди пихать бумажку в урну.

2 ноября 1998, «Новая газета»

ПРОЩАЙ, УМЫТАЯ РОССИЯ

Признания бывшего вице-премьера

В прежнее время, если молодой человек, сделавший хорошую карьеру, начинал плохо себя вести, ему с упреком говорили: «Родина вам дала всё, а вы...»

Альфред Кох — бывший вице-премьер России, бывший глава Госкомимущества России, солидный, богатый бизнесмен, президент фирмы «Монтес Аури» («Золотые горы»), которая выплачивала Чубайсу и его соратникам сотни тысяч долларов и, возможно, продолжает выплачивать. Кох был нашим правительством. Он был на самом верху. Выше только две должности: премьер и президент.

Недавно в Америке вышла в свет книга «Распродажа советской империи», за обещание написать которую Кох два года назад получил сто тысяч долларов от маленькой швейцарской фирмы. В связи с выходом книги Кох на днях дал интервью русской радиостанции (WMNB) в США. Поскольку он упомянул там меня, мне позвонил из Нью-Йорка ведущий этого радио и предложил послушать запись. Я послушал и сказал: «Пришли кассету. Это должны услышать в России».

Граждане, у вас есть уникальная возможность увидеть образ мыслей нашего правительства. Увидеть, как они думают и что они думают.

Читая, не забудьте: перед вами не телефонный разговор, кем-то подслушанный. Перед вами — открытое, публичное выступление.

Чубайс много раз говорил о Кохе как о честном человеке и своем единомышленнике. То же самое Чубайс говорит о Гайдаре, а Гайдар — о Чубайсе. Правда — они единомышленники. Поэтому, читая, помните: перед вами не уникам, а член команды. И если такое Кох говорит в микрофон, можно представить, *что* они — Кох, Чубайс, Гайдар и пр. — говорят между собой.

И о чем они думают наедине с собой — тоже легко себе представить. То, что вы прочтете, можно было бы не комментировать. Но, читая, вы не услышите ни усмешек, ни хихиканья, ни той интонации, с которой сверхчеловек говорит о недочеловеках.

— Альфред, какой смысл вы вкладывали в название книги — «Распродажа советской империи»?

— Я — никакого. Это титул, придуманный моим издательством.

— Говорят о том, что приватизация в России носила дикий характер...

— Она везде такой характер носила. Пожалуйста: Чехословакия — там тоже недовольны итогами приватизации. Нигде, ни в одной стране мира результатами приватизации электорат не доволен.

— А что Россия реально получила от приватизации?

— Россия реально от приватизации получила фондовую инфраструктуру, возможность торговать акциями, возможность привлечения инвестиций через этот инструмент, Россия получила слой частных собственников, Россия получила деньги... э-э-э... порядка двадцати миллиардов долларов, и мне кажется, что этого достаточно.

— А что в путях проведения приватизации было, на ваш взгляд, неприемлемым?

— Ну, я бы отказался от ваучеров, если бы не давление со стороны Верховного совета. (Нам почему-то казалось, что ваучеры — это Чубайс, а не Хасбулатов. — А.М.)

— Часто в прессе появляются названия предприятий, которые якобы были куплены за очень небольшую часть реальной стоимости, и в связи с этим говорят, что народ просто был ограблен.

— Ну, народ ограблен не был, поскольку ему это не принадлежало. (А кому? — *А. М.*) Как можно ограбить того, кому это не принадлежит? А что касается, что по дешевке, пускай приведут конкретные примеры.

— Ну, например, «Норильский никель». Если я не ошибаюсь, его оценили в сто семьдесят миллионов долларов, а говорят, он стоит многие миллиарды.

— Ну, пускай те, кто говорит, многие миллиарды за него и заплатят. Я бы хотел посмотреть на тех, кто заплатит хоть один миллиард за «Норильский никель», у которого на тот момент, когда мы его продавали, убытки составляли тринадцать триллионов рублей.

— Высказывается мнение, что в России катастрофа и экономическое будущее призрачно. Как вам кажется?

— Мне тоже так кажется.

— Не видите света в конце туннеля?

— Нет.

— А как вы прогнозируете экономическое будущее России?

— Сырьевой придаток. Безусловная эмиграция всех людей, которые могут думать, но не умеют работать (в смысле — копать), которые только изобретать умеют. Далее — развал, превращение в десяток маленьких государств.

— И как долго это будет длиться?

— Я думаю, в течение десяти-пятнадцати лет... Вы понимаете... В течение семидесяти лет, когда формировалось мировое хозяйство, Россия, вернее Советский Союз, находился как бы вонне, развивался отдельно, по каким-то своим законам. И мировое хозяйство сформировалось без Советского Союза. И оно самодостаточно, там есть достаточные ресурсы, все есть. И сейчас Россия появилась, а она никому не нужна. (*Смеется.*) В мировом хозяйстве нет для нее места, не нужен ее алюминий, ее нефть. Россия только мешает, она цены обваливает со своим демпингом. Поэтому я думаю, что участь печальна, безусловно.

— Прогнозируете ли приход инвестиций в Россию, будет ли он в той мере, в какой его ожидают?

— Нет, потому что Россия никому не нужна (*смеется*), не нужна Россия никому (*смеется*), как вы не поймете!

— Но ведь Россия имеет гигантские экономические и людские ресурсы, и работать на российский рынок...

— Какие гигантские ресурсы имеет Россия? Этот миф я хочу развенчать наконец. Нефть? Существенно теплее и дешевле ее добывать в Персидском заливе. Никель в Канаде добывают, алюминий — в Америке, уголь — в Австралии. Лес — в Бразилии. Я не понимаю, чего такого особого в России?

— Но торговать с Россией, с огромной страной, где огромная потребность купить, купить, купить...

— Для того чтобы купить, нужно иметь деньги. Русские ничего заработать не могут, поэтому они купить ничего не могут.

— Словом, вы не видите никаких перспектив?

— Я — нет. (*Смеется.*) Ну, Примаков если видит, пускай работает (*смеется*), я, как только перестал их видеть, я уволился из правительства. (Не он уволился, а его уволили. 11 августа 1997 года вице-премьер России Кох вместе с семьей улетел в Америку в отпуск. А 12 августа внезапно сообщили о его отставке. 14 августа он вернулся на полтора дня, «сдал дела» и улетел обратно в США. Несмотря на очевидный скандал, Чубайс по привычке врал, что эта отставка — «плановая». Кох же хочет нам внушить, что до увольнения был патриотом, энтузиастом, государственнымником, потом продал «Связьинвест» и с 12 августа вдруг стал пессимистом и уволился. Вот если найдется девушка, которая в это поверит, Коху следует на ней жениться. С такой доверчивой жить ему будет очень удобно. — *А.М.*)

— Как, по-вашему, может вернуться экономическая политика российского правительства? Будет ли возврат к старым методам?

— Какое это имеет значение? Как ни верти, все равно это обанкротившаяся страна.

— И вы полагаете, что никакие методы хозяйствования Россию не спасут?

— Я думаю, что бесполезно.

— Могут ли быть реформы в обычном понимании этого слова приемлемы для России?

— Если только Россия откажется от бесконечных разговоров об особой духовности русского народа и особой роли его, то тогда реформы могут появиться. Если же они будут замыкаться на национальном самолюбии, и искать какого-то

особого подхода к себе, и думать, что булки растут на деревьях... Они так собой любят, они до сих пор восхищаются своим балетом и своей классической литературой XIX века, что они уже не в состоянии ничего нового сделать*.

— Но, может быть, у России свой путь?

— В экономике не бывает своего пути. Есть законы.

— Если исходить из вашего взгляда на завтрашнее России, то весьма безрадостная картина создается...

— Да, безрадостная. А почему она должна быть радостной? (Смех.)

— Ну просто хотелось, чтобы многострадальный народ...

— Многострадальный народ страдает по собственной вине. Их никто не оккупировал, их никто не покорял, их никто не загонял в тюрьмы. Они сами на себя стучали, сами сажали в тюрьму и сами себя расстреливали. Поэтому этот народ по заслугам пожинает то, что он плодил.

— Вы считаете, что ельцинские реформы полностью потерпели крах или они все-таки скажутся на будущем России? Ведь многое изменилось в России за последние десять лет.

— Да, мы старались изменить. Я думаю, что это лет через двести-триста скажется.

— А что Россию ожидает в политическом смысле, будет ли возврат к старым методам?

— Я считаю, что политически Россия занимает совершенно идиотскую позицию относительно Югославии. Россия — страна полиэтническая, в которой есть и мусульмане, и православные, и иудеи, и черт в ступе, а они почему-то такую православную позицию заняли, защищают сербов, которые, на мой взгляд, не правы. Я не понимаю, что такое внешняя политика России, для меня это некий набор совершенно не связанных друг с другом заявлений, лишь бы заявить себя как великая держава.

— А что может произойти внутри России, могут ли прийти к власти люди, которые исповедуют коммунистические идеи?

* В 2003-м правые назначили его идеологом своей избирательной кампании. И на теледебатах рядом с Кохом сидела, хихикая и шушукаясь с ним, злющая баба, как в насмешку называемая «русская писательница Толстая».

— Они уже пришли. По полной программе. Хрестоматийные коммунисты: и Маслюков, и Примаков, и прочие.

— А вы думаете, что Зюганов тот самый коммунист...

— Не надо думать, что Зюганов социал-демократ. Он пытается таким показаться перед Западом. Обычный коммуняка, ничего больше.

— Внутриполитическая ситуация в России — как она, на ваш взгляд, будет развиваться?

— Для того чтобы пришли коммунисты к власти, не надо никакого взрыва-мятежа. Они абсолютно легально придут, как фашисты в тридцать третьем в Германии.

— Если коммунисты придут к власти, чего можно от них ожидать?

— Может быть, будет коммунизм.

— Нет, ну какого коммунизма от них можно ожидать? Коммунистами были и Сталин, и Горбачев...

— Меня любой не устраивает, хоть сталинский, хоть горбачевский.

— Но что может быть в России реально? Могут ли быть тюрьмы, репрессии, что-то похожее на 1937 год?

— Может. Очень много желающих.

— Все же многие считают и приводят массу доказательств, что — какой же Зюганов коммунист?

— Он коммунист хотя бы потому, что называет себя коммунистом. Допустим, есть такой лейбл, на котором написано «говно». Вот я бы на себя такой лейбл никогда не повесил. А человек берет лейбл «коммунист» и на себя вешает. Вот для меня это равновеликие понятия.

— Минкин сказал, что после того, как начался весь этот сыр-бор насчет гонораров, которые, как он считал, были скрытой формой взятки, Чубайс заявлял о том, что какая-то значительная часть от этих денег (90%) была перечислена в фонд. Минкин говорил, что до сих пор это не было сделано.

— Это ложь. Мы готовы показать платежные поручения и чеки.

— Что все перечислено?

— Все. Это просто прямая ложь. (Даже в суде соавторы Коха Чубайс и Бойко не смогли показать платежные документы,

не смогли доказать, что они выполнили свое обещание «перечислить 95% гонорара на благотворительные цели». Процентом 30—40 они передали в свой фонд (то есть себе же), а на благотворительность — ни цента. — *А.М.*)

— Насколько велик интерес на Западе к тому, что сейчас происходит в России?

— Интерес очень сдержанный. Не больше, чем к Бразилии. Россия наконец должна расстаться с образом великой державы и занять какое-то место* в ряду с Бразилией, Китаем, Индией. Вот если она займет это место и осознает свою роль в мировом хозяйстве, тогда от нее будет толк.

— То есть, значит, смиренно надо признать подлинное место в жизни и идти учиться в школу?

— Конечно! Вместо того чтобы с тремя классами образования пытаться изобретать водородную бомбу. (Это про Сахарова, что ли? — *А.М.*)

— На ваш взгляд, как все это произошло, к этому вели какие-то предпосылки?

— Это произошло просто по глупости, которая привела к катастрофе и признанию долга Советского Союза. Это была глупость, девяносто миллиардов долларов повесили на очень слабую экономику, и дальнейшая катастрофа — это был просто вопрос времени. Запад обманул Россию, Запад обещал реструктурировать этот долг и не реструктурировал его. Запад обещал экономическую помощь — и не оказал ее и оставил Россию один на один с этим долгом, который в общем-то делала не она. Я думаю, что это элемент специальной стратегии — стратегии ослабления России, стратегии Запада (говорит исполнитель стратегии. — *А.М.*).

— Значит, экономические беды России идут от Запада, так получается?

— Экономические беды России — прежде всего от семидесяти лет коммунизма, которые, грубо говоря, испоганили народную душу и народные мозги. В результате получился не русский человек, а *homo soveticus*, который работать не хочет, но при этом все время рот у него раскрывается, хлеба и зрелищ хочет.

* И точно заняли это место — называется БРИК.

— Насколько Запад понимает, что хаос в России может быть угрозой всему миру?

— Я, откровенно говоря, не понимаю, почему хаос в России может быть угрозой всему миру. Только лишь потому, что у нее есть атомное оружие?

— Вот именно. А разве этого мало?

— Я думаю, для того чтобы отобрать у нас атомное оружие, достаточно парашютно-десантной дивизии. Однажды высадить и забрать все эти ракеты к чертовой матери. Наша армия не в состоянии оказать никакого сопротивления. Чеченская война это показала блестящим образом.

— Какова ваша ниша в российской жизни?

— Нету никакой ниши. *(Хихикает.)*

Вот единомышленник Чубайса, Гайдара и др. Вот его мышление. Вот кого назначил Ельцин заведовать Госкомимуществом, точнее, продажей всего имущества России.

В правительстве был человек, который абсолютно не верил, что страна может подняться. И, значит, был там, наверху, для чего-то другого.

Перед нами типичный русский холоп (хоть и немец). Будет смотреть, как подыхает лошадь, и пальцем не шевельнет: она же не его — барская, соседская, чужая, зачем ей жить?

Яша, лакей («Вишневый сад»), когда никто не слышит, говорит старому Фирсу: «Скорей бы ты подох». И тут же просит барыню: «Возьмите меня с собой в Париж! Здесь жить невозможно, одно невежество».

С высокомерным презрением он говорит «они», «русские»... Он не говорит «русише швайн», потому что это неприлично. Но он так думает. Это очевидно.

Он не может думать иначе. Потому что либо «русише швайн», либо «Кох — швайн».

Человек хочет считать себя хорошим и честным. Голубой воришка Альхен воровал и стыдился, чувствовал, что поступает нехорошо, обирая старух в богадельне. Он не идейный.

Будь Альхен таким же идейным, как Альфред Кох, считай он, что старухи — швайн, что они мусор, что должны подохнуть, тогда чего стыдиться?

Если любишь или хоть уважаешь, обворовать совестно. Но если презираешь, если не считаешь за людей — тогда, как говорится, сам бог велел.

Человек с таким образом мыслей не может не воровать. Особенно если обеспечена безнаказанность, если проделки оформляются в виде постановлений правительства.

За мысли нельзя наказывать. Почему же у людей, которым я показывал интервью Коха, возникало желание его наказать? Должно быть, потому, что понимаешь, как он действовал, если он так думает.

Но скоро возмущение проходит, и начинаешь Коха жалеть. Он, конечно, проживет жизнь сытую, проживет хихикая. Но человеком он вряд ли станет. Разве что чудом.

Последний вопрос интервьюера «Какова ваша ниша?» звучит жутко. О нишах и ареалах обычно говорят в связи с животными. Потому что среда обитания и родина — понятия не тождественные. Коха спрашивают как животное. Но это вызвано тем, что сам он наговорил. И Кох не задет термином, спокойно отвечает: нету ниши. Не Дом, не Дело — ниша. Крыша, квота, льгота и маржа.

Впрочем, все сказанное Кохом вызывало бы гораздо меньше эмоций, если бы читатель считал его не бывшим вице-премьером России, а тем, кто он есть: обвиняемым по уголовному делу о квартирных махинациях.

Год назад были опубликованы (не мною) телефонные разговоры Коха с бизнесменами и чиновниками. Разговор с бывшим первым замом руководителя Администрации Президента России, председателем совета директоров РАО «Газпром» и своим соавтором по невышедшей книге о приватизации Александром Казаковым Кох начинает так: «Сань, я педераст». Если Кох имел в виду не свою сексуальную ориентацию, а состояние души, то с этой самооценкой спорить совершенно невозможно.

P.S. Но — вернулся! И ниша нашлась. Союз Правых Сил (Немцов, Чубайс, Хакамада, Кириенко) сделал его директором по идеологии на выборах в Думу-1999. Слоган у них был отличный: «Путина — в президенты! СПС — в Думу!»

1999

5 октября 1999, «МК»

МЕРТВАЯ ГОЛОВА

Отдать приказ — страшной войны

Взорвались наши дома. Из-под плит достают чьи-то тела, чьи-то руки, чью-то ножку, очень маленькую. Первое чувство: какой ужас! Потом: какое несчастье!..

А потом чувства начинают уступать место мыслям. Сперва: кто виноват? А потом: кому выгодно? А еще потом: что делать?..

До главного вопроса современности — «сколько это будет стоить?» — почти никто не доходит. Кроме тех, вероятно, кто все это устроил и, конечно, заранее это все подсчитал.

В декабре-94, в день ввода войск в Чечню, тогдашний министр финансов сказал: *«Если управимся за неделю — бюджет выдержит»*.

Тогда это многих ошеломило. Казалось, неделя — огромный срок. Осторожный финансист отвел на сухопутную операцию в *восемьдесят четыре раза больше*, чем министр обороны, который обещал «за два часа». Продолжалась война два года. Некоторые пенсионеры и тому подобные бюджетники до сих пор не могут понять, куда пропали их деньги.

Осторожный Путин (в отличие от Грачева, его еще никто по телевизору не видел выпившим) тоже обещал «управиться к концу недели». И добавил: «Это вам не 94-й год»*. Добавка означала, что власти чему-то с тех пор научились. Тем не менее воюем уже третий месяц.

* Цитаты точные.

В нищем бюджете 1999 года эта война не предусмотрена. И МВФ ее вряд ли оплатит.

Самое популярное решение: ковровые бомбардировки. И журналисты по ТВ, и генералы в один голос: даешь ковровые!

Но ведь это бессмыслица. Ни в Милошевича, ни в Саддама Хусейна, ни в Басаева ковровые (они же паркетные) «бомбардировщики» никогда не попадают. (Дудаев, если помните, погиб очень индивидуально.)

Бомбардировки бессмысленны, но это с обывательской точки зрения. С точки зрения военных — по обе линии фронта — это огромный приток денег и оружия. Война требует расходов. А самое главное — война все спишет.

Ковровые бомбардировки дали пока только один результат: сто тысяч беженцев. Россия опять произвела беженцев и опять обеспечить их жильем и едой не может, а морально не готова их принять. Ни один город России не хочет приютить у себя хороших чеченцев, которые убежали от плохих. Специально для тех, кто считает, что хороший чеченец — это мертвый чеченец, вынужден задать вопрос: «Грудных детей тоже включаете?»

Говорят: построим стену вокруг Чечни. Хорошая идея. Уверен, что подрядчики (которые в ту же секунду станут долларовыми миллионерами) предложат стену стометровой высоты и колючую проволоку из сверхценных сплавов.

Оставим вопросы, сколько будет стоить и как долго будут строить. Лучше скажите: кто останется внутри? Внутри, очевидно, останутся пастухи, женщины и дети. А Басаев, я в этом уверен, окажется снаружи. И Хаттаб окажется снаружи. И уж Бен Ладен точно останется снаружи.

И вообще, когда слышу фразу: «Во взрывах в Москве виноват Бен Ладен», я уверен, что одно слово в ней лишнее. И это слово «Ладен». А фраза станет даже точнее. Потому что это не Ладен, а совсем другой Бен* развязал в 94-м эту войну. И не сумел ни победить, ни как-нибудь по-умному уладить. Кончили кое-как. Перестала капать кровь — и ладно. Любой врач скажет: «Вы перевели острую форму в хроническую. И теперь обострения будут преследовать вас всю жизнь».

* Одно из популярных прозвищ Ельцина.

Люди, погибшие во взорванных домах, — это жертвы войны, развязанной Кремлем в 1994-м. И погибшие солдаты в Грозном-95, и погибшие в Москве-99 погибли не за Родину, а за преступную глупость.

Несчастье так велико и погибших так жалко, что виновным прощения, конечно, нет и не будет. И в этой ситуации свалить на кого-то вину во взрывах означает уничтожить этого «кого-то» в глазах всего народа и навсегда.

И такая возможность — слишком лакомый кусок в теперешней поганой сваре, которую по инерции называют политической борьбой.

Неделю назад Шерemet по ОРТ сказал, что во взрывах в Москве виноват Лужков. Вешать на Лужкова всех жеребцов и надевать на него женские парики — забава хоть и малопримечательная, но все же забава. Пусть подергается. Но вешать на человека сотни мертвых...

Представьте, что черные тарелки репродукторов в Москве осенью 1941-го передали бы официальное сообщение: «В гибели москвичей от фашистских бомб виноват Сидоров» (или как там, в 41-м, звали председателя Мосгорисполкома...).

Даже ко всему приученные советские люди задумались бы: разве это Сидоров подписал пакт «Риббентроп—Молотов»? Разве Сидоров поставлял в фашистскую Германию стратегическое сырье, нефть и оружие? Разве Сидоров обезглавил армию? Разве Сидоров упрямо не верил разведке, которая сообщала, что 22 июня... Разве Лужков устроил войну на Кавказе?

Ругают одних (Басаева, Хаттаба), а убивают и делают бездомными других. И только это — точно как в Югославии.

Многие заметили, как начала меняться лексика и манера прежде с виду вроде бы интеллигентного премьер-министра. Для начала он предложил министрам (в присутствии телекамера, что очень важно) перестать пускать слюни и сопли. Потом пообещал «мочить террористов в сортире».

Все эти цели и задачи можно и следует формулировать гораздо приличнее и гораздо точнее. Потому что ведь ни один министр так и не понял, что ему делать на благо Родины. Ну, утер слюни и сопли, а дальше что?

Грубая лексика Путина выдается за твердость позиции. Но это вещи разные. Грубая лексика — это всего лишь попытка потеснить генерала Лебеда в умах избирателей, и больше ничего. Потому что и грубая речь Лебеда была направлена только на то, чтоб заставить избирателя отдать генералу свое сердце, но не содержала ничего полезного и конкретного.

Путин сказал «мочить» — и это оставило большое впечатление. Но когда убогая радость — «Во парень! Свой в доску!» — когда эта убогая радость проходит, понимаешь, что премьер умудрился не сказать самое важное. Он не сказал, *кого* «мочить», и не сказал, *кто* должен это делать.

Мочить террористов вообще — это задача такая же примитивная, как борьба с коррупцией. С коррупцией вообще мы боремся годы, и результаты налицо.

Может быть, надо совсем другое? Может быть, вместо слабого рычания (грубые словечки еще можно перенять, а бас взаймы не возьмешь), может, вместо этих публичных выходов надо тихо подписать приказ?

Пусть Верховный главнокомандующий России и премьер-министр России договорятся между собой, кто из них подпишет секретный приказ конкретной спецслужбе (ГРУ, ФСБ, «Альфа» — мы не знаем, кто лучше подходит). А вскоре утром на центральной площади Грозного будут торчать на палочках головы вот тех самых, кого Путин избегает называть.

А спецслужбы — у них есть своеобразное понятие чести. И они больше не хотят понимать туманные намеки, а потом становиться крайними. Они хотят всего лишь бумажку с подписью. Пусть это будет приказ неконституционный — но пусть это будет приказ с личной подписью того, кто посылает их на смерть.

P.S. Когда в Москве взрывают дома — гибнут *москвичи*. Большинство погибших — русские. Тем не менее, там погибли и турки, и грузины, и много еще кто. Там погибли и кавказцы, и мусульмане... Это значит, убийцам абсолютно все равно, кого они убивают.

Вот бы и нам с тем же холодным, беспощадным равнодушием поймать тех, кто действительно виноват.

25 октября 1999, «Новая газета»

ВОРОВСТВО — ЭТО ОТЛОЖЕННОЕ УБИЙСТВО

Убить человека или украсть миллиард долларов — что хуже? Ответ в Уголовном кодексе: за воровство «в особо крупных» — до пятнадцати лет, за убийство «при отягчающих» — вплоть до высшей меры.

В 1992-м случайно встретил в театре одного из молодых реформаторов. Из тех, что тогда были министрами, а через год вдруг превратились во владельцев банков, корпораций, фондов, то есть стали мультимиллионерами.

Звали реформатора то ли Толя, то ли Петя*; и вот я стал ему доказывать, что если люди всю жизнь тяжело работали, с трудом копили, а потом вдруг все их деньги, все сберкнижки исчезли — то, значит, все это кто-то украл.

Причем внезапное исчезновение стариковских миллионов совпало по времени с внезапным превращением реформаторов в миллионеров.

Молодой реформатор в ответ процитировал знаменитые строки Иосифа Бродского:

Говоришь, что все наместники — ворюги?
Но ворюга мне милей, чем кровопийца.

Выходило, что относиться к реформатору Пете следовало хорошо. Выходило, что ельцинский министр-некровопийца

* Они там были оба: Чубайс и Авен.

должен быть мне милей, чем, скажем, сталинский министр-кровопийца Ежов Николай Иванович. С этим не поспоришь. Да еще авторитет Бродского. И хотя «милый» — это одно, а «милей, чем кровопийца» — несколько другое, все же мысль о милых реформаторах как-то закрепились.

Но параллельно и быстро сокращалась средняя продолжительность жизни граждан РФ. Миллионы умерли и умрут хоть и своей смертью, но преждевременно. То есть могли бы еще пожить, а не вышло. И вот если бы удалось доказать связь между тем, что единицы стали миллионерами, и тем, что миллионы умерли раньше срока, то оказалось бы, что ворюги — в то же время еще и кровопийцы.

Гораздо больше пишут о том, что стало с доходами людей, чем о том, что стало с душами этих людей.

Взять такую невинную вещь, как популярность. Ну есть, ну нет, ну была да сплыла — нам-то что?

Вот Немцов, вот его рейтинг 1997 года — 60%. Он тогда числился «преемником», подавал надежды. А через год от рейтинга осталось 2% — рожки да ножки да прозвище Пудель. Большинство отнеслось к этому равнодушно, а некоторые, увы, злорадствовали.

Эх, дорогие мои соотечественники! Рейтинг Гайдара ли, Немцова ли, Лебеда ли — это вовсе не они. Это наша вера, надежда, любовь.

Ведь рейтинг у Немцова не на лбу напечатан, рейтинг — не синусоида в газете и не табличка. Это чувства людей к конкретному лицу. И если рейтинг вчерашнего преемника упал, то не злорадствовать надо, а горько плакать. Ибо это миллионы людей (а 60% — это около семидесяти миллионов взрослых людей) еще раз потеряли веру, надежду...

Политикам кажется, что рейтинг — нечто вроде денег. Скинемся, говорят они, и опять купим себе власть. Но рейтинг — не деньги. Он вообще не их собственность. Он взят займы у людей, а потом пропит и разворован.

Те, у кого рейтинг упал (чаще всего в грязь), даже не понимают, что предали людей, обманули их в лучших чувствах. Они просто достают из кармана еще десять миллионов долларов на

Ельцин

концерт поп-звезд, рассчитывая, что человек послушает Пугачеву — и опять поверит, опять проголосует «за».

И если им опять поверят — значит, их расчет оправдается, значит, они умные, значит, они лучше знают свой народ, знают, как оставить нас в дураках.

P.S. Встретив высокий рейтинг Путина, не пугайтесь. У Лебеда был еще выше. А уж у Ельцина в 1991-м торчал до небес.

17 декабря 1999, «МК»

ПРОЩАЙ, XX ВЕК! МЫ ТЕБЯ НЕ ЗАБУДЕМ

На двадцать седьмом километре Волоколамского шоссе — городок Красногорск, районный центр.

Пустырь, рельсы, памятник Пушкину и дорожная организация под названием ДРСУ-4. В этом ДРСУ я стоял в коридоре и от нечего делать разглядывал стенд «Наши ветераны».

Там было много пожелтевших фотографий с типичными подписями вроде «Бригада седьмого участка на субботнике». А еще на стенде были приклеены четыре машинописные странички. Начал читать... и с тех пор меня не оставляет чувство, что я нашел шедевр русской литературы.

Это было письмо рабочей-дорожницы Потаповой Анны Андреевны.

Читая ее первую фразу, вы, должно быть, усмехнетесь, но потом... Сейчас никто не умеет так писать. Да и раньше никто не умел. Дело даже не в чистоте языка, а в чистоте души.

У руководства ДРСУ-4 я попросил рукопись, «если есть» (не на машинке же Анна Андреевна печатала). Довольно быстро нашли и легко отдали. Эта легкость меня удивила. Я увез странички очень довольный и стал показывать избранным ценителям с тем, должно быть, чувством, с каким Мусин-Пушкин показывал найденный им список «Слова о полку Игореве».

Одна из самых первых читательниц догадалась спросить: «А жива старуха-то?» Эта мысль показалась неожиданной. Все равно что спросили бы: «Жив ли Нестор-летописец?» Позволил в ДРСУ-4, и оказалось — жива!

Старухе почти сто лет, она прожила — сказать «тяжелую жизнь», значит, ничего не сказать. Она прожила досоветскую жизнь и всю советскую, и всю нашу послесоветскую — и осталась жива. Но нет у Анны Андреевны ни злобы, ни обиды, ни даже досады.

А еще у нее нет кому писать. Вот она и написала начальнику и председателю месткома. Это им она послала свои воспоминания о XX веке, итог жизни.

Начальнику ДРСУ-4 Куприянову Ю.Д.
Председателю месткома Ряховской И.П.

Я, Потапова Анна Андреевна с 1901 года рождения, вдова почетного мужа. С 1943 года проживаю: село Ильинское дом 17 по улице Советская (около кладбища и мемориала погибших в войне 1941—45 г.) выражаю Вам искреннюю благодарность за помощь ко дню Победы в 1995 г.

Я хотела бы Вас ознакомить с памятными моментами, которые встречались на Ильинском шоссе в период моей работы дорожной рабочей ДРСУ-4.

1. В конце 1943 г. ко мне на дорогу приехало начальство ДЭУ, исполкома и вручили «похоронку» о гибели мужа, деньги и велели идти домой на 2 дня. Я осталась с двумя мальчиками 8 и 10 лет.

2. В 1944 г. за август и сентябрь военный саперный батальон, через Москву-реку построил деревянный мост с 6 ледорезами и 800-метровую дорогу (насыпь до 2-х метров) до соснового леса, где были дачи Громова М.М.* и попанинцев** (мы там чистили дороги). После постройки моста, некоторые солдаты женились на ильинских девушках.

3. В 1945 г. много автомашин из Москвы стало ездить в Ильинский дом-отдыха «Ильичево», это горкомы и исполкомы Москвы и области. К нам вместе со Стекольщиковым И.М. стала большая строгость.

* Летчик, герой Советского Союза, перелет Москва — Северный полюс (1937 год).

** Папанин — начальник первой полярной экспедиции на дрейфующей льдине.

4. В 1946 г. по Ильинскому шоссе от Красногорска до Петрово-Дальнее было пущено пассажирское движение — грузовые полутарки* накрытые тендом, с входом с заднего борта, а потом автобусы ЗИЛ с одной дверью потому что в Александровке на даче жил министр автодорог Лихачев.

5. В 1947 г. на 10 км. Ильинского шоссе у тракторной бригады была крупная авария автомашин. Рабочие ф-ки «Свобода» г. Москвы, были на массовке у Москва-реки и с 2-х грузовых авто водители напились хмельного. При обгоне друг друга зацепили бортами, погибло 4 человека и 7 тяжело ранено. Мы дорожники и Иван Михайлович помогали во всем и целую неделю плакали.

6. В сентябре 1947 г. была сильная буря и от Ильинского до Архангельского повалило сотни лип, сосен и берез. В Ильинске тогда дома жителей отапливались дровами и местные люди помогали разбирать завалы на дороге.

7. В 1949 г. в начале зимы нас Ильинку, заставляли убирать очень аккуратно, часто ездило начальство (Птицин с Пиминовым) и Иван Михайлович почти не стал заходить в чайную и грызть семечки. В декабре, около Нового года, нам выдали новые халаты, новый инструмент и наказали чтобы мы никуда не уходили, даже на обед, потому-что поедут автомашины с большим начальством. С утра около нас дорожниц стояли молодые хорошо одетые парни, а у Ивана Михайловича — двое и мы видели как на Петрово-Дальние проехало с десятков автомашин. Ехали тихо, потому-что там были повороты. Через 2 часа авто уехали обратно и от нас ушли крепкие парни. На другой день мы узнали, что в Петрово-Дальние в колхоз «Ленинский Лучь» приезжали китайские руководители во главе с Мао-дзе-дуном, а сопровождал Маленков Г.М. Мао до этого был на торжестве 70-летия тов. Сталина И.В. В колхозе Мао после осмотра пригласил в Китай председателя Арона Львовича Альперовича на строительство общественных хозяйств. Затем Альперович заболел и ушел на инвалидность. Его заменил Пряхин Тихон Сергеевич, холостяк в 50 лет имел подруг во всех деревнях прославленного колхоза.

* Полуторка — бортовая машина грузоподъемностью полторы тонны.

8. В 1954 г. была суровая морозная зима, толщина льда на Москва-реке превышала норму. Между прочем вверх от Ильинского моста саперы взрывали лед «шашками» в марте на расстоянии до 500 метров. В этот год льдины пройдя мост и некоторые подрывались вблизи моста, но через 1,5 км. у поворота реки, д. Барвиха лед встал, подрывание шашками не помогало. Вода прибывала быстро. На метровую отметку у воды, у ледореза по лестнице неоднократно лазил-вниз Иван Михайлович ночью, а мы дрожали и ждали его появления из водяной бездны. Вода стала переливать дороги к лесу и тогда ночью возили самосвалы песок с Глуховского карьера. Затоп у деревни Барвиха был ликвидирован с самолета. Стекольников был смелый фронтовик и иногда громко спорил с Александром Федоровичем Пиминовым, а Ивашенков Алексей Николаевич никогда не спорил с Пиминовым.

9. В 50 годы в колхозе и совхозе было обнаружено болезнь скота «Ящур» и поэтому на дороге у Ильинской чайной было сделано физиофицированное корыто 4×10 метр. Были установлены дорожные знаки, но это не было замечено водителем А.Н.Косыгина, тогда зам. пред. С.Н.Комиссаров авто тряхонуло и в сторону, был незначительный ушиб у пассажира... но и разгон был ДЭУ незначительным. А когда уезжало дорожное начальство, водитель Миша нам улыбнулся и мы приободрились.

10. В 1966 году начали строить новый бетонный мост, исправили дорогу, снесли 3 дома. Строили военные, но начались Кубинские события и военных начали отправлять на север. Здесь солдат поженилось меньше.

11. Сделали остальное — гражданские организации. В это время отремонтировали чайную, где заведующая была Дора, сделали хорошие залы, меньше стали пускать местных завсегдателей бахуса, стали ездить иностранцы и господа... У чайной многие годы торговала семечками местная жительница Тюрина — 76 лет, высокая, властная с приходным юмором, ее не гоняла даже милиция. На шутки местных женщин она отвечала, что в царские времена из Ильинского генерал-губернаторства не однократно ездила в Петроград в Зимний Дворец с господами на балы и приемы, а поэтому в магазине или чайной покупает только шоколадные конфеты, а ни какие-нибудь бамбошки момпансье. Ее сын за 55, длинный с длинной под пояс бо-

родой, в толстовке, летом босиком часто плясал у торговки семечками, а она его заставляла с частушками, хлопками и прищадку. Собирался народ.

12. В конце 50-х годов зимой в деревне Глухово проводились киносъемки. Кино «Они шли на Восток» по разгрому итальянской «голубой» дивизии, приглашали и дорожников. Запомнился момент когда артистка должна пробежать по снегу босиком в платье до 400 метров, но она не справилась с трудной ролью. Режиссер попросил Стекольников И.М. найти местную девушку, Иван многих знал, так как жил в домике у Глухово. Местная Вера Полева после тренировок вошла в кадр и солидно ей заплатили. А Иван Михайлович много дней посмеивался и щелкал семечки за удачу на съемках...

13. В августе 1959 г. в районе совхоза Ильинское проходила туристическая группа 25 человек из Павловской Слободы на Жаворонки и 17—18 часов налетела дождевая, грозовая туча. Подростки 14—16 лет встали под деревья растущих курчавых лип. У одной из них встали 5 мальчиков и 3 девочки. Удар грома и вспышка молнии, всех выбросило по сторонам. В безсознательном состоянии они были доставлены в Ильинскую больницу (на перекрестке у дома-отдыха). Весь вечер и ночь приезжали врачи и вместе с местными специалистами боролись за жизнь, но увы, спасти из 8 детей никого не удалось. Было очень много слез у местного населения, приезжих, родных, у специалистов и дорожников.

Все выше написанные моменты подтвердит старейший дорожник водитель Якушев Михаил Савельевич и старший дорожный смотритель за транспортными средствами на Ильинско-Рублевском шоссе Дымов Владимир Иванович.

Декабрь 1995 г.
Потапова А.А.*

Мимо нее прошлестели Ленин, Сталин, Гитлер и даже Мао Цзэдун. Но в ее жизни они были какие-то незначительные, малозаметные, особенно по сравнению с Иваном Михайловичем, который, очевидно, был начальником Анны Андреевны, и он в ее письме совершенно живой.

* Орфография и пунктуация подлинника сохранены.

Как было бы хорошо, если б этот текст включили в учебники литературы и в учебники истории. Он обрастет огромными комментариями. По этому письму Анны Андреевны защитят кучу диссертаций, и в одной из них, конечно, объяснят, что семидесятилетие товарища Сталина и визит Мао Цзэдуна в колхоз на Ильинском шоссе пришлось на 1949 год, и председатель колхоза Арон Львович Альперович ушел с должности скорее всего не потому, что заболел, как считает Анна Андреевна, а потому, что это был такой год, такое время, когда Ароны Львовичи надолго вышли из моды, а в моду зато вошла борьба с безродными космополитами.

Когда прочел первый раз, сначала подумал: ей некому писать. А потом сразу подумал другое: она ничего не просит. Ничего.

А когда спустя неделю перечитывал в который-то раз, понял: она ничего не просит, потому что ей ничего не нужно. В своем письме она о себе сказала только две вещи: что муж погиб и что «осталась с двумя мальчиками 8 и 10 лет». А больше «я» и «мне» в ее письме не встречаются. Остальное все — общее: «нам выдали халаты», «мы много плакали». Общее.

Было такое чувство, что нашел Матрену, ту самую, из знаменитого рассказа Солженицына «Матренин двор». Специально перечитал классика и впервые отметил, как много там, особенно поначалу, Солженицын пишет о себе, о своих обстоятельствах, мыслях, чувствах... Это не в укор вовсе, я о другом. О том, что никакой писатель, никакой журналист так написать, как Анна Андреевна, не может. Она иначе думает, иначе чувствует, иначе видит. А глаз у нее... Чего стоит только одна гениальная фраза: «После постройки моста некоторые солдаты женились на ильинских девушках».

Я сфотографировал ее 15 декабря 1999 года. Анна Андреевна сидит между своими двумя сыновьями, который справа — успел повоевать в Великую Отечественную. В пятидесяти метрах от ее избы (дом 17 по улице Советская) — мемориал погибшим в войне 1941–1945 годах. Бесчисленные имена выбиты на плите, среди них имя ее мужа. Это список погибших всего лишь из двух ближних деревень.

P.S. Автор знает, что XX век кончается 31 декабря 2000-го, любая сотня кончается не двумя девятками, а двумя нулями (хоть это некоторым досадно).

Но здесь было дело не в арифметике. Эта нищая старуха и есть XX век России: Электрификация, Индустриализация, Коллективизация, Телефонизация, Сталин и Гагарин — все пролетели мимо...

В эти дни, в середине декабря 1999-го, никто из нас не знал, что через две недели Ельцин скажет (по бумажке): «Ухожу в отставку. Назначаю Путина. Россия должна войти в новое тысячелетие с новым руководителем». Красота этих слов должна была (по мысли спичрайтеров) не только скрасить ошибку на год, но и тот факт, что в этот момент нам неотвратимо назначили Путина президентом.

28 января 2000, «МК»

ТЕХНОЛОГИЯ ТЕМНОЙ ЛОШАДКИ

Всем ясно: своей внезапной отставкой Ельцин назначил нам Путина следующим президентом. По сути — отменил выборы.

Все уверены: Путин победит. И потому, что у него рейтинг, и потому, что у него в руках вся государственная власть (президентская, правительственная, думская и пр.; нет надобности перечислять все ветви и сучки: силовики — за, творческая интеллигенция — за, перепуганные губернаторы — за, народные кумиры, такие как Чубайс, Жириновский, Даша Асламова*, — за...).

Сияющий Чубайс (радуясь, что его план исполнился) назвал ельцинский уход гениальным и мужественным поступком.

Мужественный? Неправда. Это безусловно трусость. Кремль испугался, что народ выберет *не того*, если дать народу возможность честно и обдуманно выбрать. Запугали и Ельцина (говорят, он «мужественно не соглашался»), и он сбежал и тем самым назначил *того*.

Но правда ли, что этот ход гениален? Гениальный — это, по видимому, безупречный и неотразимый. Насчет безупречности (моральной) речи нет. По отношению к гражданам это ход подлый, отнимающий право выбора. И тут даже не монархическое наследование, а абсолютная диктатура: «Вами будет управлять тот, кого я назначу!»

Неотразимый? Да. Все согласились. Большинство уже целует, лижет, славословит.

* Журналистка «Комсомолки», рассказавшая в газете, с кем из политиков она спала.

Даже главы СНГ сделали это. Они притворились, будто не замечают иронии своей судьбы. Полтора десятка президентов выбрали себе в председатели и.о. Какое самоунижение. И какая гибкость. Ну, да не учесть же гибкости Алиева и Шеварднадзе; их уста не забудут вкус Леонида Ильича, которого они обрабатывали с той же страстью и самозабвением, как дети — леденцового петушка на палочке.

Псевдоопозиция тоже признает Путина будущим президентом.

Степашин* (второй номер в «Яблоке») заявил, что поддержит Путина. При этом зачем-то употребил слово «честь» (ну и союзника нашел себе Явлинский).

Явлинский заявил: «Буду участвовать в президентских выборах, чтобы они не были безальтернативными». Тем самым Явлинский сообщил своим избирателям, что идет на выборы не за победой, а за каким-то процедурным хером** (очень важным для него, но не имеющим никакого значения в глазах народа). Кроме того, не стоит беспокоиться о формальной безальтернативности. Соперников у Путина будет достаточно. От Зюганова до Убожко.

Формально выборы будут безупречные, законные, конституционные. А по существу — узурпация. Это такая технология. Высшая кремлевская стадия развития бюрократизма. «По форме — правильно, а по существу — издевательство».

Кандидат в президенты Элла Памфилова идет, «чтобы приободрить женщин». Кандидат Юрий Скуратов — чтобы получить трибуну для поливания грязью семьи Ельцина (ибо Скуратову кажется, что чем больше он выльет грязи на других, тем меньше ее останется на нем самом. Заблуждение.) «Юра»*** не

* Степашин чуть-чуть побыл премьер-министром, потом Ельцин его выгнал и назначил Путина. Уволенного Степашина «Яблоко» сразу взяло к себе вторым номером на выборы в Думу 1999 года. Думали, что он им принесет голоса. И вот номер один в «Яблоке» становится кандидатом в президенты, а номер два говорит: поддерживаю Путина. Это был урок Явлинскому: не гонялся бы ты, поп, за дешевизною.

** Косым крестиком в бюллетене.

*** На вопрос проститутки «Как тебя зовут?» голый человек, похожий на генерального прокурора, радостно отвечал: «Юра».

отмоется никогда. Никогда не станет ни президентом, ни генеральным прокурором человек, чей голый зад показали по ТВ с двумя телками и комментариями Доренко.

Даже Зюганов в теперешней ситуации может рассчитывать только на второе место — по форме почетное, а по существу унижительное. Ибо разве это не унижение — быть для власти удобным спарринг-партнером?

Итак, кремлевская технология по производству президента Путина гениальна и неотразима? Нет.

Есть способ, который позволит чисто, честно, открыто и весело уничтожить «гениальный и мужественный» кремлевский замысел. Способ, который позволит честно, спокойно и обдуманно выбрать президента страны, вместо того чтобы подчиниться чьей-то технологии. Вместо того чтобы согласиться стать пешкой в чужой игре.

Именно невыносимое ощущение, что тебя превратили в пешку, что за тебя и за всех решили, кто будет президентом то ли на четыре, то ли даже на восемь лет; ощущение, что полдюжины хитрецов, пользуясь своим положением и связями, придумали, как уложить под своего ставленника всю страну... Я прямо-таки видел, как они потирают руки и хихикают: «Как мы их всех отымели, а?!»*

Способ простой. Надо перенести президентские выборы на полтора года, на осень 2001-го. Все, кажется, согласны, что Путин победит в марте. Ну так и незачем «выбирать». Пусть работает. Он уже президент. Приставка «и.о.» не уменьшает полномочий ни на йоту. Раз уж президенты СНГ выбрали нашего и.о. своим председателем, значит, эти буквы не мешают ему быть первым среди равных.

Он уже президент. Победа его в марте неизбежна. Зачем же выборы? Зачем выбирать президента президентом? Да еще спустя всего лишь три месяца, как он начал работать. Зачем частить?

Ельцин его выбрал 31 декабря 1999-го. Мудро. Вот и пусть поработает, а мы его выберем в 2001-м.

Успокоимся. Увидим работу. Некоторые сетуют, что темная лошадка, — вот и успеем рассмотреть. Испытательный срок

* Выражение Березовского.

в полтора года для такой должности, как Президент Великой России, — вовсе не большой. Он же не готовился. Пусть спокойно постажируется. Пусть у него будет время оценить собственные подвиги.

Одно дело — поднять всем пенсии и зарплату к марту, то есть к выборам. Другое — справиться с инфляцией в октябре. А уж к осени 2001-го мы увидим и результаты экономики, и результаты войны.

Путину же лучше. Сейчас у него психология «гоп-стоп»: налететь, ухватить... А что там из этого выйдет — наплевать, он уже президент на следующие четыре года, а то и на больше. Исполняя обязанности президента, он вместо того чтобы управлять страной, управляет своей пиаровской кампанией (да и он ли управляет — вопрос).

Ближние выборы толкают Путина на популистские, безответственные ходы. А вот если выборы будут в 2001-м, то надо срочно проявлять не прыть, а государственную мудрость. Надо добиться реального подъема экономики, реального роста благосостояния и безопасности людей. За полтора года и преступность можно прижать, если захотеть.

Да мы его с криками «Ура!» внесем в Кремль, если у него хоть немного получится.

А если не получится, если война обернется катастрофой, а добавки и надбавки — инфляцией, нищетой* и всё тем же надоевшим за десять лет враньем, — не прогневайся. Значит, ты не мудрый правитель, а жулик, очередной строитель Нью-Васюков. (Остап Бендер выиграл в Васюках деньги, хотя проиграл все партии. А потому выиграл, что внезапно сократил время своего пребывания в роли шахматного лидера.)

Единственное препятствие для этого плана — Конституция. Но не человек для субботы, а суббота для человека. Не Россия для Конституции, а Конституция для России.

Представьте, Государственная Дума решит перенести, Совет Федерации утвердит, и — все. Если можно вести незаконную войну, почему нельзя законно передвинуть выборы?

* Ему сказочно повезло с ценами на нефть.

Мы видим, как дергаются от нетерпения технологи. Им хочется, чтобы выборы были вчера. Два оставшихся месяца кажутся им непомерно долгим сроком. Опасным сроком. Вдруг что-то случится, вдруг в Чечне... Вдруг общество перестанет одобрять, и придется снова взрывать жилые дома для того, чтобы страх (жуткий страх человека, что уснешь в своей квартире и не проснешься, страх за родных, за детей) опять оправдал любые военные неудачи, любые потери...

Черномырдин, Кириенко, Примаков, Степашин... Чем Путин так от них отличился? За счет чего он со своим рейтингом обскакал всех предшественников и конкурентов? Только за счет войны. Ни на чем больше рейтинг Путина не основан.

Почти каждый день в репортажах из Чечни мы видим по телевизору очень важную деталь, но, кажется, не замечаем. Или не хотим ее замечать. То один, то другой солдат проговаривается: *«Должны кончить к выборам, но вряд ли успеем»*. Это значит, бесчеловечная кровавая манера «взять город к празднику» по-прежнему действует. Действует, несмотря на слова и.о.: «Срочков нет, всё решают военные исходя из обстоятельств».

Из военных обстоятельств, Владимир Владимирович? Или — из политических?

23 марта 2000, «МК»

ДАЛЬШЕ — ТИШИНА*

Воспоминания о будущем

— Разговорчики в строю!

Угрожающий окрик ефрейтора

— Ничего изменить нельзя! — это говорят все. Те, кто за Пути-на, — с удовлетворением. Те, кто против, — с горечью.

Говоря «ничего», имеют в виду только одно: результат выбо-ров. И значит, в представлении людей, это «одно» определит все. Все дальнейшее.

Не навсегда, конечно. Но на долгие годы.

Сколь долгие? Кто ж это знает. Большевики продержались семьдесят лет, а Третий рейх — всего двенадцать. Но мало ни-кому не показалось.

В конце недели Россия пройдет историческую развилку. 26 марта сами выберем судьбу.

Уже ученые, битые, тертые — выберем помесь КГБ с Гайда-ром якобы в надежде, что эта помесь нам чего-то такое насчет всеобщего счастья и светлого будущего.

Назначенного победителя (сделанного технологами) боль-шинство уже путает с предназначенным (дарованным свыше).

* Один из вариантов заголовка был «ВОЗВРАЩЕНИЕ В НЕМО-ТУ». Хотелось прямо в названии сказать о том, что нас неминуемо ждут большие проблемы со свободой слова. Через два-три года кон-чились прямые эфиры на ТВ.

Ничего райского он вроде бы и не обещал. Но если люди идут на выборы, значит, надеются.

Да если бы и обещал, даже если бы поклялся... «Как не нарушить клятву ради трона?! Чтоб день царить, я сотни их нарушу!» — говорит у Шекспира циничный Ричард III.

Ничего изменить нельзя, правда. Развилка уже пройдена. Курьерский летит на всех парах... вдруг в трехстах метрах — пропасть. Машинист может хоть повеситься на стоп-кране — все равно тормозной путь полтора километра. Остаток недели пройдем по инерции. В воскресенье правильно проголосуем, потом ВЦИК еще более правильно посчитает...

Цель этих заметок поэтому скромная: изменить не судьбу родины, а всего лишь незначительные детали в личной жизни некоторых читателей.

Когда после очередной Эпохи наступал краткий период разоблачений, дети начинали мучить родителей вопросом:

— Как же вы могли?!

После стальных сталинских лет родители отвечали:

— Сынок, мы же не знали!

После гнилых брежневско-черненко-ских:

— Пойми, от нас ничего не зависело!

Уважения такие ответы не прибавляли. Жить тридцать лет при Сталине и «не знать» — сильно надо было зажмуриться. Жить двадцать лет при Брежневе — и ежедневно притворяться, что веришь...

Но у тех родителей все же было оправдание. Сталина им назначил больной Ленин, Брежнева над ними поставили члены Политбюро. Никто не предлагал даже возможности выбрать. А сейчас — сами возведем на трон. (Похоже на анекдот хрущевских времен. Де Голль и Кеннеди безуспешно стараются накормить кота горчицей. Все в крови, жутко исцарапанные, сдаются. А Никита взял за шкуру, мазнул горчицей причинное место; кот вылизывает, дико мяукая, а Хрущев гордо говорит: «У нас все так: добровольно и с песнями!»)

...У тех, кто читает в газетах такие заметки, уже не будет возможности говорить «Сынок, мы не знали... а что мы могли?..» Знали. И могли.

В 1991 году мы были лучше. Мы были умнее, честнее, чище. Цинизма в обществе было в миллион раз меньше, чем сейчас. И грязи было в миллион раз меньше.

Скажи тогда кто-нибудь, что следующим президентом Демократической Свободной России станет гэбэшник, — посмотрели бы как на идиота. Никто бы даже не засмеялся.

В 1991-м и Собчак, и Чубайс, и Ельцин, и все, кто потом двигал и делал Путина, на такое предположение ответили бы: «Этого не может быть».

Что же случилось? Почему в 1991-м — «не может быть», а в 1999-м — «лучше не придумаешь»?

Это не Путин изменился. Это изменилось общество. В нем произошло моральное изменение, а лучше сказать — моральная измена. Не разграбление страны, а разграбление души — вот главный результат деятельности тех, кто рулил. Перечислять ли имена?

Вспомните, как реагировали на несколько выстрелов в Вильнюсе, на разгон демонстрации в Тбилиси...

...Лучше не вспоминать. Кто бы мог тогда вообразить, что скоро в парламенте Дем. Св. России будут заседать настоящие воры, настоящие гангстеры, многократно прошедшие зону. Кто мог вообразить, что люди будут... что мы будем голосовать за гангстеров.

«Мы» — это граждане. На гражданах, на современниках всегда лежит коллективная ответственность. На немцах, даже на тех, кто не выбирал Гитлера, — за фашизм (и они это остро осознавали). На советских — за миллионы жертв, за танки в Будапеште, в Праге (но у нас это мало кто осознавал). На чеченцах — за Басаева (эту коллективную ответственность чеченцев наши граждане осознают гораздо сильнее, чем свою собственную за все, что произошло в последние годы).

Еще в конце 80-х все — и здесь, и на Западе — были уверены, что СССР — навсегда, КГБ — навсегда, Политбюро — навсегда. («Навсегда» — с точки зрения человеческой жизни.)

И когда на демократов (сформировавшихся в Свердловском обкоме КПСС и в газете «Правда») свалились удача, власть и свобода — они, демократы из обкома, пошли от победы к победе:

— в 1993-м война с парламентом, победа Жириновского и подтасованное принятие Конституции, на четверть (!) обеспеченное голосами жириновцев;

— в 1995-м война в Чечне и победа КПРФ;

— в 1996-м война в Чечне и победа секретаря Свердловского обкома над секретарем Орловского обкома*;

— в 1999-м война в Чечне и победа несуществующего «Единства»**;

— в 2000-м война в Чечне и победа кагэбэшника.

История — дама суровая, беспощадная, и юмор у нее — черный. Смотрит она сверху на нашу планету и говорит (всем сразу: и советским интеллигентам-врачам-учителям-инженерам, и западным клинтонам-ширакам):

— Ну, дорогие мои человечки, если уж вы десять лет назад согласились считать демократом секретаря обкома, то вот вам кагэбэшник.

Не выучили урок — оставайтесь на второй год.

Страна шла от поражения к поражению, а политики — от победы к победе. Посмотрите на них по телевизору: как серьезные, как уверены в себе, какой властью облечены, как хорошо упакованы.

Вот они — лидеры-реформаторы, выходят к телекамерам и хмуро заявляют:

— Мы приняли непростое решение! Союз Правых Сил поддерживает Путина на президентских выборах!***

По лицам Чубайса и Кириенко, когда они объявили миру о своем «непростом решении», было видно, что они опять приносят себя в жертву, опять чувствуют себя камикадзе. А точнее — хотят, чтобы мы их таковыми считали.

Это их любимая и комфортабельная роль. С 1991 года Гайдар, Чубайс и пр. всё внушают нам, будто они камикадзы, будто они ежедневно приносят свой живот на алтарь отечества. Странно, что при этом их животы только увеличиваются.

* Свердловский секретарь — Ельцин, орловский — Зюганов.

** Партия, придуманная Березовским. Теперешнее название «Единая Россия».

*** В 1996-м (на выборах Ельцина) точно такое же «непростое решение» принял Гайдар.

Но хмурые, жертвенные лица у них недаром. На душе у них, возможно, и вправду тяжело. Во-первых, взрослые дети (если здесь, а не в Гарварде) вечером спросят: «Папа, как ты мог?». Если выросли на черепашках ниндзя — не спросят. А вот если папы сдуру давали детям Цветаеву и Мандельштама — могут спросить. Во-вторых, это действительно очень противно — заявлять о своей поддержке тому, кому она совсем не нужна. Примазаться к заведомому победителю, да еще в последний момент, — это они делают ради себя, а не ради него. Вспрыгнуть на подножку уходящего поезда, изображая при этом возложение своего живота на алтарь отечества, — бедняги.

Знаменитые и достойные люди поодиночке и группами объясняются в любви Путину. Процесс приобрел обвальный характер. Даже некоторые кандидаты в президенты (Жириновский, Подберезкин, Тулеев и пр.) публично восхваляют своего основного конкурента.

Они борются не за власть. Они дерутся между собой. Речи их похожи и откровенны: «Если негодяи вздумают снять свои кандидатуры, чтобы лишить дорогого Владимира Владимировича законной победы, то я ни за что не снимусь!».

Они толкуются на телеэкране: «Позвольте, я проиграю!» — «Нет уж, позвольте, я!».

Наблюдая, как достойные люди сражаются за жизненно важную честь: мол, кто из них первым предложил себя, — хочу восстановить историческую справедливость.

Первой была проститутка. Очень честная. И слегка политическая.

22 ноября 1999 года в «Огоньке» под заголовком «Из всех политических проституток я единственная честная женщина» Даша Асламова на вопрос о политических симпатиях ответила:

— Единственные мужчины, которые мне нравятся в политике, — это Путин и Чубайс. Остальные у меня никаких сексуальных чувств не вызывают. Путин... о-о-о! Он дзюдоист, в нем чувствуется такая упругая, сухая сила. Уж этот скрутит, так скрутит. Я млею от Путина даже на расстоянии. Через телевизор даже...

Согласитесь, Даша не только честная, но и очень откровенная. Не помню, чтобы какая-нибудь еще рассказывала,

чем таким она занимается, сидя перед телевизором. Даша была первая.

А кто была вторая?

24 ноября 1999 года в «Коммерсанте», всего через два дня после Даши, Чубайс на вопрос, войдет ли он в предвыборный штаб Путина, ответил:

— Если Путин меня пригласит, я сделаю всё.

Интервьюер уточняет:

— Он вам симпатичен?

— Да.

Впервые Чубайс оказался вторым.

...Затем желающие покатались как сель (грязевой поток). Мелькали губернаторы, режиссеры, генералы, ткачихи... Помню, перед телекамерой вынырнула известная актриса и со страстной надеждой простонала: «Это мужик! Ух, настоящий мужик!».

Если бы правила приличия меня не останавливали, я бы тихо сказал ей:

— Мадам! (Хотя в данном случае уместнее было бы «баба»). Послушайте, мадам, он, похоже, сделает это. Вот то самое, о чем вы мечтаете. Но сделает он это не с вами, а со страной*. И вы почувствуете разницу, смею вас уверить.

Но и это, оказывается, был не предел. Другая актриса, совсем уже в возрасте, получая орден в Кремле, не удержалась:

— Мне очень нравится ваша походка, Владимир Владимирович! У вас прекрасная походка!

Угу. Угу-угу. Ее первая и вторая молодость прошли во времена Сталина, зрелость пришлась на Хрущева и Брежнева. Вот что значит старая закалка. Разменяв девятый десяток, она не потеряла респектабельности. Не разучилась говорить то, что надо, оставаясь в рамках приличий.

Походка! Скрутит! Мы выбираем руководителя или производителя?

...В седьмом классе русскую литературу нам преподавала очень привлекательная женщина. Рассказывая о Радищеве, она прохаживалась между партами. Некоторые особенности ее

* Сбылось.

походки как магнитом притягивали взгляд четырнадцатилетних подростков. В какой-то момент я перестал слышать, что она говорит. Она заметила это, остановилась и насмешливо спросила:

— Минкин, ты куда смотришь?

Я не знал, что ответить. То есть я знал ответ, но произнести его не решился.

А эти — решаются.

Куда вы смотрите, политические вы наши?

Рузвельта — калеку, паралитика — четырежды (!) выбрали президентом США. И именно он вытащил Америку из Великой депрессии, а походки у него не было вообще.

...Сколько людей потеряли себя. Когда это произошло — непонятно. Но обнаружилось это внезапно и очень наглядно. Не выходит из головы лицо д'Артаньяна*, почему-то сидящего среди ткачих в Иваново, которых Путин поздравляет с Восьмым марта.

...Доброжелатели урезонивают: ну чего ты со всеми ссорись? Отвечаю им с горечью: вы правы, конечно, но что же делать, ведь главное — с собой не поссориться.

Победа Путина обеспечена. А над кем? Над Памфиловой? над Скуратовым? — это смешно. Над страной — вот это будет точно.

«Мочить в сортире» страна выучила наизусть. «В сортире поймаем — в сортире замочим!» — эту фразу Путина о террористах цитировали тысячи раз. И те, кто упрекал Путина, упрекали за форму — за употребление выражений, неприличных для лидера великой России, которая дала миру Пушкина, Достоевского, и т.д., и т.п.

За суть никто не упрекнул, а она важнее. По сути, Путин сказал: поймаем и немедленно (на месте) уьем. То есть — без суда. Уж кого там замочат радостные исполнители — поди знай. Труп будет объявлен террористом, и в соответствии с законами природы он будет лежать смирно, помалкивать и не возражать.

* Артист Боярский.

Не это ли имеет в виду юрист и ученик юриста, обещая нам диктатуру закона?

При этом приятные дамы обоего пола рассуждают: мол, все будет зависеть от того, как Путин себя покажет. Как о ребенке: «Интересно, кем он станет, когда вырастет?» Уважаемые, этому ребенку сорок семь лет, пять месяцев и две недели. К этому возрасту личность сформирована окончательно. Что еще должен он вам показать? Но дамы кокетничают:

— Владимир Владимирович — это черный ящик! Мы ничего о нем не знаем!

Милые дамы, как же вы не знаете, когда он вам каждый день все о себе рассказывает? Не враги порочат, а сам рассказывает.

Он сам рассказал, что шестнадцать лет (с 1975-го по 1991-й) был сотрудником КГБ. Еще важнее, что он мечтал попасть туда с ранней юности. В интервью «Коммерсанту» (10.03.2000) он говорит:

«В середине девятого класса вот увлекся... И это был не просто так выбор, не просто захотелось. Я посмотрел даже здание, где находится КГБ, то есть я конкретно занимался этим вопросом. Я пошел в приемное управление КГБ. Вышел какой-то дядя. Выслушал меня на полном серьезе и сказал: “Первое — мы инициативников не берем. Второе — мы берем после армии или после окончания гражданского вуза”. Я, естественно, поинтересовался, после какого вуза. “После любого”. — “А предпочтительнее какой?” — “Юридический”. — “Понял”. Я поступил на юрфак ЛГУ. <...> Где-то в середине четвертого курса совершенно неожиданно на меня вышел сотрудник управления кадров (какая приятная юношеская неожиданность. — А.М.) Сразу перешел к делу: “В общем и целом, как бы ты отнесся, если бы тебе предложили работу в органах?” Я ответил, что с интересом отнесся бы. Через год меня пригласили на беседу в отдел кадров управления КГБ. Я заполнил какие-то бумаги, анкеты. И на распределении опер, который курировал институты, открыто заявил: “Этот вопрос решен, мы берем его на работу в органы КГБ”».

Путин рассказывает гораздо подробнее (я сократил, полностью сохраняя смысл). Он рассказывает с удовольствием, сма-

кует детали, ему уютно и спокойно. Перед ним не журналисты-интервьюеры, а сотрудники*, которых пригласили сделать «книжку Путина» (она уже вышла).

Они спрашивают, он отвечает. Но по сути это не интервью и не книжка, а предвыборная акция. Иначе не уделил бы он своим соавторам двадцать четыре часа в такой напряженный момент. Цель — произвести хорошее впечатление, а если говорить на его языке — завербовать электорат.

Он сообщает подробности и нюансы, потому что в них «тепло жизни». Это ему правильно объяснили. Но в этих нюансах кроются и ловушки, которых рассказчик не замечает, потому что он себя любит. А читатель вовсе не обязательно испытывает к герою это чувство и спотыкается.

Больше половины огромного интервью в «Коммерсанте» посвящено мечтам о КГБ, работе в КГБ, уходу из КГБ. С этого и начинается. Отброшены детство, родители, семья и школа.

Расчет понятен. Социологические опросы показывают: народ хочет порядка. КГБ — это порядок. Получайте.

Но те, кто не соскучился по кагэбэшному порядку, узнают от героя, что он мальчишкой в шестнадцать лет начал мечтать о КГБ и мечтал шесть лет вплоть до исполнения мечты.

Это самый романтический возраст, но уже отнюдь не детский. Мальчик жил в Ленинграде. Город пережил сталинские чистки и блокаду. Город грамотный, интеллигентный. Как раз в тот момент, когда он начал мечтать о КГБ, наши танки въехали в Прагу, по Питеру ходила стенограмма процесса над Бродским. Мальчик должен был знать, ведь он не просто мечтал, а «конкретно занимался этим вопросом».

Граждане СССР боялись КГБ. Большинство не любило органы и боялось их, но и те немногие, кто любил органы, тоже боялись. И те, кто там работал, — тоже боялись. Все знали, что эта контора может уничтожить любого. И могущество конторы в значительной степени базировалось на этом всеобщем страхе.

В шестнадцать лет полагается мечтать о свободе. Редко кто мечтает оказаться среди душителей. И совсем уж мало кто с гордостью об этом рассказывает.

* Андрей Колесников, Наталия Геворкян, третьего не помню.

«Коммерсантъ-Власть» (14.03.2000) опубликовал отрывки из книги Путина:

«Я вообще рос как все — дворовым мальчишкой. В школе какое-то время нравилось. Пока удавалось оставаться, что называется, неформальным лидером. Школа рядом с моим двором. Двор был надежным тылом, и это помогало. Роль, которую я тогда играл, была похожа на роль судебной власти, а не исполнительной (такой «дворовый» судья называется «авторитет», он «разруливает». — А.М.) Пока это удавалось — нравилось. Потом стало ясно, что дворовых навыков недостаточно, — и начал заниматься спортом. Но и этого ресурса для поддержания своего, так сказать, статуса хватило ненадолго. Нужно было еще и учиться хорошо».

«Дворовые навыки» — это что? Это сила, жестокость и наглость. Именно такое лидерство обеспечивается двором в качестве «надежного тыла». Потому что лидерство ума и души в принципе не может быть основано на дворовых навыках, не может базироваться на поддержке дворовой шпаны.

Сила есть — ума не надо. Когда дворовых навыков стало не хватать, мальчик «начал заниматься спортом». Изящно сказано. Но пошел он не в фигурное катание, не в гимнастику. Он пошел в дзюдо — чтобы еще сильнее, еще больше... И только когда опять «не хватило» — ну тогда пришлось учиться. А если б хватило?

К девятому классу для «так сказать, статуса» стало, видимо, не хватать и хорошей учебы. Пошел разглядывать здание «конторы».

Вот он какой, начавший в шестнадцать лет мечтать о КГБ. Ради этого идет на юридический, то есть методично добивается цели.

Он хочет стать винтиком самой страшной машины.

В 1970-х, повторим, все боялись КГБ — и те, кто любил, и те, кто ненавидел. И считали всемогущей организацией, а членов — всемогущими и стоящими вне закона, над законом. Стать кэзэбэшником значило получить власть над людьми и возможность делать с ними что хочешь. Потом, внутри, оказывалось, вероятно, что это во многом канцелярия, рутина, сплетни и подсиживания — как везде. Но это — потом, внутри. А снаружи, когда мечтают, — все по-другому, в ореоле.

Он мечтал о КГБ — значит, мечтал, чтобы все его боялись.

Чубайс в том интервью («Коммерсантъ» 24.11.99) говорит: «Если Путин меня пригласит, я сделаю всё, чтобы его поддержать».

Что — все? То же, что и всегда: доставать деньги и лгать.

Мало кто решается делать все ради чего бы то ни было. Еще меньше в этом признаются. Чубайс, говоря «Я сделаю всё, чтобы...», даже не заметил, что произнес знаменитую и абсолютно аморальную формулу: *цель оправдывает средства*.

Цель — сделать Путина президентом. Средства — всё что угодно. Чубайс, сам не замечая, произнес кредо иезуитов как свое, родное. И тут же, как полагается иезуиту (символ лицемерия), стал убеждать интервьюершу в том, что «очень большой удельный вес в мотивировках Путина имеют чисто этические и нравственные категории».

Чубайс даже не может понять, почему люди смеются, когда он рассуждает о «чисто этических и нравственных категориях». Я иногда думаю, что они там все сумасшедшие. Но нет, ложку в ухо никто не несет.

Очень часто они там проговариваются. Ощущение при этом испытываешь жуткое. Видишь, как из человека лезет именно то, что он изо всех сил пытается скрыть.

Интервью Чубайса в этом смысле — просто наглядное пособие. После нравственных категорий он пускается в такую откровенность, что оторопь берет. Цитирую без пропусков:

«Путина долбают, говорят: “Володя, ну кто же так делает? У тебя выборы в июне, а ты начал в сентябре. Неправильно, у тебя будут тысячи проблем. Нужно сейчас немного притормозить, а вот там где-нибудь в мае начать и врезать, и все будет классно”».

Давайте разбираться: кто говорит, когда, о чем.

Кто. «Путина долбают» — могло относиться к врагам. Но враги, долбая Путина, не станут говорить ему «Володя» и давать полезные советы. Значит, это говорят друзья. Школьных друзей давно нет и в помине; на той вершине, где находится Путин, ни на какие человеческие дружбы просто нет времени. Рядом с Володей только самые близкие соратники (трое? пятеро?), и один из них — Чубайс — рассказывает в качестве очевидца и участника этих узких бесед, как они там долбают Володю. (Не забывая обозначить интимную близость: «Володя» — прямо как Крупская.)

Когда. Не позже середины ноября 1999 года.

О чем. Это самое важное. Что означает фраза «У тебя выборы в июне, а ты начал в сентябре»? Что начал? Ответ известен: войну. Это войну надо сейчас (в ноябре) немного притормозить, а в мае (под самые выборы) начать и врезать, и все будет классно. А что будет классно? Из контекста ясно: победа на выборах.

Чубайс рассказал, не враги.

Значит, и Володя, и приближенные считают войну предвыборным ходом. Мы это и раньше понимали, но одно дело — догадываться, а другое — услышать от соратника. Спор в ноябре у них идет только о том, когда врезать. Те, кто думает, что выборы в июне, считают, что надо притормозить войну; и не из чисто конкретно нравственных категорий, а потому что будут «тысячи проблем». (Теперь, в марте, можно уточнить: две тысячи убитых, не считая женщин и детей, и пять тысяч раненых, не считая женщин и детей.) Они предостерегают Володю, но не из жалости к роте десантников, а из опасения за рейтинг.

А Володя не соглашается отложить врезание ближе к июню, к выборам. Может, знает, что выборы будут в марте. А может, просто потому, что любит это дело, любит врезать. Дворовые навыки.

Но надо отдать должное: навыки сдерживать умеет, умеет ждать, терпеть. 25 июля 1998 года его назначили директором ФСБ. Через год с лишним он стал премьером и начал войну в Дагестане, сказав, что «управимся за неделю». Спустя два месяца растерянные генералы показывали бетонные укрепления, которые и бомбами не возьмешь, жаловались журналистам: «Вы только поглядите! Это же настоящие укрепрайоны! Это же строили не меньше года! Куда смотрели местные жители?!»

А куда смотрел наш директор ФСБ? Он или не знал (!), или молча, то есть соглашаясь, наблюдал вооружение боевиков, строительство укрепрайонов в Дагестане (!), завоз огромного количества боеприпасов из России (!!). Повторим: все это происходило не в мятежной неподконтрольной Чечне, а в России, в Дагестане. Это как понять?

Впрочем, может, это для нашего блага? Раздолбать боевиков до того, как они построили укрепрайоны и создали огромные арсеналы, было слишком легко. Для консолидации страны,

когда народ так разобщен, так разуверился в вождях, — нужен сильный внешний враг. Нужна тяжелая победа, чтобы можно было ею гордиться, как Великой Отечественной. И добились. Две недели брали площадь Минутку, три недели — село... По характеру военные сводки напоминают 1943-й: тяжелые позиционные бои. Мудрый Сталин (на которого нередко ссылается Путин), когда кто-то завел речь о потерях, сказал:

— Нам дэшовая пабэда нэ нужна.

Успокойтесь, с выборами не будет никаких проблем. Если даже интеллигенция оказалась способна проголосовать в декабре 1999-го за Чубайса и Кириенко, то есть за ваучеры, за коробки из-под ксерокса, за ГКО и дефолт, то Путину не о чем беспокоиться.

Торопливые попытки создать миф удались. Вот он летит на истребителе, дарованный нам судьбой: Честный, Чистый, Победоносец.

Мифотворчество в России — дело беспроигрышное. Не так уж давно вся страна, включая интеллигенцию, уселась к телевизору лечиться у Кашпировского... Таким доверчивым народом грех не попользоваться. (За два месяца, перекрыв все рекорды Брежнева, Путин раздал сотни орденов: военным, ученым, артистам, спортсменам...)

«Хитрый Чубайс» — это тоже миф. Хитрый — это тот, кто врет и не попадает. Это тот, кто умеет врать так, чтоб концы с концами сходились.

Когда его помощники Лисовский и Евстафьев попались с коробкой долларов, Чубайс сперва сказал: «Ложь, коробки не было!» Потом: «Коробку подбросили враги!» Потом еще как-то вилял. А недавно у Доренко в прямом эфире ОРТ Чубайс наконец признался: «Да, несли коробку, несли полмиллиона долларов, но ведь не для себя!!!»

Послушайте, как звучит. «Жертвовали собой ради общего блага, ради народа...» Стоп! А разве не для себя, а разве им ничего не доставалось из этих коробок? Любой вор может сказать «не для себя!». Конечно, для пахана. Но ведь не для народа.

Чубайс попадает непрерывно. Он не хитрый, он наглый и безжалостный, как грабитель из подворотни. Человек идет,

а навстречу некто с ледяными белесыми глазами. «Закурить не найдется?» — спрашивает он или, к примеру «Который час?». Но по голосу ясно, что тот, кто притормозил вас в подворотне, не заботится о правдоподобии. Эти вопросы — формальность. Не закурить ему надо, а чтобы вы на секунду остановились, чтобы ему было удобнее ударить вас по голове.

Готовность на всё — она и объединяет таких, как Коржаков, Чубайс, Павловский... двое последних хуже, ибо образованные — значит, ведают, что творят.

Они побеждают не за счет ума, а за счет абсолютного бесстыдства. Они переступили через стыд — следовательно, уже не люди в обычном понимании. По Достоевскому — бесы. С ужасающей точностью (сами того не замечая!) воспроизводят они Петрушу Верховенского и прочих «наших», воспроизводят их действия, речи, даже жесты, даже ужимки. И — «кровушки надо» как способ захвата власти.

А мы сбиты с толку. Видишь: две руки, голова, говорит по-русски (хоть и плохо) — вот и думаешь, что человек.

А они веселятся над нами: «Лохи! Как мы их!..» Но жизнь не может вечно строиться на обмане и наглости. Она — вот увидите — востребует идейных и честных.

И не надо думать, что они неслыханно умные, эти Чубайсы и Павловские. Есть люди гораздо умнее, но они не готовы на всё.

«Почему там одни сволочи?» — постоянный вопрос опечаленных граждан. Ответ простой: потому что туда берут и туда идут готовые на всё. Моральные уроды. А быть честным, добрым и одновременно готовым на всё — невозможно. Иметь совесть и быть готовым на всё — невозможно. Иметь честь и быть готовым на всё — невозможно.

Всякий раз, как я уличал Гайдара, Чубайса и пр. во лжи, махинациях, корысти (чтоб не говорить воровстве), они, не в силах опровергнуть факты, начинали обзывать меня агентом грязных спецслужб; из контекста явствовало — КГБ. Гайдар говорил это обо мне и в «МК», и в «Известиях», и где только мог. Клеветал, точно зная, что клеветает. А теперь он принял «непростое решение» поддержать Путина.

Ладно бы в этой очереди на поддержку стояли только честная Даша, честный Подберезкин и наивные знаменитые артистки.

Но в поддержку Путина, еще до Союза Правых Сил, высказалась газета «Завтра», называя его «долгожданным спасителем, волшебным образом появившимся изнутри жидовской власти».

Вот после *таких* комплиментов от Проханова и вправду не просто было Чубайсу, Гайдару, Кириенке и пр. вливаться в ряды всенародной поддержки.

Стезю выбрал сам. Чему учили будущего шпиона? Быть честным? Нет, его учили казаться честным. То есть врать, не краснея, не моргнув глазом. Учили выслеживать, высматривать, провоцировать, вербовать и четко составлять донесения. Все очень нужное для шпиона, но не слишком подходит для лидера страны, президента, царя.

Он мечтал быть разведчиком, а президентом быть не мечтал никогда. Это плохо. Значит, внутренне, психологически он не готов. И не будет готов. Он другой. Личность не сменишь, как профессию. Он исполнитель приказов, может быть, аналитик, но не царь-самодержец, и не президент-демократ, и даже не армейский генерал типа Пиночета или Лебеда. Он — шпион.

Сегодняшняя роль для него — чужая. Он в чужой роли будет дергаться.

Мы жаловались, что Ельцин непредсказуем. Путин в тысячу раз непредсказуемей.

Мы не знали, что сотворит Ельцин, но сам он, скорее всего, это знал. А Путин и сам не знает. Поэтому он такой размытый, и поэтому каждый видит в нем исполнителя своих желаний. Генералы приветствуют в нем жестокого вояку, ткачихи — примерного семьянина, демократы — образованного интеллигента, духовная оппозиция — освободителя России от нечисти.

Это — пока он вербует электорат. Этому его учили: как втереться в доверие, как польстить, как найти слабые места.

После выборов, после того как вербовка уже состоялась, отношения резко меняются. Вербовщик — вчера обходительный и милый — вдруг превращается в безжалостного шантажиста: «Или ты делаешь то, что мы тебе скажем, или — ...»

Он привык ставить на силу, на обман и лицемерие. И в некотором смысле чем лучше он был как шпион, тем хуже будет как президент. Мы отправляемся в неизвестность, это в луч-

шем случае. А если, пока он работал в Германии, его самого завербовали, — тогда вообще атас. И более крупные исторические фигуры приезжали к нам из Германии в plombированном вагоне. Тогда Россия, как и сейчас, была пьяна от свободы, но не готова к ней. Ну и провалилась в ГУЛАГ.

К свободе не готовы, а к тому, чтобы мочить врагов народа, вполне готовы, судя по рейтингу.

У Бориса Годунова рейтинг был под сто процентов. Всем миром его звали на царство. Он был уже Правитель (и.о. царя), уже правил несколько лет при недееспособном Феодоре. И все же, соглашаясь после долгих (возможно, не совсем искренних) отказов, говорит:

...приемлю власть
Великую со страхом и смиреньем.

А у этого — ни страха, ни смиренья, ни тени сомнений.

Годунов (по Пушкину) велел зарезать всего лишь одного, но до самой смерти его мучили «мальчики кровавые».

Сталин, Гитлер и пр. отправили на тот свет десятки миллионов, но совесть их никогда не мучила. Потому что ее у них не было.

Эти — ладно. Но артисты, но артистки... Читали на экзаменах о слезинке ребенка... Мол, вся мировая гармония...

А оказалось? Вся мировая гармония не стоит слезинки ребенка, а президентство стоит двух тысяч убитых?

Заметим, Достоевский не уточнил, что, мол, слезинка русского ребенка дороже мировой гармонии, а чеченского — дешевле. И Иисус (недавно показали, как Путин крестится в церкви) не делил детей по национальному признаку.

И еще. Когда Достоевский говорил, что красота спасет мир, он имел в виду красоту души, а не красивую походку начальства.

Интервьюеры «Коммерсанта» (10.03.2000) задают Путину опасный вопрос:

«Решение продолжить операцию в Чечне вы принимали до взрывов домов или после?»

Путин отвечает предельно коротко:

«После».

На предыдущие вопросы он отвечал словоохотливо и даже излишне подробно. Поэтому такой лаконизм должен был насторожить интервьюеров. Но они продолжают:

«Вы знаете, что есть версия о том, что дома взрывались не случайно, а чтобы оправдать начало военных действий в Чечне? То есть это якобы сделали российские спецслужбы?»

Путин взрывается:

«Что?! Взрывали свои собственные дома? Ну, знаете... Чушь! Бред собачий. Нет в российских спецслужбах людей, которые были бы способны на такое преступление против своего народа. Даже предположение об этом аморально и по сути своей ни что иное, как элемент информационной войны против России».

Тут можно было бы начать спорить, поскольку во всех спецслужбах находятся люди, способные на все, а уж советские резали как кур и крестьян, и маршалов, и врачей, и поэтов... А насчет «аморальных предположений» можно было бы спросить: «Почему, когда что-нибудь взрывается в Нью-Йорке, американцы не подозревают ни Клинтона, ни ЦРУ? А наши граждане (чуть не поголовно) первым делом думают: не власть ли? Это народ у нас такой аморальный? Или...». Но не будем.

Смущают не спорные рассуждения, а первая реакция, первый вскрик: «Что?!»

Такая реакция возможна, когда нечто слышишь впервые и совершенно неожиданно. Неожиданности нет, Путин подготовлен предыдущим вопросом. И новизны нет. Разве Путин впервые слышит эту версию? За минувшие полгода она звучала тысячи раз.

«Искренний» (желающий казаться искренним) ответ мог быть примерно таким: «И вы туда же! Сколько можно обвинять наши спецслужбы в таком ужасном преступлении?! Они не способны» и т.д.

* Ошибка. Вскоре самолеты врезались в башни-близнецы в Нью-Йорке. Подозрения в адрес Буша звучали и в США, и в России. Но никто не возмущался аморальностью этих подозрений.

Вскрикнув «Что?!», Путин грубо сфальшивил. А почему? Он же умный, умелый. А потому, быть может, что этот вопрос попадает в самое больное место. Они там до смерти боятся только этого. А когда смертельно боишься, трудно соврать умеренно и аккуратно.

* * *

Фельдфебеля в Вольтеры дам!

Скалозуб

А еще он не годится, потому что его назначил Ельцин. Все назначенцы Ельцина — сплошная кадровая ошибка: Хасбулатов, Руцкой, Шумейко, Лобов, Ильющенко, Скуратов, Грачев, молодых реформаторов не перечисляю (начнешь — не остановишься). Лучше спрошу: можете ли вы, уважаемые читатели, назвать исключения из этого правила?

По каким критериям выбирал Ельцин? За ум? Честность? Справедливость? Боль за людей? Или из иных соображений? Он выбирал за личную преданность и из своих интересов. И Путина он выбрал для себя, а не для страны. Очередная кадровая ошибка на днях возглавит Россию.

И в Вольтеры нам постоянно дают совершенно неизвестных. То Бурбулис, то Гайдар, теперь вот — Греф. Кто такие? Почему мы о них ничего не знаем? Будь они знаменитостями в своих областях, в своих науках (скажем, нобелевскими лауреатами по экономике) — тогда мы бы их знали и понимали, почему им поручается вытаскивать из пропасти великую Россию. А раз не знаем, значит, взяты они не за талант, а по знакомству, по принципу «это свой».

Маршак под видом перевода с английского опубликовал такую эпиграмму:

Король лакея своего
Назначил генералом.
Но он не может никого
Назначить честным малым.

Служил в КГБ, потом помощником Собчака, потом помощником Бородина, потом помощником Чубайса, потом...

Встань Ельцин 31 декабря не с той ноги, у нас был бы не новый президент, а новый премьер. Мало ли их тасовал Борис Николаевич. Но — так случилось: могли назначить завклубом, а назначили президентом России.

Ноша может оказаться не по плечу.

Он — такой. И народ — такой.

Народ любит Лучшего Друга десантников, Лучшего Друга омовцев, оленеводов, артистов, Лучшего Друга крестьянско-аграрной партии и всех, кто проголосовал досрочно, Лучшего Друга и СПС, и газеты «Завтра».

Этим чубайсам, гайдарам, кириенкам лучше б повеситься, чем обнаружить себя в одном строю с газетой «Завтра», но ничего — маршируют.

Давно так слаженно не маршировала наша Великая Родина.

Куда? — да в Светлое Будущее, конечно. Больше некуда.

И даже если осталось еще сто тысяч невлюбленных, то это 0,1% избирателей — то есть величина никого не интересующая.

Мы в двадцать раз меньше, чем статистическая ошибка.

Ау, большинство! Ты — в Светлое Будущее? Через минное поле? Счастливого пути!

А мы? Мы — с тобой. Это ж не бронепоезд, а исторический процесс, с него не прыгнешь.

31 марта 2000, «МК»

НАДО, ГРИША, НАДО

Президент избран. Политическая ситуация изменилась очень сильно. Кандидаты в президенты больше не требуются. И не потребуются еще лет пятнадцать.

Президент наш молод, здоров. Дума абсолютно управляема. В ближайшие год-два она не спеша разработает и примет закон о продлении президентских полномочий до семи лет. А заодно постановит считать первые семь лет со дня принятия этого закона. Вот и выйдет: сейчас год-другой, потом первый семилетний срок, потом второй — итого пятнадцать, а то и больше.

Пока президент России был стар и болен, толпа претендентов имела надежды. (В самой откровенной форме их обычно высказывал Лебедь: «Президент не жилец, картошка скоро кончится, гражданская война скоро начнется — и я буду востребован».)

Выборы были в дразнящей близости. Вдруг завтра?! В такой ситуации отказы Явлинского от работы в правительстве имели смысл.

Сохранение чистых рук и белых одежд ценно само по себе. Ради души. Но до сих пор эта чистота имела и практический смысл: если выборы скоро — не стоит идти в правительство; за год сделать толком ничего не успеешь, а грязи нахлебаешься... А главное — часть ответственности за провал неминуемо ляжет и на тебя.

Но теперь до выборов очень далеко. И теперь беречь себя для них — все равно что уйти на пенсию.

«За мной!» — это клич командира, который сам бросается в атаку и зовет солдат *за собой*.

Но если «за мной» говорит политик, это выглядит оборонной, а не атакой.

«За мной пять миллионов избирателей!» — говорит сейчас Явлинский. Но разве это сила? Миллионы чего — бойцов или использованных бумажек? Разве эти миллионы готовы выйти на улицу по призыву своего вождя?

У шестидесяти миллионов людей хватило сознательности оторвать зад от дивана и пойти на выборы. У пяти миллионов хватило храбрости высказаться за Явлинского (в кабинке для тайного голосования). Но не хватает мужества, энергии, веры отстаивать свой выбор. Да их никто и не спрашивает.

Да и требовать этого нельзя.

«Не войду в правительство Путина!» — заявил Явлинский. А нас спросил? Почему бы сперва не спросить тех, кто отдал ему свои голоса?

Явлинский постоянно повторяет, что действует в соответствии с чаяниями своих избирателей. Почему он уверен, что они не хотят видеть его в правительстве? Тем более что пустых мест там не бывает. И место, не занятое Явлинским, займет *другой*. (Не по фамилии другой, а по сути.) Того, за кого отдали голоса пять миллионов избирателей, в правительстве не будет, а те, за кем ни одного голоса нет, — пожалуйста.

Путин не нравится — это не причина для отказа.

Ельцин не нравился, и умные, порядочные люди отходили от него все дальше и дальше. В результате кадровый голод в Кремле достиг такой силы, что премьером был назначен молодой сникерс. (Точно в соответствии с рекламой «съел, и порядок» сникерс устроил дефолт и исчез.)

Чем больше нормальных людей отходило от Ельцина, тем больше мест вокруг него занимали коржаковы и чубайсы. И под конец через них уже стало не протолкнуться, не достучаться.

Наблюдая то, что они вытворяли, легко было считать себя умным (по сравнению с Коржаковым) и честным (по сравнению с Чубайсом), но рулили они. А умные и честные были в отчаянии: «Глядите, что творится!»

Этим умным и честным избиратель мог бы сказать: «А чего же вы хотите? Вы сами уступили место дуракам и негодям. И кто же теперь в дураках?»

Пока на носу постоянно были то думские, то президентские выборы, сторонники Явлинского по понятным причинам не критиковали его. Но сейчас, когда выборы позади, ничто не мешает тем, кто стратегически на стороне Явлинского, сказать о тактических ошибках.

Одна из них называется «Степашин».

Избиратели «Яблока» впали в глубокую задумчивость, обнаружив Степашина в этой партии под номером два.

Незадолго до этого Явлинский требовал импичмента Ельцину за Чеченскую войну. Среди ответственных за Чеченскую войну Ельцин — номер один, Грачев — номер два, Степашин — номер три. И вот номеру один за чеченскую войну — импичмент, а номеру три — за то же самое — второе место в «Яблоке».

Вообразите, что накануне думских выборов Явлинский заключил бы союз с Жириновским. В рядах сторонников «Яблока» это вызвало бы гнев и отвращение. А почему? Почему с Жириновским нельзя, а со Степашиним можно? Кто из них в крови: Жириновский или Степашин?

Теперь более актуальный вопрос: если со Степашиним можно, почему с Путиным нельзя? Если ради такой дряни, как рейтинг, можно жертвовать принципами, то что же мешает теперь, когда принципы уже пожертвованы, пойти работать в правительство Путина?

Может быть, ответ заключается в том, что взять Степашина на второе место — значит, в какой-то степени стать его начальником. А пойти в правительство — значит, стать подчиненным Путина. Эти досадные, хотя и очень понятные соображения должны быть отброшены.

Впереди пятнадцатилетка Путина. И что — все эти годы рыдать и ужасаться? Таковую, что ли, роль отводит себе «конструктивная оппозиция»? Что тут конструктивного?

«Не пойду в правительство! Не стану выполнять чужую программу!» Чужая программа — не беда. Главное у нас — люди, а не бумажки. Дурным исполнением можно загубить самую прекрасную программу. Но умный работник может (не поднимая лишнего шума) улучшать плохую.

Если бы умные интеллигенты всегда шарахались от власти, не было бы ни Витте, ни Столыпина, ни...

Работать не стыдно. Стыдно лизать ж--у. Это разные вещи. Когда-нибудь это поймут даже лидеры СПС.

Что собирается делать человек, получивший пять миллионов голосов (в том числе мой)? Работать критиком? Пятнадцать лет?

Нет уж, мы (критики) справимся как-нибудь без Явлинского. Войдя в правительство, он лишится права критиковать, зато получит возможность делать дело. И делать его так, как этого ожидают те самые избиратели, про которых он говорит «за мной».

Явлинский уже сказал «не пойду», погорячился в ЦИКовскую ночь, можно понять. Надо остыть и надо идти.

«Мы пойдем во власть только командой!» — заявлял эти годы Явлинский. Сомнительно, что позовут с командой. Шесть процентов* — не та высота, с которой можно диктовать свои условия. Ничего, и один в поле воин (как говорят коллеги Путина по его основной работе).

Если принципы позволяют работать в Думе (где закон — тайга, медведь — хозяин), почему они не позволяют работать в правительстве?

«В Думу меня послали избиратели», — говорит Явлинский. Но они — люди! — послали избранника не в Думу, а *во власть*. Если б люди выбирали правительство, то Явлинского выбрали бы туда. И работал бы.

Нет, надо идти, если позовут. Это — в интересах общества. Хуже всего, что вряд ли позовут. Окружение не допустит.

И тогда действительно останется только критиковать. Смысла в этом будет немного, ибо Путин, похоже, не принимает критику. Похоже, он склонен считать ее вражеской клеветой. И значит, будет отвергать с порога.

* Явлинский получил 6% на президентских выборах 2000 года. Миронов — 0,01%, в шестьсот раз меньше.

31 июля 2000, «Новая газета»

ПОСОБИЕ ДЛЯ БУДУЩИХ РАЗГОВОРОВ НА КУХНЕ

Что думать?

Годами мечтал навести порядок: разобрать архив, разложить по папкам.

Три месяца мучаюсь: как систематизировать? Хотелось: вот Гайдар, вот Ельцин, вот выборы, вот война...

Пол завален, подоконники завалены, папки, коробки... Не раскладывается. Тупой я, что ли?

И вдруг — простая мысль: дело не во мне. Просто не делится.

Не отделяется война от выборов, выборы — от Гайдара, Гайдар — от Ельцина, Ельцин — от Чубайса, Чубайс — от Коха, Жириновского, КГБ, Грачева...

И значит, не злонамеренные журналисты связали войну с выборами, а те, кто так удачно организовали и то, и другое.

Только театр отделился от всей этой мути, хоть и с трудом. Потому что Таганка — это и Губенко, а Губенко — и актер, и режиссер, и министр культуры СССР при Горбачеве, а теперь не знаю кто при Зюганове. И в Театре на Таганке, который так отчаянно боролся с коммунистическим режимом, теперь проходят торжественные мероприятия КПРФ, потому что Губенко оттяпал у Любимова две трети театральной площади... Вот и поди раздели.

Наоборот! Бумаги ведь копились годами. В тот момент, когда решаешь всего лишь не выбросить какую-то газету, какой-то документ, — их сохраняешь как казус, как нечто любопытное. А потом, лежа в коробках, они прорастают, переплетаются

и сами укладываются. И не в надуманную схему, как если бы подбирались с замыслом, с умыслом, а в картину жизни. Настоящую, а не пропагандистскую.

Вот 1991/1992-й, конец СССР, начало «реформ», правительство Гайдара (хотя тогда оно было правительством Бурбулиса). И юные пионе... извините, юные министры произносят нечто вроде клятвы, обещают положить живот (то ли жизнь, то ли пузо) на алтарь Отечества. Во всяком случае, сами себя они называют камикадзе, то есть смертниками. И не просто смертниками, а добровольцами, идущими в атаку без единого шанса уцелеть.

У настоящих камикадзе, летевших бомбить американцев, даже керосин был только в один конец. Но это — японские камикадзе. А наши-то были все из агитпропа: кто воспевал экономику социализма в «Правде» и «Коммунисте», кто преподавал в Свердловске марксистско-ленинскую эстетику.

Есть одна история, которую вспоминаю всякий раз, когда слышу красивые слова: «правовое государство», «политическая элита», «марксистско-ленинская эстетика», «конституционный порядок» и пр. Историю эту можно рассказать и здесь, место подходящее.

И.И.Дмитриев в одно из своих посещений Английского клуба на Тверской заметил, что ничего не может быть страннее самого названия: «Московский Английский клуб». Случившийся тут Пушкин, смеясь, сказал ему на это, что у нас есть названия еще более странные.

— Какие же?

— А Императорское Человеколюбивое общество, — отвечал поэт.

Главное отличие от японских летчиков-смертников — что наши реформаторы жертвовали не жизнью, а всего лишь репутацией (и то в глазах лишь очень немногих). Те стали героями. А наши — Гайдар, Чубайс, Авен, Кох и другие министры-реформаторы и по совместительству продавцы госимущества — стали настоящими долларовыми миллионерами, не переставая считать себя камикадзе. Такое устройство сознания. Точные слова заменяются красивыми. Война — наведение конституционного порядка. Грабеж — итоги приватизации.

Они и внедрили (впарили) в общественное употребление слово «элита», опять же имея в виду самих себя. Журналисты, часто не понимающие смысла употребляемых слов, подхватили. И вот вся пресса взхлеб: «Президент принимает в Кремле элиту!» А представьте, например, Немцова, который сказал бы: «Мы, лучшие представители человечества, требуем не пересматривать итоги приватизации».

Те полтора десятка, что собрались в Кремле, — их интерес понятен. А что думают остальные сто пятьдесят миллионов? Если Немцов — демократ (а по должности он теперь лидер СПС, то есть главный демократ), то почему бы не устроить референдум? Правые, они на деле любят референдумы или только к выборам?

И все как попугаи: пересмотр итогов приватизации — это кровь! Не пугайте. Не представляю норильских рабочих, которые пойдут в бой за Потанина. Вон в Красноярске за Быкова никто не пошел. А что они между собой воюют и ежедневно пересматривают, то нам какое дело?

Что мы согласны считать элитой: высшую должность, большое богатство или высокую душу?

Если слова утрачивают или меняют смысл — исчезает взаимопонимание. Общество распадается; невозможно исполнение единой цели, невозможна даже сама единая цель.

Бог, желая сорвать амбициозные планы вавилонских лидеров, не стал устраивать мор, войну и тому подобные грубые диверсии. «Смешаю им языки», — сказал Он. И — конец Башне. Вот как эта знаменитая история выглядит в очередном переводе с оригинала.

«И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес, и сделаем себе имя... (по-нашему, сильное государство с вертикалью и рекламу. — *А.М.*)»

И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие.

И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать;

сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого.

И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город» (Бытие, 11).

Ужели мы такие наивные, чтобы поверить, будто вавилонцы мгновенно заговорили по-немецки, по-французски, по-русски и на других тогда не существовавших языках? Нет, они просто перестали понимать друг друга. Язык с виду (по звуку) остался прежним. Но люди стали понимать слова по-разному (перестали понимать одинаково).

Представьте престижное дачное место, где живет вот эта самая «элита». Два соседа пьют на веранде. Вбегает третий:

— Мужики, у кого есть вертушка?

СОСЕД-ГЕНЕРАЛ. А куда лететь?

СОСЕД-МИНИСТР. А кому звонить?

СОСЕД-СКРИПАЧ. Кончайте шутить. Я уникальную пластинку достал, а вертушка сломалась.

Ясное дело, никакую общую башню построить они не могут, хоть и говорят, как им кажется, на одном языке.

Дабы понять, что сказано, необходимо знать, кто сказал.

Готовы ли мы слушать (и верить!), если слова о демократии и свободе печати произносит сотрудник КГБ? Готовы ли мы верить очередному Чикатило, если он начнет рассуждать о морали и воспитании мальчиков и девочек?

Если о нравственности говорит Чикатило — значит, он не убеждения свои излагает, а хочет нас обмануть. Зачем? — это другой вопрос. Может быть, он хочет, чтобы его выбрали директором детского дома, где он сможет свободно делать то, что очень любит.

Если о свободе слова и пр. говорит сотрудник КГБ — значит, не убеждения свои излагает, а хочет нас обмануть. Зачем? Да уж это понятно.

К народу, потерявшему общий язык, изредка возвращается взаимопонимание. К сожалению, повод для этого взаимопонимания обычно очень печальный.

Путин

Когда кончится эта война, всем сразу станет ясна ее фальшь. Потому что ликования на улицах не будет.

Пять лет воевать и не обрадоваться победе?!

Ненависть внушить людям (или сделать вид, что внушили) еще можно. А вывести ликующие толпы — нет.

Когда Императорское Человеколюбивое общество объявит, что победоносное наведение Конституционного Порядка закончено, ответом будет молчание. Потому что никто не поверит ни в конец, ни в победу*.

* Когда Вторая Чеченская война кончилась, не только ликования не было — никто даже не заметил. Да и кончилась ли?

19 декабря 2000, «МК»

ВЗРОСЛАЯ НЕОЖИДАННОСТЬ*

Важнейшие вещи мы иногда узнаем совершенно случайно. До катастрофы «Курска» — никто не знал, что у нас нет глубоководных водолазов**. Никто такого вообразить не мог. Не только рядовые граждане, но и президент этого не знал, и главные генералы. И вдруг оказалось — наши работают на глубинах до шестидесяти метров, а норвежцы — до четырехсот. Оказалось, что еще недавно у нас все это было, но куда-то сплыло.

Однако в данном случае истину хотя бы услышали и, должно быть, что-то пытаются сделать. Это нормально.

Но когда внезапно открывается важнейшая вещь, а ее не замечают, — это как-то не совсем нормально. Во всяком случае — странно.

Уже после того как Дума приняла гимн***, эту тему обсуждали в телепередаче «Глас народа». Пожалуй, это был самый драматичный из «Гласов», самый ожесточенный (несмотря на бессмысленность, ибо изменить уже ничего было нельзя). И вот там, в прямом эфире, прозвучали две важнейшие вещи, которые остались незамеченными, хотя каждая была, может быть, поважнее гимна.

Одна вещь — это «Слово о президенте России», которое произнес Сергей Доренко. Другая — «Слово о патриархе Всея Руси», которое произнес священник о. Александр.

* По замыслу автора заголовок должен был вызвать у читателей ассоциацию с известным понятием «детская неожиданность».

** А в 2010-м, когда загорелись леса, оказалось, что у нас нет лесников.

*** Вернули сталинский.

Уже первой репликой Доренко резко настроил часть зала против себя.

К тому моменту многие успели высказаться и за гимн, предложенный Путиным, и против. Чувства и мысли людей, поддерживающих президента, лучше других, пожалуй, высказала кинорежиссер Светлана Дружинина («Гардемарины», «Гардемарины, вперед!»). Она говорила очень взволнованно.

Светлана ДРУЖИНИНА. Если бы случилось такое чудо, и меня спросил бы Владимир Владимирович: «Светлана Сергеевна, что вы думаете по поводу символики?», я бы сказала: «Дорогой Владимир Владимирович, пожалуйста, поднимитесь над схваткой! У вас такое тяжелое положение! Страна на разломе! Великолепнейшая музыка! Она невероятно народна, она невероятно мощна! Господь из Космоса послал такие ноты». Но этого не произошло (президент не обратился к Дружининой за советом. — А.М.). И ничуть не сомневаясь, а сопереживая и болея за президента, которому я совершенно сознательно отдала свой голос, я одна из первых подписала письмо в его поддержку. Иначе я бы себя не уважала. Иначе я бы не уважала мнение своей семьи, своих коллег и друзей. Поэтому я хочу сказать: в любой ситуации я поддержу президента...*

Доренко, получив микрофон, высказался не столько против гимна, сколько против власти и тех, кто ее поддерживает.

Сергей ДОРЕНКО. Гимн расслаивает общество. Сегодня расслаивать общество опасно. Но это сделано. Это сделано политиками, абсолютно сознательными людьми. Я не думаю, что это сделано из детского недомыслия или по беспечности. Это сделали для того, чтобы нас поссорить, чтобы дестабилизировать общество, и это сделал Путин — для меня очевидно. Извините, поддерживать личности, на мой взгляд, примитивно. Надо идеи поддерживать, а не людей. Если он завтра предложит бог знает что, почему мы должны его поддерживать? Мы что,

* То есть и семья, и коллеги, и друзья в любой ситуации «за». Какова сплоченность.

мафия? Лидер должен учитывать мнение народа, — говорит Путин. Вот вопрос абсолютно важный. Говорят, он идет за 60% — какими? где? (Имеется в виду, что вряд ли можно доверять этим данным о народном одобрении. — А.М.) Я думаю, что он подстрекатель и провокатор, он не идет за 60%, он подстрекает людей друг против друга.

Эти слова задели и ожесточили многих. И не столько, думаю, ярлыки типа «подстрекатель» и т.д., сколько фраза о примитивности тех, кто поддерживает личность, а не идею. Впрямую к Дружининой он не обращался, но... Кому же охота выглядеть примитивным (в смысле — недоразвитым)?

Спустя некоторое время Доренко вторично попросил слова. Передача к этому моменту ушла еще дальше от темы гимна в тему «президент и народ».

ДОРЕНКО. Путин предлагал мне дружбу... (*Смех прервал его.*) Я знаю более-менее его мотивы, потому что мы говорили не только о работе. Может быть, это вам поможет немножко понимать его «уважение» к большинству. Когда он прилетел из Еревана, я ждал его во Внуково-2. И я принес ему свежие рейтинги, чтобы он порадовался, как у него рейтинг растет. Я говорю: «Владимир Владимирович, вот — вы растете». Он говорит: «Отлично». Я говорю: «Вы знаете, очень смешная вещь: социологи людей спросили, кто лучший экономист в стране? И большинство назвали Путина». Я ему показал это с усмешкой. И пока он смотрел в эту бумагу, я сказал: «Владимир Владимирович, дело дойдет до того, что вас провозгласят лучшим поэтом и лучшим футболистом. Дело только началось. Но ведь это абсурд». Он молчал все время. Я говорю: «Станный народ». Вот на эту фразу он ответил. Он повернулся ко мне и сказал: «Правильный у нас, Сергей, народ, правильный».

Вторая фраза, которая еще раз это иллюстрирует (я ручаюсь тут за каждое слово). Это было, когда он меня пригласил после того, как я назвал путинской провокацией арест Гусинского и сказал об этом публично. Он меня пригласил в понедельник. И была очень характерная фраза, которую я услышал и повторял про себя (она просто звучит у меня в голове). Он чаем меня

поил в Кремле и говорил: «Понимаете, Сергей, нам надо думать, что сделать для России. Ведь я достиг всего, чего хотел, и даже того, чего не хотел. В общем, я же не очень стремился. Понимаете, второй срок гарантирован. Ну, еще какая-нибудь антитеррористическая операция — и второй срок решен». Когда вы говорите, что вы за него голосовали; что он на вас опирается, а вы — на него... Вы очень наивные люди в этот момент. Я не хочу разрушать вашу невинность и вашу наивность. Но когда вы совсем воспарите в единении, в соитии с Путиным, в этот момент подумайте, что думает он о вас.

На экране крупным планом был Доренко; к кому именно он обращался — не знаю. Микрофон, однако, потребовала Дружинина. Она была сильно возмущена, голос звенел, гнев она не скрывала.

ДРУЖИНИНА. Это такое благо, что я сейчас вас вижу визуально! И могу вам сказать: какое благо, что вы поставили вовремя точку! Потому что я думала, что через секунду вы скажете, что вы ходили с Путиным в писсуар и какого цвета у него плавки! (*Гром аплодисментов.*) Вы просто ведете себя неприлично! А мнение большинства учитывается всегда!

Когда шум утих, микрофон достался отцу Александру. Не вступаясь за Доренко, священник возразил даме только на последнюю фразу.

Отец **АЛЕКСАНДР.** Такие важные вещи, как символика, — их нельзя принимать большинством голосов.

С этой простой и верной мыслью опять начали спорить, опять закричали о гимне, о Глинке...

Было непонятно: они что? — не заметили доренковского сообщения про «еще одну войну» ради гарантированного срока? Или — побоялись заметить?

Дружинина, давая отповедь Доренке, выглядела очень достойно. Она гневалась, но держала себя в руках, произнести

грубые оскорбительные слова себе не позволила, помнила, что кругом люди, что прямой эфир — миллионы зрителей. Она отхлестала нашкодившего, наградой ей были бурные аплодисменты, смех...

И никто не заметил подмены.

Разве Доренко рассказывал о личном? Нет, он говорил о важнейших государственных вещах. Но вместе того, чтобы разобраться в его сообщении, на него опрокинули писсуар, отмахнулись, забыли и пошли дальше.

Доренко выпороли не за то, что сказал, а зачем, мол, выдал?

А зачем Путин все это говорил?

Это же извращение умов: поносить того, кто сообщил о преступлении, а самого преступления не замечать.

Опыт есть. Поносили Сахарова, Солженицына (и многих еще) за то, что они говорили о преступлениях власти. Преступниками называли именно тех, кто разоблачал действительные преступления. «Агенты мирового империализма», «мирового сионизма», «литературные власовцы», «выродки», «отщепенцы» — клеймили лучших.

Обладай Доренко тем моральным авторитетом, который был у Сахарова, цена доренковским словам была бы иная. И к ним, может быть, отнеслись бы внимательнее. Говорю «может быть», потому что и на Сахарова топали ногами, и ржали, и не давали говорить.

Доренко — плохой? очень плохой? ужасно плохой? — но разве *этот вопрос* мы обсуждаем? Если о пожаре кричит даже очень плохой человек, разве не надо тушить? Разве, получив вызов, пожарная команда должна запрашивать характеристику?

Да, вызов бывает ложный. И если оказалось, что ложный, тогда негодяя надо ловить и наказывать. А тут ловить не надо. Доренко не анонимку написал, а публично выступил.

Если сказал правду — наградить за смелость. Клеветает — судить за ложь. Но отмахнуться, сделать выговор за бестактность?.. Доренко — журналист, знает цену словам и цену точности. И недаром подчеркнул, что передает разговор практически дословно. Если не клялся Путину хранить тайну... А если даже поклялся и обманул, то это личная проблема самого Доренко, нас мало касается.

Путин говорил с журналистом. Обязанность журналиста — собирать и распространять информацию.

Проблема не в том, что рассказал, а в том, почему так долго не рассказывал. Разговор-то был летом, а рассказал зимой. Чего ждал полгода? Но и понять легко. Такие вещи рассказывать страшно. Могут быть неприятности, и большие. Рискнул наконец, однако в награду — смех, брань, общее осуждение и ни слова в поддержку, а самое главное — никакой попытки разобраться в сути.

А по сути выходит вот что: одна антитеррористическая операция — первый срок, еще одна — второй срок. После таких сообщений в нормальной стране была бы создана парламентская комиссия, встал бы вопрос об импичменте. Две с половиной тысячи погибших солдат и офицеров, тысячи раненых, сотни тысяч беженцев и неизвестно сколько убитых мирных жителей — это вам не следы Клинтона на блузке Моника.

Похоже, мы не успеваем понять то, что слышим. В следующую секунду раздается что-то другое, еще более громкое, пусть дурацкое, но громкое и новое. И внимание уже отвлечено. Шпиону дали двадцать лет, в Приморье вымерз еще один город, еще один автобус попал под поезд, Кучма распорядился «убрать» неугодного журналиста, землетрясение в Тбилиси (или в Баку?)... — а ведь у людей полно своих проблем, скоро Новый год, что подать на стол, что подарить, где взять денег... Да пошли вы к черту, да надоели вы хуже горькой редьки...

Доренко выступил смело, а в ответ насмешки. Не желая думать о смысле слов, сказанных неугодным человеком, не заметили и еще очень важную вещь.

Действительно, второй срок Путину обеспечен, хотя бы потому, что оппозиции нет. Ни коммунисты, ни правые, ни «Яблоко» оппозицией не являются. Это просто критики, не более того.

Настоящая оппозиция всегда направлена на захват власти. Если она законопослушна, если хочет взять власть не танками, а на выборах, она критикует так: «Это не так, и это не так! Отдайте нам власть, и мы сделаем жизнь прекрасной!» Вот этого «отдайте нам власть» не звучит ни у кого из наших «оппозиционеров», это им даже и во сне уже не снится. И значит, у Путина действительно есть минимум восемь лет.

Если о Путине высказался человек, к которому многие относятся с большим сомнением, то о патриархе высказался человек безупречной репутации. Еще одна разница: видно было, что Доренко очень хочет сказать о Путине; и видно было, что отец Александр (Борисов) не хочет говорить о патриархе. Но уйти от прямого вопроса о. Александр не смог. Он замечательно понятно объяснял, почему он против советского гимна, и в конце сказал:

Отец АЛЕКСАНДР. ...Я льщу себя надеждой, что это можно объяснить Владимиру Владимировичу Путину, за которого я тоже голосовал, и я не теряю уважения к нему, но, как всякий человек, он может ошибаться. Его должны убедить мы с вами, гражданское общество. Мы должны понять, что гимн Советского Союза, он всех разделяет. А музыка Глинки пусть всех объединяет.

Светлана СОРОКИНА (*ведущая*). Отец Александр, Российская православная церковь устами патриарха говорит, что да, хорошо, александровский гимн.

Отец АЛЕКСАНДР. Патриарх вначале совершенно ясно дал понять, что он не в восторге от этого гимна. Но он не был ульшан. И он это понял. Поэтому патриарх не стал жертвовать уже сложившимися хорошими, добрыми отношениями только для того, чтобы еще раз повторить свое мнение.

СОРОКИНА. Целесообразность?

Отец АЛЕКСАНДР. Безусловно. Зачем повторять, если это ничего не даст? Для него согласие, которое установилось, гораздо важнее. В конце концов это вопрос политический, а не церковный.

Повторю: очень хорошо было видно, что священник не хочет говорить о позиции патриарха, о своем отношении к этой позиции, но и лукавить не хочет. Не может себе позволить ни того, ни другого.

Репутация о. Александра такова, что в его словах сомневаться не приходится. А раз так, тем более надо вдуматься в суть того, что он сформулировал так деликатно.

А суть такова. Патриарх изменил свое мнение. Он был против гимна, а стал за. Ради спасения Церкви? Но ее не преследу-

Путин

ют. Наоборот, поощряют всячески. Значит, не для Церкви. Значит, ради себя.

По сути о. Александр сказал, что патриарх отказался от идеи ради выгоды. Даже если бы речь шла о общецерковной выгоде (какой?) — все равно более тяжкого приговора христианину, высшему иерарху православной церкви вынести нельзя. Иисус сказал: «Что пользы, если приобретете весь мир, а себя потеряете?» И далее — о невозможности для потерявших себя войти в Царствие Божие.

Патриарх высказался за советский гимн. А ведь это гимн не просто безбожников, но именно тех, кто физически уничтожил сотни тысяч священников, разрушил тысячи церквей. (Только в Москве в 1917 году было более тысячи церквей и часовен. К 1988-му осталось сорок пять. Только при Хрущеве, уже под этот гимн, было уничтожено двадцать пять тысяч церквей. Даже фашисты, даже татаро-монгольские орды этого не делали.)

Но участники передачи торопились, рвались сказать свое, и слово о патриархе так же, как слово о Путине, осталось не услышано. Не осознано. И за эту глухоту нам всем предстоит расплачиваться. Жестоко.

И когда придет время платить, все скажут: «Ах, какая неожиданность!»

2001

27 апреля 2001, «МК»

КРАПЛЁНАЯ КОЛОДА

Для короля самое важное — чтобы ему повиновались беспрекословно. Непокорства он бы не потерпел. Но он был очень добр, а потому отдавал только разумные приказания. «Если я повелю своему генералу обернуться морской чайкой, — говорил он, — и если генерал не выполнит приказа, это будет не его вина, а моя».

*Антуан де Сент-Экзюпери.
Маленький принц*

Вступая в должность, Путин сказал:

— *В России президент отвечает за всё!*

Не прошло и года — Путин открыл заседание своего правительства злым вопросом:

— *В Приморье люди замерзают! Кто ответит за это?*

Недавно и того хуже. В поезде, летящем по Сибири, президент признался:

— *Ни в РАО «ЕЭС», ни в «Газпроме» — ни шиша мы не знаем, что там творится!*

Хорошо, что президент так четко себя контролирует. Начав фразу, он успел в последний миг вставить устаревшего «шиша» туда, где обычно находится самое привычное.

Плохо, что ни шиша не знает отвечающий за всё президент. А ведь он прежде был премьером, а еще прежде — директором ФСБ. И значит, должен давно и точно все знать про РАО «ЕЭС» и «Газпром», ибо на них Россия держится.

Но стоит ли упрекать президента: мол, пытается переложить ответственность, не знает важнейших вещей, растерян...

Те, кто делают такие упреки, не понимают разницы между выборами и жизнью. Между захватом власти и работой.

А разница большая.

Задачи, цели, средства — абсолютно противоположны. Для захвата власти под видом выборов надо, чтобы десятки миллионов проголосовали за тебя. Одновременно сделали то, чего хочешь ты.

Для жизни надо, чтобы ты ежедневно, ежечасно делал то, чего хотят они.

Когда народу давались торжественные обещания («Президент отвечает за всё!») — это была победа. Это был финиш стремительной операции по захвату власти.

«Отвечаю за всё!», «Лягу на рельсы!» — говорится это для выборов. Эти клятвы — чистая формальность.

Но у броского лозунга — две стороны. Полезная: чтобы соблазнить людей и выиграть власть. Вредная: именно из-за броскости люди запоминают лозунг и потом годами попрекают: мол, чего ж не лег? А избранник не может сказать: отстаньте, дураки, я говорил это потому, что хотелось выиграть, хотелось преодолеть сопротивление сомневающегося народа.

Возможно, ему было очень противно, когда его вынуждали произносить клятвы. И уж тем более противны те, кто требует исполнения клятв. Ибо исполнение а) невозможно; б) не планировалось.

Думаете, приятно уговаривать? Думаете, приятно плясать перед электоратом, плясать с электоратом, превозмогая изжогу, жевать хлеб-соль, сюсюкать с младенцами...

Критика *личности* Путина потеряла смысл 26 марта 2000-го. В тот день его выбрали президентом. С того дня — какой есть, такой есть. Что толку разбираться, насколько умен, насколько морален, — ни уволить нельзя, ни изменить.

До выборов разбирать его по косточкам, убеждать людей не голосовать «за» имело смысл хотя бы теоретически (фактически выбор был сделан до голосования).

Теперь — разве что с досады. Президенту под пятьдесят, газетными заметками его не переделаешь. Да и ничем взрослого человека не переделаешь.

Критика *поступков*, может быть, еще имеет некоторый смысл. Если сказать: «Владимир Владимирович, напрасно вы взяли себе бухгалтером Глеба Глебовича, он вор, жулик», — это полезно.

Владимир Владимирович может не поверить. Значит, надо доказать.

Владимир Владимирович может сказать: «Не ваше дело». Надо возразить: мы вас, Владимир Владимирович, выбрали председателем кооператива, и выбор главбуха — ваше право. Но ведь денежки исчезают наши, общие.

Выбор гимна, выбор новых министров — это те ситуации, когда общество имеет право знать, из чего на самом деле исходил президент, принимая решение. И право критиковать ошибочные решения у нас остается.

То, что с нами (с народом) не советуются, — хорошо. Это снимает с нас (с народа) всякую ответственность за печальные последствия ошибочных решений.

Как славно быть ни в чем не виноватым!
 Совсем простым солдатом, солдатом.
 А если что не так — не наше дело!
 Как говорится, Родина велела.

Солдатик, винтик, человечек напрасно радуется. Ответственности нет. А расплата? Разве не солдат расплачивается за ошибки генералов? Только он и расплачивается.

Бессмысленно рассуждать: старая у Путина команда или новая. Она никакая. Они — не команда. К власти пришла не партия, а случайная комбинация случайных людей. Их, находящихся наверху, объединил случай, а не общая идея. Значит, главная цель каждого — сохранение себя во власти. А уж судьбы Родины — это постольку поскольку...

Президент получил беспредельную власть над беспредельной страной. Всем очевидны тяжесть положения и масштаб задач. Чтобы вывести такую страну из такого кризиса, нужны гениальные люди. Нужны лучшие экономисты, юристы... Разве они привлечены? Делается вид, будто их вовсе нету.

Они есть, еще не все уехали, тем более что можно привлечь и тех, кто уехал.

Найти хороших не так трудно. В своей среде все знают, кто лучший. Химики знают, кто лучший химик. Экономисты — кто лучший экономист.

Найти новых не долго. Но чтобы назначить их — нужна отвага. Надо поставить интересы страны выше интересов собственной вертикали. Ведь для новых надо освободить места. А старые стоят стеной. Они не позволяют себя выбросить. Вот и получается: вместо назначения новых — пересаживание старых.

Путин если и назначает «новых», то, увы, одноклассников. Можно ли надеяться на такое чудо, будто в путинском классе ленинградской школы или в ленинградском КГБ сосредоточились гениальные умы и высокие души?

То, что Путин испытывает доверие к старым знакомым, — понятно. Ему более важна преданность, чем компетентность. Однако зубы-то небось лечит не у одноклассников (и не у Павловского). Если для себя выбираешь врача за талант, то врачей для больной страны следовало бы выбирать из тех же соображений.

Однако заполняя ответственные и полуответственные посты одноклассниками и однокурсниками, Путин даже в этом последовательности не проявил. На ключевых постах по-прежнему находятся банкроты.

Гайдар по-прежнему вырабатывает экономическую политику, Чубайс, Вяхирев и др. по-прежнему возглавляют гигантские монополии. Наздратенко назначен рыбьим царем. Это какая-то извращенная форма борьбы с коррупцией. И ведь не враги опозорили власть. Сама.

Наших реформаторов объединяет один общий признак. Все их реформы обернулись катастрофой, подавляющее число граждан обнищало и стало жить на десять лет меньше. А все ре-

форматоры стали в результате государственной катастрофы лично очень богатыми. Их несостоятельность как реформаторов чудесным образом обратилась в личные состояния, лимузины, охрану.

* * *

Покажите мне место, какого искал!
Где поют, а не стонут;
где пол не покат...

Высоцкий

Пословица не говорит «начать с нового листа». Говорит — *с чистого!* Ибо если начать с грязного...

1991 год. Были ли Ельцин, Бурбулис, Гайдар и пр. — чистым листом? Пропагандисты марксизма-ленинизма (то есть абсурда), зарабатывавшие на жизнь сознательной ложью (то есть профессиональные вруны, то есть порченные) — они тащили эту гниль в будущее, на ней строили.

Весь мир знает про немецкое экономическое чудо. Оно произошло именно потому, что немцы после поражения начали с чистого листа. А почему им это удалось? А потому что кроме поражения была еще безоговорочная капитуляция и полная абсолютная оккупация. Немцев *заставили* начать с чистого листа. Заставили провести денацификацию. Сами они бы не смогли. Не будь оккупации, к власти в Германии пришел бы второй эшелон гитлеровцев.

После Сталина ведь не демократы оказались у власти, а верные сталинцы, хотя назывались они «верные ленинцы».

Ленин—Сталин—Хрущев—Брежнев—Андропов—Черненко—Горбачев—Ельцин—Путин. Покажите нам место, где Россия начала с чистого листа.

Происходит обесценивание страны.

Когда негодяй-капитан, желая сэкономить несколько тысяч долларов, промыл цистерны танкера у берегов Италии,

ущерб составил сотни миллионов долларов, ибо он загрязнил (обесценил) курортную зону.

Чечня, «Курск», Криминаль... простите, Генеральная прокуратура, публичные свары бывшего министра обороны с начальником Генштаба, министра финансов — с президентским советником, президентского советника — с Чубайсом. Всё это обесценивает страну.

«Президент отвечает за всё». То есть — и за всех нас. Это значит, что и мы все отвечаем за него. Точнее — расплачиваемся. Вот простой пример. Министр заявил, что Россия не будет платить долги. Мир в шоке, цена акций летит вниз, Россия теряет десятки миллионов долларов. Отвечает за всё — Путин. А расплачиваемся — мы.

За все плохие, за все ошибочные решения расплачиваемся мы. В том числе за ошибки кадровые.

Назначенный министром внутренних дел Грызлов всюду повторял одно и то же:

— Я поставлен осуществлять политическую линию!

В прямом эфире ОРТ Грызлова спросили:

— А что значит: политическая линия в МВД?

— Политическая линия — это поддержка президента России Владимира Владимировича Путина! Полная и безоговорочная поддержка!

Почему-то мы думали, что милиция должна воров ловить, а не президента поддерживать. И это — «новое поколение»? Неважно, сколько им лет. Но это — старое поколение, готовое на всё поколение*. Оно даже не старое, оно вечное. И это старая кадровая политика.

Политические назначения нам не в новинку. И последствия точно известны заранее.

Когда «новые» чиновники, опережая музыку и не дожидаясь новых слов, молитвенно запели советский гимн, я выключил звук, на экране остались физиономии, торжественно разевающие рот, а гимн доносился теперь приглушенно, откуда-то сверху и сбоку — видимо, от соседей.

* Потом Путин передвинул Грызлова в председатели Думы (второе лицо в государстве!).

Сплю я, что ли?

«Глухой, смягченный потолками и коврами, хорал донесся откуда-то сверху и сбоку.

Филипп Филиппович позвонил, и пришла Зина.

— Зинуша, что это такое?

— Опять общее собрание сделали, — ответила Зина.

— Опять! — горестно воскликнул Филипп Филиппович, — ну, теперь, стало быть, пошло! Пропал дом! Придется уезжать, но куда, спрашивается? Все будет как по маслу. Вначале каждый вечер пение, затем в сортирах замерзнут трубы, потом лопнет котел в паровом отоплении, и так далее. Крышка!..»

Оказывается, всё это уже было. Всё это мы уже читали у Булгакова в «Собачем сердце». Семьдесят лет назад он описал политическое назначение управдома. Разве что-нибудь изменилось?

Всю первую зиму нового XXI века страна пела старый гимн под доносящийся из Приморья треск лопающихся батарей парового отопления.

Какие, к черту, политические назначения? Наши политические назначенцы губят всё, чем руководят. Ибо не о деле пекутся, а о «линии».

Все происходящее с нами давно описано в классической и, главным образом, в детской литературе.

Пожалуйста, перечитайте эпиграф. В этих строчках из «Маленького принца» вдруг обнаружили две вещи, которых прежде не замечал, не понимал. Король отдавал только разумные приказания, потому что был *очень добр*. Это потрясающе точно. Для счастья подданных нужен добрый король. Ибо *умный* король может отдавать совершенно бесчеловечные приказания. История полна умных бандитов, умных убийц.

Еще одно, не замеченное прежде. Антуан де Сент-Экзюпери полагал, что генерал не может обернуться морской чайкой. Это он не знал наших генералов. Они и в окно выпорхнут, и яйца снесут, и от подчиненных добьются именно того, что умеют сами, — оборачиваться чайкой.

Новые руководящие кадры у нас из КГБ, из СПб. и из «Единства». Про КГБ и СПб. мы хотя бы знаем, что это такое. А «Единство»?

Березовский выстругал «Единство»* из поленьев, валявшихся где попало. Народ и сейчас не назовет даже пяти членов этой партии, а ведь это правящая партия! Шойгу, Карелин — и всё. Но они не в счет. Они известны как министр-спасатель и как спортсмен, а не как политики, не как идейные вожди. Ни идей, ни вождей — какая же это партия? Это коллективный Буратино. А с Березовским случилось в точности как с папой Карло. Он выстругал деревянного человечка, чтобы тот плясал перед публикой, зарабатывая папе Карло на кусок хлеба и на стаканчик вина (такой был план). А помните, что произошло? Помните первое, что сделал Буратино? В тот же миг, как папа Карло его дострогал, он соскочил с верстака и — топ-топ — на улицу. Сбежал. Папа Карло погнался за ним: «Стой! Куда?!» А Буратино подбежал к полицейскому, упал, прикинулся мертвым. Толпа шумела: «Карло — злой, нехороший человек!» Полицейский потащил папу Карло в тюрьму. А он пылил башмаками и охал: «Ох-ох, на горе себе я вырезал деревянного человечка!»**

Расплачиваемся мы. Все мы? Стоит задуматься. Снизится ли хоть на цент уровень жизни Путина в результате неизбежных «ошибок»? Наверное, нет. Значит, миллиарды долларов потеряем не совсем «все мы». Из нас надо вычестить тех, кто с гарантией не обеднеет: президент, губернаторы, депутаты...

Когда стало ясно, что подлодка «Курск» утонула, когда стало ясно, что генералы-адмиралы непрерывно ввали, спасая карьеру, вместо того чтобы думать о людях, — многие кроме горя испытывали законное недоумение: почему никто не подает в отставку?

Только через десять дней после катастрофы президент сообщил новость: военные якобы написали ему рапорты об отставке, но он их отклонил.

Может быть, и написали. Мы не видели. Но если и написали — то это были фальшивые рапорты.

Искренний порыв «в отставку!» возникает *сразу*, как только становится известно о катастрофе. А если рапорт пишут на десятый день, то похоже, что генералам сказали: «Давайте для

* Теперь «ЕдРо».

** Это «ох-ох» уже десять лет доносится из Лондона.

приличия напишите прошение об отставке. А президент ее не примет».

Чубайс минувшим летом не раз заявлял, что угля запасено выше крыши, что РАО «ЕЭС» готово к зиме как никогда. Увы, у этого «как никогда» оказался совсем иной смысл. Больницы отключали как никогда, люди замерзали и умирали как никогда. Но Чубайс летних обещаний не вспоминал, в отставку не просился, боролся за немедленную приватизацию РАО, которую называет реструктуризацией, а противников — врагами России.

Когда Приморье окончательно замерзло, и президент спросил: «Кто ответит?», и запахло жареным, Чубайс немедленно и по всем телеканалам заявил:

— *Президент абсолютно прав! Мы примем любое решение президента!**

На наших глазах государство отделилось от страны.

Страна сократилась. По размерам — на четверть. По населению — вдвое.

А число чиновников увеличилось в разы. Обогатились они — в разы.

Население — бедный родственник государства.

Президент постоянно говорит о необходимости усилить государство. Но государство — это абстракция. А реальность — это государственный аппарат. Президент постоянно говорит, что аппарат проела коррупция. Это бесспорно. Но выходит, что усиливать государство — это усиливать тех самых чиновников, которых проела...

Президент убрал двух олигархов. Но система осталась. Сталин убирал тысячами — система только крепчала. Ельцин убирал кого попало, в том числе и преданных, — система не менялась.

Путин продолжает прежнюю линию. Его назначили внезапно, и он действует так же. Его назначили — «из соображений», и он руководствуется тем же. Но эта система уже доказала свою неспособность наладить нормальную жизнь.

* В точности эти слова Чубайс говорил, когда Ельцин разгневался на несусветный гонорар «Союза писателей».

...Мы ждем перемен. Подумайте: мы ждем? или надеемся? или требуем? Ждать и надеяться — это рабская позиция. Можно еще «молим», «умоляем». У нас помазанник или президент? Или президент, из которого мы стремительно делаем помазанника? То есть не выбранного нами, а дарованного нам милостью Божьей. А его даровал Б.Н. по инициативе Б.А.

Пусть бы назначал преданных в повара, в охрану. Но не в руководство страны. Хочешь преданности — возьми щенка. Но там, где от человека зависят жизни других людей, там, на этих постах, должны быть добрые и умные.

Пока Ельцин держал унтера Барсукова в кругу своей obsługi — ладно. Когда возвел его на пост шефа охраны — ладно. Сделал генералом человека, вся работа которого была открывать дверь и кланяться, — ладно. Но вот Барсуков стал шефом ФСБ и вскоре возглавил операцию по спасению Первомайска, захваченного Радужевым. Результат: села нет, Радужев ушел через тройное кольцо, а Ельцин остался в нашей памяти с идиотской фразой про тридцать восемь снайперов.

Позор за ошибочное назначение вылился на президента, а не на унтера.

Когда президент Путин недавно поменял силовиков, самое большое восхищение вызвали не назначения, а абсолютная неожиданность этих назначений. Публично звучали восторги: без утечек! никто не знал! даже Касьянов! даже Волошин!..

А почему столь полная секретность? Зачем она президенту? Из любви к прежней профессии?

Но решение, принятое втайне, выглядит интригой, а не заботой о благе страны. Интрига нуждается в тайне, а забота — нет.

Вообще, что делают втайне? Готовят сюрприз или замышляют зло, диверсию. Первое держат в тайне, чтобы было больше радости. Второе скрывают — от страха, что сорвется, что помешают.

Назначения состоялись втайне от народа (и втайне от своих!) — чтобы нас обрадовать? Или — чтобы мы не имели даже возможности сказать «нет»? И кто же это в силах сорвать президентские планы? От кого он таился? Почему он действовал как диверсант? Он в Кремле или в тылу врага?

Узнав о новых назначениях, аналитики хватаются за голову и начинают усердно обдумывать новую позицию. В точности как шахматисты из Васюков на сеансе одновременной игры с Остапом.

Им казалось, что это были хитроумные дебюты, а это были вообще не шахматы.

Кадровые назначения должны соответствовать интересам Родины. Дайте нам сообразить: неужели под генералом КГБ армия станет лучше? Неужели под Грызловым милиция станет лучше?

Лучше для нас — тогда зачем втайне? Лучше для Кремля — тогда, конечно, втайне.

Что же мы анализируем: государственную политику или дворцовую интригу?

У всякой палки два конца, даже если это — вертикаль.

Путин частью уничтожил, частью запугал оппозицию; точнее, она сама запугалась и уничтожилась. Он полностью подчинил себе Совет Федерации и Думу. Потеряв силу, потеряв влияние, они заодно избавились и от ответственности. Если не влияешь — значит, и не отвечаешь. И значит, Путин действительно отвечает за всё. Просто потому, что больше некому.

А расплатимся мы. Просто потому, что больше некому.

7 сентября 2001, «МК»

ТЕХНОЛОГИЯ СВОБОДНОЙ ЛЮБВИ

Если в программе нашего ТВ вы прочтете: *«Один день с президентом»*, документальный фильм, — сомнений у вас не возникнет: это о Путине.

В минувшее воскресенье заглянул случайно в программу, увидел — 18:00 «Один день с президентом» и включил, чтобы посмотреть, как и за что будут хвалить Путина. Включил с опозданием на несколько минут. Сразу появился наш президент в окружении Аллы Пугачевой, рядом суетились Кучма и Лукашенко.

Но через минуту оказалось, что это не о Путине. Путин исчез и больше не показывался. А на экране до самого конца без передышки был один Лукашенко.

Снова глянул в программу. Думаю, может, там написано «Один день с белорусским президентом»? Проверил по другим газетам и тележурналам — всюду так: «Один день с президентом», без всяких уточнений.

Люди с бандитским складом ума, должно быть, восхитятся: ловко придумано! Ведь в Белоруссии президентские выборы. У каждого кандидата равное (в теории) право на доступ к эфиру. И какой-нибудь оппозиционер может требовать, чтобы его показывали столько же, сколько Лукашенку.

Но мы для белорусов — за граница. Наш телеканал не обязан соблюдать белорусские законы. И (в теории) может даже не знать о том, что там выборы идут. Допустим, нашему телеканалу вздумалось полюбоваться Лукашкой — какие претензии?

Если бы накануне выборов президента России какое-нибудь американское *CNN* показало фильм о Путине (безразлич-

но: хвалебный или ругательный) — всем было бы на это наплевать. Во-первых, *CNN* у нас никто не смотрит. Во-вторых, США нам не указ.

Совсем другой коленкор, когда мы показываем Лукашенко. Во-первых, российское ТВ в Белоруссии все смотрят. Во-вторых, верят России и русским телеканалам больше, чем своим, забитым.

Сам документальный фильм по жанру — сладкие слюни. Настолько сладкие, что захотелось поздравить с рекордом...

...Раннее утро президента Белоруссии (далее ПБ) я пропустил. Но с того момента, как начал смотреть, ПБ неустанно трудился, говорил и двигался.

В кадре порой появлялась моложавая блондинка с микрофоном, которая чего-нибудь у ПБ восхищенно спрашивала. А ПБ с ужасной искренностью отвечал ей на все вопросы. Объяснял, как он заботится о своем народе, как любит свой народ, как все делает для своего народа. А чтобы любить как можно лучше, он поддерживает себя в хорошей физической форме. И, к восхищению моложавой блондинки, он успел в этот день и в хоккей поиграть (пока Лукашенко гонял шайбу, дама тихонько повизгивала от восторга), и в баню сходить (в кадре сидел голый Лукашенко, прикрывая срам веником, и сочувственно говорил: «Что, камера запотеваает? Я — по-мужски, сто тридцать — сто сорок градусов»).

Камера действительно малость запотела, и голый стал виден как в тумане, но, надо надеяться, глаза интервьюерши не запотели, не стеклянные.

Вдруг телекамера и дама оказались на стройке. Канавы, трубы, механизмы, глядь — навстречу идет Лукашенко, изумляется: — Это как же вы меня нашли? Вы за мной шпионите?

Дама хихикнула и что-то залепетала, но что именно — я не расслышал, потому что стало так стыдно, что я застонал.

Чудом нашедшийся Лукашенко посадил даму в машину, сам (!) сел за руль и куда-то повез. Замечательно, что вокруг не было ни души: ни строителей, ни охраны — планета, стройка, президент.

...С шести утра до часу ночи — девятнадцать часов снимался этот артист. И за все эти девятнадцать часов не нашлось у да-

мы ни секунды, чтобы спросить: «Тут, говорят, у вас люди пропадают. Не знаете ли, куда? Потому что, видите ли, пропадают исключительно недовольные вами, а довольные все на месте».

Фильм показали по российскому ТВ. Но показали его не нам, не телезрителям России. Показали белорусскому электрорату. Это — технология. Чистая, не придерешься. Хотя воняет ужасно.

Воскресенье, вечер. Цена эфира — двадцать тысяч долларов минута. Выходит — пятьсот тысяч долларов. Это братская Белоруссия нам заплатила? Если да, то из каких средств? Или это наш подарок? А зачем? Лукашенко и так выиграет; получит свои 70% (как раз посередине между нашими 52% и туркменскими 99%). Потому Путин и ездил к нему на праздник (хочешь не хочешь, а ближайшие годы с Лукашенко надо дружить). Так что это позорное кино еще и лишнее и оттого еще позорнее. Впрочем, кто-то, конечно, заработал; мы их поздравляем.

То ли нас продали наши телетехнологи, то ли сдали в аренду. Чувство неприятное.

Нам еще хорошо. Мы эти амуры всего лишь смотрим по телевизору. Нас ласкает виртуальный Лукашенка. А вот Жириновский, Зюганов, Лужков и пр. вслед за Путиным ездили обниматься с Лукашенко живьем. Такие разные люди, а гляди-ка — всем батька люб. Потому что красавчик? Или потому что выиграет? Или потому что платит?

...И вот съемочный день, слава богу, окончен. В час ночи Лукашенко провожает телевизионную даму. В кадре — дом президента Белоруссии, ночь, крыльцо, вой собак.

— Сколько же у вас в сутках часов? — восхищенно спрашивает телевизионная дама, ожидая в ответ «двадцать пять». — Мы начали в шесть утра, а сейчас час ночи...

— А это неважно! — отвечает президент Белоруссии. — Важно, чтобы президент (это он о себе — *А.М.*) неустанно думал о народе. Конечно, работа с документами, читать, подписывать — это тоже важно. Но главное все же — думать.

Собаки во все время этого диалога непрестанно выли. Лукашенко — человек искренний, порывистый, захотелось ему как-то оправдаться за это безобразие:

— Видите, собаки тоже устали! — смущенно пояснил он.

Я не понял. Весь этот день Лукашенко ездил на лимузинах и джипах, а вовсе не на собаках. Они за ним даже налегке не бегали. Дрыхли, видать, целый день, пока хозяин заботился о своем народе. Да и не воют собаки от усталости, а спят.

Собаки воют с голоду (но вряд ли президентские собаки голодают). Собаки воют с тоски по хозяину (но хозяин — вот он тут). А еще собаки воют по покойнику. Но батька — живчик, дама — бодра... Может, по Белоруссии? Может, по...

Никогда не спрашивай, по ком воют собаки. (Хемингуэй.)

P.S. Прошло несколько лет, и то же самое российское телевидение стало того же самого Лукашенко мешать с дерьмом. Может быть, та же съемочная группа, может быть, и кадры те же. Важен ведь закадровый комментарий. А как кстати пришелся собачий вой.

9 ноября 2001, «МК»

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ НАПЕРСТОК

А вот эти все, чиновные, что юлят во все стороны и лезут ко двору, и говорят, что они патриоты, и то и се: аренды, аренды хотят эти патриоты! Мать, отца, Бога продадут за деньги!

Гоголь

Говорят, будто наш народ ни во что не верит. Мол, уничтожение сбережений, ваучеры, дефолты, прочие удачные государственные проделки... Вот люди и стали подозрительны до безобразия.

Это клевета. Народ доверчив. Сотни тысяч наперсточников и прочих аферистов живут припеваючи. И ясно, что за счет простаков. А сколько их?

Мошенникам это важно знать. Вдруг наивные кончаются? Вдруг придется сворачивать лавочку? Однако неловко заказывать опрос на тему «Верите ли вы, что “наперсток” — честная игра?»

И вот, пожалуйста, — сентябрьский опрос РОМИРа:

В какой степени вы согласны с тем, что смена власти в России происходит в результате свободных и честных выборов?

Полностью согласны — 6%

Скорее согласны — 20%

Скорее не согласны — 32%

Полностью не согласны — 21%

Затруднились с ответом — 21%

Эта таблица — радость для наперсточников. Из нее видно, что наивных у нас — четверть населения (20% + 6%). Значит, десятки миллионов человек все еще готовы играть в наперстки.

Три четверти граждан не верят в честные выборы. Значит, люди пока еще соображают. Но если они не верят, что власть получена честно, значит, скорее всего и саму власть считают нечестной.

Загадочная русская душа. Загадочная русская арифметика. Рейтинг президента — 75%. Значит, три четверти населения его поддерживают и вроде бы должны радоваться. И при этом три четверти считают, что власть получена нечестно. Радоваться, значит, им нечему. Но, может, это какие-то другие три четверти.

В редакцию приходят письма с описанием фантастических технологий. Виктор Петрович М. из Егорьевска Московской области пишет: «Командир полка, когда узнал, что генерал армии выдвинут в депутаты, построил свой полк и объявил: “Значит, завтра идем на выборы. В бюллетене фамилия вашего командующего. Если вы за него, то в квадратике поставьте плюс. Если вы против, то в квадратике против его фамилии поставьте минус. Но обязательно в его квадратике”»*.

Нам, конечно, очень хочется честных выборов. Но всем ясно, что сейчас они невозможны.

Нет никаких шансов, что система сама себя излечит. Напротив, все будет только усугубляться. Ждать, что выборы когда-нибудь станут честными и приведут к власти честных, — наивность. Все равно что надеяться, будто в публичном доме, куда регулярно поступают все новые молодые работницы, со временем возникнет институт благородных девиц.

ЦИКе позволено издавать антиконституционные акты. В частности, незадолго до выборов в Думу, 20 августа 1999 года, ЦИКа издала так называемые «Разъяснения». Там сказано: «Под предвыборной агитацией понимается деятельность, побуждающая или имеющая целью побудить избирателей к участию в выборах, а также к голосованию за или против любого...»

* По закону *любая* закорючка в квадратике — хоть крестик, хоть нолик — означает, что вы за этого кандидата.

А чуть ниже: «Предвыборная агитация может финансироваться ТОЛЬКО из избирательного фонда зарегистрированного кандидата, блока».

Выходит, если какая-нибудь газета напечатает лозунг «Все на выборы!», эта побуждающая публикация должна быть оплачена из избирательного фонда. Вопрос: из чьего?

Если кто-нибудь из вас крикнет на улице: «Идем голосовать!», то этот побуждающий крик тоже должен быть оплачен. Вопрос: кем?

Предположим, уставшая от государственного вранья гражданка напишет в газету, что она будет голосовать против всех и призывает народ к ней присоединиться. Газета, тоже уставшая от государственного вранья, напечатает это письмо. Таким образом, и гражданка, и редакция осуществят «деятельность, побуждающую или имеющую целью побудить избирателей...». Спрашивается, какой же кандидат, какой блок оплатит из своего фонда такие призывы? А бесплатно опубликуешь — газету закроют.

В «Разъяснениях» говорится, что «предвыборная агитация через средства массовой информации может проводиться ТОЛЬКО зарегистрированными кандидатами, избирательными блоками... и исключительно за счет средств избирательного фонда. ИНЫЕ участники избирательного процесса не вправе проводить предвыборную агитацию через средства массовой информации».

«Иные участники избирательного процесса» — это все сто с лишним миллионов избирателей. И всем нам предложено заткнуться?

Чтобы получить ответ на эти вопросы, я позвонил в ЦИКу. На звонок ответил член ЦИКи Большаков С.В. Вот наш разговор.

МИНКИН. Могу ли я высказываться в печати по поводу выборов?

БОЛЬШАКОВ. В качестве кого?

МИНКИН. В качестве Минкина Александра, гражданина Российской Федерации.

БОЛЬШАКОВ. А гражданин не вправе высказываться по поводу выборов в печати!

МИНКИН. Почему?

БОЛЬШАКОВ. А потому! Гражданин по поводу выборов вообще в печати высказываться не имеет права никакого.

Это нахальное безумие показалось слегка выходящим за рамки. Я подал жалобу в Верховный суд России. Верховный суд решил, что Большаков прав. Я подал жалобу в Кассационную коллегию Верховного суда России. И Кассационная коллегия решила, что Большаков прав.

Юристам, конечно, виднее. Но все же обидно за граждан, которые «в печати высказываться не имеют права никакого».

В Верховном суде я цитировал Конституцию России. В двадцать девятой статье говорится:

«Каждому гарантируется свобода мысли и слова...»

Верховный суд терпеливо выслушал цитату из Конституции, а потом предоставил слово члену ЦИКи Большакову. И член ЦИКи объяснил, что Конституцию они отменили, во-первых, частично, во-вторых, временно, а в-третьих, ради общего блага.

Я пытался объяснить, что граждане России вправе иметь *убеждения*. А с точки зрения ЦИКи, никаких убеждений у граждан быть не может, а есть только *платные услуги*.

«Голосуй — не голосуй...» — так называлась заметка о выборах в «МК» (19 января 2001 года). Заголовок был выбран с расчетом на поэтические способности читателей. Один читатель (пред. ЦИКи Вешняков) уж точно догадался о рифме и обиделся. И подал в суд. Зря он это сделал.

Иск ЦИКи начинается так:

«Центральная избирательная комиссия Российской Федерации обращается за защитой своей деловой репутации, обеспечивающей доверие общества, являющееся условием надлежащего исполнения возложенных на ЦИК России законом функций по руководству организацией и проведением выборов в федеральные органы государственной власти и федерального референдума, контролю за соблюдением...»

Несколько раз начинал я читать иск, но этой первой фразы до конца так и не осилил. Давайте вместе: «репутация обеспечивает доверие» (а может, наоборот: доверие обеспечивает ре-

путацию?). «Доверие является условием надлежащего...» (а может, надлежащее исполнение является условием доверия?). Хоть тресни. Проверил на людях. Пытаясь понять, они начинали испытывать то же головокружение, что при безнадежных попытках увидеть, под какой наперсток закатился шарик. Безнадежных — потому что его там нет.

Однако ясно, что Вешняков подал в суд на автора и газету за то, что мы подрываем веру граждан в честные выборы. Разве мы?

Кто довел эту веру до четвертушки — мы или вешняковы?

7 марта 2001 года ЦИКа решила создать «*Российский фонд свободных выборов*».

Документы Фонда выглядят роскошно, сверкают, как новенький наперсток.

Устав Фонда начинается гордо:

«Российский фонд свободных выборов, именуемый далее Фонд, является *некоммерческой* организацией. Фонд не ставит своей целью извлечение прибыли».

Заявлено, как видим, о полном бескорыстии.

В разделе два излагаются «цели и предмет деятельности Фонда».

«Консультирование субъектов избирательного процесса по вопросам технологии проведения избирательных кампаний, в том числе оказание практической, технологической, методической и консультационной поддержки».

А как это будет на практике? Представьте, например, такого субъекта (избирательного процесса), как кандидат в губернаторы. Приближаются выборы. Осаждают его имиджмейкеры; кто готов помочь за двадцать миллионов долларов, кто за десять... И вдруг протискивается через эту толпу тихенький господин, рожа такая, что плюнуть хочется, и вкрадчиво кандидату в губернаторы шепчет: «Здравствуйте, я из Фонда свободных выборов. Мы можем оказать вам практическую, технологическую и иную поддержку. Не отказывайтесь. Наш Фонд учрежден Центризбиркомом, в руководство Фонда входит председатель Центризбиркома А.А.Вешняков...»

Уставы фондов — скучная проза. Редкий прокурор дочитает до середины. Но именно в середине устава начинается любопытная суета, возня и шуршание.

В разделе три читаем:

«Фонд имеет право:

получать возможную поддержку от государственных, общественных и иных органов и организаций... учреждать хозяйственные общества для осуществления предпринимательской деятельности... приобретать в собственность, арендовать земельные участки, здания, нежилые помещения, материалы и оборудование, продавать и предоставлять в аренду принадлежащее Фонду имущество... заниматься предпринимательской деятельностью... создавать филиалы и открывать представительства... осуществлять иную деятельность...»

Бескорыстие членов ЦИКи, учредивших Фонд, на этом не кончается. В разделе шесть читаем:

«Фонд может иметь в собственности здания, сооружения, жилищный фонд, оборудование, инвентарь, денежные средства в рублях и иностранной валюте, ценные бумаги и иное имущество. Фонд может иметь в собственности или в бессрочном пользовании земельные участки. Фонд может иметь имущество, предназначенное для ведения предпринимательской деятельности.

Источниками Фонда могут являться:

добровольные имущественные взносы и пожертвования;
выручка от реализации товаров, работ, услуг;
дивиденды (доходы, проценты), получаемые по акциям, облигациям, другим ценным бумагам и вкладам;
доходы, получаемые от собственности Фонда;
другие не запрещенные законом поступления».

Некоммерческий учредитель коммерции. Старая дева хотя и содержит бордель, но сама ни-ни, боже упаси. И при этом — вся в бриллиантах.

Как удачно все складывается. Какой удобный и надежный механизм: сперва ЦИКа учреждает Фонд, затем частный Фонд оказывает поддержку кандидатам, затем государственная ЦИКа считает голоса. Руки так и мелькают. Одной рукой поддерживаешь кандидата, другой рукой получаешь поддержку органов и организаций. Неужели губернатор, или мэр, или иные субъекты не жертвуют Фонду земельные участки, здания, нежилые помещения?

А этот Вешняков... трах-тарарах... Выступал он как-то на радио «Свобода», молотил свое «в интересах дальнейшего усовер-

шенствования положения относительно доверия». Скука. Но за два часа до Вешнякова на «Свободу» приехали шесть его охранников, осмотрели всю редакцию: вдруг заминировано, вдруг взорвут на американской станции наш арифмометр. Шестеро!

Однако «трах-тарарах» меня смущает. Сочтет ли суд сие выражение матерным ругательством? И если да, то сочтет ли, что это ругательство относится к Вешнякову? По сути оно, конечно, так, но формально только букву «х» можно отнести к мату, а букв «у», «ё», «б» в моем трахе-тарарахе нету, не ищите. То есть они там есть, но замаскированы так, что никто, кроме Вешнякова, не догадается и не оскорбится.

...В документах ЦИКи сказано: «Создание Российского фонда свободных выборов призвано способствовать повышению общественного доверия к итогам голосования и результатам выборов».

Земли, здания, акции... И все это ради нашей веры в честные выборы? Читаешь и не знаешь: то ли возмущенно кричать «Воры! Лицемеры!», то ли в который раз процитировать Гоголя: «Аренды! Аренды хотят эти патриоты. Мать, отца, Бога продадут за деньги».

...Только 26% верят, будто «наперстки» — честная игра. Какое удачное совпадение, что почти по всей России двадцатипятипроцентная явка достаточна, чтобы выборы считались законными.

Но случается, на выборы приходит 60% и более! Верят 26%, а приходят 60%. Вот те 34%, которые не верят, но приходят (и я в том числе), — видно, и есть носители загадочной многонациональной русской души.

И пока дело обстоит таким удачным образом — фамилия наперстка не имеет значения.

Мертвые души

Рождаемость падает, смертность растет, население России сокращается. Об этом с тревогой говорят все, в том числе и президент.

Россия — загадочная страна. И мы это знаем, и весь мир это признаёт.

И вот Россия загадывает миру новую, совершенно волшебную загадку. Численность населения падает, а численность избирателей растет.

Жителей подсчитывает ЦСУ, избирателей подсчитывает ЦИКа. Вот что у них получается:

Год	Жителей	Избирателей
1993	148 300 000	106 170 835
1995	147 900 000	107 496 856
1996	147 600 000	108 495 023
1999	146 300 000	108 072 348
2000	145 600 000	109 372 046

Это же сказка, что жителей стало на три миллиона меньше, а электорату на три миллиона больше. Это старая сказка. Во времена Чичикова она называлась «ревизская сказка».

Чтобы увидеть будущее более наглядно, постройте график: одна линия — жители, другая — избиратели, и продлите их по шкале времени. Увидите: линии пересекутся.

Это случится в тот момент, когда электората станет больше, чем жителей. Это и будет торжество мертвых душ и ревизских сказок. Это будет окончательная победа Центрального Наперстка.

P.S. Потом был суд. Длился он долго. Пресса о нем молчала как убитая. Если бы в Америке судили избирательную систему, сотни журналистов дрались бы у входа в суд. А тут мы были втроем: адвокаты Гералина Любарская и Андрей Муратов и автор. Мы победили, мы доказали, что выборы у нас фальшивые.

30 ноября 2001, «МК»

МОЛОДЫЕ ЛЮДОЕДЫ

Десятки миллионов лишних людей мешают пройти в светлое будущее

Мы всё еще на переломе.

Вертикаль уже пронзила облака, сияет как солнце, а горизонталь мерзнет у лопнувших батарей, объявляет голодовки.

Некоторые все еще надеются, что вот-вот к управлению придут молодые, по-новому мыслящие, и Россия наконец...

А тут вдруг случайная встреча. Случайный разговор. Двум моим собеседникам двадцать один год. Они бакалавры, окончили Высшую школу экономики, теперь учатся там на магистров. Убеждений своих не скрывают. На столе включенный магнитофон. Собеседники его видят, предупреждены, что идет запись. Говорит почти все время Антон, Анна вступает редко.

Александр Минкин. Страна невысказанно богата... И все плачут, что нищета. Учителя плачут, врачи...

АНТОН. Если человек чувствует себя нищим, он должен более активные позиции занять, а не плакать.

А.М. Огромный слой населения, который справедливо жалуется на нищету, — учителя. В России тридцать миллионов детей. Им нужен, соответственно, миллион учителей. Допустим, учителя ушли в челноки или умерли с голоду. А кто будет учить детей? Вы говорите, если человек жалуется на нищету, пусть меняет профессию. Получается, что образование — лишнее? Образование умирает...

АНТОН. Само собой. Население это понимает. Учителя начинают утекать в другие отрасли. Если сейчас у нас 80% имеют высшее образование, то в конечном итоге будут иметь высшее образование 40%. Одиннадцать классов сейчас заканчивает 90%, будут заканчивать 50%. Они не будут учиться, действительно. Обязательной будет семилетка. За станок можно поставить человека без высшего образования и даже без среднего. Образованием должна заниматься фирма. Если она хочет получить большую отдачу от человека, она будет вкладывать бешеные деньги в образование своих работников.

А.М. Фирма не заинтересована ни в населении, ни в образовании, она заинтересована в своем коммерческом успехе, правильно? Но станки уже давно крутятся автоматически. У станка стоять не надо. Фирма себе выращивает специалиста, двух, трех. Это не значит, что вся округа будет взята фирмой на обучение, на здравоохранение...

АНТОН. Есть рынок труда, есть фонд заработной платы. Если население сократится, фонд останется таким же. Заработная плата вырастет. То есть сначала мы сожмемся, а потом постепенно будем накапливать, накапливать...

А.М. Вы сказали, если сократятся люди, зарплата вырастет. У нас сто сорок пять миллионов людей. Предположим, половина из них умрет. Вы почему-то считаете, что фонд зарплаты останется прежним. Зарплата возникает из производства. Нефтяные скважины, газ... Если умирают историки, лингвисты, то производство не уменьшается.

АНТОН. Совершенно верно. А умрут в первую очередь именно они. Вот мы и видим вымирание учителей, вымирание военных.

А.М. Значит, должны остаться только те, которые бурят скважины...

АНТОН. Естественно, естественно. А потом, когда они смогут накопить себе денег, они купят образование, медицину, и мы не будем делать большие социальные выплаты. Ведь у нас социальные выплаты достаточно большие. Если мы их сократим, что у нас произойдет?

А.М. Если перемрут историки и пенсионеры...

АНТОН. Мы на них не будем деньги тратить.

А.М. Это хорошо или плохо?

АНТОН. Это плохо, но сейчас у общества не хватает денег на развитие.

А.М. И что мешает этому развитию?

АНТОН. Историки. Абсурд, но такова действительность. Мои рассуждения, может быть, наивны, они, может быть, действительно жестоки. Но ничего не поделаешь. Я другого выхода просто не вижу.

Антон, объясняя, каким способом надо наладить в России счастливую жизнь, каким способом перескочить к богатству, даже не предполагал, что почти дословно цитирует «Бесов» Достоевского.

ВЕРХОВЕНСКИЙ. Как мир ни лечи, все не вылечишь. А срезав радикально сто миллионов голов и тем облегчив себя, можно вернее перескочить через канавку...

Если «срезать» историков, лингвистов, пенсионеров, то и врачи, что их лечили, тоже станут не нужны. Сколько квартир освободится! А дети историков? Устранять с родителями или отправлять в детдом?

Трудно жить молодым экономистам, видя вокруг толпы лишних людей, мешающих общему счастью.

Вот бакалавры и мучаются вопросами: сколько оставить? Половину? Треть? Как отобрать достойных? А ведь следом возникнет другой вопрос: как уморить недостойных? Стрелять? — неконституционно. Голодом? — это ж сколько придется ждать.

Хотелось понять: этот Антон уникал или норма? Я попросил его устроить встречу с однокурсниками. На этот раз бакалавров было семеро. Мы обсуждали детали, нюансы.... В чем-то они с Антоном согласны, в чем-то нет. Но мысль о десятках миллионов лишних людей не вызвала у них ни ужаса, ни даже удивления.

На прощание я спросил: «Ребята, вы “Бесов” Достоевского читали?» — «Нет». — «А “Три сестры” Чехова?» — «Нет». — «А “Вишневый сад” Чехова?»

Оказалось, что «Вишневый сад» они «подробно проходили».

Может, они запомнили только молодого купца Лопухина, который удачно купил вишневый сад, чтобы вырубить его, нарезать землю на участки и выгодно продать дачникам. Но в «Вишневом саде» есть и другие герои.

ЯША (*молодой лакей*). Надоел ты, дед. (*Зевает.*) Хоть бы ты поскорее подох.

Это Яша — Фирсу, восьмидесятилетнему старику. А почему нет восклицательных знаков? Зачем вставлено «зевает»? Чехов, видимо, опасался, что актер станет изображать ненависть. Чехов знал, что глубокое равнодушие страшнее.

Не скинхеды, не застекольные уроды*... Симпатичные, умные, учатся в Высшей школе экономики — элитном престижном заведении. И повторяю — не дети, им третий десяток. Почему они не читали главных книг?

Они, конечно, стараются обойтись без грубых слов. Вместо «люди сдохнут» говорят «население сожмется». Вместо «умрут люди» — «умрут профессии». И все же за красотой своих выражений они, видимо, чувствуют что-то людоедское. И потому иногда оговариваются: мол, «мои рассуждения жестоки, но ничего не поделаешь, другого выхода нет». В эти моменты кажется, что бакалавры вот-вот начнут пританцовывать, напевая из «Трехгрошовой оперы» Брехта:

Мы рады бы устроить рай земной —
Да обстоятельства всему виной!
И мы бы не были черствы, —
Да обстоятельства не таковы!

АНТОН. Был социалистический строй, не было рыночных отношений. Тенденция была нехорошая. С начала 80-х годов — нарастающий дефицит продуктов питания...

А.М. Никто не спорит. И в Москве приходилось иногда стоять часами за сыром, причем никакого выбора.

АНТОН. А почему? Потому что не было института рыночных отношений! У человека был один сорт сыра, да еще и очередь. У человека не было возможности выбора.

А.М. Теперь много сыра и очереди нет. Улучшилась жизнь?

АНТОН. Улучшилась.

А.М. Продолжительность жизни сократилась?

* «За стеклом» — тогда бешеная новинка: зоопарк, где в клетке вместо обезьян люди. Теперь — «Дом-2».

АНТОН. Сократилась.

А.М. Так жизнь улучшилась или ухудшилась?

АНТОН. Это нужно смотреть с точки зрения социальных и этических норм.

А.М. Каких «этических»? Скажите, люди стали больше жить или меньше?

АНТОН. Меньше.

А.М. Это говорит о том, что жизнь улучшилась?

АНТОН. Ухудшилась.

А.М. Но вы только что сказали, что она улучшилась.

АНТОН. С точки зрения рынка она улучшилась, потому что у меня есть выбор. Если сравнивать систему сегодняшнюю и систему социалистического строя, я считаю, что так лучше.

А.М. Был один сорт сыра и большая очередь. Но продолжительность жизни была больше. Сейчас сыра много, очереди нет, но продолжительность жизни меньше. Жизнь улучшилась или ухудшилась?

АНТОН. Теперь вы мне ответьте. Что выберете: будете сидеть два часа в темной-темной комнате, неподвижно, скрученный ремнями, или вы в течение одного часа посмотрите кучу фильмов, сходите в ресторан, на дискотеку...

Современники страшно ругали Достоевского за то, что в «Бесах» он нарисовал Петрушу Верховенского (молодого революционера) абсолютным негодяем. Орали, что это не портрет, а злая выдумка, карикатура. Но вот живой симпатичный русский бакалавр задал тот самый вопрос, который сто пятьдесят лет назад задавала «карикатура».

ВЕРХОВЕНСКИЙ. Я вас спрашиваю, что вам милее: медленный ли путь или вы держитесь решения скорого, в чем бы оно ни состояло, но которое наконец развяжет руки и даст человечеству на просторе самому социально устроиться? Кричат: «Сто миллионов голов» (жертв. — А.М.), — но чего их бояться... Прошу всю почтенную компанию прямо и просто заявить, что вам веселее: черепаший ли ход в болоте или на всех парах через болото?

— Я положительно за ход на парах! — крикнул в восторге гимназист.

После этих милых бесед интеллигенты-интеллектуалы пошли и убили Шатова.

Антон сравнивает советскую жизнь с темной-темной комнатой, а нынешняя — светлая, с рестораном и дискотекой. Но в той темной-темной комнате были Высоцкий, Окуджава, великие спектакли, великие фильмы. А также в области балета... Да и Енисей перекрыли (кто же знал, что в подарок приватизаторам).

АНТОН. Что вы выберете?

А.М. Безусловно, скрученность ремнями два часа, чем час на дискотеке. Я эти два часа буду размышлять о замечательных вещах...

АНТОН. Вы — Диоген, который довольствуется житьем в бочке. Я выберу лучше час.

А.М. Вы выбираете короткую жизнь?

АНТОН. Я выбираю короткую жизнь, но насыщенную. (И опять он не замечает, как цитирует классику: «Лучше раз напиться живой крови, чем сто лет питаться падалью». — А.М.) Это не жизнь, когда вы ничего не получаете. Вы не получаете удовольствия от жизни.

А.М. Вы выбираете короткую, но полную сыра жизнь?

АНТОН. Да, полную сыра.

А.М. Люди, которые, как и вы, могут выбрать себе жизнь, полную сыра, — их продолжительность жизни тоже сократилась?

АНТОН. Я не хочу обсуждать свою жизнь...

А.М. Вы сказали: «Я выбираю для себя жизнь, полную красок и сыров, и пусть она будет короткой». Но вы же, боюсь, лукавите. Вы же понимаете, что ваша жизнь, полная сыра, будет продолжительная. А жизнь того, кто умирает рано, полна возможности смотреть на сыр, но не есть его... Вот наша жизнь, полная сыра. В этой жизни есть два сорта граждан. Одни пользуются этим сыром, а другие смотрят на него. Как будет устроена жизнь, решают те, кто пользуется, а те, кто смотрит, — не решают.

АНТОН. При социалистическом режиме был один сорт сыра и один тип людей. Сейчас много сортов сыра и много типов

людей, каждый получает по своим возможностям. Поймите, люди по своей сущности не равны. У одних высокие интеллектуальные способности, у других низкие. Почему человек, который имеет высокие интеллектуальные способности, должен получать столько же, сколько человек, который имеет низкие интеллектуальные способности? («Каждому свое» — это Гитлер над воротами концлагеря написал. — А.М.)

А.М. Т.е. высокий интеллектуал должен получать больше?

АНТОН. Больше! Конечно!

А.М. Десять минут назад вы сказали, что нужны только те, которые бурят скважины, а историки и лингвисты должны умереть. У кого выше интеллект — у буровика или у лингвиста? (На самом деле лингвист может быть дураком, а буровик — умным. Но бакалавр даже не заметил, как я подставляюсь.)

АНТОН. Я имею в виду интеллектуала с точки зрения бизнеса. Мне неинтересен человек, который занимается наукой ради науки*. Мне интересен человек, который занимается наукой, чтобы получить большие деньги. Вот этот человек заслуживает внимания. Да, я согласен, может быть, с точки зрения общества это достаточно жестоко...

А.М. Вы сейчас сказали: «Я, бизнесмен, буду решать — кому жить, а кому не жить».

АНТОН. Это не так.

А.М. Вы сказали: «Меня интересует только тот ученый, который приносит мне деньги. Меня интересует только ученый, который нашел новый способ бурения скважины».

АНТОН. Да. Совершенно верно. Вот они и останутся жить.

А.М. А тот ученый, который расшифровывает клинопись Урарту, он должен умереть?

АНТОН. А он прибыль какую-нибудь принесет?

А.М. ...должен умереть?

АНТОН. Что поделаешь.

А.М. Вы же о сыре говорили, а не о человечине... значит, людоедом можете себя не считать. По-вашему, самое главное — чтобы экономика нормально функционировала, и если этому

* Ньютон, Ломоносов, Менделеев, Эйнштейн...

мешает лишнее количество людей, то они должны просто умереть. Правильно?

АНТОН. Правильно.

А.М. У вас экономика определяет, кто нужен, кто не нужен. А общество...

АНТОН. Я вас умоляю! «Общество!» Есть стадо баранов, и у этого стада есть вожак. Куда вожак пошел, туда пошло и общество.

А.М. Стадо баранов, да, оно идет за вожаком — за козлом, кстати говоря.

АНТОН. Вспомните господина Александра Сергеевича Пушкина, первый абзац «Евгения Онегина». Я процитирую: «Мы не умеем извлекать прибыль из наших ресурсов, мы не умеем делать...» (Текст Пушкина в передаче магистра выглядит как убогий подстрочник в переводе на застекольный).

Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

Почему почти магистр называет первым абзацем седьмую строфу «Онегина» — непонятно. — А.М.).

А.М. Вы сказали, что должно сократиться население... Кто определяет направление такого «развития»? Или это стихийно?

АНТОН. Я вас умоляю, я уже приводил пример с баранами.

А.М. И кто же этот козел, который ведет? И из каких исходя принципов он определяет...

АНТОН. Я не хочу умалять роль правительства... От мудрого правительства и руководства, я считаю, зависит достаточно много.

А.М. Кто же этот мудрый?

АННА (*однокурсница Антона*). Тот, который готов пожертвовать собой...

А.М. Пожертвовать собой?! В правительстве?!

АННА. Гайдар в каком-то смысле пожертвовал собой...*

А.М. Минуточку, он умер, что ли?

* ВШЭ создана усилиями Гайдара, Чубайса... Ректор — бывший министр Ясин.

АННА. Вы слишком примитивно, слишком буквально воспринимаете...

АНТОН. Есть очень хороший анекдот. Кто девушку обедает, тот ее и танцует. Вы понимаете, к чему я клоню?

А.М. Нет.

АНТОН. Жизнь общества и политику общества определяют те люди, которые имеют большой запас прочности. Что такое запас прочности? Это деньги. Если человек пробрался во власть — дети, жены, племянники, племянницы обеспечены на долгие времена. И он будет держаться у власти, и он не выпустит эту власть из своих рук. Клан Кеннеди. Клан Бушей. Клан...

А.М. ...Гайдара.

АНТОН. Ну, Гайдаров еще нет.

А.М. Ну Чубайсов.

АНТОН. Чубайсы есть. Это действительно клан. От кого зависит политика? От бизнеса она зависит! От денег она зависит! От крупного, именно крупного бизнеса. Человек, который заработал больше денег, он может повести за собой народ. Вот он и будет определять политику...

А.М. Больше всех за это время заработал Березовский. Он что, должен был народ повести?

АННА и АНТОН. За Березовским не пойдут...

А.М. У вас есть авторитеты в политике, в экономике?

АНТОН. С точки зрения бизнеса... Может быть, я покривлю душой...

А.М. Зачем?

АНТОН. ...но я не вижу еще ни одного настоящего бизнесмена. Тем не менее все-таки господин Чубайс для меня как бизнесмен...

А.М. Бывшие вице-премьеры делали огромные деньги на так называемой инсайдерской информации и играя в ГКО*.

* Государственные казначейские обязательства. Правители сами назначали доходность этих бумаг (если не ошибаюсь — до тысячи процентов годовых) и сами их покупали. Это было государственное МММ. Потом «случился» дефолт. Но в тюрьму, в отличие от Мавроди, никто не сел.

АНТОН. Я вас умоляю! Если бы вы знали прикуп, вы бы этим не воспользовались?

А.М. Ни разу не играл в ГКО, хотя меня приглашали.

АНТОН. Если бы вы знали инсайдерскую информацию?

А.М. Я отказался.

АНТОН. Это нерациональное поведение.

А.М. По-вашему, человек или дурак, или мерзавец. Третьего не дано.

АНТОН. Если вы знаете инсайдерскую информацию и не пользуетесь ей, то с точки зрения экономики...

А.М. В жизни есть ценности кроме экономики.

АННА. Все эти ценности хороши в сытом обществе...

А.М. Сначала хлеб, а нравственность потом?

АНТОН. Да. Нравственность потом.

Забавно, что в их речах постоянно проскальзывают классические реплики, а они этого даже не сознают. Они совершенно серьезно говорят: «Сначала общество должно стать сытым, а потом оно станет нравственным». Они не знают, что песенку «Сначала хлеб, а нравственность потом» в «Трехгрошовой опере» Брехта поют гангстеры. Брехт сочинял текст для гангстеров, а поют бакалавры. Разница в том, что Брехт издевается, а Антон и Анна в это искренне верят.

Сытость не приносит нравственности. Римляне были сыты до предела. Нажрутятся до отвала, сунут два пальца в рот, освободят место и опять жрут. Сытее уж некуда. Но безнравственность римлян была притчей во языцех. Гетеры, мальчишки... Стравливали людей со львами в цирке. Это что за нравственность — пойти в цирк, чтобы поглядеть, как звери будут рвать живых людей? Впрочем, рабы — не люди.

А.М. Но сперва, как вы говорите, все эти ненужные истории-лингвисты должны помереть. А потом...

АНТОН. А потом они оживут.

А.М. Кто?

АНТОН. Лингвисты, историки...

А.М. Почему?

АНТОН. Общество сейчас сожмется, да. Сейчас оно пройдет этап, когда умрут все эти профессии. (Люди. — А.М.) Но пройдет некоторый промежуток времени, общество станет сытым. Ему станет скучно. Ему нужно будет зрелищ.

А.М. Дальше.

АНТОН. Появятся какие-нибудь развлекательные...

А.М. Появится стриптиз. А дальше? А историки и лингвисты когда появятся? Вы говорите примерно следующее: вот сейчас существует Россия, сто сорок пять миллионов жителей, семьдесят — должны умереть, потому что они балласт...

АНТОН. Да. Они не нужны обществу.

(В течение этой беседы я несколько раз показывал Антону и Анне на диктофон; напоминал, что идет запись. Нет, они не считали нужным скрывать свои убеждения.)

В «Трех сестрах» Чехова есть старая нянька Анфиса. Ей семьдесят второй год. Но вот брат Андрей привел в семью молодую жену, Наташу.

НАТАША. (*Анфисе, холодно*). При мне не смей сидеть! Встань! Ступай отсюда! (*Ольге*.) И зачем ты держишь эту старуху, не понимаю!

ОЛЬГА. Она уже тридцать лет у нас.

НАТАША. Но ведь теперь она не может работать!

Лингвисты не нужны, ясно. Но ведь и старики не нужны.

А Наташа — не лакей Яшка, она дворянка, барыня, по-французски говорит, хотя, как и он, русская, православная.

А.М. Балласт не нужен обществу, балласт пусть помрет. А сытые захотят «зрелищ». Согласен, стриптиза они захотят очень быстро, потому что это все связано напрямую — поел, и... Но, когда вы говорите, что, наевшись и насмотревшись стриптиза, они захотят историков и лингвистов... С чего вдруг? Вы понимаете, что сейчас богатые — это в основном бандиты, махинаторы...

АННА. ...они сейчас дают своим детям очень хорошее образование и очень часто — не в России.

ЯША (*своей хозяйке*). Любовь Андреевна! Будьте так добры! Если опять поедете в Париж, то возьмите меня с собой, сделайте-

те милость. Здесь мне оставаться положительно невозможно. Вы сами видите: страна необразованная, народ безнравственный, на кухне кормят безобразно...

Ясно: человек хочет в Париж, где на каждом углу полно образования и нравственности.

А.М. Которые останутся жить и станут сытые, они стриптиз устроят здесь, а если вдруг им захочется учить историю, они съездят в Англию. А здесь историков не будет. Ваша схема не предполагает их появление вообще, потому что богатые, которые хотят дать своему ребенку образование, отправят его туда, где есть историки. Хорошие или плохие, может, хуже наших, но они там есть и они там высоко оплачиваются. Богатый человек будет очень дорого платить за то, чтобы его ребенок послушал дорогого и, может быть, плохого историка, а здешний хороший — сдохнет. Я помню, как министр здравоохранения стал бывшим министром, потому что он пытался построить здесь завод хороших лекарств. Но те, которые закупали для России плохие лекарства в Румынии, убрали его, чтобы он не мешал им дорого покупать плохие. Откат...

АНТОН. У него были деньги?

А.М. Нет.

АНТОН. А у них были деньги?

А.М. Конечно, у них были деньги.

АНТОН. Ну так кто девушку танцует? Тот, кто зарабатывает большие деньги.

Люди умирают от плохих лекарств. На этом кто-то наживается. По мнению Антона, он кого-то «танцует», а по-моему — людоед.

Бакалавры, объясняя мне, что к чему, не раз вместо слова «люди» говорили «ресурс», говорили «фактор производства». «Если этот ресурс станет меньше, — объясняли они, — цена его станет больше». Очень похоже на нефть. Уменьшим добычу — поднимется цена.

...Интересно, бакалавры этому у кого-нибудь научились или это природное свойство молодых здоровых организмов?

Учителя у них, конечно, есть.

Главные реформаторы, приватизаторы, долларовые миллиардеры с гордостью говорят: «Главное — наша революция прошла бескровно! Самый грандиозный в истории передел собственности прошел бескровно!»

Да, по сравнению с топором виселица — бескровный инструмент. А бескровная газовая камера — просто символ прогресса.

Еще недавно нас было сто пятьдесят миллионов. За последние годы средняя продолжительность жизни сократилась на десять лет. Перемножим — получится, что граждане России потеряли (или у них украли) полтора миллиарда человеко-лет. Пусть один человек — это семьдесят пять лет. Значит, куда-то совершенно бескровно испарилось двадцать миллионов. Это каждый из нас немножко умер. За что? Ладно если за Родину. А если за реформаторов?

Любопытная это наука — экономика. Едоков должно быть мало, а пушечного мяса — много. Пенсионер ест как человек, а на пушечное мясо уже не годится. Досадно.

«Каждый должен приспособиться к новым условиям, — говорили бакалавры. — Инженеров слишком много. Они должны переквалифицироваться. Каждый должен найти свое место. И — поменьше амбиций».

Найти свое место, и — поменьше амбиций... Угу. В точном соответствии с этим рецептом библиотечарш стало меньше, а проституток — больше.

...Умные, молодые, симпатичные экономисты. Впереди вся жизнь. Впереди будущее. И сами себе они кажутся людьми будущего и высокомерно глядят на дурацкое прошлое. А со стороны заметно, что не очень-то они будущие. Они в точности как прошлые. Просто теперь они идут в Высшую школу экономики, а раньше такие шли в Высшую комсомольскую школу, Высшую партийную школу, Высшую школу КГБ.

— Что вы так тяжело вздыхаете? — спросил меня один из них.

— Молодые щенки гоняются за бабочками, за своим хвостом, вся жизнь у них впереди. А старый пес лежит и в сторону бабочек даже ухом не ведет. Другое ощущение жизни, другая психофизика... Щенки такие милые, очаровательные... Но ког-

да они говорят, что старые псы должны сдохнуть, ежели не могут приспособиться к новой реальности... Я не считаю вас врагами. Но считать вас родными почему-то тяжело.

АННА. Раньше не было стимулов к труду.

А.М. Вы говорите, что все решают деньги, а это неправда. Совесть...

АННА. Только деньги.

После публикации Антон позвонил, произносил какие-то наглые мутные угрозы. Я сказал: «Антон, вы магнитофон видели?» — «Да». — «Хотите — приезжайте в редакцию. Я дам вам послушать». Больше он не звонил.

2002

3 июля 2002, «МК»

КОШЕЛЕК ИЛИ ЖИЗНЬ?

Важнейшие слова президент сказал об этике. Он собрал в Кремле самых крупных, самых цивилизованных и могущественных руководителей прессы и сказал: *«В вашей корпорации, ребята, наблюдается дефицит этики»*. Золотые слова! Этика — нормы морали и общественного поведения во всех сферах жизни. Этика — это и есть *человеческая жизнь*. Нет этики — и люди превращаются в саранчу, в сплошное чикатило. Дефицит этики — как иммунодефицит — смертельный диагноз.

Как бы я хотел поддержать президента в его борьбе! Как бы я хотел собрать у нас в редакции президентов «Большой восьмерки» и сказать:

— Ребята, у вашей корпорации дефицит этики. Я уж не говорю про таких типов, как Саддам, Ким Чен Ир и пр. Нет, я обращаюсь к вам, самым великим, цивилизованным и могущественным. Вы же все время кого-нибудь бомбите. И все время упрекаете нас в нехватке этики. Ну давайте посмотрим, от кого больше умирает людей — от журналистов или от президентов.

5 июля 2002, «МК»

ПРОЖОРЛИВЫЙ НАРОД

Государству от граждан одни убытки

Дорожают бензин, газ, электричество.

«Почему?! — кричит народ. — Ведь у нас этого добра так много!»

Премьер-министр на днях, улыбаясь, ответил народу: «Тарифы будут расти, потому что на внешнем рынке цены выше».

Я и прежде знал, что мы в убыток монополиям. Теперь это подтвердил премьер.

Не будь нас, весь бензин, газ и электричество гнали бы за границу с большой выгодой, а так значительная часть пропадает за гроши.

Торопливые реформаторы норовят распилить государственные монополии и по-тихому приватизировать куски. «Зачем?» — любопытствует измученный народ.

— А чтобы конкуренция была!

— А зачем конкуренция?

— А чтобы цены снизились!

Надо же! Эти типы, которые нас уже десять раз ограбили, надеются, что мы поверим им опять.

Все их реформы провалились. Но они от этих провалов и дефолтов стали так богаты, что могут купить себе крупнейшие монополии. А наш гражданский долг — верить, что они пыхтят и ерзают в наших интересах.

Как ни странно, многие верят, что, если госмонополию разделить на десяток частных компаний, возникнет конкуренция и электричество подешевеет.

Путин

Неужели?

Посмотрите в нефтяную сторону. Недавно государство было там монополистом, теперь — целая куча «ойлов» и «нефтей». И у них такая зверская конкуренция, какой и в страшном сне не увидишь: убивают, сажают, вооруженные батальоны захватывают офисы... а бензин дорожает. Конкуренция все сильнее, а цены все выше.

Правительство говорит, что озабочено сокращением численности населения, сокращением продолжительности жизни, ростом смертности. Нам кажется, будто они хотят, чтобы жизнь увеличивалась, а смертность снижалась.

А что если они озабочены в другую сторону? Ведь живи мы так долго, как японцы, — каждый на целых двадцать лет дольше жег бы газ и электричество... Да притом сидя на пенсии — то есть не принося уж вовсе никакой пользы.

Поневоле будешь озабочен продолжительностью жизни, если от стариков одни убытки.

20 сентября 2002, «МК»

НЕ ДРЕВНЕЙШАЯ

...У меня у самого душа в пятки уходит, как вспомню, что я журналист. Будучи еще порядочным человеком, я получал уж полицейские выговоры... Что же теперь со мной будет? Мордвинов будет на меня смотреть, как на Фаддея Булгарина, как на шпиона; черт догадал меня родиться в России с душою и с талантом!

Пушкин. Письмо жене 18 мая 1836

«Вторая древнейшая профессия» — обзывают прессу министры-ворюги, генералы-предатели и все те, кого Пушкин называл сволочью, — а сами себя они называют элитой. Скажут гадость про «вторую древнейшую» и довольны: ах, как мы уели этого писаку!

Это они сдуру радуются.

Хотят оскорбить и уверены, что удалось, уверены, что оскорбили.

От обвинений хотят отделаться бранью. Это, мол, вторая древнейшая написала, что я вор...

А какая разница? Если министр вправду вор, то разве важно, кто это написал?

Откройте Библию — одну из древнейших книг. Там воины, пастухи, священники, судьи, проститутки, врачи... Откройте Плутарха... Всюду прочтете о продажных сановниках, лживых судьях, полководцах-предателях — любой из них мог бы претендовать на титул «вторая древнейшая».

В древности было очень много профессий. А журналистики — не было. Не было никаких журналистов до изобретения печатного станка. А в России — до Петра I.

В конце XX века с журналистикой случилось:

То вознесет ее высоко,
То бросит в бездну без следа...

Когда отвалилась советская цензура, первыми плодами воспользовались не поэты, не писатели, а журналисты. Газета — не книга; делается за день.

Мысли, накопленные в зоне молчания, запретная информация, возможность сказать не на кухне приятелю, а тиражом в десять миллионов!..

И все это богатство досталось даром. Мы не платили за него ничем.

И то же самое в бизнесе. Богатыми стали те, кто решился хватать.

Кто-то, никого не спрашивая, брал свободу слова. А кто-то — «Норильский никель». А кто-то — продавал оружие. А кто-то — стал убивать за деньги.

Свобода печати обрушилась на тысячи журналистов-рабов, воспевателей Леонида Ильича, трудовых рекордов и встречных планов.

Свобода досталась профессиональным лжецам. Удивительно, что многие научились не врать.

Журналисты — как те братцы-матросики — попали из грязи рабства в князи свободы. Как же было не распоясаться?

Начались разоблачения. Потом возникла мода на разоблачения. Потом — рынок разоблачений. Потом — рынок подделок под разоблачения.

«Журналистское расследование»! Звучит роскошно. Но спросите себя: «Милиция узнала из газеты или журналист узнал от милиции?» И 99% расследований исчезнут яко дым.

В России воруют как редко где. И журналист, и милиционер — наши, советские. Есть честные, а есть подонки.

Когда говорят о продажности прессы — возразить нечего.

Нет ничего легче, чем купить аморального. Это было неизбежно. И это произошло.

Но, пожалуйста, давайте сравним процент продажных милиционеров, продажных депутатов, министров и продажных журналистов. И если журналистский процент окажется больше... Но ведь не окажется.

Передел собственности, надувательские ваучеры и избирательные кампании — вот кто создал платежеспособный спрос на продажную журналистику. И тот, кто почти задаром воспевал политэкономия социализма, легко и свободно запел другие песни за другие деньги.

Что запели — не удивительно. Удивительно, что не все.

В конце 1980-х — начале 1990-х слово «журналист» было как орден. В престижную корпорацию рванули негодяи. И к концу 1990-х слово «журналист» стало звучать как «негодяй».

Так было с комиссарами. В 1918 году — верю, что идейные. В 1978 году — похоже, что рвачи.

К внутренней гнили добавилась дискредитация сверху. Пойманная на грандиозной коррупции, на взятках размером в двадцать, тридцать, сорок миллионов долларов, власть говорит прессе: «Ах, как стыдно подслушивать наши частные разговоры!» И лепит клеймо: «сливной бачок».

Граждане, уверяю вас: в сливном бачке чистейшая вода (точно та же, которой вы моете посуду, моетесь под душем). Общество тратит ее, чтобы смывать... Такая уж у бачка работа. И если он ломается, вы тонете в дерьме.

Заденешь высокопоставленного господина, а он с презрительной усмешкой изрекает: «Собака лает — караван идет!» Значит, журналист — собака, а ведомство господина — величавый караван.

Но собака — хороший зверь, друг человека. Собака — сторож, спасатель. Собака ловит бандитов, диверсантов, наркоторговцев.

А караван? Сплошь и рядом он везет наркотики. Или — оружие врагу. Хорошо, если этот караван везет нас в светлое будущее. А если — в темное?

Жеманная сволочь («элита») презрительно цедит: «Фи! Публикации чужих бесед! Как стыдно, как неприлично!»

«Беседы»?! Философские диспуты? Такого не найдете. Пресса публикует преступные разговоры чиновников с гангстерами.

Письма Пушкина читаете, не стыдясь. А ведь это интимные письма жене. Сами не испытываете стыда и не стыдите издателей. Почему же разговоры государственных преступников печатать стыдно?

Вот типичный случай. Цитируем именно эту «беседу», ибо краткая, емкая.

СОБЧАК. Здравствуйте, Анатолий Борисович. Вы знаете, Анатолий Борисович, продолжаются попытки моей дискредитации. Публикации идут в московской прессе о предположительном аресте Собчака. Мы же с вами говорили...

ЧУБАЙС. Не беспокойтесь, Анатолий Александрович. Ситуация полностью контролируется. Я имел на эту тему разговор с главой Администрации Президента Юмашевым. Он заверил, что без его ведома и ведома Бориса Николаевича никакие действия в отношении вас предприниматься не будут.

СОБЧАК. Да, но в московских газетах пишут... А Куликов (тогда — министр внутренних дел. — *А.М.*) дает публично пресс-конференцию, говорит, что вот-вот арестуют...

ЧУБАЙС. Я повторяю, Анатолий Александрович, не надо волноваться, повторяю. Я сегодня встречаюсь с Юмашевым, первый вопрос, который мы будем обсуждать, — это ваш вопрос.

СОБЧАК. Спасибо, Анатолий Борисович! Хотел еще сказать о главном: последнее время очень настораживает активность Рохлина; я по поводу его заявлений и выступлений в СМИ. Он фактически призывает к неконституционным действиям по смене власти. В отношении него просто необходимо возбудить уголовное дело...

ЧУБАЙС. Но он же депутат, дело не имеет перспектив.

СОБЧАК. Да, но возбуждать надо, чтобы другие задумались...

(Опубликовано мною в «Новой газете». Естественно, при жизни Собчака. Чубайс тогда был первым вице-премьером.)

Это беседа? Нет, это уголовщина. Но какая изящная элита. Решив свой шкурный вопрос, Собчак пытается этот сговор

двух коррупционеров превратить в беседу государственных мужей. Оказывается, главное для него — «неконституционные действия Рохлина по смене власти».

Хоть и в панике, а не забыл сделать донос.

Кто подслушал? Уж точно не журналист. Как попала в прессу? А какая вам разница?

«Слили спецслужбы!» — обычный упрек. Но даже если и так — задумайтесь о причине. Материалы по делу АНТа (кооператив продавал за границу танки под видом тягачей) мне принес следователь, который не мог смириться, что дело прекратили по приказу сверху. В статье я привел список высокопоставленных сотрудников АНТа — полтора десятка имен. Против каждого в графе «предыдущее место работы» значилось «КГБ СССР». Спустя малое время следователя убили, тело сбросили с поезда.

Раскрыто множество преступлений по приватизации гигантских заводов (один Кох с «Норильским никелем» — сотни миллионов долларов), а дела прекращены, замяты. И что делать следователю? Стерпеть?

Общество должно бы кричать «спасибо». Аплодировать, как врачу, идущему в холерный барак. Нет, «элита» морщит нос как манерная девица из старых стихков: «Фи!»

К сведению: первые «прослушки» раздавал прессе сподвижник Гайдара, член политсовета «Демократического выбора России» адвокат Макаров. Раздавал открыто, направо и налево. Разговоры генерального прокурора Степанкова с беглым авантюристом Якубовским печатали «Известия», «Комсомолка», «Московская правда»; аудиозаписи, густо пересыпанные матом, крутили по Первому каналу (тогда «Останкино»). В ту пору демократической шантрапе публикация прослушек очень нравилась. Она им была выгодна: уничтожался Руцкой, который тогда исполнял должность врага демократии. Потом эта должность перешла к Коржакову, потом...

И вот уже никто не помнит, что был вице-президент России Руцкой, что все трепетали при имени всесильного президентского охранника Коржакова.

А теперь, когда в печати появились разговоры Немцова, Чубайса, Коха, — теперь демократические вожди отзываются о таких публикациях с негодованием и жалуются в прокуратуру.

В «Известиях», где трудятся известные демократические моралисты, недавно опубликовали матерные уголовные разговоры президента Украины Кучмы. Разговоры записаны абсолютно нелегально, незаконно. Вы только вообразите, что этот офицер охраны захотел бы *законно* записать уголовные разговоры своего президента и пошел бы к прокурору за санкцией. Закатали бы в асфальт.

Итак, Кучму записали незаконно. Возмущает ли это редакцию «Известий»? Нет. Возмущает ли это читателей? Нет. Возмущают ли непристойные откровения Моника (США)?*

А что же демократы возмущаются, когда публикуются разговоры Собчака или Немцова?

Кучма, Моника — чужие. А Немцов — свой. Вот и весь ответ.

США гораздо менее коррумпированы, чем Россия. И права личности там защищены куда сильнее. Но Верховный суд США недавно признал, что нелегально записанный разговор печатать можно *и должно*, если он важен для общества. То есть нарушение прав личности — плохо, но ради интересов общества и государства...

И вот: относительно чистое общество США согласно. А наше прогнившее — возмущено.

Интересно почему? Не потому ли, что наша «элита», которой есть что скрывать, внушила простодушным, что такие публикации — плохо?..

Пресса не вся продажна.

Считать ее сплошной клоакой, конечно, удобнее. Какой комфорт для продажных журналистов. Они очень рады, когда слышат, что вся пресса продажна. Для них (действительно продажных) это — отпущение грехов. Раз все такие — значит, я прав.

Вор уверен, что все — воры. Просто кто-то попался, а кто-то нет. И воры у воров не вызывают негодования. Напротив, попавшемуся слегка сочувствуют: да, зарвался, не повезло.

* Тогда ее уста были у всех на устах, как недавно уста черной горничной, которые на миг присосались к главе МВФ Стросс-Кану; похоже, самый дорогой «поцелуй» в истории.

Ненавидят же неворующих. Ненавидят непродажных. Ибо существование такого, пусть хоть в единственном числе, делает для продажных невозможным душевный покой.

Обвинение в продажности есть главный и любимый способ советской полемической школы.

Продажной называли всю западную прессу. Продажными числились Пастернак, Ростропович, Солженицын, Сахаров. Продажной девкой была даже наука (кибернетика, генетика), даже теория (относительности).

Советская власть внушала людям, что они — винтики. И опущенному винтику было приятно верить, что великий ученый или гениальный поэт — просто продажные твари.

Похабные эти обвинения звучали с самых высоких трибун в адрес самых высоких людей. Солженицын написал о ГУЛАГе? За деньги ЦРУ! Сахаров выступает против войны в Афганистане? За деньги ЦРУ!

Обвинитель (мелкая тварь) не понимает, что у ЦРУ нет денег, чтобы купить Солженицына. Мелкая тварь не понимает, что достаточно существования ГУЛАГа, чтобы проклинать ГУЛАГ. Достаточно преступной власти, чтобы говорить о ее преступности.

Ничего не изменилось.

Из того же Кремля, с той же Старой площади летят те же слова. Русская пресса против войны в Чечне? За деньги Дудаева! За деньги Бен Ладена. Это же опасно! Значит, ради чего же писаки это делают? Ага!

На это торжествующее «ага!» нечего возразить. Точнее — нельзя разубедить. И не надо. Люди прекрасно отличают продажную статью. Так же легко, как определяют проститутку — по манере, по боевой раскраске.

...Журналисту писать о журналистике — в этом есть некая тавтологическая ловушка. Читателю не растолкуешь кухню, да она ему и не интересна. Зачем пассажиру подробности карбюратора? Едет, ну и отлично.

Невозможно объяснить, что я никого не пачкаю, да и не нужно это вовсе. Люди пачкаются сами. Я только включаю свет. Лжецы и воры очень не любят света. Они и те, кому нравятся эти воры и лжецы, очень сердятся на лампочку.

Важно, что думает читатель, а не тот, о ком я пишу. Важно, что чувствует зритель, а не актер. Если актриса на сцене рыдает и заламывает руки, а зритель холоден — значит, она плохая актриса. Если она сдержанна, а зрители плачут — значит, хорошая.

В идеале статья должна быть написана изящно, иронично, легко, а читатель должен сжимать кулаки и ругаться матом. Важнее вызвать протест читателей, чем высказать свой протест.

Глуповатое «аж» пестрит во всех газетах. Желая поразить читателей, пишут: «На пожаре погибло аж три человека!» Но результат обратный. Словечко «аж» пообещало читателю сотни, тысячи жертв, а их оказалось всего три — подумаешь! Чтобы вызвать правильную реакцию, надо написать «погибло всего трое» — тогда читатель ахнет, посочувствует погибшим и подумает о журналисте как о бессердечной скотине, не понимая, что именно своим «бессердечием» скотина заставила читателя чувствовать.

Факты общеизвестны. Объяснить факты, связать факты, ясно и четко сделать выводы — вот задача, которая решается только словами. Это так ясно, как простая гамма; даже стыдно говорить.

Если кто-то принимает Гайдара за демократа, кремлевские интриги — за борьбу с коррупцией, а войну — за конституционный порядок, значит, этот человек бредит. И точное резкое слово — единственное средство выдернуть человека из бреда. Как пощечиной — из истерики.

Скажем, пользуясь тем, что «ветвь» и «сук» — синонимы (только «ветвь» — зеленая, а «сук» — голый), я пишу «суки власти», надеясь содрать мишуру и позолоту, да еще запутать в ударах. Человек ежедневно слышит красивое «ветви власти». И вдруг читает заголовок «Суки власти». Вздрагивает. И задумывается.

Точные слова — да. Но зачем грубые? От природного хамства или из необходимости?

Можно ли писать о мерзостях Жириновского, о подлостях Грачева, о голых министрах юстиции и генеральных прокурорах языком дамы, приятной во всех отношениях? Поймут ли? Будут ли читать? Язык газетчика должен быть на уровне картошки, а не устриц.

Кто сделал людей такими, что, кроме мата, у них почти нет языка? Пресса?

Я обязан говорить на языке улицы, если хочу, чтобы улица меня понимала. А я именно этого хочу.

Вся страна давно ботает по фене; разве не замечали? Кремлевские, думские власти легко и привычно называют свои взаимоотношения «разборками». Гангстерские термины стали общеупотребительными (и не вчера).

Если ежедневно люди видят горы кровавых тел, груды гробов, видят детей с оторванными ногами, слышат невыносимые вопли женщин — у них, у телезрителей, растет иммунитет к чужому страданию. Растет скорлупа, ибо если это принять — рехнёшься.

Как же надо писать, чтобы проломиться через эту скорлупу?

Способ один — заставить человека ощутить: это не где-то, а здесь, не с кем-то, а с тобой.

Надо сделать больно.

Потому что человек — такой. Пока ему самому не больно — то и наплевать.

Зачем идут на «Гамлета»? Разве новость? Ему уже четыреста лет. Разве неизвестно, что Офелия утопится, Королева отравится, а Гамлет зарежет Полония, Лаэрта, дядю Клавдия и сам помрет?

Зачем же идут в театр? Затем, что гениальный актер — если Бог пошлет удачу — сделает тебя Гамлетом. Это твоя невеста изменит тебе, и это твоя развратная мать будет валяться в зале продавленной кровати, и ты заплачешь, потому что больно будет тебе. (Насчет «сала продавленной кровати» — это интеллигентный Гамлет так о маме говорит, хочет, чтоб правильно поняли.)

Зачем журналист лезет под бомбы? Затем, что это дает ему шанс донести пережитый ужас до читателей. Если сумеет написать.

Тот, кто боли не пережил, кто не знает, что это такое, — рассказать (передать) боль не сможет.

Почему я несколько раз в статьях о Чечне поминал фашизм, Сталинград, Великую Отечественную?

Потому что Россия помнит этот ужас и эту боль. Потому что потеря четверти населения остается в генах, остается в нацио-

нальном сознании, в подсознании. Память о своей национальной боли помогает понять чужую.

Пока под бомбами подымают чеченцы, пока подымают всякие там кавказцы — черт с ними. Нам легко, поскольку это — не люди, это уголовники (даже грудные). И немцам было легко. Они уничтожали недочеловеков, русских свиней, жидов и несли сюда свой конституционный порядок (*Ordnung*).

Сильно ли радовалась русская мать, если ээсовец из зондеркоманды, освобождая ее от жидов и коммунистов, бросал в колодец ее ребенка, поджигал дом? Можно предположить, что и чеченские матери не радуются такому освобождению.

Мне говорят: ты кощунствуешь. Разве я?

Или бомбить — благородно, а писать об этом — кощунственно? Поверьте, умирающим детям все равно, чья армия и ради чего их бомбит.

Факты — это репортер.

Свои мысли — это писатель.

Журналистика — это люди. Это их голос. Голос безъязыкой улицы. Я пишу на том языке, на котором они думают; а мне говорят: хам.

Я хочу писать то, что думает улица. Люди узнают в моих статьях свои мысли и радуются. Ибо кто-то сказал то, что думают они.

Но видят: их мысли высказаны (и высказаны громко), а ничего не меняется.

Ими овладевают боль и отчаяние, и они пишут мне письма: спасибо, мы вас любим, но ваша работа бесполезна.

Нет. Не бесполезна. Да, всего общественного мнения России мало, чтобы снять одного министра. Но настанет день выборов, когда общественного мнения России хватит на всех.

Тех, кого коробит от моих статей, спрошу: а от жизни нашей вас не коробит? Если я точно описываю ложь, жестокость и подлость — то нормального человека и должно коробить.

Когда люди читают свои мысли в газете — они чувствуют себя людьми. Они пишут: берегите себя; пишут: мы за вас молимся; пишут: мы вас спрячем, когда начнется (и рисуют, как найти их дом в деревне). Пишут и другое: убьем, повесим, жид, предатель, ельцинист, гайдаровец, зюгановец, агент ЦРУ, агент

КГБ. Они кричат и матерятся, потому что им больно. Дорогие мои, в кресле у зубного врача тоже больно. Но не врач виноват, что вы плохо питались, что ваши зубы — больные. И не врач виноват, что у вас нет денег, а анестезия стоит дорого. Если вы от невыносимой боли убьете врача, вряд ли вам станет легче жить.

Постоянные разговоры о зависимости прессы.

О том, какая газета кому принадлежит, с чьего голоса поет, чьи интересы отстаивает...

Люди не понимают, что обсуждают не прессу, а пропаганду.

Пресса не может быть зависимой. Она только до тех пор и пресса, пока независима.

Став зависимой, она немедленно превращается в пропаганду.

Пресса — это информация. Другими (высокими) словами — правда.

Пресса — правда, а пропаганда — жульничество. Пресса информирует — дает человеку думать, оценивать, принимать сознательные решения. Пропаганда «промывает мозги», дурачит, заманивает в любую грязь, в любую трясиину, но при этом, конечно, обещает светлое будущее и клянется всем святым.

Пропаганда, как всякое жульничество, приносит быстрый доход (а о будущем жулики не думают, им главное — урвать и убежать). Быстрый доход — большая выгода, поэтому пропаганда всегда богата. А поскольку она — жульничество, она всегда аморальна.

Богатая и аморальная, она умна — поэтому старается скупить самых талантливых.

А если талантливый не продается — его уничтожают.

Бывает, убивают физически. Чаше — объявляют сумасшедшим, продажным, предателем Родины, наемником ЦРУ (КГБ, темных сил...), пособником коммунистов (монополистов), врагом демократии... Запас ярлыков не скудеет.

Пропаганда умна — поэтому всегда старается притвориться прессой. Так всякая ... хочет выглядеть порядочной девушкой. Получается не очень, но они стараются.

Верили ли советские люди советской прессе? Нет, конечно. И правильно делали. В ЦК КПСС не было даже отдела прессы, а был Отдел агитации и пропаганды.

Поэтому газеты вместо «начался весенний сев» писали: «Благодаря мудрой политике Партии весенний сев начался в этом году на неделю раньше срока!» Пропагандистов не заботило, что сеять надо в срок, а не раньше.

Потом Перестройка, Гласность, Закон о свободе печати. И «пресса» на какое-то время стала прессой.

Стали писать правду — тиражи взлетели до небес. Миллионные тиражи — с одной стороны, доверие людей — с другой. И пресса стала мощно и быстро влиять на общественное мнение.

Поняв силу прессы, умные люди стали превращать ее обратно в пропаганду. Но народ не дурак, фальшь чувствует сразу. Тиражи поползли вниз. (Примечательно, что примерно с той же скоростью таяли сторонники и Гайдара, и Жириновского. Такие разные, а результат один: в начале 1990-х — кумиры, в конце — маргиналы. У «главного либерала» от 25% осталось 5%, у «главного демократа» от 40% — 3%.)

Насилюя прессу, покупая прессу, используя ее как пропаганду, владельцы погубили свои дорогие игрушки, погубили газеты, журналистов, погубили профессию.

Скупают старые издания, создают новые, тратят десятки миллионов долларов, платят журналистам тысячи... Но как только хозяева увидят, что эффекта нет, — они закроют* лавочки. Потому что дешевле послать донос прокурору, чем печатать его миллионным тиражом. Ведь цель новых хозяев — старая: добиться, чтоб меры были приняты.

Люди, многократно пойманные на воровстве, уличенные в глупости... Хотя нет, это не глупость, это — особый ум. Все реформы проваливаются, люди разоряются, население сокращается, а реформаторы немислимо богатеют — это особый ум.

И эти господа, умные особым умом, не имея возможности оправдаться по существу, внушают (и внушили!) стране: пресса — вторая древнейшая, «собака лает — караван идет».

Насчет собаки, повторю, спорить не буду. Мы всё лаем, а караван всё вывозит и вывозит миллиарды долларов в год.

А насчет второй древнейшей... В Библии, в египетских папирусах и китайских свитках, в самых древнейших наскальных

* Закрыто уже много газет, журналов, телеканалов.

надписях говорится о вороватых чиновниках, полководцах-изменниках, о судьях, выносящих приговор в пользу богатого и сильного, о растленных жрецах... Вот они пусть и спорят между собой: кто из них вторая древнейшая, а кто первая. Главные беды — война, нищета, несправедливость — от них, а не от журналистов и проституток. Журналисты, при всем скотстве современной журналистики, не попадут даже в первую десятку.

Целеустремленно уничтожали доверие людей к прессе. Да и в прессу пролезло дряни немерено. На некоторых без отвращения смотреть невозможно, публикуют врачебные тайны, адюльтерные подробности: кто с кем, на каком боку; уничтожают одну фирму по заказу другой, разжигают ненависть... Так ведь это же не пресса. Это под видом прессы... Неужели трудно отличить?

К сожалению, многим — трудно. Пушкин недаром был в ужасе, что на него «будут смотреть как на Булгарина».

И — приехали. Критикуешь кого-нибудь — а-а, это заказ. Хвалишь — а-а, это реклама.

Начинаешь нервничать: ребята, постойте, это же действительно хороший человек. Начинаешь злиться... Начинаешь ругаться...

А зачем?

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятенье всех...

...и так далее. Это сто лет назад Киплинг написал, певец английского империализма, профессионал, газетчик.

24 сентября 2002, «МК»

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА СОВЕРШИЛА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

**Ни гарант Конституции, ни прокуратура
не защитили наши права**

Дума запретила объявленный коммунистами референдум. Был безобразный скандал. Нарушая и регламент, и приличия, только с четвертого раза удалось набрать необходимые триста голосов. Спикер Селезнев совершил подвиг, который (по запаху) достиг хасбулатовской густоты. За полчаса в семи чтениях...

Вопросы, поставленные коммунистами, конечно, болезненные. «Согласны ли вы, чтобы доходы от нефти и газа делились на всех? чтобы зарплата была не меньше прожиточного минимума? чтобы квартплата не превышала 10% семейных доходов?..»

Ясно, что большинство граждан ответит: да, да, да. Ясно, что КПРФ получит грандиозную рекламную кампанию, и как раз к думским выборам 2003 года. Ясно, что всем прочим партиям и Кремлю это невыгодно.

И добились: запретили проведение референдума на ближайшие полтора года.

А что же граждане?

На эту тему состоялась на НТВ «Свобода слова». Какие безобразия там творились — отдельная тема. Здесь скажем только о главном.

Перед дискуссией зрители проголосовали: против запрета — 70%, за запрет — 30%. Потом лидер «Единой России» (Во-

лодин) и лидер СПС (Хакамада) доказывали необходимость запрета, а Зюганов сопротивлялся.

В конце передачи голосование повторили. Против запрета — 75%, за запрет — 25%.

Эти результаты сами по себе — катастрофа для правых* и кремлевских фракций. Ведь в студии НТВ — не пенсионеры, не крестьяне, не делегаты из «красного пояса». Публику на «Свободе слова» не Зюганов на автобусах привез. Это публика московская, относительно молодая... И вот среди них сторонников Зюганова стало больше! Он выиграл у Хакамады и этого, как его.

На выборах в Госдуму 1999 года по России КПРФ набрала 25%, а в Москве — всего 11%. И в студии НТВ коммунисты должны были бы получить от 11% до 25%. А вышло — 75%!

Это люди не за Зюганова проголосовали. Это они за свои права проголосовали. А кто уничтожает наши права — белые, красные — безразлично.

Наши права записаны в Конституции. Взятся читать. И немедленно обнаружилось, что депутаты вообще не имели права запрещать референдум. И дело не в нарушении регламента Думы и не в том, с четвертого или сто четвертого раза натянули необходимое число голосов.

Конституция прямо запрещает парламенту решать такой вопрос.

Зарубив референдум, Дума совершила групповое уголовное преступление — государственный переворот.

Вот статьи Конституции, прочтя которые, вы убедитесь в этом.

«Глава 1. Основы конституционного строя

Статья 3

Единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ.

Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы.

* В конце 80-х — начале 90-х правыми называли коммунистов-ортодоксов, а левыми — демократов-либералов. Потом правыми стали гайдаровцы, а зюгановцы и лимоновцы — левыми и ультралевыми.

Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуются по федеральному закону. (Референдум — это «высшая власть *народа*», а вовсе не Думы. Запретив референдум, Дума захватила (присвоила) чужую власть. — *А.М.*)

Статья 15

Конституция РФ имеет высшую юридическую силу. Законы и иные правовые акты, принимаемые в РФ, не должны противоречить Конституции РФ. (Дума не имела права принимать закон, противоречащий Конституции. — *А.М.*)

Статья 16

Положения первой главы Конституции составляют основы конституционного строя РФ и не могут быть изменены иначе как в порядке, установленном настоящей Конституцией.

Глава 2. Права и свободы человека и гражданина

Статья 17

В РФ признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина в соответствии с настоящей Конституцией.

Статья 32

Граждане РФ имеют право *участвовать в референдуме*.

Статья 55

В РФ не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина. (А Дума именно это сделала. — *А.М.*)

Глава 9. Конституционные поправки и пересмотр Конституции.

Статья 135

Положения глав 1, 2 и 9 Конституции РФ не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием. (Статья 135 прямо говорит, что Дума совершила преступление. Она пересмотрела положения глав 1 и 2. — *А.М.*)

Чтобы законно запретить референдум, надо создать Конституционное собрание, написать и принять новую Конституцию.

Дума, конечно, не голосовала за поправки в Конституцию. Она голосовала за поправки в Закон о референдуме. Ей казалось, что она сумеет остаться немножко беременной. Не тут-то было — моментально родился государственный переворот.

...В минувшее воскресенье я решил посмотреть, как эту революцию будут объяснять гражданам России главные аналитические передачи: «Времена» (ОРТ), «Итоги» (ТВС), «Намедни» (НТВ).

Никак.

Они просто не сказали об этом ни единого слова. Только сход ледника, выборы германского канцлера, Масяня...

Три телеканала случайно хором промолчали. Все газеты хором промолчали. Гарант промолчал, и прокуратура...

Народ безмолвствует. И слуги народа, рассеявшиеся на толстых суках власти, не хотят нарушать тишину.

P.S. Такое количество цитат в материале о государственном перевороте мы печатаем в полном соответствии с Конституцией. «Статья 48. Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно». Мы оказали помощь вам. Окажите ее своим друзьям, соседям и сослуживцам. *(Приписка 2002 года.)*

2 октября 2002, «МК»

ГОЛОСУЙ — НЕ ГОЛОСУЙ...*

Прежде в суд подавали на ЦИК. А тут впервые ЦИКа подала в суд. И не на бесчестного кандидата, не на членов избирательных комиссий, уличенных в жульническом подсчете голосов, не на грязных технологов, а на журналиста, который усомнился в *системе*.

Это они глупость сделали. Сами себя отдали под суд. Потому что суду пришлось решать, честные ли у нас выборы.

ЦИКа требовала опровергнуть «сведения, носящие порочащий характер, поскольку утверждения А.В.Минкина не соответствуют действительности, оскорбительны по сути и форме изложения». Вот эти восемь утверждений:

«Процедура как пистолет — зависит от того, в чьих она руках. В руках убийцы или в руках человека, защищающего себя и своих детей от маньяка. В чьих руках сейчас выборы? Разве в честных?»

«Мы знаем, что они жульничают. Дойди у нас в России дело до ручного пересчета, вся ЦИКа во главе с Вешняковым, может, и померла бы с перепугу. Но речи о пересчете даже не возникает».

«Растет число голосующих против всех (эта графа постоянно грабится в пользу нужного кандидата)».

«ЦИКа стала наглым силовым департаментом, вдобавок изготавливающим законы».

«ЦИКа решает, какие должны быть политические партии и какие не должны. Сколько в партии должно быть членов. Кто может и кто не может субсидировать... Похоже на арифмометр, который мало того что плохо считает, еще и взбесился и вообразил себя политиком».

* Назло врагам был повторен заголовок 2001 года.

«ЦИКе позволено издавать антиконституционные акты».

«ЦИКа превратилась в силовое министерство, которое может менять губернатора, снимать с выборов, решать, каких и сколько должно быть политических партий, — насильственно менять политическую ситуацию в стране».

«ЦИКа честно обслуживает власть. А притворяется, что служит народу».

Мы заявили суду, что критиковали всю систему выборов, а вовсе не одну только ЦИКу. Но если в этих публикациях ЦИКа узнала себя, мы докажем, что узнала она себя правильно.

ЦИКа отстаивала свою репутацию. Но репутация существует исключительно в глазах народа. Мы решили спросить народ, то есть читателей «МК». Вот что получилось:

КОМУ СЛУЖИТ ЦИКа?

Власти — 141

Народу — 1

Закону — 1

Другое — 3 (в том числе бандитам — 2)

С КАКИМ СЛОВОМ У ВАС АССОЦИИРУЮТСЯ ВЫБОРЫ?

Обман — 100

Грязь — 68

Справедливость — 1

Честность — 0

Надо отдать должное ЦИКе — подавать в суд на читателей она не стала.

Приговор

И вот суд огласил решение: «Обязать Минкина и редакцию «МК» опровергнуть фразу «Мы знаем, что они жульничают»».

И — всё.

Взгляните еще раз на восемь цитат, которые ЦИКа требовала опровергнуть. Суд решил, что, за исключением пяти слов, мои высказывания опровержению не подлежат. А ведь там есть

Путин

упреки гораздо более серьезные, чем ласковое слово «жульничают», сказанное неизвестно о ком.

Решение я хотел исполнить. Только не знал, как лучше опровергнуть:

- не мы знаем, что они жульничают;
- не мы не знаем, что они жульничают;
- не мы не знаем, что не они жульничают...

Пресса не начинает и проигрывает

В суде было доказано, что выборы — сплошной обман. Случись такой процесс где-нибудь в США, о нем писали бы *все газеты*, показывали *все новостные каналы*. А у нас...

Понятно, почему суд над ЦИКой не показали ОРТ и РТР. Они государственные.

Но суд над ЦИКой не показало ни объективное НТВ, ни оппозиционное ТВ-6 (тогда еще действующее). Ничего не сказало сверхпринципиальное «Эхо Москвы».

Пожары, убийства, уголовник Паша Цветомузыка... Все это нашим СМИ кажется важнейшей информацией, раз они повторяют ее ежедневно и по многу раз.

Ближайшая после суда над ЦИКой программа «Итоги» шла два часа. Там даже нашлось десять минут на подробные рецепты приготовления гусиной печенки и на то, сколько она стоит в магазинах и ресторанах Парижа (полезнее для русского телезрителя ничего не придумаешь)... И ни слова о сенсационном решении суда.

Суд приговорил российские выборы, а Россия об этом не узнала.

Сегодня опровержение могло бы выглядеть так:

Теперь не только мы знаем, что они жульничают. Теперь это знают все.

На выборы приходят 25% — четверть избирателей. За победителя — 33%, то есть одна треть одной четверти. Это одна двенадцатая. 8% — вот и все «доверие». Специалисты подсчитали, что расходы на одного избирателя (включая листовки, плакаты, телерекламу...) не превышают тысячи рублей. За эти деньги проститутку имеют один час. А гражданина — четыре года.

29 октября 2002, «МК»

СПАСЕНЫ ИЛИ УБИТЫ?

Вот мы и увидели тот сортир. В нем тысяча мест, он не так далеко от центра Москвы. В нем, как и было обещано, боевиков поймали и замочили. «Норд-Ост», Дубровка.

Мы все видели, как это происходило. Мы слышали объяснения властей и фантастические домыслы болтунов. Но мы не верим ни тем, ни другим. Власть всегда обманывает (Чернобыль, дефолт, «Курск»...), а болтуны ничего не знают.

Того, что мы видели сами, недостаточно, чтобы сделать окончательные выводы. Но достаточно, чтобы задать вопросы. Вопросы эти в головах у всех.

Больше миллиона милиционеров, неизвестное число агентов ФСБ — от блокпостов в Чечне до каждой платформы московского метро — проверяют всех лиц кавказской внешности. Кавказец не может тайно пронести по Москве свой нос. Но вот несколько десятков их пронесли по Москве (и по России) автоматы, гранаты, взрывчатку и станковый пулемет.

Их следовало арестовать или убить до того, как они начали захват.

Как не заметили многочисленную группу, множество оружия, десятки килограммов пластита? Терракт, говорят, готовился два месяца — и за такое время ничего не узнать?

Или нет агентуры, или она бездарна, или следит не за теми. Каждый чих Березовского отслеживается: куда звонил, что говорил, в Интернет вывешивается болтовня. За два месяца террористы, безусловно, провели сотни разговоров по телефону. А масхадовские угрозы на видеокассетах... О готовящейся опе-

рации знали десятки людей. И она осталась тайной для ГРУ, ФСБ и МВД?

Если так — почему руководители спецслужб (так называемые силовики) не подали в отставку?*

Все, выходявшие от боевиков, сообщали: «Единственное требование бандитов — прекращение войны». Не очень бандитское требование.

Бандиты не требовали миллионов долларов, самолетов, беспрепятственного выезда. Судя по всему, они действительно считали себя уже мертвыми. И значит, человеческий разговор, а тем более торг с ними был невозможен.

Неужели это одна и та же сила сперва взрывает дома, чтобы начать войну, а потом берет заложников, чтобы ее прекратить? Уж больно разный почерк.

Власть заявила: «Террористы хотят войны!» Разве? Война у них есть. «Они против начавшейся стабилизации!» Разве? Ежедневно взрывающиеся БТРы и еженедельно падающие вертолеты — это стабильность потерь, но это не политическая стабильность.

Депутаты (в том числе Аслаханов), ходившие к террористам, говорили потом с экранов ТВ: «Мы шли на всё! Выполняли все их требования!»

Какие? Ведь они просили встречи с *представителем президента*. А этого-то им и не дали. Ходили знаменитости, и спасибо им, что вывели хотя бы несколько детей. Но никто — ни Кобзон, ни Примаков, ни шоумены — не были переговорщиками. У них не было полномочий. С точки зрения террористов эти господа были никто.

Назначить переговорщика президент не мог. Это означало бы его поражение. Личное поражение.

Не потому ли президент приструнил незваных переговорщиков (депутатов, журналистов)? Никто не должен был выглядеть спасителем в глазах нации.

Черномырдина поносят за Буденновск: «Вступил в переговоры с Басеевым — позор!» Нет. Черномырдин не допустил ги-

* Потом их тайно наградили.

бели тысяч людей. Он взял на себя политический позор (или его заставили взять на себя этот позор), который ничто рядом с жизнью людей.

Позор, настоящий позор, что после Буденновска *семь лет* не могли поймать Басаева (или отпускали за деньги). А ведь было ясно, что Басаев не остановится. Моя заметка в «МК» летом 1995 года так и называлась: «*Басаев — герой. Поэтому его надо поймать и убить*». Цитирую: «Группа Басаева должна была быть уничтожена по дороге к Буденновску. Потом, когда они прикрылись заложниками, стрелять было нельзя. Но теперь стрелять можно. Теперь спецслужбы — не ради своих министров, а ради самих себя — должны умереть, но поймать Басаева. Если его налет останется безнаказанным — позор навсегда ляжет на спецслужбы России. А самое худшее — если Басаева не поймают — террористы поверят в безнаказанность. Черномырдин заявил: “Главное — прекратить бойню в Чечне”. То, что премьер назвал происходящее в Чечне бойней, свидетельствует, что он был искренен, не подыскивал слова и сказал, что думал. Давно всем понятно: вместо того чтобы стирать с лица земли свои города и села, убивая и калеча всех подряд, плодя десятки тысяч трупов и сотни тысяч беженцев, — надо было или отпустить Чечню, или поймать Дудаева, Масхадова, Басаева. Вместо этого мы предпочли бросить в бездарные лобовые атаки восемнадцатилетних...» («МК», 22.06.1995).

Если бы этот гигантский сортир на Дубровке вдруг взорвался (например, по неосторожности женщин-смертниц) — политически это было бы лучше. Перед нами звери, говорить с ними не о чем, их надо уничтожать. Но он не взорвался.

Нет сомнений, что штурм готовился с самого начала. И все ветераны «Альфы» повторяли с экранов ТВ: «Переговоры — всегда только тактика, чтобы выиграть время, подготовиться к операции».

Власть повторяла правильные слова о бесценности человеческой жизни. (Их и Сталин любил повторять; миллионы людей стер в лагерную пыль.) Власть *говорила*, что надо сделать все для спасения заложников, но готовила штурм.

И попала в цейтнот. В официальные переговоры вступать нельзя — это политическая катастрофа. И нельзя допустить, чтобы, устав ждать, террористы начали расстрелы. Если они начнут расстреливать заложников — кровью принудят к переговорам. А если и тогда не уступать, то начнется ропот. Граждане потребуют, чтобы переговоры начались ради прекращения расстрелов.

Террористы обещали начать расстрелы в полдень в субботу. Штурм начался в шесть утра. В этом смысле Бараев сам определил время, сам скомандовал: на штурм! Если бы он заявил, что начнет расстрелы в понедельник, — у нас было бы еще двое суток. Тогда, возможно, успели бы подготовить не только газ, но и лекарства, и больницы.

Опасно готовить больницы? Вдруг бандиты узнают о подготовке больниц и поймут, что предстоит штурм? А то они такие наивные. Но почему не заготовить шприцы, чтобы спасительные уколы делать заложникам сразу на крыльце ДК? Отравленных были сотни, их долго грузили в скорые, в рейсовые автобусы, а потом везли, а потом долго разгружали, и в результате многие получили спасительный укол на час с лишним позже, чем могли бы. Подготовка к штурму была хорошая. Подготовка к лечению отравленных — плохая.

Нам говорят: «К сожалению, мы не смогли спасти всех». Многие совершенно искренне восторгаются: «Погибли всего сто двадцать из восьмисот. А могли бы погибнуть все! Могло рухнуть не только здание ДК, но и соседние жилые дома».

«К сожалению, мы не смогли спасти всех», — это сказал Путин и это показали по ТВ. А ведь спасти заложников вообще никто не пытался. Задача была: уничтожить террористов. Любой ценой.

Это правильные восторги. 15% — это приемлемые потери. Кроме тех, для кого эти проценты имеют имена детей и родителей.

Все выступавшие по ТВ (ветераны спецслужб, депутаты, певцы, духовные отцы) повторяли: «Жертвы были неизбежны». Но те, кто умер уже после штурма — на улице, по дороге в больницу, в приемном покое, — были ли они обречены или их можно было спасти?

Нам почему-то предлагается только один вариант: могли погибнуть все, а погибли немногие. Это вариант *штурма*.

Да и без штурма могло рвануть — террористы в ярости или случайно в любой момент могли замкнуть провода. Но те, кто планируют, — рассчитывают, что все будет развиваться по известным образцам. Террористы не очень торопятся на тот свет, и были случаи, когда заложников держали несколько месяцев. Десятки дипломатов более четырех месяцев были заложниками в столице Перу, тянулись переговоры, а в результате спецназ прокопал тоннель под парком, ворвался через подвал — всех террористов перестреляли, все заложники были спасены.

Известны и стремительные развязки. У израильского спецназа была одна ночь (расстрел заложников террористы назначили на утро). За эту ночь спецназ на трех транспортных самолетах перелетел за тысячи километров в центр Африки и там, не имея никакой местной помощи, никаких надежд на переговоры, ни минуты на подготовку, провел операцию — всех террористов перестреляли, погиб один заложник и командир спецназа.

У нас был другой вариант — все могли остаться живы. Этот вариант — *переговоры* — всерьез обсуждали только идеалисты, пацифисты и прочая размазня.

Штурм был подготовлен до стрельбы. И газ пустили до начала атаки. Это правильно, но...

Те, кто планировал штурм, рискнули жизнью всех. Заметив приближение штурмовых групп, почуяв действие газа, кто-то из смертников мог успеть взорвать заряды. Почему не взорвали — не знаем. Бог спас.

Если рискнули жизнью всех — значит, силовики спасали не столько людей, сколько себя. Речь не о спецназе, речь о министрах. Они проморгали, подставили президента и готовы были любой ценой спасти свою карьеру и репутацию.

Руководители ФСБ, МВД и пр. даже не извинились перед народом (перед президентом, наверное, каялись). Не признавать свою вину, не подавать в отставку — это традиция. Они, как двоечники, надеются: «авось не вызовут».

И не отправлять в отставку — тоже традиция. Министр, оставленный на посту по милости президента, становится бесконечно преданным. Но его солдаты, вынужденные своей кро-

вью платить за ошибки руководства, чувствуют себя бесчеловечно преданными. Преданными снова и снова.

Все аналитические телепередачи были переполнены международным терроризмом, шахидами, яркими примерами из истории, но фамилий Патрушева, Грызлова не звучало. О них почему-то забыли. Все сразу, как по команде.

Так внимательно следить за чеченским и прочим терроризмом — и проморгать?

Отчего умерли безвинные? От газа? От боевиков? От Бен Ладена, Басаева и Масхадова? Или — от Ельцина, Грачева, Думы, Совета Федерации, Конституционного суда — от тех, кто в 1994-м начал и благословил катастрофу, ничего не понимая, ничего не предвидя?

Мы только что собирались вторгнуться в Грузию, а оказалось, не можем защитить даже свою столицу. Телевизионный интерактивный опрос: «Может ли власть нас защитить?» Ответ: 92% — нет. Это слишком большой контраст с привычными высокими рейтингами доверия к власти. И дело не только в шоке, а в том, что у шокированных, как у пьяных, — что на уме, то и на языке.

Президент в своей речи процитировал слова одного из тех, кого он видел при посещении института имени Склифосовского. Это был удивительно бодрый заложник, который сказал, что совсем не боялся и твердо верил в своевременное спасение...

Похоже, что он единственный заложник, кто провел эти пятьдесят семь часов без страха. Ненормальный? Бредит? Но именно он попал на кровать, к которой подошел президент.

Из воскресных телепроповедей стало известно, что президент субботним штурмом спас не только заложников, но и Россию. И Немцов, и пр. так и говорили: «Спас Россию! Если бы он (президент) вступил в переговоры — тогда под дулами автоматов по всей России власть ставили бы на колени!» Неужели тем самым они хотят сказать, что МВД-ФСБ по всей России существуют только для поборов и дележки мебельных магазинов?

Но главное в другом.

Конечно, президенту очень тяжело. Да и любому человеку неприятно, когда его гордые обещания типа «враг будет раз-

бит!.. малой кровью на чужой территории!» оборачиваются поражением. В 1941 году, когда провал таких обещаний стал страшной очевидностью, пришлось создавать заградотряды, чтобы стрелять по своим в случае отступления. Какое уж там «малой кровью». Но Россия не погибла.

Говорить, что субботний штурм спас Россию, означает, что отряд какого-то Бараева мог ее погубить. Не мог.

И вообще никакая внешняя сила нас погубить не может. Ни Наполеон, ни Гитлер... Нас почти погубили коммунисты, но они были внутри, а не снаружи.

Россию не погубил эпизод «Басаев — Буденновск — Черномырдин». И если уж говорить о гибели всерьез, то самый страшный, быть может, смертельный удар Россия получила не от чеченцев и не от международного терроризма, а от трех лиц совершенно славянской внешности в Беловежской Пуще.

Обо всем этом очень неприятно думать и совсем не хочется говорить. Врачи рассказывают, что один из самых горьких моментов их профессии — это когда приходится сообщать больному тяжелый диагноз. При советской власти врачам было даже запрещено говорить правду онкологическим больным. Но страшный диагноз — иногда единственный способ мобилизовать внутренние силы организма.

...Всем, кто рисковал жизнью, штурмуя террористов, — низкий поклон. Всем, кто предлагал себя в заложники взамен детей и женщин, — низкий поклон. Всем, кто не побоялся носить туда воду и лекарства (а взрыв мог быть в любую минуту), — низкий поклон.

Жаль, что не всех спасли.

Спасибо, что не всех убили*.

* Две последние фразы выглядели как диалог. Путин говорит: «Жаль, что не всех спасли», а ему в ответ: «Спасибо, что не всех убили». Утром автор открыл газету, а там последняя фраза: «Спасибо, что не все погибли». Это переделали после подписания номера в печать, дождавшись моего ухода из редакции. Смягчили.

25 ноября 2002, «МК»

ЛЕВЫЕ ДОХОДЫ ПРАВЫХ

Рэкет изо всех правых сил

Закон о коррупции Дума приняла в минувшую среду. А этот закон — он против коррупции или за? Как вы считаете, могут ли коррупционеры принять закон против себя? Уж наверное дырочку оставили.

Президент, министры, депутаты, народ — все знают: главное зло — коррупция. Но это зло — очень выгодное.

Даже война в Чечне только на 1% — международный терроризм, а на 99% — коррупция.

Как подсчитать? А очень просто: 99% оружия и боеприпасов — наши. Куплены в России.

Говорят, чеченцы получают деньги у Бен Ладена. Ну и что? Пусть бы у каждого боевика было в кармане по миллиону — доллары не стреляют. Стреляет оружие. А деньги за него переходят в карманы наших военных. И выходит, это они получают деньги от Бен Ладена.

Это — присказка. Мы не о войне, мы о коррупции.

Немцов (лидер СПС) сказал, что захват заложников в Москве случился из-за коррумпированности российских спецслужб. А Хакамада (лидер СПС) сказала, что коррупция спецслужб — это только следствие коррумпированности российской власти.

Правильно. Если мент рэкетирует рыночных торговцев, вместо того чтобы честно ловить врагов, — значит, это не милиционер, а гангстер.

А чем отличается мент от депутата Госдумы? А тем, что если поймают мента — его посадят. А если поймают депутата — ничего ему не будет.

Хотите, докажу? Вот сейчас, на ваших глазах поймаю, и — ничего не будет.

В апреле этого года член СПС, депутат Госдумы г-н Томчин стал председателем Комитета Госдумы по экономике и предпринимательству.

В тот же день началась рассылка соблазнительных писем тысячам бизнесменов:

«Избрание Президента Всероссийской Ассоциации приватизируемых и частных предприятий Томчина Григория Алексеевича Председателем Комитета Государственной Думы по экономической политике и предпринимательству существенно расширило сферу деятельности Ассоциации.

В круг вопросов теперь входят и вопросы, связанные с вступлением России в ВТО, а это около пятидесяти законов. Среди них Федеральный закон “О техническом регулировании”, вопросы, связанные с лицензированием, с государственным регулированием товарного рынка (акцизы), рынка рекламы и др. (Лицензии, акцизы, реклама — самые лакомые куски. — *А.М.*)

Очевидно, что возникла необходимость корректировки ранее разосланной информации о приоритетных направлениях Ассоциации в области законотворческой деятельности.

С интересом готовы рассмотреть и учесть Ваше мнение как по основным направлениям развития законодательства в области экономики, так и предложения по организации и проведению наиболее актуальных для Вас мероприятий в рамках основных направлений деятельности Ассоциации.

Ждем Ваших предложений».

К письму прилагался образец заполнения платежки на сумму...

Это очень удобно. Платишь — и происходит «коррекция законотворческой деятельности». Платишь — и ваше мнение будет учтено «по основным направлениям развития законодательства в области экономики».

Вот такие ребята. Одной рукой голосуют за закон о коррупции, другой — рассылают бесстыжие письма.

Депутат Госдумы г-н Томчин — лидер Петербургского отделения СПС — не сам выдумал такой способ добывания денег. Он брал пример со старших товарищей по партии.

Сопредседатель СПС Гайдар давно начал рассылать аналогичные письма. Вот образец:

«Уважаемый Иван Иванович!

Я обращаюсь к Вам, видному предпринимателю.

Мы полны решимости довести реформы до конца, покончить с воровством и коррупцией, пышно расцветшими на остатках государственного вмешательства в экономику, реформировать силовые структуры, до сих пор угрожающие покою и безопасности граждан, создать дееспособные суды и арбитражи, чтобы отпала необходимость обращаться за помощью к бандитским “крышам”, уменьшить налоговое бремя, отдать, наконец, землю в частную собственность.

Единственное, что нам нужно, — это успех на выборах.

Я обращаюсь к Вам с просьбой оказать материальную поддержку блоку “Выбор России”, который я намерен возглавить на предстоящих выборах.

В приложении к этому письму Вы найдете дополнительную информацию, касающуюся нашего возможного сотрудничества. Оно подписано Аркадием Мурашевым, который уполномочен мною вести сбор средств для ведения предвыборной кампании.

С уважением,
Егор Гайдар».

Такие письма получили тысячи предпринимателей. В конверте с вдохновенным посланием находился и прејскурант, который Гайдар стыдливо назвал «дополнительной информацией».

«В дополнение к письму Егора Тимуровича сообщая, что:

— Ваше участие в размере не менее **10 млн руб.** позволит Вам быть в курсе всех наших дел;

— взнос в **50 млн руб.** и более даст Вам возможность, кроме того, принимать участие в специальных мероприятиях, которые будут организованы во время избирательной кампании (банкет? — *А.М.*);

— пожертвование в **200 млн руб.** даст Вам возможность принять участие не только в уже упомянутых мероприятиях, но и еще в некоторых других, носящих эксклюзивный характер, с более ограниченным доступом (баня с девочками? — *А.М.*);

— если же Ваше участие будет еще более серьезным и превысит **500 млн руб.** — в этом случае все аспекты нашего сотрудничества будут обсуждены нами индивидуально.

Пока Центриэбирком не открыл официальный предвыборный счет, сбор средств производится на счет Фонда поддержки демократических реформ. *Адрес плательжей:* Промрадтехбанк, счет № ...

Если по какой-либо причине Вы заинтересованы в анонимности Вашего пожертвования — мы дадим Вам такую гарантию.

Если Вам неудобно перечислять деньги, но Вы готовы оплатить какие-либо расходы, я охотно встречу с Вами, чтобы обсудить возможные варианты.

Звоните мне без всяких церемоний по тел. 290-23...

Жду Вашего отклика.
Аркадий Мурашев».

Более откровенную коррупцию редко встретишь. «Если Вам неудобно перечислять деньги, но Вы готовы оплатить... я охотно встречу с Вами», чтобы растопырить карман пошире. Для черного нала. «Звоните мне без всяких церемоний».

«Платите деньги и можете со мной не церемониться». Если кто не помнит — это тот самый Мурашев, который на гайдаровской волне стал главой московской милиции.

...Письмо Гайдара—Мурашева мы публикуем, чтобы показать преемственность. А то вдруг кто-то решит, что СПС чем-то отличается от «Демвыбора».

Как поймаешь — они орут: «Этого не было!»

Докажешь — они мычат: «Ах да, брали. Но — на благотворительные цели!» Это они в детстве про Карлсона читали. Как увидит вкуснятину — вырвет из рук Малыша, запихнет себе в рот и — с раздувшейся, как у хомяка, рожей — неразборчиво гундосит: «Это — на благотворительные цели». А где эти цели? Похоже, у него в желудке.

Конечно, невероятно разбогатевшие реформаторы стали опытнее и осторожнее. Они теперь пишут письма не от имени

Путин

своей партии, а от каких-нибудь общественных ассоциаций, фондов...

Но, уважаемый читатель, не церемоньтесь. Не усложняйте. Переводите деньги прямо в СПС. Так и пишите: Сопредседателям СПС (Гайдару, Немцову, Кириенко, Хакамаде, Чубайсу) на законотворческую деятельность, благотворительные цели и борьбу с коррупцией.

26 ноября 2002, «МК»

ЛЕВЫЕ ДОХОДЫ ПРАВЫХ ЗАВИСЯТ ОТ КУРСА ДОЛЛАРА

Возмущенные отклики высокопоставленных членов Союза правых сил вызвала наша вчерашняя публикация «Левые доходы правых».

Возмущение было вызвано тем, что письмо Гайдара—Мурашева мы напечатали без даты: мол, читатели могли решить, что это — сегодняшние цены на сотрудничество с правыми.

Нам же казалось, что такие опубликованные нами фразы Гайдара, как *«Я обращаюсь к Вам с просьбой оказать материальную поддержку блоку “Выбор России”, который я намерен возглавить на предстоящих выборах»*, — ясно дают понять, что речь идет о ноябре-декабре 1993 года.

Да, рубль тогда был дешевле. Пятьсот миллионов рублей, за которые Гайдар предлагал «обсуждать аспекты индивидуальное», — это четыреста двадцать пять тысяч пятьсот тридцать два доллара по тогдашнему курсу. А двести миллионов рублей за «мероприятия эксклюзивного характера» — это сто семьдесят тысяч двести тринадцать долларов США.

Звонки с обидами на то, что мы напечатали цены, не упомянув тогдашнего курса, звонки эти подтверждают, что все остальное в нашей публикации правильно. Добавим, что сотни тысяч долларов и сегодня деньги немаленькие. Хотя после исчезновения четырех миллиардов долларов в момент дефолта (к чему были причастны некоторые сопредседатели СПС) прежние проказы кажутся скромными.

Путин

Добавим и то, что курс доллара осенью 1993 года — это тоже результат деятельности упомянутых господ. Это их политика привела к бешеной инфляции, и доллар подорожал в сотни раз.

Срок давности по особо опасным экономическим преступлениям — десять лет*.

* Давно истёк.

2003

11 апреля 2003, «МК»

ГОЛОСУЙ! НЕ ТО — ПО ХАРЕ!

ЖэКэХа-Ха-Ха

Дума приняла закон о ЖКХ. У кого нет денег — пожалуйста в бараки.

А перед этим — закон, запрещающий писать о выборах. А перед этим — запрет референдума. А перед этим — закон о ввозе в Россию ядерных отходов (90% народа — против, 90% депутатов — за).

ТВ показывает нам, как депутаты дерутся, ковыряют в носу, бегают по рядам, нажимая кнопки. Но процесс законотворчества мы не видим. А жаль. Это тоже кино.

Предлагаем читателям оценить, как продавливают законы. Как отвергаются все попытки повернуть закон в пользу людям.

Стенограмма обсуждения закона о ЖКХ занимает четыреста страниц. Поэтому мы знакомим вас только с небольшими фрагментами.

Председательствовал на заседании Артур Чилингаров.

МИТРОХИН («Яблоко»). В квартирах температура на уровне десяти—пятнадцати градусов, люди заболели. Это типичный случай. Кто за это отвечает? По обычной судебной практике эти люди должны получать компенсацию за ущерб, уже не говоря о том, что у них нет горячей воды и даже холодной воды, за которую их заставляют платить. Но вот сейчас Шаккум (председатель комитета, готовившего закон. — *А.М.*) в очередной раз скажет, что в законе эта проблема уже решена. Но по всем прежним случаям скажу: ничего там не решено. И в данном случае тоже ничего не решено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ ЧИЛИНГАРОВ. Уважаемый комитет, пожалуйста.

ШАККУМ («Регионы России», председатель Комитета по строительству). Предлагаем отклонить.

ЧИЛИНГАРОВ. Правительство?

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА. Правительство поддерживает предложение комитета — отклонить.

(Обратите внимание, как работает замечательно слаженный дуэт председателя комитета Думы и представителя правительства (на обсуждении закона о ЖКХ этот дуэт прозвучал семьдесят шесть раз). Понятно, почему самый кровавый бой в Думе всегда идет за комитеты.)

МИТРОХИН. Тарифы раздуваются за счет самых разнообразных расходов. Зарплаты коммунальных начальников достигают совершенно астрономических размеров. Достаточно в любом городе посмотреть: в каком доме живет начальник теплосетей. Сейчас у него трехэтажный дом; это он построил, когда была шестидесятипроцентная квартплата. А для чего нужна стопроцентная? Для того чтобы он пристроил к трем этажам еще один.

ЧИЛИНГАРОВ. Комитет. Насчет коммунальных начальников?

ШАККУМ. Комитет возражает против этой поправки.

ЧИЛИНГАРОВ. Правительство?

ПРЕДСТ. ПРАВИТЕЛЬСТВА. Правительство поддерживает предложение комитета.

МИТРОХИН. Переходный период в разных регионах должен происходить по разным графикам. Совершенно разные условия в регионах. От того, что мы сейчас единые сроки устанавливаем для всех, мы загоняем самые бедные регионы просто в удавку.

ЧИЛИНГАРОВ. Ясно. Комитет?

ШАККУМ. Возражаем.

ЧИЛИНГАРОВ. Правительство?

ПРЕДСТ. ПРАВИТЕЛЬСТВА. Правительство поддерживает предложение комитета.

ЧИЛИНГАРОВ. Уважаемые коллеги, все поправки рассмотрены. Есть предложение: принять данный законопроект.

Результаты голосования. 19 час. 53 мин. 32 сек.

Депутат. объединение	за	против	воздер.	не голосов.
КПРФ	0	0	0	82
«Единство»	81	0	0	1
ОВР	50	0	0	2
СПС	3	27	0	2
ЛДПР	13	0	0	0
«Яблоко»	0	17	0	0
Аграрии	0	1	0	42
«Нардепы»	35	3	0	15
Регионы	29	12	0	6
Деп. вне фракции	6	3	0	12

ИТОГО: за — 217; против — 63; не голосовали — 170.

РЕШЕНИЕ НЕ ПРИНЯТО. (Для принятия закона надо 226 «за».)

КЛИМОВ («Регионы России»). Уважаемый Артур Николаевич, я думаю, у многих депутатов до сих пор впечатление, что голосуем за поправки, и поэтому есть предложение — вернуться к голосованию за закон.

(Закон велено принять, а не хватило всего девяти голосов. Вдруг кто-то не проснулся? Надо разбудить и проголосовать снова. Так делать нельзя, но если очень хочется, то... — А.М.)

ЧИЛИНГАРОВ. Уважаемые коллеги. Прошу внимания. Все устали. Давайте будем более организованными.

Результаты голосования 19 час. 55 мин. 56 сек.

Депутат. объединение	за	против	воздер.	не голосов.
КПРФ	0	0	0	82
«Единство»	81	0	0	1
ОВР	50	0	0	2
СПС	7	23	0	2
ЛДПР	13	0	0	0
«Яблоко»	0	17	0	0
Аграрии	0	1	0	42
«Нардепы»	37	3	0	13
Регионы	27	13	0	7
Деп. вне фракции	6	3	0	12

ИТОГО: за — 221; против — 60; не голосовали — 169.

РЕШЕНИЕ НЕ ПРИНЯТО.

АКСАКОВ («Нардеп»). Я прошу вернуться к голосованию!

ЧИЛИНГАРОВ. Включите режим для голосования. Вы... Минуточку. Что ты меня все время «Артур Николаевич, Артур Николаевич»... Было предложение депутата Аксакова вернуться к голосованию.

ИЗ ЗАЛА. Артур Николаевич, у вас нет права так действовать. Сейчас поставим вопрос о вашем снятии.

ЧИЛИНГАРОВ. Я выполняю волю депутатов. Пожалуйста, по мотивам Володин депутат.

(Когда Чилингаров говорит «Володин депутат», то вовсе не имеет в виду, что этот депутат принадлежит некоему Володе. Это у Чилингарова от усталости и спешки слова переставились. Но по сути (и по Фрейдю) он, конечно, прав: чуть ли не две трети депутатов — володины. Фамилии разные, фракции разные, партии разные, а депутаты — володины. Их организацию можно назвать «Голосующие вместе». — *А.М.*)

ВОЛОДИН (ОВР). Уважаемый Артур Николаевич, уважаемые коллеги. Вот эти политические спекуляции, они надоели. Я обращаюсь в первую очередь к «Народному депутату» и «Российским регионам...», ребята, поддержите.

МИТРОХИН. Это голосование показывает полный непрофессионализм правительства и его предложений, которые оно внесло. Не надо продавливать совершенно бездарный закон, который приведет к ухудшению жизни наших граждан, к социальной напряженности и к дестабилизации жизни в стране.

ЧИЛИНГАРОВ. Уважаемые коллеги, было предложение вернуться к голосованию. Еще раз ставлю на голосование. Кто за то, чтобы принять данный законопроект?

Результаты голосования 20 час. 01 мин. 38 сек.

Депутат. объединение	за	против	воздер.	не голосов.
КПРФ	0	0	0	82
«Единство»	81	0	0	1
ОВР	50	0	0	2
СПС	0	0	0	32
ЛДПР	13	0	0	0
«Яблоко»	0	17	0	0
Аграрии	0	1	0	42

«Нардепы»	42	2	0	9
Регионы	29	11	0	7
Деп. вне фракции	6	3	0	12

ИТОГО: за — 221; против — 34; не голосовали — 195.

РЕШЕНИЕ НЕ ПРИНЯТО.

ИВАНЕНКО («Яблоко»). Уважаемый Артур Николаевич. Ваше желание помочь правительству переходит все границы. Заседание закончено.

ЧИЛИНГАРОВ. Нет, я никакому правительству не собираюсь помогать. Я выполняю вашу волю. Аксаков, пожалуйста.

АКСАКОВ. Уважаемые коллеги! Все регионы России сейчас ждут принятия этого закона. Я прошу вернуться к голосованию и проголосовать закон.

ШЕИН («Регионы»). Уважаемые коллеги! Государственная Дума несколько раз данный законопроект рассматривала. Он не прошел. И не надо вынуждать голосовать еще раз за то, что депутаты уже отказывались поддержать.

КОВАЛЕВ («Единство»). Уважаемые коллеги! Депутаты могут сколько угодно ставить вопросы, и председательствующий обязан ставить на голосование. Есть предложение депутата Гайнуллиной о том, чтобы провести перерегистрацию.

ЧИЛИНГАРОВ. Так. Предложение депутата Гайнуллиной провести регистрацию. Зарегистрироваться прошу.

ИВАНЕНКО. Так называемая регистрация является нелепостью. Закон отклонен, таково решение Государственной Думы. Заседание закрывается.

ЧИЛИНГАРОВ. Уважаемые коллеги, кто хочет еще высказаться?

РЕЗНИК («Единство»). Я абсолютно уверен в том, что регистрацию можно производить в любой момент по требованию депутатов. После этого я попросил бы снова вернуться к голосованию и проголосовать данный закон.

РЫЖКОВ Н.И. Уважаемые коллеги, я не знаю, спокойная совесть у вас будет после сегодняшнего заседания? Смотрите, три раза голосуем, три раза не проходит закон. И тем не менее мы ухищряемся, всячески находим любые лазейки для того, чтобы проташить этот закон. А в отношении регистрации, Ар-

тур Николаевич, мы что, дети здесь, что ли? Это уловка, нельзя этого делать.

ЧИЛИНГАРОВ. Хорошо. Было предложение депутата Резника провести регистрацию. Включите режим регистрации.

ИВАНЕНКО. Бесплезно убеждать Артура Николаевича. Я требую поставить на голосование вопрос о замене председательствующего. На любого другого заместителя председателя, который скажет в микрофон: «Заседание закрывается».

ЧИЛИНГАРОВ. Было предложение депутата Резника вернуться к голосованию. Кто за то, чтобы вернуться к голосованию? Решение принято. Вернулись к голосованию!

ИЗ ЗАЛА. Поставьте на голосование замену председателя!

ЧИЛИНГАРОВ. Поставлю в порядке очередности. Сначала закон.

ИЗ ЗАЛА. Ставьте на голосование немедленно.

ЧИЛИНГАРОВ. В порядке очередности. Садитесь, успокойтесь.

ИЗ ЗАЛА. Я вам говорю, ставьте на голосование.

ЧИЛИНГАРОВ (*«яблочнику» Иваненко*). Я сейчас подойду и по харе дам тебе. Вот на этом закончится все. Давай трезвый приходи на заседание.

ИЗ ЗАЛА. Артур только что награжден орденом за морские заслуги, поэтому он может дать по харе.

ЧИЛИНГАРОВ. Ты знаешь... Уважаемые коллеги. Кто за то, чтобы принять данный законопроект?

Результаты голосования 20 час. 11 мин. 29 сек.

Депутат. объединение	за	против	воздер.	не голосов.
КПРФ	0	0	0	82
«Единство»	81	0	0	1
ОВР	50	0	0	2
СПС	5	0	0	27
ЛДПР	13	0	0	0
«Яблоко»	0	17	0	0
Аграрии	0	1	0	42
«Нардепы»	43	2	0	8
Регионы	29	12	0	6
Деп. вне фракции	6	3	0	12

ИТОГО: за — 227; против — 35; не голосовали — 188.

РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО.

(По харе никому неохота. — А.М.)

От первого голосования до последнего (удачного) прошло всего семнадцать минут пятьдесят семь секунд.

У Чилингарова получается не хуже, чем у Хасбулатова.

Любознательные читатели увидят из таблиц, кто выступает за правительственный закон о большой квартплате и ледяных батареях. ЛДПР стопроцентно «за». «Единство» и ОВР — почти полностью «за». «Яблоко» стопроцентно «против». Коммунисты, которые на всех митингах кричали, что они против, — не голосовали вообще. Это, конечно, тоже протест, но в мягкой форме.

Так действуют многие. «За» не хочу, «против» — страшно, дай-ка выйду в туалет, в буфет... Не было меня в зале — какой с меня спрос?

Неуклонный рост голосов «за» от голосования к голосованию демонстрировали «Нардепы»: 35 — 37 — 42 — 43. За семнадцать минут сознательными стали восемь «нардепов».

А самый интересный результат у СПС: 3 — 7 — 0 — 5. Им очень не хотелось голосовать за непопулярный закон. Дали немножко «за», потом добавили. А потом понадеялись, что закон пройдет без их соучастия, и не стали голосовать. Но дважды увидев один и тот же результат (221 «за»), СПС добавил властям необходимую пятерку.

6 ноября 2003, «МК»

СМЕРТЬ СТАЛИНА

Тайна раскрыта спустя полвека

На троне он сидел и вдруг упал —
Кровь хлынула из уст и из ушей.

Пушкин. Борис Годунов

Умиравшего Сталина нашли на полу. Подробное описание известно. Слова Берии, воспоминания Хрущева...

Позже к этому прибавились домыслы. Обожатели якобы видели генералиссимуса лежащим в полном параде, со строгим ликом, в сиянии славы. Ненавистники — в вонючей луже, в рвоте и в моче, с перекошенной рожой, в домашних штанах (это были черные сатиновые шаровары с резинками внизу).

Сразу скажем: маршальского мундира на умиравшем, конечно, не было; да и с чего? Что касается мочи и рвоты, то этого никак нельзя поставить тов. Сталину в укор. Как и перекошенное лицо; insult — такая штука, перекосит рожу и праведнику.

Никем не упомянута одна деталь. О ней не узнали даже самые вездливые биографы. Деталь эту не скрывали; просто сочли несущественной, недостойной упоминания.

Эта деталь — раскрытая книжка, валявшаяся возле тела обложкой вверх. Нижний правый угол книжного разворота оказался в вышеупомянутой луже естественного происхождения.

Промокли нижние правые углы листов, начиная с нижней трети страницы 22 и далее. Причем чем дальше к концу, тем промокшая часть становилась меньше, и у последних листов чуть заметен след на самом кончике уголка.

Промокшие страницы в тот же вечер были поочередно высушены утюгом, что позволило избежать плесени и гниения, но некоторая покоробленность бумаги, а также явственный след высушенного места сохранились, как и легкий неприятный запах.

Принадлежи эта книга перу Карла Маркса, или Фридриха Энгельса (обоих И.В.Сталин читал в русском переводе), или В.И.Ленина (его Сталин не читал с 1924 года, но часто листал в поисках подходящих цитат), или будь это вообще какая-либо серьезная книга — возможно, она и была бы упомянута в описании (в протоколе) как подтверждение тому, что и на пороге смерти вождь продолжал свое великое дело.

Но книга, точнее книжка, была отнюдь не серьезная. Даже не вражеская, а просто пустая. Детская. Ее в 1992 году показал мне Николай Никодимович П., служивший в 1953-м охранником на Ближней даче. Николай Никодимович был уже очень стар, тяжело болен, не вставал, спереди осталось три зуба, и потому сперва категорически отказывался говорить перед видеокамерой.

Вообще вкусы И.В.Сталина были очень просты и в еде, и в питье, и в одежде, и в музыке, и в кино, и в науке, и в литературе. «Киндзмараули»; и никаких виски, никаких ликеров. «Герцеговина флор»; и никаких кубинских сигар, никаких голландских табаков. Мягкий френч, мягкие сапоги; и никаких фраков-смокингов, никаких лаковых туфель. «Старуху Изергиль» Максима Горького он ставил выше «Фауста» Гете (так и сказал: «Штучка пасильнее “Фауста” Гете! Любюв пабэждает смэрть!»). Что касается музыки, то эстрадный кумир 1930—1950-х Вадим Козин рассказывал автору этих строк (в Магадане в 1984-м и вторично — в 1994-м) о том, как по окончании правительственных концертов Сталин просил его, Козина, остаться и петь в отдельной комнате, где ужинал ближний круг. По словам Козина, Иосиф Виссарионович постоянно заказывал две частушки:

На реку белье стирать
С милою ходили.
Я хотел поцеловать,
А штаны уплыли!
Хопа-хопа-хопа!

Ритатуха ходил к Ньюхе.
Нюха жила в пологу.
Нюха девочку родила —
Боле к Ньюхе не пойду!
Хопа-хопа-хопа!

Владыка мира, повелитель всего, корифей всех искусств и наук, начальник жизни гениев — Шостаковича, Прокофьева... И — хопа-хопа-хопа.

Вообразите: ледяная январская магаданская ночь, беззубый Козин (после лагеря зубов у него осталось мало), согнав с пианино кота по имени Бульдозер, поет заезжему журналисту любимые частушки величайшего людоеда всех времен и народов.

* * *

Сказка ложь. Да в ней — намек.

Пушкин

Следует сразу и со всей решимостью пресечь как злонамеренные, так и наивные попытки проводить аналогии, ассоциации, аллюзии с сегодняшним днем, с современной эпохой нашей русской политики. Никакой связи! Но, увы, приходится об этом говорить.

Так, одна бедная воспитательница детсада № 1234 (Кунцевская управа Центрального округа г. Москвы) сказала сразу трем мамам, одевавшим детей для ухода домой: «Не читайте им “Тараканищу”, особенно если они крутятся возле телевизора, когда вы смотрите новости. Вдруг у них в голове что-то перещелкнется, в смысле замкнет».

Это предупреждение следует расценить как наводящее, наталкивающее на вредные мысли. А главное, из этого случая совершенно ясно, что у той воспитательницы такие мысли уже есть. И неизвестно, предупреждает ли она мамаш искренне, чтобы предотвратить, или лицемерно — чтобы натолкнуть и тем посеять сомнения, скепсис, цинизм.

Такие разговоры опасны, ибо почти вся русская классика может быть истолкована злоумышленно.

В этом смысле тяжелейшая судьба сложилась у гениального произведения Пушкина «Борис Годунов». Написав «Комедию о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве», то есть написав в 1825 году о событиях двухсотлетней давности (Борис Годунов умер в 1605-м), Пушкин сознавал, что его «комедия» может быть истолкована как намек на еще очень горячее событие 1801 года, когда Павел I был убит и на престол возведен почти отцеубийца Александр I, сказавший первым делом крайне важную для ближнего круга фразу, означавшую поворот назад: «При мне все будет как при бабушке!»

Пушкин предвидел неизбежные проблемы с цензурой. В письме Вяземскому сразу по окончании пьесы он пишет: «Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию. Наверяд, мой милый. Хотя она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!»

Пьеса не была разрешена ни к публикации, ни к постановке. Император (уже Николай I) сделал на рукописи издевательскую надпись-совет: «...с нужным очищением переделать в исторический роман наподобие Вальтер Скотта». Все равно что предложить Лужкову подмести Тверскую. Пушкин был в бешенстве, сломал диван.

Императорский запрет понятен. Хотя после Смуты прошло уже двести двадцать лет, но пьеса прямо касалась дома Романовых, содержала фамилии действующих политиков, и пр., и пр. Да и *другая* смута — и стрельба, и казни — в столице были *только что*. Восстание декабристов, стрельба на Дворцовой, пятеро повешенных...

Трагедия о Борисе, написанная в 1825-м, могла, даже против воли автора, содержать намеки на убийство Павла I, поскольку оно уже *было*.

Но намеков на восстание и казнь декабристов в трагедии не было и быть не могло, просто потому, что она была окончена за месяц *до*.

Однако доказывать властям такие тонкости бесполезно. И невозможно. Всякий, кто решается объяснять царю, что тот не прав, — или дурак, или самоубийца.

В 1982 году все повторилось.

Спектакль «Борис Годунов» в Театре на Таганке был запрещен. Категорически. Несмотря на все уловки режиссуры, несмотря на громкую защиту со стороны некоторых представителей диссидентствующей интеллигенции.

К власти в 1982-м после смерти Брежнева пришел Андропов, шеф КГБ; а эта организация, хотя и меняла названия (ЧК, НКВД, МГБ, КГБ и др.), но и по сути, а главное — в сознании диссидентствующей интеллигенции — была палаческой. Не столько вчерашней, ежовско-бериевской, сколько исторической малюто-скуратовской, пыточной.

Естественно, чекисту Андропову, только-только ставшему генсеком, было невозможно читать (или слышать со сцены):

Какая честь для нас, для всей Руси!
Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
Возьмет венец и бармы Мономаха...

...Понимая нетерпение читателей — узнать наконец обещанную разгадку смерти Сталина, — все же скажем еще несколько слов о печальной и досадной привычке грамотных русских видеть в старых классических строчках описание новейших событий. Привычка возникла потому, что современные писатели не смели критиковать власть и органы, а классики (Пушкин ли, Достоевский ли...) писали не о КГБ и *до* КГБ — потому слова их были куда смелее, чем у робких современников, знающих, что за вольное слово можно поплатиться отнюдь не ссылкой в Михайловское, в родовое имение.

Оттепели и холода сменяются в нашей стране с убийственным постоянством. Мы, как огромный, не жалеющий статис-

тов театр, разыгрываем бесконечную классическую трагедию. Столетия проходят, а реплики повторяются дословно, сцены — до мелочей.

* * *

Уверены ль мы в бедной жизни нашей?

Пушкин.

Арест Ходорковского — невероятно богатого, невероятно успешного, со всеми президентами (нашими и не нашими) лично знакомого и потому, казалось, неуязвимого — заставил содрогнуться очень многих невероятно богатых, невероятно успешных. Те из них, что хорошо учились в школе, бормотали в тот день, уставясь бессмысленными глазами в пространство, слова боярина:

Что пользы в том, что явных казней нет?
 Уверены ль мы в бедной жизни нашей?
 Нас каждый день опала ожидает,
 Тюрьма, Сибирь, кlobук иль кандалы.
 Знатнейшие меж нами роды — где?
 Заточены, замучены в изгнаныи.

В день ареста Ходорковского выпал снег. А сам арест миллиардера, последовавшее падение биржи, отставка Волошина и весь шумер по этому поводу в стране и мире — заслонили и войну, и выборы, и годовщину гибели заложников Дубровки. Это совпадение шумера с первым снегом вызвало в памяти некоторых известные строки:

Когда зима, берясь за дело,
 Земли увечья, рвань и гной
 Вдруг покрывает очень белой,
 Непогрешимой пеленой,
 Мы радуемся, как обновке!
 Нам, простофилям, невдомек,

Что это — старые уловки,
Что снег на боковую лег.
Что спишут первые метели
Не только упраздненный лист,
Но все, чем жили мы в апреле,
Чему восторженно клялись!..
Хитро придумано, признаться,
Чтоб хорошо сучилась нить,
Поспешной сменой декораций
Глаза от мыслей отучить.

Писал это, конечно, не простофиля.

А что это за восторженные апрельские клятвы? Митинги 1991 года? — когда стотысячные толпы скандировали: «Ельцин! Ельцин!» Или апрель 1985 года? — когда народились столь радужные надежды, что особо прогрессивные писатели даже назвали свой союз «Апрелем».

Нет, Илья Эренбург (которого Сталин не уничтожил, может быть, потому, что тот был официальный «личный враг Гитлера») писал эти стихи об апреле 1956-го, об Оттепели. А написал он их в 1963-м, когда Оттепель кончилась и наступили холода. Как оказалось — на двадцать с лишним лет.

Земли увечья, рвань и гной... Взорванные дома ушли под снег, Дубровка ушла под снег, «Курск» ушел, ушли тысячи погибших в Чечне (погибших не за Родину, а за войну)... То у нас перепись, то референдум, то выборы в Чечне, то выборы в Питере, то в Думу, то ловят Березовского, то сажают Ходорковского, то «Челси» купили, то «Локомотив» надрал жопу макаронникам — у нас каждый день обновка. «Чтоб хорошо сучилась нить, поспешной сменой декораций глаза от мыслей отучить».

Совет детсадовской воспитательницы понятен. Не читайте детям Чуковского. Вдруг они неправильно поймут «Тараканищу». Вдруг у ребенка в невинной головенке переключится: замкнет и соединит новости ТВ со строчкой из стишков:

Вот и стал таракан победителем!
Поклонилися звери усатому!

...Все 1990-е годы я предварял чуть не каждую свою заметку о власти цитатой из «Бориса Годунова». В редакции подшучивали: мол, неужели ничего другого в жизни не читал? Но страсть к эпиграфам «из Пушкина» очень понятна. Соблазн содержался уже в простом совпадении имен: впервые после Бориса Годунова царская власть опять оказалась в руках Бориса. И — опять! — *избранного* на высшую власть, а не унаследовавшего ее.

Когда в 1991-м русский народ, собираясь стотысячными толпами на еще не уничтоженную Манежную площадь*, в точности как 20 февраля 1598 года требовал Бориса на царство — трудно было удержаться от цитат.

ВОРОТЫНСКИЙ

Как думаешь, чем кончится тревога?

ШУЙСКИЙ

Чем кончится? Узнать немудрено:

Народ еще повоюет да поплачет,

Борис еще поморщится немного,

Что пьяница пред чаркою вина,

И наконец по милости своей

Принять венец смиренно согласится;

А там — а там он будет нами править

По-прежнему.

Когда Пушкин пишет о Борисе «что пьяница пред чаркою вина», то невозможно упрекнуть его, Пушкина, в недостойных намеках на демократически избранного президента. Ведь поэт писал *до*. А вот поди ж ты.

Все десять лет правления Бориса Второго (который по ошибке называл сам себя «Борисом Первым») все шло по классическим канонам. До ужаса не содержало ничего нового. И потому все эти десять лет пресса могла бы обойтись цитированием Пушкина и Шекспира, вместо того чтобы сочинять свои более или менее храбрые комментарии.

Когда сейчас олигархи и симпатизирующие им политики обсуждали, как бы им обратиться к президенту и разъяснить

* Церетели — вредитель. Но очень добрый человек.

ему пагубность некоторых силовых мероприятий, а другие, более пронизательные, утверждали, что это бесполезно, — они даже не сознавали, что разыгрывают все ту же старую комедию.

ШУЙСКИЙ

Пускай царя б уверил я во всем,
Другой тотчас его бы разуверил,
А там меня ж сослали б в заточенье,
Да в добрый час, как дядю моего,
В глухой тюрьме тихонько б задавили.
Я сам не трус, но также не глупец,
И в петлю лезть не соглашусь даром.

Действительно, возле царя (как бы его ни звали) всегда найдется тот, чьими глазами царь смотрит, чьими ушами слышит. Избегая лишний раз говорить о сегодняшнем дне, скажем о вчерашнем: мало ли кто ходил к Ельцину, объяснял на пальцах, выходил уверенный в успехе, но не успевал проехать Боровицкие ворота, как к Ельцину заходил кто-то другой, и все случилось с точностью до наоборот.

Стоит сказать и о том, *кто* жалуется: «Уверены ль мы в бедной жизни нашей? Нас каждый день опала ожидает...»

Кто эти, откровенно боящиеся заточенья и странной смерти в глухой тюрьме? Небось не Басаев, не бомж, не проститутка.

Это страх ближних бояр, самых могущественных, самых богатых и знатных. Только в час беды они вдруг вспоминают о народе:

ШУЙСКИЙ (*Воротынскому*)

Давай народ искусно волновать.

То есть с помощью народа решать свои боярские проблемы, свои буржуйские проблемы, свои кремлевские проблемы...

А народ... Оборванные, голодные солдаты откровенно радовались, узнав об аресте и расстреле врагов народа — маршалов: Блюхера, Тухачевского... Они, солдаты, гнили в окопах, кормили вшей, а Тухачевский разъезжал в салон-вагоне, с поварами, молодыми бабами, тонкими винами, спереди и сзади бронепоезд, — как же было не радоваться?

Потом, в 1941—1945-м, погибая сотнями тысяч, миллионными попадая в плен, они, солдаты, не видели никакой связи между своей смертью и арестом маршалов, хотя разделяли эти события всего каких-нибудь пять лет.

Бесноватый фюрер и — гениальный стратег, генералиссимус. У нас нет сомнений, что Сталин бесконечно умнее и лучше Гитлера. Единственное, что немножко нарушает эту приятную картину, — бесноватый шел от Берлина до Москвы три с половиной месяца, а гениальный стратег от Москвы до Берлина — три с половиной года. Немцев погибло девять миллионов, а нас, советских, — тридцать.

У них, при бесноватом, за шесть лет Второй мировой, на два фронта — девять миллионов. У нас, при гениальном стратеге, за четыре года Великой Отечественной, один фронт — тридцать миллионов.

Единственное объяснение таким несоразмерным потерям — уничтожение маршалов и командного состава. То самое уничтожение врагов народа, которое так приветствовалось голыми, разутыми простофилями.

«Народ безмолвствует» — кто ж не знает этой финальной ремарки. Но он не безмолвствовал. После того как бояре прямо в Кремле на глазах у народа врываются в дом Годунова, душат его вдову и его сына, на крыльцо выходит боярин.

МОСАЛЬСКИЙ

Народ! Мария Годунова и сын ее Федор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы. Что ж вы молчите? кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!

А дальше у Пушкина в рукописи:

НАРОД

Да здравствует царь Димитрий Иванович!

Потом Пушкин вычеркнул эти народные слова, чтобы в финале (прямо в нос Николаю I) не звучал единодушный народный клич, приветствующий самозванца. И трагедия сперва кончалась репликой Мосальского, а потом, для еще большего

Путин

умягчения, приписано было «народ безмолвствует». Но чуть раньше, в той же сцене, народ толпится возле дома Годунова, предчувствуя неминуемую расправу с его детьми.

ОДИН ИЗ НАРОДА

Брат да сестра! бедные дети, что пташки в клетке.

ДРУГОЙ

Есть о ком жалеть? Проклятое племя!

После убийства эти разногласия прекращаются.

* * *

Дымом дымится под тобою дорога;
Чудным звоном заливается колокольчик...

Гоголь

Сталин уничтожил Мандельштама за

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца, —
Там припомнят кремлевского горца.

Сами эти строки не вызвали гнева. Наоборот, Сталину было приятно еще раз узнать, что подданные живут, ног под собою не чуя. Хорошо; значит, боятся. Нет, ярость вызвали строки:

Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны.
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.

Таракан, сапог, жирные (немытые) руки... Это уязвимые места. Он помнил их постоянно: малый рост, лицо, траченное

оспой, сухорукость, неистребимый акцент, скучная, тупая речь (Троцкому не мог простить красноречия). Но усы, он ими гордился, они были совсем не тараканьи. У таракана тонкие, длинные, отвратительные, а у него — красивые, пышные, добрые.

Слава богу, эти стихи из всего населения СССР, из всего населения планеты знало меньше десятка. Сам Сталин, два следователя... Автор и те двое-трое, кому он успел прочесть, уже были не в счет.

И все было позади. Всех победил. Всех закопал: Троцкого, Гитлера, всю эту шваль, которая после революции вырвалась наверх и называла себя «ленинской гвардией». Всех этих Мандельштамов, Бабелей, Мейерхольдов...

3 марта 1953 года он лежал на кушетке и листал детскую книжку, которую его приближенная медсестра купила для племянницы, а он увидел и из любопытства взял посмотреть.

Начало было такое глупое, что он довольно рассмеялся. «Ехали медведи на велосипеде». Ему понравилось. И вдруг из подворотни страшный великан —

Рыжий и усатый таракан!
 ...Вот и стал таракан победителем!
 И лесов, и полей повелителем!
 Покорилися звери усатому.
 (Чтоб ему провалиться, проклятому!)
 А он между ними похаживает,
 Золоченое брюхо поглаживает:
 «Принесите-ка мне, звери, ваших детушек,
 Я сегодня их за ужином скушаю!»

Это было еще не так плохо. Все-таки победитель, хоть и таракан. Хоть и таракан, а

Ослы ему славу по нотам поют,
 Козлы бороною дорогу метут.

Он знал этих козлов, насквозь их видел. И вдруг — страшный удар:

«Разве это великан? Ха-ха-ха.
Это ж просто таракан! Ха-ха-ха.
Таракан, таракан, таракашечка —
Жидконогая козявочка-букашечка».
Клюнул чижик таракана —
Раз! И нету великана!

А на картинке был воробей, из клюва которого торчали усы.

Не великан, как во всех городах на главных площадях: пять метров высотой, десять, двадцать. А просто таракан. А книжка детская — значит, миллионные тиражи! И все читают, и все всё понимают.

Сталин понял, что проморгал! Захрипел, задергался; инсульт.

Он ошибся. Вредительские стишки не имели к нему отношения. Чуковский написал их в 1923-м, написал *до*, совсем не зная, что будет в 1937-м.

Но тогда, в 1923-м, Сталину было не до детских книжек. Этим занималась дура Надюша. А потом — потом никто не решился сказать ему ни слова, ибо это значило бы, что доносчик опознал в вожде таракана.

Сталин принял таракана на свой счет, как принимали на свой счет вредительского «Бориса Годунова» и Николай I, и Андропов. Он ошибся, точно как простодушная детсадовская воспитательница, вдруг увидевшая в «Тараканище» намек на сегодняшний день, хотя слова «Въехали медведи на велосипеде» не содержат насмешки над появлением в Думе партии «Единство».

Он был убит жестокой насмешкой, презрением. Тем самым словом, которым он владел плохо, но умел ценить настолько, что убивал всех, кто владел им лучше, опуская тем самым язык и литературу к своему дикому семинарско-бандитскому уровню. (Не забудем, что после изгнания из семинарии он увлеченно грабил поезда и банки; и за это, а не за богословское образование был назван Владимиром Ильичом Лениным «чудесным грузином».)

Он был убит собственной неуверенностью. Ибо сам-то он про себя всегда знал, что не гений, а лжец, интриган, убийца.

Знал, что любить такого невозможно. Вот его и не любили, а он за это мстил. И ставил всенародный, всемирный спектакль о любви к себе.

Россия давно уже не птица-тройка. Но пока еще и не «мерседес». Мы — гигантский паровоз. Великолепная огромная могучая машина... Кто говорит, будто мы стоим на месте?! Пылает в топке огонь, бешено вертятся колеса, машинист уверенно смотрит вперед. И для тех, кто внутри, нет никаких сомнений — летим! А что КПД низок — так и хрен с ним.

Но тот, кто стоит снаружи, видит: грандиозный локомотив увяз в буреломе, в болоте; рельсы либо утонули, либо украдены, и в топке понапрасну сгорает уголь и жизнь миллионов.

Друг ЖИВОТНЫХ*

P.S. Вообразите оторопь автора, когда летом 2006 года «Коммерсантъ» напечатал признание Путина: «Сажу в машине, как таракан в бронированной банке».

* Такие имя и фамилию я взял намеренно, чтоб никто не сомневался в авторстве. А формально закон соблюден. Для невнимательных было еще и примечание:

От редакции. Новый закон о выборах запрещает журналисту печататься, если он является кандидатом в депутаты. В соответствии с этим законом обозреватель «МК» Александр Минкин ушел в отпуск и до 7 декабря печататься не имеет права. Однако его личную рубрику «Что думать?» мы решили сохранить. Под ней мы будем публиковать некоторые дискуссионные материалы.

2004

13 февраля 2004, «МК»

ПРИГОВОР

От чего зависит наша жизнь?

От цен на нефть? От погоды? От выборов — думских и президентских?

Спросим иначе. Что может изменить нашу жизнь к лучшему? Если жизнь зависит от упомянутых *вещей*, то они у нас просто замечательны. И цены на нефть хорошие, и погода отличная, и выборы прекрасно удались, а следующие удадутся еще прекраснее...

Все чудесно. Почему же жизнь не меняется к лучшему? Или она не зависит от этих вещей?

Она зависит от Бога, неважно, согласны вы с этим или нет.

Если согласны, то вам ясно, что на Его волю цены и выборы никак не влияют.

Что же делать? Как улучшить жизнь каждого? Ибо речь не только о бедных. Им тяжело, но и богатые в нашей стране несчастны. Загнанные суетой, агрессивные, боящиеся своей охраны и своего телефона, предательства «друзей» и высочайшего гнева... Многие жрут и пьют так, будто последний день живут; и стоящие перед ними на столе три сорта зернистой икры, и купающийся в специальном бассейне очень дорогой карликовый бегемотик, и юные телки — ничто не разгоняет угрюмость их лиц и смертную тоску во взоре.

Успокойтесь, дорогие мои, выход есть! — как говорил Лопухин господам в «Вишневом саде» (но они его не послушались).

Выход есть! Надо издать пятидесятиmillionным тиражом книгу «Белое на черном». Она должна быть в каждой семье, ее надо включить в школьную программу. Не изучать, не писать сочинений «на тему» — просто прочесть. Всем достигшим четырнадцати лет.

Если вся Россия прочтет эту книгу — наша жизнь безусловно и заметно изменится к лучшему. Люди изменятся — вот что важно. Они станут добрее. Поймут свое счастье. Перестанут жаловаться на жизнь, на несправедливость, перестанут завидовать и капризничать.

«Белое на черном» написал Рубен Давид Гонсалес Гальего. Вы, быть может, о нем слышали. Его родила в Москве дочь генерального секретаря Испанской компартии. Родился урод, матери сказали, что ребенок умер, и она уехала в Испанию.

А он вырос в детских домах и чудом выжил. Ему Бог оставил один двигающийся палец, чтобы он написал *Это* для нас. И он написал *Это* (эту книгу) на своем родном русском языке.

Книга эта — приговор нашей стране и всем нам. Это приговор нашей Родине.

В ста метрах от бегемотика, черной икры и бассейна с телками, в ста метрах от нас — бедных, средних, богатых — невинные люди, дети (!), живут хуже, чем узники гитлеровских и сталинских концлагерей. А ведь Гитлера и Сталина уже более полвека нет на свете. И все, что у нас происходит, больше нельзя ни на кого свалить.

Или мы изменимся — а эта книга дает нам шанс, — или пощады нам не будет. Святой Иоанн Златоуст молился: «Господи, избави мя от окамененного нечувствия». Если мы бесчувственны как камень, то о какой пощаде для камней может идти речь?

Пока что книжечка — двести страниц, мягкий переплет — издана тиражом десять тысяч и стоит дорого: восемьдесят шесть рублей. Это значит, страна пройдет мимо. Бедным не по карману, богатым некогда, средние склонны покупать глянцевою шелуху. Книжка эта должна стоять как буханка хлеба.

Не сомневайтесь, книжка действует на всех — богатых, бедных, старых, молодых. Тот, на кого она не действует, — не человек. (Все знакомые, кто прочел, покупают еще, чтобы дарить.)

Автору уже ничего не надо. Он уехал в Испанию и вряд ли захочет вернуться. Он получил здесь жизнь (хуже, чем в концлагере) и Букеровскую премию (а надо бы Нобелевскую), и его уже намеренно показали по ТВ — как модного уродца. Мы — народ, страна — ему не нужны. Да и он нам зачем? Книга его — как дождь над иссохшей землей, а туча — пускай улетает.

Но если дождь пролился на камень — впустую. Ничего не вырастет.

...Человеку предлагают спасение, а он не верит, что это оно. Вид у спасения не тот, бедный какой-то. Человек не верит, потому что настоящее лекарство должно быть дорогое, швейцарское, с инструкцией на десяти языках, а местное — бесполезное.

Так всегда. Не успели апостолы полслова сказать о Христе, как опытный человек сразу перебил: «Из Назарета может ли быть что-то доброе?» Мессия уж если не с неба, то должен быть хотя бы из Индии...

Людам, конечно, трудно будет поверить, что исторический шанс явился не из сияющего золотом Кремля, а с грязной помойки, куда выбрасывают ненужных людей. Трудно поверить, что спасение нам посылает не могущественная «Большая семерка», а скрюченный инвалид, которого наши врачи записали в дебилы.

Тут кто-то ищет кандидатуру в президенты на 2008 год? Вот она.

Инвалид-паралитик? ну и что? Паралитик Рузвельт был не худшим президентом США (четырежды), и именно паралитик вытащил Америку из паралича Великой депрессии 1929 года.

Испанец? ну и что? Зато он владеет русским языком куда лучше, чем Джугашвили, а уж Рюрик — когда Русь призвала его княжить — по-русски был ни бэ ни мэ.

Очень умный, прошедший невероятные страдания, добрый, абсолютно честный — чего вам еще? Если он прошел такие издевательства (пытки) и остался добрым — значит, ни за что не позволит издеваться над людьми. Вдобавок не связан ни с одним коррупционным кланом...

Вот только уговорить его вряд ли удастся. Слишком много раз его здесь пытались убить.

Книжка вышла минувшей осенью. Несколько упоминаний (в основном в связи с Букеровской премией) — и тишина. Ни рецензий, ни телепередач, ни обсуждений. Вся свобода слова тратится на всякую шваль, стоит ей назвать себя кандидатом в президенты. А про «Белое на черном» — молчание. Почему?

Может быть, потому что он сказал то, чего мы слышать не хотим и боимся. То, чего больной не хочет и боится услышать от врача: «Поздно. Неоперабельно».

Или все еще не поздно?

3 марта 2004, «МК»

РАКОВАЯ КЛЕТКА, или Прощание с правыми

Весь минувший год критика правых была невозможна. Кого ни тронь — раздавался крик: «Это нам враги вредят! Это перед выборами нас порочат!»

Выборы позади. За правых проголосовало два миллиона человек. Хорошие люди. Но, похоже, они не совсем понимают, за кого ходили голосовать.

Раковую клетку организм воспринимает как родную, а она — убийца.

Опухоль растет и гордится: «Смотрите, какие у меня успехи!» То, что ее успехи ведут организм к смерти, ее не волнует. Здоровые клетки — глупые; она называет их лохами, она ими пользуется.

Некоторая справедливость есть в том, что хоронят их вместе. Замученный раком человек и огромная, гордая, успешно развившаяся опухоль лежат в одном ящике.

«Камикадзе» — так в начале 1990-х называли себя Гайдар и его министры.

Настоящий камикадзе — идейный смертник. Воин, отдающий жизнь за Родину. У камикадзе, направляющего свой самолет-бомбу в американский крейсер, шансов нет.

А наши камикадзы теперь долларовые миллионеры. Захравшиеся, наглые, ни один не сгорел на работе. За время их реформ население вымирало, а камикадзы богатели. И — странно — с той же скоростью. Будто каждый умерший приносил им сто долларов дохода.

Этих денег хватало на все. В том числе на то, чтобы сообщать народу: мы — лучшие. Вот один пример. За тот год, что Чубайс был совладельцем ТВС, программа «Смотрите, кто пришел» показала Немцова шесть раз, Хакамаду — четыре, а Явлинского — один.

Или надо поверить, будто сумма Немцова с Хакамадой в десять раз умнее Явлинского, или такую диспропорцию можно объяснить только интересами владельца.

Появляясь на телеэкране, правые непрерывно повторяли, что они берут на себя ответственность, любят брать на себя ответственность, всегда готовы брать на себя ответственность.

Что это значит — неизвестно. Ни за одну проделку они ни разу не ответили. И почему-то часто меняли имена. «Выбор России», «Демократический выбор России», «Правое дело», «Союз правых сил... Смена имени широко практикуется среди уголовников. И обвинительное заключение рецидивиста обычно звучит так: Петров, он же Пудель, он же Рыжий, он же Чмок... Попробуй теперь сказать: «Это не вы ли снабдили Дудаева оружием?» Союз правых сил честно ответит: «Не мы, нас тогда и на свете не было».

Пойманные на неблагоприятных делишках правые поднимали крик: «Это выгодно Хасбулатову! Это выгодно Зюганову! Это выгодно черным силам! Врагам демократии!» Конечно, выгодно. Только скажите: брали или нет?

Разобраться с Чубайсом просто. Надо всего лишь цитировать его собственные слова.

Как главное свое завоевание Чубайс провозглашает: *«Возврат к коммунизму невозможен!»*

Возврат к коммунизму действительно невозможен. А знаете почему? Потому что вернуться можно только туда, где был. А мы в коммунизме никогда не были. А где были, там и есть. И долго еще будем. Потому что место глубокое.

Перед выборами Чубайс с телеэкрана лечил электорат.

ЧУБАЙС. Снижение рождаемости — это тяжелейшая, острейшая, долгосрочная проблема нашей страны. А берется она (проблема) из явления, которое называется постиндустриальный рост. Великобритания, Германия, Франция, Италия — все

эти страны в течение последних пятидесяти-шестидесяти лет находятся в такой же ситуации. У нас в России это произошло не из-за антинародных реформаторов, а потому что есть долгосрочные законы развития экономики и общества.

Чубайс внушает, будто сокращение населения ставит нас в один ряд с самыми развитыми странами. Наперсток. Да, рождаемость снижается и у нас, и у них. Но в развитых странах и смертность снижается, и продолжительность жизни растет. А у нас смертность растет, продолжительность жизни сокращается. То ли в России экономические законы действуют иначе, то ли — реформаторы.

Чубайс знает о росте смертности, хоть и молчит о ней. Или списывает на «долгосрочные» законы природы.

Телеведущий предложил Чубайсу покаяться за приватизацию. Чубайс оскорбился, как безгрешный, святой человек.

ЧУБАЙС. Вы сказали абсолютно чудовищную вещь! Я не верю, что вы действительно не понимаете, от какой крови Борис Николаевич Ельцин спас страну! Не понимаете того, что передел собственности — это вещь, которая вообще без крови невозможна!

Самая большая кровь полилась в стране, когда началась Чеченская война. Ее начал Ельцин. Но действительно с переделом собственности она связана не была. Ее начали как маленькую победоносную предвыборную войну.

Что касается собственности, то реформаторы вовсе не отнимали ее у одних хозяев и не отдавали другим. У хозяев отняли большевики в 1917 году. А в 1990-х реформаторы раздробили государственную собственность. И это, естественно, обошлось без крови. Точно так же, как в Венгрии, Чехии, Словакии, Польше. Везде госсобственность стала частной без крови. И никакой заслуги в этой бескровности ни у Ельцина, ни у гайдаро-чубайсов нету.

Беда в другом. Ихний передел без всякой стрельбы, без видимой крови тихо уморил миллионы людей. (А если вам, уважаемые читатели, кажется, что я повторяюсь, то на десять миллионов жертв троекратный повтор — это не так уж много.)

Это жертвы холодной гражданской войны. На ней не стреляют, но она беспощадна. Голод, холод, месяцы, а то и годы без зарплаты — этот мор называли борьбой с инфляцией.

Разговоры о голоде и холоде москвичам кажутся преувеличением. Они не очень хорошо представляют себе жизнь некоторых регионов. Так в 1933-м москвичи не представляли себе, что Украина доведена до людоедства.

У десятков миллионов людей в 1992-м камикадзы действительно отняли собственность. Отняли деньги — сбережения, заработанные годами труда. И эти сбережения, и их владельцы в глазах реформаторов были кучей мусора на дороге в экономический рай. Мусор этот следовало убрать. И убрали.

В мире, однако, существует мнение, что такие люди (которые считают других мусором) называются не реформаторы, а фашисты. А когда имеешь дело с фашистами — гибель людей неизбежна.

А Чубайс на экране продолжал воспевать себя и СПС.

ЧУБАЙС. Время за нас! То, что мы делали десять лет назад, понимало двадцать человек в стране. То, что мы делаем сегодня, понимают миллионы! Так сложилось, что и я, и команда наша вся — отвечаю за страну! Уже двенадцать лет! И тогда, когда в правительстве, и тогда, когда вне правительства, все равно отвечаем за страну!

Звучит красиво. Производит большое впечатление на внушаемых людей. Их много. Когда-то, сидя перед телевизором, они раскачивались, глядя на Кашпировского. Что они делают, глядя на Чубайса, — не знаю.

За его красивыми словами скрыт точный, хотя и нежелательный для оратора смысл. Именно потому, что десять лет назад еще мало кто понимал действия реформаторов, за них проголосовало пятнадцать миллионов. Сегодня, когда «понимают миллионы», за них проголосовало два.

ЧУБАЙС. Когда начинаешь наводить порядок — людям больно. Не нравится. Тут же появляются журналисты, которые рассказывают, как это было больно и как это неправильно. И как пострадали люди от этого. Поймите: нельзя болезнь вылечить безболезненно! Нельзя! Надо пройти через эту стадию!

Так говорили зубные врачи в СССР в 50-х годах прошлого века. Потому что анестезия была только для членов Политбюро. А всем остальным удаляли нервы живьем. А когда человек

орал и дергался, ему точно это и говорили: «Нельзя вылечить безболезненно. Надо пройти через эту стадию».

Можно безболезненно. Только не надо экономить на лекарствах.

Мы знаем, где находятся деньги, сэкономленные на нас. Они находятся на счетах камикадзе и в виллах камикадзе, в их бассейнах и яхтах. Они украдены. И при чем тут Зюганов?

Зюганов должен быть благодарен гайдаро-чубайсам по гроб жизни. То, что сегодня за коммунистов, Жириновского, Рогозина голосуют миллионы, — это заслуга реформаторов.

Когда Чубайс выступает по телевизору, он говорит как оратор. Говорит красивые слова, надеясь, что никто не поймет сути.

Когда Чубайс разговаривает со своими, он говорит как уголовник. Говорит грубые слова, надеясь, что никто не услышит.

В свое время в «МК» был опубликован (не мною) разговор Чубайса с соратниками по выборам Ельцина в 1996 году. Тогда люди Коржакова и Барсукова поймали людей Чубайса, выносящих полмиллиона долларов из Дома правительства. Чубайс внушает (и многие раскочивающиеся перед телевизором верят), будто спасал демократию. На самом деле он спасал свою шкуру.

ЧУБАЙС. У нас материалов столько с документами, что хватит лет на пятнадцать каждому (очевидно, тюрьмы Коржакову и Барсукову. — *А.М.*). Про все воровство, про все убийства, про всю кровь, которая за ними стоит. В полном объеме. И лежит (очевидно, материал. — *А.М.*) в достаточно надежных местах. И во многих местах это лежит. Если с любым из нас что-то происходит, мгновенно эти материалы публикуются. Схему я лично проработал до мельчайших деталей, сделал два месяца назад, потому что я знал, с кем имею дело. А сейчас картина такая: либо они затыкаются, либо посажу совершенно однозначно.

Это речь уголовника. Он давно и «в полном объеме» знает о воровстве, убийствах, крови. Он годами работал бок о бок с этими ворами и убийцами. И копил «материалы с документами». По закону — он укрыватель преступников и шантажист. Угрожает ворами и убийцам разоблачением, если они тронут Чубайса. И тем самым обещает им дальнейшее укрывательство их преступлений, если не тронут.

С момента, когда это было опубликовано, у нас сменились и президенты, и генеральные прокуроры, и целая куча блюстителей и гарантов Конституции и законов. И никто до сих пор не предъявил Чубайсу обвинения в этом конкретном преступлении.

Предъявлять обвинение за рост смертности или падение производства — трудно. Это выглядит политикой. И очень тяжело доказывается. А вот укрывательство преступников и шантаж — это классические уголовные преступления, никакой политики. И даже Рогозин не нужен, сделавший победу «Родине» на криках «Чубайса на нары, а гайдаровец Глазьев — хороший!»

Наемные (а лучше сказать — продажные) журналисты называли Чубайса новым Столыпиным, гением. Им возражали: «злой гений». И получался спор: хороший ли он человек? А что гениальный — с этим, выходит, согласны и поклонники, и ненавистники.

Вот одно из пророчеств гения:

ЧУБАЙС. Сегодня наши идеи, те самые идеи, с которыми в 92-м году Гайдар начал реформировать Россию, оказываются самыми страшными, самыми опасными для наших врагов! Самыми страшными и самыми опасными они оказываются потому, что эти идеи сегодня понимают миллионы и миллионы людей! И принимают эти идеи. Мы понимаем, что сегодня мы можем говорить о подъеме производства так, как ни один коммунист никогда за всю свою жизнь не говорил, не говорит и уже не скажет! Сегодня мы можем говорить о защите отечественного товаропроизводителя так, как ни один коммунист никогда не говорил, не говорит и уже никогда не скажет! (Говорить-то он может. И если доверчивые уже начали зачарованно раскачиваться, пусть посмотрят, где сделано то, что мы едим, что носим и откуда приехал телевизор, перед которым они раскачиваются. — А.М.) Сегодня мы можем защищать ценности патриотические, государственные ценности так, как ни один коммунист этого не сделает! Потому что все его лозунги — пустые слова по сравнению с нашим пониманием того, как и каким образом мы этого можем достичь. Мы решим задачу подъема уровня жизни в России! И подъема творческого потенциа-

ла в России! И решим ее так, как никогда ни один предшествующий строй не в состоянии был решить!

Высокие слова, клятвы, ритм, восклицания, тоекратные повторы типа «учиться, учиться и учиться» — слабее Ленина и даже Хрущева. Если же эту риторику перевести на немецкий — от Гитлера не отличить. А уж «его лозунги — пустые слова по сравнению с нашим пониманием» — вообще шедевр. Потому что лозунг все же более материален, чем некое «понимание».

Но помимо желания оратора, который был уверен, что ему опять удастся всех обмануть, он сказал чистую правду. Его команда «решила» уровень жизни и творческий потенциал так, как это никому не удавалось. Тридцать миллионов за гранью нищеты, ученые бегут в челноки или на Запад.

Эту гордую речь он произнес за год до дефолта. Дефолта, который устроил он и его команда.

А за несколько месяцев до дефолта Чубайс (первый вице-премьер и министр финансов) гарантировал *на три года вперед* стране и миру валютный коридор от пяти до семи рублей за доллар.

В одном интервью, где его в глаза называли новым Столыпиным, Чубайс сам рассказал, как однажды ему по вертушке звонил Барсуков (тогда шеф ФСК—ФСБ), орал матом: «*Твой Кох (тогда глава Госкомимущества) продал металлургический завод не тому, кому надо*». Чубайс с гордостью описал, как он урезонил Барсукова, как объяснил, что все правильно.

Привычно гордясь собой, он не заметил, что рассказывает о себе чистую правду. Из нарисованной им картины видно, что Барсуков ругался только *однажды*. Значит, остальные заводы и нефтяные месторождения были проданы тому, кому надо. «Столыпин» хотел показать борьбу реформатора с темными силами, а раскрыл механику двух поделщиков.

В 1997-м случилось знаменитое дело «Союза писателей». Чубайс, Кох, Бойко и еще двое-трое «соавторов» получили по девяносто тысяч долларов за ненаписанную книгу об экономике. Всего — полмиллиона.

Сперва Чубайс публично заявил, что все это ложь. И саркастически добавил: «Это пишет журналист Минкин, очень неза-

висимый журналист, особо независимый от Гусинского с Березовским».

Как всегда, он уходил от сути (брал? или не брал?) и вместо ответа указывал, кому выгодно напасть на него (понимай: на демократию).

Но на Гусинского с Березовским Чубайсу грех жаловаться. Он получал у них большую зарплату. Он ездил на их лимузинах с их охранниками, потому что это именно они наняли его пропихнуть Ельцина на второй срок. И заплатили ему за пять месяцев этой работы три миллиона долларов. Но главное — не сумма, а факт: он — их наемник.

Осенью прошлого года как часть предвыборной агитации вышла книга «Неизвестный Чубайс», восхваляющая до небес «нашего Столыпина». Скорее всего, эта книга заказана Чубайсом и оплачена Чубайсом. Но в ней очень много откровенностей, которых герой даже не заметил.

Например, его ближайший помощник Трапезников рассказывает: «Сразу после выборов (Ельцина), зная о планах Анатолия Борисовича, я собирался в отпуск. Перед отъездом захожу в его приемную в “Мосте”. Секретарша предупреждает, что он не в духе...»

Описывая душевное состояние Чубайса, помощник не заметил, как рассказал нам, что у Анатолия Борисовича была приемная в «Мост-банке» Гусинского. Именно оттуда Анатолий Борисович и пересел в Кремль — в кресло главы Администрации Президента России.

Назвав книжный скандал происками Гусинского и Березовского, Чубайс на следующий день сник и, выступая по телевизору, покаянно бормотал:

— Гонорар высок. Это правда. Упрек этот справедлив. Надо это признать. Президент даст свою оценку. Примем любую оценку президента.

Он всегда выступает очень храбро. Иногда его храбрость может показаться наглостью. Вот в эфире РТР он разговаривает с советником президента Андреем Илларионовым:

ЧУБАЙС. Андрей, дорогой! Если б не было сделано то, что было сделано в стране тогда (воровские залоговые аукционы. — *А.М.*), вы бы никогда в жизни не стали советником пре-

зидента, не сидели бы за этим столом вообще. Я не думаю, что вам нужно трогать нашу историю своими руками. Я отвечаю за нее перед народом, а не перед вами!

Но перед президентом России, кто бы ни занимал эту должность, Чубайс всегда лишается храбрости.

«Примем любую оценку президента» — это Чубайс покорно подставляет спину под розги Ельцина осенью 1997-го. А осенью 1999-го, уже поняв, что Путин неизбежно станет президентом, Чубайс (сперва проталкивавший в президенты совсем другого) публично заявляет: «Я сделаю все, чтобы поддержать Путина».

Имел ли он в виду, что готов сесть в тюрьму? Иным способом добавить голосов он не может. Но на тех выборах Путину это не понадобилось.

Готовность сделать все что угодно — она очень характерна для людей определенного склада. Даже уличные девушки, казалось бы, готовые на все, тем не менее оговариваются: «Анальный секс не предлагать».

Чубайс — политический труп. Они все умерли, весь Союз правых сил. Ибо весь их Союз (десяток, а то и больше партий) набрал три процента на выборах. То есть все эти деловые гении, менеджеры, камикадзы, которые буквально орала, что все сегодняшнее счастье сделали они, — получили меньше голосов, чем один безответственный-самовлюбленный-бездельник-нытик-не-сделавший-ничего*.

...После книжного скандала Чубайс подал против меня в суд иск о защите чести и достоинства. Он пытался доказать, что девяносто тысяч долларов за двенадцать страничек болтовни (а именно такова была его часть «книги») — это не скрытая форма взятки, а честно заработанное. Но в суде обнаружились поддельные договоры с издательством, липовые платежные документы...

Чубайс клялся Ельцину, что 95% гонорара соавторы перечислят на благотворительные цели, уже перечислили. И Гайдар, блуждая глазами и растерянно улыбаясь, подтверждал в телекамеры: «Да, перечислили. Точнее, вот-вот перечислят». Но

* Так они называли Явлинского.

Путин

через год в суде было доказано, что на благотворительные цели Чубайс и его соавторы не перечислили ни цента.

Суд отказал Чубайсу в чести и достоинстве.

Есть вежливое выражение, которое означает сидевшего в тюрьме: «человек с криминальным прошлым». Чубайс — это человек с криминальным будущим.

И все. И более о нем ни слова. Лучший менеджер исчезает из нашей жизни, как исчез лучший министр обороны Грачев, как испарилась лучшая телепередача «За стеклом».

Не жаль.

Жаль другое. Раковая клетка изображает из себя «свою» — поэтому организм ее не распознает и не уничтожает. А когда он заметит ее — уже поздно.

Правые (гайдаро-чубайсо-хакамадо-немцовы) изобразили из себя демократов. И демократия не распознала их и не отторгла. А они разрослись и сожрали ее.

Они кричали, что хоронят коммунизм (которого не было), а закопали демократию, которая была.

В 1991-м, когда им отдали руль, демократии было неизмеримо больше, чем сейчас. Она была и на площадях, и в головах, и в воздухе. У нас были настоящие выборы и даже настоящий подсчет голосов. А сегодня...

Свободы было больше, а коррупции и паскудства (всей этой теле-радио-газетной и прочей дряни) неизмеримо меньше. Помните, *как* мы тогда читали газеты, *как* смотрели телевизор. И — никаких шахидов.

Не коммунисты и не кагэбэшники погубили демократию в России. Ее сожрал рак, жадный, наглый. Слишком долго она не верила, что это — опухоль.

Поздно.

26 апреля 2004, «МК»

РАЗРУШЕНИЕ ВЕРЫ

Телепередача пасхального яйца

КОРОЛЬ КЛАВДИЙ

Слова парят, а чувства книзу гнут.
А слов без чувств вверху не признают.

Шекспир. Гамлет

На Пасхальной неделе звонили колокола: «Не хлебом единым будет жив человек, но всяким словом Божиим». Божиим! — значит, далеко не всяким словом. Слова могут быть хлебом, а могут быть и отравой.

Еда для живота — в холодильнике. А духовная пища?

На книжной полке? Детективы, сериалы, эротика и прочий глянец — это такая же духовная пища, как гуталин — икра.

В телевизоре? Нет. И там для живота и ниже — жвачка, майонез, проститутки. А для головы — контрольный выстрел. И новости для гробовщиков: где сколько убито, куда поставлять товар. По количеству мертвецов телевизор — просто супергроб.

Прогресс в этом ящике — только вниз. После тошнотворного (и скучного) «За стеклом» появился «Фактор рвоты»*. Этот фактор хочет выглядеть благородным суперменом — показать преодоление страха. Но если с экрана всей стране предлагается съесть (или хотя бы посмотреть, как едят) сырой свиной анус — это, конечно, преодоление брезгливости.

* «Фактор риска», НТВ.

Еще не кончив разрушать мысли и чувства, ящик взялся за разрушение человеческих инстинктов. Это совершенно откровенная тенденция — не оставить в двуногих ничего человеческого. Превратить нас в ходячую покупательную способность.

Уже не только душой нашей занимаются и не умом, а спинным мозгом. А душа давно оставлена без еды. Или кормят ее такой дрянью...

...Но вот Пасха. Трансляция из Храма. Это уж точно для души.

Верующие и неверующие в полночь у ящика. Сейчас из него подадут нам духовную пищу.

Неверующие смотрят: кто в храме Христа Спасителя рядом с президентом (в фаворе), кого нету (в опале). Раньше так разглядывали трибуну мавзолея Ленина: кто рядом с генсеком.

Верующие смотрят на величайший христианский праздник.

И все — верующие и неверующие — видят роскошь храма, пудовые свечи, оклады и слышат голос патриарха. Очень странный голос.

Лица тех, кто стоит впереди, тоже странные. Тысяча голосов восклицает: «Христос воскрес!» — а лица наших правителей угрюмы. Никто не сияет от счастья, никто даже не улыбается. А ведь провозглашается самая великая Радость.

Может, им кажется, что радоваться несолидно? Но стоять с мрачной физиономией, когда Христос воскрес, еще неприличнее.

Или они просто ничего не слышат, не видят («покрыты мздой очеса»*. Державин). Заняты; непрерывно решают свои кадровые и иные земные проблемы. Ничем не отвлечешь.

А может — бесы? Мрачно присутствующие при Воскресении своего Врага, пощады от Которого им не будет.

А может, и то и другое: очень деловые бесы.

Прервав пасхальную службу — самую главную службу, — патриарх вдруг обратился лично к Владимиру Владимировичу:

— Ваше превосходительство, глубокоуважаемый Президент Российской Федерации Владимир Владимирович! В эту пасхальную ночь я хочу приветствовать и поздравить Вас от ли-

* Взятки ослепили.

ца Епископата, духовенства и православного народа нашей страны! От народа Божия, который присутствует здесь, в этом соборном храме, и который по лицу земли русской и в ближнем и дальнем зарубежье прославляет воскресшего Господа Спасителя. Я хочу поздравить Вас от лица всей полноты Русской православной церкви со светлым, радостным и торжественным праздником Светлого Христова Воскресения. Праздник особый, праздник радостный, торжественный. В одном из песнопений Пасхи праздник Пасхи называется праздником праздников и торжеством из торжеств. И все мы просим, чтобы радость о воскресшем Господе Спасителе помогала бы нам совершать наше служение во славу Божию, на благо церкви Христовой, на благо нашего земного отечества, на благо народа земли нашей! И мы молитвенно желаем, чтобы радость о воскресшем Господе Спасителе помогала бы и Вам нести Ваше высокое служение на благо нашего отечества, на благо народа земли нашей! Я приветствую Вас радостным пасхальным приветствием, которое идет от времен апостольских и передается из рода в род, из поколения в поколение. Христос воскрес! И как символ пасхальной радости я хочу передать Вам пасхальное яйцо, как символ жизни!

Не станем комментировать, ибо не уверены, действительно ли апостолы прерывали богослужение для поздравления земных владык или это неприличное новшество.

А через несколько часов — в светлое Христово Воскресение — РТР в «Вестях» коротенько (несколько секунд) показывает крестный ход, службу, а потом закадровый голос диктора (ликующий, как Левитан при взятии Берлина) возглашает:

— И вот наступает кульминация пасхальной Радости! Патриарх обращается с приветствием к Президенту России Владимиру Владимировичу Путину!!!

И полностью повторяется, полностью звучит все то, что вы прочли выше. Видимо, для тех, кто проспал «кульминацию» или был в эту ночь в любой другой православной церкви мира, кроме храма Христа Спасителя, куда строго по именным билетам с предъявлением паспорта.

До сих пор считалось, что кульминация Пасхальной Радости — это «Христос воскрес». Теперь — «приветствие».

Нехристи? Так думать нельзя. И писать об этом нельзя. Только соберешься — сразу чудится булгаковский Понтий Пилат, у которого от нелояльных мыслей начинала болеть голова и в ушах раздавался гнусавый голос палача: «Закон об оскорблении величества!»

Будь церковные и земные владыки в своем узком кругу (как сто лет назад), — было бы не так тяжело. Но сейчас все это происходит на виду у телекамер — то есть на виду у всей страны.

Президент у нас в стране — всемогущий и самый главный. Но все же не царь, не помазанник Божий. Он раб Божий, а не Президент Божий.

И духовенство — хоть на Пасху — должно бы служить не кесарю. Папа Римский (так и не удостоенный чести быть приглашенным в Россию) в торжественные дни обращается *urbi et orbi* (к городу и миру). Он не поздравляет ни Берлускони, ни даже Буша (чемпиона по числу подданных-христиан).

... Чуткость слуха к фальши еще выше, чем чуткость обоняния к тухлятине. У человека внутри камертон. Даже наивную девушку трудно обмануть, если она услышит фальшивые интонации. А маленького ребенка обмануть вообще невозможно. У него слух на фальшь абсолютный, а мозги еще не запудрены, еще нет рабского преклонения перед авторитетом. И потому именно ребенок кричит: «Король-то голый!»

Человек *слышит* фальшь. И для этого не требуются ум или опыт. Это инстинктивное «не верю!».

В этом смысле интонации патриарха еще хуже, чем его слова. Он старается, чтобы голос звучал максимально торжественно, а в результате он звучит неискренне.

Если с такой интонацией сказать человеку «Здравствуйте» — он взглянет с опаской.

То, что этой интонацией окрашена лесть властям, — пусть. Но те же ноты — и в его словах о вере. Впрочем, может, хоть что-то одно он произносит от души*.

* Здесь пришлось убрать большой фрагмент — о том, почему голос патриарха производит впечатление лицемерного. И почему он так хрипит. И почему Бог не посылает Своему главному православному служителю чистый и убедительный голос хотя бы на два часа службы.

Вообразите мучения беса, запертого в церкви; он, конечно, будет хрипеть как удушенный.

Президент, депутаты, министры — светские власти — материальная жизнь. Патриарх — духовное окормление.

Материальная у нас не очень. А с духовной еще хуже. Кто окажет сопротивление цинизму и растлению? Патриархия, которая торгует табаком и водкой?

Где та сила, которая бы встала на пути безудержного разврата — рекламы, ТВ, порно- и товарного насилия? Даже *политическое* ток-шоу предпочло называться «Основной инстинкт», хотя Сорокина занимается там совсем не тем, чем Шарон Стоун, и даже не садится раздвинув ноги, как та в кино.

Революция 1989–1991 годов была безыдейна. Она отрицала коммунистическую идею (догму), но предложила взамен не другую идею, а еду. Гордые собой, молодые упитанные реформаторы развернули лозунг «Мы пришли дать вам колбасу!». Потом схватили свечку, и побежали в церковь (где их уже ждали телекамеры), и — на Пасху! — поздравляли подданных с Рождеством Христовым. Видимо, не зная разницы*.

Демократическую (точнее, послесоветскую) Россию возглавили не идейные противники бесчеловечного режима (теперь, через пятнадцать лет, он кажется добрым дедушкой), а партийные аппаратчики и пропагандисты. Не историки, не юристы, не философы, а бессовестные специалисты по научному коммунизму, воинствующему атеизму и политэкономии социализма.

Но если главный враг — пустые прилавки, а символ новой жизни — колбаса, то дальше все идет само собой. Путь колбасы — только вниз.

Кое-кто морщился. Но стремительно богатеющие реформаторы говорили: «Вы чего нос воротите? Это путь естественный, природный! Во всем мире этот процесс происходит одинаково! И нам — туда же!»

* Исторический случай: президент Ельцин приехал на Пасху в церковь, вышел к народу и (в прямом телеэфире) поздравил верующих с Рождеством Христовым. Перепутал. Никто не возмутился.

Вниз было очень легко. С ликованием, со свистом, на горных лыжах. Съехали, и оказалось, что подъемник не только не работает, он даже не построен. И как теперь вверх?

Духовная пища существует. Вот она, бесплатно. Но кто может ее усвоить? Бездушному она — как беззубому орехи: не угрызть. А с непривычки — и не вкусно, и скучно, и утомительно жевать.

А если духовная пища не усваивается, откуда же возьмется та сила, которая должна победить цинизм, равнодушие и многомиллиардные интересы торговцев?

То, что происходит в России, нельзя объяснить олигархами, их стычками между собой и Кремля с ними. Страна по уровню производства находится в 1960-х. Но не ужасайтесь, это чепуха.

По образу жизни мы, похоже, в 1460-х. Не на сорок лет съехали, а на пять веков. Да, тысячи миллионеров, сотни тысяч с интернетом, миллионы с мобильными телефонами. Но полстраны отапливается дровами, месяцами не моются, сами о себе говорят «выживаем» — то есть все силы уходят на поиск хлеба. Особенно скудного по сравнению с изобилием шоколада на экране. «Россия — щедрая душа».

О какой душе? О какой чести можно говорить? Но говорят. И говорливые политсантехники (покорно соглашаясь, чтобы их прерывала реклама) находят разницу между плохим Березовским и хорошим Гайдаром. Как рыцари Круглого стола времен короля Артура, у которых была полная свобода слова обсуждать, какой дракон опасней: вилохвостый или винтохвостый.

Мораль общества может ухудшаться и улучшаться.

Когда в Германии к власти пришел Гитлер, через три-четыре года немцы стали зверьми и стукачами. Мораль ухудшилась катастрофически.

В США еще недавно цвел расизм, висели таблички «Неграм, евреям и собакам вход запрещен». Теперь этого нет. За расизм тюрьма. Мораль, пусть внешне, явно улучшилась.

У нас все делается, чтобы она ухудшалась. И ничего — чтобы улучшить. Результат очевиден: общество развращено и деморализовано. Десятки миллионов людей возмущаются грязью, но не способны протестовать.

Совершенно не видно, кто сможет это исправить, даже если колоссальные усилия разврата почему-то прекратятся. Где эта сила, которая могла бы поднять...

Допустим, какие-то добрые люди уцелеют под напором негодяйства или приедут из-за бугра... К кому они обратятся? К муравейнику? У муравьев есть обоняние, может быть, вкус, осязание, но органа восприятия морали — нет. Они не чувят ее, как мы не чуем радиацию. Но не чуем — это не значит, что радиации нет. Или она безвредна, раз мы ее не видим и не слышим?

То, что общество перестало руководствоваться моралью, не значит, что мораль не существует. Не значит, что аморальность безвредна и что все нам как с гуся вода.

А если душа (орган морали) атрофировалась, отмерла за ненужностью — тогда что? Если содран, смыт, унесен ветром плодородный слой — конец. На камне, на глине ничего не вырастишь. (Не хотите проверять агрономически — попробуйте договориться с кузнечиками.)

Душа не обсуждается нигде и никем. Террор, цены на газ, НАТО, еда, косметика, способы достижения оргазма — все, что бурно обсуждается и рекламируется, обращено к желудку и ниже. А если к голове, то лишь ради волос, которые растут где не надо, а где надо не растут.

Год назад невнятно промывчала дискуссия: преподавать ли религию в школе? Вопрос, похожий на «кормить или не кормить?».

Конечно, да!

Но если у повара дизентерия, то, конечно, нет!

Сколько будет дважды два — этому может учить и негодяй. Обучать душу негодяй не может, только губить. Кто эти десятки тысяч предполагаемых преподавателей души? Подвижники? Столько нету. Лицемеры? Тогда лучше не надо.

Против нашей голодающей души выставляют откормленный спинной мозг. Против совести — взбудораженные гормоны.

Старорежимные люди жалуются на детей: мол, растут потребителями. Но проедешь с ребенком полчаса по любому проспекту или на метро — за эти тридцать минут его атакуют тысячи соблазнов: вывески, рекламы, растяжки — купи! купи! купи! съешь! покури! выпей!

И против этого грандиозного хора — глупый и слабый дуэт мамы с папой: это вредно, это дорого, это тебе рано. И никакой помощи нигде. И дом уже не твоя крепость. И дома ящик продолжает эту атаку. И даже если вы выбрали подходящий фильм, какую-нибудь старую советскую «Золушку» — фильм, в котором вы уверены как в себе самом... вдруг в самом душевном месте — трах! реклама!

Представьте: вы открываете ребенку дверь в ваш родной дом... а в подъезде подонок. И не успели вы отшатнуться — прямо перед вашим лицом, перед лицом ребенка он распахивает пальто: «Спонсор показа!», а за этим уродом и вся шайка: пиво, презервативы — в самый раз для Золушки.

Двести двадцать лет назад вертикаль власти была куда тверже. Никаких депутатов, никаких Европейских судов, никаких прав человека. Подданные Ее Величества были абсолютно беззащитны. Однако появились и были напечатаны стихи, которые и сейчас невозможно читать без страха за судьбу автора.

ВЛАСТИТЕЛЯМ И СУДИЯМ

Восстал всевышний Бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасти от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! видят — и не знают!
Покрыты мздою очеса:

Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, Боже! Боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых,
И будь един царем земли!

За такой призыв — ни в каземат, ни в сумасшедший дом, ни на каторгу; Державина даже не сослал. А после даже пригласили на выпускные экзамены царского лица.

Учат ли это сейчас в школах? Рядом с этими словами современные критические заметки выглядят робко и бледно.

...Вмешается ли Бог? Захочет ли Он нас спасти? Или наказать? Иногда Он это делал (Потоп, Содом и Гоморра...). После Потопа Он обещал больше не делать одного — не уничтожать всех людей.

Но если, в результате упорного, мощного и стремительного расчеловечивания, люди исчезнут (останется лишь внешнее, бездушное сходство) — это снимет обещание. Животным Он ничего такого не обещал.

Бог считает нас людьми за душу, а не за колесо, порох, компьютер, ТВ. Утратив душу, мы в Его глазах перестанем быть людьми, и Он скорее всего устроит зачистку.

В Содоме Он (после жуткого торга с Авраамом) готов был пощадить всех ради десяти праведников. Не нашлось. На многие тысячи жителей не нашлось и десяти.

Свечка теперь, как комсомольский значок, обозначает верность кесарю, а не веру. Вчера теннис и свечка, сегодня лыжи и свечка. Но если свечки — пустая формальность, то держащие их — фарисеи, те самые, которым гореть.

И вот, год за годом, — сияние лампад, свечей, драгоценных окладов и странный фальшивый хрипящий голос, не дающий верить, мешающий верить, разрушающий веру.

Многие перестали смотреть трансляцию из главного храма, ибо зрелище не дает радости. Только горечь, насмешку и прочие не подходящие в святую ночь чувства. И, видя статистику убывания числа верующих, думаешь: не эти ли телепередачи отталкивают...

На вопрос «Смотрели трансляцию?» все, кого спрашивал, отвечали: «На что там смотреть? На подсвечники?» Подсвечниками у нас называют больших начальников, стоящих со свечкой в праздничные дни. Верят начальники в Бога или нет, но народ не верит в их искренность — вот в чем дело. И никто (из тех, кого я спрашивал) не испытывал благоговейных чувств, глядя трансляцию из храма Христа Спасителя. Никто не думал о Воскресении; все — о лицемерии.

Да и кто у телевизора в эту ночь? Искренние и глубоко верующие сами молятся в церкви, вместо того чтобы смотреть, как молятся другие. У телевизора — или неверующие, или слабые духом, или настолько уставшие, что у них нет сил на крестный ход, на несколько часов ночной службы.

И вот они-то — запертые, слабые и уставшие — вместо духовной пищи получают разрешенную передачу — позолоченное фальшивое яйцо.

...Через телевизор нам предлагается определенный образ жизни. Такой, где душа не нужна. Хуже того — она мешает.

Тут ничего не сделаешь. Власть живет по своим законам. Это всегда и всюду так. Это нельзя изменить. Но это можно не показывать.

P.S. Поразительно, что на эту публикацию не пришло *ни одного* оскорбительного и даже ни одного возражающего отклика.

23 июля 2004, «МК»

ИЦИ-СВИЦИ

Куда уходит народное мнение. И от кого?

Владимир Владимирович! Говорят, будто у нас есть общественное мнение. Но не говорят, где оно скрывается. Конечно, не в Думе. Хотя там вроде бы народные избранники, но на вопрос «Доверяете ли вы Думе?» лишь 2% отвечают «Да». Это же уму непоостижимо: ведь чтобы пройти, надо набрать в два с половиной раза больше*; новенькая Дума не допрыгивает и до половины пятипроцентного барьера. Как они туда проскочили, Владимир Владимирович?

А как общественное мнение формируется? Люди привыкли узнавать о своей жизни по ТВ, по радио, из газет. А если из СМИ нельзя узнать правду — как нам быть? Слухами питаться?

Вчера радио «Свобода» каждый час сообщало: «Автоколонна сорок второй мотострелковой дивизии попала под обстрел в Шатойском районе, погибли пять, ранены двенадцать... На автотрассе Грозный—Шатой подорван автомобиль с сотрудниками райотдела ФСБ, погибли три офицера и водитель...»

«Свобода» сообщала, а «Эхо Москвы» — нет, и «Маяк», и «Вести» («Россия») — нет, и Первый канал — нет. Как нам понять, случились ли эти трагедии? И так почти ежедневно.

Если «Свобода» врет — надо об этом сказать, а ее наказать. А если она говорит правду — тогда, выходит, остальные («Эхо», «Маяк», Первый, «Россия» и пр.) нарушают закон о средствах массо-

* Теперь — в три с половиной.

вой информации. По закону они обязаны информировать общество о важнейших событиях. Может, нарушителей надо наказать?

Работать они умеют. В 1994–1996-м и 1999–2000-м они сообщали о всех потерях. Выходит, теперь сознательно замалчивают.

Есть еще один вариант. Если новость не важная, если она не имеет значения для жизни общества, тогда средство массовой информации само решает: сообщать или нет.

Считали важным — сообщали. Теперь считают неважным — вот и молчат, тратят дорогое эфирное время на более существенные вещи (Киркоров, «Тату», курс евро).

Если так — значит, стоимость человеческой жизни сильно упала.

В нашей стране уже случалось, что она падала до нуля.

Похоже, у общественного мнения нет постоянного места жительства.

В советское время общественного мнения не было на ТВ, не было в газетах. Даже если публиковались «письма трудящихся» — это была чаще всего липа, изготовленная в редакциях. И уж конечно, общественное мнение не выражали оппозиционные партии, ибо не было партий.

Но общественное мнение было. Иногда — в «Новом мире», в «Юности», в Театре на Таганке. И всегда были люди, которых тогда называли (без насмешки) совестью нации.

Эти люди были плохого мнения о власти КПСС и КГБ. Удушье — вот что мы чувствовали. И когда удавка лопнула, КГБ дрожал. Прямо перед Лубянкой (в 1991-м так называли не улицу, а организацию), прямо перед всеми ее расплодившимися огромными зданиями валили памятник Дзержинскому — и ни один из тысяч сотрудников (офицеров!) не попытался защитить своего кумира.

А у толпы было большое желание разгромить Лубянку, добраться до архивов, поглядеть, кто есть кто.

Эти погромщики были чистые люди. Рядом — ГУМ, ЦУМ; под шумок толпа (как в Ираке, как во Флориде, как везде) могла рвануть за товаром.

Нет, русская толпа образца августа-91 кинулась за информацией. За свободой.

Глупо?

Сейчас этих людей выставляют обманутыми дураками. Нет, тогда они не были ни дураками, ни обманутыми. Их обманули потом. А в 1991-м они были умными. Но — неопытными.

Скажите, Владимир Владимирович, если бы англичане начали свергать правительство или даже королеву — разве они кинулись бы уничтожать свою контрразведку? А Израиль? Как бы зверски там ни боролись за власть, им в голову не приходит потрошить «Моссад». Граждане стран с высокоразвитой разведкой не испытывают ненависти к своей разведке. Видят в ней свою защиту. Почему же в СССР очень многие (отнюдь не только диссиденты) видели в КГБ душителя?

А потому что душили. Не давали слушать радио (глушили), не давали читать, сажали, высылали.

В результате газетам, радио и телевидению СССР никто не верил. Даже внутри страны.

Но глаза всем не выколешь, уши не заткнешь. Если общественного мнения нет в газетах и на ТВ, человек находит его в театре, кино, даже в библиотеке. Задуши прессу, и в «Гамлете» люди опять начнут видеть не месть за отца, а борьбу с ненавистным режимом Клавдия, борьбу принца с собственной Родиной, если Дания — тюрьма.

Это ведь очень важно, что Гамлет — не бомж, не мигрант, не черный, не олигарх-ворюга. Гамлет — наследный принц. Если даже для него Дания — тюрьма, то действительно не все ладно в королевстве. И когда этот приговор произносил Гамлет-Высоцкий, зрители понимали, что речь идет об очень большой Дании, примерно в одну шестую суши.

Непокорный Человек всегда появлялся. Как ни зверствовала святая инквизиция, как ни плодила стукачей, а Тиль Уленшпигель вырастал вопреки всякой логике. И Ланцелот в «Драконе» побеждал вопреки логике, и сама эта пьеса Шварца появилась вопреки всему — при Сталине! (Жаль, если не читали, очень сильная вещь; то ли ее вот-вот начнут ставить, то ли — изымать.)*

* Некогда читать? Посмотрите старый фильм Марка Захарова «Убить Дракона» — обалдеете от актуальности и портретного сходства. А ведь снято до.

Центр общественного мнения блуждает, Владимир Владимирович. При Петре он во дворце, и при Екатерине Великой — там же. А потом почему-то он перемещается в казармы будущих декабристов. А после виселиц обнаруживается в «Современнике» у Некрасова и Достоевского (и немножко у Герцена в Лондоне). А потом — в Московском художественном театре, а на нашей памяти (кроме вышеупомянутых журналов и Таганки) — в театре «Современник», в Политехническом...

А потом — в 1989-м, на Первом съезде народных депутатов, в «Московских новостях», «Огоньке», НТВ... (С огорчением приходится заметить, что ни «Демократический выбор», ни «Яблоко» не смогли стать центром общественного мнения. Они скорее пользовались общественным мнением, чем создавали его.)

Съезд, редакция, партия — это коллективы. Но даже один человек может стать бесконечно силен.

Штирлиц — извините за бестактность — был не один; за ним стояло государство, могучая Красная армия; Ставка Верховного главнокомандующего верила ему и посылала батарейки. А вот академик Сахаров был один. Могучее государство было против него. Когда он в Горьком (Нижний Новгород) объявил голодовку, сотрудники КГБ СССР насильно кормили его через кишку (это пытка, Владимир Владимирович). Но в общественном мнении Сахаров весил больше, чем вся Академия наук СССР, чем все Политбюро ЦК КПСС.

Общественное мнение выражали Шукшин, Окуджава, Галич, Высоцкий.

Без грантов, спонсоров, факсов, ксероксов, без типографий, интернета и телеэфира Высоцкий завоевал общественное мнение всего СССР (двести восемьдесят миллионов человек). Вот его мнение о Родине:

Что за дом такой? Погружен во мрак,
На семи лихих продувных ветрах...
Образа в углу — и те перекошены...
Двери настежь у нас, а душа взаперти.
Кто хозяином здесь? Напоил бы вином!
А в ответ мне: «Видать, был ты долго в пути

И людей позабыл. Мы всегда так живем.
Траву кушаем, век на шавеле.
Скисли душами, опрышавели».

Не буду, чтобы не обидеть вас, Владимир Владимирович, цитировать те песни Высоцкого, где говорится про наши «органы». Ни одного доброго слова. Для воров оно находилось, а для начальничков — нет. («Лучше б было сразу в тыл его, / Только с нами был он смел, / Высшей мерой наградил его / Трибунал за самострел».)

Теперь, когда толстые журналы умерли сами, а власть убила свободное ТВ, — остались некоторые газеты. Должно быть, и их очередь придет. Но пока то тут, то там мелькает огонек, угли еще не погасли.

Ну а как зальют окончательно — общественное мнение опять вернется к человеку. Он ведь все равно появится. Или нет?

Людам, Владимир Владимирович, очень интересно, что вы об этом думаете. И думаете ли вы об этом?

6 сентября 2004, «МК»

ПРИЗНАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА

Произошло событие, гораздо более редкое, чем теракт. Президент обратился к народу. Он сделал это впервые — не считая новогодних поздравлений, — а значит, это очень важно.

Он несомненно хотел, чтобы нация его услышала. Для этого речь много раз транслировалась по радио и ТВ*.

Хотел ли он услышать ответ? Хочет ли он знать: поняли мы его? и правильно ли поняли?

Сразу скажем: мы услышали не экспромт. Это обдуманная, коллективно выработанная и написанная речь. Значит, это речь не личности, а **Власти** (большая буква здесь не от избытка уважения, а для обозначения высшей власти РФ).

Речь сочиняли второпях; для нас это лучше, ибо они не успели заметить, сколько правды проскользнуло в текст, не успели ее вычеркнуть; лишь местами слегка замазали красивыми словами.

После горьких слов соболезнования президент признал:

«...ко многому, что изменилось в нашей жизни, мы оказались абсолютно неподготовленными...»

Мы перестали уделять должное внимание вопросам обороны и безопасности, позволили коррупции поразить судебную и правоохранительную сферы.

...наша страна — с некогда самой мощной системой защиты своих внешних рубежей — в одночасье оказалась не защищенной ни с Запада, ни с Востока.

* Это было после штурма, после гибели сотен детей в Беслане.

...мы могли бы быть более эффективными, если бы действовали своевременно и профессионально.

...мы не проявили понимания сложности и опасности процессов, происходящих в своей собственной стране и в мире в целом.

...не смогли на них адекватно среагировать. Проявили слабость.

...мы просто не можем, не должны жить так беспечно, как раньше. Мы обязаны создать гораздо более эффективную систему безопасности, потребовать от наших правоохранительных органов действий, которые были бы адекватны уровню и размаху появившихся новых угроз».

По смыслу — это явка с повинной или прошение об отставке. Это признание полного банкротства силовых ведомств. А именно на силовиков и на силовое решение всех проблем делалась ставка в последние годы.

Смысл — покаянный. А интонация — геройская. Власть общается, что будет рулить и впредь. Вот эта, та самая, которая:

- абсолютно неподготовленная;
- переставшая уделять внимание обороне и безопасности;
- действующая несвоевременно и непрофессионально;
- не проявившая понимания;
- не умеющая адекватно реагировать на опасные процессы, происходящие в собственной стране;
- позволившая коррупции поразить судебную и правоохранительную сферы (то есть самое себя, ибо эти сферы — неотъемлемая часть власти, ее главные инструменты).

Власть заявила:

«Мы обязаны создать гораздо более эффективную систему безопасности, потребовать от наших правоохранительных органов действий, которые были бы адекватны уровню и размаху появившихся новых угроз.

В ближайшее время будет подготовлен комплекс мер, направленных на укрепление единства страны.

Считаю необходимым создать новую систему взаимодействия сил и средств, осуществляющих контроль за ситуацией на Северном Кавказе».

Признав банкротство, Власть провозглашает: создадим! подготовим! потребуем!

А раньше-то? С какой стати люди, провалившие все и вся, справятся с ситуацией? Ведь она стала хуже, чем когда они пришли к власти.

Эта команда пришла в 1999-м. Что сделано за пять лет?

Создали огромное наркотическое министерство. За два или три года своей работы оно победило только ветеринаров. Офицеры милиции и ФСБ крышуют наркоторговцев, а под судом — ветеринары.

Обещали (и создали) какие-то структуры, которые должны были спасти и пригреть беспризорников. Громкая была кампания. А безотцовщины стало больше, они по-прежнему живут на чердаках и в подвалах, нюхают, колются и используются как материал для секса и порно.

Министр обороны Иванов победил начальника Генштаба Квашнина. Это все. Больше никаких побед за четыре года.

Шеф ФСБ Патрушев добивался, чтобы погранвойска были переданы в его подчинение. А его Верховный главнокомандующий обнаружил, что мы беззащитны со всех сторон.

Правительство Фрадкова — самый яркий пример тех реорганизаций и перестроек, на которые способна Власть. А за этой реорганизацией — хаос и пустота. Оклады себе подняли, у бедняков льготы отняли — это, что ли, победа?

Дума и Совет Федерации побеждены полностью, разгромлены, обращены в рабство — а разве это враги? Мы же их сами выбирали. (Вроде бы мы, вроде бы сами, вроде бы выбирали.)

Наш народ можно упрекнуть в чем угодно, но терпения ему не занимать. Это отметил в своем знаменитом тосте Иосиф Виссарионович Сталин, подняв бокал «За терпеливый русский народ!».

В демократической стране такая власть не успела бы даже покаяться. Миллионы вышли бы на улицу и отправили бы ее в отставку. А мы — терпим. А многие все еще верят и надеются. Вопреки всему.

Бывают в истории случаи, когда власть не по плечу. И неважно, законно она досталась или нет. Николай II был абсолютно законный император, он хотел как лучше, но власть ока-

залась ему не по плечу. И от этого произошли катастрофические бедствия.

Когда мы слышим из уст Власти, что она «оказалась абсолютно неподготовленной», — оторопь берет. Разве вы не знали? Разве взрывов было мало? Разве Буденновска, Кизляра, «Норд-Оста» было мало? Разве вам не говорили, в том числе и мы, журналисты? Да мы замучились повторять, замучились предупреждать.

Президент должен был выйти к народу не с жалкими словами, о том, что *«в ближайшее время будет подготовлен комплекс мер, направленных на укрепление единства страны»*. Президент должен был выйти к народу с головой Басаева в руках. А за ним должны были стоять силовики с головами других убийц (но только лица, пожалуйста, должны быть узнаваемы, а то покажут кого попало: вот, мол, знаменитый полевой командир, а через два месяца этот труп захватывает театральный центр в Москве).

Хватит кивать на войну (тем более что сами устроили). В Израиле уже пятьдесят лет непрерывная война в стократном мусульманском окружении. А население Израиля растет. У нас — локальный конфликт на окраине, а население страны сокращается. Почему?

В тундре вечный мир, а чукчи, эвенки, якуты и пр. — стремительно сокращаются, исчезают..

Уважаемые читатели, если вам кажется, что мы говорим не о том, тогда прочтите еще одну цитату из речи президента.

Власть заявила: *«Мы живем в условиях переходной экономики и не соответствующей состоянию и уровню развития общества политической системы»*.

Что имеется в виду? Общество ли не доросло до замечательной политической системы (то есть до Власти)? Или система (Власть) отстала от общества?

Судя по жесткой интонации, нас собираются подтянуть. Нас собираются отучать от беспечности. Нас будут лечить.

Да, мы к демократии не готовы. Невозможна демократия без честного суда, без честной полиции, без честных выборов и т.д. Демократия наша — туркменская, сделанная из секретарей обкомов и агентов КГБ (только золотых статуй на площадях не ставим, стесняемся).

Путин

Нет духа демократии. Есть форма (то есть формальность, липа), а дух — феодальный. Вот демократическая форма и не выдерживает, трещит.

Еще меньше к демократии готова Чечня. Напрасно играть с чеченцами в демократию, выборы, референдумы, конституции. За эти игрушки с нами расплачиваются беспощадно, без малейшей скидки.

Армия не возрождается, а разлагается в Чечне.

Может быть, не выводить войска, а отвести их на границу Чечни? И сказать: «Мы слышали, что вы тут на днях выбрали себе президента? Вот и живите с ним».

Когда подросток ведет себя безобразно, ему говорят: «Марш к себе в комнату, сиди, думай. Когда одумаешься — позови».

Пусть Чечня будет частью России, запертой на замок. И пока они не принесут головы тех, кто посылает террористов убивать детей, — не открывать, не кормить, денег не давать.

8 октября 2004, «МК»

СПАСИ И СОХРАНИ

Владимир Владимирович, проклятий по адресу власти и после «Норд-Оста», и после Беслана было довольно. А что толку?

Если сегодня, не дай бог, случится захват заложников — кто будет руководить спасением? Похоже, заранее вы не знаете. И тот, кого вы вдруг назначите, — тоже не знает заранее. Значит, не готов, начнет метаться, делать ошибки, звонить вам, просить совета.

Случись, не дай бог, землетрясение или наводнение — все знают, что полетит глава МЧС. Сам, без вашего приказа (хотя, возможно, с вашего ведома). Он уже очень опытный; знает, сколько надо техники, врачей, как доставить, как расставить. И люди у него обучены, и собаки.

Извините, но в высшем руководстве страны мы не видим ни одного человека, который понимал бы и знал, как спасти заложников. И был бы нацелен исключительно на это, а не на то, чтобы угодить вам, и не на беспокойство о государственной репутации. А что мы видим? Какие-то глупости — какие-то общественные палаты*, какие-то артистические антитеррористические центры** (вот они сейчас поймают нам Басаева, держи карман).

Мы так и не знаем: какие и на основании чего вы принимаете решения? А те чиновники, которые там (на месте трагедии), — они врут только нам или и вам тоже?

* Она тогда только замышлялась.

** Лановой создал; в бреду, должно быть.

Когда вы 2 сентября (дети в Беслане еще были живы) говорили в Кремле королю Иордании: «Делается все, чтобы спасти детей», — знали ли вы, что там царит хаос? А хаос значит, что при всей суматохе ничего не делается правильно, хотя все куда-то скачут, несутся, кричат, звонят. И значит, скорее всего дети обречены.

После Беслана в обращении к нации вы сказали: «Мы оказались не готовы». Хорошо еще, что вы не произнесли фразу о вероломном нападении. Формулу 1941 года.

Некомпетентность руководства — всегда потери. В мирной стране — экономические убытки. В воюющей — смерть людей.

В 1941-м некомпетентность и упрямство руководства (Сталина) привели к невероятным потерям «живой силы», техники, территории. А потом десятилетиями (и до сих пор) эта катастрофа списывается на внезапное вероломное нападение. А какое ж оно было «внезапное», когда все предупреждали — и разведчики, и дипломаты; и тысячи наших офицеров видели, как на границе концентрируются десятки вражеских дивизий.

И теперь тоже все понимали и предупреждали. Только точного адреса, наверное, никто не знал.

После Беслана (дети уже погибли) вы — в первый день национального траура — пригласили к себе в Ново-Огарево группу западных политологов и журналистов. Их рассказы широко опубликованы. Больше всего их поразило, что в такой сложный и трагический момент вы уделили им четыре с половиной часа. По их мнению, любой западный лидер в такой ситуации либо отменил бы встречу, либо она продолжалась бы не более двадцати минут.

Наших у вас в Ново-Огарево не было ни одного. Значит, для вас было гораздо важнее объяснить свою позицию Западу, чем собственным подданным.

Второе, что отметили зарубежные гости, были ваши очень эмоциональные реакции. «Вы хотите, чтобы мы разговаривали с убийцами детей?!» — это ваше восклицание цитировала вся мировая пресса.

Нет, Владимир Владимирович, мы хотели совсем другого. Мы хотели, чтобы дети (даже если они попали в заложники) остались живы. Больше ничего. Все остальное — политическая риторика, прикрытая «государственными интересами».

«О чем говорить с убийцами детей?!» Пустой вопрос. С убийцами — нет, но с захватчиками — можно и должно. Именно во избежание убийства.

Власть должна была организовать переговоры. Вы должны были назначить переговорщика. Но власть молчала. Хуже того — врала, будто террористы ничего не требуют, будто передали пустую кассету (а на ней был кошмар спортзала). Власть врала, будто заложников то ли сто двадцать, то ли триста пятьдесят. Все это вранье террористы наблюдали по ТВ, и приходили в ярость, и срывали эту ярость на детях.

А зачем врала? С какой умной целью? Стало ли лучше заложникам, или на них было наплевать в отчаянной попытке сохранить лицо Кремля? Значит, ваши даже не понимают, что скрыть такую информацию в наше время невозможно, и значит, к трагедии неизбежно прибавится позор.

В такой ситуации решения мог принимать только человек, назначенный президентом (уровень премьер-министра, министра внутренних дел и т.п.).

А у нас... С места трагедии звонят полковнику, полковник — генералу, генерал — в штаб, штаб — в Москву, Москва — в Кремль, а потом — обратно. А время уходит. А информация искажается. И решения принимает тот, кто не владеет реальной обстановкой. Неправильно и поздно.

«Убийцы детей!» — да, теперь они убийцы. Но нам — ради миллионов живых детей — надо понять: планировали террористы убийство или нет? Планировали? — тогда почему не взорвали школу, как самолеты, как Кадырова?

Убийство детей не прощают нигде, никогда. Неужели террористы хотели, чтобы весь мир испытывал к ним отвращение и ненависть? Зачем?

Скорее им нужно было что-то такое, чтобы весь мир заговорил и чтобы власть России пошла на переговоры.

Поддействовало. Весь мир заговорил. И заговорил *до* убийства, и тем более горячо, когда стало ясно, что заложников не «больше ста», а больше тысячи.

Но переговоры не начались.

...Сейчас отказ террористов принять воду и еду пытаются объяснить тем, будто они заранее твердо решили убить детей. Но, повторяю, решив убить, они могли тайно заминировать и взорвать школу, пять школ, не жертвуя собой.

Возможно, голод, жажда и невыносимые условия, по мысли боевиков, должны были заставить нашу власть скорее начать переговоры, не позволить тянуть. А Москва тянула.

...Власть должна была организовать оцепление. Но и этого необходимого действия не произошло. Возле школы бурлила вооруженная толпа. Власть не смогла оттеснить ее за оцепление.

А мы теперь думаем: может, это какой-то несчастный отец пальнул первым, решив, что лучше всех знает, как быть? Случайный ли выстрел (просто по неосторожности) дал старт катастрофическому развитию событий? Или провокатор, которому нужен был взрыв, чтобы ценою смерти детей доказать всему миру, что с Басаевым и Масхадовым говорить невозможно?*

У нас война, а у вас военного опыта нет, вот беда. Вас в КГБ не учили освобождать заложников. Учили вербовать, учили следить, а не стрелять.

В ноябре 2001-го вы дали интервью американской телекомпании Эй-би-си. Ведущая спросила, приходилось ли вам отдавать приказ об убийстве кого-либо. Вы ответили отрицательно. И пояснили, что ваша работа «носила интеллектуальный характер — сбор информации, прежде всего политической».

В том-то и дело, что вы — аналитик, вам всегда нужно время: собрать информацию, изучить, сопоставить. Мгновенно принимать решения вы не умеете и, похоже, никто из ваших — тоже.

А есть люди, которые лучше всех в мире умеют освобождать заложников.

В Израиле я встретился с двумя очень опытными и очень уважаемыми специалистами по уничтожению террористов и освобождению заложников.

* Мы еще не знали о том, что по школе «работали» огнеметы и танки. А кто приказал «работать»? Интересовала ли его жизнь детей, или единственная цель — смерть террористов?

Асаф ХЕЙФЕЦ, 1945 г.р., тридцать шесть лет службы в армии, генерал-майор, создатель и глава спецподразделения по чрезвычайным ситуациям и спасению заложников. Командовал операцией по освобождению «автобуса матерей» в 1988-м. Тогда террористами был захвачен автобус с женщинами и детьми, который шел в сторону атомного реактора. Хейфец сам подобрал группу спецназа, спланировал операцию. В 7 утра террористы захватили автобус. В 7:30 он был перехвачен и остановлен. В 9 начались переговоры с уполномоченным от правительства. В 11 — штурм.

ХЕЙФЕЦ. Переговоры, как всегда, вела группа профессионалов. Они постоянно в полной готовности. Время до начала переговоров — это только время доставки переговорщиков на место. Самое опасное здесь — мошенничество.

— Что вы имеете в виду?

ХЕЙФЕЦ. Нельзя обманывать. Надо завоевать доверие террористов, чтобы ситуация не сползала, не деградировала, чтобы они хорошо обращались с заложниками, отпустили детей и женщин.

— Какое доверие? Разве они не понимают, что вы тянете время и готовите штурм?

ХЕЙФЕЦ. Каждая сторона рассчитывает на успех. И террористы всякий раз надеются, что окажутся хитрее и сильнее. Первая задача переговоров — понять ситуацию и выиграть время. Для успешного продвижения таких переговоров надо, чтобы террористы видели, что другая сторона: а) хорошо организована; б) всё учитывает; в) всё знает.

Тогда террористам ничего не надо доказывать убийством жертв.

Задачи переговорщиков: 1) завоевать доверие; 2) понять, чего хотят террористы; 3) наладить обмен ключевыми сообщениями.

Ваша проблема в Беслане была не в спецназе. Русский спецназ великолепен, я видел их тренировки, базы — блеск, они берут опыт во всем мире. Проблема была в общей организации.

Вокруг здания с заложниками метрах в пятидесяти должно быть поставлено оцепление, которое видят террористы. Это называется «в тактической близости». Это кольцо спецназа.

Террористы должны видеть тебя и твои движения. Когда не видят — начинают нервничать, дергаться и убивать.

Второе кольцо — на двести пятьдесят метров дальше — полиция. Задача одна: никого посторонних! (Рассказывая, генерал-майор Хейфец быстро нарисовал схему, где была школа, кольцо спецназа, штаб, врачи, спасатели, кольцо полиции. — *А.М.*)

Штаб находится между кольцами, между спецназом и полицией. Только штаб принимает решения. Вплотную, дверь в дверь с главным штабом, разворачиваются два вспомогательных: один руководит спецназом, другой — полицией. Чтобы дать команду, достаточно крикнуть. Не надо тратить время на звонки по телефону, даже на радиосвязь.

Всех жителей, находящихся между кольцами, — выгнать. Все окна в зданиях, обращенные на захваченный объект, занять снайперами.

Спецназ стоит в полной готовности и ждет, имея первоначальный план, который постоянно изменяется по ходу ситуации. Стоит всегда постоянная группа; никаких сменщиков, которым пришлось бы все объяснять сначала.

Все это надо уметь, все это должно быть отработано до того, как будут захвачены заложники.

Очень важна координация гражданских специалистов, полиции, спецназа: а) всеобщая связанность; б) личная ответственность каждого за точно определенный участок.

Успех обеспечивают организованность и быстрота.

Операция «автобус матерей» заняла восемь секунд. Три секунды — добежать, пять секунд — уничтожить. Все террористы были убиты, ни один заложник не пострадал, ни один спецназовец не был даже ранен.

— Вы, конечно, изучали случай «Норд-Оста». Уже два года у нас вопрос без ответа: зачем застрелили спящих, отравленных газом террористок? Не лучше ли было их допросить?

ХЕЙФЕЦ. Не могу ответить, не зная, была ли вашей «Альфе» поставлена задача взять их живыми. Если такая задача не поставлена, спецназ убивает не раздумывая. Мне иногда говорили: «Принеси одного живым, но не любой ценой». Это значит — не жертвуя своими бойцами. Операция «Норд-Ост» — историческая по замыслу и проведению. Печальная проблема

возникла со «второй рукой», которая должна была дать антидот всем заложникам, быстро и правильно оказать помощь.

Шауль ГИВОЛИ, 1926 г.р., воевал еще до возникновения государства Израиль, потом война с Египтом в 1948-м, война в 1956-м (командовал отрядом, взявшим Газу), Шестидневная война, Война Судного дня. С 1976-го в полиции. Ушел из армии генералом бригады, из полиции — генерал-майором. Организатор специального обучения полиции.

ГИВОЛИ. Интересы армии — бюджет (для этого надо всегда говорить: «положение тяжелое») и карьера. Мораль где-то на третьем месте. Интересы политиков — электоральные и идеологические. В государстве альтруистических организаций нет.

Первая заповедь спецназа в случае захвата заложников: хорошая связь с террористами. Надо дать им полную уверенность, что все их требования выслушаны, поняты, серьезно анализируются, что проверяется возможность исполнения. Надо дать им надежду, что сделка, к которой в конце концов придут стороны, позволит им остаться жить.

Две опасности. Первая: если у террористов создается впечатление, что к ним несерьезно относятся, они начинают убивать заложников, чтобы добиться серьезного отношения. Вторая: если у террористов нет никакой надежды, они превращаются в самоубийц и, значит, в абсолютно беспощадных убийц.

Командиры на местах (там, где случился захват) не должны спешить что-то сделать. Первый, кто оказался на месте, должен всеми силами стабилизировать и консервировать ситуацию. И ждать прибытия группы из центра. Все должны взвешивать: если я это сделаю — какие будут последствия, хорошие или нет.

Надо постараться поставить диагноз террористам. Если они очень религиозны — доставить на место араба-муллу. Или доставить туда какого-нибудь главаря террористов, сидящего в тюрьме, если он согласен вести переговоры (зря убили Радужева в заключении. — *А.М.*). В Беслане я постарался бы доставить на место какого-нибудь знаменитого кавказского поэта — человека, пользующегося всеобщим уважением.

Имея дело с мусульманами, надо помнить, что уважение для них больше, чем жизнь. Если девушку обесчестили, отец говорит ее брату: «Убей». А ведь для уважения не нужен бюджет, оно бесплатно.

Министр обороны Моше Даян говорил: «Тараном можно пробить стену и ворваться на территорию, но тараном нельзя править. Разрушить — можно, построить — нет».

Когда ведешь переговоры о заложниках, надо дать террористам кредит уважения. Если им говорить: «Вы несете чушь», — они начинают убивать. Следует не выполнять требования, но говорить им: «Ваши требования надо рассмотреть в правительстве, в парламенте. Это невозможно быстро. А пока — давайте, возьмите воду, лекарства, отпустите слабых». И одновременно готовить спецназ и врачей на случай тяжелого развития ситуации.

У вас в Беслане ситуация длилась дни, а для организации надо всего два часа. Но не было сделано ничего.

Террористы хотят успеха. Если они бы не хотели переговоров — могли бы сразу взорвать школу. Каждая сторона хочет преуспеть. Они не должны видеть, что к ним приближается спецназ. Ваша «Альфа» должна выглядеть как инженеры, офицанты, врачи.

Террористы посадили «Сабену» (Гиволи рассказывает об операции освобождения заложников в самолете бельгийской авиакомпании «Сабена». — А.М.) в Бен-Гурионе, потребовали освобождения из тюрем арестованных террористов.

Захватчикам объяснили, что для них и для пассажиров необходима вентиляция, необходимо очень многое для функционирования систем самолета. Барак и Нетаньяху (будущие премьер-министры Израиля. — А.М.) пошли к самолету в белых комбинезонах бортинженеров.

Сто пассажиров, пять террористов, двенадцать людей в комбинезонах. Операция длилась девяносто секунд...

Владимир Владимирович, жаль, если эти простые, проверенные схемы вам неизвестны. А если известны, но не применяются, тогда...

Услышав вопрос: «В каких случаях можно идти на переговоры с террористами, захватившими заложников?» — собеседни-

ки изумленно взглядывали на меня, на переводчика и, убедившись, что правильно поняли вопрос, отвечали: «*Всегда*».

Подчеркиваю это, ибо уж кого-кого, а израильских генералов невозможно заподозрить в гуманном отношении к террористам.

Миф о том, что переговоры вести не надо, — миф беспредельно подлый. Но он внедряется в сознание людей всеми средствами. Уже не только политики, журналисты, киноартисты и кинорежиссеры, но даже психологи стали у нас дико воинственными. (На днях в «Известиях» президент Национальной федерации психоанализа Решетников заявил: «С террористом, который идет с оружием в руках, никаких переговоров быть не может». Или у Решетникова нет детей, или их не захватывали.)

Владимир Владимирович, на схеме, нарисованной специалистом по спасению заложников генерал-майором Хейфецем, от штаба (где принимаются все решения) до террористов — сто пятьдесят метров. А при «Норд-Осте» это расстояние равнялось десяти километрам (потому что все решения принимались в Кремле). А при Беслане решения принимались за полторы тысячи километров от места трагедии. В десять тысяч раз дальше, чем следует.

Мы с 1994 года воюем, Владимир Владимирович. Вы наш Верховный главнокомандующий, вы повторно начали эту войну в 1999-м, а теперь, через пять лет, говорите, что оказались не готовы. Продолжая сравнение с Великой Отечественной, где враг был неизмеримо сильнее и умнее, скажу: через пять лет после начала войны враг был давно готов (в смысле — капут).

В Израиле, где война с террористами идет давно, во главе государства уже много лет почему-то оказываются не аналитики, а бойцы спецназа.

Москва, Тель-Авив,
Иерусалим и окрестности

Эхуд БАРАК — премьер-министр 1999–2001 годов. Имеет наибольшее число наград среди ныне здравствующих израильтян — пять знаков отличия на поле боя, пятикратный Герой Израиля (все награды получены за период службы в спецназе).

Путин

В 1971 году командовал операцией, в ходе которой прямо из генерального штаба сирийской армии были похищены пять офицеров. В 1972 году командовал молниеносной (девятью секундами) операцией по освобождению заложников «Сабены». Первым ворвался в «Боинг-707», промчался мимо рядовых террористов (если бы он начал стрелять в ближайшего, то дальние получили бы время для ответных действий), добежал до туалета, где заперся главарь, и застрелил его. В спецслужбах всего мира эта операция детально изучается. Поэтому у специалистов есть предположение, что знаменитая фраза президента России «мочить в сортире» — оттуда, из сортира «Сабены». В 1973-м руководил операцией по ликвидации палестинских лидеров, проживавших в столице Ливана. Переодевшись в женскую одежду (говорят, он выглядел совершенно очаровательной блондинкой), Барак ворвался в дом со своими командос и застрелил трех видных деятелей ООП, ответственных за убийство израильских спортсменов на мюнхенской Олимпиаде.

2005

15 марта 2005, «МК»

РАБЫ НА ОБОЧИНЕ

Владимир Владимирович! Когда вы только собираетесь на работу, нас уже сгоняют с дороги (хотя нам тоже на работу)*. Нас выстраивают в гигантские (километровые) очереди на Рублевском шоссе, на Кутузовском проспекте, на съездах с МКАД, на всех дорожках и улицах, которые вливаются в вашу (и немножко нашу) трассу. Повезет — прстоишь минут двадцать, а не повезет — и целый час.

Вы привыкли. Наверное, даже не замечаете. Но люди меняются. То есть люди вроде бы те же, но их настроение изменилось. Слышите, как мы гудим, когда вы мимо нас летите? Впрочем, ваш «мерседес», наверное, звуков не пропускает.

Года два назад мы уже подсчитывали убытки, помните? Чтобы вас пропустить, стоят 50 тысяч машин. В среднем по 30 минут утром и вечером. Это 50 тысяч часов. Получается 6 тысяч рабочих дней. Если 22 рабочих дня в месяц, выходит 270 месяцев. 270 наших месяцев за ваш день.

Те, у кого своя машина, обычно получают не меньше тысячи долларов в месяц. А многие жители Рублевки (у которых еще и водитель) — больше десяти. Выходит, минимум 270 тысяч долларов в день теряем мы в вашей пробке. Если за год вы 200 раз съездите на работу, это обойдется нам в 50 с лишним миллионов долларов. Только за потерянное время. А сколько сгорает бензина, а сколько моторов работает вхолостую...

Это я считал, пока вы первый срок отработывали. А теперь думаю: как же это я поддался веяниям времени? Почему согла-

* В этом смысле ничего не изменилось, когда он стал премьером. В других смыслах тоже ничего не изменилось.

шаюсь все мерить на деньги — и свободу, и жизнь? Вы заперли меня в пробке — значит, я не свободен. Этот час ежедневно вычеркивается из моей жизни; она становится короче. Ради чего?

Свобода и жизнь — очень важные льготы. Мало кто согласится обменять их на деньги. Даже если бы нам предложили получать за час стояния в пробке 300 рублей — нет! Это не ското-часы и не собако-часы. Это человеко-часы. Это важно понимать.

На заднем сиденье ребенок; ему в школу. Если ребенок не получает зарплаты — он что, ничего не теряет? А здоровье? Мы вместе дышим ядом. (В середине шестирядной километровой пробки воздуха нет, только выхлоп).

А что у него творится в голове и душе, когда он видит...

Владимир Владимирович, вы ежедневно культивируете (насаждаете) рабство. Ужасное, бессмысленное. Что приходит в голову ребенку, когда он добирается наконец до школы и проходит Египет?

При приближении фараона (египтяне считали его живым богом) следовало пасть ниц. Но ведь не на полчаса. И людей с улиц не выметали.

Следовало не только пасть ниц, но и глаз не подымать. Мол, «нечистый взгляд» может осквернить, оскорбить фараона. Возможно, египтяне верили этому объяснению.

Но настоящая причина могла быть иной. Что, если дело было не в нечистом, а в ненавидящем взгляде? Очень неприятно вдруг валиться ниц в пыль, в грязь — на колени! руки на землю! лбом в землю! Лица этих людей, распластавшихся в грязи, вряд ли выражали обожание и радость. И фараон, поймав ненавидящий взгляд, мог огорчиться и задуматься: неужели не все меня любят? Лучше пусть никто не смотрит.

Если так, тогда «нечистый взгляд» — это липовое объяснение, приятное фараону, не подрывающее порядка. Ибо не подвергается сомнению всеобщее обожание. Они, ваше величество, падаль; они вас обожают, закрыв глаза, ибо боятся ослепнуть от вашего сияния.

На трассе полно отличных машин, способных ехать со скоростью 200 километров в час, 250, а у особо богатых — и 300!

Но, жаль, вы не видите, как десятки тысяч этих шедевров техники и мощи ползут со скоростью пешехода. 20 миллионов

лошадиных сил, засунутых в пробку, уходят на перемещение людей со скоростью меньше, чем у неандертальца.

Тысячи людей из-за вас стоят (сидят) с мощью в миллионы лошадиных сил.

Вы остановили всю страну, чтобы самому одному (с охраной) лететь. У вас скорость 200 километров в час. У нас — ради вас — ноль. Вы один, нас сотни тысяч. Вместе у нас с вами средняя скорость полтора сантиметра в час. Сантиметра! Как же мы догоним кого-то? Разве что Северную Корею. В направлении ликующего поедания травы.

Нет? Не полтора сантиметра? Ну пусть министры пересчитают. Недавно они обсчитались на несколько миллионов льготников, пусть исправятся. Только бы не закричали, будто некие провокаторы вывезли и поставили вдоль вашей трассы тысячи машин.

Понимаем, что вы нуждаетесь в безопасности. И чем быстрее едете, тем труднее попасть. А вертолет не годится из-за всяких штучек типа «земля—воздух».

Но по совести, и при минимальном сочувствии к людям — решение простейшее: живите в Кремле, как Ленин, как Буш в Белом доме. А мы скинемся на горный воздух, на морской воздух — вам в баллонах будут доставлять.

Там, в пробке, нет (почти нет) бедствующих, стариков, инвалидов Великой Отечественной. В основном — благополучные. У них хорошая работа, хорошая зарплата — иначе бы их не было там, в «ауди» и «тойотах». Но есть чувство, объединяющее этих благополучных в толпе иномарок с толпой стариков, вышедших на улицы от бедности, — ненависть к тупому насилию. Так и ждешь, что из передовой машины, которая, проверяя зачистку трассы, летит на километр впереди вашего кортежа, раздастся громовой голос из мегафона: «Руки на руль! Голову вниз!»

Нечистый взгляд?..

Где-то в пробке стоят «скорые», в которых кто-то умирает от инфаркта, а где-то умирают, не дождавшись «скорой». А где-то в этой пробке орут роженицы... Вы каждый день обеспечиваете кому-то родовую травму; не задумывались?

А сотни гаишников? Они, вы думаете, рады? Перед тем как окончательно перекрыть, они должны полностью очистить

трассу. И они машут палками, как вентиляторы: давай! давай! Идешь со скоростью 100 километров в час (хотя по правилам здесь 60), а гаишник машет: давай! давай! Идешь 120, 140 — душа радуется. Летим! Кто ж из нас не любит быстрой езды?!

Но радость, увы, минутная; скоро упираемся в хвост пробки, перекрыто... Стоишь и с запозданием приходит в голову: ведь какие виражи! Ведь они предпочитают, чтобы мы разбились, лишь бы скорее убрались с трассы...

Раньше стояли молча. Нервничали, но признавали ваше право. А теперь гудим. Все висит на волоске. Глядишь, скоро поедем. И если поедем, то не остановимся.

Это тот самый случай, когда ваша власть держится только на нашей покорности. Ни на чем больше. Гаишник — символ. Силы у него нет. Если мы выйдем из повиновения, то даже танками не удастся перекрыть. И танков не хватит, и, главное, организовать не смогут.

Что будет, когда передний ряд машин тронется (а за ними сразу двинутся следующие)? Что будет делать гаишник, когда на него поползут десятки машин? Если тронется один из нас — наверное, расшибут ему палкой стекло, а то и голову. Но если поедут несколько сразу... Если мы все вдруг выйдем из рабства и поедем...

Что будут делать эти, с палками? Лица их измучены. Наша ненависть, наша ярость обрушивается на них, и они орут в лицо озверевшим водителям (если стоишь близко к гаишнику, то слышно):

— Я на службе! Это — слуги народа! А я — подневольный!

«Слуги народа» — это он про вас. Он не решается произвести «президент», и мы его понимаем. Но ясно и то, что душою он с нами. Он не идейный ваш, а подневольный. Значит, наш.

И вот, Владимир Владимирович, решаюсь сказать вам то, с чего начал. В вашей пробке звучат наши гудки. Будете проезжать мимо нас — послушайте. Всего год-два назад мы стояли молча. Но все чаще слышу (и сам жму на клаксон) рев сотен гудков. Это мат. Нечленораздельный, но громкий.

Слышно? Если слышно, то, наверное, вам объяснили, что мы вас приветствуем.

4 апреля 2005, «МК»

РУССКИЕ УХОДЯТ

Владимир Владимирович! Вы небось думаете, будто русских сто сорок четыре миллиона? Черта с два!

Говорят, к 2050-му нас останется то ли половина, то ли треть (пятьдесят миллионов). Извините за резкость, Владимир Владимирович, но и это чепуха. Нас не останется. Эти миллионы будем совсем не мы. Это будут добыватели полезных ископаемых. И обслуга добывателей — официанты, таксисты, девочки. А белые, или желтые, или черные, раскосые, курносые или носатые — все равно.

...Пишу вам письма, и часто возникает чувство (почти уверенность), что вы меня не понимаете. А почему?

Пишу по-русски, и вы — русский. Но, похоже, говорим на разных языках. Может ли такое быть?

Вот у вас собачка Кони, она русскоязычная («ко мне!», «сидеть!»), но разве у нее были проблемы объясниться с собачкой Буша? Носик понюхал хвостик — любовь до гроба. А мы с вами? Где взаимопонимание?

Вас (и вашего предшественника) упрекают в катастрофической убыли населения. Сокращаемся на миллион в год — это статистики утверждают; без всяких упреков; просто фиксируют положение.

Они же, статистики, сказав про убыль (умерло столько-то, уехало столько-то), в следующей графе утешают: вот прибыль — вот родились, вот приехали, мол, столько-то таджиков, молдаван...

И нам объясняют, что это хорошо и прекрасно. Во-первых, население не так быстро убывает. Во-вторых, если б не они — кто бы копал канавы, чистил выгребные ямы...

Да, если цель России — копать канавы и бурить скважины, тогда можно безмятежно шелкать на счетах: умерло — родилось, уехало — въехало; и все это *оно*, среднего рода, не имеющее личности, среднеарифметическое, измеряемое в штуках.

Если наша миссия — нефть и газ, тогда мы для мира просто скважина, как Кувейт. Цена барреля — вот и весь интерес.

Но Россия для мира — не для политиков и генералов (для них мы — водородная бомба) — для мира, о котором стоит говорить, Россия — это Чехов, Толстой, Достоевский. Их цена растет уже сто с лишним лет, никогда не падает.

Если хоть чуть задуматься... Уезжает врач, инженер, ученый, умирает старый писатель, старый учитель, старый музыкант, а въезжает дворник, носильщик, молодой продавец.

Это как водка, Владимир Владимирович (самая понятная русскому вещь). Если водка налита в стакан — она выдыхается. Дух из нее уходит; а по-ученому — спирт улетучивается. Но такого дурака нет, который выдохшуюся водку дольет водой — чтоб опять стакан стал полным. Полным-то он станет, только пить это не станешь. Россия улетучивается.

Прежде я писал вам о том, что можно подсчитать: льготы, взятки, пенсии, пробки, электрички... А ведь пора и о душе подумать.

Эти въехавшие никогда не станут русскими. И дети их — вряд ли.

За десять лет население сократилось на десять миллионов. И все, кто занимается демографией и миграционной политикой, объясняют нам (и вам), что поэтому нужны гастарбайтеры. Вся надежда, что они восполнят убыль населения. Тем более что Китай нависает... И нам не удержать обезлюдевший Дальний Восток, Сибирь...

Нам?

Те, кто нас заменяет, — это мы? Да, если мы родили и воспитали детей и внуков, то они — наша смена; в некотором смысле — мы.

Но те бедняги, кого мы наняли в дворники, — они разве мы?

Это они, что ли, пойдут на окраину Империи защищать наши земли, наши рубежи от китайцев? Защищать тех, кто презрительно называет их чурками, унижает, грабит, убивает ради забавы.

Идиотская мысль: восполнить убыль населения гастарбайтерами, дешевой рабочей силой.

Заменять нас ими — это значит представлять себе Россию как нефтяную скважину. Тогда — нет проблем. Тогда все равно, кто бурит, качает, сторожит.

Они необходимы экономике, нашей глупой, жлобской экономике. Но рассчитывать на них как на продолжателей русской миссии... Разве что их внуки — как при Петре, при Екатерине внуки обрусевших немцев, итальянцев... Но тогда их детей надо с малолетства учить, талантливым открывать дорогу... Увы, такие планы — «игра в долгую». А ваша власть, Владимир Владимирович, играет в короткую. В быстрые деньги.

Ваше правительство вложило в русский язык (в издание книг) меньше, чем Сорос, — это стыдно. Говорят, стабилизационный фонд из-за угрозы инфляции нельзя расходовать на зарплату. Но, может быть, стоит поддержать русские школы и учителей в странах СНГ, где они при последнем издыхании?

Как только Армения, Литва и т.д. перестанут говорить по-русски — мы потеряем их навсегда. Кому нужны соседи, с которыми не поговоришь? Они превратятся для нас в покупателей и продавцов — то есть останутся лишь бухгалтерские отношения. А ведь до сих пор еще теплится бесценная эмоциональная связь.

У нас остался последний шанс — максимум лет пять, чтобы спасти запасы языка. Все русскоязычные (в России и за границей) — богатство, которое исчезнет навсегда. Нефть еще найдем, а этого — не будет.

Если Россия — заправка, тогда все равно, кто вставляет шланг, берет деньги, протирает стекло, протягивает руку за чаевыми.

А там, в Америках, наши дети уже не мы, они что-то промежуточное, а уж их дети (наши внуки) даже не говорят и не хотят говорить по-русски, а значит, совершенно не мы.

А те, которые здесь, здешнее население — почти уже не мы.

Когда взяли Зимний, русские братцы-матросики загадили ванны и китайские вазы (хотя канализация работала), изорвали и сожгли книги. Они действовали как крупные обезьяны. Очень смышленные. Оставили себе врачей, ибо болели. Инженеров — чтоб машины ездили. Священник? — лишний (Бога ведь нету, души нету), священников убили.

Это к власти пришли «условно русские». О них в романе Достоевского «Преступление и наказание» следователь Порфирий Петрович предупреждал Раскольникова, объясняя, что бежать тому некуда:

«Куда ему (убийце) бежать?.. В глубину отечества убежит, что ли? Да ведь там мужики живут, настоящие, посконные, русские; этак ведь современно-то развитый человек скорее острог предпочтет, чем с такими иностранцами, как мужики наши, жить!»

Да, наш мужичок — тот еще иностранец.

В Благовещенске били и насиловали целый город — русские? По крови — не знаю. По душе... чужая душа — потемки. А целый город, который дался, чтобы его насиловали, и терпел, и не начал стрелять, — русский?

А столичные? В Москве шестеро студентов журфака (из шести мною опрошенных) не читали «Бориса Годунова». А если они не читали и «Преступление и наказание» — значит, все мои рассуждения мимо. Люди перестают говорить на *этом* русском языке. Слова остаются, а смыслы исчезают.

В Петербурге — в культурной столице Империи — подростки, для забавы убившие шестилетнюю таджичку (двадцать шесть ножевых ранений), — русские? Они что, верили, что спасают Россию? Их на порог не пустили бы Толстой, Достоевский, Чехов — те, кто олицетворяют, то есть являются лицом России.

...Есть лицо, а есть грязь из-под ногтей.

Такие горячие патриоты могли бы брать пример с израильских евреев. Те селятся на окраинах только ради идеи, хотя это невыгодно и опасно. А наши гуляют по столицам, поглядывая, кого избить, какое кладбище осквернить. И не слышать, чтоб хоть один ради идеи переселился на Дальний Восток сопротивляться китайскому нашествию.

У них по-своему устроены мозги. Даже этот текст они могут использовать как теоретическое обоснование своего зверства. Увы, делаешь топор для плотника, чтобы дом строил, а он оказывается в руке Раскольникова — русского, искренне мечтающего улучшить жизнь любимой Родины: топором по голове.

...Стать русским может ребенок любой национальности, если ему отроду читают Пушкина («Каштанку», «Конька-Горбунка»)* и колыбельную поют по-русски.

Но и русский по крови малыш не станет русским, если отроду перед ним голубой экран с Симпсонами и Маппет-шоуами (если шоу склоняется).

Увы, это мало кого волнует. Жизнь в вашу эпоху, Владимир Владимирович, так устроена, что Пушкин не приносит дохода... престижа.

Дети нашей многонациональной страны стремительно осваивают компьютер, мобильник, курс валют, крутящий момент, октановое число — это прибыль, престиж, успех, цепь на шее, перстни, пирсинг.

У нас теперь язык легкий и понятный: дай, беги, хочу. Это как мур-мур и мяу-мяу — все от пупка и ниже. А выше? Если у человека нет в голове «Бориса Годунова» и «Гамлета» — он как компьютер без *Word'a*: арифмометр, калькулятор, порножурнал.

Исчезает язык общения. Остается язык потребления. А если так — то удобнее английский: легче покупать, легче понять инструкцию.

Уход русской культуры в небытие стремителен. Она исчезает гораздо быстрее, чем сокращается население. Какой там Пушкин! — мальчики и девочки (русские по паспорту) не знают, куда впадает Волга. Ваше правительство уничтожает образование**. Воспротивиться этому могло бы общественное мнение. Но его нет или оно бессильно.

* Проверка бдительности удалась. Двое-трое гневных читателей прислали письма: мол, Минкин — идиот, не знает, что «Каштанку» Тургенев сочинил.

** Сейчас опрос показал: растет число людей, считающих, что Солнце вертится вокруг Земли. Бедный Дж.Бруно.

Ждать, пока созреет общественное мнение, некогда. (При таком развитии событий оно не созреет никогда.) А от толпы нечего ждать добра. Да и черт с ней, с толпой, ее не убедишь. Власть (вы, Владимир Владимирович) должна немедленно все ресурсы и ум нации бросить на спасение. Как все силы бросают врачи, чтобы остановить фонтан крови; а маникюр, перхоть — это когда-нибудь потом.

Не уверен, что вы меня понимаете.

Это трагическая ситуация — поезд летит к пропасти. И это трагическое непонимание — машинист спит.

«Популяция», «поголовье» — все это говорит о том, что мы почему-то согласны, чтобы нас считали на шутики. Популяция — так можно и о мышах.

А если по душам? Извините, что снова повторю: если считать по Достоевскому и Пушкину — то сколько нас? Десять миллионов? Или пять? Или всего-то сотня тысяч?

Иностранец называется по государству. Во Франции — француз, в Испании — испанец. А наш человек называется не по стране, а по языку — русский.

И вот знание этого языка (остатки языка) сведено к умению читать этикетку, решать кроссворд.

Кто же это — русский человек?

Если считать по крови (как Гитлер евреев), то человек, чьи дедушки и бабушки русские, — русский.

А если его дедушки-бабушки еще детьми оказались во Франции, папа-мама родились в Париже; и вот он — русский по крови, но не знающий ни слова по-русски, думающий по-французски, не читавший Достоевского даже в переводе, банковский клерк — кто он? По крови — русский на сто процентов, а по-нашему — ноль.

Верю, что вы не расист, Владимир Владимирович. Но хотелось бы знать: Левитан-художник и Левитан-диктор («От Советского Информбюро») — они для вас евреи или русские? Спрашиваю только для того, чтобы помочь уяснить проблему.

Сам язык подсказывает: русский — это не кто, а какой. Какой ты — то есть что у тебя в душе, в голове.

Пушкин (эфиоп, который наше все) — ошибался. Помните его знаменитый «Памятник»:

...И назовет меня всяк сущий в ней язык:
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык.

Финн уже не назовет, как вы понимаете. У финнов от русского языка осталось лишь «водка», «наташа», «сколько». О тунгусах и калмыках точных сведений нет; все зависит от родителей и учителей; но радужных надежд питать не приходится.

Когда ваши министры и советники говорят «мы въехали в рынок» — они даже не понимают, какой яркий образ возникает. Рынок — это «хаммер», «лексус», «порше». Попробуйте въехать в них на «жигуле» или «запорожце» — что от вас останется?

Рынок, Владимир Владимирович, как это свойственно новому русскому, вылетел на встречную и въехал в нас. Нас теперь надо выпиливать из смятой в лепешку консервной банки, надо скорую помощь. Успеет? Или, качая головами, врачи скажут: «Травма, несовместимая с жизнью».

Коров, лошадей считали по головам. Поголовье — это о скотине. Даже крепостных крестьян (рабов) считали по душам. Даже мертвых. И до сих пор сохранился атавизм — старорежимное «на душу населения». Но всё, что подсчитывают «на душу», относится к поголовью: продолжительность жизни, килограммы хлеба, литры водки, квадратные метры. А где душа?

Считаем свой уровень по ВВП, но Пушкин туда не входит.

Людам по телевизору ежедневно объясняют, кто сегодня наше все (в новостях — вы, в кино — бригада). А в промежутках на экране шевелятся и улыбаются благоухающие телеса, белозубые, без перхоти, запаха, жира, «где надо — гладко, где надо — шерсть» (Бродский). Купи это! — и станешь таким (такой), как на экране. Нам хотят придать товарный вид.

Пока ребенок едет по улицам русской столицы, в его глаза вбиваются тысячи плакатов «Купи-купи-купи! это-это-это!» А если б вы, Владимир Владимирович, не дай бог, спустились в метро — все станции, все вагоны заклеены: «Съешь! Выпей! Покури!» В душу ребенка закладывают, а лучше сказать, запихивают и трамбуют... Кто-нибудь слышал от ребенка: «Купи мне книжку»?

А в буржуйской Швейцарии, где, как нам внушают, все думают только о деньгах — в электричках на стенах вагонов цитаты из лучших романов лучших писателей. Летишь по рельсам из Женевы в Цюрих; хочешь — глядишь в окно на виноградники и озера, хочешь — читаешь цитаты над окнами.

Писатели разные. Надписей сотни. Но общее — одно: все цитаты умные, добрые, человеческие; и ничего про деньги, никаких «купи!», «выпей!», «оттянись!»*.

Вся Россия (читающая) внимала Достоевскому. А что думают купцы первой гильдии — никого не интересовало. Купцы жертвовали на искусство, на приюты, на больницы (в Москве — Боткинская, Морозовская...), но они не учили нацию, как жить, чему верить, что такое хорошо, что такое плохо. А кому Россия внимает сейчас?

В XIX веке были и несметно богатые люди, и знаменитые эстрадные певички. Но в голову не приходило брать у них интервью: что едят, с кем спят, где купаются? А у нас и эфир, и газеты ежедневно забиты интервью с богачами и певичками. Для думающих нет места. Это, мол, никому не интересно. А кто решил, что это никому не интересно?

А потом выясняется (в армии), что призывники не умеют читать. Потому что дураки? Или потому что грамотные не нужны — поэтому и не платим зарплату учителям.

Богачи умеют деньги зарабатывать — и отлично. Но указывать путь — нет. За эти годы мы убедились, что они не могут вести страну. Их интерес — только деньги, не люди.

Если считать нас в потребителях, то мы сокращаемся на миллион в год.

А если считать нас в читателях — тогда на сколько? Если считать читающих этикетки — нас все еще много. А сколько людей читают серьезные книги?

Не знаю, читали ли вы, Владимир Владимирович, знаменитую книгу Брэдбери «451° по Фаренгейту»?

В ней государство преследует читателей, казнит без суда. Государство сжигает книги. Стены квартир — сплошные телеэкра-

* Через три-четыре года после этой публикации в некоторых вагонах метро появились цитаты из классиков.

ны, а там — или сериалы, или погони и убийства в прямом эфире. Все одурочены и агрессивны. Мыслящих остались единицы.

Это изображен не фашизм и не Россия. Это не диссидент написал. Это описана Америка, США. Благополучный Брэдбери в демократической богатой стране предвидел такое будущее.

Он ошибся. Оказалось, что сжигать книги не надо. И казнить за чтение не надо. Оказалось, что телевизора с «Аншлагом» и «Домом-2» достаточно, чтобы люди перестали читать, перестали быть людьми.

Доброта, совесть, честь — эти понятия уходят в прошлое. Эти понятия, как ни странно, основаны не на свободе, а на запретах: не делай зла, не лги...

Мы уничтожили запреты. Мол, все должно расти естественно. Сила, грубость, деньги, эрекция — все это очень естественно. А в результате получают животные, но не в смысле собаки (у них есть любовь, ритуалы, преданность), а животные в смысле опарыш.

Бедные богатые! Они покупают себе виллы, яхты, великих футболистов. Миллиардер может купить Репина, Рембрандта, Ренуара, и спрятать от людей, и любоваться в одиночку. Может купить дворец и закрыть его от людей. Но никакой мультимиллиардер не может купить и спрятать от нас «Войну и мир», «Капитанскую дочку». Они не могут купить себе великих писателей. Даже если бы захотели — не смогли б.

А мы владеем ими бесплатно. Но только пока мы — русские. Утратив язык, не сможем купить себе русскую литературу ни за какие деньги.

Все вокруг разговаривают по-русски, и кажется, будто всё в порядке — вот он, наш родной язык, вроде бы все владеем.

Когда Колумб приплыл в Америку, он довольно просто нашел общий язык с аборигенами: ням-ням, буль-буль, чмок-чмок — есть, пить, дай, убью — это язык на уровне жестов, на уровне опарыша. Но когда испанцам вздумалось поговорить с новыми друзьями о душе, о Боге... — ничего не вышло, пришлось стрелять.

Как считать русских? По курносому носам? По русым кудрям? Нам очень повезло с эфиопом (который наше все) — нас

невозможно обвинить в расизме. Дело не в форме носа, а в устройстве души. Великая русская поэзия — Пушкин, Лермонтов, Блок, Ахматова, Цветаева, Мандельштам, Пастернак, Бродский, Высоцкий — фашисты сделали бы из них мыло. Беллинсгаузен (не выговоришь) — русский путешественник, прославил нас — открыл Антарктиду. Екатерина Великая — стопроцентная немка. Айвазовский — кумир аукционеров — Айвазян.

Татары, армяне, евреи, родившиеся в Москве, не знающие, увы, родového языка; для них русский — родной и единственный.

А обирающие старух менты-рэкетеры, у которых весь словарь — два существительных и один глагол — три слова и все непечатные, — они русские?

...Кто ж мог предположить, что нас ждет участь малых народов Севера. Сколько помню, советская интеллигенция выражала холодное сочувствие по их поводу: мол, что ж поделаешь, да, исчезают, вымирают...

Чукчи, якуты, эвенки, и др., и др. — с богатейшим языком, древним укладом, потрясающими сказками, невероятно миролюбивые, беззлобные, и с шаманами, которым в подметки не годятся африканские колдуны, — где все это? Огненная вода убила людей, добыча нефти уничтожила тундру, дети в интернатах, сифилис, старость в тридцать пять лет.

Казалось, русских эта участь не может и коснуться. Никто и не думал об угрозе главному народу СССР. Но все это произошло и с нами: огненная вода, добыча нефти... Миллионы беспризорников означают только одно: государству и обществу дети не нужны. А то, что государство делает со стариками, ясно говорит: старики тоже не нужны.

Кто же будет петь «баюшки-баю»? и кому?

...Легко назвать печальные пророчества «вечным стариковским ворчанием». А вдруг оно действительно вечное? Ведь это ворчание всегда (во все века) ворчал о любви, о добре, о совети — может, это и спасало? А не будь такого ворчания — что бы было? Людоедство.

Эх, Владимир Владимирович! Не мне бы обо всем этом говорить. Лучше бы эту большую тему затронул какой-нибудь Иванов. Получилось бы умнее, деликатнее, приличнее. Ивановых у вас много — но, похоже, все они заняты чем-то другим.

7 апреля 2005, «МК»

ХЛЕБНЁМ ДЛЯ ЯСНОСТИ

Владимир Владимирович! Терпение кончилось. Есть ситуации, которые невозможно разрешить цивилизованными методами, законными способами. Ни судом, ни голосованием — никак.

Скажем, решил суд, что убийцы Холодова невиновны, но мы же не верим суду. Или — проголосует Дума считать министров честными; и что? Мы же не поверим в честность министров. Да и в честность депутатов, которые так голосуют.

А как сделать, чтобы тебе поверили?

Раньше можно было доказать свою правоту на дуэли. Согласитесь, мало кто решится рисковать жизнью ради своего вранья. Если человек подставляет лоб под пулю, то уж, наверное, за правду. А теперь?

В последнее время кроме писем к вам я напечатал несколько заметок про оппозицию («Сосать пустышку»; «Где пробу ставить?»; «Чьи деньги, Зин?»). Там затронуты Хакамада, Рыжков, Каспаров, Немцов, Глазьев и пр. А в ответ — поток оскорблений. Мол, по заказу Кремля написано.

Выходит, они решили, что это вы мне их заказали. (Извините за три местоимения подряд.)

Что же получается?! Ваши вам говорят, будто вас мне те заказали, а те — что вы мне их*.

Вот как вы, политики, одинаково думаете.

* Извинившись за три местоимения, автор сочинил фразу, где местоимений девять.

А я думаю иначе. Если вы гневаетесь на меня за мои заметки, то я верю, что вы это искренне, а не потому что вас науськал Немцов. А когда Немцов злится и жалуется на меня в прокуратуру или в Большое Жюри Союза журналистов — я верю, что это он сам, а не по вашему приказу.

А насчет заказов, продажности и пр. — это всё клевета. Я понимаю, что всем вам так удобнее. Все вы не верите, будто можете кому-то не нравиться. Вы считаете себя умными, замечательными (а некоторые упитанные живчики даже называют себя камикадзами — то есть героями, отдающими жизнь за Родину; хотя Родину они имеют даром, то есть ничего не отдавая взамен).

И некоторые читатели достали. Пока они читают то, что им нравится, они считают журналиста честным. Но стоит им прочесть то, с чем они не согласны, они строчат в редакцию оскорбительные письма. Да, Владимир Владимирович, среди читателей, увы, тоже попадаются дураки.

Доконал меня один разговор после выхода «Сосать пустышку»*.

Мой друг (главный редактор очень приличной газеты) говорит: «Ты зачем мочишь Рыжкова? Ты же понимаешь, *кто* это делает». И рассказывает, что на Алтай приезжал какой-то хмырь из вашей Администрации и предлагал бешеные деньги, чтобы тамошняя пресса мочила молодого Рыжкова, но сто тридцать алтайских журналистов возмутились, взбунтовались. Рассказал и добавил: «А ты...» И замолк.

И вроде бы выходит, что алтайские отказались, а я согласился.

Это тяжелое оскорбление.

Да я бы тоже взбунтовался, если б меня заставляли или подкупали. Но к тем, кто называет себя оппозицией, я критически отношусь сам, а не по заказу. И миллионы людей, которым не нравятся Гайдар, Немцов, Хакамада, Кох и прочее СПС, испытывают эти чувства бесплатно и по доброй воле.

Говорят: «Не трогай Рыжкова!» — «Почему?» — «Потому что его мочит Кремль». Вот до чего дошла кремлевская репутация.

* Название статьи про фальшивую оппозицию.

Если ваши кого-то мочат, общество начинает этого типа считать чуть ли не святым.

Последний аргумент демократов: «Не трогай Рыжкова! Он там самый честный!»

Но слово «честный» не знает степеней. Можно сказать «самый трусливый», «самый храбрый». А «самый честный» — нельзя.

Или честный, или нет. Это как с девственностью. Или-или. Не скажешь о девушке: «Она там самая девственная». Но если речь о публичном доме, то это значит, что она такая же проститутка, просто у нее меньше стаж, меньше клиентов и меньше болезней.

И вот моя просьба: давайте восстановим средневековый Божий Суд на новом этапе. Старая идея с новыми технологиями — вы себе даже не представляете, какой будет эффект!

В КГБ давно изобретена сыворотка правды. Зальешь в человека стакан — он выложит всё как на духу. Это изобретение снимает все проблемы.

Пригласите меня к себе в Кремль или на Лубянку. Заодно пусть придут генпрокурор, шеф ФСБ, начальник ЦИКи, министр обороны и еще кто хотите (Сурков, Павловский, Немцов, Хакамада, руководители телеканалов и любимые ваши телевизионные разоблачатели врагов).

Сядем, нальем по стакану сыворотки правды. И начнем говорить искренне. Некоторые — впервые за долгие годы.

Для вас и ваших министров будет крайне важно убедиться, что наше недовольство — натуральное, не покупное. Помните, Кудрин объяснял вам, что это провокаторы вывели на улицы толпы протестующих против отмены льгот (по его словам, «жалкие два процента»). Такое объяснение уничтожает смысл протеста и глубоко оскорбительно для людей. Думаю, тысячи согласились бы хлебнуть лубянской сыворотки, чтоб доказать вам, что протестуют они по собственной воле. (Кстати, скажите, пожалуйста, Кудрину при случае, что «жалкие два процента» — это два с половиной миллиона человек. Встреться он с ними лицом к лицу...)

Буду рад видеть Грызлова, Миронова, Фрадкова... Только чур — никто не должен знать зачем. Иначе они тут же все слягут в ЦКБ.

Всем по стакану (или по уколу, если эта штука вводится шприцем), — и вперед!

Давайте, Владимир Владимирович, узнаем наконец правду о дефолте, о продаже оружия врагу, о ценах на лекарства, о смерти Масхадова, о том, как организуют некоторые военные операции и телепередачи... Много узнаем.

Вам не предлагаю. Должен же кто-то остаться над схваткой*. Вы будете арбитром. (Но если решитесь глотнуть — я буду последним, кто станет вас отговаривать.)

Все поклянемся страшной клятвой, что если услышим государственную тайну, то пусть того, кто выдаст ее врагу, покарает беспощадная рука товарищей. (Насчет беспощадности товарищей, надеюсь, не сомневайтесь.)

О женщинах, о сексуальной ориентации обещаю не спрашивать (хотя сам ответить готов). Спрашивать буду только о делах службы: «За что взял?» и «Сколько?». (Хотите — выйду, когда они будут отвечать.)

Обещаю без вашего согласия ничего не печатать. Достаточно будет, что вы много узнаете о своих друзьях. Они вам раскроют душу, и вы полюбите их еще больше. Нет? Ну хоть узнаете, что мне никто вас не заказывал. Тоже нет?

А почему, Владимир Владимирович? Вы разве не хотите знать правду? Неужели вам самому неинтересно, как оно все на самом деле?

...Вы, Владимир Владимирович, можете войти в историю как ВПК — Великий Победитель Коррупции. Райскую жизнь построим в три оставшиеся года. И срок продлим (если сами глотнете). А в будущем — хорошо бы всех поить, кто идет во власть (от замминистров и выше; всех, кому положены авто с мигалками, дачи...). Вопрос один: «Зачем идешь?»

Самое смешное — вы можете это сделать. И даже по закону (Дума проголосует за все, что вам угодно). Самое печаль-

* Я-то предлагал. Но главный редактор прочел, хмыкнул и сказал: «Ему не наливай». Ладно, говорю, и вписал «над схваткой».

ное — что, как бы это повежливее сказать, вы не хотите войти в историю.

Впрочем, может, вы и правы. Может, и не стоит вам знать правду. Меньше знаешь — лучше спишь.

Тогда обращаюсь с этим предложением ко всем, кто думает, что я его ругаю по заказу. Давайте сядем — при свидетелях, под телекамеры, — пьем сыворотку правды из одной бутылки... Тоже не хотите? Ну, тогда, господа, засуньте свой язык в жо-
(Окончание в следующем номере.)

P.S. По моей просьбе верстальщик подогнал «жо-» в правый край последней строки, чтобы выглядело так, будто окончание не уместилось. В следующем номере газеты появился уникальный текст.

9 апреля 2005, «МК»

ХЛЕБНЁМ ДЛЯ ЯСНОСТИ

(Окончание. Начало см. в «МК» от 7.04.05.)

пу!

P.S. Надеюсь, эта публикация попадет в Книгу Гиннеса. Рекорд: самый короткий текст за всю историю цивилизации. Две буквы и один знак препинания (заголовок, естественно, не в счет).

2006

30 января 2006, «МК»

УБИЙСТВЕННЫЙ НАРОД

Владимир Владимирович, это письмо вам, но не про вас. Надо же иногда и о народе подумать. Чуть было не написал «о вашем народе», а потом спохватился — он же наш (общий), в том смысле, что мы с вами — его составная часть.

И солдат, которого искалечили, — его составная часть. И те, кто калечил, — тоже*.

Недавно ехал по Тверской в вашу сторону (от Маяковки к центру; центр жизни и центр города временно географически совпадают в Кремле). Перед Пушкинской площадью остановился на красный.

Огромный поток машин двумя рукавами двинулся от кино-театра «Россия» поперек Тверской на Большую Бронную и на бульвар.

В это время «скорая помощь» пыталась пересечь Пушкинскую площадь вдоль по Тверской от центра. Она включила все свои мигалки, включила сирену на полную мощность. Слышно было хорошо.

Поперек Тверской двигались десять рядов, сотни машин. И никто не сделал даже попытки пропустить «скорую».

В потоке не было начальственных мигалок, не было нелегальных мигрантов, американцев, думаю, тоже не было. Поперек Тверской ехал русский народ. Лучшая его часть. (Средняя — в метро, в автобусах, а худшая — нищая — на свалках, на вокзалах, на папертях.)

* СМИ непрерывно говорили о Сычеве — солдате, которому ампутировали ноги и другие важные органы.

Эти, которые ехали, не пропуская «скорую», — у них есть хорошая работа (у девок — богатые спонсоры). Они — в машинах, они благополучные, снаружи минус двадцать, а внутри — плюс двадцать. И, в общем, они в комфорте. Хотя и в пробке.

Если ты в пробке, то есть смысл пропустить того, кто едет поперек. Ничего не потеряешь. Пропустишь, а через пять секунд догонишь свою пробку. Пять секунд, а зато возникнет приятное чувство, что ты — хороший человек.

«Скорые» по Москве почти всегда едут молча (меня раза три возили на «скорой» — всегда тихо, без сирен, без мигалок; мне казалось, что это правильно; хоть везли в больницу, но я же не умирал). На Западе «скорые» всегда воют — едут ли они за больным или с больным. Там всегда уступают им дорогу. Там водитель «скорой» не думает, включать или не включать сирену, не берет на себя ответственность, не решает, надо ли спешить. Он несется как сумасшедший, зная, что все его пропустят.

У нас «скорая» завывает, только если в ней умирающий. Его жизнь иногда зависит не от минут — от секунд.

И вот — Москва, богатый сверкающий город, вечер (никто не опаздывает на работу, едут ужинать), «скорая» воет, никто не пропускает; а этот там, в фургоне, пусть сдохнет.

Лучшая часть народа обычно недовольна другими частями: от них тесно и воняет, от них грязь; противно смотреть, какую дрянь они носят, какую дрянь они пьют.

Лучшая часть предпочла, чтобы человек умер, лишь бы не потерять пять секунд.

И виноват не один какой-то подонок. Подумайте, Владимир Владимирович, вот негодяй, который едет перед тобой, не пропустил «скорую». Что же тебе-то мешает притормозить? Ведь если ты остановишься, все, кто за тобой, автоматически остановятся. Зачем ты помчался догонять негодяя? Объяснить ему, что «скорую» надо пропускать?

Приедут домой, сядут ужинать, включают телевизор, увидят новости про искалеченного солдата и (с набитым ртом) возмутятся: «Какие же подонки! Какая жестокость!» Лучшая часть ужинает, смотрит ТВ, возмущается жестокостью, искренне не помня, что полчаса назад не пропустили «скорую», считая свои пять секунд важнее чужой жизни.

История челябинского солдата взорвалась как бомба. Знаем, какие органы ему ампутировали, знаем, кто истязал, кто арестован. Но этот парень — один из сотен (а может, из тысяч), с которыми произошло примерно то же. Но общество не взрывалось.

Не знало?

За неделю до этого взрыва, который накрыл даже министра обороны (не волнуйтесь, Владимир Владимирович, он вывернется, выживет; ваши друзья не тонут), в «Известиях» была целая полоса об истязаниях. Цитирую показания воспитательницы детского дома:

— *Когда милиция поймала и вернула в детдом Васю К. и Валеру А. (имена изменены), бегунков заставили раздеться до трусов, сесть на корточки и вытянуть руки вперед. Под зад им подставляли спицу.*

— *Зачем?*

— *Чтоб не сели на пол. Спицу держал Иван Михайлович.*

— *Кто это?*

— *Воспитатель. Потом он устал и дал подержать спицу воспитаннику Мише Кальянову...*

Это ведь точно то же самое, что в танковом училище. Держать человека на корточках, не давая ни сесть, ни встать. В армии за попытку встать или сесть — били. В детдоме не сядешь, спица воткнется в задний проход. Это пытка, Владимир Владимирович. Это пытают ребенка. Это пытают детей по всей стране. За то, что опоздал, за то, что описался, разбил, не понял.

Напечатано в центральной газете две недели назад, а ничего не взорвалось. И «МК» о таких случаях сообщал, и кто только не сообщал...

Этот воспитатель Иван Михайлович, который устал держать спицу, эти тысячи истязателей — это же наш народ. Вы ему, народу, три года назад обещали покончить с беспризорниками (но ведь не убийством же, не пытками). Все, что сделано для детей, — почти полный запрет для западных усыновителей...

А сколько раз обещали покончить с дедовщиной, с ментами-оборотнями, с коррумпированными чиновниками... Как подумаешь — получается, с половиной народа надо покончить. В том числе с лучшей частью. А кто тогда будет за вас голосовать?

10 февраля 2006, «МК»

ХУ ИЗ МИСТЕР ПУТИН?*

Владимир Владимирович, не дает покоя ваша шутка о государственном отношении к свободе печати: *«Власть, как мужчина, должна пытаться, а пресса, как женщина, должна сопротивляться»*.

Вы любите эту шутку, употребляете ее и в разговоре с лидерами Запада, и в кругу соотечественников, то есть продвигаете ее и на внешнем, и на внутреннем рынке. Те, кто хочет вам угодить, старательно смеются. Некоторые в десятый раз, что особенно трудно.

Вы год за годом повторяете эту шутку — значит, в ней отражена ваша позиция, ваш жизненный принцип. И события уже столько раз это подтвердили, что сомнений ни у кого нет.

«Власть, как мужчина, должна пытаться, а пресса, как женщина, должна сопротивляться».

Знаете, прессой я себя чувствую, а женщиной — нет. Видимо, поэтому я изо всех сил сопротивляюсь; ваше предложение мне трудно принять — мешает ориентация. Мешает внутреннее отвращение. Оно же побуждает разобраться в вашей формуле.

Первая часть говорит о некоем мужчине. Что он «пытается» сделать с женщиной — угостить ее мороженым? привить от гриппа?

* Первоначально заголовок выглядел «ХУ Ю, МИСТЕР ПУТИН», но в процессе верстки кто-то сказал, что это неграмотно, что надо «ху а ю». Я пытался объяснить, что эта заметка не про английскую грамматику. Не помогло.

Нет, и по тексту, и по игривой интонации совершенно ясно: он пытается завалить ее в койку, а культурно говоря — удовлетворить свои скотские потребности. Скотские — поскольку без взаимности. (Хотя должен вам сказать, что у скотов без взаимности не бывает; да вы и сами знаете: если Кони не захочет...)

Так что власть в этой ситуации — грубая скотина, увы.

Вторая часть вашей шутки: пресса, мол, как женщина, должна сопротивляться. А когда женщина *должна* сопротивляться? Видимо, когда не любит.

Вы сказали «*должна* сопротивляться» — значит, вы (власть) точно знаете, что мы (пресса) вас не любим.

А как называется, если она сопротивляется, а он пытается? В Уголовном кодексе это называется насиловать. По-вашему, власть должна насиловать прессу? Возможно, это соответствует природе власти.

А что должен сделать нормальный человек, если видит, как мужчина пытается, а женщина сопротивляется? Нормальный скажет: «Эй, мужик, ты что к ней пристал?» Или без лишних слов съездит насильнику в рожу. Это, Владимир Владимирович, как вы понимаете, некий идеал. Жизнь жестче.

Если насильник — главарь местной банды (или дворовой шпаны), известный жестокостью и мстительностью, а прохожий трусоват и восточными единоборствами не владеет, то, увы, скорее всего пройдет мимо, сделав вид, что не заметил — не слышал, не видел.

Так оно у нас и идет: власть пытается, пресса сопротивляется, но никто не заступается — не замечают, наверное.

Такое поведение прохожих позволяет властям «пытаться» не стесняясь.

Но сила на нашей стороне.

За нами журналисты Пушкин и Достоевский, а за вами — кремлевские, павловские, барвихинские. Одно дело — язык Жуковского, другое — язык Жуковки.

Вы, может быть, не поверите, но эти письма переживут вас (вашу власть). Хотя бы некоторые, хотя бы ненадолго. Ибо они не о вас лично, а о Власти.

Прошло всего сто лет, и люди ничего уже не знали о царе (об императоре!), кроме:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

Мало кто помнит, о каком из полковников Пушкин это написал — об Александре I или о Николае I. «Нечаянно» у Пушкина означает «случайно».

Каково это — чувствовать, что в цари тебя пристроил ненавидимый народом олигарх, тогда — могущественный, теперь — беглый.

За вами армия, КГБ, МВД... вы издаете приказы, указы.

За нами — Пушкин, Достоевский... они издавали газеты, журналы, писали заметки (а не только стихи и романы). Власть пыталась изо всех сил, а они сопротивлялись. Она держала их под надзором, отправляла их в ссылку, на каторгу. И вот — ее нет, а они есть.

Мы победим. Весь ход истории — за нас. Пушкин и Достоевский сильнее.

Они сильнее, потому что они не предают. Никогда.

Они опора. Для одних опора — Евангелие, для других — *“Mein Kampf”*, а для кого-то — примитивные спекуляции политсантехников.

Помните стишок:

«Всё мое», — сказала злато;
«Всё мое», — сказал булат.
«Всё куплю», — сказала злато;
«Всё возьму», — сказал булат.

Стишок кажется детским, но Пушкин написал его чуть ли не в конце жизни.

Похоже на передел имущества. На спор олигарха с КГБ (потому что булат здесь, конечно, не армия; здесь описана не война, а дележка, точнее — рейдерский захват).

У вас всё так и получилось; теперь у вас и то, и другое — и сила, и деньги; но при этом обе руки так заняты, так оттянуты, что трудно даже шевельнуться.

Некоторым школьникам, когда они проходят этот стишок, кажется, будто Пушкин на стороне булата, потому что школьник думает, будто булат — романтический, рыцарский, благородный меч, а не нож бандита, не топор палача.

Пушкин, конечно, ни там, ни там. Ему не надо ни покупать, ни насиловать (грабить). Ему *не надо* — вот в чем дело. И вот откуда свобода.

«Все возьму», — сказал булат. Прав — не прав, об этом и речи нет. Возьму, и всё.

Помните, всякие досадные конфликты вы пытались представить миру как спор хозяйствующих субъектов. Этот период позади. В стране остался один хозяйничающий субъект (трудно не восхититься русским языком; попробуйте-ка объяснить какому-нибудь Бушу тонкости суффиксов «ствующ» и «ничающ» — он и не выговорит, куда уж понять).

Пушкин не с булатом и не со златом. Он с теми, в ком чувства пробуждает лира, а не звон монет. Помните знаменитое:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа...

Когда он говорит «ко мне не зарастет народная тропа» — чем он рассчитывает приманить? Уж точно не зарплатой, не пенсией.

Не силой и не деньгами, а чем? Любовью? Или, может быть, силой духа?

В знаменитом «Памятнике» дальше идут убийственные для власти строки:

Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа!

Вы уж извините, Владимир Владимирович, но автор здесь ставит себя выше императорской власти. Не сомневается в сво-

ей силе и в своей победе («вознесся» — значит, уже свершилось). И не талант он приводит как доказательство (талант может робко забиться в норку). Пушкин говорит о непокорности.

Мы хорошо понимаем, что нам до Пушкина непреодолимо далеко, но ведь и вы — не помазанник Божий.

«Власть, как мужчина, должна пытаться, а пресса, как женщина, должна сопротивляться».

А зачем этот ваш продолжает пытаться, если она сопротивляется — то есть не хочет, не любит, испытывает отвращение? Он же мог бы пойти к проституткам (и ходит). Если есть деньги (а у него есть), то никакого сопротивления он там не встретит.

Значит, помимо плотского удовлетворения ему хочется заставить, сломать, помучить. Ему плевать, *что* она чувствует, и чем сильнее она сопротивляется, тем сильнее будет его удовольствие, когда принудит.

Но ведь жертва ненавидит насильника. Она при малейшей возможности всадит ему нож (украинская пресса расправилась с Кучмой в ту же секунду, как только смогла).

Владимир Владимирович, все ли вас любят из тех, кто восхваляет? Любят ли вас тысячи сотрудников государственных телеканалов — авангард и производитель народной любви?

Можно ли им верить?

В ту секунду, когда они в эфире выражают любовь к вам, — да.

Можно ли рассчитывать на них в трудную минуту? М-да...

Советскую власть восхваляло 100% пишущих, говорящих и показывающих. А хоть один заступился за нее в августе 1991-го? 19 августа заступились многие, а 22-го — ни один! В три дня случился полный переворот мыслей — и вся любовь.

Не хочу вас огорчать, но советские журналисты ненавидели советскую власть. Чем больше она заставляла себя любить, чем меньше у прессы оставалось возможности сопротивляться, тем сильнее была ненависть. Ее накопилось так много, что, когда насилие заколебалось, стена рухнула мгновенно.

Есть люди, которые до сих пор (уже шесть лет) тупо задают вопрос: «Ху ю, мистер Путин?». Им, видать, боязно задуматься

над вашими шутками. Лучше делать вид, что не слышишь, не видишь, не понимаешь.

Кстати, в нашем с вами случае — всё наоборот. Я пытаюсь, а вы — сопротивляетесь. Я (как мужчина) пытаюсь что-то объяснить, а вы молча упираетесь, то есть даже не приводите дежурные аргументы типа «мне сегодня нельзя», «я не готова», «ты перестанешь меня уважать».

Похоже, вы нас с кем-то спутали и перестали нас уважать. Обычно такое происходит взаимно.

21 апреля 2006, «МК»

ХОТЬ СВЯТЫХ ВЫНОСИ

Владимир Владимирович, приближается Пасха, самое время подумать о высоком.

Год назад, в Страстную пятницу (в самый мрачный день для христиан — день распятия и смерти Христа), в уважаемой центральной газете на первой полосе появился ваш портрет и крупный заголовок: «ПУТИН ВЗОШЕЛ НА ГОЛГОФУ».

Кошунство или шутка? «Взошел на Голгофу» — так говорят только о Христе. А в переносном смысле — о святом человеке, который пожертвовал своей жизнью ради людей и веры. Не ради своего ребенка — это и кошка делает. Не ради друзей или однопольчан — в порыве, в бою, ради славы. Нет, Он жертвует собой ради *чужих*, равнодушных, которые даже не понимают, насмеются и клянут.

Можно ли шутить на тему Голгофы? Наверное, можно; мы ж не исламские фундаменталисты, у нас всякие шутки дозволяются. Но в день крестных мук такой юмор кажется сомнительным.

Заголовок и так безумно льстивый, а уж в канун Пасхи!.. Такими заголовками из властителя лепят бога, а из людей — рабов.

Что это — искреннее обожествление? искренний идиотизм? лицемерная лесть? издевка?

Идиотизм отбросим, так как здесь все же есть *аллегория*, на которую идиот не способен.

Издевка? Вряд ли. Вот если б такой заголовок появился в газете врагов (в газете американской закулисы или беглых оли-

гархов)... Но в одной из газет «Газпрома»... А «Газпром» — государственный, а государство — кремлевское...

Искреннее обожествление? Возможно, есть люди, искренне считающие вас высшим существом. Но кто ж поверит, что крупную газету возглавляют блаженные.

Год назад вы действительно побывали в Иерусалиме. На Голгофу теперь взойти легко — она давно накрыта храмом Гроба Господня.

Слова «взошел на Голгофу» — сотни лет употребляются только в духовном смысле. Газета остроумно вернула священные слова с небес на землю. Мол, взошел не душою, а ногами.

Игра словами?

Но слова имеют свою страшную силу. Речь — Божий дар, и Бог говорит не только устами младенцев и поэтов. Даже взрослые, солидные люди, даже чиновники иногда говорят ужасную правду против собственной воли и сами потом не понимают, как это могло случиться.

Слова сами создают смысл, который руководители газеты, уверен, не хотели вложить в заголовок. Вззошел как кто?

Если ногами, то на Голгофу, видите ли, взошел не только Христос, но и охрана, и палачи.

В том же номере солидной газеты было напечатано Обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси:

«Дорогие братья и сестры!

Христос воскрес!

Великая радость о победившем смерть Господе...

...Пасхальное ликование — это ощущение вновь обретенного мира с Богом.

...Радость о воскресшем Спасителе...

...Сегодня — в день избавления...

...Святитель Иоанн Златоуст с радостью возвещает...

Приветствую каждого из вас еще раз, дорогие братья и сестры, всегда новыми словами: Христос воскрес! Воистину воскрес!»

«Обращение» здесь сокращено во много раз. Но поверьте, оно радостно насквозь — с начала до конца. Это ликование

опубликовано, повторим, в Страстную пятницу — в самый мрачный, самый печальный день для верующих.

Прозвучи в этот день хоть что-то подобное из уст священника в какой-нибудь церкви — даже трудно представить, что сделали бы с ним. А в газете, значит, можно?

Напечатано в пятницу. Это значит, «Обращение» поступило в редакцию в четверг. В тот день Он, по словам евангелиста, «ужасался и тосковал» и молился: «Да минует Меня чаша сия», а в редакцию принесли от патриарха такую радостную весть, что, прочтя ее, все сразу, должно быть, начали разговляться.

Никакого возмущения публикация не произвела. Это вам не карикатуры на Магомета.

Никто не возмутился, а может, и не заметил. Что хуже? Увидели, поняли и промолчали — *это страх*. Не заметили (в смысле, не осознали) — *это бесчувствие* (такое же, как к ежедневным сведениям об убитых в Чечне рядом с заявлениями, что там все в порядке).

Да, Иисус Христос воскрес две тысячи лет назад. Однако в дни Пасхи верующие переживают все события снова. В пятницу — распятие и смерть; и соответствующие службы в храмах — со слезами, с каноническими, но «всегда новыми словами».

Каково это самому патриарху — утром прочитать опубликованные свои слова о радости Воскресения, а вечером служить за упокой?

Патриарх, конечно, не хотел кошунствовать; он просто пристроился к графику выпуска газеты, потому что в воскресенье она не выходит.

Что важнее? Что к чему пристраивать? Кто главнее — царь земной или небесный?

Это трудные вопросы, Владимир Владимирович. Только и думай, с какой буквы писать. У Державина это решено точно:

Восстал Всевышний Бог, да судит
Земных богов во сонме их...

Во сонме — то есть в куче, где они копошатся. Но в советское время, когда мы с вами учились в школе, Бога писали с маленькой буквы (а «Генеральный Секретарь» и «Политбю-

ро» — с больших), и ребенку казалось (поскольку в школьном Державине все с маленькой), что в этих стихах все боги в общем-то равны, просто одного выбрали начальником.

Атеистам (далеким от церкви и приличий) суть можно пояснить слабым примером. Пусть представят, что в воскресенье ваши выборы (неважно, на какой срок), а за три дня до голосования глава Центризбиркома радостно и торжественно поздравляет вас с великой победой — она же все равно случится.

В воскресенье телетрансляция из храма Христа Спасителя опять покажет высших руководителей страны со свечками в руках. Посмотрите потом запись — вас поразят угрюмые и скучающие лица властителей в момент, когда возглашается «Христос воскрес!». Они либо не слышат, либо не понимают, что это минута высочайшего торжества и быть угрюмыми в такой час могут только бесы, ибо это час их тотального поражения.

...Тогда, год назад, я многим показывал эту газету (где вы «взошли на Голгофу», а патриарх ликует в пятницу), показывал как некий курьез, как картофелину, которой игра природы придала неприличную форму, — мол, это всего лишь невежество, простодушная глупость.

Но находились знакомые, которые говорили: «У-у! Это специально сделано — чтобы подставить патриарха». А что такое «подставить патриарха»? Под кого? Его же не увольняют, не назначают.

Но когда газету увидел священник, то не задумался ни на секунду:

— Это же точно по Евангелию. Вспомни, как они в пятницу над Ним, распятым, издевались: «Радуйся, царь иудейский! Сойди с креста!».

8 сентября 2006, «МК»

ГУЛЛИВЕР В СТРАНЕ ЛИЛИПУТИНЦЕВ

Русская антинародная сказка

Часть I

Владимир Владимирович, не знаю, как вы, а я во время длительного отпуска изредка все же вспоминал вас. Читая это письмо (простые наблюдения за действиями власти), постарайтесь сохранить выдержку и самообладание.

...Самые высокие умственные способности не могут заметить нравственных достоинств. Нет ничего опаснее, как сообразительный, но аморальный человек на высокой должности. Ошибка, совершенная тем, у кого добрые намерения, всегда может быть исправлена. Но деятельность правителя с дурными наклонностями, одаренного умением скрывать свои пороки, представляет огромную опасность для общества.

Хотите верьте, хотите нет, но первые лица трех разных стран в откровенной беседе признались мне, что за все время своего правления они ни разу не назначили на государственную должность достойного человека. И они с большой убедительностью доказали, что только глубоко развращенный тип способен удержаться на троне.

По мнению беспристрастных наблюдателей, наша история — бесконечная цепь заговоров, смут, убийств и насилия, порожденных жадностью, лицемерием, вероломством, жестокостью, безумием, ненавистью, завистью, злобой и честолюбием.

Многим кажется, что большая часть населения состоит сплошь из осведомителей, доносчиков, обвинителей, оплачиваемых правительством. О заговоре обычно сообщают те, кто хочет заработать политический капитал, задушить или отвлечь общественное недовольство, присвоить конфискованное имущество.

Прежде всего они решают, кого именно обвинить в заговоре. Затем пускают в ход все средства, чтобы у этих людей отобрать все письма и бумаги, а их самих арестовать.

Изъятые документы передаются в руки специалистов — мастеров в разгадывании таинственного смысла слов, слогов и букв. Им ничего не стоит установить, что *стая* означает парламент, *хромой пес* — правителя, *подагра* — патриарха, *виселица* — Совет безопасности, *метла* — революцию, *мышеловка* — госслужбу, *бездонный колодец* — казначейство, *помойная яма* — администрацию, *гноящаяся рана* — систему управления. А потом очень легко осудить тех, в чьих письмах содержатся эти выражения.

Всякий раз, когда в угоду мстительному властителю суд приговаривает кого-нибудь к жестокому наказанию, властитель произносит речь, обращенную к Федеральному собранию. В этой речи обязательно упоминаются милосердие и доброта. Речь оглашается по всей стране. Ничто так не устрашает народ, как эти похвальные речи верховному милосердию, ибо замечено, что чем они пространнее и пышнее, тем бесчеловечнее наказание и невиннее жертва.

Все политические процессы оканчиваются так, как угодно властям.

Судьи приучены потворствовать обману, клятвопреступлению и насилию. Они применяют столько специальных слов и выражений, что их речь почти не понятна для простых людей. Точно так же составлены и все законы. Законов так много, и они так непонятны, так противоречивы, что совершенно невозможно определить, какой поступок законен, а какой нет, какой справедлив, а какой несправедлив. Неудивительно, что при таких законах и с такими судьями процессы тянутся годами.

Суд над лицами, обвиняемыми в государственных преступлениях, происходит гораздо быстрее. Судьи просто справляются у власти, желает ли она, чтобы обвиняемый был осужден или

оправдан. А затем, согласно полученным указаниям, либо приговаривают к жестокому наказанию, либо оправдывают. Но, разумеется, и в том, и в другом случае они строго руководствуются законами.

Почему некоторые люди так страстно мечтают сделаться членами парламента? Нет ли у них надежды вознаградить себя за все тревоги, потворствуя (во вред обществу) желаниям слабого и порочного властителя и его развращенных министров?

Не видно, чтобы людей награждали за способности и доблести, военных — за храбрость, судей — за неподкупность, сенаторов — за любовь к отечеству, министров — за мудрость.

Как пополняется верхняя палата парламента? Кого и за какие заслуги туда назначают? Не было ли случаев, когда главную роль в этих назначениях играла прихоть властителя, или деньги, ловко и вовремя предложенные какому-нибудь министру, или, наконец, стремление усилить в ущерб общегосударственным интересам определенную партию?

Невежество, лень и пороки являются полезнейшими качествами законодателя. Законы объясняются, истолковываются и применяются на практике теми, кто более всего заинтересован и способен извращать, запутывать и обходить их.

Кое-что в законах можно признать более или менее разумным. Но все это до такой степени искажено, осквернено, замарано позднейшими бесстыдными толкованиями и выдумками, что от разумности не осталось почти никаких следов.

Например, невозможно понять, что означают слова «государственная тайна», если дело не касается войны или враждебного государства. Для хорошего управления государством требуются не тайны, а лишь здравый смысл, справедливость и доброта.

Идеалисты, которые выглядят совсем сумасшедшими, убеждают власть выбирать чиновников среди умных, способных и добродетельных людей; мечтают, чтобы власть заставила министров заботиться об общем благе, награждала только тех, кто оказал обществу выдающиеся услуги; внушают властителям, что их подлинные интересы совпадают с интересами народа. Множество подобных диких фантазий рождается в головах этих безумцев.

Но все реже граждане позволяют себе дерзкие требования. Например, о возврате льгот или о предоставлении жителям права выборов губернаторов и тому подобные несуразности. Когда удастся спросить об этих вещах высокопоставленного государственного служащего (губернатора, министра), он осторожно отвечает, что беседы такого рода нам будет гораздо удобнее вести на его загородной вилле, километрах в двадцати от города.

Правитель — существо, которому совершенно незнакомы чувства радости, любви и жалости. Похоже, у него нет никаких страстей, кроме безумной жажды богатства и власти.

Достигнув власти, он укрепляет свое положение путем подкупа большинства сенаторов и депутатов. В заключение, собрав при помощи взяточничества, ловких махинаций с государственными средствами и прямого воровства огромное богатство, он удаляется от общественной деятельности.

Его дворец служит питомником для выращивания подобных ему. Они в совершенстве изучают три главные составляющие его политики: наглость, ложь и подкуп. Некоторым благодаря ловкости и бесстыдству удается стать преемниками своего господина.

Интересно, Владимир Владимирович, что вы об этом думаете? Задевают ли вас так жестко сформулированные обвинения? Но не предпринимайте опрометчивых решений, пока не прочтете до конца.

Часть II

Это письмо недаром начинается советом сохранять выдержку, избегать поспешных и опрометчивых шагов.

Бывает, что у человека, который принял на свой счет такую критику (резкую, а порой оскорбительную), возникает острое желание убить оскорбителя.

И мне, конечно, не хотелось, чтобы вы, Владимир Владимирович, или кто-то из ваших, придя в ярость, начали бы что-то такое предпринимать.

Видите ли, с автором опубликованного выше текста ни вы, ни все ваши органы ничего не сможете сделать.

Признаюсь вам: в первой части этого письма мне принадлежат только два абзаца (первый и последний) — советы сохранять спокойствие. А все остальное написал не я.

Вряд ли вам удастся наказать автора. Не поможет даже закон, разрешающий убивать врагов отечества за границей.

Автор скрывается в Англии.

Он там в надежнейшем подземном убежище. Сверху его прикрывает толстая каменная плита. На ней даты «1667–1745» и надпись «Здесь покоится тело Джонатана Свифта, и суровое негодование уже не раздирает здесь его сердце. Пройди, путник, и подражай, если можешь, ревностному поборнику могущественной свободы».

Да, Владимир Владимирович, всё, что вы прочитали (если смогли, стиснув зубы, дочитать до конца), — лишь несколько цитат из «Путешествий Гулливера» — популярной детской книжки. Трудно понять, почему она напечатана и почему не изъята из продажи.

Ваши, которые пришли в ярость и, не дочитав до этих строк, предлагали окончательно решить вопрос с автором, не поняли, что читают классическую детскую книгу (они у вас не очень-то образованные, правда?).

Хуже другое. Свифт писал все это про свою монархию триста лет назад. Выходит, мы всё еще там — в глубокой... глубоком прошлом.

Но ведь ясно, что, читая даже самый злобный пасквиль на Елизавету (на самом деле — Георга I), ваши тонтон-макуты не могли прийти в ярость.

Мы же с вами понимаем, про кого они подумали, читая.

Помните анекдот? Из кабинета Сталина выходит взбешенный маршал Рокоссовский:

— Изверг! Бандит! Кровавый идиот!

Все, кто есть в приемной (Жданов, Берия и т.д.), кидаются, чтобы убить его:

— Ты, сволочь! Ты это про кого?!

— Как про кого? Про Гитлера.

— А-а-а.

Рокоссовский в дверях оборачивается:

— А я знаю, про кого вы подумали.

Боюсь спросить: если ваши, читая, подумали о вас, — что это значит, как вам кажется? А если они, читая, подумали о «гитлере», то почему они пришли в ярость? Может, потому что у них рыльце в пуху?*

Да и вы, если обиделись, то, наверное, не за Георга I. Почему же вы приняли все на свой счет? Могли бы равнодушно пожать плечами: мол, все это меня не касается, мол, это ворчанье XVII века...

Книжка издана в 1955 году — то есть до XX съезда, то есть когда Сталин, все еще главный бог, лежал в Мавзолее рядом с Лениным.

Вы родились, когда эта книжка уже давно существовала (в русском переводе), и, конечно, не думали, что она будет иметь к вам хоть какое-то отношение.

«Детгиз» (Детское государственное издательство) — это гениальный ход тогдашних храбрецов: мол, это детская книга. В послевоенное время редакторы засунули намек: «Сокращенные переводы, переложения и пересказы “Путешествий Гулливера” для детей и юношества появлялись в разных странах еще в XVIII веке. И тогда, и позже в детских изданиях мысли самого Свифта, как правило, опускались. Оставалась только развлекательная приключенческая канва. В нашей стране классики мировой литературы издаются для детей иначе. В советских изданиях сохраняется не одна только фабула классического произведения, но и, по возможности, его идейное и художественное богатство. Этот принцип применен и в настоящем издании “Путешествий Гулливера”».

Как вам нравится этот принцип «*по возможности* сохранять идейное богатство»? На все не отважились, но и опубликованного достаточно. В стране всевластного КГБ, в стране, где стукачи были *езде*, напечатать, что «большая часть населения состоит сплошь из осведомителей, доносчиков, обвинителей, оплачиваемых правительством»... Требовалась отчаянная храбрость.

Советские авторы предисловия даже не предполагали, что стреляют в наше светлое будущее. Они писали: «Свифт обличает продажность и своекорыстие государственных и политических деятелей; *английские избирательные законы, оставляющие*

* Первоначально текст так и назывался «Рыльце в пуху», а потом заголовок смягчился до «Гулливера...».

широкий простор для подкупа избирателей и всяческих злоупотреблений; порочное устройство английского парламента, при котором члены верхней палаты пополняются не путем свободного избрания. Буржуазные критики, не видящие в гневной и горькой сатире Свифта ничего, кроме сплошного отрицания, в один голос называют Свифта человеконенавистником. Клевета на великого сатирика распространяется в интересах господствующих классов, которым невыгодно видеть, что при всей резкости и мрачности сатира Свифта заключает в себе жизнеутверждающую основу».

Мир победил Свифта. Сперва назвали книгу детской, а потом логично вычеркнули оттуда все, что непонятно детям, скучно, чуждо. То есть сначала объявить детской забавой, а потом привести в соответствие — кастрировать, чтоб гуигнгнм не брыкался.

И сейчас на прилавках полно «Гулливеров», где картинки занимают больше половины площади, текст же не только очищен от мыслей, но и переделан. Вместо рассказчика правдивых приключений, который говорит: «Я увидел... Я пришел в ужас...» появился некий немолодой, скучный Карлсон (без пропеллера в нужном месте), о котором суконным языком рассказывается: «Когда Гулливер проснулся, он обнаружил, что...»

Да, издатели и перелагатели таких «Гулливеров» просто делают деньги. А что попутно происходит убийство мысли, так это даже в голову не приходит. Тот, кто кушает паровую котлетку, даже не поймет, о чем речь, если ему сказать об убийстве коровы.

Беспощадную критику власти превратить в раскраску — это почище, чем по приказу царя засадить в сумасшедший дом Чадаева — автора философических писем.

Гонимого продолжали читать еще внимательнее, а малышкового «Гулливера» не читают вообще. Он стал лилипутом. А вы — великаном.

P.S. Текст цитируется по изданию: *Свифт Д.* Путешествия Лемюэля Гулливера. М.: Детгиз, 1955.

Чтобы читатель как можно дольше думал, что в «МК» сошли с ума и что автору теперь уж точно конец, текст был разбит на три части. Начало (на первой странице) заканчивалось словами «только глубоко развращенный тип способен удержаться на троне». Середина (на третьей странице) кончалась фразой «Автор скрывается в Англии». Многие читатели (проверено) в этом месте издавали гневный вопль: «Берёза!» И только на тринадцатой странице их ждала разгадка — Свифт!

2007

18 февраля 2007

ДУХ*

Владимир Владимирович, в чем сила? Вам кажется, будто сила в «Газпроме», в «Сатане», в «Булаве», а она даже не в голове. На самом деле она в сердце солдата.

В чем сила? Иными словами: что главное в борьбе, на войне? Спрашиваю вас как специалиста — вы ж и борец на татами, и боец невидимого фронта.

Ответ давно всем известен: *высокий боевой дух*.

Просто боевого духа мало. Боевой дух есть у пьяного хулигана, у грабителя. Боевой, но низкий. Для безобразия, для насилия — довольно. А для битвы за идеалы, за Родину... Там ведь и убить могут.

Уголовники — плохие солдаты, дезертиры, мародеры. Они думают только о себе и отступают перед высоким боевым духом (даже на колени встают, ползают, лижут).

Гора мышц пасует перед высоким духом. Давид и Голиаф. Чем победил юный пастух профессионального убийцу, гиганта? Хитростью? Техникой пращи? Это так глупо — думать, будто кроме новичка-Давида никто в израильской армии не умел пользоваться пращой. Наверняка были профессионалы, чемпионы.

Но надо же выйти на поле боя, и если промахнешься — на второй бросок времени не будет. Голиаф — мишень стрелительная, смертельная. Вот никто и не выходил, очко играло.

Согласны? (Да и как тут спорить, если это Библия.)

* Текст не был опубликован.

Внешне все вроде бы смирились с назначением нового министра обороны. Но это как заноза — вроде бы мелочь, но начинает нарывать, пухнет, не дает покоя.

Беда не в том, что он штатский или питерский. Он — продавец мебельного магазина.

«Да хоть бы чистильщик обуви! — скажет наивный американец. — Мало ли кто как начинал». Но мы не в Америке. Продавцы мебельных магазинов в СССР 1970–1980-х годов — это коррупционеры, спекулянты, взяточники, обязательно корыстные, чаще всего наглые и трусливые. Да все что угодно — но благородных патриотов там не было.

И для такого сорта людей было исчерпывающее название: торгаши. Означало — жадные и бессовестные. Очень жадные и совершенно бессовестные. («Торгаши», заметьте, слово досоветское, дореволюционное. Здесь таких людей не уважали никогда.)

И какие бы должности ни значились потом в трудовой книжке — личность не заменишь; отпечатки пальцев легче сменить, чем характер, психологию.

Я не о нем, не о продавце. Я о вас. Если сказанное вам непонятно — тогда увы. Если понятно — тогда увы-увы.

— Нужен ли армии, нужен ли стране высокий боевой дух?

— Да! Да!

Но ведь это значит — мораль. Нужна ли мораль? Совесть? Честь? Нужно ли все это?

Спросим так, чтобы было понятно любому министру: «Нужно ли то, что не меряется деньгами?»

История человечества говорит «Да!». Победу не купишь. Совесть не купишь (а если купил, то это не совесть, а вранье и притворство).

Нашей больной армии нужен дух — боевой и высокий. Для армии (мы не чистоплюи) лучше пьянство и драки, чем унижение, вранье и мародерство.

Вдруг мы драпали в 1941-м не по слабости брони и стволов, а в немалой степени по слабости духа, запуганного, униженно-го и оскорбленного арестами маршалов и генералов, враньем и пафосом политуков, доносами стукачей?..

Чтобы вам, Владимир Владимирович, не казалось, будто мы отвлеклись, скажите: кто борется с коррупцией? Вы много раз велели с ней бороться, а кто это делает? Кто *может* это делать?

Могут ли доярки бороться с коррупцией в правительстве, в Думе, в Кремле? Не шучу. Доярка — она снаружи, у нее нет ни знаний, ни сил, ни полномочий, ни доступа. А слесари, шоферы, учителя, санитарки... Могут ли солдаты бороться с коррупцией в Генштабе, в министерстве обороны? Солдат много, но они маленькие и снаружи.

Бороться с коррупцией никто не хочет. Чиновники ею живут, а бизнес платит взятки, так как это удобнее (дело быстрее идет). А будешь бороться — потеряешь и время, и деньги, и жизнь.

Бороться с коррупцией верхов — как с протуберанцами и пятнами на Солнце. Мы их видим, знаем, как вредны для здоровья их рентгеновское и ультрафиолетовое излучение, но сделать с ними ничего не можем. Умные люди советуют: сиди дома, не рыпайся.

Если рассуждать честно, то ваш призыв к борьбе с коррупцией обращен не к народу, а к чиновникам-коррупционерам.

Не сердитесь, Владимир Владимирович, но могут ли спирохеты бороться с сифилисом? Науке такие случаи неизвестны. Сами спирохеты, когда пытаешься спросить, стыдливо отмалчиваются.

Кто же может победить коррупцию? Высокий дух властителя либо высокие (реальные) права граждан, которые могут скинуть коррупционеров.

Те, конечно, это понимают и спешат уничтожить права людей, ибо это единственная реальная для них опасность. Отменяют референдум, графу «против всех», отменяют выборы либо берут их под стопроцентный контроль.

Люди опасны, лучше бы их совсем не было. Коррупция питается людьми (не шучу). Десять миллионов за десять лет — ее паек.

Лисичка ест мышей, зайчиков, не брезгует жуками. Она их поедает не со зла, ей просто кушать хочется. Она даже не понимает, что если всех съест, то сама умрет с голоду.

Или — убежит в соседний лес? Но там свои волки есть, товарищ волк лисичку скушает, не слушая ее доводов о братстве.

Если бы зайчики (тысяча) бросились разом — затоптали бы лисичку. Форшмак. Но именно этого они не могут, им не дано. У зайчиков популяция (население) есть, а гражданского общества нет. (Интересно, что волки — особенно тамбовские, казанские, уралмашевские и др. — могут действовать стаей, а зайчики — нет, хотя их в тысячу раз больше.)

Извините, что я все так на пестиках-тычинках объясняю, зато понятно.

Назначение министром обороны одного из торгашей... Эта новейшая история заставила иными глазами взглянуть на древнюю историю.

Жестокий тиран Калигула ввел коня в Сенат. Сделал сенатором. И вот две тысячи лет этот случай служит примером чудовищной бесстыжей диктатуры.

А что чудовищного? Конь был хорошим сенатором, лучше многих. Он не брал взятки и денег за голосования, не произносил лицемерных и льстивых речей, не лизал, попросту говоря.

Нам бы в Думу хоть бы двести двадцать шесть таких коней — жизнь народа улучшилась бы. (Три «бы» в последней фразе не погрешность, а символ несбыточности мечты.)

...Вы, Владимир Владимирович, жили в нищей грязной коммуналке. Вы родились и (до отъезда за границу) жили в СССР.

Мы с вами оба советские. Мы знаем, что честных продавцов мебели не было. Знаем, что для ареста всего лишь директора магазина надо было сломить министра внутренних дел.

Не в укор лично министру обороны. Но так *было*, и никуда от этого не денешься. Сложившаяся система отбирала только таких. О них писали фельетоны, снимали сатирическое кино — ничто не помогало. Горбатого могила исправит.

Почему вы такого назначили министром обороны? Разве что предстоит война не за Родину, а за деньги.

Министром обороны может быть не только военный. Юрист, историк, философ — да кто угодно, но взяточник — нет. Среди юристов и историков случаются взяточники. Но

Путин

среди мебельных продавцов их 100%. Как в публичном доме — целок не ищи.

Поставить такого значит показать армии и миру: наш интерес — только деньги. И быстро.

У него может быть всё — вилла, яхта, дочь-телепузик и зять-олигарх, но высокого боевого духа — нет, не было и не будет.

Бедные, но гордые офицеры бывают счастливы. Бедные и униженные — никогда.

Они гордо говорят: «Есть такая профессия — Родину защищать!». Подразумевают готовность погибнуть за нее. От этого у них уверенность, что Родина перед ними вечно в долгу. И когда, не давая обещанных квартир и урезая льготы, Родина вдобавок ставит над ними торгаша, это оскорбляет каждого. Значит, понимают они, армия у нас не для войны, а для денег и делишек.

Они (даже пьяные) уже не могут себя обманывать высокопарными словами об офицерской чести и воинском долге. Это значит, что у них отнято главное.

Такое назначение добывает моральный дух офицеров, которые чудом его сохранили, и подтверждает уверенность бесчестных, что они на верном пути.

Дух армии важнее всего. Моральные разложенцы (хоть бы и богатые) обречены на поражение.

Пушкин (еще не зная, что это будет значить для него лично) писал в дневнике 1834 года о двух молодых французских эмигрантах: «Барон д'Антес и маркиз де Пина, два шуана, будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропшет».

Представляете, Владимир Владимирович: не торгаши, а барон и маркиз. И не в министры, а всего лишь в офицеры. Да еще по приказу Государя Императора, а гвардия ропшет!

Вся наша армия снизу доверху была возмущена назначением *такого* министра. Но возмущались офицеры на кухне и в курилке. А вышли бы на улицу пятьдесят тысяч и сказали бы: «Не хотим!» И всё. И был бы другой.

26 марта 2007, «МК»

ПРИПАДОК НЕВИННОСТИ

Владимир Владимирович, надо срочно посоветоваться. Именно с вами, потому что ваша служебная обязанность, если помните, — гарант Конституции. А там есть очень сомнительная (хотя внешне очень благородная) статья 49: мол, никого нельзя назвать преступником до приговора суда.

Давайте разберемся. Если у человека, извините, сифилис, то он ведь есть до анализа? Или нет? А если лаборантка ошибется и скажет «здоров», то он сифилитик или здоровый? А если он дал лаборантке взятку, чтобы не позориться?

А если меня ограбили в переулке — ждать ли мне приговора суда, чтобы иметь право назвать бандитов преступниками? Ведь их, может быть, не поймают. А если поймают, то не исключено, что бандиты поделятся с ментами, и менты их отпустят (за мои деньги). И суда не будет.

Еще беда: ворам и бандитам кроме богатства хочется, чтобы было тихо. Если карманник стащил кошелек и никто этого не заметил, то никаких спецмероприятий, обеспечивающих тишину, не надо. А если вор государственного масштаба? Если дворцы, поместья... если их заборы выше наших домов — тогда мы видим. И понимаем. И тогда им нужно что-то делать, чтобы люди молчали.

Для этого очень подходит статья 49 Конституции — благородная, безупречная, гуманная: «Никого нельзя считать преступником без приговора суда». И у всех, кто произносит эту формулу — у депутатов, министров, президентов, — очень благородный вид...

...Ненависть бандитов к честным людям — огромная проблема, философская.

Честному не надо притворяться честным. Он такой и есть. А воры вынуждены притворяться. И свою компанию они любят не потому, что там хорошие, а потому что там они среди своих. Там не надо притворяться. Можно расслабиться.

Коррупционеры — как нелегалы — должны следить за каждым своим словом, жестом, взглядом, чтобы говорить и улыбаться как все, чтобы не выдать себя. Тяжело, правда?

И конечно, они ненавидят тех, из-за кого вынуждены притворяться. Ненавидят людей. И убыль населения — от этого. Экономика растет, страна богатеет, а население сокращается (вы сами много раз об этом говорили). И не только потому, что мало рожают, но, что хуже, — мало живут, рано умирают.

Жестокие жадные начальники — вот главная проблема страны, а вовсе не бедность, ибо денег у России (у хозяев России) очень много. Нужны ли им люди? — трудно сказать.

Помните, власть уничтожила миллионы лучших крестьян (коллективизация). Уничтожали, а начальниками ставили бездельников и пьяниц. Уничтожили кулачество и гордились успехами до головокружения. И даже не понимали, что уничтожили (навсегда?) сельское хозяйство — ту Россию, которая кормила хлебом и маслом всю Европу.

Вас грабит кто? Преступник? Уголовник? Нет, «никого нельзя считать преступником до приговора суда». А если он даст взятку, наймет лжесвидетелей, изготовит фальшивые документы и, значит, вдобавок к грабежу совершит еще несколько преступлений, то суд его оправдает. И — кто он?

По-моему — преступник. По-вашему — презумпция невиновности. Дорогой товар, не всем по карману.

29 марта 2007, «МК»

ПОДСУДИМЫЙ, ВСТАНЬТЕ!

Владимир Владимирович, знаете, так бывает: отправишь письмо, но мысли-то продолжают — понимаешь, что не досказал.

Речь у нас с вами последний раз шла о том, что (по Конституции) никого нельзя назвать преступником до приговора. А на самом деле, согласитесь, можно. Если на ваших глазах кто-то ограбил или убил, то он — преступник (независимо от того, будут ли его судить, приговорят или оправдают). Бандитов нередко оправдывают, но они же не перестают быть преступниками. Согласны? Если да — вы (гарант) против Конституции. Если нет — вы (президент) против справедливости и здравого смысла.

Но есть другая, еще более интересная и важная сторона. Можно ли назвать преступником того, кого суд приговорил?

«Приговоренного? Конечно!» — хором отвечают правоведы, депутаты, президенты. Но не тут-то было.

Академик Вавилов, поэты Гумилев, Мандельштам, актеры, командармы, тысячи инженеров, миллионы мужиков... Дела давние? А преступник-тунеядец Бродский, получивший пять лет от нашего суда и Нобелевскую премию от короля Швеции? А преступник-академик Сахаров? Спустя годы мы прозрели и поняли, что они были невиновны. (Это «мы», конечно, условность. *Мы* в невиновности Сахарова и Бродского не сомневались, а *вы* — не знаю.) Преступники их судили. Что, если через двадцать-тридцать лет наступит очередное прозрение? Так или иначе, оно коснется всех: и осужденных, и осуждавших.

Суд — опасная обоюдоострая штука. Приговор Шаламову (о котором тогда почти никто не знал) обернулся приговором стальной эпохе — и тому властителю, и тому суду. Приговор зэка, полумертвого доходяги, оказался сильнее международных трибуналов — так он написан. (Называется «Колымские рассказы»; если не читали — советую.)

Приговор нашей (уже подгнившей) эпохе написал Гальего — брошенный ребенок, калека, урод, случайно выживший в нашей системе заботы о детях-инвалидах. (Называется «Белое на черном», советую.)

Это же потрясающе и невероятно, что караули полумертвого зэка или ребенка-паралитика, который едва мог ползать и которого считали идиотом, — их приговоры оказываются сильнее, чем грандиозные постановления многотысячных съездов партии, чем доклады генсеков, программы построения коммунизма, удвоения ВВП.

Вам эта тема, конечно, близка и страшна. Президент постоянно под судом. Истории? Но история — это абстракция. Точнее сказать: под судом людей (о небесных законах рассуждать не беремся, но они уж точно строже — никакого снисхождения, никакого «условно» там не бывает).

Суд над президентом не прекращается ни с окончанием законного срока, ни с окончанием земного. Ни отставка, ни смерть — ничто не служит освобождению от суда, ни даже смягчению приговора.

Самый понятный для людей XX века пример — Гитлер. Физически он под суд не попал, покончил с собой от страха. Но и без всякого суда он осужден навсегда. Не пожизненно, а навечно. И не только его пособников отправили в тюрьму шестьдесят лет назад (а некоторых повесили), но и поклонников — до сих пор! — сажают (в Германии). Это продолжается суд истории. (Нам бы такие законы — меньше было бы убийств, не кричали бы «хайль» на улицах, не носили бы портреты Сталина.)

В какой-то момент — иногда не сразу, но всегда неизбежно — машина государственного обожания перестает вертеться, взбивать пену; муть оседает, и вот он — в чем мать родила: без орденов, без свиты, без короны...

И чем выше возносили, чем беспощаднее принуждали любить его, тем бездоннее пропасть, куда он валится, и злее ненависть.

Суд истории — суд человеческий. Он просто отодвинут во времени, чтобы люди успели протрезветь от пропаганды. Продолжая все тот же пример, сегодняшние немцы, как вы знаете, смотрят на Гитлера иначе, чем гитлерюгенд и штурмовики 1930-х. (Позавчера «Берлинен ансамбль», лучший театр Германии, показал в Москве «Карьеру Артуро Уи» — пьесу Брехта о Гитлере. Самое интересное и важное: Гитлер показан не столько ужасным, сколько омерзительным. Гениальный актер играет его как шелудивую собаку — по-собачьи мочится, задрал ногу, шарит по помойкам, вываливает отвратительно длинный язык и лижет дерьмо; почти неразборчивый хрип и визг вместо человеческой речи. А мы своего людоеда — даже в самых критических книгах, фильмах, спектаклях — изображаем гением зла, великим и ужасным. Но отвратительным — никогда... Немцам десять минут аплодировали стоя, кричали «браво!» и, возможно, не столько за блестящую игру, сколько за беспощадность осуждения.)

История склонна оправдывать тех, кто честно выполнял свой долг и был хоть сколько-нибудь добр к людям.

Что же может, что же должен делать президент кроме призора за Конституцией? Его долг (ваш долг, Владимир Владимирович) — назначать правильных руководителей: министров, губернаторов...

В чем должна состоять их правильность? Во времена СССР это была покорность генсеку и Политбюро ЦК КПСС. Потом кроме личной преданности все больше шла в ход воровская ловкость.

А правильный руководитель должен заботиться о хорошей жизни для людей. Не для себя. А значит, такой человек (они еще есть) — не карьерист. И значит, сам никогда не пробьется наверх. И не купит должность.

Самые ловкие — рекламные агенты, зазывалы, продавцы всего (главным образом — воздуха). Вот, похоже, они и назначены. (Когда министром обороны вы назначили Сердюкова, человека из мира денег, — стало ясно одно: вы на 100% уверены, что войны не будет. Но одновременно это, увы, сигнал по-

Путин

тенциальным агрессорам: мы заняты не обороной, а финансовыми потоками.)

Оглядываясь на отечественную историю в поисках положительного примера, сразу замечаешь Столыпина — царского министра, которого почитают все: и коммунисты, и националисты, и экономисты. Он, быть может, потому и проводил так удачно свои реформы, что не думал о своем кармане. О своем кармане думали купцы, но их не назначали министрами. А Столыпин делал так, чтобы *всем* было выгодно жить лучше — вот население и росло, а не только экономика.

То, каких высот и полномочий достиг Столыпин (который не заботился ни о личном обогащении, ни о том, чтобы угодить императору), говорит о том, что кадровая система сто лет назад еще давала сбои. Столыпина застрелили в театре. (Современный кадровый сбой, Илларионов, ничего не сделав, уехал в Америку.)

Менять кадровую политику, конечно, страшно. Конечно, привычнее, проще, спокойнее, выгоднее тасовать знакомую колоду. Но до суда истории остается все меньше времени. Только представьте, какой вас ждет успех, если вы успеете сделать правильный шаг. Вас отольют и поставят рядом с Медным всадником.

Никакими бумажками (деньгами, посланиями), никакими телеэфирами этого не достичь. Бумажки — ничто. Общественное мнение — всё.

Времени мало. Начался ваш самый короткий год, Владимир Владимирович. Это только по календарю годы одинаковые, а в жизни...

Время очень ускоряется, хотя физики об этом мало знают. Когда вы в 2000-м стали президентом, для вас год был всего-навсего одна восьмая срока — 12,5%. А теперь год — все оставшееся время: 100%.

До 2 марта 2008-го осталось одиннадцать месяцев. Значит, сейчас для вас один месяц — меньше одной десятой. А в феврале 2008-го один месяц — это будет все, что осталось, все сто. А потом окажется, что 100% оставшегося времени — это всего неделя...

Так сокращается и ускоряется время у шахматистов. И даже чемпионы в цейтноте совершают страшные ошибки.

17 сентября 2007, «МК»

НОСИЛЬЩИК ВЛАСТИ

Владимир Владимирович, невежа начал бы грубо: мол, хватит прикидываться слугой народа, хватит в носу ковырять (вас цитирую). Но, наверное, лучше все-таки вежливо.

А с чего начать? С теории или с практики? Если начать с теории и спросить: «Читали ли вы Конституцию, Владимир Владимирович?» — то и этот вежливый вопрос о теории может показаться кому-то грубой практикой (нахальным злоупотреблением свободой слова).

На самом деле — ничего грубого, просто живой интерес. Все, конечно, знают, что вы гарант Конституции. Но это же не обязательно читатель.

Хранить в целости, беречь, и т.д., и т.п. — это все понятно. Но сторож библиотеки тоже хранит и бережет книги. А читает ли?

Вот скажите, например, кому принадлежит власть в России? Народу? В Конституции написано так:

«Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ».

Народ — носитель суверенитета? В чем его носить? Куда? Носители нашего суверенитета — это скорее баллистические ракеты, стратегические бомбардировщики, атомные подлодки. А народ — носитель мешков и чемоданов; по-русски — носильщик.

По Конституции «народ — источник власти». А кто присосался? Или, вежливо говоря, кто хлебает из этого источника?

Владимир Владимирович, вода не принадлежит источнику. Он ее дает, а потом ее кто-то продает. И свет не принадлежит свечке. Светом кто-то пользуется, а свечечка сгорает.

В прежней Конституции (не демократической) формулировка была лучше:

«Вся власть в РФ принадлежит многонациональному народу РФ».

Видите, небольшая игра словами, а народ из владельца превратился в источник. (Практика, впрочем, не изменилась.)

Не так давно ВЦИОМ спросил у населения: «Кто, согласно Конституции, является источником власти в России?»

Ответы подданных должны вам понравиться. Они распределились так:

Бог — 1%;

госдума — 12%;

затрудняюсь ответить — 13%;

народ — 19%;

президент — 55%.

Видите, вы один больше всех вместе взятых, включая Господа Бога.

Люди, говоря о властях, слишком часто употребляют выражение «слуги народа» (сам не раз этим грешил). Мол, мы содержим правительство, армию, и др., и пр., мол, на наши налоги...

Но хватит нам прикидываться хозяевами. Могут ли простые люди не платить налоги? Нет, посадят.

Это что — слуги посадят хозяев?

А может ли народ уволить министра, ну хоть одного, самого ненавистного? Нет. Что ж это за хозяин, если не может уволить ленивого, вороватого, обнаглевшего или просто неугодного слугу?

Взгляните, как легко власти решают, сколько давать больным на лекарства, сколько драть за газ и электричество.

Выходит, слуги решают судьбу хозяев.

Есть чиновники (их имена всем известны), заслужившие всенародную и абсолютно справедливую ненависть. Но требование их отставки, требование ста с лишним миллионов граждан — даже не рассматривается.

Вы увольняете и назначаете по собственной воле. Ни разу не помню, чтобы вы при этом выясняли мнение «источника». Наоборот, источнику ясно дали понять, что свое мнение он может засунуть себе обратно в водоносный слой.

Сперва — да, было. Раз в четыре года перед «хозяевами» даже плясали: скушай, проголосуй за папу. Хозяева (мы), выходит, были в ясельном возрасте.

Потом самые решительные министры-демократы предлагали даже штрафовать тех хозяев, что не ходят на выборы, «за уклонение от исполнения гражданского долга». А потом...

А потом вдруг поняли: это же просто прекрасно, что хозяева не хотят голосовать. Отменили губернаторские выборы. Отменили графу «против всех». (Не тебе решать, кто твой кандидат. Голосуй за кого-нибудь из тех, кого мы тебе предлагаем. Так Одиссея боги заставили однажды выбирать между страшными людоедами Сциллой и Харибдой, а хотел-то он Пенелопу.)

А теперь отменили и порог явки. Выборы состоятся, даже если никто не придет. Хозяину русским языком сказано: не ходи, выпей, ляг-усни, утром мы тебе расскажем, кого ты всенародно избрал. (Для окончательного облегчения подсчета голосов предлагаю, Владимир Владимирович, чтобы в день выборов все остались дома. Это просто. По одному телеканалу с утра до ночи запустить лучший бокс и футбол, по другому — умирительный сериал, по третьему — какое-нибудь порно с ксюшами.)

...Все это настолько понятно, что и писать, может, не стоило. Когда перекрывают проспект для высокопоставленного лица, многие повторяют старую шутку: «Вон поехал слуга народа». Но никому не смешно.

И все же надо поставить точку над *i*. Мы платим вам, депутатам, губернаторам, министрам, — но уволить не можем. Значит, это не мы платим зарплату «им», а они дерут подати с нас.

Перехожу к практике.

6 июля на инаугурации мэра Москвы вы сказали: *«Власть обязана действовать исключительно в интересах рядового человека»*.

Я своими ушами слышал, что вы это говорили. Вдобавок видел, как вы это говорили — очень искренне, убежденно и (что важно) без бумажки.

Одно дело, когда по бумажке, — эти пустые слова кто-то сочинил. Другое — ваш собственный экспромт, ваши собственные убеждения, прорвавшиеся наружу. Тут полная ваша ответственность. И когда я вас там честно предупредил, что буду цитировать эти слова, вы не стали протестовать, не сказали, что, мол, оговорился, брякнул не подумавши...

Обещание выполнено. Ваши слова были процитированы в ближайшем же письме к вам («МК», 10.07.07, «Рядовая езда»). Описывались мучения пенсионеров-новичков, которых вынуждают каждые три дня добывать трехдневный билетик в метро и трехдневный автобусно-троллейбусно-трамвайный — в уличных киосках. И так месяц или два, пока оформляется постоянный документ.

В письме выразались:

а) недоумение: если людям положен бесплатный проезд — зачем их мучают?

б) уверенность, что после вашего заявления («власть обязана» и т.д.) эти издевательства немедленно прекратятся.

Прошло два месяца.

Поверьте: нету никаких признаков того, что *власть начала действовать исключительно в интересах рядового человека.*

Никто не арестован. Трехдневные билетики не отменены, мучения и унижения продолжаются, несмотря на ваше безграничное уважение к ветеранам труда.

Хотите посмеяться? Начинаящий льготник (пенсионер-первичник), спустившись в метро, должен дать свой паспорт и справку из Пенсионного фонда старшему кассиру. Она уйдет куда-то к себе, где ее не видно, проверит по компьютеру и, если все сойдется, — даст билетик на три дня.

В метро у двери в кассу — звонок (очень пронзительный). Он позвонил раз, другой. На четвертый звонок появилась старший кассир.

— Вы что шумите?! Подождите! Я разговариваю!

Тут он понял, что громкий телефонный разговор, который через дверь все время был слышен (про наглуую невестку, кото-

рая все бросает где попало, унитаза никогда не моет), — что этот разговор вела и не закончила старшая. А разговоры о бесстыжих невестках, Владимир Владимирович, никогда не кончаются. И этот не кончился, потому что старшая руку за паспорт и справкой не протягивала, а смотрела злобно, чтобы он ушел. А он стоит.

— Нюра! — заорала она дежурной у турникетов. — Пропус-ти этого!

Вот так он и прошел: и без платного билета, и без льготно-го. *Таким хозяйствованием пенсионеру не докажешь преимуще-ства монетизации.*

Это был понедельник, и он соответствовал поговорке.

Следующая попытка случилась в тот же тяжелый день, в 14:15. Дверь к старшему кассиру окована железной решеткой, сквозь которую закоулок с компьютером не видно, но видно раковину. И когда он позвонил, одна кассирша там что-то сти-рала (а в оставшуюся кассу стояло человек двадцать). Она на звонок обернулась с намыленной тряпкой.

— Вам чего?

— Старшего кассира. Вот паспорт, спра...

— Старший кассир на обеде!

— А долго...

— Через час!

— Но я...

— А она что — не человек?!

Ему ни одной фразы не удалось договорить. Она наизусть знала все вопросы и ответы.

Последний раз в этот понедельник он пытался получить би-летик в десять вечера на станции «Улица 1905 года» (над кото-рой сто лет назад рабочие на баррикадах бились за свои права). В окошечке милая дама:

— Старший кассир в другом вестибюле!

Там полкилометра обходить, но его это не огорчило (он же не на костылях, не в инвалидной коляске), он просто задумал-ся. А она предупредила:

— Но не ходите туда. Там сейчас старшего кассира нет.

— А где она?

— А это я.

Владимир Владимирович, если бы я мог такое выдумывать, был бы знаменитым писателем. Пенсионер застыл, а она пояснила:

— Компьютер там. А я туда пойду через полчаса.

Он заплатил, поехал...

Описываю вам эти подробности, потому что вы все там (наверху), изобретая полезные бюджету новшества, абсолютно не представляете себе, какими мучениями они потом оборачиваются.

Эти штуки (и еще похлеще) миллионы людей переживают, но либо они вам не пишут, либо до вас не доходит (почта, сами знаете, плохо работает).

Но эти-то письма до вас доходят. Почему же ничего не изменилось? Почему не прекратили бессмысленные (хотя, конечно, не смертельные, вполне заурядные) издевательства? Ничего не стоило вам распорядиться. А люди считают, что если вы приказываете, то это исполняется. Почему же вы не приказываете? Вы же обещали.

Народ не источник власти. Народ — источник денег. И речь не только о налогах.

Это кажется, будто источник денег — нефтяная скважина. Нет, фонтаны не бьют. Надо искать (тяжело, в тундре, в тайге, во льдах, в комарах), надо бурить, качать, возить, перерабатывать, делать трубы, варить, закапывать. Надо каменщиков, плотников (для дворцов), поваров, официантов, шоферов, охранников — все это крепкие мужчины, а еще надо молодых красивых девок. Весь этот нужный персонал бьет фонтаном из источника. Можно назвать его источником рабсилы, а можно (для красоты) *источником власти*. Смысл этого названия теперь, я надеюсь, ясен?

Врачи не нужны. Потому что владельцы источника лечатся не здесь. Учителя не нужны. Потому что дети владельцев учатся не здесь. Ну и т.д. О том, что старики не нужны, и говорить нечего. Дармоеды. Дети пока еще нужны. Из них вырастают бурильщики и тёлки (хотя все это владельцы могут ввозить из других стран).

Уже писал вам, что в редакцию приходят отклики читателей, которые вас защищают. Они просто в ярости, что кто-то осмеливается беспокоить вас по поводу каких-то пенсионеров.

Но ведь наших пенсионеров мучают не американские враги и не эстонские, а наши, родные, российские, русские чиновники.

На тех вы нацеливаете ракеты (это долго, дорого, опасно), а тут достаточно вам взять телефонную трубку...

...Шолохов беспокоил товарища Сталина по поводу каких-то крестьян. Вот что он писал в Кремль 16 января 1931 года:

«Положение без преувеличения — катастрофическое. Таким хозяйствованием единоличнику не докажешь преимущества колхозов. Колхозники морально подавлены, и надо видеть лица их, когда они тянут трупы лошадей... Горько, т. Сталин! Сердце кровью обливается, когда видишь все это».

Разве Шолохов не понимал, что обращается к главному автору коллективизации? Разве не понимал, что пишет людоеду? Что ж, в 1931-м, может, и не понимал.

Вот его письмо Сталину 4 апреля 1933 года:

«Уполномоченный, постукивая по кобуре нагана, дает следующую установку: “Хлеб надо взять любой ценой!”... В полночь вызывали по одному, сначала допрашивали, угрожая пытками, а потом применяли пытки: между пальцев клали карандаш и ломали суставы, а затем надевали на шею веревочную петлю и вели к проруби топить. Уполномоченный подвешивал колхозниц за шею к потолку, продолжал допрашивать полузадушенных, потом на ремне вел к реке, избивал по дороге ногами, ставил на льду на колени и продолжал допрос... Решил, что лучше написать вам...

С приветом М.Шолохов».

Ужасно, правда? Вот и добились, что люди в 41-м ждали немцев как избавителей (ошиблись). Проходят ли это сейчас в школах? Читаешь и понимаешь: какое счастье наша жизнь. Стыдно жаловаться, ведь не убивают же. Ну гоняют неизлечимо слепых ежегодно на комиссию — вдруг прозрели? (В неко-

Путин

тором смысле этот закон высокодуховный. В нем заложена искренняя вера в Бога — постоянная надежда Минздравсоцразвития на чудо исцеления.)

Извините, отвлекся. В 1933-м Большой террор был впереди, но голодомор (десять миллионов жертв) был уже позади...

...Самое странное — Сталин отвечал. Вот его ответ на письмо, фрагмент которого вы только что прочли:

ТЕЛЕГРАММА-МОЛНИЯ

«Спасибо за сообщение, сделаем все, что требуется. Сообщите о размерах необходимой помощи.

Сталин».

Ответил, хотя мог бы уничтожить. Он знал, что происходит, он сам устроил эту мясорубку, но понимал и важность соблюдения хотя бы видимости заботы о народе.

Вы пренебрегаете видимостью? Но тогда зачем эти заявления о действиях «исключительно в интересах рядового человека»?

Пора! С вашего обещания прошло два месяца. А если считать по-другому — семь с половиной лет. Если не теперь, то когда? Если не вы, то кто?

Недавно вы на Дальнем Востоке дручили министров: мол, сидят, в носу ковыряют, а дороги не проложены, дома не построены, хотя вы им в 2000 году приказали все сделать. Но ведь это надо работать. А тут ничего не надо.

Прикажите отменить трехдневные билеты, и всё. Надо же с чего-то начать. (Написал «даю вам сорок восемь часов», но засомневался: не грубо ли? — и вычеркнул.)

...Вам удалось заставить даже членов МОК действовать в интересах города Сочи. Говорят, главным образом действовало то, что вы выучили несколько фраз по-французски.

А наши министры и депутаты сплошь русские (русскоязычные). Чтобы побудить их к действиям, вам даже не надо учить новые слова. Хватит трех старых. Закон не позволяет их напечатать, но вы же и так их знаете.

2008

Когда президентом стал Медведев, автор хотел прекратить «Письма президенту». Уж больно новый был никакой. Тот — личность хоть и опасная, но остроумная, жестокая — есть с кем разговаривать. А тут — ни рыба ни мясо. Но потом решил: пусть остается без лица, просто должность «г-н президент».

23 мая 2008, «МК»

ДВОРЕЦ ТИПА СОРТИР

Г-н президент, читатели требуют, чтобы эти письма продолжались. Задача непростая. С вами этой весной случились такие изменения, что обращаться к вам по-прежнему (по имени-отчеству) затруднительно. Вы уже не совсем Владимир Владимирович, но еще не совсем Дмитрий Анатольевич. В данный исторический момент точнее было бы «Дмитрий Владимирович», но вы (все) можете расценить это как излишнюю вольность, а читатели просто не поймут, о ком речь. Поэтому для ясности — просто «г-н президент».

Г-н президент, вы очень много обещали, но с особой страстью (и до выборов, и теперь) вслух мечтаете исправить судебную систему*. Золотые слова! Дай бог нашему теляти волка забодати.

Однако чтобы исправить механизм, надо знать, как он работает. А откуда вам это знать? При взгляде сверху вы видите сияющий дворец правосудия. А что там внутри? Вот и в минувший

* До убийства Магнитского оставалось два года.

вторник поговорить о недостатках судебной системы вы пригласили судей и чиновников (а разве у них есть проблемы с судом?).

Ни одного жалобщика, ни одного раздавленного судебной системой вы не позвали.

Если бы вы были рисковым малым, лучше всего было бы одеться победнее, натянуть седой парик, взять костыль и захромать вверх по шикарной лестнице. Однако вы скорее осторожны, умеренны и аккуратны* — важные достоинства, но экспериментов в духе Гаруна аль-Рашида (халиф Багдада, который переодевался в рубище и шел на рынок, чтобы своими глазами, а не по телевизору и не из доклада визиря увидеть, как живет народ) не ждем.

Это, г-н президент, была присказка.

Хотите выиграть кучу денег? (Только не говорите «нет», а то все решат, что их у вас и так слишком много.) Вернейший способ открылся случайно (судьба улыбнулась). С тех пор непрерывно выигрываю и решил с вами поделиться.

Делается так: сперва рассказываете небольшую историю, а потом предлагаете всем слушателям отгадать загадку. Кто не угадал — платит вам. А кто угадал — тому платите вы (но этого не случится, поверьте).

С шоферами, или официантками, или медсестрами можете спорить на небольшие суммы (от ста рублей с носа); главное, чтоб их вокруг вас собралось побольше. А с олигархами — хоть на миллиард долларов. А с иностранными вождями — на вступление в ВТО без очереди или на возврат прощенных долгов. В общем, с кем угодно и на что хотите. За выигрыш отвечаю.

История такая. В Конституции (ст. 39) написано: «Каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту». То есть пенсию женщины должны получать с того дня, как им исполнилось пятьдесят пять, а мужики — с шестидесяти. Однако в Законе о пенсиях сказано иначе: «С момента обращения».

* Автор надеялся, что читатели вспомнят «Горе от ума», таланты Молчалина.

Причем «моментом обращения» в Пенсионном фонде считают не день, когда человек впервые пришел, а когда сумел собрать все справки, которые с него потребуют. На это у некоторых уходят месяцы, а у кого и годы. И за все это время пенсия тью-тью.

Получается, что закон хуже Конституции. Хотя в Конституции (ст. 55) прямо сказано: «В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права». (В скобках, г-н пр., скажу вам как юристу: формула безобразная. Вместо вялого «не должны» следовало бы написать «запрещено». Кроме того, возвратная форма глагола создает впечатление, будто законы сами издаются. Это очень удобно, поскольку за плохой закон, который издался, наказывать некого. Следовало бы «запрещено издавать». Будете менять Конституцию — не забудьте эту деталь.)*

...Год назад я решил: подам в суд, выиграю; и все миллионы пенсионеров, у которых украли пенсию (у кого за месяц, а у кого и за год), получают свои деньги. Подчеркиваю: свои.

Замечательный юрист Виталий Корыстов (с которым мы вернули в подмосковные Снегири тяжелый немецкий танк «Тигр», украденный саратовским губернатором Аяцковым) написал убойный иск. Но...

В первой инстанции (в Химках) мы проиграли. Понятно, районному суду трудно вынести решение против Пенсионного фонда и Федерального закона. Написали мы жалобу — в Кассационную коллегию Московского областного суда.

Здание, скажу вам, новое, огромное, шикарное — настоящий дворец правосудия. Буфет, здоровенные холлы, туалеты (очень чистые), и на дверях не грубые «мэ» и «жо», а целомудренные шляпы (народ, давно от шляп отвыкший, с трудом определяет, какая чья).

Находим наш зал (их там десятки, а может, сотни) — над дверью электронное табло, по табло бегут светящиеся буквы: «Московский областной суд. 09:55 (это время), 13 мая 2008 года (это дата)». Нам назначено на десять утра, ждем. И еще ку-

* Не прошло и полгода — Медведев поменял Конституцию, но совет, конечно, забыл. Зато президентский срок увеличил на 50%.

ча народу ждет. Зачем они пришли, думаю, когда сейчас наше время?

Спросил. Оказывается, всем назначено на десять. А у двери в отличном пластиковом прозрачном кармане — «Список гражданских дел, назначенных к слушанию в кассационном порядке на 13.05.08».

Посчитал. Двадцать четыре дела. И все на утро. Корыстов поясняет: мол, это обычная практика, мол, в прошлый раз он вот так же пришел к десяти утра, а пригласили в зал в пять вечера.

Спешить некуда, пошел гулять по коридорам и холлам. У каждого зала толпа (ведь любое дело — это истцы, ответчики, их адвокаты), у каждой двери список дел. Посчитал. У кого — двадцать четыре, а кому не повезло — у тех двадцать пять.

...Понимаю, г-н президент, что вам хочется поскорее узнать, как без риска выигрывать пари. Вы, применяя потом мой способ, будете, конечно, сокращать эту историю. Но если открою секрет сразу, то вы можете и не дочитать — вам, наверное, детали не очень интересны, поскольку описываемая ситуация лично вам не грозит. Поэтому оттяжка разгадки — это такой прием, чтобы вы волей-неволей узнали кое-что о натуральной жизни подданных.

Ждешь час, ждешь два, пить хочется. Внизу буфет. Если бы это была советская очередь за молоком или за водкой, я бы предупредил: мол, отойду и вернусь. А тут, во дворце правосудия, очереди нет. Есть список, но в зал вызывают не по порядку, а как попало. И если кого-нибудь в этот момент нету, то...

Вы, г-н президент, как юрист подумали небось, что судьи начнут разбирать другое дело. Нет. Пока вы пьете (или еще чего-нибудь совсем наоборот), ваше дело рассмотрят без вас. Вы своей отлучкой резко увеличите возможности своего процессуального противника: он что хочет, то и скажет, а ваших возражений суд не услышит. Надо терпеть, ждать (есть такие памперсы для взрослых, жаль, в суде их не продают).

А над дверью красивое табло; и непрерывно бежит строка, повторяя каждые десять секунд «Московский областной суд», время, дата...

Сперва смотришь бездумно, как баран на новые ворота. Потом, естественно, возникает суетная мысль: сколько стоит такое табло? они ж, наверно, очень дорогие? сколько их во дворце? кто это придумал? и какой за это был откат?

Потом думаешь, что если бы на табло (по таблy) бежали строки из Уголовного кодекса или из Кодекса судейской этики (такой есть), то был бы хоть какой-то просветительский смысл в этих бессмысленных электронных игрушках.

Но когда строка повторилась у тебя перед глазами пять сотен раз, она начинает действовать как мантра — впадаешь в философское состояние, отрясаешь мирское. Смирение приходит.

Знаете, кого обычно спрашивают, как называется место, где он находится и какое сегодня число? Напоминая об этом несколько раз в минуту, ждущим вежливо внушают, что они сумасшедшие. За что? За то, что надеются на справедливое решение?

...Долгое ожидание, неизвестность, невозможность ни у кого ничего спросить, заведомо ничтожное число скамеек (большинство ждут стоя) — все должно внушить рабскую покорность. Мы смиряемся (некоторые — стиснув зубы), ибо вызывать недовольство хозяев дворца никто не рискует...

Вот сейчас, вот уже совсем скоро вы, г-н президент, узнаете выигрышную тайну. Но сперва несколько цитат из упомянутого Кодекса судейской этики.

КОДЕКС СУДЕЙСКОЙ ЭТИКИ

Утвержден VI Всероссийским съездом судей

2 декабря 2004 года

Правосудие не может существовать без честного и независимого судейского корпуса. Для обеспечения его честности и независимости судья обязан принимать участие в формировании, поддержании высоких норм судейской этики и лично соблюдать эти нормы.

В своей профессиональной деятельности и вне службы судья обязан соблюдать Конституцию Российской Федерации, руководствоваться общепринятыми нормами морали, способствовать утвержде-

нию в обществе уверенности в справедливости, беспристрастности и независимости суда.

Судья в любой ситуации должен сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, причинить ущерб репутации судьи и поставить под сомнение его объективность и независимость при осуществлении правосудия.

Судья должен исходить из того, что защита прав и свобод человека и гражданина определяет смысл и содержание деятельности органов судебной власти.

Судья должен быть терпимым, вежливым, тактичным и уважительным в отношении участников судебного разбирательства.

Наконец нас пригласили. За столом судебная коллегия: председательствующий Ракунова Л.И., судьи Беренков В.И. и Фомина Н.И.

— Доверяете составу суда? — спросила председательствующий.

— Доверяем, — ответили хором мы с Корыстовым и наш противник — представитель Пенсионного фонда.

Потом этот представитель сказал, что Конституция им не указ, потому что при назначении пенсии они руководствуются не ею, а законом.

Потом начал свою речь Корыстов, но через минуту его прервали (мол, не надо повторять доводы, изложенные в жалобе).

— Истец, — спросила меня председательствующий Ракунова, — поддерживаете мнение своего адвоката?

— Да... — я хотел сказать о Конституции, но они уже встали.

— Суд удаляется на совещание! — сказала Ракунова.

Поверьте, г-н президент, когда ждешь два часа, а тебе дают сказать две буквы — это грустно. Но я особо не расстраивался, потому что в жалобе действительно все было изложено ясно и со всеми необходимыми ссылками и на статьи Конституции, и на законы, и на Гражданский процессуальный кодекс.

Через некоторое время судейская коллегия вернулась в зал и огласила решение: «Минкину в жалобе отказать».

С тех пор всем встречным-поперечным рассказываю эту историю и предлагаю угадать: сколько времени судьи совещались? Условия льготные: противник ставит любую сумму, и если он ошибется не больше чем в два раза — плачу я. Если он ошибется больше чем в два раза — платит он.

Люди добрые, но наивные говорят «час». Самые опытные и глубоко во всем разочарованные говорят «две-три минуты». Все проигрывают.

Со мной, г-н президент, были часы с хронометром. И когда судьи объявили свое удаление на совещание и за ними закрылась дверь, я нажал кнопку. И успел спросить Кориштова: «Две минуты? Пять?» Но тут дверь открылась, мы с Кориштовым открыли рты, я нажал кнопку.

18,49 (восемнадцать целых и сорок девять сотых) секунды.

«Напрасно они так», — бормотал Кориштов, утешая. Нас обоих шокировал не отказ, а беспредельная скорость (в этом месте, г-н президент, я долго думал, хотел написать «беспредельная наглость» или «беспредельное бесстыдство» — но зачем нам эмоции, верно?).

За это время даже выпить на троих нельзя. За это время трудно даже поровну разлить пол-литра на троих (попробуйте, если не верите). Собачки, г-н президент, дольше обнюхиваются, чем эти судьи совещались; Кони* подтвердит.

А больше никто не подтвердит. Нас с Кориштовым никто не спросит, а протокол не ведется.

Не знаю, есть ли в мире еще хоть одна страна, где не ведут протокол судебного заседания кассационной коллегии.

...Пройдет еще полтора-два месяца, и мы получим мотивированный письменный отказ (несколько страниц, которые нельзя не только обдумать, но даже и протараторить за девятнадцать секунд). Потом напишем жалобу в следующую инстанцию и опять будем месяцами (как и в первом случае) ждать повестки... За это время еще тысячи пенсионеров умрут, так и не получив своих честно заработанных, кровных.

* Собачка Путина, а не знаменитый русский юрист конца XIX века.

После проигрыша в суде первой инстанции в письме президенту «Должок за вами» («МК», 15.02.08) было сказано:

«Правда на нашей стороне, мы своего добьемся. Будет не “с момента обращения”, а как в Конституции написано — “по возрасту”.

Вопрос в том, потратим ли мы несколько лет на хождения по инстанциям или вы прочтете это письмо — и как по волшебству...

Если вам понятна наша правота — вы это сделаете.

Если она вам понятна, но вы это не сделаете, то можно будет подумать, что незаслуженные обиды и мучения людей вам безразличны.

А если вам непонятна наша правота... Нет, такого представить себе невозможно».

Тогда вам, наверно, было некогда. Оставалось две недели до выборов, суэта, дележка будущих полномочий... Ну а теперь? Слабо?

Вам действительно достаточно позвонить. Неважно кому — в Думу, в Совет Федерации, в Конституционный суд. Вам даже не надо думать, не надо набирать номер. Надо просто снять трубку и сказать одно слово: «Сделать!»

И будет сделано.

Может, вас, г-н президент, смущает призыв воспользоваться телефонным правом, да еще именно в тот момент, когда вы пытаетесь построить законность?

В своих выступлениях вы говорите: «Право должно стоять на фундаменте моральных императивов, базироваться на внутренних убеждениях и принципах нравственности... Нужен кропотливый, последовательный труд по совершенствованию правовой системы... Для преодоления мешающего стране гармонично развиваться правового нигилизма требуется долгая и серьезная работа...»

Какие красивые слова! Вы хотите изменить систему, но она состоит из людей. «Долгая работа» — это сколько? Как Моисей — сорок лет? У вас они, может быть, есть, но у пенсионеров их нет. Пока вы перевоспитываете судей, все ограбленные умрут и с небес посмотрят на ваши благие порывы.

16 октября 2008, «МК»

ОСТАНОВИТЕ РОСТ ВВП

Г-н президент, что важнее: мораль или деньги? Все величайшие умы человечества утверждают: мораль. Всё ваше окружение занято только деньгами. Но что если кризис — это результат аморального поведения сильных мира сего? Ведь и коррупция — аморальное поведение, которое стоит немислимых денег (триллионов).

Сомнительные (с точки зрения морали) действия властей разлагают общество. Гнилое общество не может противостоять коррупции. Значит, уничтожение морали — в интересах коррупционеров.

Мораль требует храбрости. Вы хорошо знаете премьер-министра, правда? Характер у него непростой, иногда пугающий. Как вы с ним разговариваете?

Вы очень строго говорите с лидерами Запада. Буша, доживающего последние дни (в политическом смысле), просто топчете. Большинству граждан это нравится. Оказалось, вы можете резко одернуть, поставить на место. Но если вся ваша решительность уходит на экспорт... Как у сталинских маршалов, о которых гениально сказал поэт:

Смело входили в чужие столицы,
Но возвращались в страхе в свою.

Г-н президент, может быть, вам пора решительно поговорить с премьером? Это же очень опасно для страны, если он

считает себя непогрешимым или даже чем-то вроде бога. И есть люди, которые культивируют в нем эту иллюзию*.

Слыхали: Рамзан Кадыров переименовал проспект Победы в проспект имени В.В.Путина. Как вы к этому относитесь?

Вы выросли вроде бы в Ленинграде и даже представить себе не можете, какие чувства возникали у москвичей, когда водитель троллейбуса объявлял: «Следующая остановка — площадь Пятидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции, бывшая Манежная». Вот вы станете когда-нибудь простым человеком, сядете в автобус и услышите: «Прспект имени В.В.Путина, бывший Победы...»

Призываете свято хранить память о Великой Отечественной, а тут — бывшая Победа; нехорошо, правда?

Когда это неприличное переименование случилось, наша журналистка спросила премьера: как он к этому относится? Премьер ответил: «Мне это не очень нравится». Формалист бы придрался: мол, нравится, хотя и не очень. Но по сути это была вежливая форма отрицательного отношения. Вроде бы премьеру это не понравилось, но он не хотел публично обидеть тех, кто изо всех сил старался ему угодить.

На самом деле с желающими угодить справиться не так уж сложно. К примеру, однажды вечером сообщили, что Рамзан Кадыров принят в Союз журналистов России. Но достаточно было всего лишь одного решительного голоса протеста, и на следующее утро Кадыров перестал быть журналистом**.

Не раз случалось: примет Дума какой-нибудь несуразный, но, как она надеется, приятный президенту закон, а Путин

* В 2010-м за рулем «лады» Путин сказал, что никаких ошибок у него не было. А речь после Беслана? Она была сплошным признанием ужасных ошибок.

** Случайно узнав, что Рамзан принят в Союз журналистов, я немедленно позвонил на «Эхо» и заявил о выходе из Союза. На следующее утро собрался Секретариат и аннулировал его членство. Скандал начался жуткий. Чеченское отделение СЖ в полном составе объявило о выходе из СЖ, «пока там есть такие, как Минкин». Председатель СЖ ездил в Грозный извиняться и оправдываться. Но — факт: иногда один голос может вдруг всё изменить.

спокойно (между делом) говорит: «Мне это не очень нравится». Бац — и наутро те же депутаты голосуют за текст, прямо противоположный тому, за который голосовали вчера.

Захоти премьер — проспекту вернули бы прежнее имя. А восточные люди из этого сделали бы еще одно всенародное торжество по поводу невероятной скромности вождя. Рамзан Кадыров, безусловно, согласился бы с возвращением проспекту прежнего имени. Он на переименовании сказал: «Как чеченец, как мусульманин заявляю, что готов, если потребуется, умереть за Владимира Путина».

Если он готов умереть, то готов, значит, выполнить любой приказ, любую просьбу. А если и возникнет неловкость — не беда, это ненадолго. Многие пытались угодить Путину, умоляя его остаться на третий срок. Не испытывая ни малейшей неловкости, они теперь восхваляют его мудрость: как прекрасно, что он не нарушил Конституцию! Как прекрасно, что он назначил вас!

Если власть не в состоянии действовать из моральных соображений (стесняется), можно предложить формальные поводы:

- живым дают звание «Почетный гражданин»; на днях премьеру дали «Почетного гражданина», кажется, Астрахани;
- ордена дают и живым, и мертвым (посмертно);
- улицы и города называют только в честь покойников, а поскольку премьер жив, переименование следует отметить.

(Смешная деталь: улица Чехова, площадь Пушкина, площадь Гагарина, а проспект В.В.Путина. Эти инициалы — стыдуха: они что, боятся, будто кто-то не поймет, в честь какого Путина переименовали Победу?)

Ваш долг, г-н президент, помочь г-ну премьеру. Поставьте мысленно себя на место президента*, а на место премьера мысленно поставьте Фрадкова. Готово? А теперь представьте, что где-нибудь проспект Победы переименовали бы сдуру в проспект имени М.Е.Фрадкова. Готово? А теперь представьте, какие русские слова сказал бы ему президент. Не можете? Мы тоже затрудняемся.

* Это не оговорка.

А представьте, что премьер Фрадков вызвал бы к себе в резиденцию десятки журналистов, продержал бы пять часов в полной неизвестности до глубокой ночи (они уж думали: дефолт? отставка?), а потом показал бы им тигренка*. Вопрос: что сделал бы с ним президент? Еще более интересно: что сделали бы с ним журналисты? А сейчас все всё скушали. Недаром Путин восемь лет повторял любимую шутку: «Власть, как женщина, должна пытаться, а пресса, как женщина, должна сопротивляться». И добился. Девушка больше не сопротивляется.

Непогрешимость премьера — как новое платье короля в сказке Андерсена: существует только в воображении придворных. Впрочем, этого платья не существовало даже в их воображении. Они притворялись, будто видят его. Зачем притворялись? Ну, это ясно — не хотели потерять место.

Непогрешимость? Вот, к примеру, этот самый друг Буш, который нам нагадил в Грузии, на Украине, в Прибалтике, притворяется к нам НАТО, втыкает радары, а теперь еще устроил всемирный финансовый ужас.

Не было в мире другого лидера, который так беззаветно и отчаянно, как наш теперешний премьер, поддерживал Буша в борьбе за его второй срок. Премьер (тогда работавший нашим президентом) накануне американских выборов-2004 заявил: «Международный терроризм ставит перед собой цель не допустить переизбрания Дж.Буша на второй президентский срок. Если они добьются этой цели, то, конечно, они будут праздновать победу». Выходило, что победа демократического кандидата (Кэрри) будет означать победу международного терроризма.

А куда исчез лучший плакат эпохи «ПЛАН ПУТИНА»? Под этим лозунгом шла на выборы партия власти, под этим лозунгом вас сделали президентом. Вот все это, что у нас сейчас происходит, это и есть ПЛАН ПУТИНА?

Формально считается, будто сила нынешнего премьера (в отличие от прежних) — в том, что он лидер правящей партии. Но ведь на самом деле ее нет. У нас вообще ни одной пар-

* Это устроил Путин в Ново-Огарево.

тии нет. Наши лидеры (в том числе оппозиционные) не имеют массы, они невесомы.

Настоящий лидер, даже сидя в тюрьме, сохраняет своих последователей. Миллионы сторонников ждали Джавахарлала Неру, который отсидел десять лет. Миллионы сторонников ждали Нельсона Манделу, который отсидел двадцать семь лет (а приговор был — пожизненно)...

...Г-н президент, пожалуйста, не волнуйтесь; постарайтесь отнестись к следующим словам исключительно как к теоретическому рассуждению. Окажись премьер (наш, теперешний) в тюрьме — сколько губернаторов, министров, паспортисток и ментов сохраняют ему верность? Ноль. Все члены и члены правящей партии, которые сейчас добиваются на выборах чудесных стопроцентных результатов, — все они исчезнут неведомо куда.

Вспомните (это было недавно): 21 августа 1991 года куда-то исчезли все чекисты. Ни один не вышел на защиту своего бога, когда подъемный кран сдвигивал его с постамента.

Все чиновники были в КПСС, но ни один не вышел на защиту ЦК.

А теперь все они в «Едре», и, в отличие от «коммунистов», у них нет вообще никакой, даже воображаемой, даже притворной идеи.

План Путина? Эти сегодняшние раздачи миллиардов миллиардерам (под крики о кризисе) — борьба с коррупцией?

Г-н президент, вы по-настоящему пытаетесь бороться с коррупцией или изображаете эту борьбу?

На прошлой неделе олимпийские призеры получили от вас подарок — сто пятьдесят джипов *BMW*. Это пятнадцать миллионов долларов (даже не верится в экономический кризис). Возникают мелкие неприятные вопросы. За чей счет? Ясно же, что не из вашей президентской зарплаты. Так ребенку какой-то дядя сует 8 Марта коробку конфет: «Иди, мальчик, подари маме». Кто эти благодетели? И почему они делают такую мировую рекламу немецкому концерну за счет русского президента и русских чемпионов?

Вы (вместе со своими канцелярскими) сочиняете какие-то параграфы, инструкции, кодексы. Неужели непонятно, что

коррупция — это чиновники, которые извлекают многомиллиардные доходы из параграфов и законов? Они обожают новые (очень строгие) правила, ибо это лишь расширяет их возможности. Проще говоря, вы как тот повар, который надеялся, будто очередной красноречивый упрек подействует на kota. А Васька слушает да ест (учили басню в школе?).

Борьба с коррупцией — это не вопрос законов (их у нас хватает). Это вопрос морали. Если первые лица государства утрачивают чувство стыда, борьба с коррупцией невозможна в принципе. Законы не действуют просто потому, что судьям страшно их применить.

20 октября 2008, «МК»

СМЕРТЬ В ОДИНОЧКУ

Почему у нас так много политических убийств? (У нас и бытовых убийств очень много, но это в основном по пьянке. А речь о заказных — расчетливых, профессиональных.)

Западные спецслужбы вооружены не хуже наших, так же аморальны и беспощадны. Почему они не убивают журналистов?

Там недовольство властями резко выражает общество (забастовки, демонстрации и пр.). Журналист всего лишь сообщает об этом недовольстве. И если его убить — проблема не исчезнет. Наоборот, общество разгневется еще больше.

А у нас недовольство тихое, шепотом. Если кто и орет — то в курилке, на кухне, но не на площади. И журналист у нас звучит громче, чем митинг. На митинге сто человек, а читателей миллион. У нас журналист формулирует проблему и предъявляет ее властям. Убить его. Нет человека — нет проблемы.

Министр обороны Грачев прославился двумя фразами.

Первая: «Одним полком за два часа». Так он оценивал, сколько времени и какие силы потребуются для наведения порядка в Чечне. Эта фраза говорит только о его умственных способностях. Он ошибся в четыре с лишним миллиона раз, но с кем не бывает.

Вторая: «Мальчики умирали с улыбкой на устах». Эту фразу вспоминают реже, хотя она гораздо важнее, чем первая.

Грачев сказал это, гневаясь на журналистов. Мы (печатно) критиковали его за новогодний штурм Грозного. В ночь на

1 января 1995 года наша армия по вине бездарного (и, очень может быть, пьяного) командования потеряла около полутора тысяч человек. В основном — молодняк.

А Грачев орал на нас: «Мальчики умирали с улыбкой на устах!!!» — он имел в виду, что они были счастливы умереть за Родину.

Что ж, может быть, кто-то из них и верил, что умирает за Родину. Мы же не знаем, о чем они думали в этот момент (если успели о чем-нибудь подумать).

Вопрос в другом. Где в это время был Грачев?

Чтобы увидеть улыбки мальчиков, погибающих в бою, надо быть *перед ними*. И желательно, чтобы было светло.

Там была ночь, перед мальчиками были боевики, а Грачева там не было. Вероятно, он и замерзшие трупы потом не видел. Ледяной оскал не похож на улыбку.

...Журналисты написали, ТВ показало Грачева, орущего: «Мальчики умирали с улыбкой на устах!!!» — рожа была злая, красная, похоже, пьяная.

Население России почитало газеты, посмотрело телевизор. И армия (неотъемлемая часть общества) почитала, посмотрела. И солдатские матери, и солдатские отцы, жены, братья и сестры (немалая часть общества) почитали, посмотрели, получили похоронки, потом гробы... И что? Ничего. Министр продолжал командовать войной.

Сам он в отставку не ушел; какой контраст с бедной провинциальной учительницей, которая никогда не произносила высокопарных речей об офицерской чести, но покончила с собой, хотя совсем не была виновата в гибели своих учениц в рухнувшей школе*.

Ельцин снял Грачева спустя полтора года, когда понадобились голоса на президентских выборах-96.

А если бы население прочитало газеты, посмотрело телевизор и вышло бы на улицу... Если бы армия, возмущенная бездарным командованием, вылезла, опрокидывая пустые бутылки, из-за стола (где офицеры говорят о своих министрах непередаваемо художественным матом) и вышла на улицу...

* Тогда этот случай был у всех на устах.

Возможно, и впрямь хватило бы одной дивизии и двух часов, чтобы отправить министра в отставку.

Пресса сделала все. Общество не сделало ничего.

За два месяца до штурма Грозного в Москве был убит журналист Дмитрий Холодов. Следы вели к министру обороны. На допросе он показал, что его слова «Заткните ему (Холодову) рот» не означали приказа убить.

Получалось, исполнители его неверно поняли.

Тогда, в октябре-94, у общества хватило решимости прийти на похороны. И всё.

А если бы тогда добились отставки замаранного министра (Холодов — один из немногих, кто вскрыл грандиозное воровство в Западной группе войск; деньги шли не только Грачеву и генералам, деньги шли и в Кремль, к ближайшему окружению президента) — если бы тогда добились отставки, то не было бы новогоднего штурма. Это абсолютно точно. Потому что штурм этот был подарком Грачеву ко дню рождения (1 января).

Сняли бы его за гибель одного журналиста — не погибли бы сотни мальчиков.

На Западе власть натывается на протест общества. Общество заставило США вывести войска из Вьетнама, сменило власть в Белом доме; общественное мнение отправило президента Никсона в отставку (всего лишь за вранье); Билл Клинтон четыре часа как школьник выкручивался перед народом (всего лишь за вранье про Монику, а дело-то не стоило высосанного яйца). Называем только их, поскольку это президенты, верховные главнокомандующие, абсолютная вершина власти. Но и они подчинены и подсудны тамошнему закону и обществу.

А у нас коррумпированные могущественные власти натываются на одиночку. Холодов, Домников, Щекочихин, Политковская... Называем только их, потому что это убийства в столице и потому что это заказные политические убийства (бытовых версий нет). А по России — Юдина в Калмыкии, Евлоев в Ингушетии, Гантемирова в Чечне (и не она одна)... Почему мы говорим «коррумпированные могущественные»? Потому что могущественные честные не убивают, им не надо.

У нас, даже если следы ведут не на самый верх, а всего лишь к министру, губернатору и т.п., следователи этих следов не видят. Дело ограничивается исполнителями, которым сперва дают убежать за границу, а потом объявляют в розыск.

А где же общество? Если бы Щекочихина в его попытках расследовать коррупцию поддержало бы большинство коллег — депутатов Госдумы, его не убили бы. Зачем коррупционерам (если расследование все равно будет продолжаться) вешать на себя вдобавок к воровству еще и мокрое дело?

Информации оглушительно много (радио, газеты, интернет), но общество не слышит. Это какое-то волшебство. Информация доходит до человека, но до человека не доходит. Физически она буквально вбита каждому в глаза и в уши, а до сознания не доходит.

Считается, что под сталинским террором не было общества, потому что не было информации. Тотальная цензура, тотальная блокада, железный занавес, глушилки забивали вражеское радио.

Почему же общества нет теперь, когда ни цензуры, ни блокады, ни глушилок?

Люди стали жить в наушниках. Сами вставили себе глушилки. Не ЦК КПСС, не КГБ глушат голос свободы и разума, а сами. Сами — никто не насилует — вставляют кольца в нос, веки, язык, пупок; вернулись в абсолютно дикарский мир. Называется «пирсинг».

Через десять-пятнадцать лет вживят себе в мозг «музыку» (бздень-бряк) и с этого момента станут радиоуправляемыми идиотами. Добровольно. Им скажут, что это модно, продвинуто, — и они вставят и даже заплатят за свое рабство.

Получается, что обожествляемая теперь информация и мистические средства ее доставки не означают человеческого прогресса.

Грановского (лектора Московского университета в 1840-х) слышала вся Россия. Без ТВ, радио, интернета. Газеты были, но Грановского они не печатали. Белинского читала вся Россия (при ничтожных тиражах). Люди почему-то согласны были захлеб читать чужое, а не писать (в блогах) свое.

Большинство блогов — это пирсинг: только ради того, чтобы на меня посмотрели. И кольца в носу (и в других неудобных местах), и блоги демонстрируют не ум, не талант — ничего, кроме неутолимой жажды непрерывного внимания.

Грановский, Белинский — это не Донцова, Толстая, Акунин и т.п., и т.д., и др., и пр.

Радишев, Чаадаев, Грановский, Белинский — это не мякина, а глубокие мысли, философия, история. Почему сегодняшнему гражданину они не по зубам?

Если ребенка год за годом кормить жидкой кашей, он не научится жевать; прикус вкривь и вкось, и его исправляют, надевая пластинки и проволочки.

Всего сто лет назад люди с детства читали Библию. Сегодня она не по зубам. Длинно, непонятно, без картинок. Если сто лет назад она была понятна, то мы поумнели или поглупели?

Цивилизация отучает работать руками. Шить, готовить, строгать, паять, и др., и пр. Достаточно уметь втыкать карточку в банкомат и нажимать кнопки. Может быть, точно так же цивилизация ослабляет мозги — постоянно включенные компьютер и телевизор не дают думать. Раньше у человека еще была пауза для мыслей. Между домом (где телевизор) и работой была дорога. На фотографиях 1960–1980-х видно, что девяносто девять из ста пассажиров метро — читают (даже стоя). Теперь все больше народу с наушниками, они ни секунды не думают сами, что-то звучит у них в ушах непрерывно — на улице, в метро, в лифте.

А если народ не думает, то он кто?

А он — никто. Точнее: не кто, а что. Народ — неодушевленное.

Великий, могучий, правдивый и свободный русский язык (надо бы добавить еще и «бесстрашный») утверждает, что народ — предмет неодушевленный. Русский язык не позволяет сказать: «В этом надо винить народа» (кого?). По-русски можно сказать только: «В этом надо винить народ» (что?). И благодарить (кого?) народа нельзя.

Скот — это может быть одна особь (бык, хряк, грубый человек). И это существа одушевленные.

Винить скота — значит винить этого неверного мужа, одушевленного грубияна (кого?).

Скот — это может быть стадо. Винить скот за вытоптанное поле — значит винить неодушевленное стадо (что?).

Выходит, собрание одушевленных есть нечто неодушевленное. Человек — кто, а человечество — что.

В октябре 1994-го на похороны Холодова пришли десятки тысяч.

В октябре 2006-го на похороны Политковской пришло две тысячи. (А жителей в Москве за эти годы стало на два миллиона больше.)

Грубо говоря, общество за десять лет уменьшилось в десять-пятнадцать раз. Оно не в состоянии выполнять свои обязанности.

Это моральный дефолт.

Пример сегодняшнего дня — история Бахминой. Мать двоих малолетних детей отсидела больше половины срока, имеет абсолютно положительную характеристику от лагерного начальства, осуждена за ненасильственное преступление, беременна на восьмом месяце. Ей по закону (и по-человечески) положено условно-досрочное освобождение. А президент вообще может помиловать ее мгновенно (чтобы ребенок родился на свободе, а не в тюремной больнице из-за бесконечной судебной волокиты с рассмотрениями очередных жалоб и ходатайств, которые наша почта возит дольше, чем в XVI веке).

29 сентября этот вопрос был поднят мною в «МК» в статье «Царская милость» под рубрикой «Письма президенту».

9 октября в Интернете начался сбор подписей под обращением к президенту о помиловании Бахминой. И за десять дней набралось сорок тысяч подписантов. Вроде много.

Но ведь это не только москвичи. Вся Россия получила (с доставкой на дом) возможность выразить гражданские чувства. (Вдобавок — все русское зарубежье. Под прошением о помиловании есть подписи из Германии, Америки, Австралии, Франции...)

Похороны — это несколько часов, дождь, холод, необходимость куда-то ехать. Подпись — несколько секунд у компьюте-

ра, не выходя из тепла. Блогеров миллионы. Результат — сотые доли процента.

Знаменитые подписанты восхищаются сами собой в интернете и по радио: вот — подписал такой-то журналист! адвокат!! писатель!!! Но ведь это просто долг.

Одно дело — выступить на свой страх и риск, в одиночку. Другое — присоединиться к тысячам; тут храбрости вообще не надо.

Но без храбрости как-то обидно. И очередной блогер (сотрудник «Эха») размещает 16 октября очень храбрый текст про Бахмину — власть описывается в терминах «мечь, безжалостность, ненависть, подлость, живодер» и т.п.

Мы не спорим с такой оценкой властей; право иметь собственное мнение и свободно его выражать записано в Конституции. Мы, случалось, писали и резче. Вопрос в другом.

Чего добивается блогер? Если показать свою храброту — то немного опоздал. А если он все-таки заботится не о себе любимом, а о беременной эзчке, то для такого случая есть простой понятный закон: не навреди. Помилование получить и так очень трудно, а уж оскорбления и хамство — явно худший способ добиться милосердия. Будь в тюрьме беременная жена этого блогера, возможно, он вел бы себя вежливее. Но ведь в зоне чужая баба; дай-ка я покажу миру свою отвагу за ее счет.

Как сделать, чтобы заметили в многотысячной виртуальной толпе? А надо взять виртуальную канистру с бензином и совершить виртуальное самосожжение.

...Парадокс нашего электронного времени: связь разделила людей. Всемирная сеть (интернет) — иллюзорное единство.

В реальности — ты один дома. Один в подъезде. Один на улице...

Фантасты сочиняли будущее, где еду заменяют таблетки. Жизнь сложилась иначе. Беседу заменили нажатием кнопок. Это общение (как порнооткрытки вместо любви): без глаз, без голоса, интонации, жеста. Мертвая скобка вместо улыбки.

5 декабря 2008, «МК»

НА МОСТУ СТОИТ ПРОХОЖИЙ НА ПРЕЕМНИКА ПОХОЖИЙ*

Г-н президент, вчера ваш преемник три часа пробыл на мосту с простым народом. Точнее — на телевизионном мосту с телевизионным простым народом. Он (преемник), чтоб не потерять форму галерного раба, готовит себя в президенты России, работая премьер-министром. И вчера в прямом эфире он взял на себя повешенные международные обязательства.

Это был самый яркий момент. (Дело в том, что недавно мировая пресса обсуждала кусочек разговора премьера России с президентом Франции, где Путин сказал: «Я этого Саакашвили повешу за яйца!»)

А кремлевские чиновники смутно опровергли: мол, Путин выразился резко, но такой фразы не говорил.)

И вот вчера в прямом эфире какой-то тип из Пензы (подходящее место) по телефону спросил на весь мир:

— Правда ли, что вы обещали повесить Саакашвили за одно место?

Путин улыбнулся, как голодный человек, которому подали что-то очень вкусное, и не спеша уточнил:

— Почему «за одно»?

Не стану скрывать, г-н президент, я заплодировал и заорал «браво!» и думаю (рискуя вызвать вашу досаду и зависть), что в этот момент хохотали и аплодировали миллионы.

* Заголовок чем-то напоминает начало частушки.

И похоже, Путин вчера (4 декабря 2008) выиграл выборы 2012 года. Это к тому, что если вы думаете, баллотироваться ли на второй срок, то, простите за прямоту, шансов у вас немного.

А вообще было скучно. Народ для премьеры на этот мост собрали удивительно дрессированный. Люди способны выучивать длинные вопросы, способны стоять часами абсолютно неподвижно и даже не моргать.

Приятно отметить, что премьер, будучи еще президентом России, внимательно читал наши письма, делал правильные выводы. Мы в свое время про эти декабрьские телемосты написали: мол, не очень хорошо, что президент сидит в тепле, а народ на площадях стоит на морозе (часами!).

Теперь народ разместили в спортзалах, больницах и даже в теплице с огурцами. И только рабочие и моряки Северодвинска стояли на морозе. За спиной у них была подводная лодка, на которой когда-то плавал президент Путин и которую теперь полностью вытащили из воды и в нескольких местах тыкали в ее корпус электросваркой — картинка (как выражаются телевизионщики) была обалденная. А прогресс и гуманность в том, что Северодвинск включили первым, и, значит, мерзли ребята всего-то два-три часа.

...Г-н президент, маленькая просьба: не могли бы вы с помощью наших шпионов узнать и сообщить нам (по известному вам каналу связи): смотрел ли прямой эфир президент Грузии? Неужели ему все еще хочется в НАТО?

15 декабря 2008, «МК»

КРИЗИС МОРАЛИ

Г-н президент, все познается в сравнении, верно? Было тепло (лучше), стало холодно (хуже). Было благополучие (лучше), сегодня — кризис (хуже). Один человек честный (хорошо), другой врет (плохо). Одна страна — агрессор (очень плохо), другая — защитница священных рубежей (очень хорошо).

Вот вы боретесь с коррупцией (хорошо), а коррупционеры продолжают воровать (плохо). И ни один из них не признает себя коррупционером. А когда поймают за руку, кричит, что дело это — политическое: мол, это враги России марают его, чтобы бросить тень на Кремль (на вас, г-н президент).

В прошлую пятницу (аккурат в День Конституции) вся Дума, можно сказать, попала на коррупцию. В ваш, г-н президент, антикоррупционный закон депутаты внесли норму, «откладывающую до 1 января 2010 года вступление в силу ряда ключевых президентских поправок».

В своем послании вы предложили увеличить президентский срок и начать (в который раз?) борьбу с коррупцией. Президентский срок Дума проглотила мгновенно (хотя до ваших выборов еще три года), а коррупцией опять подавилась.

Кто бы мог подумать, что им надо два года, чтобы переписать все имущество на дядю-тетю. Богатство, понятно, большое, но дело не только в количестве, дело, видимо, в отсутствии доверия (в морали).

Ваш закон позволяет коррупционерам спрятать несправедно добытое, переписав все на совершеннолетних детей. Но, видимо, своим взрослым детям (пьяницам, наркоманам, бабникам, циникам) они не доверяют и схему спасения личных богатств

от полиции и от собственных жадных детей еще не придумали. Вы своими суровыми мерами их поставили между двух огней.

Для нас в этой истории важно не то, сколько они награбили (все равно нам ничего не вернут), а то, что они открыто саботируют ваши приказы, ничего не боятся.

Депутаты предложили вернуть рекламу пива на телеэкран, «чтобы спасти телеканалы». Люди должны дорого платить за бензин, чтобы спасти олигархов. Люди должны пить больше пива, чтобы спасти телевидение. А людей когда начнете спасать? Молодежь почти поголовно споили с помощью рекламы, крайне выгодной для ТВ и пивоваров. А разве действия власти в интересах крупного бизнеса и при этом вопреки интересам народа (и даже вопреки вашим призывам) — не коррупция?

В Греции полицейский (случайно?) застрелил подростка. Вся Греция в огне, бесконечные демонстрации, две недели молодежь атакует полицию по всей стране. А у нас сколько хочешь случаев, когда милиция убивает, или калечит, или пытает — и никаких демонстраций. Заметная разница. Как объяснить?

В Индии сразу после терактов в Бомбее в отставку подали высшие чины МВД. А у нас даже после таких кошмаров, как «Норд-Ост» и Беслан, высшие чины МВД, ФСБ в отставку не подавали. И подводные лодки тонут и горят без всякой войны, и погибают подводники, отравленные случайно, а никаких отставок. Заметная разница. Как объяснить?

Сами видите, г-н президент, мир устроен иначе, чем мы. К упомянутым Индии, Греции можно было бы добавить десятки государств, резко различных по климату, богатству, религии, расе, развитию, но очень схожих в том, что называется ответственность.

А у нас царствует безответственность. И для вас (и всех, кто вокруг вас) очень выгодно говорить: «Россия — особая страна!» — и этим оправдывать все, что у нас творится.

Но что такое «особая страна»? — климат? территория? люди?

Врач, из-за ошибки которого новорожденной девочке отрезали руку, — покончил с собой. Учительница, чьи ученицы погибли под рухнувшей школьной лестницей, — покончила с собой (хотя абсолютно не была виновата). Так что люди у нас в стране разные, как и в других странах. И многие способны горько каяться и остро переживать ответственность (некоторые — вплоть до самоубийства).

А вот чиновники у нас — особенные, даже в отставку никогда не подают. Это не страна особая, это власть особая, не ведающая стыда.

Вы боретесь с финансовым кризисом. Весь мир борется с финансовым кризисом. И, похоже, мало кто понимает, в чем его причина. Это как лечить болезнь, поставив ошибочный диагноз, — с гарантией на тот свет.

Вы говорите, что виновата Америка, ее ипотека, и др. и пр., а на самом деле...

...Даже будь мы с вами близкие друзья, то и тогда было бы почти невозможно спросить, верующий ли вы. (Сами понимаете, ритуальные стояния со свечкой ничего не значат.) Но если вы (как ваши учителя) считаете, будто материя первична, а дух вторичен, то можете и дальше бороться с финансовым кризисом, делая вид, что не замечаете, как выделенные на борьбу миллиарды долларов исчезают из страны.

Вы во всем вините Америку (неужели искренне?) — она устроила кризис, она агрессор, страна дураков, а у нас, мол, все гораздо лучше, все под контролем, у нас большие золотовалютные резервы, да и кризиса почти что нет. Но скажите, пожалуйста, куда утекают деньги и куда (даже теперь!) уезжают молодые талантливые ученые: к нам? или туда — в проклятую? Хоть сами себе попробуйте ответить, а главное — объяснить: почему.

Наши бизнесмены вместе с аморальными западными раздували производство кредитов... Помните дефолт-1998? Это наша власть раздула пирамиду ГКО (государственных краткосрочных обязательств) и дала акулам разорить страну. Но аморальные западные акулы разоряли чужую, а наши — свою.

Финансовый кризис вторичен. Первичен кризис морали. (Проклятая американская ипотека тоже ведь рухнула от того, что люди безответственно и аморально делали деньги из воздуха. Обрекали свою экономику на неизбежный крах.) А если причина в кризисе морали, тогда понятно, почему у нас будет хуже. Потому что вранья больше, а стыда меньше. И в отставку никто не подает. Даже судья, уличенный во лжи.

Мир увлекся деньгами. Он всегда увлекался деньгами, но иногда — сверх меры. И тогда... Ну, сами знаете.

Г-н президент, вы всё еще смотрите телевизор? Вы в нем всё еще себе нравитесь? Ну тогда кризис придет лично к вам.

9 февраля 2009, «МК»

РАЗГРОМНЫЙ СЧЕТ

Г-да президенты, напрягите изо всех сил свои математические способности, хотя с утра в понедельник это нелегко. Кого другого можно было бы попросить заодно напрячь и совесть, и чувство долга, но это все, как известно, у вас постоянно напряжено. Разбуди вас хоть ночью — ваша первая мысль о судьбах Родины. То есть в некотором смысле — о судьбах людей, граждан, которых, как вы дуэтом обещали, должно становиться все больше и больше (в результате мудрой демографической политики).

А как узнать, что их стало больше?* Кажалось бы, проще простого: из того, сколько стало, вычесть, сколько было... Но это только с деньгами легко (хотя и совсем наоборот: достаешь из кармана и видишь, сколько стало, и с грустью вспоминаешь, сколько было). А люди — они же не лежат у вас в кармане: они мечутся как угорелые. Особенно дети. Особенно беспризорные.

Если математические способности уже проснулись, начинаем сеанс заботы о детях.

16 ноября 2000. «В России от двух до пяти миллионов беспризорников. Детей-сирот больше, чем их было после Великой Отечественной войны. В мае 1945-го их было 678 тысяч, теперь — 720 тысяч». (Данные конференции «Беспризорные дети: защита и забота».)

26 декабря 2001. «Данные о трех миллионах беспризорных детей в России — необоснованные», — заявил министр образования Филиппов. По его словам, «общее число беспризорных детей-россиян не превышает 90 тысяч».

* Перепись показала, что все ж таки меньше.

19 февраля 2002. «Число беспризорных детей в России приближается к трем миллионам». (Заявил заместитель Генерального прокурора России Н.Макаров.)

30 мая 2002. «Ежегодно на 100–130 тысяч увеличивается в России число беспризорных детей». (Данные обнародованы на заседании в Госдуме.)

18 декабря 2002. «Число беспризорных детей превышает сто тысяч, а безнадзорных детей — около миллиона». (Данные Счетной палаты РФ.)

22 ноября 2003. «Число беспризорных детей в России по сравнению с прошлым годом снизилось более чем на четверть и составляет менее ста тысяч». (Заявление вице-премьера РФ Галины Кареловой.)

28 апреля 2005. «Число беспризорных и безнадзорных детей в России за последние годы превысило послевоенный уровень и приближается к четырем миллионам», — заявил заместитель Генерального прокурора РФ Фридинский. Он добавил: «Исходя из цифр статистики, мы оперируем количеством примерно полтора-два миллиона беспризорных. Но данные статистики не в полной мере отражают реальность».

1 июня 2005 (*День защиты детей*). «Россия переживает сейчас третью после Гражданской и Великой Отечественной войн волну беспризорности. По самым приблизительным подсчетам, в стране более 700 тысяч детей-сирот, два миллиона неграмотных подростков, более шести миллионов детей находится в социально неблагоприятных условиях — не получают необходимого воспитания и образования. Около четырех миллионов подростков употребляют наркотики. Два миллиона ежегодно подвергаются различным видам насилия...» (Заявление главы МВД Нургалиева.)

22 февраля 2006. «Число беспризорных и безнадзорных детей — свыше 715 тысяч». (Заявление министра Зурабова в Государственной Думе. Он добавил, что число беспризорных «сократилось в России за последние два года приблизительно на 157 тысяч». А мы добавим, что умение Зурабова считать бедных и беспризорных вынудило бы считать его идиотом, если бы не его великолепное умение считать деньги.)

11 мая 2007. «В России более 730 тысяч беспризорных». (Заявление главы МВД Нургалиева.)

26 марта 2008. «В России около миллиона детей-беспризорников». (Заявление депутата Государственной думы Мизулиной.)*

23 апреля 2010. «697 тысяч безнадзорных сирот. Больше, чем после Великой Отечественной войны». (Председатель Комитета Госдумы по делам семьи Мизулина.)

Это относительно свежие данные. Но надо понимать, что за десять лет очень много таких детей умерло, а меньше не стало. Значит — все новые и новые жертвы. И это в годы путинского порядка и рекордных цен на нефть.

Ужасающее вранье. Вранье совершенно безнравственное, поскольку касается детей, их жизни и смерти. А высшие государственные чиновники жонглируют числом детей, как вы, г-да президенты, — курсом доллара.

Оцените разброс данных. От «90 тысяч» до «пяти миллионов». В пятьдесят раз. Хуже, чем о потерях за годы Великой Отечественной войны. Сталин назвал 7 миллионов, Хрущев — 20 миллионов, Брежнев — 22 миллиона, Горбачев — 28 миллионов, некоторые утверждают: 30–35 миллионов, и никто не знает, сколько лежит непохороненных к западу от Москвы.

Расхождение между сталинским минимумом и диссидентским максимумом — в пять раз. И это статистика времен войны — под бомбами, в эпоху полевых телефонов и азбуки Морзе. А у нас — в мирное время, в эпоху компьютеров — разница в подсчете потерь пятьдесят раз.

Один из вас, г-да президенты, а именно президент Путин, 14 января 2002 года приказал «принять незамедлительные меры по решению проблем детской беспризорности»; а встречаясь с женщинами в канун 8 Марта 2002-го, сказал: «Сегодня страна переживает третью волну беспризорности после Гражданской и Второй мировой войн».

Что это за изящное выражение «третья волна»? Выходит, Отечественная война 1812 года не дала волны. И Первая миро-

* **27 августа 2009.** «126 тысяч детей — жертвы насилия. Более 700 тысяч беспризорников». (Председатель Следственного комитета при Прокуратуре РФ Бастрыкин.)

вая не дала волны. Потери и тогда были огромные, но сироты не оказались на улице.

А сейчас волна вообще без войны.

Но главное, конечно, суть: в России по меньшей мере сотни тысяч беспризорных (и абсолютно незащищенных) детей. И положение это не меняется годами. Даже несмотря на приказы президента.

Другой из вас, а именно президент Медведев, в минувшую пятницу заявил на коллегии МВД: «Сегодня 760 тысяч детей в России живут в социально опасных условиях. В прошлом году свыше 120 тысяч пострадали от преступных деяний. Потрясают даже цифры, не говоря о том, что пришлось этим детям перенести».

Жестокость ужасает — правда, цифры потрясают — правда. Но на эти цифры нельзя опираться. И мы не знаем, что государство делает для спасения собственных детей. Не знаем, сколько оно тратит на эту работу. И уж тем более не знаем, сколько тратит в расчете на беспризорную детскую душу. Потому что одно дело делить на тысячи, а другое — на миллионы. Даже не поймешь, при каком подходе удобнее воровать.

Есть цифры гораздо более точные. Государственная компания «Газпром» тратит 100 миллионов евро в год на «Зенит» — три десятка футболистов, массажистов, поваров, — но это хотя бы свои, питерские. Государственная компания «РЖД» тратит на «Локомотив» 30–40 миллионов долларов.

А еще госкомпания «Газпром» тратит 25 миллионов евро в год на то, чтобы на груди немецких футболистов из команды «Шальке-04» была буква “G” — логотип «Газпрома» на груди любимой команды сперва Гитлера, потом Шредера.

Команда так себе, средненькая (чтобы не сказать паршивенькая), успехами не блещет. Но ваши спортивные симпатии, г-да президенты, — ваше личное дело. Хотя нет ни малейшей уверенности, будто этим шалькалам логотип «Газпрома» прибавляет зрительских симпатий после всего, что вы устроили этой зимой всей Европе*.

* Перекрыли газ.

Впрочем, симпатии-антипатии болельщиков «Шальке-04» — не наша печаль. Наша печаль — беспризорники, сироты, больные дети, нуждающиеся в операциях за границей (потому что вы, г-да президенты, даже в жирные годы не построили обещанных детских больниц, а теперь, ясно, и не постройте).

Г-да президенты, деньги государственных корпораций должны тратиться на самое важное. Решите, что для вас важнее: махать флажком на стадионе (в ожидании отнюдь не гарантированной победы)? Или...

Кстати, мы ничего не знаем о том, сократились ли (за месяцы нарастающего кризиса) расходы на ваше роскошное содержание?

30 марта 2010, «МК»

ВОССТАВШИЕ ИЗ СОРТИРА*

Г-н президент, вы этого хотели? Конечно, нет. Виноваты ли вы? Безусловно, да. Упадет ли ваш рейтинг? Вероятно, даже поднимется. Вы появитесь на телеэкранах — строгое лицо, суровый голос. Скажете: «Чудовищное преступление!.. Ни ума, ни совести!..» И людям захочется сплотиться вокруг вас, прижаться (хотя бы к телевизору) — а куда денешься? все равно другой защиты нету.

В вагоне метро человек — один (он стиснут толпой, но это не защитники, а такие же жертвы, если что случится). А дома у телевизора человек — с вами (видит, как вы все делаете для его безопасности, как отдаете приказы спецслужбам)...

Пока взрывают и стреляют на Кавказе, можно, конечно, считать, будто это их внутренние разборки. Но когда недавно рванули «Невский экспресс» — между двух русских столиц! — это был очень громкий сигнал: террор не побежден и вовсе не заперт на Кавказе. Однако даже на случайный пожар в пермском клубе вы отреагировали резче, чем на спланированный подрыв главной железной дороги.

...Несправедливо было бы утверждать, будто вы один виноваты. Без слова «тандем» тут не обойдешься. Так что это письмо — к вам обоим.

Виноваты ли вы оба? Безусловно, да. Такие у вас спецслужбы, такая милиция. (Понятно, что это наши спецслужбы, наша милиция, но руководителей назначаете вы, и подчиняются они вам.)

* 29 марта 2010-го в московском метро произошли два взрыва.

Число милиционеров в московском метро постоянно росло. Когда-то и одного трудно было найти, а теперь ходят вчетвером, а то и впятером. Но вы (тандем) никогда не ездите в метро и, значит, никогда не видели их лиц. Они вызывают жалость, опасение, недоумение (маленькие, тощие, из одного гаишника можно трех таких сделать); они так странно держатся, будто впервые попали в большой город. Где они росли? кто их учил и чему? Они останавливают плохо одетых людей с нерусскими лицами, но похоже, что они ищут не шахида, а сто рублей. А если снять с этих милиционеров форму и кобуру, надеть на них что-нибудь невзрачное, то ведь их самих немедленно остановят по тем же приметам.

Ваш тандем уже десять лет известен тем, что все решает силой. А что такое сила? Число бессильных — это не сила, согласны? (Хотя смотря для чего. Для разгона хилых митингов — еще годятся, для ловли террористов — нет.)

Ваша политика силы очень опасна для нас, граждан. Хотя бы просто потому, что каждого из вас двоих защищает минимум тысяча лучших бойцов, а на каждого из нас приходится одна сотая часть замухрышки. Вы в миллион раз лучше защищены, чем простой человек. Это слишком большая разница; она не дает вам возможности понять, как живут там, внизу.

Вы назначаете президентов на Кавказ, они вам рапортуют и клянутся в верности, все это показывают по телевизору, и возникает иллюзия, будто все в порядке. Хотя иногда в Москву приезжают вооруженные группы с Кавказа и прямо на улице расстреливают своих знаменитых врагов. И у жителей Кавказа, вероятно, возникает уверенность, что в Москве можно воевать. Если можно убивать депутатов и генералов, то простых людей тем более.

Внизу жизнь иная, чем на вершинах власти. Внизу, на Кавказе, бедняки пошли в лес собирать черемшу, попали под бомбежку и погибли. Нам сказали: по ошибке. Нам сказали, что с воздуха их приняли за боевиков и долбанули.

А потом нашли тела. А на телах раны от ножей. Таких ран осколки ракет, снарядов и мин не оставляют. А ножом с вертолета не зарежешь.

Попробуйте объяснить кому-нибудь на Кавказе, почему «бомбить» нищих сборщиков черемши — можно, а в московском метро взрывать бедных работяг — нельзя.

Вы применяете силу тем бездумнее, что ответные действия вас с гарантией не коснутся.

Эта беда, вероятно, вернет нас всех к реальности. А то провал на Олимпиаде стал казаться самым большим горем, национальным горем (только траур не объявляли). Заодно стало казаться, будто (после двадцати лет кремлевских усилий) наконец найдена наша национальная идея: Сочи.

Теперь провал спецслужб должен всех отрезвить. И хорошо бы эта трезвость наступила поскорее. Ибо вполне возможно, что это не конец и что все могло быть гораздо хуже.

Взрывов два, синхронно: утро, столица, метро. Никак не спишешь на случайных безумцев, да никто и не пытался спитать. По словам одного из руководителей спецслужб, это «хорошо спланированная террористическая атака».

Объяснение важное. Мол, если бы террористы плохо спланировали, — ну, тогда мы бы предотвратили. А если хорошо — ну, тогда ничего не поделаешь.

Если атака спланирована «хорошо», тогда неизбежен вопрос: зачем они решили минимизировать жертвы?*

* Самая неудачная фраза. Текст диктовался второпях, через час после теракта; помню, как споткнулся на этом месте, подумал: «потом поправлю»; и следующие два абзаца — объяснение того, что хотел сказать. Но фраза про «минимизацию» осталась, и ее можно понять так, будто автор считает террористов гуманными. В эту злосчастную фразу радостно вцепились все те, кто хотел меня опорочить: ага! попался! выдал себя! Нет, ребята; пособники террористов днем яростно клеймят их с высоких трибун, а по ночам через десятые руки продают оружие врагу.

Меня и прежде записывали в пособники к террористам. Один из таких случаев — в первом томе писем президенту под заголовком «Генералы и их яйца». В декабре 2003-го, накануне выборов в Думу, в отчаянной борьбе за голоса, в прямом эфире НТВ на меня орал генерал-полковник Баскаев (из какой-то уже забытой партии): «Вы, господин Минкин, вы не дали поймать Басаева! Да! Я абсолютно точно говорю!» Мгновенно поняв, какая вкусная мозговая косточка

Не может быть, что оба взрыва *случайно* произошли на станциях, а не в тоннеле. Ведь смертницам все равно, где умирать; их жизнь им не дорога и уже не нужна. Тогда почему не в тоннеле? На полном ходу вагоны, вероятно, сошли бы с рельсов. (Взрывчатки было много — два-три килограмма в тротиловом эквиваленте.) Вагоны покорежены, двери закрыты, жертв могло быть в сотни раз больше. А сколько погибло бы раненых

и не раненых — ведь эвакуация превратилась бы в почти невыполнимую задачу. Все задохнулись бы в дыму и огне. И чинили бы месяц, выковыривая вагоны по кускам.

Но оба взрыва произошли в момент остановки, в момент открывания дверей. Чем это объяснить — не знаю. Но что это не случайность — совершенно ясно. И те, кто «хорошо планировал», безусловно, все это понимали. (То, что один из взрывов они устроили на «Лубянке», — дополнительный привет ФСБ.)

Телевизор обязательно много раз покажет, как вы и премьер стискиваете зубы, катаете желваки на скулах — ваши чувства, ваш благородный гнев понятны, но...

Извините за субъективный и, возможно, несправедливый взгляд, но похоже, что вы (оба) кажетесь себе молодцами — умными, опытными, лучшими. (А как иначе? Ведь если вы не лучшие, то должны были бы, движимые благородством, ради Родины уступить руководство тем, кто более достоин.) Вы — молодцы, а все неудачи — оттого, что ваши указания кто-то не выполнил. Вы же приказали замочить коррупцию, а она цветет. Значит, какие-то черти не выполнили; ни ума ни совести. Вы приказали замочить террористов, а они вот — в московском метро. Просто потому, что кто-то не выполнил ваш приказ.

вдруг оказалась в зубах соперника, в меня вцепился Рогозин (из популярной тогда, но ныне забытой партии «Родина») и заорал: «Действительно, вы, господин Минкин, мешали нам поймать Басаева! Нам, нам, народу России! Это вы развалили государство, которое теперь даже Басаева найти не может!». Вот так они и рвали меня друг у дружки. Но заметьте, насколько Рогозин ловчее генерала, оцените это «нам, нам, народу России».

...Вам сейчас, может быть, не до телевидения, но не беспокойтесь: оно в порядке, работает. Все утро шли обычные кулинарные программы. А вот когда террористы в Нью-Йорке на самолетах врезались в небоскребы, наши телеканалы, отменив все передачи, несколько часов в прямом эфире гнали репортаж с места трагедии и включали студии, где, опять-таки в прямом эфире, лучшие политические аналитики комментировали и старались объяснить происходящее.

Да, по масштабу террористическая атака в нашем метро меньше, чем тогдашняя американская. Но она — наша. И, возможно, надо было показывать ее сразу (чтобы все, кто может, остались бы дома или хотя бы не совались в метро, усугубляя давку).

Теперь надо бы, может быть, сделать две вещи. Надолго перестать показывать по нашим телеканалам «документальные фильмы» о том, что это «власти США сами организовали террористическую атаку самолетов на башни-близнецы». Так, во избежание ненужных ассоциаций.

А еще, пожалуйста, прикажите вашим пропагандистам, чтобы прекратили говорить «лихие девяностые». Помнится, кризис быстро отучил ваш тандем называть Россию «островком стабильности». Теперь, когда у нас в нулевых есть «Норд-Ост», Беслан, взорванные самолеты и невские экспрессы, метро и бесчисленные майоры евсюковы, — выражение «лихие девяностые» звучит слишком глупо.

P.S. В понедельник 29 марта услышал по радио о взрывах. Стало ясно, что надо ехать в редакцию. Спускаться в метро очень не хотелось. Но поедешь на машине — попадешь в непредсказуемую пробку (потому что желающих поехать на машине в тот день было гораздо больше обычного). А времени в обрез — всю газету надо переделать. Поехал на метро; тексты о взрывах заняли пять страниц «МК»...

А в пятницу 2 апреля на встрече с президентом в Кремле председатель Совета Федерации Миронов и председатель Государственной Думы Грызлов обрушились на прессу.

МИРОНОВ. Уважаемый Дмитрий Анатольевич! Не могу не сказать о позиции партии «Справедливая Россия» в связи

с террористическими актами в Москве и Дагестане. Террористы пытались запугать население, показать, что никто не защищен, и они пытались ввести элементы дестабилизации в нашей стране. Это у них не вышло и не выйдет. (Возможно, Миронов не видел испуганных, потому что не ездит на метро. — А.М.) Хочу особо обратить внимание на то, что происходило после совершенных террористических актов. К сожалению, некоторые средства массовой информации стали фактически играть на руку террористам, пытаясь убедить граждан нашей страны в неэффективности существующих возможностей у правоохранительных структур, прежде всего ФСБ, МВД, и пытаясь показать, что государство не в состоянии противостоять и практически оставляет на заклятие для террористов мирных безвинных граждан. (Получается, после взрывов граждане были убеждены в эффективности. А потом пресса их разубедила. Заметьте важную вещь: 98% граждан смотрят телевизор, а газеты читает меньшинство. Если СМИ сделали что-то плохое с гражданами, то на 98% это работа госТВ. Взрывы в московском метро — это тяжелый провал. Но не о причинах провала, и не о виновниках, и даже не о срочных необходимых мерах говорит Миронов. Власть заботится не о деле, а о том, как это *выглядит*. — А.М.) ...Когда после этих террористических актов средства массовой информации пытаются окончательно растоптать структуры ФСБ и МВД, как когда-то, в свое время, пытались сделать с нашей армией, это фактически играет на руку террористам, и средства массовой информации пытаются достичь этих же целей, которых те достигли своими террористическими актами.

ГРЫЗЛОВ. Я хотел бы привести пример, который лично у меня вызывает недоумение, — это три факта: факт публикации в газете «Ведомости» (название «Месть за Кавказ»), факт статьи Александра Минкина в «МК» и заявление Доку Умарова — если мы проанализируем три эти источника, то увидим, что фактически они варились в одном соку; у меня вызывает подозрения, и вполне обоснованные, что эти публикации и действия террористов связаны между собой.

После этого доноса я подал в суд на Грызлова и проиграл. Суд решил, что его слова — не обвинение, а «частное мнение, основанное на домыслах».

11 января 2011, «МК»

ЗАЩИТА ДЕТЕЙ С ОСОБЫМ ЦИНИЗМОМ

Г-н президент, вы взрослый русский — значит, хорошо знаете хотя бы некоторые матерные ругательства. Припомните их, пожалуйста, и вам станет ясно, с какими чувствами писалось это письмо. Мы эти выражения не напишем, вы не произнесете — таким образом все вместе избежим нарушения закона об общественной нравственности. Заодно избавимся от эмоций и перейдем к делу — к законам и Конституции, в чем вы специалист и гарант и даже зарплату за это получаете.

Под Новый год, 29 декабря, вы в Кремле подписали важнейший закон *«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»*. Вас не удивило отсутствие аплодисментов? Ведь вы, подписав этот закон, исполнили многолетнюю мечту миллионов.

Двадцать лет в России бушует ураган порнографии, кровавых компьютерных игр; насилие хлещет с экранов вашего любимого ТВ. За эти годы написаны сотни статей о том, какой убийственный вред причиняют детям изготовители и продавцы этого товара. Сам много раз писал вам об этом письма. Например, «Остановите кровавое безумие», «МК», 14 июля 2009 года — о том, как детям у нас свободно (без всякого ограничения по возрасту) продают самые жестокие и отвратительные «игры». Именно те, в которые играл майор Евсюков (мент-убийца) и другие кровавые маньяки.

Наконец сбылось! — закон подписан. Где же аплодисменты?

...Г-н президент, 30 ноября вы озвучили очередное Послание. Его главной темой стали дети. Вы прочли вслух:

«Модернизация осуществляется прежде всего для них (для детей). Нам не должно быть стыдно за то, какую страну мы передадим нашим детям и внукам, но не менее важно, в каких руках будет находиться судьба России. Двадцать шесть миллионов детей и подростков, живущих в нашей стране, должны полноценно развиваться, расти здоровыми и счастливыми, стать ее достойными гражданами. Это задача номер один для всех нас.

Забота о будущих поколениях — это самые надежные, умные и благородные инвестиции. Общество, в котором на деле защищают права ребенка и уважают его личное достоинство, не только добрее и человечнее, это общество быстрее и лучше развивается, имеет благоприятную, предсказуемую перспективу».

Там, в Кремле, вас прерывали аплодисменты. И всё вы вроде говорили правильно: подъем рождаемости, снижение смертности, медицина, вакцинация, искусственное оплодотворение, жилье, детские сады, бесплатно землю за третьего ребенка... Но согласитесь, так мог бы говорить любой фермер. Замените «детский сад» на «телятник» — и не отличишь: подъем поголовья, снижение смертности, искусственное оплодотворение...

Понятно, что власть в первую очередь обеспокоена численностью населения (чтоб не говорить «поголовьем»): нужны будущие солдаты для призыва, нужны будущие трубоукладчики, шахтеры, шоферы, пограничники (особенно на Дальнем Востоке).

Вы и сказали про патриотическое воспитание, военно-спортивные игры, здоровый образ жизни (меньше пить и курить, больше заниматься физкультурой). Кажется, даже прозвучали слова о сочных кормах и силосе. Кажется, под конец было что-то имеющее отношение к морали. Вы прочли вслух:

«Поистине страшная проблема — насилие в отношении детей. По официальным данным МВД, в 2009 году от преступных посягательств пострадали более ста тысяч детей и подростков. Только вдумайтесь в эту цифру! Многие факты просто переворачивают душу. Детей, чаще всего сирот, детей из неблагополучных семей, вовлекают в наркоманию, проституцию, в другие криминальные сферы. Мерзавцев, которые этим занимаются, нужно наказывать самым суровым образом».

Г-н президент, вы в официальном своем Послании употребили не совсем юридическое слово «мерзавцы». Это, конечно, не матерная брань, но все равно спасибо. Присоединяемся. Если позволите, добавим еще одно определение: «подонки».

Все, кто производит аудио-, видео- и печатную продукцию, которая причиняет вред психике детей; все, кто это продает, либо показывает, либо распространяет в интернете, рассылает на мобильные телефоны и т.д., — все они подонки. Богатые, циничные, безжалостные подонки. Их не воспитывать надо, а сажать пожизненно (раз уж мы временно отказались от смертной казни).

Помните, вы сказали о тех, кто буйствовал на Манежной: «Их не воспитывать надо, а сажать». А ведь этот молодняк как раз и выращен за последние двадцать лет на той самой продукции, которую изготавливают, продают и показывают по телевизору подонки.

Ни один учитель-извращенец, ни один наркоторговец или сексуальный маньяк за всю жизнь не перепортит столько детей, сколько в одну минуту калечит похабная телепередача. Диски с кровавыми играми производятся и продаются миллионными тиражами; хозяйева этих заводов и торговых сетей встречаются с вами за круглыми столами — безупречные костюмы, приличные манеры, специальной вилочкой выковыривают улиточку из ракушки... Неужели вы не видите, что это людоеды, у них капает с клыков детская кровь? С ними не сюсюкать надо, а сажать и кастрировать, согласны?

Видимо, согласны, раз подписали закон *«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»*. Ведь речь в нем идет не о поголовье, не о росте и привесе. Это закон, защищающий душевное здоровье (психику), а не мышцы, желудок и прочие физические данные, потребные для олимпийских побед.

А где же аплодисменты? Извините, что спрашиваю об этом в третий раз. Вы подписали закон 29 декабря, и казалось бы, все телеканалы должны были трубить об этом новогоднем подарке народу. Ни звука. (Как ваша пресс-служба упустила такой повод приподнять рейтинг, расшевелить любовь народа?)

Даже вы сами, поздравляя дорогих россиян из-под елочки, почему-то об этом промолчали.

Даже на вашем официальном сайте висит ошибочное сообщение, будто этот закон вы подписали 3 января (из-за чего, видимо, одна популярная радиостанция сказала: мол, видите, дорогие граждане — мы гуляем, а президент работает, подписывает важные бумаги).

31 декабря Закон о защите детей опубликовала «Российская газета» — не самый лучший день для официальных документов: все пьют, наряжают елку, поджигают петарды. Возможно, я единственный, который прочел ваш закон до конца. Возможно, что даже вы его до конца не читали. Потому что именно последняя статья этого закона заставила меня все эти новогодние праздники ругаться матом и думать о том, как этого избежать в письме к вам. Но поскольку есть уверенность, что вы сами знаете эти слова, достаточно будет цитаты.

«Статья 23. Настоящий Федеральный закон вступает в силу с 1 сентября 2012 года».

А дальше — ваша подпись: *«Президент РФ Д.Медведев. Москва, Кремль. 29 декабря 2010 года».*

Понимаете, г-н президент?

Власть наконец убедилась, что психике детей наносится непоправимый вред. Власть выслушала экспертов, врачей, юристов, и др., и пр. Власть осознала (с опозданием на двадцать лет) проблему и приняла меры для исправления.

А потом власть (вы, г-н президент, депутаты, сенаторы и все-все-все) решила отложить спасение детей почти на два года.

Почему? Чтобы продать еще миллиард кровавых «игр»? Чтобы еще миллионы детей были изуродованы ради чьих-то доходов? Чтобы не огорчить телеканалы (точнее — отложить их огорчение на после выборов-2012)? Жертвам все равно, из каких государственных соображений их изнасиловали.

Хочу вас предупредить: мы приложим все усилия, чтобы заставить авторов статьи 23 этого закона и всех, кто ее подписал, ответить перед судом. Мы не юристы, но нам кажется, здесь несколько статей Уголовного кодекса: «преступная халатность», «оставление в опасности», «пособничество в распростра-

ранении порнографии»... Путем частичного сложения сроков история потянет лет на пятнадцать.

...Попытка власти сослаться в суде на то, что важный закон требует много времени, не пройдет. Вы, г-н президент, в первом своем Послании предложили увеличить срок полномочий президента с четырех до шести лет, а Думы — с четырех до пяти.

Это было 5 ноября 2008-го. 31 ноября 2008-го Госдума утвердила необходимые поправки в Конституцию. 22 декабря продление прошло в Совете Федерации. 30 декабря 2008 года вы подписали соответствующий закон. Гнали как на пожар, сошло впечатление, будто нас ждут срочные досрочные президентские выборы.

Закон был опубликован в «Российской газете» 31 декабря 2008-го. И вступил в силу с этого самого дня.

Вот как быстро приносит вам подарки Дедушка Мороз. Видимо, когда он едет к вам (к тандему), ГАИ перекрывает движение. А когда он едет спасать детей, то застревает в пробках на два года.

27 января 2011, сайт радиостанции «Эхо Москвы»

АДРЕСАТ ВЫБЫЛ

Писать письма президенту? Адресат выбыл. Физически — в Давос, метафизически — по неудобоназываемому адресу. Его речь в Давосе почему-то очень похожа на прощальную, несмотря на то что он хочет остаться президентом (судя по его словам).

Он улетел из Москвы в Швейцарию в день траура по жертвам теракта. Он мог отменить визит, и мировое сообщество, безусловно, отнеслось бы к этому с пониманием. Но по каким-то соображениям выступление перед гигантами бизнеса казалось ему очень важным.

Он сказал им: «Позавчера в Москве в международном аэропорту Домодедово был совершен террористический акт, унесший жизни десятков ни в чем не повинных людей... Эта трагедия стала настоящим потрясением для российского общества... Мы вместе скорбим о погибших. Боль от утраты человеческих жизней, конечно, останется в наших сердцах надолго».

А через секунду он объяснил, почему теракт произошел именно теперь: «Те, кто совершил это злодеяние, рассчитывали на то, что это поставит Россию на колени, заставит занять нас оборонительную позицию, рассчитывали в том числе на то, что Президент России не приедет на этот форум. Именно по этому критерию было выбрано место и время нанесения террористического удара».

Кто бы мог подумать! Оказывается, взрыв в Домодедово был устроен, чтобы Медведев не поехал в Давос. Зато Солнце осветило Землю, а высшие силы потушили вулканы и обеспечили летную погоду борту номер один (а заодно и прочей мелюзге).

Нет уверенности, что террористы вообще слышали что-нибудь про давосский форум. Трудно понять, почему террористам так важно было сорвать выступление президента России. Может быть, ему только кажется, что все это случилось из-за него.

Начав с печальной ноты, он закончил мажорно, жизнерадостно.

МЕДВЕДЕВ. У меня очень интересная работа. Это работа, которая заставляет быть мобилизованным двадцать четыре часа в сутки, ответственность, которую ты ощущаешь круглые сутки, ответственность перед своей страной, перед людьми, которые тебя избрали. Знаете, в этом случае всегда можно найти силы, даже если ты очень устал, страдаешь от «джэт лэга» и происходят какие-то неприятные вещи. У меня очень интересная и очень важная работа.

Уважаемые читатели, он так и сказал. Он нашел подходящий момент для заявления, что получает удовольствие от своей работы. В советское время репортажи о трудовых рекордах заканчивались стандартной фразой: «Усталые, но довольные возвращались домой литейщики» (шахтеры, каменщики, дояры, акушеры и др.). Теперь мы знаем, что и президент возвращается с работы усталым, но довольным. (Его страданий от джэт лэга мы не можем оценить, поскольку, готовя этот материал, не успели узнать, что это такое.)

Кто не слышал, послушайте, *как* он это говорит. Интонация геройская, твердая, гордая. Так говорят люди, которые любят собой. И ничего, что иногда происходят какие-то неприятные вещи.

Твиттер (где он узнал о взрыве в Домодедово), айпад, Фэйсбук, Россия — это такие интересные игрушки. Но если Твиттер есть у многих, то игра в президента России — это его и только его.

Он и в Давосе не удержался от любимых перечислений, объясняя, как должен быть правильно устроен мир на Земле:

«Во-первых, стратегический подход к решению проблем;

во-вторых, реализм и готовность жить по средствам;

в-третьих, глобальное партнерство и его правильная организация;

в-четвертых, разнообразие».

(Готовность жить по средствам проявилась немедленно в сообщении Управления делами Президента РФ о покупке новой президентской яхты всего за пятьдесят миллионов евро.)

Но четырьмя правилами Медведев не ограничился. Он сказал форуму и миру: «Сегодня я остановлюсь на новых возможностях, которые дает модернизация для успешного ведения бизнеса в России, даже несмотря на трудности. Для краткости я назову десять пунктов».

И действительно, началось: «Первое. Я инициировал программу, беспрецедентную за последние годы... Второе... Третье... Пятое. Я предложил закон, который дает право университетам открывать предприятия... Девятое. Я считаю, что это реалистичная задача — привлечь к нам на работу тысячи лучших ученых и инженеров со всего мира...»

Эти пункты («для краткости»!) занимают несколько страниц, все прокомментировать и даже процитировать нет места. А там, в Давосе, никто не спросил: «Как вы собираетесь привлечь тысячи лучших ученых в то время, как не можете остановить бегство из страны десятков тысяч лучших ученых?»

В тот же день в интервью агентству «Блумберг» Медведев ответил на вопрос, пойдет ли он на второй срок.

«Если я посчитаю правильным для страны, для политической системы и прежде всего для граждан нашего государства участвовать в выборах, я буду участвовать».

Он, конечно, не имел в виду, что будет решать, «правильно ли для граждан нашего государства участвовать в выборах». Русский язык подвел русского президента. Он имел в виду, что сам решит, правильно ли будет для граждан, если он снова станет президентом. При этом он, похоже, считает, что по этому вопросу у страны, у системы и у граждан могут быть разные мнения. (А кто ж их спросит?)

Главное здесь: если *Я* посчитаю правильным. То есть сам решу. А поскольку работа интересная, то, видимо, уже решил; можно сказать, объявил.

Но тандем никто не отменял. И главный руководитель тандема Путин несколько раз публично объяснял, что *они с Медве-*

девым сядут и решат, кто станет следующим президентом. Значит, «они» уже решили?

В свое время Путин (в интервью французам) рассказал, как вырабатываются их совместные решения.

В.В.ПУТИН: Я, так же как прежде, не считаю зазорным снять трубку и сказать ему (президенту Медведеву): «Слушай, давай согласуем, давай посоветуемся»... Так же и он. Бывают случаи, когда он просто звонит и говорит: «Знаете, надо переговорить. Вот такая проблема, хотел бы услышать Ваше мнение».

Возможно, это и теперь так было. Можно попытаться реконструировать их разговор (так по старой челюсти антрополог восстанавливает портрет неандертальца). «Челюсть» — это стилистические оттенки, содержащиеся в обращениях на «ты» и на «вы»; при этом антрополог должен принять во внимание, что Путин никогда не ошибается, никаких оговорок не допускает, профессионал. Беседа могла выглядеть так:

ВТОРОЙ. Как вы знаете, я лечу в Давос. Там неизбежно спросят о выборах. Вот такая проблема, хотел бы услышать ваше мнение.

ПЕРВЫЙ. Знаешь, я вот что решил: иди-ка ты на второй срок. Оттягивать это решение больше нельзя.

ВТОРОЙ. О-о-о!

ПЕРВЫЙ. Да. И знаешь, можешь прямо там это сказать.

Да, возможно, Путин сказал Медведеву: «Вперед, Россия!» А тот поверил. Он не первый, кто поверил Путину, потому что Путин — настоящий артист своего дела. Если только перечислять, кто ему верил... Буш, Немцов, Горбачев, Чубайс, Ельцин, Ходорковский, Шредер, Березовский, спортсменки, комсомолки, просто красавицы...

И все это значит, что Медведев, скорее всего, не станет президентом весной 2012 года. Если же он всерьез интересуется мнением остального населения (будет ли это, как он выражается, «правильным для граждан»), то ответ может быть и не слишком благоприятным. Он же не сделал ничего, что обещал.

«Что сделаю я для людей?!» — сильнее грома крикнул Данко. Потом разорвал себе грудь, вытащил сердце и некоторое

время освещал дорогу гражданам. Но в этом состоянии он прожил недолго, а болото было большое и глубокое. А тут не сердце, тут кнопки твиттера.

Он президентом почти три года.

По-прежнему в очереди сто тысяч бездомных офицеров. Где их жилье?

Где независимый суд? Где-где? Во всяком случае, еще глубже, чем был. Коррупция? Ее рост ужасен. Заклинания не помогли. (А мы в своих письмах честно предупреждали президента, что он напрасно обращается к чиновникам с призывами бороться с коррупцией. Мы спрашивали: могут ли спирохеты бороться с сифилисом, даже если они это клятвенно обещают?)

Сколково? Но при наших обстоятельствах из этой затеи не получится науки, скорее воровство и пиар.

Число терактов за время власти тандема выросло в разы.

Они не остановят бегства ученых, не вернут суд в норму, они угрожают России, и дело это почти уже сделано. Продолжается уничтожение образования, медицины... Главное же — уничтожается мораль. А ее не накачаешь из шельфа. И не купишь ни в США, ни в Китае. И даже если один вор будет сидеть в тюрьме, это не остановит тысячи могущественных воров.

...Взрывать Домодедово ради того, чтобы Медведев не полетел в Давос? В таком случае умнее было бы взорвать Внуково-2. Но зачем? Давос — бессмыслица. Путин там не выступал ни разу, и что?

Что касается намерений «поставить Россию на колени» — это тоже всего лишь затертые слова. А начнешь разбираться — возникнет вопрос: на колени из какой позиции? из положения стоя или из положения лежа?

P.S. Материал в газете напечатан не был. Сняли его целиком — то есть без попыток смягчить, сократить и пр. В ту же минуту я опубликовал его на сайте «Эха». Сегодня только от человека зависит: заткнуться или нет.

А Медведев... Неужели он в январе действительно верил, что Путин пустит его на второй срок? Как он важничал, как чеканил слова...

25 сентября 2011, «МК»

ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКА

Владимир Владимирович, теперь опять так (по старинке) будут начинаться письма к вам.

Из-за некоторых формальностей эти письма последние три с половиной года начинались холодным обращением «г-н президент». Но оледенение позади; сами видели, какие горячие чувства затопили Лужники, когда тандем наконец снял маски.

На вас хлынул ливень восторга, а вы в значительной степени все еще человек — вот и расслабились. И сделали хоть и туманное, но ужасное признание о некоем внутритандемном сговоре: «Хочу прямо сказать, что договоренность о том, что делать, чем заниматься в будущем, между нами (Путиным и Медведевым) давно достигнута, уже несколько лет назад».

Может, оно и осталось бы незамеченным, но вашему верному сослуживцу захотелось показать, «что и его там капля меда есть». Медведев сказал слишком горячо, подробно и сбивчиво:

«С учетом предложения возглавить список партии, заняться партийной работой и при удачном выступлении на выборах моей готовности заняться практической работой в правительстве я считаю, что было бы правильно, чтобы съезд поддержал кандидатуру председателя партии Владимира Путина на должность президента страны. (С учетом, при удачном, было бы чтобы, — какой язык! — А.М.) И еще несколько слов на эту тему. Меня все время спрашивали, когда вы определитесь, с чем выйдете к людям, а иногда меня и Владимира Владимировича спрашивали: „А вы не разругались друг с другом?“ Я хочу полностью подтвердить то, что только что было сказано. То, что мы предлагаем съезду, это

глубоко продуманное решение. И даже больше, мы действительно обсуждали этот вариант развития событий еще в тот период, когда формировался наш товарищеский союз. И истекшие годы доказали нам, я очень надеюсь, и большинству наших граждан правильность нашей стратегии и эффективность сложившейся модели управления.

Ну а то, что мы довольно долго до этого момента не объявляли публично свою позицию по сценарию выборов, я надеюсь, вы нас поймете, как и наши граждане, это вопрос политической целесообразности, вопрос следования законам политического жанра именно в нашей стране. Но я хотел бы одну вещь подчеркнуть. Мы всегда говорили только правду».

Последняя фраза просто гроб. На Западе за такую правду — импичмент. А у нас «политический жанр» — надувательство.

Но в Лужниках, среди ликующих *своих* (для которых единственный смысл всех речей уместился в два слова «Путин — президент»), никто не заметил циничного признания.

Россия, однако, состоит не только из чиновников, не только из тех, кому дали пропуск в Лужники. И все, кому восторг не отключил сознание, поняли, что вы оба четыре года врали.

Десятки (а может, сотни) раз на вопрос «кто будет следующим президентом?» вы отвечали: «Сядем и решим». Здесь было полное пренебрежение мнением народа, но, как теперь оказалось, здесь был еще и обман. Оказывается, давно решили. Зачем такая циничная откровенность?

Вы и Медведев могли сказать что-то вроде: «Все эти годы мы думали, как сделать лучше для России. И вот вчера ночью окончательно решили...»

Неважно, многие ли поверили бы. Важно, что приличия были бы соблюдены. Нет, разделись догола. С улыбкой человека, который привык, что ему все прощается, Медведев рассказал, что все придумано и «глубоко продумано» еще в 2007-м, а то и раньше. Мы же не знаем точно, когда «сформировался ваш товарищеский союз».

Приличия отвалились, как гнилая штукатурка; растрескались, как грим, когда старая ведьма неосторожно расхохочется.

Все эти годы Медведев говорил (так и хочется написать «врал»), что решение — впереди и что главное — мнение людей. А решение было позади. А людей вообще не учитывали.

Откровенничая, он, как всегда, хотел показать свой ум, свою дальновидность, высоту положения (по сравнению с простыми массами), свою посвященность в тайное знание. А сказал другое. «Я всех, кто верил, — обманул. Они думали, что я — с ними! Ха-ха. Они надеялись, что свобода лучше, чем несвобода, а Медведев лучше, чем Путин...»

Произведена операция по удалению из общества остатков морали и совести. Даром не пройдет. Никто не знает, может ли (и сколько) жить общество без этих «деталей». А чиновники рады: вот как надо! Вот это — подвиг разведчика! (Но киногерой подвиги совершал в тылу врага, а не в Кремле.)

Нашлись и такие, идейно-ликующие, кто немедленно обнаружил в этой истории пользу для Родины. Это дети вяленой воблы. И не думайте, будто вяленая вобла не размножается. Еще как! Почитайте Салтыкова-Щедрина:

«Воблу поймали, вычистили внутренности (только молоки для приплоду оставили) и вывесили на веревочке на солнце: пускай проявится. Повисела вобла денек-другой, а на третий у ней и кожа на брюхе сморщилась, и голова подсохла, и мозг, какой в голове был, выветрился, дряблый сделался. И стала вобла жить да поживать.

— Как это хорошо, — говорила вяленая вобла, — что со мной эту процедуру проделали! Теперь у меня ни лишних мыслей, ни лишних чувств, ни лишней совести — ничего такого не будет!»

Собравшиеся в Лужниках ликовали, лишняя совесть не мешала. Хихикая, лыбясь, вопя, почесывая молоки и аплодируя, *никто* не думал, какой урок беспредельного цинизма получают граждане России, в том числе молодежь, в том числе дети, школьники, подростки. Они же не глухие, не слепые. Они в школе проходят «демократию», «законность». Но вы им дали важный урок. Вы им сказали, что их учебники — бумага. Что вера — товар.

Прыгали, радовались, рвали за Путина, а других рвало за Медведева. Тех, что верили про свободу лучше несвободы, про «Россию вперед». А теперь-то ее взад. И совершенно очевидно, что можно и взад, и вперед, и сколько хочешь.

Какая Конституция? Где тут народное волеизъявление?.. Огромная страна, 140 миллионов граждан... А вас — двое. Один

инструктировал, другой кивал «будет сделано». И сделал. Добавил два года к президентскому сроку. Для вас старался. Стало шесть, двойной — двенадцать. 12:0 в вашу пользу.

А могли бы добавить десять. Еще не поздно. Дума (твердо зная, для кого) проголосует как миленькая. (Ну, правда же, она миленькая?)

Договорняк — так в спорте называют грязный обман. Болельщики думают: футбол, бокс, а на деле вместо футболистов и боксеров шмыгают деньги. Но есть разница: хоть зрители подозревают, что дело нечисто, но игроки не признаются, соблюдают приличия.

Теперь народу-дураку рассказали, что еще в 2007-м вы решили, кто будет в 2012-м, а олухи все равно пойдут на выборы. Какие выборы? Вы хоть понимаете значение слова «выбор»? Один кандидат и 120 процентов (а в Чечне 140).

Интересно, что чувствуют те, кто верил, что перед ними настоящий? Те, кто агитировали за второй срок, писал либеральные программы, подписывал письма?.. Он их всех сдал одним махом.

За пост премьер-министра? Место ненадежное. То есть пока его занимали вы, Владимир Владимирович, оно было самое надежное, а вся остальная история — другая. Вспомните эту чехарду: Кириенко, Примаков, Степашин, Зубков, Фрадков — независимо от веса и возраста слетали как перышки с линяющего попугая.

На прощание — самое главное. Вы не на двенадцать лет. Вы навсегда. Это не метафора. Можно предположить, что, планируя рокировку, вы смотрели не на опросы общественного мнения, не на политику, не на экономику. Скорее, вы смотрели только на медицинские достижения, на прогресс фармацевтики. За ближайшие двенадцать лет вы — как многие думают, могущественнейший* человек планеты — купите себе вечность (личное бессмертие). И вопрос о выборах и преемниках отвалится сам собой, как гнилая штукатурка.

* В рукописи было «богачейший».

30 сентября 2011, «МК»

ВЕЧНОСТЬ

Зачем деньги?

Говорят, будто Путин — самый богатый человек на Земле. Зачем одному человеку сто миллиардов долларов? Что он собрался купить? И почему он не тратит ни гроша на благотворительность? Может быть, потому что не думает о душе.

Душа? В нее верят не все. Загробная жизнь? Это для бедных и несчастных. А счастливому и богатому туда зачем? И султан нанимает врачей и алхимиков, требует, чтоб продлили ему жизнь, потом умирает (иногда успев их казнить).

Думать о душе — это, в некотором смысле, думать о смерти, о том, *что* будет потом (если будет). Думать о душе — значит, иметь ее. Не у каждого есть. Скажем, была маленькая, цеплялась как заусенец, продал, чтоб не мешала.

Человек, много раз стоя со свечкой, слышал, что “легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем богатому в царство небесное”. А если он туда не собирается? Не собирается умирать.

Зачем быть самым богатым на планете? Чтобы не было соперников на аукционе. Там кто больше заплатит — тот и победил.

Если это бриллиант, или картина, или яйцо Фаберже — проигрыш пустяк. Есть другие яйца. Но есть нечто, чего нет ни у кого. И не было ни у кого никогда. Бессмертие.

Ученые сейчас (впервые в истории) подошли вплотную к проблеме бессмертия. Вот-вот решат (может, вчера уже решили). Но первая таблетка будет стоить невероятно дорого, а уж потом, когда начнется массовое производство...

Оно не начнется.

Первую таблетку купит самый богатый. А зачем ему товарищи по бессмертию, зачем ему конкуренты?

Глупое стремление к сотням миллиардов долларов — на деле разумный способ первым купить бессмертие. Это будет (а может, уже идет) аукцион триллионеров. И первый — наш. И купит. И никому больше не даст. И изобретателей убьет. (Как царь Иван Васильевич убил зодчих, чтобы никому такой красивой церкви не построили.)

А что потом? Сократит человечество до обслуги (повара, огородники, юные тёлки). Лишние миллиарды людей засоряют собой улицы и пляжи, мешают проезду, портят воду.

...Жил-был некий Кай. А может, Каин. А может, Кайн (*kein* — по-немецки отрицательная частица “не”; сама ничего не значит, но уничтожает всё, к чему присоседится).

Умом не блистал, любил высмеивать чистые чувства, издевался над стариками, даже над собственной бабушкой, легко расстался с любящими, охотно сел в чужие сани. Это были сани Снежной королевы, она завезла Кая к себе во дворец. В глаз ему сызмала попал осколок дьявольского зеркала. А во дворце и сердце стало куском льда. Да и у всякого станет. Так утверждает Андерсен, можете проверить:

«Кай складывал разные фигуры из льдин, и это называлось “ледяной игрой разума”. В его глазах эти фигуры были чудом искусства, а складывание их — занятием первой важности. Это происходило оттого, что в глазу у него сидел осколок волшебного зеркала! Он складывал из льдин и целые слова, но никак не мог сложить того, что ему особенно хотелось, — слово “вечность”. Снежная королева сказала ему: “Если ты сложишь это слово, ты будешь сам себе господин, и я подарю тебе весь свет и пару новых коньков”». Впрочем, возможно, переводчик ошибся и Снежная королева обещала Каю весь свет и новые горные лыжи.

Зачем бессмертие?

Человек, получивший бессмертие, будет, конечно, вести себя иначе, чем все десятки миллиардов людей, живших прежде. Если этому человеку смерть уже не грозит (следовательно, и Божий суд не грозит), то чем он будет руководствоваться? Совестью? А если у него ее нету — что тогда?

Если этот *первый* жесток и бесчеловечен (сомневаться в этом нет оснований), то, когда умрут все старики и все его сверстники, — возникнет решающий разрыв. Он по возрасту отделится от всего человечества.

Всем будет от нуля до восьмидесяти, а ему — двести, триста... Новенькие дети будут рождаться в мир, где есть солнце, небо и — он. И правила, им установленные, будут осознаваться как вечная истина. Небо — над головой, земля — под ногами, власть — у него.

Такое воспитание подданных вполне возможно. Это сделано в Северной Корее, это было у Сталина, у Мао... Им просто не хватило времени (не хватило жизни), чтобы все население родилось при них.

Оставим в стороне вопрос: когда ему надоест? Через тысячу лет? Или через десять? Или никогда?

Первое и *главное* качество бога — бессмертие. Постоянный и неотъемлемый эпитет Зевса, Аполлона и пр. — *бессмертные*.

Земные боги, обладая поистине нечеловеческим могуществом и жестокостью, радикально (смертельно) отличаются от небесных сроком годности. У тех — вечность, у земных — несколько лет (иногда — дней).

Человек всегда мечтал избежать смерти, мечтал об эликсире жизни, эликсире бессмертия (в сказках — живая вода). Найти источник в горах, в пещерах или создать наукой или колдовством.

Человек создал бесчисленные яды; то есть способы смерти, которая и так есть. А бессмертия нет, эликсир до сих пор никак не получался.

Властители изобрели бесчисленные жуткие муки — кол, котел, костер, дыба... И — ни одного способа сделать человека

счастливым. (Способ быть счастливым — единственный; дан без усилий и просьб: любовь — к женщине, ребенку, работе...)

Мучения и так есть: болезни, голод, увечья, несчастья... Но владыки изобретали пытки, казни... Невероятная изобретательность! Огромные усилия. И ни одного изобретения для радости. А ведь правильное изобретение должно делать человека лучше, добрее. И не временно добрее (как водка) с последующим неизбежным ухудшением.

Мальчик девяти лет недавно задал вопрос: «А зачем владыкам делать людей счастливыми?» То есть сама идея, что владыка поставит себе такую цель, кажется ребенку бредовой. Но если подумать...

Любящие подданные выгодны: они славят от души (не надо свозить автобусами, подтасовывать выборы); не надо охраны; не надо тайной полиции; нет оппозиции — все силы и ресурсы можно направить на благо, на развитие.

Это так просто и ясно, что их вечную ставку на насилие можно объяснить только одним: природа властителей *такая*. Рыба не может дышать воздухом.

Количество и качество пыток и мук (в том числе нравственных) доказывает, что у власти веками стоят мучители.

Даже для себя они ничего счастливого не изобрели. Еда? плавание? фрикции? — это доступно любому здоровому. Радость и счастье может дать творчество («ай да сукин сын!» — это вопль восторга). Радость и счастье могут дать познание, открытие, вера... Но этого не купишь, не отнимешь.

Создавать они не умеют, не могут. Для науки и творчества нет таланта, для молитвы нет времени. (Грозный молился урывками, пока кровь замывали.)

Владыки и богачи стоят со свечками в первом ряду, но Христианство создано не политиками, менеджерами, богатыми, генералами... Творцы религии, покорившей мир, — нищие, добрые, милосердные, альтруисты.

Потом, когда христианство стало силой, эту силу присвоили богачи и политики. Сделали своим инструментом.

Создатели — художники, изобретатели, таланты духа — работают, чтобы создать, понять...

Художник производит с целью выразить мир, чувства, дать радость, смысл, смех, слезы, сочувствие.

Политики — таланты эгоизма, жадности — ищут, что захватить; оглядываются вокруг: картину, озеро, девушку, пещеру, еду.

Творец занят работой, делец — захватом.

Если делец производит, то для своей *выгоды*, в ущерб людям (оружие, сникерсы, фанту, порно и пошлость). Он производит низменное с целью продать, а на эти деньги купить еще островов, лесов, яхт, баб.

В чьих руках управление? Жестоких, жадных, душевно глухих и слепых. Сталины и гитлеры гораздо чаще у власти, чем добрые и милосердные.

Сталин, Гитлер, Мао, Кастро, Буш, Туркменбаши, людоед Бокасса... В Европе приличия и т.п. мешают бешенству моральных уродов, но и там Берлускони, Саакашвили, наши... Жестокий самовлюбленный властитель — человеческая вечная норма. В Европе им редко теперь удастся прорваться и разгуляться, гражданское общество научилось не подпускать таких к власти. Но в рабских обществах они свободны в своих низких страстях. Всегда низких.

Говорят, сначала было только добро. Зла не было. Утверждается, что и смерти не было. Она вошла в мир после (и по причине) грехопадения.

Добро создает, зло разрушает. Добро создает книги, картины, симфонии, дома, дворцы — застроило всю планету. А зло разрушало. Сила его росла. Сначала зло с трудом могло разрушить один дом. Теперь оно может за секунду разрушить целый город. Мощностъ зла в какой-то момент обогнала добро. И ясно, что добром это кончиться не может. У подданных нет защиты от зла.

Спасение человечества было в том, что зло смертно. Дома, картины (творения создателей) оставались, даже когда создатели умирали. А зло действует, только пока жив злодей. Он умирает, и его злодейство кончается. Мысль о том, что злодей может стать бессмертным, очень неприятна. Но мысль такая всегда была. Кошей Бессмертный. В сказках случайностей не бывает.

Интересная идея: смерть Кощея *вне* его. То есть где-то спрятан пульт управления. Сегодня это реально, но откуда такое в древнем фольклоре? И непонятно, как мог возникнуть в первобытных умах дракон. Три головы: исполнительная, законодательная, судебная. Но желудок — один, и лапки общие. Сам судит, сам казнит, а нас приглашают на круглый стол — мол, эта ветвь власти нуждается в улучшении. Мол, если на левой лапке сделать маникюр, то зверек станет травоядным. Умные люди сидят, рассуждают, даже не понимая, что они на круглом столе добровольное наивное харчо.

Невежественные правители, душевно тупые, садисты находят удовлетворение в глумлении. Унижая других, унижая талант, бездарь возвышается в собственных глазах.

Это *направление* отражено в языке. Вниз — унижить, опустить — убить, закопать. Вверх — возвыситься — стать богом.

Палач стоит на горе трупов — он на вершине. «Достиг высшей власти» (божеской!) — все внизу, всех топчу.

Эти уроды портят воздух. Буквально. Они испортили воздух всей планеты атомными бомбами, химическим оружием, *производством вредного* (наркотиков, чипсов). Они производят, зная, что это вредно людям, зато полезно их карману.

Думать стало невозможно, ибо человек продал одиночество за псевдообщение (телефон, *sms*, ТВ, интернет). Одиночество — это настоящее общение с душой и Богом. А с людьми — почти всегда — или ссоры, или о еде, или о футболе.

Девяносто миллионов долларов за футболиста, который не производит ничего, и один миллион за нобелевское открытие. Планета кретинов? Нет, планета гениев, власть на которой в руках кретинов. Пока гений сочиняет, изобретает, кретин хватает. И скоро станет бессмертным и угробит планету, погибнув, как раковая опухоль, сжирающая собственного кормильца (будь он трижды гениален).

Если прав Святослав Федоров (глазник), к которому присоединяется (с вежливыми оговорками) академик Вячеслав Иванов, — четыре процента человечества *разумно* (в истинном смысле, то есть светлом). Остальные... Стадо? В этом нет обиды. Мы идем за проводником в горах, за экскурсоводом в му-

зее — они *знают*, надо их слушать и слушаться. И летчик, и машинист... В самолете и поезде мы — стадо, это не унижает. Ну а в жизни?

Для Бога все — стадо; это Его слова: паси овец моих («паси», а не убивай). Есть святые мудрецы — вот за кем надо идти.

Но во главе страны жестокие и лживые. И они нас ведут в светлое будущее? Этого не может быть. На бойню. Ибо для них мы не люди, а бараны. Надо пасти, а они режут. Называют: естественный ход вещей.

Разве хорошие руководят планетой? Разве ученые, учителя, врачи? Нет, во главе государств совсем другие личности.

Наивным школьникам внушали, будто только в первобытном обществе вожди — жестокая сила. Но история не оставляет иллюзий: Атилла, Чингисхан, императоры, гитлеры, пол-поты, буши. Учебник перечисляет войны, вторжения, число трупов. А ради чего сорок тысяч войн? Веками римляне гибли на фронтах, гладиаторы — на аренах, завоевали весь тогдашний мир, а глядишь на карту: от этой великой империи, — под которой была вся Европа, включая Англию, вся Северная Африка, весь Ближний Восток, — остался сапожок.

Политики ухитряются поносить КНДР за атомную бомбу, за ядерные испытания и — продолжают восхищаться мудростью США и СССР-РФ (которые постоянно подписывают какие-то договоры о сокращении ядерного оружия), хотя они отравили планету в тысячи раз сильнее, чем Корея. Да и Корея и все другие делают ядерное оружие с нашей помощью.

Тысячи лет владыки убивали только современников, своих и чужих подданных. Сегодняшние владыки убивают и будущих людей. У нашего молодняка и у всех собирающихся родиться никогда не будет настоящей воды и воздуха. Потому что владыки планеты отравили ее навсегда. А души детей пожалели что ли?

Интернет и телевидение — это Единство бизнеса и творчества (ЕБИТ), единица измерения его влияния — одна ЕБИТ-ская сила. И вот со всей этой силой оно лупит день и ночь по старым и малым.

Сегодняшнее поведение («развитие») определяет будущее: растут физические подобию людей, но в голове у них нечто новое, в основном стрелялки.

Дети жили в мире сказок, идей, веры в Бога (богов). Теперь некоторые слова сохранились, но морали просто нет. Включите ТВ и убедитесь, *что* внедряется: деньги, сила, жестокость, извращения.

Цинизм существовал всегда. Но циниками становились *взрослые*, пресытившиеся, разочарованные. Дети-циники — это была редкость, несчастье развращенных родителей (чаще всего богатых). Впервые в истории цинизм, жестокость и разврат круглосуточно обрушиваются на детей. И они, конечно, растут *иными*.

Их лепят. Лепят пластилин детских душ. Может быть, без злого умысла, может быть, не нарочно. Может быть, это уродование детей — побочный результат деятельности рекламодателей. Их задача — продать, а дальше — хоть трава не расти. Дальше — можете сдохнуть.

Но вполне возможно, что кто-то увидел, оценил и понял перспективу, которую обеспечивает такое перевоспитание, перделка людей.

Философ Клайв Льюис (известный большинству по «Хроникам Нарнии») писал в 1943 году в гениальном трактате «Человек отменяется»:

«Если кто-нибудь и впрямь научится лепить своих потомков по своему вкусу, все последующие поколения будут слабее тех, кому выпала такая удача. Почти наверное удачливое поколение будет к тому же отличаться исключительной ненавистью к традиции и постарается уменьшить не только силу своих потомков, но и силу своих предков. (т.е. внушить людям, что все, жившие до, были дураками. — А.М.).

Таким образом, речь может идти об одном столетии (скажем, сотом от Рождества Христова), которому лучше прочих удастся подмять под себя все остальные века и овладеть родом человеческим. Несомненно, в столетии этом или, скорее, поколении такой силой будет обладать не большинство, а меньшинство. Если мечты ученых осуществляются, крохотная часть человечества получит власть над многими миллиардами людей».

Льюис ошибся только в сроке. Он думал об этом в первой половине XX века, когда телевидение только родилось и никто не подозревал, *чем* оно станет. О компьютерах, мобильных, Интернете не имели понятия. А теперь дети рождаются в мир, где все это есть. Они обречены на интернет. И это сделали мы; и стремительно оснащаем школы.

Льюис не учел скорости развития (хочется сказать «скорости развития зла»). Возможно, наблюдая Землю из далекого далека, кто-то скоро скажет о человечестве, о нас: «Не справились с управлением». Обычная фраза гаишника, который смотрит на дымящуюся грудку искореженного металла — переоценили свои возможности, улетели в пропасть.

Зачем смерть?

Мир — не хаос, не свалка случайностей. Всё по законам (тяготения и прочей физики) — звезды, атомы... Зачем мир создан (или возник) — можно догадываться. Зачем спиральные галактики, кольца Сатурна? Для красоты? Больше в них никакого смысла нет. Красота возникла сама? Путем хаотичного движения частиц? Но случайно возникнув, она так же и разрушилась бы — как случайная мозаика в детском калейдоскопе.

Создана? Значит, для нас. Создатель нуждается в зрителе. Кто-то же должен оценить красоту спиральной галактики.

Мы — публика, которая изобретает телескопы и микроскопы как театральный бинокль — чтобы видеть все более прекрасные спектакли.

Мир — театр, люди — зрители, жизнь — понятна. А зачем смерть?

Смерть — иммунная система. Защита от зла.

Инженер, создатель атомной станции, атомной бомбы, баллистической ракеты, ставит «защиту от дурака». Чтобы глупое, случайное, ошибочное нажатие кнопки не привело к катастрофическим последствиям. И еще ставит самоуничтожитель (особенно на военную технику). Чтобы, если изделие полетит не туда, взорвалось с минимальным ущербом для человечества.

Возможно, человеческая смерть — это защита от дурака.

Добро накапливается (здания, знания, книги, симфонии). Зло конечно. Оно разрушает, но злодей смертен. Если бы не смерть, людоеды (Гитлер, Мао, Атилла) убили бы планету.

Злодея тормозит мысль о смерти:

- а) с собой не утащишь богатство;
- б) вдруг *там* действительно спросится.

Страх смерти (и возмездия, ада) тормозит злодея. Сам он остановиться не может.

Получив бессмертие, он, как раковая клетка, сожрет всё и умрет с планетой.

Смерть создала цивилизацию. Человек научился писать, чтобы передать опыт. Будь он бессмертен — зачем? Можно вечно рассказывать у костра.

Смерть создает место молодым изобретателям. Живи вечно мастера копья и лука, они не дали бы возникнуть электричеству. Делай, как я, — вот слова взрослых, слова стариков. Все изобретения сделаны потому, что у *нового* никто не стоял над душой — не мешал изобретать.

Смерть (понимание ее приближения) толкает к благим мыслям, к благотворительности; с собой не унесешь. (Расчет верный. Помним купцов за то, что построили больницы, музеи.)

Смерть — спаситель от диктатуры. Кто бы ни пришел на смену Сталину (Мао и пр.), появляется шанс, что новый будет если не добрее, то хотя бы не столь удачлив в бесчисленных убийствах.

Если так, то уничтожение сначала моральных запретов, а теперь и физической смерти может вполне логично привести к уничтожению человечества (такого, к которому мы привыкли за тысячи лет).

Мысль, что некто собрался стать бессмертным и навечно топтать если не все человечество, то хотя бы свою страну, — мысль эта не обсуждается (хотя сегодня это реальность, а не фантастика). Но даже если план Кощея Бессмертного станет широко известен, он не вызовет протеста в нашей стране.

В пьесе Шварца «Дракон» (и в фильме Захарова) показана важнейшая вещь — уверенность людей, будто ничего нельзя

изменить. Уверенность, что рабство — вечно, а протест — безнадежен и смертельно опасен.

Похоже, Россия проигрывает будущее. Не в войне на Кавказе. Не в битвах за нефть и газ. Не в политических наперстках под названием «выборы». Россия проигрывает, сидя у телевизора. Пока одни взрослые делили, воровали, делали карьеру, копили миллиарды долларов, а другие взрослые тихо роптали, терпели и ужасались, — дети и тех и других сидели у телевизора. И Дракон залез в каждого, даже бедного, даже деревенского. Он влил цинизм, фальшь, жестокость — свои главные качества. А теперь — даже приди Ланцелот — дети не услышат. Наушники, экран и пиво заткнули им уши, глаза и рот.

Государство заботится о детях. Угу, как птицефабрика. Правильное «ку-ка-ре-ку»? чистые перышки? Нет, это бройлеры, оцениваются на вес. Кого интересует, о чем они думают?

Кощею гарантирована покорность. Ему осталось купить таблетку.

P.S. Но не всё так мрачно. На всякого мудреца довольно простоты. И на всякого миллиардера тоже. Есть молния. От нее таблетка не поможет.

Послесловие

Началось когда-то с польской картошки, канадской пшеницы, новозеландского масла... Это до нас в 1960-х дошло уничтожение крестьянства, коллективизация 1920-х.

Потом — заграничная обувь, часы, трусы, телевизоры, мебель, джинсы, холодильники... Это до нас дошла индустриализация 1930-х.

Потом — заграничные автомобили, самолеты, почти все лекарства, медицинское оборудование, детские игрушки, велосипеды, музыкальные инструменты, даже сковородки, даже футболисты.

И вот уже оружие покупаем, корабли, беспилотники, в наших «МиГах» и «Сушках» электроника чужая... Это до нас дошла реформа.

И когда же до нас дойдет, что надо где-нибудь достать себе честного прокурора и умного президента. И тогда все остальное мы сделаем сами.

Эта власть над нами с 1991 года. Ей всего двадцать лет. Молодая Россия! «Я молодой либеральный президент!» — сказал недавно наш президент. А назначил нам либерала офицер КГБ среднего возраста. А офицера КГБ нам назначил пожилой пьющий член Политбюро ЦК КПСС, которого... А вот этого аппаратчика-самодура народ выбрал сам. (Не говорю «мы», так как ни разу ни за одного президента не голосовал.)

Если Путин придет в 2012-м на двенадцать лет — до 2024-го — то выйдет тридцать три года власти трех президентов RU.

Сколько за время их правления уже умерло? Сколько умрет?

Нам все время говорят, на сколько сократилось население. Это арифметика: умершие — минус; родившиеся и приехавшие — плюс. Но мы о другом. О человечках, которые не дожили до человеческой жизни, до человеческой власти.

Вот российская статистика смертей.

1991 год — 1 690 600

1992 год — 1 807 400

1993 год — 2 129 300

1994 год — 2 301 300

1995 год — 2 203 800

1996 год — 2 082 200

1997 год — 2 015 700

1998 год — 1 988 700

1999 год — 2 144 300

2000 год — 2 225 300

2001 год — 2 254 900

2002 год — 2 332 300

2003 год — 2 365 800

2004 год — 2 295 400

2005 год — 2 303 900

2006 год — 2 166 700

2007 год — 2 080 400

2008 год — 2 075 900

2009 год — 2 010 500

2010 год — 2 028 500

Итого с 1991 по 2010-й 42 502 900. *Для них власть Ельцина — Путина — Медведева оказалась пожизненной. А за что? А ни за что. Попали под колесо истории.*

Для всех (почти), кому в 1991-м — в год невероятного энтузиазма — было около пятидесяти: *пожизненно.*

Не значит, что при других правителях они прожили бы намного дольше. Люди умирают везде. Но вот вопрос: чувствовали они себя в конце жизни счастливыми или обманутыми? Ушли, веря в счастливую жизнь детей и внуков или в горькой тревоге за них?

Еще несколько миллионов уехали. И вот вопрос: чувствовали они под конец жизни, что поступили правильно, или жалели об этом?

В 2010-м умерло на триста сорок тысяч больше, чем в 1991-м. Посмотрите: все эти годы умирают больше, чем в 1991-м. А ведь нас становится меньше. Значит, и смертей должно быть все меньше. Но увы.

Если в 2012-м нынешняя власть продлит себя еще на двенадцать лет, то за это время *при такой скорости умрет еще примерно 22 миллиона. Итого: 64 миллиона.*

Эта власть не только развалила промышленность, уничтожила образование, не только украла деньги. У тех, кому она досталась пожизненно, она украла надежду; они умирали, чувствуя себя обманутыми. А у детей, которые рождались за годы их власти и рождаются сейчас, — они украли душу. Эти *новые обворованные* даже не чувствуют, что их обманули. Нечем чувствовать.

Где-нибудь когда-нибудь будет урок истории. Учительница скажет:

— Дети! За эти годы было в России три президента: Ельцин, Путин, Медведев. Правда же, дети, они очень разные?

Пойдите в зоопарк. Старый волк, молодой енот, лисичка — с точки зрения ученого-зоолога они такие разные! ...С точки зрения зайчика (которого едят живьем) не так уж важно: молодой волк или старый, и какого пола едок, и неважно даже, волк это или лисичка-сестричка.

Тут и сказочке конец. Ну, и зайчику заодно.

БОНУС!

КАК ЖАЛЬ, ЧТО ДЕТИ, ВЫРАСТАЯ, СТАНОВЯТСЯ ЛЮДЬМИ

Книжка мрачная: ничего не поделаешь — это наша история. Но грех унывать, жизнь продолжается! Всем, кто дочитал до конца, предлагается Гулящая Коза — текст 1997 года.

Младший сын родился, когда мне было пятьдесят.

Я был очень занят, работал непрерывно, времени не было совсем. В России происходило безобразное историческое событие: выборы президента-1996. И вот за три месяца до голосования появился *он*, ребенок. Записал, протянул ручки, и с тех пор точка отсчета изменилась совершенно.

Не успел я оглянуться, как он меня сцапал. Огромный мир политики, работы, важных встреч, мир, который держал меня, не давая продыху, годами без отпуска, — этот мир оказался слабее, чем он.

Он стал важнее всех.

К моему изумлению, искупать его стало важнее, чем сходить на премьеру в замечательный театр. Побаяковать — важнее, чем посмотреть «новости». Мир отвалился на обочину, а по главной дороге ехала теперь коляска, и все встречные были крайне нежелательны, ибо могли разбудить.

Скоро стало ясно, почему он сильнее остального мира. В пеленках копошился могучий и неустанный излучатель любви.

Через год на дворе была весна 1997-го, Сашка был уже ходячий, но еще почти не говорящий. И я похвастался другу, как

я открываю ребенку мир — гуляю с ним, держа его за руку, и все ему показываю: вот сосна, вот небо, вот облако, вот луна (ее и днем иногда видно).

Умный друг дождался паузы и сказал:

— Это не ты ему показываешь. Это он тебе показывает.

Я так и ахнул — точно! Уже бог знает сколько лет я не смотрел на сосны, облака, луну — я все бежал по делам, а если взглядывал на небо, то лишь затем, чтобы понять: брать ли зонтик.

Конечно, это он мне показывает. Он вернул меня ко всему этому, открыл глаза.

А потом я понял, что этот процесс обеспечен и физически.

Рядом с тобой идет, держась за твою руку, человек ростом тебе по колено. И ты смотришь на него — вниз. А он постоянно смотрит на тебя — вверх. Для него там, в небе, лицо отца.

Ну и невольно следишь за его взглядом, поднимаешь глаза к небу.

КОЗА ГУЛЯЕТ

Маленький человек (нет и двух) устал ужасно. Прожит огромный день — ветер, снег, собаки, санки, фонари. Глаза у Сашонка слипаются, ноги заплетаются. Кажется, выключи свет — и он заснет мгновенно.

Купаю, засовываю в пижаму, укладываю, гашу свет.

— *Спи, Сашка, храни тебя Бог.*

— *Бог,* — тихонько повторяет он в той же тональности. Что он имеет в виду — не знаю. Похоже на пароль и отзыв. Ритуал.

За дверью тишина. Но не обольщаюсь — за работу не сажусь, новости не включаю. Не пройдет и пяти минут, как из темноты прозвучит бодрый голос:

— Папа!

— Что?

— Молока и песенку!

Заказ совершенно кабацкий, залихватский. Все равно как «Двести грамм и соленый огурец!». По голосу слышно, что сна у парня — ни в одном глазу.

Приношу бутылку, сую куда-то в темноту. Оттуда уже протянуты маленькие теплые ручки. Он забирает бутылку и предусмотрительно осведомляется:

— Тепло?

— Теплое, не волнуйся.

— Не горяче? — второе «е» на конце прилагательных он считает лишним.

— Нет, не горячее. Пей.

Слышен мощный всасывающий хлюп, потом в бутылку пробулькивает воздух, и парень командует:

— Баю-бай!

Непонятно, как можно так четко говорить с соской во рту. «Баю-баюшки-баю», — начинаю я, но он перебивает:

— Другую!

— Какую?

— Пулю!

В первый раз я взял его на руки баюкать — ему не было и недели. Главная мысль была: не уронить (не дай бог). Вторая — пристроить его поудобнее. И невероятно интересно было разглядывать его лицо — все с ладошку. Глаза, губы, носик... Вдруг я услышал:

Помнят псы-атаманы,
Помнят польские паны
Конармейские наши клинки!

Господи! Оказывается, это я пою. Оказывается, я его баюкаю под песню Гражданской войны: *«По военной дороге / шел в борьбе и тревоге / боевой восемнадцатый год...»*

С интересом я слушал, как эта песня спелась с начала до конца, неизвестно откуда выплывая.

...Знаю откуда. Дед меня баюкал, носил на руках, пел. Выходит, это «запись» конца сороковых. Что же за устройство такое? — ни черта не помню, важнейшие дела забываю, а дедовская колыбельная уцелела. К слову, дед был старше меня на сорок четыре, а я старше Сашки на пятьдесят.

По военной дороге 1918 года мы с Сашонком пылили месяца два-три. Песня пелась уже автоматически, под чмоканье публики и зверскую зевоту исполнителя. При этом я мог свободно думать о чем угодно — о работе то есть. Мысленно сочиняешь заметку, а песня — совершенно утратив мелодию

и смысл — плывет на автопилоте, давно уже съехав с марша в колею колыбельной. В очередной раз дождавшись финальной клятвы:

По курганам знакомым
За любимым наркомом
Мы коней боевых поведем! —

мысленно отмечаю конец очередного круга, где финишная черта «...поведем!» незаметно превращается в стартовую — «По военной дороге...»

Наматываешь кругов пять-семь и стараешься разглядеть в почти полной темноте — закрылись ли глазки...

...Ему было год и три, когда я вдруг затянул *«Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить! С нашим атаманом не приходится тужить»*.

Под эту махновщину тоже оказалось очень удобно: ему — спать, мне — толкать коляску и думать.

...Потом была черная разлука.

...Потом была встреча. И в первый вечер я запел ему на всякий случай «Баю-баюшки-баю». Вдруг, думаю, малый отвык от военных песен, и они его будут не усыплять, а будоражить?

«Баю-баюшки-баю» нам понравилось. Тем более что почти сразу открылась золотая жила:

Баю-баюшки-баю,
Звери спят в ночном лесу.
Баю-баюшки-баю,
Спит медведь в ночном лесу.

Без всяких умственных усилий язык сам подставляет бесконечный ряд: «спит лиса», «волки спят», «ежик спит», «спит олень»... Зверей в этом ночном лесу бесчисленное множество, и все они спят, подавая хороший пример.

А еще птички спят в ночном саду, и рыбки спят в ночном пруду... (Иногда замечаешь, что язык заплелся, и сойка спит в ночном пруду.)

Но скоро оказалось, что эта классическая колыбельная (баю-бай) усыпляет гораздо медленнее, чем безумные и для слушателя бессмысленные белые кости, тлеющие на Дону и в Замостье.

Медведь, лиса, волки, мыши — понятно кто. У них понятное занятие — крепко спать в ночном лесу. И колыбельная не выполняет своего назначения, потому что ему хочется узнать, кто еще в этом ночном лесу живет. А сверкающие штывки вовсе не будоражат, потому что ничего не значат. Просто ритмичное бормотание, «взрослый лепет».

Естественно, я пытался прервать бесконечное перечисление спящих животных. Но Сашонок немедленно научился торговаться как цыган.

После того как все медведи, и волки, и жабы, и тигры, и даже кони по пять раз выпалились, я делаю попытку смяться:

— Все, Сашка, спи.

Но почти уснувший младенец вскрикивает отчаянно и жалобно:

— Баю-бай!

— Нет, я тебе уже сто раз спел.

— Баю-бай! — и сквозь слезы: — манькую! (Короткую, значит.)

— Ну ладно, маленькую. — И я начинаю: — Баю-баюшки...

— Папа, сядь!

Хитроумная малявка знает, что стоящий папа может внезапно ускользнуть. Смешно, что, уткнувшись носом в матрасик и задрвав попку (он лет до трех спал на четвереньках), Сашка по звуку определяет, что я коварно пытаюсь петь стоя. Сажусь.

— Баю-баюшки-баю...

— Большую!

— Сашка, мы же договорились: маленькую.

— Большую! — басом. «Большую» и «много» он всегда говорит громко, басом. А «маленькую» и «чуть-чуть» — тихо и пискливо. И чем мельче предмет, тем пискливее о нем говорится. Крошки хлеба — вообще ультразвук.

— Ладно, большую. Но последнюю. Хорошо?

Опять весь животный мир засыпает в ночных лесах, садах, прудах.

- Все, спи.
- Баю-бай!
- Ну мы же договорились — последнюю. Я спел.
- Маленькую! — в жалобном голосе намек на близкое ры-

дание.

И все по новой. С договоренностями он считается не больше чеченца.

Репертуар потихонечку рос, а Сашка учился заказывать.

После того как папа пойман, усажен и затягивает «Баю-баюшки», голос из темноты строго перебивает:

— Другую! — Тон безапелляционный, приказывающий.

— Эх, дороги, пыль да туман... — начинаю я. Если не перебьет на первой же строчке — значит, я угадал.

Какое-то время было так: есть «Баю-бай» и «другую». А какую другую — выяснялось методом проб и ошибок.

Потом начались сложности.

— Баю-баюшки...

— Другую!

— Какую?

— Пулю!

— А первая пуля, а первая пуля...

— Другую!

— Сашка, ты же просишь «пулю», я и пою.

— Другую.

Я задумался. Он в этих случаях никогда не торопит, молча ждет, чувствует, как я стараюсь.

— Эх, дороги, пыль да туман... Эту?

— Да.

Оказывается, он где-то в середине новой песни отметил знакомое (хоть и совершенно непонятное ему) слово.

Вьется пыль под сапогами
Степями, полями,
А кругом бушует пламя
Да пули свистят...

С этими пулями вышла морока. Бывало, только с четвертого-пятого захода попадал я на желательную ему песню. Оказалось,

к некоторому моему ужасу, что все песни, которые из меня (из ниоткуда) стали вылезать, набиты пулями. И «Каховка» («Гремела атака, и пули звенели...»), и «Эх, дороги», и...

Песни Деда (для меня, маленького, это было имя — поэтому с большой буквы). Они всплыли, проявились. Некоторые сразу, целиком. Некоторые — постепенно, от частого употребления. Как переводная картинка: трешь, трешь — тусклая бумажка становится тоньше, потом сползает, открывая чистую, яркую... Таких волшебных бумажек давно уже нет.

Когда внезапно запелась «Каховка», то совершенно неожиданно обнаружилось, что именно в этой песне знаменитый бронепоезд стоит на запасном пути. Недели две пел я «Там вдали за рекой загорались огни». Эту песню он долго заказывал как «Новую!» (новую). Однажды слышу: бормочет что-то неразборчивое. Переспрашивал, переспрашивал, с пятого раза разобрал: «Зарекойза». Эта зарекойза меня поразила: какой же он еще маленький. Я-то думал, что хотя бы «за рекой загорались» ему понятно.

— Баю-баюшки-баю...

— Другую!

— Какую?

— Эх!

— Эх, дороги, пыль да туман...

— Другую!

Чего только я не перепробовал, никак не мог попасть. Что ни начну — в ответ: «Другую!» Долго маялся, мысленно пропевая одну за другой. (А вслух нельзя, нежелательную песню он петь не позволит.) Наконец «эх» нашлось:

Ты, моряк, красивый сам собою...

По морям, по волнам,
нынче здесь, завтра там,

По морям, морям-морям-морям —
Эх! нынче здесь, а завтра там.

Но через неделю он и сам догадался, что так нельзя, и стал заказывать грамотно. Одна теперь называется «Эх, дороги», другая — «Моряк красивый».

Вытираемся после ванны.

— Козу!

— Ты что, в детство впал?

— Козу!

— Ладно, если хочешь... Идет коза рогатая за малыми ребятами...

— Нэт! Песенку козу! (Значит, песенку про козу. Предлоги он часто опускает из экономии. А «нет» у него по-грузински гордое, твердое, через «э».)

— Не знаю я про козу. Скажи хоть слово — о чем там!

— Гуляет коза.

— Нет такой песни.

— Коза гуляет к молодой.

— Что ты плетешь? Старая коза к молодой гуляет? Козел, наверное? Кто тебя этому научил?! Козел гуляет, да?

— Коза. К молодой.

— Господи, Сашка, я понял! — и затягиваю со всем пылом:

По Дону гуляет,

По Дону гуляет,

По Дону гуляет

Казак молодой!

Кто бы знал, как трудно петь сквозь смех!

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

1989

Горбачев — загадка	9
--------------------------	---

1990

Солдаты неудачи, солдаты несвободы	14
--	----

1991

Броня крепка	17
Хлебом не корми — дай сказать	30
Шесть лет творенья	31
Царь Борис	35
АНТиКГБ	39

1992

Временщик и его команды	43
Похоронный марш	47
По курганам знакомым за любимым наркомом	54
Атлантида не всплывет	63
Почем нынче правда-матка	75
Русско-японская война. 1945—1992	77

1993

Бог даст войну	93
Генеральный информатор	105
Продается Министерство безопасности	113

1994

Опять двойка?	129
Блокадная книга	132

Культурка	137
Нынешнее поколение будет жить при бандитизме	140
Солженицын опоздал на самолет	153
Простая система	157
Бросок на юг начался	163

1995

Пир во время Чечни	168
Чем ты помог фронту?	174
Политическая арифметика	188
Государственный каннибализм	201

1996

Детское мясо	209
Выбери президента для себя	215
Сумерки свободы	227
Карательная экспедиция закончена	237
Мемуары Ельцина	241
Мы потеряли геологическую эпоху	265

1997

Царь должен спасти Россию от генерала	266
Княжеский ответ	273
Я люблю, когда тарелки очень большие	276
Кох покинул кресло, чтобы не оказаться на нарах	283
Советских людей увольняют за занятие литературой!.. ..	286

1998

Торжественные выступления Президента РФ... ..	290
Все на выборы! Но не раньше 2012 года	293
Прощай, умытая Россия	299

1999

Мертвая голова	308
Воровство — это отложенное убийство	312
Прощай, XX век! Мы тебя не забудем	315

2000

Технология темной лошадки	322
Дальше — тишина	327
Надо, Гриша, надо	346

Пособие для будущих разговоров на кухне	350
Взрослая неожиданность	355

2001

Краплёная колода	363
Технология свободной любви	374
Центральный наперсток	378
Молодые людоеды	386

2002

Кошелек или жизнь?	400
Прожорливый народ	401
Не древнейшая	403
Государственная Дума совершила государственный переворот	416
Голосуй — не голосуй...	420
Спасены или убиты?	423
Левые доходы правых	430
Левые доходы правых зависят от курса доллара	435

2003

Голосуй! Не то — по харе!	437
Смерть Сталина	444

2004

Приговор	458
Раковая клетка	461
Разрушение веры	471
Ищи-свищи	481
Признание президента	486
Спаси и сохрани	491

2005

Рабы на обочине	501
Русские уходят	505
Хлебнём для ясности	515
Хлебнём для ясности. <i>Окончание</i>	520

2006

Убийственный народ	521
Ху из мистер Путин?	524

Хоть святых выноси530
Гулливер в стране лилипутинцев534

2007

Дух542
Припадок невинности547
Подсудимый, встаньте!549
Носильщик власти553

2008

Дворец типа сортир561
Остановите рост ВВП569
Смерть в одиночку575
На мосту стоит прохожий на преемника похожий582
Кризис морали584

2009

Разгромный счет587
-----------------------	------

2010

Восставшие из сортира592
-----------------------------	------

2011

Защита детей с особым цинизмом598
Адресат выбыл603
Подвиг разведчика608
Вечность612

Послесловие623
-------------------	------

БОНУС!

Как жаль, что дети, вырастая, становятся людьми626
Коза гуляет628

Литературно-художественное издание

Минкин Александр Викторович

ПРЕЗИДЕНТЫ RU

Заведующая редакцией *Е.Д.Шубина*

Редактор *А.С.Шлыкова*

Корректоры *Н.П.Власенко, М.И.Уланова*

Технический редактор *М.И.Байкова*

Компьютерная верстка *Н.Н.Пуненковой*

ООО «Издательство Астрель»

129085, г. Москва, проезд Ольминского, д. 3а

Издание осуществлено при техническом содействии

ООО «Издательство АСТ»

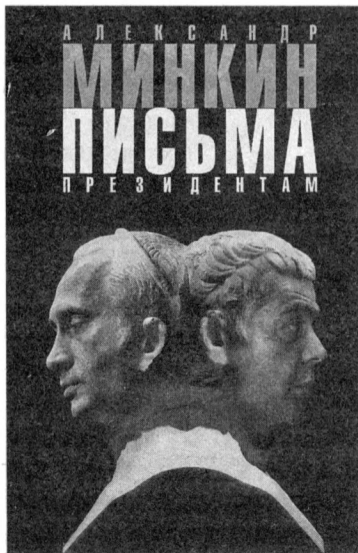
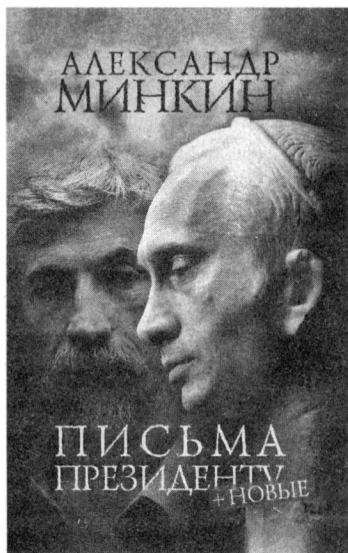
Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Издательская группа АСТ представляет:

АЛЕКСАНДР МИНКИН

Журналист, политический обозреватель
«Московского Комсомольца»,
бессменный автор «Писем президенту»

ПИСЬМА ПРЕЗИДЕНТУ ПИСЬМА ПРЕЗИДЕНТАМ

Вот уже почти десять лет Александр Минкин жестко говорит о наших проблемах прямо в глаза верховной власти — с тем юмором, который так нравится читателям и так не нравится адресатам...

АЛЕКСАНДР МИНКИН президенты ru

1990–2011.

Прошел 21 год (очко). Кончилось второе тысячелетие, началось третье.

В эти роковые годы рухнул Советский Союз; теперь у нас Россия.

Две Чеченские войны, дефолт, теракты, в Москве танки били по парламенту, появились десятки миллиардеров...

Птица-тройка, куда ж несешься ты? дай ответ.

Александр Минкин писал о событиях в тот момент, когда они происходили.

А иногда и **до**. Книга возникла из этой работы, теперь это — **учебник истории**.

Если из слов «учебник истории» убрать букву «б», получится **ученик истории**.

Летописец? Или предсказатель? Слишком многое сбылось...

...Тройка по истории России — Ельцин, Путин, Медведев.

президенты ru

АЛЕКСАНДР МИНКИН

АЛЕКСАНДР МИНКИН президенты ru

ученик истории

Выборы-экзамен
а мы прогуляем уроки истории

www.ast.ru
www.elkniga.ru

ISBN 978-5-271-37350-3

9 785271 373503